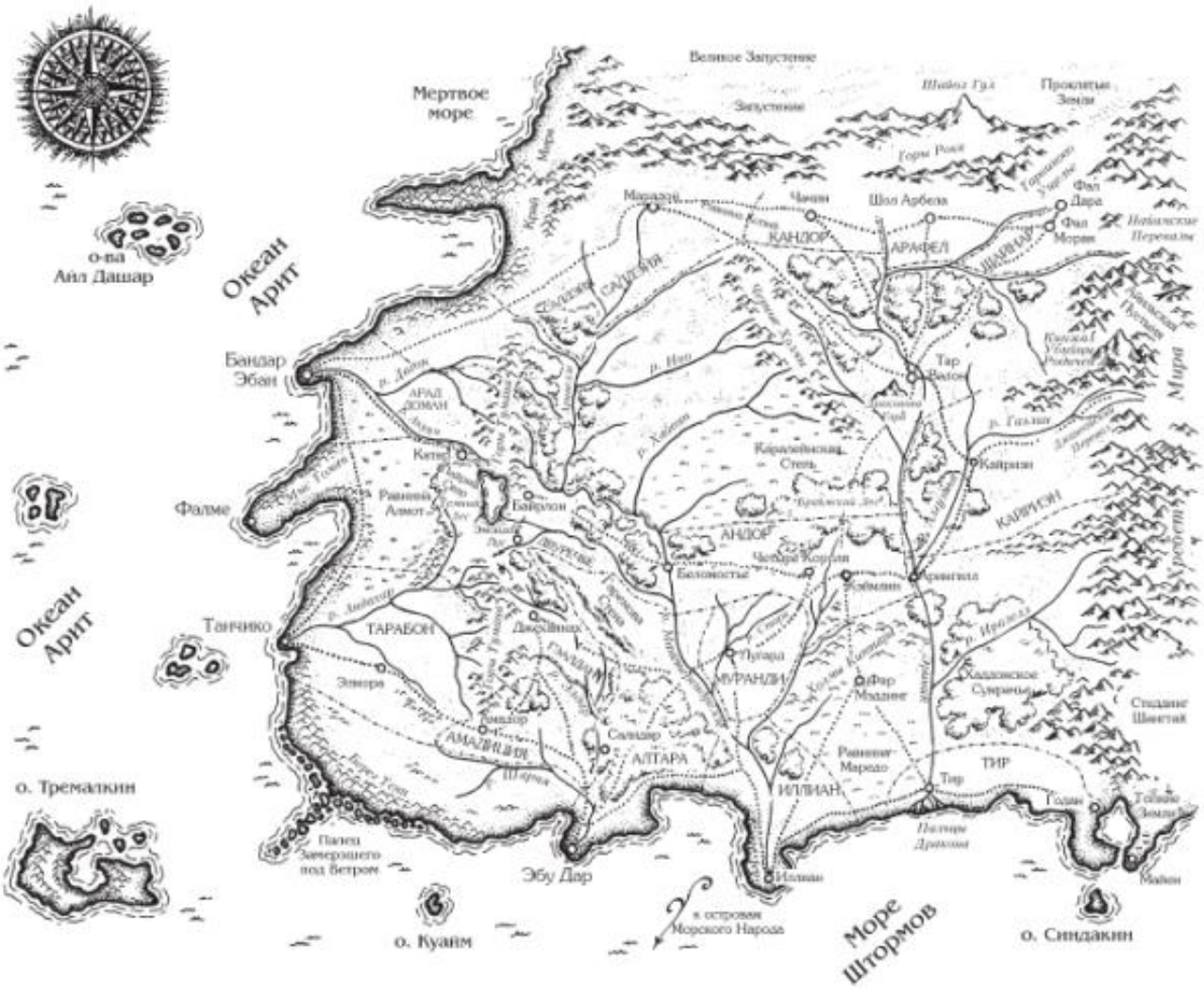
Роберт Джордан

Сердце Зимы

Слабеют печати, что
сдерживают ночь, и в глухую
пору зимы родится сердце
зимы, средь воя жалобного и в
скрежете зубовном, ибо сердце
зимы оседлает черного коня, и
имя ему – Смерть.

Из Кариатонского цикла «Пророчества о Драконе»

Всегда – Харриет.
Всегда


Мертвое море
Великое Запустение
Запустение
Проклятые Земли
Шайол Гул
Горы Рога
Горы Ожерелья
Фал Дара
Фал Морин
Нейланские Перевалы
Мазанзе
Чанин
Шол Арбела
КАНДОР
АРАФЕЛ
ШАЙЛАР
Океан Арит
о-ва Айл Дашар
Бандар Эбан
р. Дилан
АРАД ДОМАН
Кит
Равнина Алмот
Фалме
Байолон
р. Ило
р. Хайлан
Каролевская Степь
Тар Валон
Кайриэн
р. Гиллан
КАЙРИЭН
Пустоши Мира
АНДОР
Беловолосые
Четыре Короля
Комелин
Аринголл
Океан Арит
Танчико
ТАРАБОН
Джеровин
р. Алгинил
Пуэрта
р. Иренгил
Элиндер
Салидар
АЛТАРА
ИЛЛИАН
Фар Мадаре
Равнина Мерадо
Хаддонское Сумерье
Спадение Шиенгай
ТИР
Тар
Голдан
Пустоши Дремлона
Земли
Майен
о. Тремалкин
Палец Замерзшего под ветром
Эбу Дар
Иллиан
к островам Морского Народа
Море Штормов
о. Куаним
о. Синдакин

ПРОЛОГ

Снег

Трепещущий свет трех ламп освещал маленькую комнатку с голыми белыми стенами и потолком, а Сине не отрывала взгляда от тяжелой деревянной двери. Она понимала, что для Восседающей от Белых ведет себя непоследовательно, да и просто глупо. Плетение *саидар*, которым Сине заплела косяк, доносило до нее шорохи случайных шагов в лабиринте далеких переходов, шорохи, затихавшие, едва их успевал уловить слух. Простенький прием, которому она научилась у подруги в давние дни послушничества, но благодаря ему узнать о чьем-то появлении можно было задолго до того, как этот кто-то приблизится к двери. Впрочем, на второй подвальный этаж Башни мало кто спускался вообще.

Плетение уловило далекое попискивание крыс. О Свет! Когда в Тар Валоне последний раз видели крыс, да еще в самой Башне? А вдруг какая-то из них вынюхивает-высматривает для Темного? Сине беспокойно облизнула губы. Логика тут ни при чем. Истина. Пусть и нелогичная. Ее так и подмывало рассмеяться. Усилием воли она сдержала истерический приступ. Надо думать о чем-то другом, не о крысах. О чем-то другом… За спиной у нее послышался сдавленный вскрик, перешедший в глухие всхлипы. Ей хотелось заткнуть уши. Сосредоточиться!

Сине и ее товарки собрались в этот раз отчасти по той причине, что главы Айя, судя по всему, втайне встречались. Она сама видела, как Феране Нехаран шепталась в укромном уголке библиотеки с Джесси Билал, которая у Коричневых если и не глава, то стоит очень высоко. Насчет положения Суаны Драганд из Желтых Сине была еще более уверена. И зачем понадобилось Феране прогуливаться с Суаной в малопосещаемых местах Башни, причем обе кутались в простые плащи? Восседающие от различных Айя вели между собой разговоры по-прежнему в открытую, пусть и весьма холодным тоном. Свидетелями же подобных встреч были и другие; они, разумеется, не называли имен глав своих Айя, но двое упомянули Феране. Загадка эта наводила на тревожные размышления. Башня в последнее время превратилась в зыбкое болото, каждая Айя готова вцепиться в горло другой, однако главы их встречаются, таясь по углам. Кто возглавляет каждую Айя, известно только своим, но сами главы, по-видимому, знают друг друга. И что же, интересно, они замышляют? Что? Какое несчастье, что нельзя просто спросить Феране. Даже если та и позволит

обратиться к ней с какими-то вопросами, Сине сама не осмелится спрашивать. Только не сейчас.

Как ни пыталась Сине собраться и сосредоточиться, она не могла перестать об этом думать. Даже понимая, что смотрит сейчас на дверь и бьется над неразрешимой задачей только для того, чтобы не оглядываться. Чтобы не видеть источника сдавленных рыданий и приглушенных стонов.

И, медленно повернув голову, словно сделать это ее заставила мысль о стонах, Сине посмотрела через плечо на своих сообщниц. Дыхание ее участилось. Тар Валон был завален снегом, но здесь, в подземелье, казалось, что в комнате необъяснимо жарко. И она заставила себя *смотреть*.

Саэрин стояла, широко расставив ноги, поглаживая пальцами рукоять заткнутого за пояс кривого алтаранского кинжала. Шаль ее с коричневой бахромой держалась на локтях за спиной. Оливковое лицо потемнело от холодной ярости, и шрам на челюсти превратился в тонкую белую линию. Певара на первый взгляд выглядела поспокойнее, но одной рукой она вцепилась в шитые красным юбки, а сжатый в другой ее руке Клятвенный Жезл – гладкий белый цилиндр в фут длиной – напоминал поднятую для удара дубинку. И ударить она могла вполне: силой Создатель ее не обидел, невзирая на склонность к полноте, а решительностью она могла поделиться и с самой Саэрин.

По другую сторону Покаянного Сиденья стояла хрупкая, невысокая Юкири, крепко обхватив себя руками; от бившей ее дрожи трепыхалась длинная серебристо-серая бахрома ее шали. Юкири, то и дело облизывая губы, бросала озабоченные взгляды на женщину рядом. Дозин с виду походила больше на смазливого паренька, чем на уважаемую Желтую сестру, и, глядя на нее, не сказать было, чем они тут занимаются. На самом деле именно она манипулировала плетениями, уходившими в Сиденье, и потому Дозин не отрывала напряженного взора от *тер'ангриала*. На бледном лбу Желтой блестели бисеринки пота. Все они, собравшиеся в этой комнате, были Восседающими, в том числе и высокая женщина, корчившаяся на Сиденье.

По лицу Талене струился пот, золотистые волосы слиплись, промокшая полотняная ночная сорочка прилипла к телу. Остальная ее одежда кучей валялась в углу. Закрытые веки подрагивали, нескончаемый поток стонов и всхлипываний перемежался невнятными мольбами. Сине стало дурно, но она не могла отвести взора. Ведь Талене ее подруга. Была ее подругой.

Несмотря на свое название, *тер'ангриал* ничем не походил на сиденье – просто большой прямоугольный блок, на вид из серого в белую крапинку мрамора. Из чего он сделан на самом деле,

никто не ведал, твердостью материал не уступал стали – всюду, кроме наклонной верхней грани блока. Изящно сложенная Зеленая сестра немного продавила ее своей тяжестью, и поверхность странным образом принимала формы ее тела, как бы та ни извивалась. Плетения Дозин втекали в единственное отверстие во всем Сиденье – прямоугольную, размером с ладонь дыру на боку, окруженную без видимого порядка мелкими бороздками. Сюда приводили пойманных в Тар Валоне преступников, дабы они испытали на себе Покаянное Сиденье, испытали в соответствии с тяжестью своих преступлений. После освобождения они обычно бежали с острова. В Тар Валоне случалось очень мало преступлений. Сине со странным чувством подумала, для таких ли целей служило Покаянное Сиденье в Эпоху Легенд.

– Что она… видит? – шепотом, сама того не желая, спросила Сине.

Талене наверняка не только видит: для нее все происходит словно на самом деле. Хвала Свету, что у нее нет Стража, хотя для Зеленой это практически неслыханно. Она сама утверждала, что Восседающей Страж ни к чему. Теперь же на ум приходили и другие причины подобного желания.

– Ее, проклятую, бьют кнутами растреклятые троллоки, – хрипло ответила Дозин. В выговоре ее слышался родной кайриэнский акцент, что случалось редко, лишь в минуты крайнего напряжения. – А когда закончат… Она увидит, как в троллочьем котле над костром булькает вода. И смотрящего на нее Мурддраала. Она должна понять: в следующий раз ее ждет именно это. Чтоб мне сгореть, если она сейчас не сломается… – Дозин нетерпеливым движением смахнула со лба пот и прерывисто вздохнула. – Хватит толкать меня под локоть. Я давно уже не занималась подобным делом.

– Выдержать три раза… – пробормотала Юкири. – Самый крепкий из преступников ломается под тяжестью своего прегрешения после второго! А вдруг она ни в чем не виновата? О Свет, это же все равно что воровать овцу на глазах пастуха! – Юкири, даже сотрясаясь от дрожи, сохраняла царственный вид, однако речь ее всегда выдавала в ней простую селянку. – Закон запрещает применять Сиденье на посвященных. Нас всех лишат званий Восседающих! А коли мало покажется выбросить из Совета, так еще и в изгнание отправят. А перед тем и розгами выпорют, чтобы жизнь медом не казалась. Чтоб мне сгореть, если мы ошиблись, нас могут и усмирить!

Сине содрогнулась. Последнего удастся избежать, если их подозрения подтвердятся. Нет, не подозрения – уверенность. Они должны быть правы! Однако Юкири в любом случае говорит вер-

но. Законы Башни требуют неукоснительного исполнения, и нарушение их нельзя оправдать ни необходимостью, ни высшим благом. Но если они правы, стоит заплатить даже и такую цену. Да ниспошлет Свет, чтоб они оказались правы!

– Ты что, оглохла или ослепла? – накинулась на Юкири Певара, потрясая Клятвенным Жезлом. – Она вновь отказалась дать клятву не говорить ни слова лжи. И дело вовсе не в глупой гордости, которой так кичится Зеленая Айя! Мы-то все через это прошли! Когда я отгородила ее щитом, она пыталась ткнуть меня ножом! И это свидетельствует о ее невиновности? Да? Что она вообще знала? Все, что она могла предположить – это что мы станем кричать на нее, осыпать упреками, покуда у нас языки не отсохнут! С чего бы ей ожидать большего?

– Спасибо вам обеим, – сухо обронила Саэрин, – за констатацию очевидного. Юкири, отступать уже поздно, так что лучше мы пойдем дальше. А будь я на твоем месте, Певара, то не орала бы на одну из всего-то четырех женщин в Башне, кому можешь доверять.

Юкири зарделась и одернула шаль, а Певара слегка смутилась. Но всего лишь слегка. Все они здесь Восседающие, однако руководство на себя явно взяла Саэрин. Сине не знала, как к этому относиться. Всего несколько часов назад они с Певарой были добрыми подругами, взявшимися вдвоем за опасные поиски, принимавшими все решения вдвоем; теперь же у них есть союзники. Надо бы испытывать чувство благодарности, что их стало больше. Однако сейчас они не в Совете, и звания Восседающих не имеют значения. В действие вступила иерархия Башни, тонкие различия в положениях – кто стоит выше и кому следует выказывать почтение. По правде говоря, Саэрин пробыла в послушницах и в Принятых вдвое дольше, чем большинство из них, но немалый вес имели и сорок лет, которые провела она на посту Восседающей, больше, чем всякий другой в Совете. Сине еще повезет, если Саэрин, прежде чем принять решение, вообще спросит ее мнение, не говоря уж о совете. Глупо, но мысль эта саднила словно заноза в ноге.

– Троллоки потащили ее к котлу, – внезапно произнесла Дозин скрипуче. Талене сквозь стиснутые зубы испустила тонкий вскрик; ее затрясло, словно в лихорадке. – Я… я не знаю, смогу ли… проклятье, смогу ли себя заставить…

– Разбудите ее, – распорядилась Саэрин, бросив на остальных лишь мимолетный взгляд, чтобы проверить, о чем они думают. – Хватит дуться, Юкири, и будь наготове.

Серая сестра одарила ее гордым яростным взглядом, но когда Дозин отпустила свои потоки и Талене открыла голубые глаза,

Юкири тут же окружило сияние *саидар*, и она, не промолвив ни слова, отгородила распростертую на Сиденье женщину от Источника. Саэрин была главной, и все это поняли, вот так-то. Очень неприятная заноза.

Щит, пожалуй, и не был нужен. На лице Талене застыла маска ужаса, она дрожала, тяжело дышала, словно пробежала без остановки десяток миль. Поверхность Сиденья все еще оставалась податливой, но, поскольку Дозин перестала направлять Силу, верхняя грань не принимала больше форму тела Талене. Та невидящим взглядом уставилась в потолок, потом резко зажмурилась, но тотчас же снова открыла глаза. Что бы ни привиделось ей из пережитого, вспоминать об этом она не хотела.

Сделав два шага к Сиденью, Певара протянула растерянной женщине Клятвенный Жезл.

– Отрекись от всех клятв, что связывают тебя, Талене, и вновь принеси Три Обета, – хриплым голосом произнесла она.

Талене отпрянула от Жезла, как от ядовитой змеи, затем дернулась обратно, ибо с другой стороны к ней склонилась Саэрин.

– В следующий раз, Талене, тебя ждет котел. Или же тебе окажет свои знаки внимания Мурддраал, – лицо Саэрин выражало безжалостность, но в сравнении с ее голосом оно казалось мягким. – И раньше ты не проснешься. А если это не подействует, будет и еще один раз, и еще, столько, сколько потребуется, даже если нам придется просидеть здесь, в подземелье, до лета.

Дозин открыла было рот, собираясь протестовать, затем скорчила кислую мину. Она одна среди них знала, как обращаться с Сиденьем, но занимала столь же незавидное положение, как и Сине.

Талене не отводила взора от Саэрин. Большие глаза ее наполнились слезами, она заплакала, содрогаясь от безнадежных рыданий. Затем Талене, не глядя, протянула руку, и Певара сунула в ее ищущие, дрожащие пальцы Клятвенный Жезл. Обняв Источник, Певара направила в Жезл прядку Духа. Талене крепко стиснула Жезл, так, что кулаки побелели, но продолжала лежать, рыдая.

Саэрин выпрямилась.

– Боюсь, Дозин, придется опять ее усыпить.

Слезы хлынули из глаз Талене еще сильнее, и она пробормотала, всхлипывая:

– Я… отрекаюсь… от всех клятв… что… связывают меня…

И последние ее слова превратились в вой.

Сине вздрогнула, судорожно сглотнула. Она знала на своем опыте, насколько болезненно отречение от одного-единственного обета, и могла представить мучения, которые грозят тому, кто откажется сразу от нескольких, но сейчас она увидела, как это

бывает в действительности. Талене вопила, пока хватало дыхания, затем со всхлипом вздохнула и снова зашлась в крике. У Сине мелькнула мысль, что на ее вопли сюда сбежится вся Башня. Высокая Серая сестра билась в конвульсиях, молотила руками и ногами, потом вдруг выгнулась дугой – серой поверхности касались лишь ее голова и пятки. Все мускулы были напряжены, тело судорожно дергалось.

Столь же внезапно Талене обмякла, подобно тряпичной кукле, и захныкала, лежа на Сиденье, как потерявшийся ребенок. Клятвенный Жезл выкатился из ослабевшей руки на наклонную серую поверхность. Юкири что-то забормотала, похоже, возносила жаркую молитву. Дозин продолжала потрясенно шептать: «О Свет! О Свет!»

Певара подхватила Жезл, вновь вложила его в руку Талене и сжала ее пальцы. В подруге Сине не было сейчас ни капли жалости.

– Теперь принеси Три Обета, – велела она.

Мгновение казалось, что Талене откажется, но она медленно повторила слова клятв, которые делали их всех Айз Седай и объединяли. Не говорить ни слова неправды. Никогда не создавать оружия, которым один человек может убить другого. Никогда не использовать Единую Силу в качестве оружия, кроме как для защиты собственной жизни, жизни своего Стража или жизни другой сестры. И, умолкнув, она, вся дрожа, беззвучно заплакала в напряженной тишине. Наверное, потому, что клятвы укоренялись в ней. Весьма малоприятные ощущения, когда клятвы свежи. Наверное, поэтому.

Затем Певара произнесла слова клятвы, которую они требовали от Талене. Та вздрогнула, но повторила за ней безнадежным голосом:

– Я клянусь беспрекословно подчиняться вам всем пятерым, – она тупо смотрела прямо перед собой, и по щекам у нее катились слезы.

– Отвечай мне правдиво, – сказала Саэрин. – Ты – из Черной Айя?

– Да, – услышали они в ответ. Признание вырвалось из горла Талене со скрипом, словно повернулись заржавленные петли.

От этого короткого простого слова Сине вся заледенела. Повеяло таким холодом, какого она и представить не могла. Ей, в конце концов, поручено было искать Черных Айя, и она верила в их существование, хотя многие не верили. Она применила насилие к другой сестре, к Восседающей, помогла связать Талене потоками Воздуха и пронести ее через заброшенные подвальные переходы, нарушила с дюжину законов Башни, пошла на тяжкое пре-

ступление – все для того, чтобы услышать ответ, которого она ждала еще до того, как был задан вопрос. И она его услышала. Черная Айя действительно существует. Сине смотрела во все глаза на Черную сестру, Приспешницу Темного, носящую шаль. И действительность оказалась страшнее всех предположений. Сине стиснула челюсти чуть не до хруста, чтобы не стучали зубы. Приложила все усилия, пытаясь совладать с собой, пытаясь мыслить здраво. Но кошмары обернулись явью, ожили под сводами Башни.

Кто-то испустил тяжелый вздох, и Сине поняла, что не только ее мир перевернулся верх тормашками. Юкири вздрогнула, потом вперила взор в Талене, словно решившись удерживать щит, если понадобится, одной силой воли. Дозин облизала губы и растерянно разгладила свою темно-золотистую юбку. Спокойными выглядели лишь Саэрин с Певарой.

– Итак, – негромко произнесла Саэрин. Точнее, наверное, было бы сказать не «негромко», а «слабо». – Итак. Черная Айя. – Она глубоко вздохнула, заговорила громче и отчетливей: – Щит больше не нужен, Юкири. Талене, ты не попытаешься сбежать или сопротивляться нам. И коснуться Источника ты отныне не можешь без разрешения одной из нас. Хотя, полагаю, это забота тех, кому мы тебя передадим. Юкири?

Щит, ограждавший Талене, исчез, но сияние вокруг Юкири не погасло – она все еще не доверяла воздействию Жезла на Черную сестру.

Певара нахмурилась.

– Саэрин, прежде чем мы передадим ее Элайде, я бы хотела разузнать как можно больше. Имена, названия мест, и все остальное. Все, что ей известно!

Приспешники Темного погубили всю семью Певары, и Сине знала: та отправится в изгнание, преисполненная решимости самолично выследить всех Черных сестер до последней.

Талене, сжавшись в комочек на Сиденье, издала сдавленный звук – наполовину горький смешок, наполовину всхлип.

– Если вы так поступите, мы все погибнем. Погибнем! Элайда – Черная!

– Это невозможно! – взорвалась Сине. – Элайда сама отдала мне распоряжение выискивать Черных.

– Как же можно сомневаться? – громко прошептала Дозин. – Талене вновь дала обеты, и она назвала ее имя!

Юкири с горячностью закивала.

– Головой-то подумайте, – буркнула Певара. – Вам не хуже меня известно: если веришь в ложь, скажешь ее как чистую правду.

– Вот она, правда! – твердо заявила Саэрин. – Чем докажешь свои слова, Талене? Ты видела Элайду на ваших… сборищах?

Она с такой силой стиснула рукоять кинжала, что побелели костяшки пальцев. Саэрин пришлось упорнее многих бороться за право носить шаль, за самую возможность вообще остаться в Башне. Для нее Башня стала больше, чем домом, и была гораздо дороже, чем собственная жизнь. Если Талене даст не тот ответ, до суда Элайда может и не дожить.

– Не бывает никаких сборищ, – угрюмо сказала Талене. – Не считая, наверное, Верховного Совета. Но она должна быть Черной. Им известно о каждом сообщении, которое она получает, даже о секретных посланиях. Известно о каждом сказанном ей слове. Они знают обо всех принимаемых ею решениях еще до того, как о них объявят. Причем за несколько дней, а иногда и за недели. Значит, она сама им и сообщает, как же иначе? – Талене, с трудом удерживаясь в сидячем положении, пристально вглядывалась по очереди в каждую из стоявших рядом женщин. От этого казалось, что взгляд у нее беспокойно бегает. – Нам нужно бежать. Нам нужно где-то скрыться. Я помогу вам… расскажу все, что знаю!.. Но если мы не скроемся, они нас убьют.

Странно, подумала Сине, как быстро Талене стала называть своих бывших заединщиц «они» и открестилась от них, встав на другую сторону. Нет. Нельзя уклоняться от истинной проблемы, и неразумно пытаться не думать о ней. Действительно ли Элайда велела ей, Сине, искать Черную Айя? Она ведь ни разу не произнесла этих слов. Неужели она имела в виду что-то другое? Элайда же готова вцепиться в глотку любому, кто только упомянет о Черных. Да и почти каждая сестра поступит так, однако…

– Элайда не раз выказывала себя дурой, – заметила Саэрин, – и не однажды я жалела, что, встав тогда, голосовала за нее. Но я не верю, что она – Черная. Голословного заявления мало.

Певара, поджав губы, отрывисто кивнула в знак согласия. Ей тоже, как Красной, нужны были более веские доказательства.

– Может, оно и так, Саэрин, – сказала Юкири, – но нам не удастся долго удерживать Талене. Зеленые очень скоро начнут интересоваться, куда она делась. Не говоря уже о… о Черных. Нам лучше побыстрее решить, что делать, иначе, когда хлынет ливень, мы так и будем сидеть на дне колодца.

Талене слабо, заискивающе улыбнулась Саэрин, но робкая улыбка ее исчезла при виде хмурого лица Коричневой сестры.

– Мы не смеем ничего сказать Элайде, пока не будем готовы одним ударом сокрушить Черных, – заключила наконец Саэрин. – И не спорь, Певара; это всего лишь голос здравого смысла. – Певара всплеснула руками, лицо ее приобрело упрямое выражение,

но она промолчала. – Если Талене права, – продолжила Саэрин, – то Черные знают о Сине или же скоро узнают, поэтому мы должны, насколько это в наших силах, обеспечить ее безопасность. Это непросто, ведь нас только пятеро. Мы не можем доверять *никому*, пока не будем уверены в этом человеке! У нас, во всяком случае, есть Талене, и кто знает, что мы из нее еще выжмем?

Талене всем видом показала, что готова выжать из себя все, но на нее никто не обратил внимания. У Сине пересохло в горле.

– Возможно, мы не так уж одиноки, – неохотно промолвила Певара. – Сине, расскажи всем о твоем плане насчет Зеры и ее подруг.

– Плане? – заинтересовалась Саэрин. – Кто такая Зера? Сине? Сине!

Та вздрогнула.

– Что?.. А-а… Мы с Певарой обнаружили здесь, в Башне, небольшое бунтовское гнездышко, – с придыханием начала Сине. – Десять сестер сеют по заданию мятежниц разброд и шатания. – Саэрин собирается позаботиться о ее безопасности, вот как? Даже не спросив мнения Сине? Она же сама Восседающая; она – Айз Седай почти сто пятьдесят лет. Какое право имеет Саэрин, да и кто бы то ни было… – Мы с Певарой собрались положить конец их деятельности. Одну сестру, Зеру Дакан, мы уже заставили дать ту же клятву, какую сейчас требовали от Талене. И сегодня днем Зера должна, не возбуждая подозрений, привести в мои комнаты Бернайлу Гелбарн. – О Свет, ведь каждая сестра за этими стенами может оказаться Черной! Каждая. – Потом мы хотели заставить этих двоих привести к нам остальных, чтобы все они дали обет подчиняться. Мы, конечно, собирались задать им те же вопросы, что и Зере, какие зададим Талене. – Черные Айя уже могут знать ее имя, могут знать, что ей поручено искать их. Интересно, как Саэрин думает защитить ее? – Тех, кто даст неверные ответы, мы допросим, а остальные смогут отчасти искупить свое предательство, выискивая под нашим руководством Черных Айя. – О Свет, каким образом?

Когда Сине рассказала все, началось совещание – это значило, что Саэрин еще не знает, какое решение принять. Юкири настаивала, чтобы Зеру и ее сообщниц немедленно отдали в руки закона – если можно так поступить, не раскрывая сути дела с Талене. Певара возражала, правда, не вполне искренне, что бунтовщицами стоит воспользоваться; распространяемые ими слухи касались, в основном, Красной Айя и Лжедраконов. Дозин, по-видимому, хотела бы выкрасть по очереди всех сестер в Башне и заставить их принять дополнительную клятву, но это предложение вряд ли было воспринято всерьез.

Сине не принимала участия в этом недолгом обсуждении. Все они угодили в такую передрягу, что ее реакция, как ей подумалось, была самой естественной. Сине кинулась в ближайший угол, и ее вытошнило.

* * *

Илэйн изо всех сил сдерживалась, чтобы не заскрипеть зубами. Над Кэймлином бушевала очередная вьюга, затянув дневное небо мглою, и пришлось зажечь лампы, отбрасывавшие на деревянные стенные панели желтоватый свет. Под яростными порывами ветра дрожали створки высоких арочных окон. То и дело вспыхивали молнии, глухо рокотал гром. Снегопад с грозой, зимой хуже не придумаешь, самая сильная и яростная буря. В комнате было не так и холодно, но… Грея руки у большого мраморного камина, где потрескивали поленья, девушка все равно ощущала холод каменных плит пола, проникавший и сквозь ковры в несколько слоев, и сквозь толстые подошвы ее бархатных мягких туфель. Широкий воротник ее красно-белой мантии и манжеты из меха чернобурки отличались изысканной красотой, но Илэйн казалось, что греют они не больше, чем жемчужины на рукавах. Если она и не позволяла холоду касаться себя, то забыть о нем тоже не удавалось.

Куда, интересно, запропастилась Найнив? И Вандене? Илэйн невольно возроптала про себя. *Они уже должны быть здесь! О Свет! Мне так хочется научиться обходиться без сна, а они невесть где прохлаждаются!* Но нет, это несправедливо. Илэйн всего несколько дней назад заявила официально о своих правах на Львиный Трон, и все прочее отошло для нее сейчас на второй план. У Найнив же и Вандене свои приоритеты – и своя ответственность, как они ее понимают. Найнив вместе с Реанне и другими из Объединяющего Круга с головой ушли в планы, как вывести женщин Родни из захваченных Шончан стран прежде, чем их обнаружат и наденут на них ошейники. У Родни большой опыт держаться тише воды, ниже травы, но Шончан – не Айз Седай и не станут закрывать глаза на дичков. Считалось, что Вандене до сих пор не оправилась от потрясения, вызванного убийством сестры, едва притрагивается к еде и вряд ли способна давать дельные советы. Что до еды, то так оно и было, но терзало Вандене желание найти убийцу. Все думали, что предутренними часами она бродит по коридорам в скорби, но на самом деле она втихомолку искала там Приспешника Темного. Еще три дня назад от такой мысли Илэйн прошиб бы холодный пот, но сейчас Приспешники Темного стали всего лишь одной опасностью из многих. Опасностью посерьезнее прочих, что правда, то правда, но и

других хватало.

Найнив с Вандене занимались важными делами, их поддерживала Эгвейн, но Илэйн была не прочь поторопить их с решением этих дел, пусть даже желание ее и казалось несколько эгоистичным. Вандене была кладезем разумных советов – благодаря многолетнему опыту и своим научным занятиям; а Найнив, не один год имевшая дело с Деревенским Советом и Женским Кругом в Эмондовом Лугу, приобрела проницательность в практической политике, как бы того ни отрицала. *Чтоб мне сгореть, у меня сотни проблем, даже здесь, во дворце, и обе они мне так нужны!* Если все пойдет так, как хочет Илэйн, Найнив ал'Мира наверняка займет при следующей королеве Андора место советницы Айз Седай. Илэйн требовалась любая возможная поддержка – ей необходимо было опереться на тех, кому она доверяет.

Придав лицу спокойное выражение, Илэйн отвернулась от пылающего камина. Перед ним стояло подковой тринадцать кресел с высокими спинками, украшенными незатейливой, но, несомненно, мастерской резьбой. Как ни странно, почетное место, где положено восседать королеве, находилось дальше всех от камина. Так было заведено издавна. Спину Илэйн тотчас согрел огонь камина, зато грудь мгновенно начала мерзнуть. За стенами дворца падал снег, грохотал гром, сверкали молнии. В голове у нее тоже бесновалась вьюга. Спокойствие. Правителю спокойствие необходимо не меньше, чем Айз Седай.

– Значит, наемники, – сказала Илэйн, не сумев скрыть некоторого сожаления в голосе. Не пройдет и месяца, как из ее поместий начнут прибывать дружинники – как только узнают, что она жива, – но до лета немногие сумеют добраться, а тем, кого набирает Бергитте, понадобится полгода, а то и больше, чтобы научиться держаться в седле и обращаться с мечом. – И Охотники за Рогом, если кто-то запишется и принесет присягу. – Непогода заперла в Кэймлине немалое число и тех, и других. Как частенько поговаривали, даже чересчур много – они пьянствовали, скандалили и докучали своими приставаниями порядочным женщинам. Возможно, их удастся, по крайней мере, использовать для благих целей, и, вместо того чтобы быть источником неприятностей, они наведут порядок. Илэйн очень не хотелось думать, что она пытается саму себя в этом убедить. – Пусть дорого, но казна покроет расходы. – Ну, на какое-то время. Поскорее бы начали поступать доходы из поместий!

Чудо из чудес, но обе стоявшие перед Илэйн женщины отреагировали одинаково.

Дайлин сердито хмыкнула. Высокий ворот ее темно-зеленого платья был застегнут большой круглой брошью в виде совы и

дуба – герба Дома Таравин. Это было ее единственное украшение. Знак гордости ее Дома, возможно, даже слишком большой гордости; к тому же Верховная Опора Дома Таравин и сама была гордой женщиной. В ее золотистых волосах блестели седые нити, в уголках глаз таились тонкие морщинки, но лицо несло на себе печать силы и властности, а взгляд оставался проницательным и уверенным. Ум Дайлин был остер, как бритва. Или как меч. Женщина откровенная – или казавшаяся таковой, – которая не станет кривить душой и будет говорить прямо.

– Наемники знают свое дело, – без обиняков сказала она, – но с ними трудно совладать, Илэйн. Когда тебе нужно пощекотать перышком, они, весьма возможно, обернутся молотом, а когда тебе понадобится молот, они окажутся невесть где и будут искать своей выгоды. Наемники верны золоту, и только до тех пор, пока золото течет им в карманы. Если не предадут раньше за кучку золота побольше. Уверена, на сей раз леди Бергитте со мной согласится.

Бергитте стояла, скрестив на груди руки и широко расставив ноги в сапогах с высокими каблуками, и, как всегда, поморщилась, услышав свой новый титул. Илэйн пожаловала ей поместье, едва добралась до Кэймлина, где дар можно было оформить как полагается. Наедине Бергитте беспрестанно ворчала на эту тему, не забывая сетовать и на другую перемену в своей жизни. Ее небесно-голубые штаны были того же покроя, что она носила обычно: свободные и присобранные у лодыжек, но короткую красную куртку украшал теперь высокий белый воротник-стойка, и белые манжеты были оторочены золотом. Отныне она – леди Бергитте Трагелион, а еще – Капитан-Генерал Гвардии Королевы. Пусть брюзжит и сердится, сколько угодно – но только за закрытыми дверями.

– Да, я согласна, – крайне неохотно пробурчала Бергитте, одарив Дайлин взглядом исподлобья. Илэйн, благодаря соединявшим ее с Бергитте узам Стража, ощутила все то же, что и утром. Разочарование, раздражение, решимость. Хотя в этих чувствах отражались, возможно, чувства самой Илэйн. С того момента, как эти узы соединили Илэйн с Бергитте, все их ощущения передавались от одной к другой крайне необычно. Даже природный цикл у Илейн сдвинулся больше чем на неделю, чтобы совпасть с циклом другой!

Бергитте явно не хотелось как принимать второе предложение, так и соглашаться с доводами Дайлин.

– Проклятье, Илэйн, Охотники немногим лучше, – проворчала она. – Люди, которые дали клятву Охотника и отправились на поиски приключений! У них одно желание – прославиться и по-

пасть в сказания. А ты хочешь, чтобы они, как все прочие, соблюдали закон! Половина из них – надменные хлыщи и на всех смотрят свысока. Остальные же только и ищут случая подраться. А стоит им прослышать хоть что-то о Роге Валир, так считай, тебе повезет, коли за ночь исчезнут всего двое из трех.

Дайлин тонко улыбнулась, словно выиграла очко. Их с Бергитте нельзя было сравнить даже с водой и огнем; каждая могла справиться почти с кем угодно, но друг с другом они почему-то спорили даже о том, какого цвета уголь. Спорили и будут спорить впредь.

– Кроме того, Охотника с наемником объединяет и еще одно. Почти все они – чужестранцы. А это равно плохо и для бедных, и для богатых. Очень плохо. Менее всего тебе нужно восстание. – Полыхнула молния, на миг осветив окна, и гром, прогремевший следом, словно подчеркнул слова Дайлин. За тысячу лет из-за восстаний потеряли трон семь королев Андора, и две из них, оставшиеся в живых, должно быть, горько сожалели о своей участи.

Илэйн подавила вздох. На одном из маленьких инкрустированных столиков у стены стоял тяжелый серебряный поднос с кубками и высоким кувшином с горячим, приправленным пряностями вином. Наверное, вино уже остыло. Илэйн направила короткую струйку Огня, и над кувшином поднялся легкий парок. Из-за пряностей вино, подогретое дважды, слегка отдавало горечью, но ради тепла серебряного кубка в руках ее стоило потерпеть. Илэйн, преодолев желание посредством Силы согреть и воздух в комнате, отпустила Источник. Тепла все равно хватит ненадолго, если не поддерживать плетения постоянно. Ей всякий раз, когда она обращалась к *саидар*, приходилось – так или иначе – заставлять себя отпускать Источник, но в последнее время желание зачерпнуть побольше становилось все сильнее. С этим опасным соблазном сталкивалась каждая сестра. Илэйн знаком предложила Дайлин и Бергитте налить себе вина.

– Положение вам известно, – сказала девушка. – Только глупец не счел бы его ужасным, а вы отнюдь не таковы. – От гвардии ныне оставались жалкие остатки, горсточка более или менее достойных воинов и пара горсточек бывших вышибал, пригодных лишь выкидывать из таверн пьянчуг. А с уходом салдэйцев и Айил пышным цветом расцвела преступность. Илэйн надеялась, что снегопад приостановит зловещую волну, но каждый день приносил новые известия о грабеже, поджоге и того хуже. И положение ухудшалось с каждым днем. – При таких делах бунт вспыхнет в считанные недели. Если я не сумею навести порядок в самом Кэймлине, люди обратятся против меня. – Не суметь на-

вести порядка в столице – все равно что объявить на весь мир о своей неспособности править страной. – Мне это тоже не нравится, но так надо сделать. Значит, так и будет. – Обе собеседницы открыли было рот, но Илэйн не дала им возможности возразить. Она постаралась придать голосу побольше твердости. – Так оно и будет.

Бергитте мотнула головой, ее длинная, до пояса, золотистая коса взлетела и упала, но узы передали неохотное согласие. У Бергитте были, конечно, странные взгляды на взаимоотношения Айз Седай и их Стражей, но когда на Илэйн нельзя давить, она все же научилась понимать. Ну, в какой-то мере научилась. Есть еще поместье и титул. И командование Гвардией. И еще несколько мелочей.

Дайлин слегка пригнула шею и вроде как присела; возможно, это был реверанс, однако лицо ее осталось каменным. Не стоит забывать, что многие из тех, кто не желал видеть на Львином Троне Илэйн Траканд, охотно посадили бы на это место Дайлин Таравин. Та готова была помогать, но времени прошло еще так мало, и в глубине сознания Илэйн звучал порою тихий голосок. Неужели Дайлин просто выжидает, пока Илэйн не наломает дров, а затем сделает свой ход и выступит в роли «спасительницы» Андора? Со стороны человека расчетливого и неискреннего такая тактика вполне может принести успех.

Илэйн подняла руку, собираясь потереть висок, но вместо этого поправила волосы. Так много подозрений, и так мало доверия. С того времени, как она уехала в Тар Валон, Игра Домов успела заразить Андор. Оставалось только радоваться, что она провела многие месяцы среди Айз Седай, и не потому, что училась владению Силой. Большинство сестер хлебом не корми, дай лишь окунуться в *Даэсс Деймар*. И спасибо Тому – за его наставления. Иначе Илэйн не протянула бы так долго после возвращения. Да ниспошлет Свет, чтобы Том был в безопасности, чтобы он, Мэт и остальные спаслись от Шончан и были сейчас на пути в Кэймлин. Каждый день, с того утра, как девушка покинула Эбу Дар, она молилась, чтобы с ними ничего не случилось, но времени у нее теперь хватало лишь на коротенькую молитву.

Заняв кресло в середине полукруга, королевское кресло, Илэйн постаралась принять царственную осанку – спина прямая, руки покоятся на резных подлокотниках. *Мало выглядеть королевой*, частенько говаривала ей мать, *но если люди не увидят в тебе королеву, не помогут ни острый ум, ни проницательность в делах, ни храброе сердце*. Бергитте пристально смотрела на Илэйн, чуть ли не с подозрением. Все-таки эти узы порой крайне неудобны! Дайлин поднесла к губам кубок с вином.

Илэйн глубоко вздохнула. К следующему вопросу она подступалась и так и этак, пыталась разрешить его по-всякому, и другого пути не видела.

– Бергитте, я желаю, чтобы к весне Гвардия превратилась в войско, численностью не уступающее армии, которую могут выставить любые *десять* Домов. – Добиться этого, скорее всего, невозможно, но попытаться следует. И в этом случае нужно удержать всех записавшихся в Гвардию наемников, завербовать их еще больше, принять всех, кто выказал хоть малейшее желание. О Свет, ну и задачка!

Дайлин захлебнулась вином, выпучила глаза; из уголка рта ее побежала темная струйка. Закашлявшись, она достала из рукава украшенный кружевами платочек и приложила к подбородку.

Узы донесли от Бергитте паническую волну.

– О-о, чтоб мне сгореть, Илэйн, ты же не хочешь!.. Я ведь лучница, а не полководец! Я умею стрелять из лука, и все! Разве ты еще не поняла? Я всего лишь делаю то, что нужно, когда обстоятельства вынуждают! Все равно же я – больше не она, я – это я, и…

Бергитте умолкла, сообразив, что рискует наговорить лишнего. И не в первый раз. Она покраснела как маков цвет, а Дайлин с любопытством на нее воззрилась.

Они представили дело так, будто Бергитте родом из Кандора, где селянки носят похожую одежду, однако Дайлин явно подозревала, что здесь что-то нечисто. И всякий раз, как у Бергитте с языка слетали неосторожные слова, приближалось то мгновение, когда она выдаст и свою тайну. Илэйн бросила на Бергитте взгляд, предвещавший серьезный разговор.

Щеки Бергитте стали краснее красного. По узам хлынуло чувство стыда, затопило Илэйн, и она ощутила, как вспыхнуло ее собственное лицо. Она наскоро приняла строгий вид, надеясь, что румянец ее примут за проявление какого-то иного чувства, а не желания забиться в уголок кресла из-за унижения *Бергитте*. Нет, подчас это взаимное отражение бывает совершенно не к месту!

Дайлин лишь мгновение смотрела на Бергитте. Она спрятала платок, осторожно поставила кубок обратно на поднос, потом подбоченилась; лицо ее предвещало грозу.

– Гвардия королевы, Илэйн, всегда была *ядром* андорской армии, но это… Милость Света, это чистое безумие! Да против тебя поднимутся все, от реки Эринин до Гор Тумана!

Илэйн сосредоточилась. Спокойствие. Если она не права, Андор ждет судьба Кайриэна – залитая кровью, утонувшая в хаосе страна. И сама Илэйн, разумеется, погибнет: такова цена ошибки, – хотя это уже не будет иметь значения. Но не попытаться нельзя, и неудача в любом случае закончится для Андора тем же. Спокой-

ствие, хладнокровие, стальное бесстрастие. Королева не должна выказывать страха, даже если ей и вправду страшно. Особенно когда ей страшно. Матушка всегда говорила, что свои решения нужно объяснять как можно реже; чем чаще объясняешь, тем больше требуется объяснений, а потом только на объяснения времени и хватает. Гарет Брин говорил: объясняй, если можешь; люди сделают лучше, если будут знать, что и почему нужно делать. Сегодня стоит последовать совету Гарета Брина. Ведь он одержал столько побед.

– О своих претензиях заявили три претендента. – И, возможно, есть еще один, который не говорит во всеуслышание о своих намерениях. Илэйн заставила себя выдержать пристальный взгляд Дайлин. Просто встретилась с ней глазами, без всякого гнева. Но Дайлин, похоже, приняла ее прямой взгляд за признак гнева – судя по отвердевшему подбородку и вспыхнувшему лицу. Что ж, пусть считает так. – Аримиллу, саму по себе, можно было бы не принимать во внимание, но за ней стоит Насин вместе с Домом Кирен, и его поддержка – спятил он или нет – вынуждает все же считаться и с Аримиллой. Ниан и Элениа в тюрьме, но их люди – на свободе. Люди Ниан могут спорить и метаться, пока не найдут лидера, но Джарид – Верховная Опора Дома Саранд, и он ухватится за возможность удовлетворить амбиции жены. С обоими заигрывают Дома Бэрин и Аншар, самое *лучшее*, на что я могу надеяться – первый примкнет к Саранд, а второй – к Араун. Девятнадцать Домов в Андоре обладают достаточной силой, чтобы к ним примкнули меньшие Дома. Шесть из них замышляют против меня, а на моей стороне – два.

Пока еще шесть, и ниспошли Свет, чтобы за нее стояло два! Илэйн не упомянула три Дома, которые собирались поддержать Дайлин; Эгвейн, во всяком случае, на время связала их по рукам и ногам в Муранди.

Илэйн указала на стул рядом с собою, и Дайлин села, аккуратно расправив юбки. Выражение, наводившее на мысль о грозовой туче, с лица ее исчезло. Она посмотрела на Илэйн, никак не показывая, о чем думает или хочет спросить.

– Мне все это известно не хуже тебя, Илэйн, но Луан и Эллориен приведут к тебе свои Дома, как и Абелль, я уверена, – начала она осторожно, но продолжила с большей горячностью. – За ними потянутся и другие Дома. Если только ты не отпугнешь их. О Свет, Илэйн, это ведь не Война за Наследие. Траканд наследует Траканд, а не другой Дом. Даже при Наследовании редко доходило до открытого столкновения! Преврати Гвардию в армию, и ты рискуешь всем.

Илэйн вскинула голову, рассмеялась, но смех ее был невесел и напоминал отдаленные раскаты грома.

– Я рискнула всем в тот день, Дайлин, когда вернулась домой. Говоришь, Норвелин и Траймане придут ко мне, и еще Пендар? Замечательно, тогда со мной будет пять против шести. Что другие потянутся, как ты сказала, я не думаю. Если какой-то из Домов двинется прежде, чем всем станет ясно, что Корона Роз – моя, он выступит против меня, а не за меня.

Если повезет, эти лорды и леди постесняются объединиться с заединщиками Гэйбрила, но на везение полагаться не хочется. Она-то не Мэт Коутон. О Свет, большинство людей считают, что Ранд убил ее мать, и единицы верят, что «лорд Гэйбрил» был одним из Отрекшихся. Чтобы исправить нанесенный Равином вред Андору, ей потребуется вся жизнь, даже если удастся прожить столько, сколько кому-то из Родни! Некоторые из Домов не поддержат ее потому, что свои беззакония Гэйбрил творил именем Моргейз, а другие потому, что Ранд обмолвился о намерении «вручить» ей трон. Она любила его всем сердцем, но чтоб ему сгореть за то, что он заикнулся об этом! Пусть даже это и осадило Дайлин. Самый захудалый фермер в Андоре – и тот возьмется за топор или косу, лишь бы сбросить с Львиного Трона марионетку!

– Я бы очень хотела избежать того, чтобы андорцы убивали андорцев, Дайлин, но Наследование или нет, а Джарид готов сражаться, пусть даже Элениа под замком. Дом Ниан готов сражаться. – Обеих женщин лучше как можно скорее доставить в Кэймлин; в Аринтилле слишком много возможностей незаметно передать на волю послание, а то и приказ. – *Аримилла* тоже готова сражаться, а за нею – люди Насина. Для них это и есть Наследование, и единственный способ *остановить* их – быть сильнее, чтобы они и думать не смели о сражении. Превратит Бергитте к весне Гвардию в армию – и замечательно, потому что если раньше армия была мне не нужна, к тому времени она понадобится. И не надо забывать о Шончан. Они не удовлетворятся Танчико и Эбу Дар, им нужно все. А я, Дайлин, не отдам им Андора, как не отдам его и Аримилле. – За окнами прогрохотал гром.

Дайлин, оглянувшись на Бергитте, облизнула губы. Пальцы ее нервно перебирали складки юбок. Ее мало что могло испугать, но слухи о Шончан пугали. Тихонько, себе под нос, она пробормотала:

– Я надеялась избежать открытой гражданской войны.

Эти слова могли ничего не означать – или же очень многое! Возможно, стоило прощупать глубже.

– Гавин, – внезапно сказала Бергитте. Лицо ее просветлело, и через узы передалось облегчение. – Когда он появится, он и при-

мет командование. И станет твоим Первым Принцем Меча.

– Чушь собачья! – огрызнулась Илэйн, и тут же за окнами полыхнула молния.

С чего это Бергитте взбрело в голову именно сейчас сменить тему? Дайлин вздрогнула, и щеки Илэйн вновь обдало жаром. По отвалившейся челюсти Дайлин стало ясно, что ругательство прозвучало слишком грубо. Ну и ни к чему смущаться; подумаешь, Дайлин – подруга ее матери. Илэйн машинально сделала большой глоток вина – и из-за горечи чуть не подавилась. Она поспешно отогнала мысленный образ: Лини грозится вымыть ей рот с мылом, и напомнила себе, что уже стала взрослой женщиной и борется за трон. Вряд ли ее мать так часто чувствовала себя попавшей в дурацкое положение.

– Да, Бергитте, станет, – продолжила Илэйн спокойнее. – Когда появится. – В Тар Валон уже отправились три курьера. Даже если ни одному не удастся ускользнуть от Элайды, Гавин со временем узнает о ее претензии на трон и придет. Он очень ей нужен, очень. Илэйн не питала иллюзий относительно своих полководческих способностей, а Бергитте так боится оказаться недостойной ходящих о ней легенд, что, кажется, страшится порой даже и попытаться что-то сделать. Встать против целой армии – это пожалуйста, а вот возглавить армию – ни за что на свете!

Бергитте и сама знала, что за каша у нее в голове. Сейчас лицо ее казалось застывшим, но в душе кипел гнев на себя и на свое замешательство, причем кипел все сильнее. Илэйн, внезапно ощутив раздражение, открыла рот, собираясь ответить на замечание Дайлин о гражданской войне, пока на нее не нахлынул отраженный гнев Бергитте.

Но не успела она слова сказать, как распахнулись высокие красные двери. Вспыхнувшая было в ее душе надежда, что это Найнив или Вандене, растаяла при виде двух женщин Морского Народа. Несмотря на погоду, они были босиком.

Перед ними плыли волны мускусного аромата, и Ата'ан Миэйр являли собой живописное зрелище: в ярких парчовых штанах и блузах, с кинжалами, усыпанными драгоценными камнями, в ожерельях из золота и кости, не считая прочих украшений. Десять маленьких толстых колец в ушах Ринейле дин Калон прятались под ее прямыми черными волосами с проседью на висках, но надменности в темных глазах нельзя было не заметить – как и золотой, увешанной медальонами цепочки, что тянулась от серьги к колечку в носу. На лице ее была написана решительность, и плавная походка ничуть не смягчала впечатления, что Ринейле способна проходить сквозь стены. У Зайды дин Парид – почти на ладонь ниже своей спутницы и чернее угля – на левую щеку

свешивалось раза в полтора больше золотых медальонов, и излучала она скорее властность, чем высокомерие, – несомненную уверенность в подчинении своим приказам. В ее густых черных кудрях кое-где проглядывала седина, но она была потрясающа – одна из тех женщин, что с возрастом становится еще красивее.

Увидев эту парочку, Дайлин вздрогнула и потянулась было рукой к носу. Обычно именно так реагировали люди, непривычные к облику Ата'ан Миэйр. Илэйн скривилась, и причиной тому были не кольца в носу. Мелькнула мысль – а не выругаться ли еще разок… да позабористее… В данный момент не было на свете двоих людей, за исключением Отрекшихся, кого она хотела бы видеть меньше всего. Рин Харфор обязана была проследить, чтобы этого не произошло!

– Прошу меня простить, – сказала Илэйн, грациозно поднимаясь, – но я сейчас очень занята. Государственные дела, как вы сами понимаете, иначе я встретила бы вас сообразно вашему положению. – Морской Народ отличала приверженность к формальностям и этикету, во всяком случае, в том виде, как они это понимали. Вполне возможно, мимо главной горничной они прошли, попросту не сказав, что желают видеть Илэйн, но столь же легко они оскорбились бы, случись Илэйн приветствовать их сидя – ведь корона пока еще не на ее голове. А Илэйн, испепели их обеих Свет, не вправе допустить, чтобы они оскорбились. Рядом с нею сразу встала Бергитте, взяв с церемонным поклоном свой кубок; по узам Стража передалась настороженность. Бергитте всегда оживлялась в присутствии Морского Народа, и при них с языка у нее вполне могло что-нибудь сорваться. – Я встречусь с вами сегодня попозже, – договорила Илэйн и добавила: – Если на то будет воля Света.

Морской Народ также придавал большое значение церемонным фразам, и этой фигурой речи Илэйн выказала вежливость и одновременно оставила себе выход из положения.

Ринейле остановилась, лишь когда подошла вплотную к Илэйн, чуть ли не на расстояние шага. Затем коротко указала на стул татуированной рукой – явно разрешая Илэйн сесть. Подумать только, *разрешая* ей!

– Ты избегаешь меня, – сказала она голосом слишком низким для женщины и холодным, как заваливший крыши снег. – Не забывай, что я – Ищущая Ветер при Несте дин Реас Две Луны, Госпоже Кораблей Ата'ан Миэйр. Ты еще не выполнила оставшуюся часть сделки, которую заключила для своей Белой Башни.

Морской Народ знал о расколе в Башне – об этом уже все знали, – но Илэйн не видела смысла добавлять себе новых трудностей, публично признавшись, на чьей она стороне. Пока еще ра-

но. Ринейле договорила надменным, приказным тоном:

– Ты со мной поговоришь, и немедленно! – Вот вам и весь этикет и прочие церемонии.

– Думаю, она избегает не тебя, Ищущая Ветер, а меня, – по контрасту с Ринейле, Зайда говорила так, словно вела самый обычный разговор. Не торопясь ступить на ковры, она двинулась ленивой походкой по комнате, приостановилась, потрогала высокую вазу из тонкого зеленого фарфора, потом приподнялась на цыпочки, заглядывая в окуляр стоявшего на высокой подставке калейдоскопа из четырех колен. Когда же Зайда повернулась наконец к Илэйн и Ринейле, в ее черных глазах блеснула искорка любопытства: – В конце концов, сделка заключена с Нестой дин Реас, говорившей от имени кораблей. – Зайда была не только Госпожой Волн Клана Кателар, но еще и послом Госпожи Кораблей. Послом к Ранду, а не в Андор, но в ее полномочия входило право выступать от имени самой Несты и заключать договоры. Сменив один позолоченный тубус на другой, она вновь приподнялась на цыпочки, заглянула в окуляр. – Ты обещала предоставить Ата'ан Миэйр двадцать наставниц, Илэйн. Пока что ты предоставила одну.

Появление Морского Народа было столь неожиданным, столь драматическим, что Илэйн только теперь с удивлением заметила на пороге Мерилилль. Та, закрыв двери, повернулась лицом к собравшимся. Серая сестра, ростом еще ниже Зайды, выглядела элегантно – в темно-синем шерстяном платье, отороченном серебристым мехом и шитом по лифу маленькими лунными камнями, однако те неполные две недели, что провела она, обучая Ищущих Ветер, наложили свой отпечаток. Большинство из них были властными женщинами, жаждавшими знаний, и готовы были выжать Мерилилль под прессом, как виноград, до последней капли ценного сока. Прежде Илэйн полагала, что Серую сестру с ее самообладанием ничто не может удивить, но теперь у Мерилилль были круглые глаза и рот приоткрыт, словно она только что удивилась так, что почти лишилась способности соображать, и ждет новых потрясений. Она сложила руки на животе и застыла у порога в ожидании, испытывая, похоже, облегчение от того, что в центре внимания сейчас не она.

Дайлин, громко хмыкнув, поднялась на ноги и хмуро воззрилась на Зайду и Ринейле.

– Следи за своими словами, – прорычала она. – Ты сейчас в Андоре, а не на своем корабле, а Илэйн Траканд в недалеком будущем королева Андора! Вашей *сделкой* займутся в надлежащее время. А сейчас у нас есть более важные и насущные заботы.

– Во имя Света, нет ничего более важного, – в свою очередь загремела Ринейле, накинувшись на нее. – Говоришь, сделкой займутся? Значит, ты ручаешься. Знай, здесь найдется место подвесить тебя за ноги, так же, как…

Зайда щелкнула пальцами. Один сухой щелчок, но Ринейле затряслась мелкой дрожью. Схватив свисавшую с одного из ожерелий золотую коробочку с благовониями, она приложила ее к носу и глубоко вдохнула. Она могла быть Ищущей Ветер при Госпоже Кораблей, она обладала у Ата'ан Миэйр громадной властью, но для Зайды она была… Ищущей Ветер. Что глубоко уязвляло ее гордость. Илэйн была уверена: есть какой-то способ воспользоваться сим обстоятельством себе на благо, но пока она не нашла его. О да, хорошо это или плохо, но отныне *Даэсс Дей'мар* стал ее второй натурой.

Илэйн легким шагом обошла, словно колонну, умолкшую, кипевшую от ярости Ринейле, двинулась через комнату, но не к Зайде. Если кто имел полное право чувствовать себя здесь как дома, так это она. Нельзя уступить Зайде ни на волосок, иначе Госпожа Волн обреет ее наголо, а волосы продаст на парик. Подойдя к камину, Илэйн протянула руки к огню.

– Неста дин Реас считает, что мы сдержим обещание, иначе никогда не согласилась бы на сделку, – спокойно сказала она. – Чаша Ветров снова у вас, но нужно время, чтобы собрать еще девятнадцать сестер. Знаю, вы беспокоитесь о тех кораблях, что оставались в Эбу Дар, когда появились Шончан. Пусть Ринейле откроет врата в Тир. Там находятся сотни судов Ата'ан Миэйр. – Так говорилось во всех посланиях. – Вы сможете узнать, что известно им, и вернетесь к своему народу. Вы нужны им против Шончан. – И Илэйн от них избавится. – Остальных сестер отправят к вам сразу, как только их выберут.

Мерилилль у дверей не шелохнулась, но позеленела лицом – явно запаниковала при одной мысли остаться одной среди Морского Народа.

Зайда перестала забавляться с калейдоскопом и покосилась на Илэйн. По полным губам скользнула язвительная улыбка.

– Я должна быть здесь. Во всяком случае, пока не побеседую с Рандом ал'Тором. Если он вообще когда-нибудь появится, – на миг улыбка исчезла, а потом расцвела вновь; Ранду с Зайдой придется ой как несладко. – И я оставлю на время при себе Ринейле и ее спутниц. При встрече с Шончан несколько Ищущих Ветер мало что изменят, а здесь, по воле Света, они узнают немало полезного, – Ринейле фыркнула, достаточно громко, чтобы ее услышали. Зайда нахмурилась и начала поглаживать пальцами окуляр, находившийся на уровне ее головы. – В твоем дворце есть пять Айз

Седай, считая и тебя, – задумчиво пробормотала она. – Возможно, кто-то из вас мог бы заняться обучением. – Можно подумать, эта идея только что пришла ей голову. Столь же маловероятно, как то, что Илэйн под силу поднять обеих женщин Морского Народа одной рукой!

– О да, это было бы великолепно, – вдруг возбужденно сказала Мерилилль, шагнув вперед. Но, взглянув на Ринейле, тут же умолкла, а на по-кайриэнски бледном лице вспыхнул румянец. Она опять сложила руки на животе, словно покорность стала для нее второй натурой. Бергитте изумленно покачала головой. Дайлин посмотрела на Айз Седай так, будто видела ее впервые в жизни.

– Можно что-нибудь придумать, если будет на то воля Света, – осторожно промолвила Илэйн. Ей пришлось снова приложить усилия, чтобы не потереть виски. Ах, если бы виновником этой головной боли был нескончаемый гром!.. Услышав этакое предложение, Найнив взорвется, как вулкан, а Вандене, скорей всего, просто его проигнорирует, но Кареане и Сарейта, возможно, сочтут приемлемым. – Но не больше, чем несколько часов в день, вы же понимаете. Когда у них будет время. – Илэйн старалась не смотреть на Мерилилль. Даже Кареане с Сарейтой могут взбунтоваться, засунь их под такой пресс.

Зайда коснулась пальцами правой руки своих губ.

– Договорено, под Светом.

Илэйн заморгала. Слова Зайды прозвучали как-то зловеще. Похоже, по мнению Госпожи Волн они только что заключили еще одну сделку. Из своего весьма ограниченного опыта общения с Ата'ан Миэйр Илэйн вынесла, что тебе еще повезло, коли ушла от них в одной рубашке. Ну нет, на сей раз все будет по-другому. Например, что от этого получат сестры? В сделке ведь всегда участвуют две стороны. Зайда улыбнулась, словно прочла мысли Илэйн и они ее позабавили. Тут одна из дверей вновь открылась, и Илэйн испытала почти что облегчение, воспользовавшись случаем отвернуться от женщин Морского Народа.

Рин Харфор вошла в комнату, почтительная, но без услужливости, и сдержанный реверанс ее предназначался не королеве, а Верховной Опоре могущественного Дома. Но никакая Верховная Опора гроша ломаного не стоит, если у нее не хватает ума оказывать уважение главной горничной королевского дворца. Седеющие волосы госпожи Харфор, уложенные узлом, венчали ее голову, словно корона, поверх красно-белого платья на плечи ее был накинут алый короткий плащ-табар. На груди красовался Белый Лев Андора. Рин ни разу не высказывала своего мнения о том, кто должен сидеть на троне, но со дня приезда Илэйн носила поло-

женное по этикету полное одеяние главной горничной, как будто королева уже обосновалась во дворце. При виде женщин Ата'ан Миэйр лицо Харфор мгновенно посуровело, но только тем она и показала, что заметила их. До времени. Скоро они узнают, чем чревата враждебность главной горничной.

– Наконец-то прибыл Мазрим Таим, миледи. – В устах Рин обращение «миледи» звучало как «моя королева». – Передать ему, чтобы подождал?

Выбрал же время! И где он раньше был? – промелькнула у Илэйн мысль. Она звала его еще два дня назад!

– Да, госпожа Харфор. Предложите ему вина. Какого-нибудь похуже. Скажите, что я приму его, как только…

В комнату с таким видом, будто хозяин во дворце он, вошел Таим. Илэйн сразу поняла, кто это. На рукавах черной куртки от локтей до манжет красовались золотисто-синие драконы, копия Драконов на руках Ранда. Впрочем, подумала Илэйн, вряд ли подобное замечание пришлось бы Таиму по вкусу. Он был крепкого телосложения, высок ростом, немногим ниже Ранда, имел крючковатый нос и темные, зловеще поблескивающие глаза и двигался с ловкостью, немного напоминавшей смертоносную грацию Стражей, но казалось, за ним следует какая-то тень – словно половина ламп в комнате погасла; не настоящая тень, конечно, но смутное ощущение неотвратимой угрозы, которую как будто можно было потрогать и которая впитывала в себя свет.

Следом за Таимом вошли еще двое в черных куртках: лысый мужчина с длинной седоватой бородой и хитрыми голубыми глазами и темноволосый молодой, гибкий как змея, с презрительно-надменным выражением лица, столь свойственным юношам, еще не узнавшим жизни. На высоких воротниках у обоих красовались серебряный меч и красный эмалевый дракон. Оружия ни у кого из троих не было – они в нем не нуждались. И гостиная вдруг показалась странно маленькой и тесной.

Илэйн инстинктивно обняла *саидар* и потянулась за соединением. Мерилилль с легкостью влилась в круг; как ни удивительно, это сделала и Ринейле. Но, коротко взглянув на Ищущую Ветер, Илэйн удивляться перестала: лицо у той посерело, она крепко стиснула рукоять заткнутого за кушак кинжала – Илэйн даже ощутила, как заныли у Ринейле костяшки. Она пробыла в Кэймлине достаточно долго и знала, кто такие Аша'маны.

Мужчины, конечно, поняли, что кто-то обнял *саидар*, хотя и не видели свечения, окружившего троих женщин. Лысый одеревенел; стройный юнец сжал кулаки. В глазах у них вспыхнул гнев. Несомненно, они взялись за *саидин*. Илэйн пожалела было, что дала волю инстинктам, но отпускать Источник не собиралась,

тем более теперь. Таим излучал угрозу – так от огня исходит тепло. Илэйн глубоко зачерпнула через соединение, столько, что нахлынувшее чувство жизни стало пронзительно-острым, до покалывания во всем теле. Но и это было… радостью. С бурлящей в ней сейчас Силой она могла сровнять дворец с землей, но не знала, хватит ли ее, чтобы справиться с Таимом и двумя его спутниками. Как ей хотелось, чтобы сейчас при ней оказался один из трех найденных в Эбу Дар *ангриалов* – они хранились под запором вместе с остальными находками, пока у нее не появится время заняться ими.

Таим презрительно покачал головой, по губам скользнула полуулыбка.

– Посмотрите внимательно, – голос его был негромок, но тверд и высокомерен. – Здесь всего две Айз Седай. Вы что, боитесь двух Айз Седай? Или хотите напугать будущую королеву Андора?

Его спутники расслабились, затем попытались принять столь же надменную позу, как у Таима.

Рин ничего не знала ни о *саидар*, ни о *саидин*; она повернулась к вошедшим с сердитым видом. Аша'маны, не Аша'маны, но прилично вести себя должны все. Главная горничная проворчала что-то себе под нос. Негромко, но слова «шныряющие крысы» разобрать можно было вполне отчетливо.

Поняв же, что ее услышали все в комнате, главная горничная покраснела, и Илэйн выпал редкий случай – видеть, как засуетилась Рин Харфор. А именно – та выпрямилась и с изысканным достоинством, которому позавидовали бы и царственные особы, сказала:

– Простите, миледи Илэйн, но мне сообщили, что в кладовых развелись крысы. Весьма необычно для этого времени года, и их довольно много. Если позволите, я распоряжусь насчет крысоловов и отравленной приманки.

– Останься, – велела Илэйн холодно. И спокойно. – С паразитами разберемся в нужное время. – Две Айз Седай. Значит, Таим не понял, что Ринейле тоже способна направлять Силу, и он подчеркнул слово «две». Есть ли преимущество у троих женщин? Или нужно больше? Видимо, Аша'манам известно о *некотором* преимуществе женщин в группе меньшей, чем круг из тринадцати. Значит, вошли к ней без разрешения и без стука, вот как? – Проводишь к выходу этих добрых людей, когда я закончу с ними.

Спутники Таима, названные «добрыми людьми», нахмурились, но сам их предводитель лишь сверкнул очередной полуулыбкой. Он оказался достаточно сообразительным и понял: говоря о паразитах, Илэйн имела в виду его. О Свет! Может, когда-то этот человек и был нужен Ранду, но зачем он ему теперь, да еще и облечен-

ный такой властью? Что ж, здесь его власть – ничто.

Илэйн неторопливо расположилась на своем стуле снова и с минуту поправляла юбки. Мужчинам придется, как просителям, обойти вокруг женщин, чтобы оказаться перед нею, иначе они будут говорить, стоя в стороне, где она их не видит. У нее мелькнула мысль, не передать ли контроль над малым кругом. Аша'маны наверняка сосредоточат на ней все свое внимание. Но Ринейле все еще была серого цвета, в душе ее явно боролись гнев и страх; она могла, едва получив соединение, тут же и ударить. Мерилилль тоже была испугана, хотя держала в узде свой страх, смешанный с изрядным… обалдением, о чем красноречиво говорили ее вытаращенные глаза и приоткрытый рот. Одному Свету ведомо, как поступит *она,* если получит управление соединением.

Дайлин величаво подошла к стулу Илэйн и встала рядом, словно прикрывая ее собой от Аша'манов. Что бы ни творилось в душе у Верховной Опоры Дома Таравин, на лице ее не было ни тени страха, одна суровость. Остальные женщины тоже не теряли времени даром и были наготове. Зайда застыла неподвижно у калейдоскопа, изо всех сил пытаясь выглядеть незаметной и не представляющей никакой угрозы, но руки она прятала за спиной, и кинжала за кушаком уже не было. Бергитте в ленивой позе прислонилась к камину, опершись левой рукой о его боковую стенку, но ножны ее тоже пустовали, и, судя по положению правой руки, она изготовилась к броску снизу. Узы донесли до Илэйн… сосредоточенность. Стрела на тетиве, натянутой до отказа, готовая в любой миг устремиться в цель.

Илэйн и головы не повернула, чтобы взглянуть на трех мужчин.

– Во-первых, вы слишком медлили явиться по моему зову, мастер Таим, а теперь врываетесь столь внезапно. – О Свет, держится ли он сейчас за *саидин*? Кроме отсечения щитом, есть и другие способы помешать мужчине направить Силу, но это сложное умение, ненадежное, и знала Илэйн об этих приемах мало, больше теоретически.

Он сделал несколько шагов и оказался перед нею, но не стал от этого похожим на просителя. Мазрим Таим знал, кто он такой и на что способен, хотя и ценил себя выше небес. Полыхнувшая за окнами молния отбросила на его лицо странные тени. Наверняка многие испытывали перед ним благоговейный страх, даже не знай они его громкого имени и не будь на нем этой причудливой куртки. Многие, но только не Илэйн. Она не станет его бояться!

Таим задумчиво потер подбородок.

– Насколько я понимаю, во всем Кэймлине вы спустили Драконовы стяги, госпожа Илэйн. – Если не в глазах, то в глубоком голосе его было *веселье*! Дайлин зашипела от ярости при виде столь явного неуважения к Илэйн, но он не обратил никакого внимания на ее возмущение. – Салдэйцы, как я слышал, отступили к биваку Легиона Дракона, а в скором времени и последние из Айил окажутся в лагерях за пределами города. Что он скажет, когда обо всем узнает? – Кого имел в виду Таим, не было никаких сомнений. – И это после того, как он отправил вам подарок. Откуда-то с юга. Позже я передам его.

– Андор станет союзником Дракона Возрожденного, – холодно ответила Илэйн, – но Андор никто не завоевывал, ни он, ни кто-либо другой. – Она попыталась расслабить руки, лежавшие на подлокотниках. О Свет, то, что она уговорила айильцев и салдэйцев уйти, – ее самое большое достижение на сегодняшний день, и это было необходимо, пусть даже в городе с тех пор больше злодеяний! – Во всяком случае, мастер Таим, не вам с меня спрашивать. Если у Ранда будут возражения, то я разберусь с *ним*!

Таим приподнял бровь, и странная полуулыбка задержалась на этот раз у него на губах чуть дольше.

Чтоб мне сгореть, без всякого почтения к себе подумала Илэйн, *не надо было называть имя Ранда!* Этот человек думает, что ему *точно* известно, как она разберется с гневом проклятого Дракона Возрожденного! А хуже всего то, что, если ей удастся затащить Ранда в постель, она так и сделает. Не для того, чтобы разобраться с ним, а просто потому, что ей этого хочется. Интересно, что за подарок он ей прислал?

Голос ее стал тверже от гнева. От гнева на взятый Таимом тон, на долгое отсутствие Ранда. На саму себя, краснеющую и думающую о подарках. Подарки!

– Вы заняли четыре *мили* Андора. – О Свет, это в полтора раза больше Внутреннего Города! Сколько же там может быть таких мужчин? От этой мысли по спине Илэйн побежали мурашки. – С чьего разрешения, мастер Таим? И не говорите мне о Возрожденном Драконе. В Андоре у него нет никакого права давать какие бы то ни было разрешения. – Дайлин, стоявшая рядом, переступила с ноги на ногу. Да, права-то никакого, но если есть сила, то будет и право. Илэйн не отводила взгляда от Таима. – Вы отказались впустить Королевскую Гвардию в свое… *поселение*. – Хотя до ее возвращения никто и не старался к ним войти. – Закон Андора, мастер Таим, действует на *всей* территории Андора. Правосудие одинаково и для лорда, и для фермера – и для Аша'мана. Я не намерена силой прорываться туда. – Он снова начал было улыбаться. – Я не собираюсь ронять своего достоинства. Но если Ко-

ролевскую Гвардию не пропустят, то обещаю: через ваши ворота не пройдет и картофелины. Знаю, вы способны Перемещаться. Пусть тогда Аша'маны и Перемещаются каждый день, чтобы покупать еду.

Улыбка исчезла с его лица с еле заметной гримасой; чуть слышно шаркнули сапоги. Досада Таима, впрочем, длилась всего мгновение.

– Еда – не такая уж большая проблема, – вкрадчиво промолвил он, разведя руками. – Как вы сами сказали, мои люди способны Перемещаться. Туда, куда я прикажу. Сомневаюсь, что у вас что-то получится. Думаю, уже в десяти милях от Кэймлина я смогу закупать все необходимое, так что меня ваш запрет не обеспокоит. Тем не менее я разрешаю вам приезжать, только сначала попросите. Но визиты будут ограниченными, и всякий раз с эскортом. Обучение в Черной Башне тяжелое. Почти каждый день погибают люди. Я не хочу, чтобы произошел какой-нибудь несчастный случай.

Таим был раздражающе точен в том, на каком расстоянии от Кэймлина действуют ее указы. Но это всего лишь раздражало. А вот его упоминание о Перемещениях куда угодно по его приказу и о «несчастных случаях» – не являлось ли оно замаскированной угрозой? В душе Илэйн поднялась волна гнева, когда она поняла, что была уверена – он не будет ей угрожать из-за Ранда. Но она не станет прятаться за Ранда ал'Тора. *Ограниченные* визиты? Когда она *попросит*? Испепелить бы этого наглеца на месте!

Она вдруг осознала, что струится к ней от Бергитте по узам: гнев, отражение ее собственного, он сливался с гневом Бергитте, возвращался от Бергитте к ней, вновь накатывался на Бергитте, подпитывая сам себя, все нарастая и нарастая. Рука Бергитте, сжимавшая нож, вздрагивала от желания его метнуть. А сама Илэйн? Ее переполняла ярость! Еще чуть-чуть, и она могла упустить *саидар*. Или нанести удар.

Илэйн с трудом пригасила гнев, добившись какого-то подобия спокойствия. И, сглотнув комок в горле, постаралась, чтобы голос ее звучал ровно.

– Гвардейцы будут приезжать каждый день, мастер Таим. – Как это удастся при такой-то погоде, Илэйн не знала. – Возможно, я и сама прибуду, вместе с несколькими сестрами. – Если возможность появления Айз Седай в Черной Башне и расстроила Таима, он этого ничем не выказал. О Свет, она же пытается восстановить власть Андора, а не досадить этому человеку. Чтобы успокоиться, девушка торопливо проделала упражнение для послушниц – река входит в берега. Это немного помогло. Теперь ей хотелось только выплеснуть на него кубок вина. – С просьбой об эскорте я соглас-

на, но вы не должны ничего скрывать. Я не желаю, чтобы под покровом тайны прятали какие-то преступления. Мы поняли друг друга?

Поклон Таима отдавал насмешкой – насмешкой! – но в голосе его послышалась натянутость.

– Я вас прекрасно понял. Но и вы меня поймите. Мои люди – не крестьяне, они не станут падать перед вами на колени. Только надавите на Аша'мана, и узнаете, насколько крепок ваш закон.

Илэйн открыла рот, собравшись объяснить ему доподлинно, насколько крепок в Андоре закон, как в дверях раздался женский голос:

– Пришло время, Илэйн Траканд.

– Кровь и пепел! – пробормотала Дайлин. – Сюда что, весь *мир* решил явиться?

Илэйн узнала голос. Она ждала этого зова, не зная, когда он прозвучит. Но зная, что должна будет подчиниться немедленно. Она встала, жалея, что не хватило времени до конца объясниться с Таимом. А он, глядя на вошедшую женщину, нахмурился, потом перевел взор на Илэйн, явно не понимая, что это означает. Вот и хорошо. Пусть помается, пока у Илэйн снова не найдется время окоротить его и дать понять, какие такие особые права имеют в Андоре Аша'маны.

Надере была ростом с обоих спутников Таима, широкоплечей и почти такой же мускулистой, как все айильцы, которых видела Илэйн. Она несколько мгновений смотрела своими зелеными глазами на стоявших у порога мужчин и сочла, что интереса они не представляют. На Хранительниц Мудрости Аша'маны впечатления не производили. Затем, звякнув браслетами, Надере поправила темную шаль на плечах, прошла в гостиную и остановилась перед Илэйн, спиной к Таиму. Невзирая на холод, на ней поверх тонкой белой блузы была только шаль, но на руке для чего-то висел тяжелый шерстяной плащ.

– Ты должна идти сейчас, – сказала она Илэйн, – не мешкая.

Брови Таима едва не полезли на лоб; он явно не привык к тому, чтобы его игнорировали столь откровенно.

– Свет небесный! – прошептала Дайлин, массируя виски. – Я не знаю, в чем дело, Надере, но, наверно, с этим вполне можно подождать, пока…

Илэйн положила ладонь на руку Дайлин.

– Ты и в самом деле не знаешь, Дайлин, и подождать с этим нельзя. Я отошлю всех и пойду с тобой, Надере.

Хранительница Мудрости отрицательно покачала головой.

– Дитя, готовое родиться, не будет ждать, пока отошлют людей-. – Она качнула толстым плащом. – Я принесла его, чтобы оберечь

твое тело от холода. Наверно, мне стоит оставить плащ и сказать Авиенде, что твоя стыдливость сильнее желания обрести сестру.

До Дайлин внезапно дошел смысл происходящего, и она тихо охнула. От возмущения Бергитте узы Стража чуть не завибрировали.

Оставался только один выход. А на самом деле – никакого. Илэйн отпустила соединение с остальными двумя женщинами и *саидар*. Но сияние, окружавшее Ринейле и Мерилилль, не погасло.

– Ты поможешь мне с пуговицами, Дайлин? – услышав свой ровный голос, Илэйн ощутила гордость. Она ведь ждала этого. *Но не тогда, когда вокруг столько свидетелей!* – грустно подумала она. И, повернувшись спиной к Таиму – чтобы не видеть хотя бы, как он смотрит на нее! – начала расстегивать крохотные пуговки на рукавах. – Дайлин, тебя не затруднит?.. Дайлин!

Дайлин спохватилась, принялась возиться с пуговицами на спине платья, но все равно двигалась как во сне и что-то потрясенно бормотала. Один из Аша'манов у дверей сдавленно хихикнул.

– Кругом! – рявкнул Таим, и у дверей глухо стукнули сапоги.

Илэйн не знала, отвернулся ли сам Таим – она прямо-таки ощущала на себе его взгляд, – но внезапно рядом оказались Бергитте и Мерилилль, и Рин, и Зайда, и даже Ринейле. Плечом к плечу они встали стеной между Илэйн и мужчинами, хмуро поглядывая на последних. Не слишком хороший заслон. Все женщины были ниже Илэйн, а Зайда и Мерилилль едва доходили ей до плеча.

Сосредоточься, велела себе Илэйн. *Я спокойна. Я совершенно невозмутима. Я… Я раздеваюсь догола в комнате, где полно народу! Вот что я делаю!* Девушка заторопилась, сбросила на пол платье и сорочку, скинула мягкие туфли и чулки. Кожа ее тут же покрылась пупырышками; но дрожала Илэйн, кажется, не от холода. И щеки у нее пылали тоже по какой-то другой причине.

– Безумие! – глухо проворчала Дайлин, подхватив сброшенную одежду. – Полное безумие!

– В чем дело? – прошептала Бергитте. – Мне пойти с тобой?

– Я должна идти одна, – прошептала в ответ Илэйн. – И не спорь!

Бергитте не стала спорить, но за нее все сказали узы. Илэйн, вынув из ушей золотые кольца, отдала их Бергитте, потом, чуть помешкав, сняла и кольцо Великого Змея. Хранительницы Мудрости говорили, что она должна будет явиться, как новорожденное дитя. Указаний было много, а самое главное из них – никому не говорить, что произойдет. Она и сама не прочь узнать, что произойдет. Но дитя рождается, не зная заранее, что его ждет. Бергитте разворчалась точь-в-точь как Дайлин.

Вперед шагнула Надере с плащом, протянула его девушке; Илэйн поспешила завернуться в плотную ткань. Она по-прежнему чувствовала на себе взгляд Таима. И, хотя ее подмывало поскорее убраться отсюда, она запахнулась, выпрямилась, придерживая полы плаща, и медленно повернулась. Не будет она суетиться и дергаться, словно места от стыда не находит.

Пришедшие с Таимом мужчины стояли как деревянные лицом к дверям, а сам Таим, сложив руки на груди, гляделв камин. Значит, ощущение его взгляда было всего лишьигрой воображения. Все женщины в комнате, кроме Надере, смотрели на Илэйн кто с любопытством, кто с испугом, кто – потрясенно. На лице же Надере читалось только нетерпение.

Илэйн из последних сил попыталась придать своему голосу королевское достоинство.

– Госпожа Харфор, предложите мастеру Таиму и его людям вина на дорогу. – Хорошо, что голос хотя бы не дрожит. – Дайлин, займи, пожалуйста, Госпожу Волн и Ищущую Ветер и постарайся развеять их опасения. Бергитте, вечером я надеюсь услышать твои соображения насчет рекрутского набора.

Названные женщины изумленно моргали, потом молча кивали.

Наконец Илэйн вышла из гостиной следом за Надере, жалея, что не получилось лучше. И последним, что услышала она перед тем, как захлопнулись двери, был голос Зайды:

– Странные у вас, сухопутных, обычаи.

В коридоре Илэйн старалась идти быстро, но это было нелегко – приходилось придерживать плащ, чтобы он не распахивался. Красно-белые плиты пола оказались *намного* холоднее, чем ковры в гостиной. Встречные слуги, закутанные в теплые шерстяные ливреи, изумленно таращились на проходившую мимо Илэйн, потом торопились по своим делам. Огоньки канделябров подрагивали на вечном сквозняке коридоров. Ток воздуха порой шевелил даже гобелены на стенах.

– Так нарочно задумано, да? – спросила она у Надере, не слишком надеясь на ответ. – Позвали меня именно тогда, когда вокруг было полно людей. Чтобы убедиться, что Авиенда в самом деле многое значит для меня. – Ей не раз говорили, что это важнее всего. – А как вы поступили с *ней*?

У Авиенды, казалось, стыдливости было совсем мало, она частенько разгуливала по своим покоям без одежды, ничуть об этом не беспокоясь, даже не замечая входивших слуг. Да ей, считай, все равно, если ее заставят раздеться среди толпы.

– Если захочет, она сама тебе расскажет, – отозвалась Надере. – Ты проницательна, раз поняла. Многие не понимают. – Она хмык-

нула; от этого большая грудь ее всколыхнулась. – Как те мужчины поворачивались спиной, а женщины оберегали тебя! Я бы все это прекратила, если в мужчина в расшитой куртке не посматривал через плечо и не восхищался твоими бедрами. И если в твой румянец не подсказал, что ты об этом знаешь.

Илэйн сбилась с шага и споткнулась. Плащ распахнулся, и все сбереженное ею тепло улетучилось прежде, чем она подхватила полу и снова запахнулась.

– Мерзкий похотливый козел! – прорычала Илэйн. – Да я его!.. Я его…

Чтоб ей сгореть, и что она сделает? Расскажет Ранду? Пусть *он* разберется с Таимом? Да никогда в жизни! Надере с интересом взглянула на девушку.

– Многим мужчинам нравится глядеть на женские прелести. А теперь хватит думать о мужчинах и начинай думать о женщине, которую ты хочешь в сестры.

Вновь зардевшись, Илэйн представила себе Авиенду. Что ничуть не умерило ее волнения. Перед ритуалом ей велено было думать об определенных вещах, и кое-какие мысли девушку тревожили.

Надере шла с Илэйн шаг в шаг, а та старательно прикрывала ноги, чтобы их не было видно между распахивавшимися полами плаща – всюду шныряли слуги, – и очень скоро они добрались до комнаты, где собралось больше дюжины Хранительниц Мудрости, все в тяжелых юбках, белых блузах и темных шалях, украшенные ожерельями и браслетами из золота и серебра, драгоценной поделочной кости и самоцветов; длинные волосы их были повязаны сложенными шарфами. Из комнаты вынесли всю мебель и ковры, каменные плиты пола сверкали белизной. Огонь в камине не горел. Здесь, в глубине дворца, в помещении без окон гром был едва слышен.

Взгляд Илэйн сразу устремился к стоявшей в дальнем конце комнаты Авиенде. Обнаженной. Айилка взволнованно улыбнулась Илэйн. Взволнованно! И кто – Авиенда! Илэйн, поспешно сбросив плащ, улыбнулась в ответ. И, как сама сообразила, тоже взволнованно. Авиенда тихонько рассмеялась, а через мгновение рассмеялась и Илэйн. О Свет, а ведь и вправду воздух холодный! А пол еще холоднее!

Многих Хранительниц Мудрости девушка не знала, но одно знакомое лицо сразу бросилось ей в глаза. Эмис чем-то походила на Айз Седай, хоть волосы ее были седы, а на лице лежала печать многих лет жизни. Должно быть, она Переместилась из Кайриэна. Эгвейн обучала ходящих по снам, дабы расплатиться за то, что они делились с нею знаниями о *Тел’аран’риоде*. И чтобы отдать

долг, как она утверждала, хотя никогда не уточняла, что это за долг.

– Надеюсь, Мелэйн будет здесь, – промолвила Илэйн. Ей нравилась жена Бэила, радушная и щедрая женщина. Не то что две другие женщины в комнате, которых она тоже знала: костлявая, с угловатым лицом Тамела и Виендре, красивая голубоглазая орлица. Способностями в Силе обе превосходили и саму Илэйн, и любую из знакомых ей сестер, не считая Найнив. И хотя у айильцев этому не придавали особого значения, девушка не могла представить другой причины, почему они всякий раз при виде нее презрительно фыркали и смотрели свысока.

Илэйн предполагала, что старшей будет Эмис – она как будто всегда главенствовала, – однако вперед вышла невысокая женщина с соломенно-желтыми, чуть рыжеватыми волосами. Звали ее Монаэлле. Не такая уж она была и низенькая, но из всех собравшихся лишь она уступала в росте Илэйн. И была самой слабой в Силе – в Тар Валоне ее дара едва хватило бы, чтобы получить право на шаль. Наверное, для Айил уровень владения Силой и вправду не так важен.

– Будь здесь Мелэйн, – сказала Монаэлле резко, но не враждебно, – дети, которых она носит, стали бы, коснись их плетения, частью уз между тобой и Авиендой. Если бы, конечно, выжили вообще – у неродившихся слишком мало сил. Вопрос в том, хватит ли сил у вас двоих? – Обеими руками она указала на пол перед собой. – Выйдите сюда, на середину.

Только тут Илэйн поняла, что ритуал пройдет с применением *саидар*. Она-то думала, что это просто церемония, обмен клятвами, возможно, какие-то обеты. Что же все-таки должно произойти? Конечно, это неважно, но все-таки… Девушка, еле волоча ноги, приблизилась к Монаэлле.

– Мой Страж… Наши узы… Ее это… не затронет?..

Авиенда, вставшая лицом к Илэйн, нахмурилась, заметив ее колебания, но когда прозвучал вопрос, айилка тоже обратила испытующий взгляд к Монаэлле. Видимо, и она кое о чем не подумала.

Низкорослая Хранительница Мудрости покачала головой.

– Никого за пределами этой комнаты плетения не коснутся. Некоторые ощущения она может с тобой разделить, поскольку вы связаны узами, но весьма немногие.

Облегченный вздох Авиенды прозвучал эхом вздоха Илэйн.

– Итак, – продолжила Монаэлле. – Все нужно делать по порядку. Приступим. Мы же не вожди клана, обсуждающие за *оосквай* водные обеты. – Все остальные женщины, посмеиваясь над шуткой о вождях и крепком айильском напитке, окружили Авиенду

и Илэйн. Монаэлле уселась на пол, скрестив ноги, шагах в двух от обнаженных девушек. Смешки стихли, и голос ее зазвучал торжественно: – Мы собрались здесь потому, что две женщины желают стать первыми сестрами. Мы проверим, достаточно ли они сильны, и если так, то поможем им. Присутствуют ли их матери?

Илэйн вздрогнула, но в следующее мгновение позади нее оказалась Виендре.

– Мать Илэйн Траканд не может сюда прийти. Я – вместо нее. – Положив ладони на плечи Илэйн, Виендре подтолкнула ее вперед, а потом, надавив сверху, заставила опуститься на колени на холодный пол перед Авиендой и сама встала на колени. – Я предлагаю свою дочь для испытания.

За спину Авиенды шагнула Тамела, так же заставила ее опуститься на колени, почти вплотную к Илэйн, и тоже встала на колени позади девушки-айилки.

– Мать Авиенды не может сюда прийти. Я – вместо нее. Я предлагаю свою дочь для испытания.

В другое время Илэйн не удержалась бы и захихикала. С виду Виендре и Тамела выглядели старше Авиенды или самой Илэйн лет на пять-шесть. В другое время. Но не сейчас. Лица стоявших Хранительниц Мудрости были строги и серьезны. Они рассматривали ее и Авиенду, словно оценивали, верно ли они все взвесили.

– Кто претерпит за них муки рождения? – вопросила Монаэлле, и вперед шагнула Эмис.

Вместе с ней вышли еще двое, огненно-рыжая, по имени Шайанда, которую Илэйн видела с Мелэйн, и незнакомая седоволосая женщина. Они помогли Эмис раздеться. Гордая в своей наготе, Эмис повернулась лицом к Монаэлле и шлепнула себя по упругому животу.

– Я рожала детей. Я вскармливала их, – сказала она, взяв в ладони свои груди, выглядевшие так, словно детей у нее никогда не было. – Я предлагаю себя.

Монаэлле величественно кивнула в знак согласия, и Эмис села на колени с другой стороны, в двух шагах от Илэйн и Авиенды. По бокам от нее опустились на колени Шайанда и та седая Хранительница Мудрости. Внезапно сияние Силы окружило всех собравшихся в комнате женщин, за исключением Илэйн, Авиенды и Эмис.

Илэйн глубоко вздохнула и заметила, что Авиенда тоже вздохнула. В комнате повисла тишина, в которой слышались лишь дыхание, слабый отдаленный гром да редкий стук браслетов Хранительниц. Когда Монаэлле заговорила, Илэйн чуть не вздрогнула от неожиданности.

– Вы обе будете вести себя так, как вам указывали. Если вы дрогнете или зададите вопрос, то ваша решимость недостаточно тверда. Я отошлю вас, и все будет кончено, раз и навсегда. Я буду спрашивать, а вы станете отвечать искренне. Если откажетесь отвечать, вас отошлют прочь. Если любая здесь сочтет, что вы солгали, вас отошлют прочь. Разумеется, вы сами можете уйти в любое время. Что также сразу положит всему конец. Второго шанса не будет. Итак. Что, по-вашему, самое лучшее в женщине, которую вы хотите взять в первые сестры?

Отчасти Илэйн ожидала такого вопроса. В числе прочего ей велели подумать и об этом. Не так-то просто выбрать из многих достоинств одно, однако ответ у нее был готов. Когда Илэйн заговорила, потоки *саидар* внезапно сплелись вместе между нею и Авиендой, и ни единый звук не слетел с ее языка, как и с языка Авиенды. Машинально, какой-то частицей своего разума девушка подмечала плетения, откладывая их себе в память; даже сейчас стремление узнать новое было такой же частью ее «я», как и цвет глаз. Плетения исчезли, как только ее губы сомкнулись.

– Авиенда так уверена в себе, так горда. Ей все равно, что подумают о том, как она поступит, о том, какова она сама. Она – та, кем хочет быть, – услышала Илэйн собственный голос, и в то же время внезапно стали слышны и слова Авиенды: – Даже когда Илэйн так испугана, что у нее во рту сухо, духом она не поддается. Она храбрее всех, кого я видела.

Илэйн изумленно уставилась на подругу. Авиенда считает ее *храброй*? Свет, она, конечно, не трусиха, но разве *храбра*? Странно, но и Авиенда недоверчиво смотрела на *нее*.

– Храбрость как колодец, – сказала Виендре на ухо Илэйн, – в одном человеке глубокий, в другом – мелкий. Глубокий или мелкий, но со временем колодцы пересыхают, даже если позже вновь наполняются. Ты встретишь то, чему не сможешь противостоять. Твой хребет обратится в студень, а твоя хваленая храбрость оставит тебя, бросит плачущей во прахе. Этот день еще придет, – она говорила так, словно ей хотелось своими глазами увидеть эту картину.

Илэйн коротко кивнула. Она хорошо знала, каково это, когда хребет превращается в студень; чуть ли не ежедневно она боролась с подобным ощущением.

Тамела говорила Авиенде, и голос ее был почти таким же довольным, что и у Виендре.

– *Джи'и'тох* связывает тебя подобно стальным полосам. Ради *джи* ты заставляешь себя делать все то, чего от тебя ожидают, вплоть до мелочей. Ради *тох* ты, если понадобится, унизишь себя и будешь на брюхе ползать. Потому что тебя до мозга костей

волнует то, что *все* о тебе думают.

Илэйн чуть не ойкнула. Это было жестоко и несправедливо. Она кое-что знала о *джи'и'тох*, но Авиенда совсем не такая. Однако Авиенда кивнула, очень похоже на Илэйн. Нетерпеливо соглашаясь с тем, что и сама уже знала.

– Хорошие качества вам нравятся в первой сестре, – сказала Монаэлле, поправив шаль на локтях, – но что вы считаете в ней самым худшим?

Илэйн поерзала на мерзнущих коленях, облизнула губы и лишь потом ответила. Этого она страшилась. И вовсе не из-за предупреждения Монаэлле. Авиенда говорила, что они должны говорить правду. *Должны*, иначе чего стоит их дружба? Вновь плетения удержали слова девушек, пока они не договорили.

– Авиенда… – неожиданно раздался неуверенный голос Илэйн. – Она… она считает, что все можно решить силой. Иногда она думает не дальше своего ножа на поясе. Иногда она совсем как мальчишка, который не желает взрослеть!

– Илэйн знает, что… – начал голос Авиенды, потом, после паузы, он стал сбивчивым, торопливым. – Она знает, что красива, знает, какую власть над мужчинами дает красота. Иногда она выставляет напоказ чуть ли не всю грудь, и она улыбается, когда заставляет мужчин делать то, что ей хочется.

Илэйн задохнулась от возмущения. Авиенда *так* думает о ней? Да она выглядит сущей *вертихвосткой*! Авиенда нахмурилась в ответ и открыла было рот, но Тамела надавила ей на плечи и заговорила сама.

– Ты думаешь, мужчины не видят твоего лица? – в голосе Хранительницы Мудрости слышались нотки раздражения; властное – вот лучшее слово, каким можно было охарактеризовать ее лицо. – Разве они не посматривают на твою грудь в палатке-парильне? Не восхищаются твоими бедрами? Ты красива, и тебе это известно. Отрицать это все равно что отрекаться от самой себя! Тебе нравятся взгляды мужчин и ты улыбаешься им. Неужели ты никогда не улыбнешься мужчине, чтобы придать своим словам больший вес? Не прикоснешься к его руке, чтобы отвлечь от слабости своих доводов? Так было, и так будет.

Щеки Авиенды расцвели пунцовым цветом, но Илэйн нужно было слушать Виендре. И бороться с краской, залившей щеки.

– В тебе тоже есть насилие. Отрицать это все равно что отрекаться от самой себя! Неужели ты никогда не впадала в ярость, не бросалась с кулаками? Никогда не проливала кровь? Никогда тебе не *хотелось* этого? Никогда не видела иного пути? И мысли другой не было? Пока ты дышишь, насилие останется в тебе, без него нет тебя.

Илэйн подумала о Таиме, о других подобных случаях, и лицу стало жарко, как будто у натопленной печки.

На этот раз ответ был не один.

– Твои руки ослабеют, – говорила Тамела Авиенде. – Ноги утратят былую быстроту. Юнец окажется способен вырвать нож из твоей руки. Пригодятся ли тебе тогда умение владеть ножом или твоя свирепость? Сердце и разум – вот твое истинное оружие. Но разве, когда ты стала Девой, ты за один день научилась владеть копьем? Если ты не заточишь ныне разум и сердце, ты постареешь и дети способны будут запутать тебя. Клановые вожди усадят тебя в уголок играться с «кошачьей колыбелькой», а когда ты заговоришь, все услышат только ветер. Не забывай и, пока можешь, учись побеждать умом.

– Красота мимолетна, – продолжала Виендре, обращаясь к Илэйн. – Пройдут года, и груди твои обвиснут, плоть ослабнет, кожу покроют морщины. Мужчины, что улыбались, глядя на твое лицо, станут разговаривать с тобою так, словно бы ты – просто другой мужчина. Муж твой, может, и будет видеть тебя всегда такой, какой увидел впервые, но никто из других мужчин не станет грезить о тебе. А разве ты не останешься собой? Твое тело – всего лишь покров. Твоя плоть усохнет, но ты – это твои сердце и разум, а они не изменятся, разве что станут сильнее.

Илэйн покачала головой. Не отрицая, но и не соглашаясь. Впрочем, она никогда не задумывалась о старости. Особенно с тех пор, как отправилась в Башню. Груз лет не слишком тяжек даже для очень старых Айз Седай. А если она проживет столько же, что и женщины из Родни? Это, разумеется, означало бы отказаться от планиды Айз Седай, но что все-таки в таком случае? Родня стареет очень медленно, но и им не избежать морщин. О чем думает Авиенда? Она стояла на коленях с весьма… угрюмым видом.

– Что самое ребяческое в женщине, которую вы хотите взять в первые сестры? – произнесла Монаэлле.

С этим проще, и не так чревато последствиями. Говоря, Илэйн даже улыбнулась. Авиенда тоже ухмыльнулась – вся ее угрюмость куда-то исчезла. Вновь плетение сохранило слова девушек, освободив разом их голоса, в которых слышался смех.

– Авиенда не хочет учиться плавать. Хотя я и пыталась ее научить. Она не боится ничего, кроме воды, если той больше, чем в ванне для купания.

– Илэйн лопает сласти, хватает двумя руками, точно ребенок, сбежавший из-под надзора матери. Если не прекратит себя так вести, к старости растолстеет как свинья.

Илэйн вскинулась. Лопает? *Лопает*? Она просто пробует, вот и все. Хочется же попробовать и то, и это. *Растолстеет*? И почему

Авиенда так на нее зыркает? Разве не ребячество – отказываться заходить в воду глубже, чем по колено?

Монаэлле кашлянула, прикрыв рот ладонью, но Илэйн показалось, будто та прячет улыбку. Некоторые из стоявших Хранительниц Мудрости смеялись в открытую. Над глупостью Авиенды? Или над ее… тягой к сладкому?

Монаэлле вновь напустила на себя важный вид, расправила юбки, но в голосе ее проскальзывали смешливые нотки.

– Что вызывает у вас самую большую зависть к женщине, которую вы хотите взять в первые сестры?

Наверное, Илэйн попыталась бы увильнуть от ответа на этот вопрос, даже вопреки требованию говорить правду. То, что сразу пришло ей на ум, было правдой, но она могла бы сказать что-нибудь другое, что сошло бы тоже за правдивый ответ и меньше смутило бы их обеих. Наверное, могла бы. Но то, что она, Илэйн, расточает улыбки мужчинам и грудь выставляет напоказ… Может, она и улыбается, но сама-то Авиенда! Разгуливает в чем мать родила перед красными как раки слугами, словно их не замечает! А Илэйн, значит, конфеты *лопает*, да? И скоро растолстеет, да? И девушка стала говорить горькую правду, а потоки подхватывали ее слова, и губы Авиенды тоже двигались в мрачном безмолвии, пока обе подруги наконец не закончили и сказанное ими не зазвучало в комнате.

– Авиенда лежала в объятиях мужчины, которого я люблю. А я – нет; может, и никогда не буду, и мне остается только оплакивать свою судьбу.

– Илэйн любима Рандом ал'То… *Рандом*. У меня сердце разрывается от желания, чтобы он любил меня, но я не знаю, случится ли это когда-нибудь.

Илэйн вперила взгляд в непроницаемое лицо Авиенды. Та завидует ей из-за *Ранда*? Когда он избегает Илэйн Траканд, будто у нее чесотка? Дальше размышлять ей не дали.

– Ударь ее ладонью изо всей силы, – велела Тамела Авиенде, убрав свои руки с плеч девушки.

Виендре слегка сжала плечи Илэйн.

– Не защищайся.

Ни о чем таком их раньше не предупреждали! Наверняка Авиенда не станет…

Илэйн, сморгнув, оперлась на руки и приподнялась с ледяных плит пола. Осторожно ощупала щеку и поморщилась. Отпечаток ладони останется на весь день. Напрасно Авиенда ударила *так* сильно.

Все ждали, пока Илэйн вновь не опустится на колени, а потом Виендре наклонилась ближе.

– Ударь ее ладонью изо всей силы.

Ладно, она-то не собирается бить Авиенду по уху. Она-то вовсе не собирается… От полновесной пощечины Авиенда растянулась на полу, даже проскользила грудью по полу к самой Монаэлле. У Илэйн рука от удара горела так же, как собственная щека.

Авиенда приподнялась на руках, помотала головой, потом с трудом вновь заняла свое место. И Тамела сказала:

– Ударь ее другой рукой.

На этот раз Илэйн улетела по стылому полу к самым коленям Эмис. В голове звенело, горели *обе* щеки. И когда она снова встала на колени напротив Авиенды и Виендре велела ей ударить, Илэйн вложила в оплеуху весь вес своего тела, так что, когда Авиенда упала, чуть сама не свалилась на нее.

– Теперь вы можете уйти, – сказала Монаэлле.

Илэйн резко обернулась к Хранительнице Мудрости. Авиенда, еще не успевшая подняться, окаменела.

– Если хотите, – продолжала Монаэлле. – Мужчины обычно после этого уходят, а то и раньше. Да и многие женщины тоже. Но если вы по-прежнему любите друг друга и готовы продолжать, то обнимитесь.

Илэйн кинулась к Авиенде, и встречный порыв подруги едва не опрокинул ее. Девушки сжали друг друга в объятиях. Илэйн почувствовала, что из глаз у нее текут слезы, и поняла, что Авиенда тоже плачет.

– Мне очень жаль, – горячо зашептала Илэйн. – Прости, Авиенда.

– Прости меня, – шептала ей в ответ айилка. – Прости меня.

Монаэлле теперь стояла над ними.

– Каждая из вас еще узнает на себе гнев другой, вы будете говорить жестокие слова, но вы всегда будете помнить, что уже ударили ее. Ударили ее лишь потому, что вам велели так поступить. У вас *тох* друг к другу, *тох*, который вы не сможете заплатить и не станете и пытаться, поскольку каждая женщина – навсегда в долгу перед своей первой сестрой. Вы родитесь вновь.

Ощущение от *саидар* в комнате изменилось, но как именно, Илэйн не определила бы, даже явись у нее такая мысль. Свет померк, словно погасли все лампы. Прикосновение рук Авиенды перестало ощущаться. Звуки затихли. Последнее, что слышала Илэйн, был голос Монаэлле:

– Вы родитесь вновь.

Все исчезло. Она сама исчезла – будто перестала существовать.

Какой-то проблеск сознания. Она не думала ни о себе, ни о чем другом, просто что-то ощущала. Какой-то звук. Вокруг журчала жидкость. Приглушенное бульканье, неясный рокот. И ритмич-

ные глухие удары. Это слышнее всего. *Ту-тук. Ту-тук.* Она не понимала почему, но ей было приятно. *Ту-тук*.

Время. Она не знала времени, однако проходили Эпохи. Звук раздавался внутри нее, звук, который и был ею. *Ту-тук*. Тот же звук, тот же ритм. *Ту-тук*. И из другого места, ближе. *Ту-тук*. Другой. *Ту-тук*. Тот же звук, тот же стук. Нет, не другой. Они были одинаковы; они были едины. *Ту-тук*.

Вечность минула под этот мерный ритм, все существующее время. Она коснулась другой, той, которая была ею самой. Она могла чувствовать. *Ту-тук*. Она двигалась, она и та, другая, что была ею, они изгибались, руки и ноги сплетались, их разносило в стороны, но они всегда возвращались друг к другу. *Ту-тук*. Иногда появлялся во мраке свет; сумрак, недоступный зрению, но яркий для того, кто никогда не знал ничего, кроме тьмы. *Ту-тук*. Она открыла глаза, всмотрелась в глаза другой, которая была ею самой, потом, удовлетворенная, снова закрыла их. *Ту-тук*.

Внезапно случилась перемена, потрясшая ту, которая не знала никаких перемен. Давление. *Ту-тук-ту-тук*. Это успокаивающее биение стало быстрее. Конвульсивное сдавливание. Вновь. Еще раз. Становится сильнее. *Ту-тук-ту-тук! Ту-тук-ту-тук!*

Внезапно другая, что была ею, – исчезла. Она осталась одна. Она не знала страха, но она испугалась, и была одна. *Ту-тук-ту-тук!* Давление! Сильнее, чем прежде! Сдавливая ее, сминая ее. Если бы она знала, как кричать, если бы она знала, что такое крик, она бы вопила.

А потом свет, слепящий, и вокруг закружились образы. Она обрела вес; прежде она не ощущала никакого веса. Режущая боль в животе. Что-то щекотало ее ногу. Что-то щекотало спину. Поначалу она не поняла, что за крик рвется из нее. Она слабо задрыгала ногами, замахала руками, которые не знали, как двигаться. Ее подняли, положили на что-то мягкое, но тверже, чем она когда-либо раньше ощущала, не считая воспоминаний о другой, которая была ею, той, которая исчезла. *Ту-тук. Ту-тук*. Звук. Тот же звук, то же биение. Ее охватило одиночество, непонятное, но и удовлетворение тоже.

Медленно начала возвращаться память. Она приподняла голову и взглянула вверх, на лицо Эмис. Да, Эмис. Мокрое от пота и с усталыми глазами, но улыбающееся. И она была Илэйн; да, Илэйн Траканд. Но теперь в ней было еще что-то. Не похожее на узы Стража, но все же похожее. Слабее, но намного прекраснее. Медленно и неуверенно – шея дрожала – она повернула голову и увидела ту, которая была ею самой, лежащую рядом на груди Эмис. Увидела Авиенду: волосы той слиплись, лицо и тело блестело от пота. И она радостно улыбалась. Смеясь, плача, они обняли

друг друга так крепко, словно не собирались никогда разжимать объятия.

– Это моя дочь Авиенда, – произнесла Эмис, – а это моя дочь Илэйн, рожденные в один день, в один час. Пусть они всегда оберегают друг друга, поддерживают друг друга, любят друг друга. – Она тихонько засмеялась, устало и ласково. – А теперь пусть кто-нибудь принесет нам одежду, пока я и мои новые дочери не замерзли насмерть!

В эту минуту Илэйн было все равно, замерзнет она насмерть или нет. В слезах, смеясь, она сжимала в объятиях Авиенду. Она обрела свою сестру. О Свет, она обрела сестру!

* * *

Тувин Газал разбудил шум – шаги других женщин, приглушенные разговоры. Лежа на жесткой узкой койке, она с сожалением вздохнула. Ее руки, сжимавшие глотку Элайды, были всего лишь приятным сном. А эта крохотная каморка с парусиновыми стенами – реальность. Спала она плохо и чувствовала себя разбитой и измотанной. К тому же проспала и позавтракать вряд ли успеет. Тувин неохотно откинула одеяла. Прежде здание представляло собой что-то вроде склада, с толстыми стенами, низким потолком и тяжелыми стропилами, но тепла оно не сохраняло. Изо рта от дыхания вырывался пар, и не успела она опустить ноги на неструганые половицы, как сквозь сорочку сразу принялся кусать морозный утренний воздух. Но даже возникни у нее мысль еще понежиться в постели, того не позволили бы отданные ей приказы. Мерзкие узы Логайна не допускали неподчинения, как бы ей ни хотелось другого.

Тувин всегда старалась думать о нем как о просто Абларе, или в худшем случае – как о мастере Абларе, но всегда в голове появлялось имя Логайн. Имя, приобретшее печальную известность. Логайн, Лжедракон, разгромивший армии своего родного Гэалдана. Логайн, сметший с дороги немногих алтаранцев и мурандийцев, у кого хватило духу попытаться остановить его, пока он не стал угрозой для самого Лугарда. Логайн, укрощенный и каким-то образом вновь обретший способность направлять Силу, посмевший наложить проклятое плетение *саидин* на Тувин Газал. Какая жалость, что он не приказал ей перестать думать! Она *чувствовала* его, где-то в глубине своего сознания. Он всегда был там.

На миг Тувин крепко зажмурилась. О Свет! Ферма госпожи Довиль казалась Бездной Рока, многолетнее изгнание и бесконечное наказание – почти немыслимыми, как и то, что она превратилась в гонимую изменницу. Нескольких дней не прошло с того дня, как ее захватили в плен, и она многое поняла. Вот она, Бездна

Рока. И нет возможности ни бежать, ни спастись. Тувин сердито помотала головой, яростно стерла пальцами блестевшую на щеках влагу. Нет! Она спасется, как-нибудь, но спасется, пусть только для того, чтобы на самом деле вцепиться в горло Элайде. Как-нибудь, но спасется.

В комнатке, не считая койки, было всего три предмета обстановки, но все равно свободного места почти не оставалось. Поясным ножом Тувин разбила ледок в стоявшем на умывальнике желто-полосатом кувшине, наполнила щербатый белый тазик и направила Силу, согревая воду, пока над тазиком не поднялся пар. Чтобы согреть воду, ей было *позволено* направлять. Но не более того. Механически она почистила зубы солью и содой, затем достала из маленького деревянного сундучка в ногах койки свежую сорочку и чулки. Свое кольцо Тувин хранила на самом дне, в маленьком бархатном мешочке. Тоже по приказу. Здесь были все ее вещи, кроме бювара. Когда ее захватили, бювар, к счастью, потерялся. Платья висели на вешалке – шкафа для них не было. Она не глядя выбрала одно, оделась и принялась расчесывать волосы щеткой и гребнем.

Украшенная костяной накладкой щетка замедлила движения, когда Тувин всмотрелась в свое отражение в убогом, с пузырями, зеркале. Прерывисто вздохнув, она положила щетку рядом с гребнем. Взятое наугад платье оказалось из плотной, тонкой шерсти красного цвета, столь темного оттенка, что казалось почти черным. Черным, как одежда Аша'манов. Ее искаженное отражение смотрело на нее, кривя губы. Сменить платье – означает в каком-то смысле признать свое поражение. И Тувин решительно сдернула с вешалки свой подбитый куницей серый плащ.

Когда она откинула парусиновый полог, в длинном центральном проходе, тянувшемся вдоль парусиновых выгородок, было уже около двадцати сестер. Некоторые тихонько переговаривались, но большинство избегали смотреть в глаза другим, даже членам собственной Айя. Страх владел всеми, но на многих лицах читался стыд. Акоура, коренастая Серая, смотрела на руку, на которой обычно носила свое кольцо. Десандре, Желтая, гибкая, как ивовый прут, прятала правую руку под мышкой.

При появлении Тувин тихие разговоры смолкли. Несколько женщин в упор посмотрели на нее. В том числе и Дженаре с Лемай, из той же Айя, что сама Тувин! Десандре уже настолько пришла в себя, что повернулась к ней спиной. За два дня чудовища в черных мундирах захватили в плен пятьдесят одну Айз Седай, и пятьдесят из них винили в этом несчастье Тувин Газал, как будто Элайда а'Ройхан тут вовсе ни при чем. Не вмешайся Логайн, уже в первую ночь здесь они выместили бы свое зло на

Тувин. И Тувин вовсе не полюбила его за то, что он прекратил избиение и заставил Карниеле Исцелить рубцы от ремней и синяки, оставленные кулаками и ногами. Она предпочла бы оказаться забитой до смерти, чем быть у него в долгу.

Набросив на плечи плащ, Тувин с гордым видом прошла по коридору и шагнула под бледные лучи утреннего солнца, которые были под стать ее изнеможенному состоянию. В спину Тувин кто-то выкрикнул злые обидные слова, а потом дверь, оборвав их, закрылась. Дрожащими руками Тувин натянула капюшон, спрятала лицо под темным мехом. Никто не смеет безнаказанно измываться над Тувин Газал. Даже госпожа Довиль, которая за несколько лет сумела добиться подобия повиновения, узнала об этом, когда изгнание окончилось. Она еще покажет им. Она еще всем им покажет!

Общая спальня пленниц находилась на окраине большого, довольно необычного поселения. Поселения Аша'манов. Как слышала Тувин, здания тут располагались так, что повторяли в миниатюре Белую Башню, но в большинстве из домов теперь жили. В каждой из пяти больших массивных каменных казарм, что стояли вдоль улиц, шириной не уступавших тарвалонским, могла поместиться сотня Аша'манов-солдат. Благодарение Свету, казармы были пока пусты; еще два здания с толстыми стенами, окруженные строительными лесами, присыпанными снегом, поджидали рабочих – оставалось доделать соломенные крыши. Около дюжины каменных зданий поменьше были построены для Посвященных – каждое под десять человек, еще одно достраивалось. А вокруг стояло почти две сотни обычных домов, какие можно увидеть в любой деревне; в них жили семейные мужчины и семьи тех, кто еще недалеко продвинулся в обучении.

Мужчины, обладавшие способностью направлять Силу, не пугали Тувин. Однажды, правда, она поддалась панике, но это к делу не относится. Однако пятьсот мужчин, способных направлять, были для нее что осколок кости между зубами, которого не вытащить. Пять *сотен*! И они могли Перемещаться – некоторые из них. Очень острый осколок кости. А до стены ей пришлось прошагать по снегу через лес с милю, если не больше. Вот это-то и пугало ее, это как раз имело значение.

Стена не была достроена, хотя достигала местами высоты в двенадцать, а то и в пятнадцать шагов, башни и бастионы были едва начаты. Она могла бы взобраться в некоторых местах на груды черных камней, если бы не приказ не пытаться бежать. Тем не менее стена тянулась на *восемь* миль, и Тувин верила Логайну, который утверждал, будто ее начали возводить меньше трех месяцев назад. Ему нет нужды врать – слишком крепко он

держал ее. Логайн назвал возведение стены пустой тратой времени и сил, и, возможно, так оно и было, но при виде ее Тувин скрипнула зубами. Всего три месяца. И с использованием Силы. Мужской половины Силы. Глядя на эту черную стену, она видела безжалостную мощь, которую невозможно остановить, катящуюся лавину, которая грозила похоронить под собой Белую Башню. Что, разумеется, невозможно. Невозможно, но когда Тувин не снились сны, как она душит Элайду, она видела сны о гибели Башни.

Ночью прошел снегопад, и крыши укрыло толстое белое одеяло, но по широкой улице Тувин двигалась без труда. Утоптанная земля была расчищена – это было частью обучения мужчин, урок, который они выполняли до восхода. Они пользовались Силой всегда – начиная с укладки поленьев в дровяные ящики до чистки одежды! Тут и там по улице торопились мужчины в черном, еще больше их выстраивалось в шеренги перед казармами, кто-то громким голосом проводил перекличку. Мимо них безмятежно проходили закутанные от холода женщины, неся корзины со склада или кожаные ведра с водой от ближнего источника, чего Тувин никак не могла взять в толк – как здесь могла оставаться хоть одна женщина, зная, кем стал ее муж? Вне ее разумения было и другое: бегавшие по улицам дети; они шныряли среди черных каре мужчин, способных направлять Силу, смеялись и кричали, играли с обручами и мячами, возились с куклами и собаками. Штрих обыденности, который только усугублял остальную зловещую картину.

Навстречу Тувин по улице шагом двигался отряд верховых. За свое короткое пребывание здесь – целая вечность! – она ни разу не видела в поселении конных, только рабочих с повозками и фургонами. Никаких посторонних. Но некоторые из этого отряда являлись, похоже, почетными гостями. Пятеро мужчин в черном сопровождали с дюжину людей в красных мундирах и плащах Гвардии Королевы, впереди ехали две светловолосые женщины, одна в красно-белом плаще, подбитом черным мехом, а вторая… У Тувин брови полезли на лоб. На второй были зеленые кандорские штаны и куртка, по покрою и отделке свидетельствовавшая о принадлежности Капитан-Генералу Гвардии. На плече ее красного плаща даже красовались золотые банты, знак этого звания! Должно быть, насчет мужчин в красном Тувин ошиблась. Встреться эта девица с настоящими гвардейцами, ей бы несладко пришлось. Как бы там ни было, для визитеров час слишком ранний.

Всякий раз, как странная процессия приближалась к очередному каре, воин перед строем выкрикивал: «Аша’маны, равняйсь!

Смирно!» – и под дружный стук каблуков по утоптанной земле остальные застывали точно каменные столбы.

Поглубже натянув капюшон и пряча лицо, Тувин отошла с середины улицы к углу одной из каменных казарм. Из дверей ее появился пожилой мужчина с раздвоенной бородой, на его вороте блеснула серебром эмблема в виде меча. Не замедляя шага, он с любопытством взглянул на Тувин.

И тут до нее дошло, что она сделала. Ее будто окатили ведром холодной воды, и она чуть не разрыдалась. Теперь ни одна из этих женщин не заметит лица Айз Седай, даже если они и способны узнать таковую. Если кто-то из них обладает способностью направлять, как бы невероятно это ни было, они не пройдут настолько близко, чтобы определить этот дар и в Тувин. Она страдает и изводится, не желая подчиняться Логайну, а потом безропотно, не задумываясь, исполняет его указания!

Как будто в знак неповиновения Тувин остановилась на месте, повернулась и стала наблюдать за гостями. Руки ее машинально поправили капюшон, прежде чем она успела прижать их к телу. И смешно, и грустно. Аша'мана во главе отряда она узнала, по крайней мере, не раз видела его: массивный мужчина средних лет с сальными черными волосами, с елейной улыбкой и многозначительным взглядом. Но остальных она не знала. Ну и на что она надеется? К чему ей этот факт? Как можно доверить кому-то из них послание? Даже провались эскорт сквозь землю, как ей подойти, чтобы передать записку, – ведь ей запрещено раскрывать посторонним, что в деревне есть Айз Седай?

Сегодняшние обязанности черноволосому явно уже наскучили, он зевал чуть ли не в открытую, лениво прикрывая рот рукой в перчатке.

– …Когда мы осмотрим все тут, – говорил он, проезжая мимо Тувин, – я покажу вам Городок Ремесленников. Он побольше будет. У нас найдутся люди всяких профессий, от каменщиков и плотников до кузнецов и портных. Мы можем изготовить все, что нам нужно, леди Илэйн.

– Кроме репы, – высоким голосом сказала одна из женщин, а вторая рассмеялась.

Тувин вскинула голову. Она проводила взглядом всадников, двигавшихся по улице под выкрики приказов и стук каблуков. Леди Илэйн? Илэйн Траканд? Младшая из двоих вполне подходила под данное Тувин описание. Элайда не объяс-няла, почему ей так отчаянно хочется заполучить беглую Принятую, пусть даже та и могла стать королевой, но Элайда не отпускала из Башни ни одной сестры, не распорядившись, как той поступить, если встретится случайно эта девчонка. *Будь очень осторожна, Илэйн Тра-*

канд, подумала Тувин. *Мне бы не хотелось, чтобы Элайда радовалась – а значит, не попадайся к ней в лапы.*

Она задумалась было, нет ли способа воспользоваться присутствием здесь девушки, но неожиданно в глубине сознания ее возникло некое ощущение – умеренной удовлетворенности и нарастающей решимости. Логайн позавтракал. И скоро выйдет. А к этому времени он велел ей быть у него.

Не успела Тувин об этом подумать, как ноги сами пустились бегом. И в результате юбки запутались между ног, и Тувин грохнулась наземь. От падения перехватило дыхание. В душе вскипел гнев, но она поднялась на ноги и, даже не отряхнувшись, подхватила юбки выше колен и вновь припустила бегом. Плащ за спиной надулся пузырем. Вслед ей летели пронзительные крики мужчин, а ребятишки со смехом указывали на нее пальцами.

Вдруг откуда ни возьмись Тувин окружила стая собак – злобно рыча, псы норовили ухватить ее за пятки. Она запрыгала, завертелась, принялась отбиваться ногами, но собаки не отставали. Ей хотелось завопить от ярости и огорчения. Вечно от собак неприятности, а она не может и капельки Силы направить, чтобы их отогнать. Серая псина вцепилась в подол, потянула в сторону. Тувин охватила паника. Если она упадет, собаки разорвут ее в клочья.

Какая-то женщина в коричневой шерстяной одежде закричала и с размаху швырнула тяжелое ведро в собаку, державшую Тувин за юбку. Псина шарахнулась; круглая бадья угодила пятнистой дворняге по ребрам, и, затявкав, та кинулась прочь. Тувин в удивлении оглянулась, и это ей дорого обошлось: другая собака вцепилась в ее левую ногу, разорвала клыками чулок и содрала лоскут кожи. Тут Тувин окружили женщины, отгоняя чем попало насевших на нее собак.

– Ступай своей дорогой, Айз Седай, – сказала костлявая седая женщина, стегая кнутом пятнистого пса. – Больше они тебя не тронут. Я бы завела себе кошечку, но кошки теперь не выносят моего мужа. Иди.

Тувин, не задержавшись даже поблагодарить спасительниц, побежала дальше. Она лихорадочно соображала. Женщины знали. Раз знает одна, знают и все. Но они не станут передавать посланий, не помогут при побеге – нет, коли сами остаются здесь. Сознательно они помогать не будут. Так-то.

Неподалеку от дома Логайна, на одной из боковых узких улиц Тувин замедлила шаг и поспешно опустила юбки. У порога ждали восемь или девять человек в черных куртках – мальчики, старики и зрелые мужчины, – но Логайна среди них еще не было. Она по-прежнему ощущала его – преисполненного целеустремленно-

сти, сосредоточенного. Наверное, читает. Остаток пути Тувин проделала с уверенным видом. Воплощение спокойствия, до кончиков ногтей Айз Седай, каковы бы ни были обстоятельства. Ей почти удалось выбросить из памяти свое паническое бегство от собак.

Всякий раз, как Тувин видела дом, она не переставала удивляться. Другие дома на этой улице не уступали ему размерами, два были даже больше. Обычный деревянный двухэтажный дом, только вот странно смотрелись красные дверь, ставни и оконные рамы. Стекла в окнах были столь скверного качества, что Тувин сомневалась, сумела бы она что-нибудь разглядеть внутри, будь даже отдернуты занавески. В таком неказистом доме мог жить не слишком преуспевающий лавочник; слишком уж мало он походил на резиденцию одного из самых печально известных людей этого времени.

Тувин недоуменно оглянулась, высматривая Габрелле. Где она? Вторая сестра, связанная узами с Логайном, получила те же указания, что и Тувин, и до сих пор всегда оказывалась на месте первой. Габрелле так увлеченно изучала Аша'манов, словно собиралась написать о них книгу. Возможно, это предположение недалеко от истины; Коричневых хлебом не корми, дай только какой трактат составить. Тувин выбросила мысли о Коричневой сестре из головы. Если Габрелле опоздает, тогда и посмотрим, как она будет выкручиваться. А пока у Тувин есть чем заняться.

Стоявшие у красной двери мужчины оглядели Тувин, но ничего не сказали. Враждебности в этом не было. Они просто ждали. Дыхание белесыми облачками клубилось у лиц, но плащей на них не было. Все имели ранг Посвященных и носили на вороте значок в виде меча.

И так каждое утро, когда Тувин *докладывала* о своем приходе, правда, у дома не всегда ждали одни и те же мужчины. Некоторых она знала, во всяком случае, по именам. Красавчик Эвин Винчова – он был в том лесу, когда ее захватил Логайн, – прислонился к углу дома и забавлялся с веревочкой. Донало Сандомер, если таково было его настоящее имя, с морщинистым лицом фермера и остроконечной напомаженной бородкой, пытался принять томную позу, каковая, по его разумению, свойственна людям благородного звания. Тарабонец Андрол Генхальд, коренастый и широкоплечий, задумчиво супил брови, заложив за спину руки; он носил золотое кольцо-печатку, но Тувин считала его подмастерьем, сбрившим усы и снявшим вуаль. Мезар Курин, доманиец с седыми висками, теребил в левом ухе серьгу с гранатом; весьма вероятно, он принадлежал к какому-нибудь незначительному Дому. Мысленно Тувин тщательно раскладывала по полочкам

имена и лица. Раньше или позже их придется выследить, и тогда пригодится любая деталь, которая поможет их опознать.

Красная дверь открылась, мужчины выпрямились, но на пороге появился вовсе не Логайн.

Тувин удивленно моргнула, потом в упор взглянула в зеленокоричневые глаза Габрелле, не стараясь скрыть своего отвращения. Благодаря этим проклятым узам с Логайном она знала, чем занимался тот прошлой ночью – ей казалось, что она *никогда* не заснет! – но и в самых ужасных предположениях она не допускала, что с ним Габрелле! Кое-кто из мужчин был изумлен не меньше. Некоторые прятали улыбки. Курин в открытую ухмыльнулся и большим пальцем пригладил тоненькие усики.

Гадкая женщина даже покраснеть не удосужилась. Она подняла свой вздернутый нос, затем нахально оправила на бедрах темно-синее платье, словно бы обращая всеобщее внимание на свой наряд. Затем, накинув на плечи плащ и завязывая шнурки, двинулась к Тувин, серьезная, какой бывала в Башне.

Тувин схватила ее за руку, оттащила в сторону от мужчин.

– Может, мы и пленницы, Габрелле, – резко зашептала она, – но это еще не причина сдаваться. Тем более не причина уступать мерзкой похоти Аблара! – На лице Габрелле не было заметно и капли смущения или стыда. И тут Тувин осенило. Ну конечно. – Неужели он… Он тебе *приказал*?

Издав нечто вроде презрительного хмыканья, Габрелле высвободила руку.

– Тувин, мне понадобилось два дня, чтобы решить, стоит ли, как ты сказала, «уступить» его похоти. Считаю, мне повезло, что я всего за четыре дня убедила его подпустить меня к себе. Возможно, вам, Красным, и неведомо это, но мужчины любят болтать и сплетничать. Нужно лишь слушать или хотя бы притворяться, что слушаешь, и мужчина выложит тебе всю свою жизнь. – Лоб ее пересекла задумчивая морщинка, кривая усмешка пропала с губ. – Интересно, похоже ли это на то, что бывает с обыкновенными женщинами?

– Что на что похоже? – требовательно спросила Тувин. Габрелле за ним *шпионит*? Или просто пытается собрать побольше материала для своей книги? Но *такое* просто невероятно, даже для Коричневой! – О чем ты говоришь?

Задумчивое выражение не сходило с лица Габрелле.

– Я чувствовала… беспомощность. О, он был нежен, но я никогда раньше не думала, как сильны мужские руки, а я не в состоянии и капельки Силы направить. Он был… главнее, так я думаю, хотя это и не совсем правильно. Скорей… сильнее, и я это понимала. Такое странно волнующее чувство… будто голова кружится.

Тувин содрогнулась. Габрелле наверняка рехнулась! Она только собралась заявить ей об этом, как из дома появился сам Логайн. Он был высок ростом, выше любого мужчины возле его красной двери, надменное лицо обрамляли темные волосы, спускавшиеся на широкие плечи. На высоком вороте его куртки красовались серебряный меч и та нелепая змея с ногами. Логайн закрыл за собою дверь и одарил Габрелле улыбкой. Эта вертихвостка улыбнулась ему в ответ. Тувин вновь содрогнулась. Волнующее! Габрелле точно ума лишилась!

Собравшиеся мужчины, как обычно по утрам, начали докладывать Логайну. Тувин почти никогда не могла определить, кто из них по положению старше или младше, но слушала внимательно.

– Логайн, я отыскал еще двоих, кто, по-видимому, интересуется тем новым способом Исцеления, который применила к тебе Найнив, – хмурясь, сказал Генхальд, – но один едва ли способен на то Исцеление, какое нам известно, а второй… Он желает знать больше, чем я мог ему сказать.

– Вряд ли ты расскажешь ему больше, чем знаю я, – отозвался Логайн. – Госпожа ал'Мира мало чем поделилась со мной. И мне удалось разузнать лишь крохи и обрывки, прислушиваясь к разговорам других сестер. Просто бросай семена и надейся, что будут всходы. Это все, что нам под силу.

Вслед за Генхальдом закивали и еще несколько мужчин.

Тувин взяла кое-что на заметку. Найнив ал'Мира. По возвращении в Башню она частенько слыхала это имя. Еще одна беглая Принятая – еще одна, кого желала заполучить в свои руки Элайда, и это желание превосходило всякие разумные границы. И она из той же деревни, что ал'Тор. И как-то связана с Логайном. Что со временем могло к чему-то привести. Но *новый* способ Исцеления? Использованный *Принятой*? Невероятно – да даже и невозможно, но Тувин уже не раз становилась свидетельницей невозможного, так что она запрятала услышанное поглубже. Как она заметила, Габрелле тоже внимательно слушала. Вдобавок и за Тувин наблюдала краем глаза.

– Кое с кем из двуреченцев есть трудности, Логайн, – заявил Винчова. На его гладком лице выступили пятна от гнева. – К тому же это сущие мальчишки! Тем двоим от силы четырнадцать! А сколько им на самом деле, они не говорят. – Сам-то он был всего на год-два постарше, судя по юношескому пушку на щеках. – Это преступление – привести их сюда.

Логайн покачал головой, но с сожалением или в гневе – было не определить.

– Я слыхал, в Белую Башню забирают девочек двенадцати лет. Если получится, присматривай за двуреченцами. Нянчиться нельзя, иначе на них остальные ополчатся, но постарайся, чтобы они не наделали глупостей. Лорду Дракону вряд ли понравится, если мы убьем слишком много его земляков.

– По-моему, ему до них дела нет, – пробормотал лощеный малый. В его речи явственно слышался мурандийский выговор, хотя лихо закрученные усы и так говорили, откуда он родом. Он сосредоточенно перекатывал между пальцев серебряную монету, что, казалось, ничуть не мешало его разговору с Логайном. – Слышал я, сам Лорд Дракон велел М'Хаелю выкорчевать в Двуречье все мужское, что способно направлять. Под корень извести. И тот стольких привел, что я удивился, как он не приволок заодно барашков с петушками.

Его острота была встречена ухмылками, но ровный тон Логайна пресек их, как отрезал.

– Что бы ни приказывал Лорд Дракон, я надеюсь, мои приказы совершенно ясны.

На этот раз коротко кивнули все, а кое-кто даже пробормотал: «Да, Логайн» и «Как скажешь, Логайн».

Тувин поспешила стереть с лица презрительную усмешку. Невежественные олухи. Башня принимает девочек младше пятнадцати, только если они уже начали направлять Силу. Впрочем, остальное из услышанного представляет определенный интерес. Опять Двуречье. Чуть ли не каждый твердит, что ал'Тор повернулся спиной к своей родине, однако Тувин не была в этом уверена. Почему Габрелле за ней наблюдает?

– Прошлой ночью, – помолчав, заметил Сандомер, – я узнал, что М'Хаель дает отдельные уроки Мишраилю. – Он потеребил остроконечную бородку с таким довольным видом, точно отыскал драгоценный самоцвет.

Возможно, так и есть, но Тувин не могла сказать, чем же ценно его сообщение. Логайн медленно кивнул. Другие молча переглянулись, лица их были будто высечены из скалы. Глядя на них, Тувин испытала разочарование. Слишком часто так случалось: они не видели смысла комментировать какие-то события – или боялись? – и она не понимала сути происходящего. Она чувствовала, что за умалчиванием этим кроются драгоценные зерна, но достать их была не в силах.

Низкорослый, едва по грудь Логайну, но широкоплечий кайриэнец открыл было рот, но Тувин так и не узнала, хотел он сказать еще что-то о Мишраиле или о другом.

– Логайн! – По улице во всю прыть, громко топоча сапогами, несся Вэлин Каджима. Мелко позвякивали колокольчики в его

косичках. Еще один Посвященный, чересчур улыбчивый мужчина средних лет, он тоже был с Логайном, когда тот пленил Тувин. Каджима был связан узами с Дженаре. Он тяжело дышал, и улыбки на лице его сейчас не было. Протолкавшись к Логайну и едва переведя дыхание, Каджима заговорил: – Логайн, из Кайриэна вернулся М'Хаель. На доске у дворца он написал имена новых дезертиров. Ты не поверишь, кто они!

И срывающимся от волнения голосом он единым духом огласил имена. То и дело его прерывали изумленные восклицания других, так что Тувин почти ничего не удалось расслышать.

– Посвященные и раньше дезертировали, – пробормотал кайриэнец, когда Каджима договорил, – но такого *никогда* не случалось с теми, кто получил звание Аша'мана. А теперь семеро? И сразу?

– Если мне не веришь… – начал Каджима, нервно вытягиваясь во весь рост. В Арафеле он был писцом.

– Мы тебе верим, – поспешил его успокоить Генхальд. – Но Гедвин и Торвал, они же из людей М'Хаеля. Рочайд и Кисман – тоже. С чего бы им дезертировать? Он давал им все, впору королям.

Каджима недовольно покачал головой, отчего его колокольчики тихонько зазвенели.

– Вы же знаете, в списке только имена. О причинах никогда не говорится.

– Тем лучше – пусть катятся, – прорычал Курин. – А еще лучше, если не нам придется их теперь выслеживать.

– Вот других я не пойму, – вмешался Сандомер. – Я был у Колодцев Дюмай. И видел потом, как выбирал Лорд Дракон. Ну, Дашива, этот как всегда, в облаках витал. Но Флинн, Хопвил, Наришма? Счастливее людей не было. Они были все равно что ягнята, которых в амбар с зерном пустили.

Седоватый крепыш сплюнул.

– Не знаю, у Колодцев я не был, но побывал на юге, против Шончан. – Выговор у него был андорский. – Видать, ягнятам не так понравилось на скотобойне, как в амбаре.

Логайн сложил руки на груди и слушал, не вмешиваясь в разговор. Его непроницаемое лицо, точно маска, скрывало все мысли. А потом он спросил:

– А тебя, Канлер, беспокоит скотобойня?

Андорец поморщился, потом пожал плечами.

– По-моему, мы туда прямиком и идем. Раньше, позже, все там будем, Логайн. Особого выбора у нас вроде и нет, но смеяться над этим я бы не стал.

– Это от настроения зависит, – негромко заметил Логайн. Он обращался к человеку, которого назвал Канлером, но согласно закивали все остальные.

Логайн, бросив взгляд за спины мужчин, заметил Тувин и Габрелле. Тувин всем своим видом постаралась показать, что ничуть не подслушивала, а сама мысленно твердила услышанные имена.

– Здесь холодно, ступайте в дом, – велел женщинам Логайн. – Сделайте себе чаю, согрейтесь. Я приду, как только смогу. И не трогайте мои бумаги.

Знаком подозвав к себе Аша'манов, он повел их по улице в ту сторону, откуда появился Каджима.

Тувин разочарованно скрипнула зубами. Хоть у нее и не получилось сопровождать Логайна туда, где проходила подготовка, мимо так называемого Древа Изменников, где на голых сучьях больными плодами торчали отрубленные головы, и понаблюдать за тем, как мужчины учатся уничтожению с помощью Силы, тем не менее она надеялась, что придет день, когда она сможет свободно бродить где вздумается и разузнает побольше. Тувин и раньше слышала, как мужчины упоминают «дворец» Таима, и сегодня рассчитывала увидеть его и, может, хоть одним глазком взглянуть на человека, чье имя обрело столь же мрачную славу, что и имя Логайна. Вместо этого она покорно шагнула вслед за Габрелле за красную дверь. Сопротивляться бесполезно.

Войдя, Тувин обвела внимательным взором переднюю, а Габрелле тем временем повесила плащ на колышек. Внутри Тувин ожидала увидеть нечто грандиозное, соответствующее славе Логайна, пусть внешне дом его и выглядел неказисто. В сложенном из нетесаного камня очаге горел огонь. Голые половицы, длинный узкий стол, простые стулья. Внимание ее привлек письменный стол, отличавшийся несколько лучшей отделкой, чем прочая мебель. На нем стояло множество закрытых шкатулок для писем, валялись кожаные папки с бумагами. У Тувин буквально зачесались руки, но она знала, что, даже усевшись за стол, не сможет и пальцем коснуться ничего, кроме ручки и стеклянной чернильницы.

Вздохнув, Тувин двинулась за Габрелле на кухню, где дышала жаром растопленная железная плита и на низком шкафчике возле окна стояли грязные тарелки с остатками завтрака. Габрелле наполнила чайник водой и поставила на плиту, затем из другого шкафчика достала зеленый глазурованный заварник и деревянную чайницу. Тувин бросила плащ на стул и села за квадратный стол. Чаю ей вовсе не хотелось – разве что вместе с завтраком, на который она не успела, – но пить придется.

Глупая Коричневая принялась болтать, одновременно возясь с посудой и чаем, будто довольная жизнью фермерская женка.

– Я уже о многом разузнала. Логайн – единственный полный Аша'ман, кто живет в самом поселении. Все остальные живут у Таима во «дворце». У них есть слуги, но Логайн нанял жену одного из тех, кто проходит обучение. Она готовит для него и убирается. Скоро она придет, а поскольку она считает, что благодаря ему восходит солнце, нам лучше к ее приходу закончить мало-мальски важные разговоры. Он нашел твой бювар.

Тувин почувствовала, как ледяная рука стиснула ее горло. Она постаралась скрыть свое потрясение, но Габрелле смотрела на нее в упор.

– Он сжег его, Тувин. После того, как все прочитал. Кажется, он думает, что сделал нам одолжение.

Рука ослабила свою хватку, и Тувин сумела вздохнуть.

– В моих бумагах был приказ Элайды. – Она откашлялась, чтобы избавиться от хрипоты в голосе. Приказ Элайды гласил – укротить всех обнаруженных здесь мужчин, а затем сразу же повесить, без судебного разбирательства в Тар Валоне, какового требует закон Башни. – Она требовала применения суровых мер, и эти мужчины могли отреагировать сурово, если бы узнали о содержании приказа. – Несмотря на исходящий от плиты жар, Тувин пробрал озноб. Эта одна-единственная бумажка могла дорого обойтись им всем – их могли бы усмирить и повесить. – А зачем ему делать нам одолжение?

– Не знаю, Тувин. Он – не злодей, как, в общем-то, и большинство людей. Может, в этом и все дело. – Габрелле поставила на стол тарелку с хрустящими булочками и еще одну, с белым сыром. – Или же в том, что эти узы гораздо больше сходны с узами Стража, чем мы полагаем. Может, ему не хотелось испытать, что будет, если нас обеих казнят.

В желудке Тувин все перевернулось, но булочку она взяла как ни в чем не бывало.

– Подозреваю, «сурово» – еще мягко сказано, – продолжала Габрелле, ложечкой засыпая чай в заварочный чайник. – Я заметила, как ты дернулась. Разумеется, они пошли на риск, приведя нас сюда. Пятьдесят одна сестра! И пусть на нас наложены узы, но они должны опасаться, что мы отыщем способ обойти их приказы, какую-нибудь щелку, которую они проглядели. Ответ очевиден – если мы погибнем, гневу Башни не будет предела. А раз мы живы и в плену, даже Элайда станет вести себя осмотрительно, – она засмеялась, негромко и весело. – Ну и лицо у тебя, Тувин. Потвоему, я все время только и думала, как бы запустить пальцы в шевелюру Логайна?

Тувин захлопнула рот и отложила нетронутую булочку. Все равно холодная и черствая на ощупь. Пожалуй, это было ошибкой – считать Коричневых оторванными от мира, погруженными в свои книги и исследования и не замечающими больше ничего вокруг.

– Что еще ты видела?

Габрелле, все еще держа ложку в руке, села за стол напротив Тувин и наклонилась к ней.

– Их стена, может, и будет мощной, когда ее закончат, но здесь полно трещин. Есть клика Мазрима Таима, есть сторонники Логайна, хотя я не уверена, отдают ли оба себе в этом отчет. Возможно, существуют и другие группировки, и, конечно, найдутся и такие мужчины, которые ни о чем не ведают. Пятьдесят одна сестра – ужели мы не можем воспользоваться этим обстоятельством, даже и при узах? Второй вопрос – что мы от этого получим?

– Второй вопрос? – переспросила Тувин, но собеседница ее молча ждала ответа. – Если мы сумеем вбить клин в щели и расширить их, – наконец промолвила она, – мы рассеем по миру десять, пятьдесят, а то и сотню банд, каждая опаснее любой виденной нами армии. Чтобы переловить всех, потребуется целая жизнь, и мир может постигнуть нечто вроде нового Разлома, и это тогда, когда грядет Тармон Гай'дон. Именно так, если этот пресловутый ал'Тор и в самом деле Возрожденный Дракон. – Габрелле открыла было рот, но Тувин отмахнулась. Весьма вероятно, он и есть Возрожденный Дракон. Впрочем, в данный момент это вряд ли имеет значение. – Но если мы не… Подавить бунт, собрать всех сестер в Башню, отозвать всех ушедших на покой сестер – и то не знаю, сумеем ли мы все вместе уничтожить это место. Полагаю, при этом погибнет половина Башни. А какой первый вопрос?

Габрелле откинулась на спинку стула, лицо ее вдруг стало усталым.

– Да, решить не просто. И каждый день они приводят еще больше мужчин. Полагаю, пятнадцать–двадцать с того дня, как мы здесь.

– Габрелле, довольно шутки шутить! Что за первый вопрос?

Взгляд Коричневой сестры стал пронзительнее, она окинула Тувин долгим взглядом.

– Скоро первоначальный шок пройдет, – в конце концов произнесла она. – И что потом? Власти, данной тебе Элайдой, больше нет; поход окончен. И первый вопрос: едины ли мы, пятьдесят одна сестра, или вновь превратимся в Коричневых и Красных, Желтых, Зеленых и Серых? И отдельно – бедная Аяко, которая горько жалеет, что Белые настояли на участии в походе сестры от их Айя. Самое высокое положение среди нас занимают Лемай и

Десандре, – Габрелле предостерегающе взмахнула ложкой. – Единственный для всех шанс удержать единство – это нам с тобой публично признать главной Десандре. Мы должны так поступить! Во всяком случае, это будет началом. Надеюсь. Если мы сумеем объединиться хотя бы еще с несколькими, начало будет положено.

Тувин глубоко вздохнула и сделала вид, что задумалась, глядя в никуда. Само по себе подчинение сестре, занимающей более высокое положение, не столь неприятно. У всех Айя есть свои тайны, порой они немного интригуют друг против друга, но теперешний открытый раскол в Башне ее ужасал. Кроме того, она узнала, что значит смирение – смирению ее научила госпожа Довиль. Интересно, понравился ли той нищенский труд на ферме при надсмотрщице, которая посуровей ее самой?

– Я смогу пойти на это, – наконец сказала Тувин. – Нам нужен план действий, чтобы убедить Десандре и Лемай. – Отчасти план у нее уже был, правда, придумывала она его не для того, чтобы выносить на чей-то суд – чей бы он ни был. – Ой, Габрелле, вода кипит.

Глупая женщина, вдруг улыбнувшись, встала и заторопилась к плите. Все-таки Коричневые всегда лучше разбирались в манускриптах, чем в людях. Прежде чем Логайн и Таим, а с ними и все прочие, будут уничтожены, они помогут Тувин Газал низвергнуть Элайду.

* * *

Своей громадой, упрятанной за массивными стенами, стольный город Кайриэн прижимался к реке Алгуэнья. Небо было чистым и безоблачным, но задувал холодный ветер, и под яркими солнечными лучами сверкал засыпавший крыши снег, искрились не желавшие таять сосульки. Алгуэнья не замерзла, но с верховьев течение несло небольшие неровные льдины. Они кружились на стремнине, глухо ударялись о борта кораблей, ожидавших у причалов своей очереди на разгрузку. Зима и война, а еще и появление Возрожденного Дракона не лучшим образом сказывались на торговле, но она не знала перерыва: торговля замирает только с гибелью страны. Несмотря на холод, по улицам города, террасами прорезавшими склоны холмов, шли люди, катились фургоны и телеги. Города, который здесь называли Столицей.

Перед уступчатыми квадратными башнями Солнечного дворца, возле длинного въезда, собралась толпа, глазевшая на дворец. Купцы в одеждах из тонкой шерсти и благородные господа в бархате стояли рядом с чумазыми работниками и еще более грязными беженцами. Никому не было дела до того, кто подпирает

рядом плечо, и даже карманники забыли о своем ремесле. Посмотрев на дворец, мужчины и женщины уходили, покачивая головами, но им на смену вставали другие, порой подсаживая детей, чтоб им было лучше видно разрушенное крыло дворца, где рабочие расчищали развалины третьего этажа. Во всем Кайриэне слышались удары молотов, скрип тележных осей, выкрики лавочников, сетования покупателей, бормотание купцов. Толпа же перед Солнечным дворцом хранила молчание.

В миле от дворца, в претенциозно названной Академии Кайриэна, Ранд стоял у окна и сквозь заиндевелое стекло смотрел на мощеный конюшенный двор. Во времена Артура Ястребиное Крыло, да и раньше, существовали школы, называемые Академиями, – центры знаний, куда со всех уголков мира стекались ученые. Тщеславие тут роли не играло; пусть хоть Сараем зовут, лишь бы делали то, чего он хочет. Куда более важные дела не оставляли мыслей Ранда. Не допустил ли он ошибки, так рано вернувшись в Кайриэн? Но у него не оставалось времени и он вынужден был бежать, чтобы в нужном месте узнали, что он действительно бежал. Бежал поспешно и не имея времени подготовиться. Однако оставались вопросы, которые нужно было задать, и дела, которые нельзя отложить. И Мин хотела забрать книги мастера Фила. Ранд слышал, как она бормочет себе под нос, копаясь среди полок, куда убрали книги после смерти Фила. Похоже, вскоре библиотеке Академии станет тесно в отведенных ей комнатах бывшего дворца лорда Бартанеса, тем более недавно объявили, что библиотека купит отсутствующие у нее книги и рукописи и скупиться не станет. Где-то в глубине сознания Ранда сидела Аланна, судя по всему, она пребывала в мрачном расположении духа; уж она-то узнает, что Ранд в Столице. Находясь так близко, она могла бы отправиться прямиком к нему, но о подобной ее попытке он узнал бы. Благодарение небесам, что Льюс Тэрин сейчас умолк. В последнее время он кажется безумнее прежнего.

Ранд протер рукавом от инея кусочек оконного стекла. Добротная темно-серая шерсть, в самый раз для человека, у которого водятся деньги и который о себе высокого мнения, – и навряд ли такая одежда подходит для Возрожденного Дракона, каким его рисует молва. На запястье блеснула металлом златогривая драконья голова; здесь это не опасно. Наклонившись к стеклу и глядя во двор, Ранд ненароком коснулся сапогом лежавшей под окном кожаной сумы.

Каменные плиты конюшенного двора были расчищены от снега, и в центре стояла большая повозка. Ее, точно выросшие на поляне грибы, окружали ведра и бадьи. С полдюжины мужчин в

тяжелых куртках, шарфах и шапках что-то делали с необычным грузом фургона; механические устройства густо облепили толстый металлический цилиндр, занимавший более половины кузова повозки. Еще страннее – у фургона отсутствовали оглобли. Один из мужчин перекладывал наколотые поленья из большой тележки в боковину металлического ящика, прикрепленного ниже одного конца цилиндра. В ящике горел огонь, в открытую дверцу виднелись красные отсветы, а из высокой узкой трубы шел дым. Возле фургона суетился бородатый лысый мужчина. Шапки на нем не было. Он размахивал руками, куда-то указывал и, по-видимому, выкрикивал какие-то распоряжения, которые, впрочем, ничуть не подгоняли остальных. Дыхание людей вилось белыми султанчиками. В комнате же было почти тепло – благодаря большим печам в подвалах Академии и разветвленной системе отопления и вентиляции. Полуисцеленные незаживающие раны на боку Ранда горели.

Он не мог разобрать приглушенные чертыханья Мин – но был уверен, что она именно ругается, и, судя по тону, они не уйдут отсюда, если только ее за шкирку не выволочь. Впрочем, можно еще кое о чем спросить.

– Что говорят люди? О дворце?

– Легко догадаться, – отвечал из-за спины Ранда лорд Добрэйн – с бесконечным терпением, как он отвечал и на все прочие вопросы. Даже когда он признавал, что чего-то не знает, тон его нисколько не менялся. – Некоторые говорят, что на вас напали Отрекшиеся. Или Айз Седай. Те, кто думает, будто вы поклялись в верности Айз Седай, склонны полагать, что Отрекшиеся. В любом случае вовсю обсуждают, погибли вы, похищены или сбежали. Большинство считает, что вы живы, где бы вы ни были, или же говорят, что так думают. Некоторые и, боюсь, таких немало, считают… – он умолк.

– Что я сошел с ума, – закончил за Добрэйна Ранд таким же ровным тоном. Не стоит о том ни волноваться, ни сердиться. – Что я сам разрушил часть дворца? – Ему не хотелось говорить о погибших. Их было меньше, чем в другое время, в других местах, но все равно много, и отдельные имена встают перед мысленным взором, стоит только закрыть глаза. Один из людей внизу слез с фургона, но лысый поймал его за руку и потащил обратно, заставляя показать сделанное. Еще один из рабочих, неосторожно спрыгнув на мостовую по другую сторону фургона, поскользнулся, и лысый, бросив первого, обежал фургон и заставил второго тоже забраться наверх следом за собой. Что, во имя Света, они делают? Ранд оглянулся через плечо. – И не так уж они не правы.

Добрэйн Таборвин встретил его взгляд бесстрастными темными глазами. Это был низкорослый мужчина, с бритой спереди и припудренной по этикету головой. Красивым Добрэйна не назовешь, но замечательна его уравновешенность. Спереди на его темном бархатном кафтане от шеи и почти до колен были нашиты синие и белые полосы. В кольце-печатке сверкал резной рубин, и еще один рубин был приколот на вороте – не слишком крупный, но для кайриэнца вызывающе яркий. Добрэйн являлся Верховной Опорой своего Дома, и за спиной у него было сражений побольше, чем у многих, и напугать его могло мало что. Доказательством чему была битва у Колодцев Дюмай.

Но на Ранда смотрела без страха и приземистая седеющая женщина, терпеливо ожидавшая своей очереди подле Добрэйна. Платье Идриен Тарсин, шерстяное, практичного коричневого цвета, простотой наводившее на мысль о лавочнице, резко контрастировало с элегантной придворной одеждой Добрэйна, однако у Идриен был свой источник властности и достоинства. Она занимала пост главы Академии, звание, которое она сама себе присвоила, поскольку большинство ученых и механиков стали называть себя мастерами того, учителями сего, а то и магистрами. Школой она управляла твердой рукой ивозлагала надежды на сугубо практичные вещи, например на новые способы мощения дорог или создания красок, на усовершенствования в литейном или мельничном деле. И еще она возлагала надежды на Дракона Возрожденного. Практично это или нет, но во всяком случае прагматично, и ему придется довольствоваться этим.

Ранд вновь повернулся к окну и расчистил кусочек стекла побольше. Возможно, сооружение предназначено для нагревания воды – в некоторых ведрах вроде как еще оставалась вода; а в Шайнаре для нагревания воды в банях используются большие котлы. Но при чем тут фургон?

– Никто не уходил после моего появления? Или, может, пришел нежданно?

Никого на самом деле Ранд не ждал, никого, кто представлял бы для него интерес. Голубиная почта купцов, «глаза-и-уши» Белой Башни – и Мазрим Таим, о котором он не должен забывать; при этом имени Льюс Тэрин нечленораздельно зарычал, – со всеми этими голубями, шпионами, соглядатаями, болтливыми языками весь мир через несколько дней узнает, что он пропал из Кайриэна. Кайриэн больше не будет полем грядущей битвы. Но ответ Добрэйна удивил Ранда.

– Никто, разве что… Айлил Райатин и одна из высокопоставленных особ Морского Народа. Обе исчезли после… нападения. – Еле заметная пауза. Возможно, он и сам не был уверен, что же

произошло. Однако данное слово он сдержит. Свою верность Добрэйн доказал у Колодцев Дюмай. – Тела не обнаружены, но их могли убить. Тем не менее Госпожа Волн Морского Народа отказывается допускать подобную возможность. Она подняла сущую бурю, требуя отыскать ее женщину. По правде сказать, Айлил могла убежать из города. Или отправилась к своему брату, несмотря на данную вам клятву. Ваши три Аша'мана по-прежнему в Солнечном дворце. Флинн, Наришма и Хопвил. Из-за них люди нервничают. Теперь еще больше, чем раньше.

Глава Академии издала горлом какой-то звук и переступила с ноги на ногу, шаркнув туфлей по половице. Она-то точно нервничает из-за них.

Ранд выбросил Аша'манов из головы. Находясь в Солнечном дворце, на таком удалении от Академии, ни один из них не почувствовал, как он открыл здесь переходные врата, – не настолько они сильны. Эти трое не участвовали в нападении, однако тому, кто составил план атаки, нельзя отказать в уме, он вполне мог предусмотреть возможность неудачи. И вполне мог запланировать другой сюрприз, заранее приставив своих людей к Ранду – на случай, если тот уцелеет.

«Ты не уцелеешь, – прошептал Льюс Тэрин. – Никто из нас не уцелеет».

Сгинь, усни, раздраженно подумал Ранд. Он и сам знал, что ему не уцелеть. Но выжить хотелось. Ответом ему стал раздавшийся в голове иронический хохот, вскоре затихший. Лысый мужчина во дворе теперь разрешил всем спуститься с фургона и с довольным донельзя видом потирал руки. Ну и ну, да он, похоже, собрался речь произнести!

– Айлил и Шалон живы, и они не сбежали, – громко сказал Ранд. Он их связал, заткнул рты и засунул под кровать, где их через несколько часов обязательно обнаружили бы слуги, хотя щит, сплетенный им на Ищущей Ветер Морского Народа, должен был распуститься еще раньше. Тогда обе женщины освободились бы сами. – Присмотритесь к Кадсуане. Она могла увести их во дворец леди Арилин.

– Кадсуане Седай приходит в Солнечный дворец и покидает его, когда захочет, словно он ее собственный, – рассудительно произнес Добрэйн, – но как она вывела бы их незамеченными? И зачем? Айлил – сестра Торама, но его претензии на Солнечный Трон и раньше были призрачны, а теперь все равно что пыль. И она никакой важности не имеет, даже как пешка в игре. А что касается того, чтобы удерживать высокопоставленную Ата'ан Миэйр… С какой целью?

Ранд постарался придать голосу беспечность и легкость.

– А зачем, Добрэйн, она удерживает в «гостях» леди Каралайн и Благородного Лорда Дарлина? Зачем Айз Седай что-то делают? Вы найдете их там, где я сказал. Если она вас впустит.

«Зачем» – вопрос совсем не глупый. Просто у него нет ответа. Разумеется, Каралайн Дамодред и Айлил Райатин представляют два последних Дома, удерживавших Солнечный Трон. И Дарлин Сиснера возглавлял ту часть знати Тира, которая желала выбросить Ранда вон из их драгоценной Твердыни, вон из Тира.

Ранд нахмурился. Он был уверен, что Кадсуане не оставляет его без внимания, хоть и делает вид, что это не так, но вдруг она не притворяется? Вот было бы хорошо! Меньше всего ему нужна Айз Седай, которая думает, будто может совать нос в его дела. Меньше всего. Наверное, Кадсуане решила сунуть свой нос еще куда-нибудь. Мин видела на голове Сиснеры необычную корону; Ранд немало размышлял над этим видением. О другом, что предстало ей в видениях, ему думать не хотелось, особенно о том, что касалось его самого и Зеленой сестры. Может, все еще проще – вдруг Кадсуане полагает, будто в ее власти решить, кто станет править и Тиром, и Кайриэном?

Проще? Ранд чуть не рассмеялся. Но ведь именно так ведут себя Айз Седай. А Шалон, Ищущая Ветер? Через нее Кадсуане могла бы воздействовать на Харине, Госпожу Волн, но Ранд подозревал, что Ищущую Ветер Кадсуане прихватила за компанию с Айлил, чтобы скрыть, кто захватил знатную даму. Кадсуане будет немало разочарована. Уже решено, кто будет править в Тире и Кайриэне. Он укажет ей на просчет. Попозже. Это для него сейчас – далеко не самое главное.

– Прежде чем я уйду, Добрэйн, мне нужно вручить вам… – слова буквально замерзли у него на языке.

На дворе мужчина без шапки потянул за рычаг на фургоне, и неожиданно конец длинной горизонтальной перекладины двинулся вверх, потом ушел вниз, приведя в движение рычаг покороче, утопив его в отверстии, прорезанном в днище фургона. И, дрожа так, словно вот-вот развалится на части, извергая дым из трубы, фургон двинулся с места. Перекладина поднималась и опускалась, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Фургон ехал, и без всяких лошадей!

Ранд и не сообразил, что говорит вслух, пока Идриен ему не ответила.

– А-а, это! Милорд Дракон, это паровой фургон Мервина Поэла. Так он его называет, – в ее высоком, удивительно молодом голосе явственно слышались неодобрительные нотки. – Заявляет, будто эта хитроумная повозка потянет сотню фургонов. Думаю, вряд ли, вечно в ней что-то ломается или замерзает. Впрочем, насколько

мне известно, один раз ему удалось проехать на ней пятьдесят шагов.

И в самом деле этот… паровой фургон?.. не проехав и двадцати шагов, задрожал и остановился. Вокруг содрогавшегося все сильнее фургона вновь засуетились люди, один из них принялся что-то лихорадочно крутить в нем, обмотав руку тряпкой. Внезапно из узкой трубы ударила струя пара, дрожь стала слабее, а потом и вовсе прекратилась.

Ранд покачал головой. Он вспомнил, что видел уже этого Мервина с его устройством, которое подрагивало на столе и ничего не делало. И из этой штуки родилось этакое чудо? Ему-то казалось, что она скорее имела отношение к музыке. Выходит, вокруг фургона прыгал Мервин, грозя остальным кулаком. Что же еще за необычные изобретения создают здесь, в Академии, какие чудеса?

Когда Ранд, все еще глядя на суету у фургона, задал этот вопрос, Идриен громко фыркнула. По мере того, как она говорила, слышавшееся в ее голосе уважение к Дракону Возрожденному уступало место недовольству.

– И без того плохо, что я должна искать места для философов, историков, арифметиков и тому подобного люда. Но вы велели принимать любого, кто хочет создать что-то новое. Пусть, мол, трудятся, пока у них получается что-то дельное. Я полагала, вы надеетесь на какое-то оружие, но теперь у меня на руках десятки мечтателей и мотов, и у каждого по старой книге или манускрипту, а то и пять-шесть. И все, заметьте, по времени относятся, по их уверениям, к заключению Союза Десяти Государств, если не к самой Эпохе Легенд! И все пытаются отыскать смысл в рисунках и набросках, и в описаниях вещей, которых они в глаза не видели, а возможно, и никто никогда не видел! Я сама заглядывала в эти старые рукописи – в них говорится о людях с глазами на животе, о животных десяти футов высотой с клыками длиной в человеческий рост, о городах, где…

– Но что они делают, госпожа Тарсин? – спросил Ранд. Люди вокруг фургона двигались сосредоточенно, действовали целеустремленно – те, кого постигла неудача, так себя не ведут. И фургон-то ехал.

На сей раз глава Академии фыркнула громче.

– Всякие глупости, милорд Дракон, вот что они делают. Кин Товир сконструировал большую зрительную трубу. Через нее можно увидеть луну так отчетливо, как собственную ладонь. Еще в нее видно то, что Товир называет иными мирами. Но что в этом проку? А теперь ему хочется построить еще большую трубу. Мэрил Харке мастерит громадных воздушных змеев, которые зовет

планерами, и с наступлением весны вновь собирается прыгать с холмов. Сердце замирает, когда видишь, как она планирует с холма на этой штуковине. Боюсь, в следующий раз, когда змей сложится, она себе не только руку сломает. Джандер Парентакис верит, будто водяным колесом с мельницы сможет привести в движение баржу. Но когда он взял на борт достаточно людей, чтобы крутить колесо, на судне не осталось места для груза, и его баржу обогнал бы любой корабль с парусом. Рийн Анхара поймал молнию в большие кувшины – сомневаюсь, что ему известно, зачем оно надо… Нико Токама – просто глупа, со своими…

Ранд развернулся так резко, что Идриен от неожиданности попятилась и даже Добрэйн переступил с ноги на ногу – движением опытного фехтовальщика. Нет, они вовсе не уверены, что он не сошел с ума.

– Поймал молнию? – негромко спросил Ранд.

На ее грубоватом лице появилось понимание, и Идриен всплеснула руками.

– Нет, нет! Не так… совсем не так! – Не так, как вы, хотела она сказать. – Это штуковина – провода, колеса, большие глиняные кувшины и один Свет знает что еще. Он называет это молнией, и я однажды видела, как на кувшин запрыгнула крыса, на торчащий на верхушке металлический штырь. Ее и впрямь будто молнией ударило. – И добавила с надеждой в голосе: – Если желаете, я его остановлю.

Ранд попытался представить, как кто-то летит на воздушном змее, но зрелище было совершенно нелепое. А молния, пойманная в кувшин, – такая картина оказалась не под силу его воображению. И еще…

– Пусть продолжают свою работу. Кто знает? Может, какое-то из изобретений окажется важным. Если какое-то устройство работает как заявлено, выдайте изобретателю награду.

На морщинистом загорелом лице Добрэйна отразилось сомнение, которое он постарался скрыть. Идриен угрюмо наклонила голову в знак согласия и даже присела в реверансе, но про себя думала, похоже, что Ранд просит научить свиней летать.

Ранд отчасти был с ней согласен. Но вдруг одна из этих свиней все-таки отрастит крылья? Фургон же ехал! А ему очень хотелось оставить что-то после себя, что помогло бы миру пережить новый Разлом, который, по утверждению Пророчеств, он принесет. Тревожило другое: он никакого представления не имел, что бы это могло быть. Разве только школы… Но кто возьмется сказать, какие чудеса они явят? О Свет, как же ему хочется создать хоть что-нибудь, что переживет его.

Я думал, что смогу такое создать, тихо произнес у Ранда в голове Льюс Тэрин. *Я ошибся. Мы не строители, ни ты, ни я, ни тот, другой. Мы – разрушители. Разрушители*.

Ранда пробрала дрожь. Он запустил пятерню в волосы. Тот, другой? Иногда голос, звучавший вполне трезво, выдавал нечто совершенно безумное. А они смотрели на Ранда: Добрэйну почти удалось скрыть свою неуверенность, а Идриен даже и не пыталась прятать свои сомнения. Выпрямившись, словно ни в чем не бывало, Ранд вытащил из-за пазухи два тонких пакета. На обоих, на печатях красного воска, красовались Драконы. Печатью с успехом послужила пряжка ремня, которым и сейчас был подпоясан Ранд.

– Тот, что сверху, назначает вас моим наместником в Кайриэне, – сказал он, протягивая пакеты Добрэйну. Третий пакет по-прежнему лежал у груди, он предназначался Грегорину ден Лушеносу и назначал того наместником в Иллиане. – Так что, пока меня не будет, вряд ли кто станет сомневаться в ваших полномочиях. – Возникни подобные трудности, Добрэйн справится с ними и при помощи своих воинов, но лучше, чтобы никто не мог выразить сомнений или сослаться на неосведомленность. Затруднений, пожалуй, вообще не будет, если все поверят, что на нарушителя спокойствия обрушится сам Дракон Возрожденный. – Там еще распоряжения, что нужно сделать, но я полагаюсь и на ваш здравый смысл. Решайте сами. Когда леди Илэйн заявит о своих правах на Солнечный Трон, окажите ей всемерную поддержку. – Илэйн… О Свет, Илэйн и Авиенда. По крайней мере, им ничего не угрожает. Теперь бормотание Мин звучало удовлетворенно; наверное, она отыскала книги мастера Фила. А ей он позволил идти за собой навстречу гибели, потому что недостаточно силен, чтобы ее остановить. *Илиена*, простонал Льюс Тэрин. *Прости меня, Илиена!* Голос Ранда был холоден, как сердце зимы. – Вы узнаете, когда нужно будет вручить второй. И стоит ли вручать. Как угодно, но добейтесь у него ответа и выслушайте, что он скажет. Если вы не согласитесь или он откажется, я выберу кого-нибудь другого. Не вас.

Возможно, слова Ранда прозвучали бесцеремонно, но выражение лица Добрэйна почти не изменилось. Прочитав надписанное на втором пакете имя, он чуть приподнял брови – вот и все. Потом отвесил вежливый поклон. Кайриэнцев обычно отличала вежливость.

– Как скажете, так и будет. Прошу простить, но, судя по вашим словам, вы собираетесь отсутствовать долго.

Ранд пожал плечами. Он доверял Благородному Лорду так же, как доверял другим. Почти так же.

– Кто знает? В такое время ни в чем нельзя быть уверенным. Позаботьтесь, чтобы глава Академии Тарсин не испытывала недостатка в деньгах. Как и люди, открывшие школу в Кэймлине. И еще на вашем попечении – школа в Тире, пока дела там не пойдут на лад.

– Как скажете, – повторил Добрэйн, пряча пакеты во внутренний карман. Теперь его лицо не выражало никаких чувств. Да, кому-кому, а Добрэйну опыта в Игре Домов не занимать.

Глава Академии, со своей стороны, каким-то образом выглядела одновременно и довольной, и раздраженной. Она принялась оправлять платье, как обычно ведут себя женщины, когда не хотят говорить, что у них на уме. Несмотря на свои стенания, Идриен ревниво оберегала благосостояние Академии. Она и слезинки не прольет, если другие школы исчезнут, а ученые оттуда вынуждены будут перебраться в Академию. Даже философы и мечтатели. Интересно, что она подумала бы об одном особом распоряжении из пакета, переданного Добрэйну?

– Я нашла все, что хотела, – заявила Мин, выходя из-за книжных полок. Девушка слегка пошатывалась под тяжестью трех округлившихся матерчатых котомок. Ее костюм, состоявший из простой коричневой куртки и штанов, очень напоминал тот, который был на ней в Байрлоне, когда Ранд впервые ее увидел. По какой-то причине она жаловалась на свой наряд, пока все, кто знал Мин, не решили, что Ранд просит ее носить платье. Сейчас, однако, Мин улыбалась радостно и чуть лукаво. – Надеюсь, вьючные лошади нас еще ждут. Не то милорду Дракону самому придется подставить спину под вьюки.

Услышав такие слова, Идриен потрясенно ахнула, но Добрэйн только улыбнулся. Он уже видел не раз Мин и Ранда.

Ранд наскоро распрощался с Идриен и Добрэйном, поскольку они увидели и услышали то, что он хотел, – и отпустил их, напомнив напоследок, что его тут никогда не было. Добрэйн кивнул, словно ждал такого указания. Идриен же, уходя, имела задумчивый вид. Если она обмолвится хоть словечком в присутствии слуг или каких ученых мужей, о визите Дракона Возрожденного в два дня узнает вся Столица. В любом случае, времени не так много. Возможно, поблизости нет никого, кто почувствует открытие переходных врат, но тот, кто знает, какие следы высматривать, уже точно уверен, что в городе объявился *та'верен*. А обнаруживать себя в планы Ранда не входило.

Когда за Добрэйном и Идриен закрылась дверь, Ранд оглядел Мин, затем забрал у девушки одну котомку и повесил себе на плечо.

– Только одну? – сказала Мин. Опустив книги на пол, она подбоченилась и, нахмурившись, воззрилась на Ранда. – Иногда ты и вправду сущий овечий пастух. Да эти мешки каждый под центнер весят! – Впрочем, голос у девушки был скорее заинтригованный, чем обиженный.

– Выбирала бы книги поменьше, – сказал ей Ранд, натягивая перчатки и пряча под ними знаки Дракона. – Или полегче.

Он повернулся к окну, собираясь взять кожаную торбу, и тут на него обрушилась волна дурноты. Колени подогнулись, он запнулся. В голове вспыхнул, проплыл и исчез мерцающий лик – чей, Ранд не разобрал. Усилием воли он сумел устоять, выпрямился. И ощущение кружащегося вокруг мира пропало. Где-то в тени тяжело, с присвистом дышал Льюс Тэрин. Не ему ли принадлежало то лицо?

– Только не думай, что заставишь меня тащить их всю дорогу, – пробурчала Мин. – На конюшне подручные и то лучше притворяются. Еще упасть бы придумал.

– Не в этот раз.

Направляя Силу, Ранд готов был к тому, что случилось сейчас; он мог отчасти сдерживать приступы. Обычно. В большинстве случаев. Но это нечто новое – головокружение без обращения к *саидин*. Или он просто слишком быстро повернулся? А может, свиньи и впрямь летают. Он пристроил кожаную суму на другое плечо. Люди на конюшенном дворе по-прежнему были заняты. Они – созидали.

– Мин…

Девушка немедленно нахмурила брови. Она молча надела красные перчатки для верховой езды и принялась постукивать ногой по полу. Опасный признак у женщины, особенно у той, которая носит ножи.

– Мы уже все выяснили, Ранд растреклятый Возрожденный Дракон ал'Тор! Меня ты не оставишь, и не думай!

– Да мне и в голову такое не приходило, – соврал Ранд. Он был слишком слаб; он не сумеет сейчас сказать нужные слова, не сможет заставить ее остаться. *Слишком слаб*, с горечью подумал он, *и из-за моей слабости она может погибнуть, да испепелит меня Свет!*

И испепелит, негромко пообещал Льюс Тэрин.

– Я просто подумал, лучше тебе знать, что мы делаем и что собираемся сделать, – продолжал Ранд. – По-моему, я был не очень-то откровенен.

Собравшись с силами, он ухватил *саидин*. Комната закружилась перед глазами, и Ранд оказался верхом на лавине огня, льда и мерзости, от которой к горлу подкатила тошнота. Тем не менее

он умудрился устоять и даже не пошатнулся. С превеликим трудом. Он еще сумел как-то сплести потоки, открыв переходные врата на заснеженную поляну, где к низко нависшему суку дуба были привязаны две оседланные лошади.

Увидев животных на месте, Ранд обрадовался. Поляна находилась в стороне от дороги, но ныне развелось немало бродяг, отвернувшихся от семей, бросивших фермы, оставивших торговлю и ремесло, ибо Дракон Возрожденный порвал все узы и сломал все скрепы. Так гласили Пророчества. С другой стороны, немалое число пустившихся в скитания мужчин и женщин, сбивших ноги, а теперь еще и полузамерзших, уже устало от поисков, ибо они и сами не ведали, чего ищут. И наверняка первый же человек, который обнаружил бы оставленных без присмотра невзрачных лошадей, увел бы их с собой. У Ранда хватало при себе золота на покупку других лошадей, но вряд ли Мин пришла бы в восторг от часовой прогулки по снегу до ближайшей деревни, где они оставили вьючных животных.

Поспешно выйдя на поляну и притворившись, что споткнулся, ступив с ровного пола в снег по колено глубиной, Ранд отпустил Силу сразу, как только Мин вслед за ним прошла через врата. Они находились в пятистах милях от Кайриэна и много ближе к Тар Валону. Когда врата закрылись, Аланна в голове Ранда исчезла.

– Откровенен? – с сомнением произнесла Мин. Ранд надеялся, что сомневается она в его мотивах или еще в чем, только не в его правдивости. Ощущение дурноты и головокружения постепенно оставляло его. – Ты был открыт, как мидия, Ранд, но я-то не слепая. Сначала мы Переместились в Руидин, где ты задавал уйму вопросов про какое-то место под названием Шара – любой бы решил, что ты надумал туда отправиться, – слегка нахмурившись, девушка покачала головой и принялась приторачивать котомку к седлу своего бурого мерина. Она кряхтела от усилий; вторая котомка с книгами лежала в снегу, ожидая своей очереди. – Никогда не думала, что Айильская Пустыня такая… Тот город больше Тар Валона, хоть и наполовинуразрушен. А фонтаны, а озеро… Я даже дальнего берега не разглядела. Мне казалось, в Пустыне вообще воды нет. И там было так холодно! А я-то считала, что в Пустыне жарко!

– Летом ты днем жаришься как на сковородке, но ночью все равно мерзнешь, – Ранд почувствовал себя лучше и, шагнув к мышастой лошади, начал пристраивать свою ношу. Ненамного лучше. Но время не ждет. – Раз ты и так уже все поняла, скажи, что я еще делал кроме того, что вопросы задавал?

– То же самое, что и в Тире прошлым вечером. Стремился, чтобы все кошки и дрозды узнали, что ты там был. В Тире ты расспра-

шивал о Чачине. Стараешься запутать всех, кто попытается понять, где ты и куда собираешься. – Вторую котомку с книгами она пристроила позади седла, по другую сторону от первой, а потом распутала поводья и забралась на лошадь. – Ну, разве я слепая?

– У тебя глаза как у орла. – Он надеялся, что все это заметят и его преследователи. Или те, кто их направляет. Незачем им гоняться Свет знает где. – Мне нужно оставить побольше ложных следов.

– Так зачем терять время? Я знаю, у тебя есть какой-то план, и он имеет какое-то отношение к тому, что лежит в той кожаной суме. Там *са'ангриал*, да? И я понимаю, как это важно. И чего ты так удивляешься? Ты с этой торбы глаз не сводишь. Почему бы не взяться за дело сразу? Что ты задумал? Зачем нужно оставлять ложные следы? Среди которых, конечно, есть и настоящий. Сам же говорил, что хочешь напасть на них, когда они меньше всего ожидают. А это у тебя вряд ли получится, если только они не последуют туда, куда ты их заманишь.

– Как бы мне хотелось, чтобы ты и не начинала читать книги Герида Фила, – угрюмо пробурчал Ранд, влезая в седло мышастого. Голова кружилась самую малость. – Слишком многое разгадала. И как я теперь хоть что-то сохраню от тебя в тайне?

– А никак и никогда, шерстеголовый, – засмеялась Мин, а потом, противореча самой себе, спросила: – А какой у тебя план? Ну, если не считать убийства Дашивы и остальных. У меня есть право знать, раз я отправилась с тобой. – Как будто не она настояла на том, чтобы отправиться с ним.

– Я хочу очистить мужскую половину Источника, – бесстрастным голосом ответил Ранд. Важное заявление. Великий замысел, куда как великий. Многие назвали бы его грандиозным. Но, судя по реакции Мин, он предложил ей съездить на послеобеденную прогулку. Она просто смотрела на него, опершись ладонями о луку седла в ожидании продолжения. – Не знаю, сколько времени займет очищение. И когда я начну, думаю, вокруг меня на тысячу миль все, кто способен направлять Силу, поймут, что что-то происходит. Прерваться я, пожалуй, не смогу, если туда вдруг явятся, заинтересовавшись, Дашива и компания или какой Отрекшийся. С Отрекшимся я вряд ли что сумею поделать, но с остальными, если повезет, вскоре покончу. – Возможно, в том, что он – *та'верен*, и есть небольшое преимущество, которое ему так отчаянно нужно.

– Если положишься на везение, то и Корлан Дашива, и Отрекшийся сделают из тебя отбивную и слопают с потрохами на завтрак, – сказала Мин, разворачивая лошадь. – Может, я придумаю что получше. Поехали. В гостинице тепло, в очаге огонь горит.

Надеюсь, перед отъездом мы съедим чего-нибудь горячего.

Ранд недоверчиво проводил ее взглядом. Пять отступников-Аша'манов, не говоря уж об Отрекшихся, тревожат ее как будто меньше, чем разболевшийся зуб. Ударом каблуков Ранд послал мышастого вперед. Тот, разбрасывая снег, нагнал бурого, и дальше Ранд ехал рядом с Мин молча. У него еще оставались от нее секреты, например, дурнота, накатывавшая, когда он направлял Силу. Вот истинная причина, почему он должен сначала разделаться с Дашивой и остальными. Это даст ему время преодолеть тошноту. Если удастся. В противном случае Ранд не был уверен, что от двух *тер'ангриалов*, лежавших в суме позади седла, будет хоть какой-то прок.

Глава 1

ПОКИНУТЬ ПРОРОКА

Вращается Колесо Времени, Эпохи приходят и уходят, оставляя воспоминания, которые становятся легендами. Легенды стираются, превращаясь в мифы, и даже миф оказывается давно забытым, когда Эпоха, породившая его, приходит вновь. В одну Эпоху, некоторыми называемую Третьей, Эпоху, которая еще грядет, Эпоху, давно минувшую, над Океаном Арит поднялся ветер. Ветер тот не был началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Но он стал *началом*.

На восток дул ветер над холодными, серо-зелеными океанскими валами, в сторону Тарабона, куда направлялись корабли и, бросив якоря на протяжении нескольких миль вдоль низкого берега, ждали своей очереди войти в гавань Танчико для разгрузки. Еще больше кораблей, больших и малых, теснилось в огромной гавани, баржи сновали туда-сюда, перевозя на берег людей и грузы, – поскольку уже не оставалось места у городских доков. Жители Танчико, и без того напуганные падением столицы перед их новыми повелителями – с их чудными обычаями, странными животными, женщинами на привязи, способными направлять Силу, – пришли в еще больший ужас, когда прибыл флот, поражавший своим числом. И все эти корабли доставили не только солдат, но и остроглазых купцов, ремесленников с их инструментами, целые семейства с фургонами, нагруженными сельскохозяйственной утварью и неведомыми растениями. И хотя блюли закон новые король и панарх, которые, впрочем, присягнули какой-то Императрице за семью морями, и хотя шончанская знать заняла множество дворцов и требовала куда большего повиновения, чем любой тарабонский лорд или леди, для большинства народа жизнь изменилась мало, разве что к лучшему. С простым людом шончанские Высокородные дела почти не имели, а со странными обычаями вполне можно смириться и привыкнуть к ним. Анархия, терзавшая и раздиравшая страну, ушла в прошлое, а вместе с ней канул в воспоминания и голод. Мятежники, разбойники, Принявшие Дракона, которые наводнили край, были либо истреблены, либо схвачены, а избежавшие подобной участи были оттеснены на Равнину Алмот, и торговля вновь ожила. Заполонившие городские улицы орды голодных беженцев вернулись в свои деревни, на свои фермы. И новоприбывших в Танчико было ровно столько, сколько мог без труда прокормить город.

Несмотря на глубокие снега, солдаты и купцы, ремесленники и земледельцы тысячами и десятками тысяч растекались из столицы по всему Тарабону, но ледяной ветер, хлестнувший по Танчико, утихомирил город, и после бед первых дней большинство смирилось со своей участью.

На восток, на многие лиги дул ветер, то стихая, то усиливаясь, все время на восток, понемногу забирая к югу через леса и равнины, застывшие в зимнем саване, с голыми ветвями и бурой травой, над последним перекрестком, где некогда пролегала граница между Тарабоном и Амадицией. Граница осталась, но лишь по названию – таможенные посты разобраны, стражи нет. На восток и на юг, вокруг южных отрогов Гор Тумана, огибая высокие стены Амадора. Завоеванного Амадора. Над массивной Цитаделью Света хлопало на ветру знамя – казалось, с него вот-вот слетит золотой ястреб, сжимавший в когтях молнии. Редко местные жители покидали дома, разве что при крайней необходимости, и эти немногие торопливо пробегали по замерзшим улицам, завернувшись в плащи и опустив взгляд. Причем смотрели они под ноги не только потому, что опасались поскользнуться на гладких камнях мостовой, но и чтобы не взглянуть случайно на проезжающего мимо шончанина верхом на чудовище, смахивающем на кошку с бронзовой чешуей, ростом с добрую лошадь, или на тарабонцев в стальных вуалях, охраняющих группки пленников – некогда бывших Чад Света, теперь в цепях и, точно тягловые животные, впряженных в фургоны оставляющих город беженцев. Полтора месяца длилось владычество Шончан, и жители столицы Амадиции воспринимали пронзительный ветер как некую кару, и те, кто не клял свою долю, терзался мыслями, за какие грехи обрушилась на них такая кара.

Завывая, несся ветер на восток над обезлюдевшим краем, над сожженными деревнями и разрушенными фермами, над деревнями, где еще жили люди, – таких было меньше половины. Снег белым покрывалом накрывал обугленные стропила, брошенные амбары, и к голодной смерти добавлялась гибель от пронизывающего холода. Здесь уже успели пройтись меч, топор и копье, и сталь оружия готова была убивать вновь и вновь. На восток дул ветер, пока не застонал он свою погребальную песнь над не обнесенной стенами Абилой. Над городскими сторожевыми башнями не было флагов, ибо здесь обосновался Пророк лорда Дракона, а Пророку не нужны никакие знамена, ему достаточно одного имени. В Абиле людей пробирало дрожью не от ветра, они дрожали скорее при одном упоминании Пророка. Да и повсюду, услышав это имя, люди содрогались.

Шагая прочь от высокого купеческого особняка, где жил Масима, Перрин натягивал перчатки. Ветер рвал полы подбитого мехом плаща. Солнце на небе едва грело, и морозный воздух глубоко запускал свои пальцы. Перрин старался, чтобы лицо не выдавало его чувств, но он был слишком рассержен и холода не ощущал. С трудом он удерживал руки подальше от висевшего на поясе топора. Масима – он не будет звать этого человека Пророком, даже в мыслях не станет! – весьма вероятно, глупец и уж наверняка безумец. Но глупец, обладающий властью, которой не имели порой и короли, вдобавок – сумасшедший.

По обеим сторонам улицы толпились охранники Масимы, они виднелись и за углом улицы: костлявые парни в краденых шелках, безбородые подмастерья в рваных куртках, некогда дородные купцы в обносках тонкой шерсти. Над ними туманом клубился парок от дыхания, некоторые без плащей дрожали от холода, но у всех было оружие – кто сжимал древко копья, кто держал взведенный арбалет. Тем не менее враждебным никто не выглядел. Они знали, что Перрин сказался знакомым Пророка, и провожали его с открытыми ртами, точно ждали, что он сейчас подпрыгнет и полетит. Или хотя бы перекувыркнется в воздухе. Перрин чуял горьковатый запах дыма из городских печных труб. От людей же пахло немытыми телами, застарелым потом, рвением и страхом. И еще странным возбуждением, которого он не распознал раньше, – отражением безумия Масимы. Враждебны или нет, по приказу Масимы они убьют его, как убьют и любого другого. По приказу Масимы они утопят в крови любую страну. Принюхиваясь к ним, он ощущал холод, проникавший глубже самого сильного зимнего ветра. И больше прежнего радовался, что отказался взять с собой Фэйли.

Те, кого Перрин оставил с лошадьми, играли на расчищенном от снежной каши пятачке мостовой в кости. Он не доверял Масиме и не разрешил увести своего гнедого в стойло, и спутники его не доверяли тоже. Дому и охранникам они уделяли куда больше внимания, чем игре. Едва появился Перрин, трое Стражей вскочили на ноги, впились взорами в тех, кто шел за его спиной. Они знали, какие чувства испытывали в том доме Айз Седай. Неалд помедлил, подбирая кости и монеты. Франтоватый Аша'ман то и дело подкручивал усы, с ухмылкой поглядывая на женщин, но и он стоял напружинившись, настороженный, как кот.

– Я уж думал, нам придется оттуда с боем прорываться, – пробормотал за спиной Перрина Илайас. Однако его золотистые глаза были спокойны. Худощавый мужчина в летах, в широкополой шляпе, с седыми длинными волосами, свисавшими на спину до пояса, и борода – лопатой на груди. У пояса – не меч, а длинный

нож. Но он когда-то был Стражем. И оставался им до сих пор.

– Только одно и ладно, – сказал ему Перрин, забирая у Неалда поводья Трудяги. Аша'ман вопросительно вздернул бровь, но Перрин покачал головой, не вникая в суть этого вопроса, и Неалд, скривив губы, вручил Илайасу поводья мышастого мерина, а потом влез на своего серого в яблоках.

У Перрина не было времени гадать о причинах сумрачного вида мурандийца. Ранд послал Перрина привести Масиму, и Масима придет. Как всегда, когда он в последнее время думал о Ранде, в голове его вихрем закружились цвета, краски, и, как всегда, он проигнорировал их. Масима – та еще задачка, и Перрину не до того, чтобы изводиться мыслями о каких-то красках. Это проклятый человек считает святотатством, когда кто-то, кроме Ранда, касается Единой Силы. Для него Ранд, казалось, не был простым смертным; он был сам Свет, обретший плоть! Так что не будет никаких Перемещений, быстрого броска в Кайриэн через переходные врата, созданные кем-то из Аша'манов, как ни старался Перрин переубедить Масиму. Весь путь придется проделать верхом – все четыре с лишком сотни лиг, и одному Свету ведомо, что их ждет в дороге. И нужно сохранить в тайне и кто они такие, и кто такой Масима. Таков был приказ Ранда.

– Парень, только одним способом можно все провернуть, – сказал Илайас, словно бы в ответ на невысказанные слова Перрина. – Иного не вижу. Очень слабый шанс. Надо было улучить момент и дать тому малому по голове, а потом прорываться.

– Знаю, – прорычал Перрин. За время многочасового спора эта мысль не раз приходила ему в голову. Могло получиться, ведь на их стороне были Аша'ман, Айз Седай и Хранительницы Мудрости. Но он видел битву, где действовала Единая Сила, когда людей в мгновение ока разрывало на кровавые ошметки, когда сама земля взрывалась огнем. Абила превратилась бы в бойню. Видеть такое ему не хотелось, раз уж в его силах было избежать сражения.

– И каков, по-твоему, этот самый Пророк? – спросил Илайас.

Перрин с трудом выбросил из головы мысли о Колодцах Дюмай, об Абиле, похожей на поле битвы у Колодцев Дюмай, и лишь тогда сумел вникнуть в вопрос Илайаса. Ох, и как же он собирается совершить невозможное?

– Мне плевать, каков он из себя. – Одно можно сказать наверняка: хлопот с Масимой не оберешься.

Перрин раздраженно почесал бороду. Надо бы ее подрезать. Вернее, чтобы кто-нибудь подровнял ее. Возьми он в руки ножницы, Фэйли наверняка их отберет и вручит тому же Ламгвину. По-прежнему казалось невероятным, что этот громила со шрамом на

лице и сбитыми кулаками может иметь навыки камердинера. О Свет! Камердинер! Перрин потихоньку выстраивал свои отношения с Фэйли, приноравливаясь к ее странным салдэйским обычаям, но чем больше он к ним подлаживался, тем чаще она умудрялась устраивать дела по своему усмотрению. Женщины, конечно, всегда так поступают, но порой ему казалось, что он сменил шило на мыло или один смерч на другой. Наверное, стоит как-нибудь властно прикрикнуть – ей это вроде как нравится. Неужели мужчине нельзя самому взять ножницы и позаботиться о своей бороде? Впрочем, он сомневался, что у него что-то получится. Трудно прикрикнуть на Фэйли, когда она начинает кричать первой. Ну что вообще за глупые мысли…

Перрин наблюдал, как к лошадям идут остальные, – так рассматривают инструменты перед началом сложной работы. Он опасался, что Масима превратит предстоящую поездку в ту еще работку, а у его инструментов отыщется не одна трещинка или другой изъян.

Подле него остановились Сеонид и Масури, прикрывшие лица капюшонами. К слабому аромату их духов примешивался острый как бритва запах – запах сдерживаемого страха. Будь у Масимы возможность, он убил бы их на месте. А охранники и сейчас могли убить, опознай они Айз Седай. Наверняка среди них найдутся такие, кто встречал Айз Седай. Масури была выше почти на ладонь, но Перрин без труда мог глядеть поверх их голов. Сестры, невзирая на присутствие Илайаса, обменялись взглядами из-под капюшонов; потом Масури тихо заговорила:

– Теперь ты понимаешь, почему его нужно убить? Этот человек… бешеный.

М-да, Коричневая сестра редко говорит обиняками. К счастью, рядом нет никого из масимовских охранников.

– Для таких слов могли бы выбрать местечко получше, – заметил Перрин. Нового спора ему не хотелось – ни сейчас, ни потом, особенно сейчас. И, похоже, спора не будет.

Позади Айз Седай появились Эдарра и Карелле, уже намотав на головы темные шали. Свисавшие на грудь и спину концы шалей вряд ли защищали от холода, но Хранительниц Мудрости куда больше волновал снег – само его существование. Их загорелые лица, точно вырезанные из темного дерева, не отражали никаких мыслей, однако запах напоминал стальной шип. И, как этот шип, тверд был взгляд голубых глаз Эдарры, обычно столь спокойных, что это казалось даже странным для такого молодого лица. Разумеется, за ее хладнокровием пряталась сталь. Острая сталь.

– Здесь не место для разговоров, – мягким тоном сказала Карелле, обращаясь к Айз Седай, и убрала под шаль выбившуюся ярко-

рыжую прядку. Ростом не уступавшая многим мужчинам, она всегда была мягкой. Для Хранительницы Мудрости, разумеется. Это означало, что она сначала предупредит, а уж потом откусит тебе нос. – Идите к лошадям.

И, коротко присев в реверансе, обе невысокие женщины поспешно забрались в седла, словно бы и не были Айз Седай. Для Хранительниц Мудрости они таковыми и не были. Перрин подумал, что никогда не привыкнет к этому. Даже если, как кажется, для Масури и Сеонид подобное в порядке вещей.

Вздохнув, Перрин запрыгнул в седло Трудяги; Хранительницы Мудрости уже последовали примеру своих учениц Айз Седай. Застоявшийся жеребец заплясал, но Перрин приструнил его, сжав бока коленями и крепко взявшись за поводья. Айилки сидели в седлах по-прежнему неумело, хотя уже несколько недель ехали верхом; их тяжелые юбки задрались выше колен, открыв простые шерстяные чулки. Они были совершенно согласны с мнением Айз Седай в отношении Масимы, и таково же было решение Хранительниц Мудрости в лагере. Неплохое затевается варево – попробуй тут донеси его до Кайриэна, того гляди, ошпаришься.

Грейди и Айрам уже сидели верхом, и Перрин не сумел различить их запахи среди прочих. Да и не было в том особой нужды. Он всегда считал, что с виду Грейди, несмотря на черный мундир с серебряным мечом на вороте, походит на фермера, но только не сейчас. Неподвижно, как статуя, застыв в седле, коренастый Аша'ман мрачно взирал на охранников с видом человека, выбирающего место для первого надреза. А потом – для второго, третьего и сколько еще будет нужно. Айрам перебирал поводья, ядовито-зеленый плащ Лудильщика трепал ветер, над плечом торчала рукоять меча – на его лице было написано такое возбуждение, что у Перрина упало сердце. В Масиме Айрам увидел человека, отдавшего жизнь, сердце и душу Возрожденному Дракону. По мнению Айрама, Дракон Возрожденный стоял совсем рядом с Перрином и Фэйли.

Ты не сделал пареньку никакой милости, говорил Илайас Перрину. *Из-за тебя он утратил то, во что верил, и теперь ему приходится верить лишь в тебя и в этот меч. Этого слишком мало для любого человека.* Илайас знал Айрама, когда тот еще был Лудильщиком, еще до того, как Айрам взял в руку меч.

Варево, которое для кого-то станет ядом.

Охранники смотрели на Перрина с любопытством, и расступились они, лишь повинуясь чьему-то окрику из окна дома. И расступились совсем немного – только-только всадникам проехать цепочкой. Непросто добраться до Пророка без его разрешения. Покинуть его без разрешения – невозможно.

Оказавшись подальше от Масимы и его охранников, Перрин пустил коня быстрым шагом, насколько позволяли запруженные людьми улицы. Не так давно Абила была крупным, процветающим городом, с каменными рынками, четырехэтажными, крытыми шифером зданиями. Меньше городок не стал, но груды булыжников и бревен отмечали места разрушенных домов и гостиниц. В Абиле не осталось ни одной гостиницы, ни одного дома, где замешкались бы с провозглашением славы лорду Дракону Возрожденному. Масима не миндальничал с теми, кто вызывал у него хотя бы малейшее недовольство.

В толпе попадалось немного тех, кто, судя по обличью, жил в городке: серый народец в столь же серой одежке; они в большинстве своем испуганно жались по сторонам улиц. Детей видно не было. Как, впрочем, и собак – по всей вероятности, голод тут если и не хозяйничал, то обосновался прочно. И едва не на каждом углу встречались группки вооруженных мужчин, с решительным видом шлепавших по грязи, по щиколотку утопая в том, что вчера вечером было снегом. Где по двадцать, где по пятнадцать человек, они отталкивали с дороги замешкавшихся, даже воловьи упряжки их объезжали. На одной улице не меньше сотни. А во всем городке – наверняка тысячи. Пусть воинство Масимы сброд, но сброд многочисленный. Благодарение Свету, что Масима согласился взять с собой только сотню. Целый час споров потребовался на то, что убедить его в этом. В конце концов сыграло свою роль то, что Масима, хоть и наотрез отказался Перемещаться, но до Ранда желал добраться поскорее. Лошадей у его последователей было маловато, а пешие очень замедлили бы передвижение. Лишь бы к ночи он прибыл в лагерь Перрина.

Всадников Перрин не приметил, верхом были только он и его спутники, и его отряд притягивал к себе взгляды вооруженных людей – каменно-твердые взгляды, лихорадочно блестевшие взгляды. Хорошо одетый люд частенько приезжал к Пророку, благородные господа и купцы, в надежде покориться тому, кто окажет больше милости и меньше накажет, но они обычно покидали Пророка пешими. Тем не менее препятствий всадникам не чинили, не считая того, что приходилось объезжать сборища масимовских приспешников. Если им оставили лошадей, то, должно быть, по указке Масимы. Впрочем, Перрину не было нужды предупреждать спутников держаться вместе. В самой атмосфере Абилы натянутой до звона струной висело некое ожидание, и никому, у кого есть голова на плечах, не хотелось оказаться поблизости, когда эта струна лопнет.

Перрин испытал облегчение, когда из проулка возле низкого деревянного мостика, ведущего из города, на своем большеносом

мерине выехал Балвер. Не меньшее облегчение Перрин почувствовал и когда отряд пересек мостик и миновал последних стражников. Этот узколицый низкорослый человечек с узловатыми суставами, в простой коричневой одежде, которая болталась на нем, вполне мог и сам о себе позаботиться, но Фэйли намерена вести дом не хуже любой благородной леди и, несомненно, будет недовольна, если что-то случится с ее секретарем. Который, кстати, является также секретарем и Перрина. Тот не мог определить, какие испытывает чувства оттого, что у него появился секретарь, однако Балвер помимо умения красиво писать, обладал и иными способностями. Что он и продемонстрировал, когда отряд удалился от городка на приличное расстояние и выехал к низким, поросшим лесом холмам. Деревья стояли по большей части голые и замерзшие, но кое-где из-под белизны проглядывали ядовито-зеленые вкрапления уцелевшей листвы или хвои. На дороге больше никого не было, но продвижение отряда замедлял намерзший в колеях снег.

– Простите, милорд Перрин, – пробормотал Балвер, склоняясь в седле и глядя мимо Илайаса, – но в городке мне довелось кое-что услышать. Возможно, для вас это небезынтересно, – он осторожно покашлял в кулак, потом торопливо подхватил полу плаща и запахнулся поплотнее.

Илайас и Айрам, не дожидаясь жеста Перрина, придержали лошадей и отстали, присоединившись к остальным. Все уже привыкли к тому, что маленький сухой человечек предпочитает беседовать с ним наедине. Перрин и догадываться не собирался, для чего Балвер прикидывается, будто никому больше не известно, что в каждом городке и деревне, которые проезжает отряд, он собирает местные слухи и узнает о новостях. Знает ведь – все, что он сумел вынюхать, Перрин обсуждает с Фэйли и с Илайасом. Так или иначе, а раздобывать сведения Балвер умел.

Поравнявшись с Перрином, Балвер склонил голову набок, разглядывая его.

– У меня две новости, милорд. Одна, по-моему, важная, а другая – срочная.

Срочная или нет, но голос Балвера звучал сухо-сухо, точно шорох палой листвы.

– Насколько срочная? – Перрин поспорил сам с собой, о ком будет первое известие.

– Наверное, крайне срочная, милорд. Король Айлрон дал сражение Шончан, возле городка Джерамел, где-то в сотне миль к западу отсюда. Около десяти дней назад, – Балвер недовольно пожевал губами. Он не любил неточности, как не любил и чего-то не знать. – Надежные сведения очень скудны, но, вне всяких сомне-

ний, амадицийской армии больше не существует. Она либо перебита, либо захвачена в плен, либо рассеяна. Буду весьма удивлен, если найдется отряд хотя бы в сотню человек. Да и те вскоре скатятся до грабежей. Сам Айлрон пленен, вместе со всем двором. В Амадиции больше нет знати, во всяком случае, хоть к чему-то пригодной.

Про себя Перрин отметил, что ставку он проиграл. Обычно Балвер начинал с известий о Белоплащниках.

– Какая жалость, наверное, для Амадиции.

Если верить Балверу, то Шончан очень сурово обращались с теми, кто сопротивлялся им и был захвачен с оружием в руках. Итак, у Амадиции армии нет, как нет и лордов, способных собрать или возглавить другую. Ничто не остановит захватчиков, хотя войска Шончан и так продвигаются достаточно быстро, даже встречая сопротивление. Лучше сразу, как только Масима доберется до лагеря, отправиться на восток и двигаться как можно быстрее, полагаясь на выносливость лошадей и людей.

Так он и сказал Балверу, и тот кивнул с тонкой одобрительной улыбкой. Ведь Перрин понял ценность добытых им сведений.

– И еще одно, милорд, – продолжил Балвер. – В сражении участвовали Белоплащники, но, судя по всему, в конце битвы Валда сумел большую их часть вывести с поля. У него везение самого Темного. Куда они подевались, кажется, не знает никто. Точнее, всяк указывает в разные стороны. Возьму на себя смелость предположить восточное направление. Подальше от Шончан. – И конечно, в сторону Абилы.

Ага, значит, не вся ставка проиграна. Ладно хоть Балвер не с этой вести начал. Можно считать, остались при своих. Далеко впереди, в безоблачной выси, парил, направляясь на север, ястреб. Птица доберется до лагеря быстрее Перрина. Перрин припомнил времена, когда его, как и того ястреба, мало что тревожило. По крайней мере, если сравнивать с нынешними днями. Как давно это было…

– По-моему, Балвер, Белоплащники стремятся избежать новой встречи с Шончан. А нами они интересуются куда как меньше. Все равно двигаться быстрее у нас не получится. Это и есть вторая новость?

– Нет, милорд. Просто интересная деталь. – Кажется, Балвер ненавидел Чад Света, а особенно Валду – как подозревал Перрин, в прошлом Балвер немало претерпел от них. Но ненависть его была холодной и расчетливой, каким был и сам Балвер. Бесстрастной. – Другая новость такая. У Шончан была еще одна битва, на сей раз на юге Алтары. Возможно, против Айз Седай, хотя упоминали мужчин, использующих Силу. – Повернувшись в седле, Бал-

вер оглянулся на Грейди и Неалда в черных мундирах. Грейди разговаривал с Илайасом, а Неалд с Айрамом, но оба Аша'мана, как казалось, наблюдали за лесом с вниманием не меньшим, чем ехавшие позади Стражи. Айз Седай и Хранительницы Мудрости тоже вели негромкий разговор. – С кем бы они ни сражались, милорд, ясно, что Шончан потерпели поражение и отброшены к Эбу Дар.

– Хорошее известие, – ровным тоном заметил Перрин. Перед его мысленным взором вновь воскресли картины битвы у Колодцев Дюмай. На миг он опять оказался на том поле, отчаянно сражаясь спиной к спине с Лойалом и думая, что следующий вздох будет последним. И в первый раз за этот день вздрогнул. По крайней мере, Ранду известно о Шончан. Хорошо, хоть об этом не надо беспокоиться.

Перрин чувствовал на себе изучающий взгляд Балвера. Тот смотрел на него, точно птица, разглядывающая необычное насекомое. И заметил его дрожь. Маленький человечек любил знать все обо всем, но есть такие секреты, о которых не должен знать никто.

Взгляд Перрина вновь привлек ястреб, теперь уже еле заметный. Птица навела Перрина на мысли о Фэйли, о его горячей жене-соколице. О его красавице-жене, красавице-соколице. Он выбросил из головы Шончан и Белоплащников, битвы и даже Масиму. Хотя бы на время.

– Давайте немного прибавим шагу, – обернувшись, крикнул Перрин остальным. Может, ястреб и увидит Фэйли раньше него, но, в отличие от птицы, Перрина встретит любовь его сердца. И сегодня он вообще не будет на нее кричать, что бы она ни сделала.

Глава 2

ЗАХВАЧЕНЫ

Ястреб вскоре исчез из виду, других путников, кроме них, на дороге не было, но, как Перрин ни торопился, быстро ехать не получалось: замерзшие выбоины и колея грозили переломать лошадям ноги, а всадникам – шею. Ветер дышал льдом и обещал назавтра снегопад. Было далеко за полдень, когда Перрин свернул в лес, в белые сугробы, в которых лошади местами утопали по колено. Преодолев последнюю милю, он выехал к разбитому в лесу лагерю, где оставались двуреченцы и айильцы, майенцы и гэалданцы. Все оказалось вовсе не так, как предполагал Перрин.

Вообще-то говоря, здесь, как всегда, разбито было четыре лагеря, но возле дымящихся костров Крылатой Гвардии, окружавших полосатые шатры Берелейн, было пусто. Признаки спешки – опрокинутые котлы и разбросанные предметы снаряжения – виднелись всюду на утоптанном участке, где до отъезда Перрина располагались солдаты Аллиандре. В обоих опустевших биваках оставались лишь конюхи, возчики и кузнецы-ковали, да и те сбились в кучки у коновязей и обозных телег с высокими колесами. Перрин посмотрел туда, куда были прикованы их взоры.

Шагах в пятистах от каменистого, с плоской вершиной, холма, где расставили свои приземистые палатки Хранительницы Мудрости, собрались майенцы в серых мундирах, все девять сотен. Лошади возбужденно топтались, холодный ветер трепал красные плащи и длинные красные вымпелы на пиках. У подножия холма, сбоку, на ближнем берегу замерзшего ручья, выстроились гэалданцы, их конный строй тоже ощетинился пиками, но с зелеными вымпелами. По сравнению с майенскими красными шлемами и кирасами их зеленые мундиры и доспехи казались тусклыми и бесцветными, зато офицеры щеголяли в посеребренных нагрудниках, в алых мундирах и плащах, а уздечки и попоны лошадей украшала темно-красная бахрома. Великолепное зрелище, прямо парад какой-то, однако это был вовсе не парад. Крылатая Гвардия стояла лицом к гэалданцам, а те были развернуты фронтом к холму. А сам гребень холма окружили двуреченцы, с луками в руках. И хотя никто еще не натянул тетиву, но стрела у каждого была наготове. Безумие.

Перрин ткнул Трудягу каблуками, и гнедой, вспахивая снег, рванулся вперед чуть ли не галопом. Следом за юношей поспешили и его спутники. В считанные секунды Перрин достиг передних

рядов гэалданцев. Здесь были и Берелейн, в подбитом мехом красном плаще, и Галленне, одноглазый капитан ее Крылатой Гвардии, и Анноура, ее советница – Айз Седай. Все они о чем-то спорили с Первым Капитаном Аллиандре – низкорослым упрямцем по имени Герард Арганда, который столь усердно тряс головой, что пышный белый плюмаж на его сверкающем шлеме ходил ходуном. Вид у Первой Майена был такой, словно она готова перекусить железный лом; сквозь обычное спокойствие Айз Седай на лице Анноуры проскальзывала досада. Галленне поглаживал висевший у седла шлем с красным плюмажем, словно раздумывал, не надеть ли его. Завидев Перрина, спорщики умолкли и повернули лошадей к нему. Берелейн сидела в седле прямо, но ее черные волосы развевались на ветру; ее тонконогая белая кобыла дрожала, на боках после тяжелой скачки блестели застывающие хлопья пены.

Вокруг было столько много людей, что невозможно было различить запахи каждого, но ему не понадобился волчий нюх, чтобы понять: еще чуть-чуть, и беды не миновать. Не успел Перрин поинтересоваться, что, Света ради, тут происходит, как заговорила Берелейн. От ее застывшего, словно фарфор, лица и официального тона Перрин даже растерянно заморгал.

– Лорд Перрин, мы с миледи вашей женой и королевой Аллиандре охотились, и на нас напали Айил. Мне удалось бежать. Но больше никто из отряда не вернулся, хотя айильцы, возможно, кого-то взяли в плен. Я выслала эскадрон на разведку. Мы были в десяти милях на юго-восток, так что разведчики вернутся с новостями до темноты.

– Фэйли захвачена? – надтреснутым голосом переспросил Перрин. Еще до того как вступить из Гэалдана в Амадицию, они слышали о набегах айильцев, но грабежи и поджоги происходили в других местах, где-то по соседству. Эти айильцы казались всего лишь слухом, чем-то далеким, о чем не стоит тревожиться. Тем более, что Перрину необходимо было выполнить приказы Ранда растреклятого ал'Тора! И вот она, цена, которую нужно платить.

– Тогда почему вы все еще здесь? – громко спросил Перрин. – Почему вы ее не ищете? – Он понял, что кричит. Ему хотелось завыть, укусить кого-нибудь. – Чтоб вам всем сгореть, чего вы ждете?

Ответ Берелейн, столь спокойный, словно она сообщила, сколько осталось фуража, вызвал у него гнев. И еще больнее стало оттого, что она была права.

– На нас неожиданно напало две или три сотни, лорд Перрин. Но вам не хуже моего известно, что таких отрядов в окрестностях могло запросто рыскать с дюжину, если не больше. Если мы

отправим на преследование все силы, то можем ввязаться в битву против Айил, которая дорого нам обойдется. И мы даже знать не будем, те ли это айильцы, что держат в плену миледи вашу жену. Сначала нужно узнать наверняка, лорд Перрин, иначе остальное будет бесполезно. Если не хуже.

Если она еще жива. Перрин задрожал; его внезапно пробрал холод. До самых костей. До сердца. Она должна быть жива. Должна. О Свет, ну почему он не разрешил ей отправиться вместе с ним в Абилу? На лице Анноуры, обрамленном тоненькими тарабонскими косичками, застыло сочувственное выражение. Перрин вдруг почувствовал боль в пальцах – он крепко, до судорог, стискивал поводья. Усилием воли он заставил себя разжать кулаки, расслабить пальцы.

– Она права, – тихо промолвил Илайас, подъезжая ближе на своем мерине. – Держи себя в руках. С айильцами шутки плохи. Ошибешься – напросишься на смерть. И, может, утянешь за собой немало людей. Что проку, если погибнешь, а жена останется в плену, – он постарался придать голосу бодрость, но Перрин чуял его напряжение. – Так или иначе, парень, мы ее отыщем. Она вполне могла улизнуть, это ведь такая женщина. Пытается вернуться пешком. На это время нужно, да еще в платье. Разведчики Первенствующей отыщут следы. – Запустив пальцы в длинную бороду, Илайас самокритично хихикнул. – А если я не отыщу следов побольше майенцев, буду корой питаться. Мы обязательно тебе ее вернем.

Но Перрина так легко не проведешь.

– Да, – хрипло вымолвил он. Никому не уйти от айильцев пешим. – Отправляйся. Поторопись.

Нет, его не одурачишь. Илайас предполагал найти тело Фэйли. Она должна быть жива, а значит – в плену, но лучше быть пленницей, чем…

Они с Илайасом не могли переговариваться так, как общались с волками, но тот помедлил, словно понял мысли Перрина. И не стал ничего отрицать. Илайас повернул мерина на юго-восток, пустил шагом – быстрее не позволял снег. Бросив короткий взгляд на Перрина, за ним следом двинулся Айрам. Его лицо потемнело. Бывшему Лудильщику не по душе был Илайас, но он едва ли не преклонялся перед Фэйли, хотя бы потому, что она – жена Перрина.

Нет смысла ломать лошадям ноги, сказал себе Перрин, хмуро глядя им в спины. Ему-то хотелось, чтобы лошади припустили во всю прыть. Ему самому хотелось броситься за ними бегом. В его душе будто тоненькие трещинки зазмеились. Если они вернутся с дурными вестями, он все равно что разобьется вдребезги. К

удивлению Перрина, вслед за Илайасом и Айрамом в лес устремились и три Стража. Лошади взрывали снег, грубые шерстяные плащи хлопали на ветру. Нагнав Илайаса и Айрама, Стражи придержали лошадей и поехали рядом с ними.

Перрин нашел в себе силы кивком поблагодарить Масури и Сеонид, а также Эдарру и Карелле. Кому бы в голову ни пришла мысль помочь, не приходится сомневаться, кто дал разрешение. Хранительницы Мудрости держали Айз Седай в ежовых рукавицах, причем ни одна из сестер не пыталась решать все за всех. Возможно, им и хотелось главенствовать, но руки в перчатках оставались на луках седел, и ни та, ни другая ничем не выдали нетерпения, разве что веки дрогнули.

Не все провожали взглядами уезжавших. Анноура одновременно выказывала сочувствие Перрину и косила глазом в сторону Хранительниц Мудрости. В отличие от двух других сестер, она не давала никаких обещаний, но, как и те, была крайне осмотрительна в отношении их с айилками. Галленне не сводил единственного глаза с Берелейн, готовый по первому же ее знаку выхватить меч. А Первенствующая Майена смотрела на Перрина, и ее спокойное лицо оставалось непроницаемым. Грейди и Неалд, склонив друг к другу головы, бросали в сторону Перрина быстрые мрачные взгляды. Балвер сидел, не шелохнувшись, точно примостившийся на седле воробей, стараясь прикинуться невидимым и напряженно ко всему прислушиваясь.

Оттеснив высоким чалым мерином широкогрудого вороного Галленне и будто не замечая гневного блеска единственного глаза майенца, к Перрину подъехал Арганда. За сверкающим решетчатым забралом Первого Капитана яростно двигались губы, но Перрин ничего не слышал. Перед глазами стояло лицо Фэйли, только о ней он и думал сейчас. О Свет, Фэйли! Грудь словно стянули стальными полосами. Он был на грани паники, буквально ногтями удерживаясь на краю пропасти.

В отчаянии Перрин потянулся разумом вдаль, лихорадочно ища волков. Должно быть, Илайас уже использовал эту возможность – он-то при страшных новостях не ударился в панику, – но Перрин обязан попытаться сам.

И он нашел волков: стаи Трехпалого и Холодной Воды, Сумеречного и Весеннего Рога, и несколько других. Боль, переполнявшая сердце, вплелась в его мольбу о помощи, но боли стало только больше. Волки слыхали о Юном Быке и соболезновали ему в потере подруги, но они держались подальше от двуногих, распугавших добычу и грозящих гибелью одинокому волку. Было так много стай двуногих, пеших и верхом на твердолапых четвероногих, и волки не могли сказать, известно ли им о той, которую

ищет Юный Бык. Двуногие они двуногие и есть, мало кто способен разговаривать с ними. Оплачь, говорили они ему, скорби и живи дальше, а вновь с нею встретишься в Волчьих Снах.

Один за другим тускнели образы, которые его разум превращал в слова. Дольше всего удержался этот: «Оплачь и встретишься с нею вновь в Волчьих Снах». Потом и он исчез.

– Вы слушаете или нет? – грубо спросил Арганда. Он не принадлежал к знати, приученной к сдержанности, и, несмотря на шелка и украшенную позолотой кирасу, все равно оставался тем, кем был, – седым воином, который впервые взял в руки копье еще мальчишкой и на чьем теле битвы оставили десятка два шрамов. Его темные глаза сверкали таким же лихорадочным блеском, что и глаза людей Масимы. Пахло от него гневом и – страхом. – Эти дикари захватили и королеву Аллиандре!

– Когда мы отыщем мою жену, то найдем и вашу королеву, – сказал Перрин, голос его был холоден и тверд, как лезвие его топора. Она должна быть жива. – А теперь вам лучше объяснить мне, что тут происходит. Судя по всему, вы выстроились для атаки. И атаковать собираетесь не кого-то, а моих людей. – Он в ответе и за них тоже. Нельзя забывать о других обязанностях. Сознание этого было горьким, как желчь. Нет ничего важнее Фэйли. Ничего! Но двуреченцы были его народом.

Арганда подъехал вплотную к Перрину и рукой в латной перчатке ухватил юношу за рукав.

– Выслушайте меня! Первая леди Берелейн сказала, что королеву Аллиандре захватили айильцы, и за этими вашими лучниками и укрылись айильцы. У меня найдутся люди, которые охотно кое о чем расспросят тех айильцев. – На миг его горящий взор упал на Эдарру и Карелле. Возможно, ему пришло в голову, что найдутся и такие айильцы, путь к которым не заступили лучники.

– Первый Капитан… чересчур взволнован, – пробормотала Берелейн, положив ладонь на другую руку Перрина. – Я уже объяснила ему, что никто из этих Айил не замешан в нападении. Уверена, что могу убедить его…

Перрин стряхнул ее ладонь, вырвал руку из пальцев гэалданца.

– Арганда, Аллиандре дала клятву верности мне. А вы присягали ей, и значит, я – ваш лорд. Я сказал, что найду Аллиандре, когда найду Фэйли. – Лезвие топора. Она *должна* быть жива. – Без моего разрешения вы никого не будете допрашивать, ни к кому и пальцем не прикоснетесь. А сейчас вы сделаете вот что: *немедленно* отведете своих людей обратно в лагерь. Будьте готовы выступить по моему приказу. Если не будете готовы, тогда тут и останетесь.

Арганда уставился на Перрина, тяжело дыша. Он снова бросил взгляд в сторону, на сей раз на Грейди и Неалда, потом быстро перевел его обратно на Перрина.

– Как прикажете, милорд, – натянуто промолвил он.

Развернув чалого, Арганда прокричал приказы своим офицерам, и, не успели они отдать распоряжения, как он уже мчался галопом к биваку. Гэалданцы начали перестроение, и вот уже конные колонны потянулись вслед за Первым Капитаном. К своему лагерю, хотя оставалось лишь гадать, собирается ли Арганда там остаться. И не окажется ли худшим вариантом, если он останется.

– У тебя очень хорошо получилось, Перрин, – сказала Берелейн. – Сложная ситуация и нелегкий для тебя час. – Тон ее больше не был официальным. Теперь перед ним была женщина, преисполненная жалости, сочувственно улыбавшаяся. О, у Берелейн тысяча личин.

Берелейн протянула руку в ярко-красной перчатке, и Перрин заставил Трудягу отступить прежде, чем она его коснулась.

– Перестань, чтоб тебе сгореть! – прорычал Перрин. – Моя жена в плену! У меня нет сил терпеть твои детские игры!

Берелейн дернулась, точно он ее ударил. Краска заалела у нее на щеках, и она вновь переменилась, став гибкой и уступчивой.

– Вовсе не детские, Перрин, – пробормотала она, голос звучал глубоко и задумчиво. – Две женщины состязаются из-за тебя, и ты – приз? Я бы сочла, что ты себе льстишь. Проводите меня, Лорд-Капитан Галленне. Полагаю, нам тоже нужно быть готовыми к выступлению.

Одноглазый поскакал рядом с ней обратно к Крылатой Гвардии, так быстро, как только позволял глубокий снег. Он склонился к Первой Майена, словно выслушивал распоряжения. Анноура, перебирая поводья своей бурой кобылы, не спешила отъезжать. Губы ее под носом-клювом стянулись в бритвенно-тонкую ниточку.

– Порой, Перрин Айбара, ты бываешь таким дураком. И довольно часто.

Он не понял, о чем речь, да и не до того ему было. Иногда Анноура, казалось, мирилась с тем, что Берелейн положила глаз на женатого мужчину, и даже как будто устраивала так, чтобы Берелейн оставалась с ним наедине. Но сейчас обе они, и Первая Майена, и Айз Седай, были равно противны Перрину. Ударив Трудягу по бокам, он, не проронив ни слова, потрусил прочь от Анноуры.

Люди на вершине холма расступились, пропуская Перрина; они вполголоса переговаривались и смотрели, как всадники вни-

зу разъезжаются по своим лагерям. Потом цепочка вновь разомкнулась, дав проехать Хранительницам Мудрости, Айз Седай и Аша'манам. Они не разошлись и не обступили его, как ожидал Перрин, и за это он был им благодарен. На вершине пахло настороженностью. По большей части.

Снег на холме был утоптан, местами виднелись замерзшие ледяные дорожки, а местами – голая земля. Четверо Хранительниц Мудрости, остававшихся в лагере, когда Перрин отправился в Абилу, стояли у низкой айильской палатки. Высокие невозмутимые женщины, с темными шерстяными шалями на плечах, они смотрели, как слезают с лошадей две Айз Седай и Карелле с Эдаррой, и, по-видимому, не обращали внимания на происходящее вокруг. Прислуживавшие им вместо слуг *гай'шайн*, как обычно, тихо и с покорным видом сновали по своим делам, лица их скрывали глубокие капюшоны белых одеяний. Один парень даже выбивал ковер, перекинув его через натянутую между двумя деревьями веревку! Только по Гаулу и Девам можно было судить, что айильцев от сражения отделял один-единственный шаг. Они сидели на корточках, *шуфы* обмотаны вокруг голов, над черными вуалями, скрывавшими лица, сверкали глаза, руки сжимали короткие копья и обтянутые бычьей шкурой щиты. Когда Перрин спрыгнул с седла, они встали.

Подбежал Даннил Левин, озабоченно покусывая усы, из-за которых нос его казался еще больше. В одной руке он держал лук, а второй засовывал в колчан у пояса стрелу.

– Я не знал, что делать, Перрин, – срывающимся голосом сказал он. Даннил был у Колодцев Дюмай и сражался с троллоками в родном Двуречье, но случившееся не вписывалось в его представления о мире. – Когда мы сообразили, что происходит, эти гэалданцы уже двинулись сюда. Джондина Баррана, и еще парочку парней, Хью Марвина и Гета Айлиа, я выслал на разведку. Кайриэнцам и вашим слугам велел составить в круг повозки и укрыться за ними. Надо же было как-то занять этот народ, что вечно таскается за леди Фэйли, а то они хотели за ней отправиться. А ни один из них не отличит след ноги от дубового листа! Сам тем временем привел сюда остальных. Я уж думал, эти гэалданцы нас атакуют, а тут Первая со своими людьми подоспела. Видать, они спятили, коли надумали, будто кто-то из наших айильцев мог на леди Фэйли руку поднять. – Перрина порой еще называли по имени, но Фэйли у двуреченцев всегда удостаивалась титула «леди».

– Ты все правильно сделал, Даннил, – сказал Перрин, кидая ему поводья Трудяги. Хью и Гет в лесу чувствовали себя как рыба в воде, а Джондин Барран способен отыскать след вчерашнего ветра. Гаул и Девы, вытянувшись гуськом, двинулись с вершины.

Они по-прежнему были в вуалях. – Передай, пусть здесь останется один из трех, – торопливо сказал Перрин Даннилу. Да, Арганда уступил Перрину, но это еще не означает, что он изменил свои намерения. – И остальных отошли собираться в дорогу. Я хочу выступить, как только будут известия.

Не дожидаясь ответа, Перрин поспешил к Гаулу и, упершись ладонью ему в грудь, остановил рослого айильца. Зеленые глаза Гаула над вуалью почему-то сузились. Сулин и прочие Девы, стоя цепочкой позади него, чуть не подпрыгивали от нетерпения.

– Найди ее ради меня, Гаул, – произнес Перрин. – Все вы, пожалуйста, отыщите тех, кто захватил ее. Если кто и способен выследить айильцев, так это вы.

Столь же внезапно, как и появилось, напряжение покинуло взор Гаула, и Девы тоже расслабились. Если про айильцев можно сказать «расслабились». Все было очень странно. Не думали же они, что он их в чем-то винит.

– Однажды мы все пробуждаемся ото сна, – мягко сказал Гаул, – но если она все еще видит сон, мы отыщем ее. Однако, если ее захватили Айил, нам нужно идти. Они будут двигаться быстро. Даже по… такому, – в последнее слово он вложил изрядную долю отвращения, пнув ногою комок снега.

Перрин кивнул и торопливо отступил в сторону, пропуская двинувшихся рысцой айильцев. Он сомневался, что им долго удастся сохранять взятый темп, но был уверен, что бежать так они смогут дольше любого другого. Проходя мимо Перрина, каждая Дева быстро прижимала пальцы к губам через вуаль, а потом касалась ими его плеча. Сулин, шедшая сразу за Гаулом, коротко кивнула Перрину, но никто из Дев не проронил ни слова. Фэйли бы знала, что означают эти необычные знаки.

И когда его миновала последняя Дева, Перрин понял: была еще одна странность в том, как они уходили. Первым Девы позволили идти Гаулу. Прежде любая скорее проткнула бы его копьем, чем согласилась на такое. Почему?.. Может… С Фэйли должны были быть Чиад и Байн. Байн Гаула нисколько не трогала, но Чиад – совсем другое дело. Прежде Девы никоим образом не поощряли надежд Гаула, что Чиад откажется от копья и выйдет за него замуж, – да ни за что! Но, видно, дело именно в этом.

Перрин хмыкнул, досадуя на себя. Чиад и Байн, и кто еще? Даже ослепленный тревогой за Фэйли, он должен был спросить об этом. Если он хочет ее вернуть, он обязан задушить свой страх и начать думать. Но это было все равно что пытаться задушить дерево.

Теперь на плоской вершине холма царило столпотворение. Кто-то уже увел Трудягу, двуреченцы уходили из оцепления на гребне, негустым ручейком торопясь к своему лагерю, обменива-

ясь возгласами о том, что стали бы делать, пойди конники в атаку. Изредка кто-то громко спрашивал о Фэйли – все ли в порядке с леди, отправился ли кто на поиски, – но на них тут же поспешно шикали, с тревогой косясь на Перрина. И посреди всей этой суматохи безмятежно расхаживали *гай'шайн*. Если им не дадут распоряжение все бросить, они станут исполнять порученное даже посреди кипящей вокруг битвы и руки не поднимут, чтобы защититься или помочь кому-нибудь. Хранительницы скрылись в одной из палаток, уведя с собой Сеонид с Масури, и входной клапан был не только опущен, но и накрепко зашнурован. Они не желали, чтобы их беспокоили. Вне всяких сомнений, обсуждать они будут Масиму. Возможно, и то, как бы его убить, чтобы не прознали Перрин и Ранд.

Перрин сердито стукнул кулаком по ладони. Масима совсем вылетел у него из головы. А ведь он должен появиться до темноты, с тем самым почетным караулом в сотню человек. Если повезет, к тому времени вернутся майенские разведчики, а там и Илайаса с остальными ждать недолго.

– Милорд Перрин? – раздался позади голос Грейди, и Перрин обернулся. Два Аша'мана стояли перед своими лошадьми, неуверенно перебирая поводья. Грейди глубоко вздохнул и заговорил, а Неалд согласно кивал. – Мы вдвоем, Перемещаясь, можем осмотреть значительную площадь. И если мы отыщем тех, кто ее похитил… сомневаюсь, что несколько сотен айильцев помешают двум Аша'манам ее вернуть.

Перрин открыл было рот, собираясь сказать, чтобы они немедленно приступали к поискам, но передумал. Да, верно, Грейди был фермером, но отнюдь не охотником и лес он знал постольку-поскольку. Неалд же считал деревней любое поселение без каменной стены. Эти хоть и отличат следы ног от дубовых листьев, но, даже найдя их, скорей всего не сумеют определить, в какую сторону подались похитители. Конечно, с ними мог бы отправиться и сам Перрин. Он, конечно, не настолько хорош, как Джондин, но все же… Да, он мог бы пойти и оставить Даннила разбираться с Аргандой. И с Масимой. Не говоря уже об интригах Хранительниц Мудрости.

– Идите, собирайтесь, – тихо промолвил Перрин в ответ. Куда подевался Балвер? Нигде его не видно. Вряд ли *он* бросился на розыски Фэйли. – Вы можете понадобиться здесь.

Грейди изумленно заморгал, а у Неалда отвалилась челюсть.

Перрин не дал им возможности вступить в спор. Он зашагал к низкой палатке с зашнурованным клапаном. Снаружи ее открыть было невозможно. Когда Хранительницы хотели, чтобы их не беспокоили, то побеспокоить их не могли ни вожди кланов и

никто другой. В том числе и мокроземец, обремененный титулом лорда Двуречья. Перрин достал поясной нож и наклонился, собравшись перерезать завязки, но, не успел он просунуть клинок в узкую щель между клапанами, как они дернулись, словно бы кто-то начал развязывать их изнутри. Перрин выпрямился и стал ждать.

Полог откинулся, и наружу выскользнула Неварин. Ее шаль была завязана на талии, но, не считая пара от дыхания, она как будто не чувствовала ледяного воздуха. Бросив острый взор на нож в его руке, она подбоченилась. Сухо задребезжали браслеты. Ее длинные песочного цвета волосы были повязаны сложенным темным платком. Зеленоглазая Хранительница Мудрости была худой, почти костлявой, на голову выше Найнив, но именно бывшая Мудрая приходила на память Перрину, когда он видел Неварин. Она встала, загородив ему вход в палатку.

– Ты чересчур порывист, Перрин Айбара, – ее высокий голос звучал спокойно, но у него сложилось впечатление, что она подумывает надрать ему уши. Очень похоже на Найнив. – Хотя в сложившихся обстоятельствах твоя несдержанность вполне понятна. Чего тебе надо?

– Как?.. – Ему пришлось остановиться и сглотнуть комок в горле. – Как они будут с ней обращаться?

– Не могу сказать, Перрин Айбара. – В лице Неварин не было сочувствия, оно вообще ничего не выражало. Айильцы могли бы поучить бесстрастности Айз Седай. – Против обычаев – захватывать мокроземцев, разве что древоубийц, но теперь все изменилось. Также против обычаев убивать без необходимости. Но многие отказались принять истину объявившегося *Кар'а'карна*. Некоторые не вынесли откровения и бросили свои копья, однако могли и вновь за них взяться. Другие просто ушли, чтобы жить так, как, по их убеждению, мы должны жить. Я не могу сказать, станут придерживаться обычаев или откажутся от них те, кто покинул клан и септ. – При последних словах глаза ее сверкнули, и только этим она выразила свое презрение к тем, кто покинул клан и септ.

– О Свет, женщина, ну хоть что-то ты должна знать! Наверняка о чем-то догадываешься!..

– Не будь неразумным ребенком, – отрезала Неварин. – Мужчины часто глупеют в таких ситуациях, но ты нам нужен. Думаю, мокроземцы не станут уважать тебя больше, если нам придется связать тебя, чтоб ты успокоился. Ступай в свою палатку. Если не можешь обуздать свои мысли, напейся до бесчувствия. И не мешай нам – у нас совет. – Неварин нырнула обратно в палатку, и упавшие за ее спиной клапаны вновь задергались под завязывав-

шей их изнутри рукой.

Перрин задумчиво смотрел на опустившийся полог, большим пальцем поглаживая лезвие ножа, потом убрал его в ножны. Если он ворвется туда, Хранительницы вполне могут поступить так, как пригрозила Неварин. И вполне могут так ничего и не сказать. Вряд ли она стала бы скрывать какие-то тайны – не то время. Во всяком случае, не стала бы скрывать то, что касалось Фэйли.

На вершине холма, которую покинуло большинство двуреченцев, стало гораздо тише. Оставшиеся по-прежнему настороженно поглядывали на гэалданский лагерь, топтались на ветру, но молчали. Сновавшие туда-сюда *гай'шайн* двигались почти бесшумно. Деревья отчасти заслоняли гэалданский и майенский лагеря, но Перрин видел, что и там, и там грузят подводы. И все же он решил оставить людей на страже. С Арганды станется попытаться усыпить бдительность Перрина. Если от человека так пахнет, он вполне может оказаться… *неразумным ребенком*, с горечью додумал он.

На холме Перрину делать было нечего, так что он отправился к своей палатке. К палатке, в которой он жил с Фэйли. Эти полмили он даже не шел, а ковылял, порой увязая по колено в снегу. Он поплотнее закутался в плащ, чтобы тот не хлопал на ветру – и чтобы стало теплее. Бесполезно – тепло ему все равно не было.

В двуреченском лагере царила суета сборов. Мужчины и женщины из кайриэнских поместий Добрэйна грузили повозки, все еще стоявшие по кругу, и седлали лошадей. По такому глубокому снегу повозки катились бы не легче, чем по грязи, поэтому колеса сменили на широкие деревянные полозья и подвесили их до времени к бортам телег. Кайриэнцы, закутанные от непогоды и оттого казавшиеся раза в два толще, только посматривали на Перрина, занятые своим делом, но почти каждый двуреченец, завидев его, застывал на месте и смотрел вслед, пока кто-нибудь, ткнув в бок, не возвращал зазевавшегося к предотъездным хлопотам. Перрин был рад, что они ограничиваются только взглядами и не лезут со словами сочувствия. Иначе он того и гляди не выдержал бы и разрыдался.

Впрочем, и здесь ему как будто нечего было делать. Его большую палатку – его и Фэйли – уже сложили и погрузили на повозку, вместе с обстановкой и прочим. Базел Гилл, держа в руках длинный список, расхаживал вдоль повозок. Этот коренастый человек, похожий чем-то на запасливую белку в кормушке с зерном, взял на себя обязанности *шамбайяна* и теперь занимался хозяйством Фэйли и Перрина. Больше привычный к городу, чем к путешествиям в глуши, он страдал от холода и потому надел не только плащ, но и толстые шерстяные рукавицы, обернул шею

толстым шарфом, а на голову натянул треух с опущенными ушами. При виде Перрина Гилл почему-то вздрогнул, что-то пробормотал, мол, надо за повозками присмотреть, и быстро-быстро убежал прочь. Очень странно.

Потом Перрину пришла на ум одна мысль, и он, найдя Данила, распорядился каждый час сменять людей на холме и обязательно всех накормить горячей едой.

– Сначала позаботься о людях и лошадях, – произнес тонкий, но сильный голос. – Но потом ты должен подумать и о себе. Вот в котелке горячий суп, вот хлеб, и я положила немного копченой ветчины. На полный желудок видок у тебя будет получше, чем у ходячей смерти.

– Спасибо, Лини, – сказал Перрин. Ходячая смерть? О Свет, он чувствовал себя мертвецом, а вовсе не чьей-то смертью. – Я поем чуть попозже.

Главная горничная Фэйли выглядела хилой со своей пергаментной кожей и седыми волосами, уложенными в узел на макушке, но спина ее была прямой, а ясные темные глаза смотрели пронзительно. Однако теперь ее лоб избороздила морщинами тревога, а пальцы слишком сильно и напряженно теребили плащ. Конечно, она волнуется из-за Фэйли, но…

– Майгдин была с нею, – понял Перрин, и ему не нужен был утвердительный кивок Лини. Майгдин повсюду тенью следовала за Фэйли. Фэйли называла ее настоящим кладом. А Лини относилась к ней как к дочери, хотя подобное отношение, кажется, подчас не слишком радовало Майгдин, чего не скажешь о самой Лини. – Я верну их, – пообещал Перрин. – Всех верну, – его голос чуть не сорвался. – Займись делом, – продолжил он грубо и торопливо. – Я поем потом. Мне нужно проверить… проверить… – Не договорив, он зашагал прочь.

Проверять ему было нечего. Он ни о чем не мог думать, кроме Фэйли. И вряд ли понимал, куда идет, пока ноги не вынесли его за круг повозок.

В сотне шагов от коновязей черным каменным клювом торчала из снега невысокая скала. Отсюда он увидит следы, оставленные Илайасом и остальными. Отсюда он увидит, как они возвращаются.

Задолго до того, как Перрин дошел до узкого гребня, нос подсказал ему, что там кто-то есть, и подсказал, кто именно. Тот, похоже, не слышал хрустевшего под ногами Перрина снега, потому что вскочил с корточек, только увидев поднявшегося на скалу юношу. Пальцы Талланвора в латных перчатках тискали длинную рукоять меча, на Перрина он посмотрел неуверенно. Это верзилато, которому пришлось пережить немало ударов судьбы и кото-

рый обычно имел вид уверенного в себе человека. Возможно, он ждал упреков – почему его не было там, где напали на Фэйли, хотя она сама отказалась от охраны и вообще от телохранителей. Кроме разве что Байн и Чиад, которые в счет явно не шли. А может, он просто подумал, что его отошлют обратно к повозкам, чтобы Перрин мог побыть один. Перрин сделал над собой усилие, чтобы поменьше походить на… как там выразилась Лини?.. На ходячую смерть? Талланвор был влюблен в Майгдин и, если подозрения Фэйли были верны, в скором времени женился бы на ней. У Талланвора тоже было право находиться здесь и ждать.

Так они и стояли, пока не спустились сумерки, но в заснеженном лесу не видно было никакого движения. Спустилась тьма – и никакого движения, и Масимы не было, но о Масиме Перрин не думал. Миновавшая первую четверть луна белым сиянием заливала снега и, кажется, светила так же ярко, как полная. А потом, пряча луну, набежали рваные облака, и лунные тени стали темнее. С сухим шорохом пошел снег. Снег, который белым саваном скроет все следы. Двое мужчин безмолвно стояли на гряде, на ветру, и вглядывались в снегопад – в ожидании и надежде.

Глава 3

ОБЫЧАИ

С первого же часа плена Фэйли, бредя через заснеженный лес, боялась замерзнуть. Ветер задувал и стихал, задувал и вновь стихал. На редких деревьях сохранились кое-где листья, по большей части мертвые и побуревшие. Ничем не стесненный ветер кружил по лесу, и хоть порывы его были несильны, они дышали морозом. О Перрине она почти не вспоминала, разве что в надежде, что ему каким-то образом станет известно о тайных делишках Масимы. И о Шайдо, конечно. И пусть даже спасется, чтобы рассказать ему о них, лишь одна эта шлюха Берелейн. Фэйли надеялась, что Берелейн сбежала от засады и все рассказала Перрину. А потом свалилась в какую-нибудь яму и свернула себе шею. Но тревожили Фэйли не мысли о муже, тревожили ее куда более насущные вопросы.

Хотя эту погоду она называла осенней, но и салдэйской осенью люди замерзали насмерть, а из одежды у нее оставались лишь темные шерстяные чулки. Одним чулком ей крепко связали за спиной руки в локтях, а второй чулок петлей стягивал шею. Храбрые слова плохо греют голое тело. Она слишком замерзла, чтоб потеть, но очень скоро заныли ноги – нужно было не отставать от тех, кто захватил ее в плен. Колонна Шайдо, мужчины и Девы в вуалях, когда сугробы начали доходить до колен, немного замедлила продвижение, но едва снега стало по щиколотку, айильцы вновь перешли на равномерный бег и усталости не выказывали. Вряд ли лошади двигались бы быстрее. Дрожавшая на привязи Фэйли выбивалась из сил, с присвистом втягивая воздух сквозь стиснутые – чтоб не стучали – зубы.

Шайдо было меньше, чем казалось во время нападения, не больше полутора сотен, и почти все держали копья и луки наготове. Врасплох их не застать. Всегда настороже, они шли, как безмолвные призраки, разве что слабо поскрипывал снег под мягкими, по колено, сапожками. Впрочем, их серо-зелено-бурая одежда отчетливо выделялась на белом фоне. Зеленый цвет добавился к расцветке *кадин'сор*, когда Айил перевалили через Драконову Стену, для маскировки в зеленом краю, – так Фэйли объясняли Байн с Чиад. Почему эти люди не добавили и белого, для зимы? Ведь так их можно разглядеть издали. Фэйли старалась примечать все, запоминать всякие мелочи, которые пригодятся после, когда придет время для побега. Она надеялась, что ее товарищи

по плену последуют за ней. Перрин, разумеется, бросится на поиски, но мысль о чудесном вызволении она отбросила сразу. Будешь ждать вызволения, так и прождешь вечность. Кроме того, сбежать нужно как можно скорее, пока этот отряд не присоединился к остальным Шайдо. Пока девушка еще не понимала, как, но какая-то возможность для побега должна была найтись. Крупица удачи заключалась в том, что до главных сил Шайдо несколько дней пути. Пусть эта часть Амадиции ввергнута в полный хаос, но будь поблизости тысячи Шайдо, кто-нибудь об этом да слыхал бы.

Один раз Фэйли попыталась оглянуться на женщин, захваченных вместе с нею, но добилась только одного: споткнувшись, рухнула в сугроб. С головой уйдя в снег, она задохнулась от его ледяного прикосновения, а потом охнула еще раз, когда рослый здоровяк-Шайдо, державший конец ее привязи, поставил девушку на ноги. Широкоплечий, как Перрин, и выше его на целую голову, Ролан поступил просто: схватив ее за волосы, одним рывком выдернул из сугроба и снова заставил бежать, сильно шлепнув ладонью по голому заду, и таким широким шагом двинулся дальше, что ей пришлось весьма быстро переставлять ноги. Обычно подобными шлепками подгоняют пони. Несмотря на наготу Фэйли, в голубых глазах Ролана совершенно не было того выражения, с каким мужчина смотрит на женщину. За что она, с одной стороны, была ему очень благодарна. А с другой стороны – несколько… обескуражена. Разумеется, ей не хотелось, чтобы он на нее похотливо пялился или хотя бы глядел с интересом, но эти прохладные взгляды были почти оскорбительны! И теперь Фэйли старалась не падать, хотя проходил час за часом, а передышки все не было, и сил требовалось все больше лишь на то, чтобы просто держаться прямо.

Вначале Фэйли гадала, какая часть тела замерзнет раньше, но к тому времени, как утро перешло в день, она тревожилась уже только о своих ногах. Ролан и шедшие впереди протаптывали какое-то подобие тропинки, но у наста были острые края, и в следах босых ног Фэйли начали оставаться алые пятна. Но холод пугал ее больше. Ей доводилось видеть обмороженных. Скоро ли почернеют пальцы на ногах? Пошатываясь, она при каждом шаге вытягивала ступню и постоянно двигала руками. Хуже всего дело обстояло с пальцами на руках и ногах, но обморозить можно и другие части тела – она ведь совсем раздета. Оставалось только надеяться, что этого не произойдет. От постоянного напряжения конечности болели, ссадины на ступнях горели огнем, но лучше чувствовать боль, чем не чувствовать ничего. Ибо последнее означает, что смерти ждать уже недолго. Согнуть ногу и шагнуть,

согнуть и шагнуть. Больше она ни о чем не думала. Переставляла дрожавшие ноги и старалась, чтобы не задубели ступни и кисти рук. И продолжала идти.

Вдруг Фэйли наткнулась на Ролана и отлетела, тяжело дыша, от его широкой груди. Полуоглушенная, она не сразу поняла, что тот остановился. Остановились и айильцы впереди; некоторые смотрели назад, остальные настороженно оглядывались по сторонам, держа оружие наготове в ожидании внезапной атаки. Вот и все, что успела разглядеть Фэйли, а потом Ролан опять сгреб ее за волосы и заставил нагнуться и поднять ногу. О Свет, да он и впрямь обращается с ней как с пони!

Отпустив волосы и лодыжку Фэйли, Ролан обхватил рукой ее ноги, и в следующий миг перед ее глазами все перевернулось. Он закинул Фэйли себе на плечо, и она повисла вниз головой, рядом с роговым луком в чехле. Айилец небрежно подбросил ее пару раз, пристраивая свою ношу поудобнее, и в душе Фэйли взметнулась волна возмущения, однако она тотчас же заглушила ее. Не место и не время негодовать. Важно то, что ноги ее больше не в снегу. И она может немного отдышаться. Но вообще-то Ролан мог бы и предупредить ее.

С трудом вывернув шею, Фэйли покосилась на своих спутниц. Она испытала облегчение, обнаружив, что все на месте. Пусть нагие, пусть в плену, но зато живые – Фэйли была уверена, что позади айильцы оставили только мертвые тела. Те, кто мог идти, шли на привязи из чулок или обрывков их прежних одежд, и у большинства руки были связаны за спиной. Аллиандре больше не пыталась прикрыться, складываясь вдвое. О своей стыдливости королева Гэалдана забыла – на смену пришли иные тревоги. Дрожащая, тяжело дышащая, она наверняка упала бы, если бы осматривавший ее ноги приземистый Шайдо не придерживал Аллиандре за связанные локти. Приземистый для айильца означало, что в большинстве стран его рост не привлек бы особого внимания, правда, шириной плеч он почти не уступал Ролану. Темные волосы Аллиандре, ниспадавшие на спину, разметал ветер, лицо ее приобрело загнанное выражение. Не лучший вид имела и Майгдин. Она хватала ртом воздух, рыжевато-золотистые волосы в беспорядке, голубые глаза широко раскрыты, однако она не пошатнулась, когда тощая Дева поднимала ей ногу. Каким-то образом горничная Фэйли умудрялась выглядеть королевой в большей степени, чем Аллиандре, хотя и весьма растрепанной королевой.

По сравнению с ними Байн и Чиад, казалось, устали не больше Шайдо, хотя по щеке Чиад, вспухшей после удара, растеклась желтизна, а на лице и в коротких огненно-рыжих волосах Байн

запеклась и замерзла кровь. Это плохо – может остаться шрам. Но обе Девы не запыхались и даже сами подняли ноги для осмотра. В отличие от остальных пленников они не были связаны – их связывал обычай, который был крепче цепей. Они спокойно приняли свою судьбу – служить год и один день в качестве *гай'шайн*. Байн и Чиад могли помочь бежать – Фэйли не знала, насколько их стесняет обычай, – но сами они улизнуть не попытаются.

Последние пленницы, Ласиль и Аррела, пытались вести себя по примеру Дев, но, конечно, с посредственным успехом. Высокий айилец, проверяя ноги Ласиль, просто сунул миниатюрную кайриэнку под мышку; от унижения на ее бледных щеках проступили темно-красные пятна. Аррела была высокой, но присматривавшие за нею две Девы оказались выше Фэйли, и обращались они с тайренкой с равнодушной легкостью. От их тычков она сердито нахмурилась, возможно, усмотрев нечто обидное и в их быстрых переговорах на языке жестов, принятом у Дев. Фэйли надеялась, что источником неприятностей Аррела не станет, во всяком случае, не сейчас. Все из *Ча Фэйли* старались подражать Девам, жить так, как, по их мнению, жили Айил, но Аррела стремилась *быть* Девой, и ее очень обидело, что Сулин и остальные не стали учить ее языку жестов. Она бы обиделась еще больше, если в узнала, что Байн и Чиад немного научили ему Фэйли. Не настолько, чтобы она все поняла из разговора Дев, – девушка в лучшем случае уяснила половину. И хорошо, что Аррела ничего не понимает. Девы считали, что у мокроземки нежные ноги, да и сама она неженка. Пойми Аррела их жесты, взрыва негодования было бы не миновать.

Но, как выяснилось, Фэйли незачем было тревожиться из-за Аррелы. Тайренка одеревенела, когда одна из Дев вскинула ее себе на плечо, – айилка, притворно пошатнувшись под ношей, свободной рукой сделала несколько быстрых знаков второй Деве, отчего та лающе расхохоталась. Однако, бросив взгляд на Байн и Чиад, уже покорно висевших на плечах айильцев, Аррела с угрюмым видом позволила себя нести. Ласиль пискнула, когда придерживавший ее здоровяк одним махом также забросил кайриэнку на плечо, но сразу притихла, хотя лицо ее горело румянцем. М-да, в их подражании Айил имелись определенные плюсы.

Совсем иначе дело обернулось с Аллиандре и Майгдин, хотя именно от них неприятностей Фэйли ожидала в последнюю очередь. Поняв, что происходит, эта парочка принялась отбиваться. Ну, борьбой это не назовешь, но две голые, измученные женщины со связанными за спиной руками извивались, вопили, лягали каждого, до кого могли дотянуться, а Майгдин ухитрилась впиться зубами в руку зазевавшегося айильца, да так и болталась, точ-

но гончая на медведе.

– Перестаньте, вы, дуры! – прикрикнула на них Фэйли. – Аллиандре! Майгдин! Пусть они вас несут! Послушайтесь меня!

Ни ее горничная, ни ее вассал будто и не слышали этого. Майгдин рычала, словно лев, не разжимая зубов. Аллиандре упала на землю, по-прежнему вопя и отбиваясь ногами. Фэйли открыла рот для нового приказа.

– *Гай'шайн* должны вести себя тихо, – пробурчал Ролан, крепко шлепнув Фэйли.

Фйэли скрежетнула зубами и заворчала себе под нос. И заслужила еще один шлепок! У него за пояс заткнуты ее ножи. Если в ей в руки попал хоть один!.. Нет. Что нужно вытерпеть, можно вытерпеть. Она хочет бежать, и ни к чему бесполезные эскапады.

Сопротивление Майгдин продлилось чуть дольше, чем у Аллиандре, до тех пор, пока пара дюжих айильцев не высвободили руку Шайдо из мертвой хватки ее челюстей. Чтобы разжать челюсти Майгдин, и в самом деле потребовалось двое мужчин. К удивлению Фэйли, вместо того чтобы отвесить Майгдин хорошую затрещину, укушенный смахнул кровь с руки и рассмеялся! Тем не менее Майгдин это не спасло. В один миг горничную Фэйли уложили лицом в снег рядышком с королевой. От прикосновения холодного снега обе охнули и принялись извиваться, но продлилось это недолго. Из-за деревьев вышли двое Шайдо, одна Дева и один мужчина, на ходу тяжелыми поясными ножами очищая длинные прутья от сучков. А потом они подошли к лежавшим на снегу женщинам, наступили каждой ногой между лопаток, затем, подсунув под связанные локти кулаки, приподняли их, и на белых бедрах начали расцветать алые рубцы.

Поначалу обе женщины продолжали сопротивляться, корчась в крепкой хватке айильцев. Но борьба имела еще меньше смысла, чем раньше. Выше пояса они не могли даже пошевелиться. Аллиандре все верещала, что они не смеют так с нею поступать, – для королевы вполне объяснимо, хотя и глупо при таких обстоятельствах. Еще как смеют – она же чувствует это на собственной шкуре. Как ни удивительно, Майгдин пронзительно кричала то же самое. Можно подумать, она не горничная леди, а ее королевское величество. Фэйли-то знала, что Лини, бывало, поучала Майгдин розгой, и никаких шутовских воплей и в помине не было. Так или иначе протесты ни к чему не привели. Методичная порка продолжалась, пока обе не завыли невнятно, дрыгая ногами, и еще некоторое время – в назидание. Когда Аллиандре с Майгдин, как и остальных пленниц, вскинули на плечи, они повисли, обмякнув, всхлипывая, забыв про всякое сопротивление.

Сочувствия Фэйли не испытывала. По ее мнению, эти дуры заслужили каждый удар. Чем дольше они, замерзшие и с изрезанными в кровь ногами, находятся на морозе без одежды, тем меньше надежды дожить до побега. Шайдо придется отвести их в какое-нибудь укрытие, а Аллиандре с Майгдин только задерживают всех, и хотя задержка вышла не больше чем на четверть часа, жизнь от смерти могут отделять всего какие-то минуты. Кроме того, даже айильцы чуточку да утратят бдительность, когда окажутся в укрытии и разведут огонь. А пленницы, раз их несут, могут передохнуть. Они должны быть готовы к бегству в любой момент, когда представится возможность.

С пленницами на плечах Шайдо своим размеренным шагом двинулись дальше. Вообще-то казалось, что через лес они идут даже быстрее прежнего. Фэйли слегка качало, жесткий кожаный футляр с луком бил ее по боку, и вскоре она почувствовала дурноту. Каждый шаг Ролана отзывался в животе толчком. Фэйли осторожно попыталась сменить позу, чтобы ее поменьше било и толкало.

– Не дергайся, а то свалишься, – проворчал Ролан, похлопав ее по бедру, словно успокаивая лошадь.

Приподняв голову, Фэйли хмуро посмотрела назад, на Аллиандре. Она мало что увидела, и эта малость была исполосована алыми рубцами от верхней части бедер почти до колен. Если подумать, небольшая задержка и десяток рубцов, может, и небольшая плата за то, чтобы укусить того олуха, который несет ее, как мешок с зерном. Нет, лучше не за руку укусить. Лучше в горло вцепиться.

Смелые мысли – и бестолковые. Да просто глупые. Фэйли понимала, что, даже болтаясь на плече айильца, должна бороться с холодом. В каком-то отношении, начала она соображать, хуже, когда тебя несут. Пока она шла, ей хоть приходилось стараться держаться прямо, напрягать мышцы, а теперь, с наступлением вечера, с надвигающимися сумерками, мерное раскачивание на плече Ролана попросту убаюкивало. Нет. Это холод притуплял разум. Замедлял ток крови. Она должна бороться с холодом, иначе умрет.

Она ритмично сжимала и разжимала пальцы, напрягала и расслабляла мышцы связанных рук и ног, разгоняя кровь. Фэйли думала о Перрине, о его твердых намерениях и планах, как поступить с Масимой, и о том, как ей убедить его, если он заартачится. Она мысленно вела спор, который непременно случится, когда он узнает, что Фэйли использовала *Ча Фэйли* в качестве соглядатаев, обдумывала, как встретит гнев Перрина и отведет его. Это настоящее искусство – направить гнев мужа в нужном тебе направле-

нии, и она научилась ему у непревзойденного знатока, у своей матери. Это будет превосходный спор. А потом последует великолепное примирение.

Мысль о примирении заставила Фэйли забыть о работе мускулов, поэтому она сосредоточилась на споре и на планах. Но холод все равно притуплял разум. Порой она теряла нить рассуждений, после чего, встряхнув головой, начинала размышлять заново. Немного помогали призывы Ролана лежать спокойно; чтобы не уснуть, она сосредоточивалась на его голосе. Помогали даже сопровождавшие его ворчание шлепки по заду – ей не хотелось себе в этом признаваться, но каждый шлепок был потрясением и вырывал ее из дремы. Немного погодя Фэйли принялась ерзать, едва не сползая с плеча и напрашиваясь на шлепки посильнее. Все, что угодно, только бы бодрствовать. Она не могла сказать, сколько прошло времени, но ерзать вскоре устала, и Ролан больше не ворчал, не говоря уж о шлепках. О Свет, она же не прочь, чтобы он лупил по ней, как по барабану!

А почему мне, Света ради, этого хочется? – отупело подумала Фэйли, и каким-то меркнущим краем сознания поняла, что проиграла битву. Ночь как будто стала темнее. Она даже не различала света луны на снегу. Однако чувствовала, что скользит, скользит все быстрее и быстрее в еще более густую тьму. Безмолвно завывая, она провалилась в мрак оцепенения.

Пришел сон. Она сидела на коленях у Перрина, а он так крепко обнимал ее, что она едва могла вздохнуть; рядом в широком, сложенном из камней камине гудело пламя. Курчавая борода Перрина царапала ей щеки, и он больно покусывал ее за ухо. Вдруг сквозь комнату пронесся вихрь, задув огонь в камине, словно пламя свечи. И Перрин обратился в дым, унесенный порывом ветра. Одна в кромешном мраке, она боролась с ветром, но ветер крутил, вертел ее, пока у нее настолько не закружилась голова, что она не знала, где верх, где низ. Одна, кружащаяся без конца в ледяном мраке, понимающая, что больше никогда не найдет Перрина.

Она бежала по замерзшему лесу, спотыкаясь в сугробах и снежных наносах, падая, вновь вставая, чтобы продолжить панический бег, жадно хватала ртом воздух, такой холодный, что горло резало как осколками стекла. Вокруг на стылых ветвях искрились сосульки, и морозный ветер пронизывал лишенный листвы лес. Перрин очень сердит, и ей нужно убраться подальше. Почему-то ей не удавалось припомнить, о чем был спор, только каким-то образом она по-настоящему рассердила своего прекрасного волка; в такие моменты обычно начинают бить посуду и бросать друг в друга что под руку подвернется. Только вот Перрин не стал

делать ничего такого. Он собрался разложить ее на колене, как это уже было однажды, давным-давно. Тогда почему она убегает? Они же могут помириться. И, конечно же, она отплатит ему за унижение. Ведь раза два она, сама того не желая, и вправду пускала ему кровь метко нацеленным кувшином и миской и знала, что он ей зла не причинит. Но еще она знала, что должна бежать и бежать, иначе погибнет.

Если он меня поймает, мрачно подумала она, *так хотя бы какой-то части моего тела будет жарко*. И она засмеялась, а мертвенно-белая местность кружилась вокруг нее, и она поняла, что и сама вскоре будет мертва.

Чудовищных размеров костер возник над нею – громадная куча толстых бревен, охваченная ревущим пламенем. Она была нага. Ей было холодно, очень холодно. И она, как бы близко ни придвигалась к огню, чувствовала, что кости ее промерзли насквозь, а плоть готова разлететься от малейшего удара. Она подходила все ближе и ближе. Жар пламени нарастал, пока она не отшатнулась, но под кожей все равно ощущался жгучий холод. Еще ближе. О Свет, как горячо, чересчур горячо! А внутри холодно. Ближе. Ее опалило пламенем, от боли она закричала, но внутри по-прежнему был лед. Ближе. Еще ближе. Сейчас она умрет. Фэйли завопила, но вокруг царили тишина и холод.

Был день, но на небе сгрудились свинцовые тучи. Снег падал и падал, ветер кружил между стволов крупные снежинки. Ветер не был сильным, но лизал ледяными языками. На ветвях нарастали белые гряды, а потом обрушивались под собственной тяжестью и под порывами ветра, осыпая землю тяжелыми хлопьями. Голод тупыми зубами терзал живот. Очень высокий костлявый человек в белом шерстяном капюшоне, затенявшем лицо, что-то сунул ей в рот. Краешек большой глиняной кружки. Глаза его были удивительно зелеными, точно два изумруда в окружении морщин и шрамов. Он стоял на коленях рядом с ней, на большом коричневом шерстяном одеяле, а ее наготу закрывало другое одеяло, в серую полоску. Вкус горячего чая, щедро сдобренного медом, буквально взорвался на языке, и она обеими руками, пусть и слабыми, схватила жилистое запястье мужчины – вдруг тот решит убрать кружку. Зубы стучали по кружке, но она с жадностью глотала исходившую паром сладкую жидкость.

– Не торопись! Расплескивать нельзя, – смиренно произнес зеленоглазый. Смирение не вязалось с его яростным лицом и мрачным голосом. – Они оскорбили твою честь. Но ты – из мокрых земель, так что, наверное, для тебя это неважно.

Медленно до Фэйли доходило, что происходящее не сон. Мысль явилась тонкой струйкой теней, которые таяли, когда она пыта-

лась их удержать. Этот рослый мужчина в белом был *гай'шайн*. Ее привязь и путы исчезли. Зеленоглазый высвободил руку из ее слабых пальцев, но только для того, чтобы нацедить темную струйку из висящего у плеча кожаного меха. От кружки поднялся пар, в воздухе разлился аромат чая.

Отчаянно дрожа, чуть не падая, Фэйли закуталась в полосатое одеяло. Ноги горели огнем. Попытайся она встать, наверняка не устоит. Но вставать и не хотелось. Сидя на корточках, Фэйли могла укрыться одеялом до пят, но если встать, ноги наверняка откроются до колен, а то и выше. И думала Фэйли в первую очередь о тепле, а не о приличиях, хотя и такая мысль приходила ей в голову. Клыки голода стали острее, ее продолжала бить дрожь. Она промерзла до мозга костей, а горячий чай превратился в воспоминание. Мускулы превратились в недельной давности окаменевший пудинг. Ей хотелось смотреть только на наполнявшуюся кружку, но она заставила себя оглянуться на своих спутниц.

Все были здесь, Майгдин, Аллиандре и остальные. Пленницы устало сидели на разложенных в ряд одеялах и дрожали под другими одеялами, уже присыпанными снежком. Перед каждой стоял на коленях *гай'шайн* с округлым мехом и кружкой или чашкой в руке, и даже Байн и Чиад пили, как умирающие от жажды. Кто-то смыл кровь с лица Байн, но вид у обеих Дев был измотанный и жалкий, совсем не такой, как раньше. Начиная с Аллиандре и кончая Ласиль, спутницы Фэйли выглядели так, словно – как там выражался Перрин? – их протащили через свиль задом наперед. Но все живы – и это главное. Бежать могут только живые.

Ролан и другие *алгай'д'сисвай*, ведшие пленников, собрались тесной группкой у дальнего от Фэйли конца ряда одеял. Пять мужчин и три женщины, снег доходил Девам почти до колена. Черные вуали болтались на груди, айильцы безразлично наблюдали за пленниками и *гай'шайн*. Фэйли бросила на них мимолетный хмурый взгляд, пытаясь поймать ускользавшую мысль. Ах да, конечно. Где остальные? Побег будет легче, если остальные почему-то ушли. И было еще что-то, какой-то смутный вопрос, который ей не удавалось сформулировать.

Вдруг Фэйли увидела то, что находилось позади восьми айильцев, и тут же получила ответ на оформившийся наконец вопрос. Откуда взялись *гай'шайн*? В сотне шагов, за редколесьем, за пеленой снегопада, тек непрерывный поток людей и вьючных животных, фургонов и телег. Нет, не поток. Текла полноводная река айильцев. Вместо полутора сотен Шайдо глазам Фэйли предстал целый клан. Казалось невероятным, что такое множество людей, оставшись незамеченным, миновало Абилу на расстоянии в

один-два дня пути, пусть даже за городской чертой и царила анархия, однако доказательство тому явилось взору Фэйли со всей очевидностью. Она почувствовала, как внутри все оборвалось. Бежать, может быть, и удастся, но она в удачный побег уже не верила.

– Чем они оскорбили меня? – судорожно спросила Фэйли, затем захлопнула рот, чтобы не болтать попусту. И открыла его только тогда, когда *гай'шайн* снова поднес к ее губам кружку. Она глотнула драгоценного тепла, поперхнулась и заставила себя не торопиться. Сладость столь обильно добавленного меда в другое время показалась бы чрезмерной, но сейчас мед немного приглушал голод.

– Вы, мокроземцы, ничего не знаете, – без капли сомнения в голосе сказал айилец со шрамами. – *Гай'шайн* не положено ни во что одевать, кроме надлежащего одеяния. Но они побоялись, что вы замерзнете насмерть, а завернуть вас было не во что, у них только куртки. Вас назвали слабыми, опозорили, но у мокроземцев вообще нет стыда. Ролан и многие другие – *Мера'дин*, но Эфалин и остальные должны были бы знать лучше. Напрасно Эфалин разрешила укрыть вас одеялами.

Опозорили? Куда вернее – привели в ярость. Не желая отворачиваться от благословенной кружки, Фэйли скосила глаза на мощного гиганта, который нес ее, как мешок с зерном, и при этом безжалостно шлепал. Смутно она припомнила, что вроде как радовалась шлепкам. Но не могла же она и в самом деле им радоваться! Конечно, это невозможно! С виду Ролан не походил на человека, который то шел, то бежал с ношей большую часть дня и всю ночь. Судя по пару изо рта, дышал он вполне спокойно. *Мера'дин?* Кажется, на Древнем Наречии это означает Безродные, но подобное толкование ни о чем ей не говорило, хотя в голосе *гай'шайн* послышалась презрительная нотка. Надо будет спросить у Байн и Чиад и надеяться, что это не одна из тем, которые айильцы не обсуждают с уроженцами мокрых земель, даже с друзьями-мокроземцами. Для побега пригодится любая кроха знания.

Значит, им пришлось завернуть пленников, чтобы те не замерзли? Славно, стало быть, замерзнуть никому не грозит, разве что Ролану и прочим. Что ж, может, сделать ему маленькую поблажку? Совсем маленькую. Допустим, она отрежет ему только уши. Если будет такая возможность, когда вокруг тысячи Шайдо. Тысячи? Да Шайдо сотни тысяч, и десятки тысяч из них – *алгай'д'сисвай*. Рассердившись на себя, Фэйли боролась с отчаянием. Она должна бежать; они все должны бежать, и уши его она унесет с собой!

– Ладно, Ролан у меня получит, что заслужил, – пробормотала Фэйли, когда *гай'шайн* забрал у нее кружку, чтобы наполнить вновь. Глаза у него сузились, он с подозрением покосился на девушку. Она заторопилась: – Как ты сказал, я – из мокрых земель. Как и большинство из нас. Мы не следуем *джи'и'тох*. А по вашим обычаям нас вообще нельзя сделать *гай'шайн*. Разве не так? – Испещренное шрамами лицо ничуть не изменилось, разве что дрогнуло веко. Мелькнула смутная мысль, что она зря суется в воду, не зная броду, но заледенелые мысли не сумели удержать язык. – Что, если Шайдо решат нарушить и другие обычаи? И не отпустят тебя, когда минет срок?

– Шайдо нарушили много обычаев, – миролюбиво сказал айилец, – но я не нарушу. Мне еще больше полугода носить белое. До тех пор я буду служить, как требует обычай. Если ты так разговорилась, может, чая больше не надо?

Фэйли неловко выхватила у него кружку. Он приподнял брови, и она со всей возможной быстротой одной рукой поправила одеяло. Щеки ее пылали. Он-то точно знал, что смотрит на женщину. О Свет, она неуклюжа, как слепой вол! Ей нужно подумать, сосредоточиться. Единственное оставшееся у нее оружие – ее мозги. А сейчас они все равно что промерзший сыр. Сделав большой глоток горячего сладкого чая, Фэйли стала думать, не окажется ли в каком-то отношении преимуществом, что они окружены тысячами Шайдо. Однако в голову ничего не приходило. Вообще ничего.

Глава 4

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

– Ну, что у нас тут? – раздался женский голос.

Фэйли подняла взгляд и замерла. Всякие мысли о горячем чае разом оставили ее.

Из снежной круговерти появились две айилки в сопровождении женщины-*гай'шайн*, которая была много ниже их. И хотя обе проваливались в устлавшее землю белое покрывало глубже чем по щиколотку, они ухитрялись шагать широко и уверенно. *Гай-'шайн* же то и дело спотыкалась, семенила, стараясь не отстать от айилок, к тому же ей на плечо опиралась одна из них – та, чья голова была обмотана темно-серой шалью. Все три заинтересовали Фэйли. Женщина в белом держалась смиренно, опустив голову, руки она, как и положено *гай'шайн*, прятала в широких рукавах, но ее облачение было сшито из плотного шелка. Украшения были запрещены для *гай'шайн*, однако ее талию стягивал широкий, искусной работы пояс из золота и огневиков. Фэйли успела разглядеть и такой же ошейник, охватывавший почти всю шею. Мало кто, за исключением королевских особ, мог позволить себе подобную роскошь. Очень странная *гай'шайн*, однако внимание Фэйли привлекли другие. Что-то подсказывало ей, что это – Хранительницы Мудрости. Они просто-таки излучали властность; эти женщины привыкли отдавать приказы и привыкли к повиновению других. Да и внешность их сразу бросалась в глаза. Женщина, что подталкивала *гай'шайн*, напоминала голубоглазую орлицу, и была она, как и большинство Айил, в добрый спан ростом. А вторая оказалась выше Перрина самое меньшее на пол-ладони. Но крупной ее было не назвать. Светлые, желтовато-песочные волосы, прикрытые широкой темной косынкой, ниспадали до пояса, а на плечах небрежно лежала коричневая шаль, открывая взорам полную грудь в глубоком разрезе светлой блузки. Как только она не мерзнет, ведь чуть ли не полгруди на мороз выставила? А все эти тяжелые костяные и золотые ожерелья на морозе наверняка превратились в ледяные!

Женщины остановились перед пленниками, и та, что походила на орлицу, неодобрительно нахмурилась, глядя на Шайдо рядом, и сделала короткий жест рукой. Другой рукой она почему-то по-прежнему крепко сжимала плечо *гай'шайн*. Три Девы немедленно развернулись и заторопились к походной колонне Шайдо. И один из мужчин сразу побежал туда же, но Ролан и остальные

сначала обменялись мрачными взглядами и только потом последовали за ними. Возможно, эти взгляды означали что-то, а возможно, и ничего не означали. Фэйли вдруг поняла, что чувствует человек, угодивший в водоворот и хватающийся за соломинку.

– У нас тут еще *гай'шайн* для Севанны, – задумчиво произнесла невероятно высокая женщина. Ее строгое лицо вряд ли кто-то мог назвать привлекательным, но по сравнению с другой Хранительницей Мудрости она казалась самой сердечностью. – Севанна будет довольна только тогда, Терава, когда весь мир будет *гай'шайн*. Ну, лично я против такого возражать не стану, – со смехом закончила она.

Орлиноглазая Хранительница не засмеялась. Лицо ее оставалось каменным, как и голос.

– Сомерин, у Севанны и так слишком много *гай'шайн*. У нас слишком много *гай'шайн*. Из-за них мы еле плетемся, когда нужно бежать. – Ее твердый как сталь взор резанул по пленникам.

Когда взгляд Теравы упал на Фэйли, девушка вздрогнула и поспешно уткнулась лицом в кружку. Она никогда раньше не видела Теравы, но по одному взгляду могла судить, что это за женщина, – готовая безжалостно сломить всякого, кто скажет слово поперек, и видящая в любом случайном взоре брошенный ей вызов. От таких хорошего ждать не приходится, будь то глупый лорд при дворе или прохожий на дороге, а уж если этакая орлица имеет свой интерес, то побег превращается в крайне трудное мероприятие. Но все равно Фэйли уголком глаза следила за нею. С таким ощущением, будто следила за полосатой гадюкой, свернувшейся, блестя чешуей, в футе от лица.

Будь покорной, думала Фэйли. *Я смиренно стою на коленях и ни о чем не думаю, только пью чай. Не стоит на меня дважды смотреть, ты, холодноглазая ведьма.* Оставалось надеяться, что другие поняли то же, что и она.

Поняли все, кроме Аллиандре. Она попыталась подняться на опухших ногах, покачнулась и, скривившись, вновь опустилась на колени. И все равно Аллиандре выпрямилась, гордо вскинув голову, красное полосатое оделяло лежало у нее на плечах точно тонкая шелковая шаль поверх великолепного платья. Эффект несколько портили голые ноги и растрепавшиеся на ветру волосы, однако она являла собой вознесенную на пьедестал надменность.

– Я – Аллиандре Марита Кигарин, королева Гэалдана, – громко провозгласила она; так королева могла бы обратиться к бродягам или грабителям. – С вашей стороны будет благоразумно обращаться со мной и моими спутниками хорошо и примерно наказать тех, кто столь жестоко обошелся с нами. За нас вы можете

получить большой выкуп, больший, чем вы способны себе представить, и будете помилованы за свои преступления. Пока не получен выкуп, я и моя госпожа, мой сеньор, требуем для себя пристойного стола и ночлега. Это же касается и ее горничной. Остальные удовольствуются более скромным, но отнюдь не дурным обращением. Я не заплачу выкупа, если поступят плохо хотя бы с самой последней служанкой моей госпожи.

Фэйли чуть не застонала. Неужели эта идиотка полагает, что эти люди – обыкновенные разбойники? Но застонать она просто не успела.

– Это правда, Галина? Она – королева из мокрых земель?

Возле пленников, выехав откуда-то сзади, появилась еще одна женщина. Ее высокий вороной мерин тихо ступал по снегу. Фэйли подумала, что это тоже айилка, но до конца уверена не была. Так как женщина сидела верхом, то наверняка сказать было трудно, но, кажется, ростом она с Фэйли, что нечасто встречается среди Айил, и вот еще эти зеленые глаза на загорелом лице… И все-таки… На первый взгляд ее широкие темные юбки очень походили на те, что носят айилки, правда, сшиты они для езды верхом и вроде бы шелковые… Айильскими были и кремовая блузка, и видневшиеся из-под юбки-штанов красные сапожки. Ее длинные золотистые волосы придерживала широкая косынка, расшитая красным шелком, а на голове красовалась золотая диадема в палец толщиной, отделанная огневиками. Если украшения Хранительниц Мудрости были из золота и поделочной кости, то у всадницы грудь в вырезе, немногим уступавшую груди Сомерин, наполовину скрывали низки крупных жемчужин и ожерелья из изумрудов, сапфиров и рубинов. И вырез у блузки был не меньше, чем у Сомерин. Браслеты, взбиравшиеся чуть ли не до локтей, также отличались от браслетов Хранительниц Мудрости. Айильцы колец не носили, но у незнакомки на каждом пальце сверкали самоцветы. Вместо темной шали плечи всадницы облегал ярко-красный плащ, подбитый белым мехом и отороченный золотой вышивкой. Плащ слегка трепало на ветру. Однако сидела она в седле по-айильски неловко.

– И еще ее госпожа? – Она запнулась на явно незнакомом слове. – Ее сеньор? То есть королева ей дала клятву верности? Тогда это поистине могущественная женщина. Отвечай, Галина!

Облаченная в шелк *гай'шайн* сгорбилась и заискивающе улыбнулась всаднице.

– Да, Севанна, женщина, которой королева клянется в верности, поистине обладает могуществом, – с готовностью подтвердила она. – Я о таком никогда не слыхала. Однако, по-моему, она именно та, за кого себя выдает. Однажды я видела Аллиандре, несколь-

ко лет назад, и девочка, которую я помню, вполне могла вырасти в эту женщину. И она была коронована королевой Гэалдана. Что она делает в Амадиции, я не знаю. И Белоплащники, и Роэдран схватили бы ее в тот же миг, как…

– Хватит, Лина, – оборвала ее Терава. Ее рука сильнее сжала плечо Галины. – Ты же знаешь, я не люблю, когда языком болтают.

Гай'шайн дернулась, как от удара, и захлопнула рот. Скорчившись, она улыбнулась Тераве, глядя на нее с еще более заискивающим и жалким видом, чем на Севанну. Она заломила руки, и на ее пальце блеснуло золото. Но в глазах еще и гнев полыхнул. В темных глазах. Явно не айильских. Терава будто и не заметила раболепия Галины – собаке скомандовали: «К ноге!» – и та послушно исполнила требуемое, чего же большего? Все ее внимание было приковано к Севанне. Сомерин искоса глянула на *гай'шайн*, кривя губы от отвращения, но потом прикрыла грудь шалью и тоже воззрилась на Севанну. По лицам Айил мало что можно прочитать, однако было очевидно: Севанна ей не по нутру и в то же время она Севанну побаивается.

Поверх кружки Фэйли тоже смотрела на женщину на коне – примерно с такими же чувствами она смотрела бы на Логайна или на Мазрима Таима. Имя Севанны, как и их имена, было словно на небосводе написано – кровью и огнем. От ее бесчинств Кайриэн оправится нескоро, хорошо, если лет через десять, и кровавые волны докатились до Андора и Тира и еще дальше. Перрин винил во всем человека по имени Куладин, но Фэйли достаточно наслышалась об этой женщине и у нее сложилось свое, не слишком далекое от истины, мнение о том, кто стоял за всей той историей. И никто не оспаривал, что бойня у Колодцев Дюмай – всецело на совести Севанны. Фэйли согласна была оставить Ролану его уши, лишь бы забрать назад скоропалительно-дурацкое заявление Аллиандре.

Кричаще разодетая Севанна медленно поехала вдоль ряда стоявших на коленях женщин, ее жесткие зеленые глаза были холодны, как у Теравы. Скрип снега под копытами вороного звучал неожиданно громко.

– Кто из вас горничная? – Странный вопрос. Майгдин помешкала, сжав челюсти, а потом подняла руку, выпростав ее из-под одеяла. Севанна задумчиво кивнула. – И кто та самая… ее сеньор?

Фэйли подумала, что Севанна так или иначе, но узнает правду и таиться смысла нет. Без всякого желания она подняла руку. И ее охватила дрожь, причем не от холода. На нее обратила свой пристальный – и жестокий – взгляд Терава. И наблюдала она теперь и за Севанной, и за теми, кого та назвала.

Фэйли не понимала, как можно не заметить такой зловещий взгляд, однако Севанна как будто не чувствовала его. Она повернула мерина обратно и чуть погодя сказала:

– С такими ногами они идти не смогут. И не пойму, зачем им ехать вместе с детьми. Исцели их, Галина.

Фэйли вздрогнула и чуть не выронила глиняную кружку. Она сунула ее *гай'шайн*, сама не понимая, что делает. Все равно кружка уже пуста. Мужчина со шрамами равнодушно начал снова наполнять кружку чаем из бурдюка. Исцелить? Не может быть, чтобы…

– Очень хорошо, – сказала Терава, подтолкнув женщину-*гай'шайн*, да так, что та пошатнулась. – Давай по-быстрому, маленькая Лина. Знаю, ты не хочешь меня разочаровать.

Галина устояла на ногах и с трудом побрела к пленницам. Местами ноги ее по колено увязали в снегу, но она упрямо шла к цели. На ее округлом лице с широко раскрытыми глазами страх и отвращение смешивались… невероятно, неужели со страстным желанием? И это вызывало неприятное чувство.

Севанна, объехав пленниц, вернулась туда, где Фэйли было хорошо ее видно, и натянула поводья перед Хранительницами Мудрости. Ее полные губы были поджаты. Плащ трепал ледяной ветер, но она не замечала его, как и снега, сыпавшегося на голову.

– Терава, я только что получила известие, – голос ее был спокоен, хотя глаза так и метали молнии. – Сегодня вечером мы разобьем лагерь вместе с Джонин.

– Пятый септ, – бесстрастно отозвалась Терава. Для нее тоже словно не существовало ни ветра, ни снегопада. – Пятый, а семьдесят восемь как ветром разметало. Хорошо, Севанна, что ты помнишь свою клятву заново объединить Шайдо. Вечно мы ждать не станем.

Глаза Севанны теперь не молнии метали, они превратились во взорвавшиеся зеленые вулканы.

– Я всегда делаю то, что говорю, Терава. Хорошо, что ты этого не забываешь. И не забывай, что ты мне *даешь советы*. От имени вождя клана говорю *я*.

Круто развернув мерина, Севанна замолотила пятками по его бокам, пытаясь послать в галоп к потоку людей и фургонов, хотя вряд ли нашлась бы лошадь, способная нестись галопом по такому глубокому снегу. Вороной все же пошел быстрым шагом, но хватило его ненадолго. Терава и Сомерин, с лицами, ничего не выражавшими, словно маски, смотрели, как конь и наездница растворяются в белой пелене снегопада.

Важная деталь, по крайней мере для Фэйли. Напряжение – как натянутая струна арфы – и взаимная ненависть этих женщин.

Слабость, которой можно воспользоваться, если придумать как. И в конце концов, тут, похоже, не весь клан Шайдо. Хоть и предостаточно их, судя по текущему мимо бесконечному людскому потоку. Но тут до пленниц добралась Галина, и все прочее вылетело из головы Фэйли.

Придав своему лицу выражение, отдаленно напоминавшее уверенное спокойствие, Галина, не сказав ни слова, сжала голову Фэйли обеими руками. Кажется, Фэйли охнула. Мир будто поплыл, а она рывком приподнялась. То ли часы пролетели, то ли проползли мгновения. Женщина в белом шагнула назад, и Фэйли свалилась ничком и лежала так, тяжело дыша в жесткую шерсть одеяла. Ноги больше не болели, но после Исцеления всегда просыпается зверский аппетит, а она со вчерашнего утра ничего не ела. Сейчас она в один присест проглотила бы тарелок десять чего угодно, похожего на еду. Усталости девушка больше не чувствовала, но мускулы из черствого пудинга превратились в кисель. Руки подламывались под тяжестью тела, однако Фэйли сумела подняться и неловко натянула на себя серое в полоску одеяло. Она была потрясена не только Исцелением, но и тем, что успела заметить на руке Галины, когда та схватила ее за голову. Благодарно взглянув на шрамолицего, Фэйли позволила ему поднести к ее губам горячее питье. Она боялась, что сама не удержит кружку.

Галина времени не теряла. Ошеломленная Аллиандре уже лежала ничком и старалась приподняться; полосатое одеяло с нее сползло. Ее рубцы, разумеется, тоже исчезли. Майгдин лежала, распростершись под одеялом, неуверенно шаря руками вокруг и пытаясь собраться с силами. Галина сжимала голову Чиад, а та, привстав на ноги, выгибалась дугой и бешено размахивала руками. Дыхание с громким хрипом вырывалось из горла. На глазах Фэйли желтоватая опухоль на лице Чиад исчезла. И когда Галина двинулась к Байн, Дева рухнула как подкошенная, правда, сразу же зашевелилась.

Фэйли принялась пить чай; в голове ее бешено кружились мысли. Золото на пальце Галины оказалось кольцом Великого Змея. Можно было бы счесть кольцо просто странным подарком – например, от того, кто дал ей другие украшения, – если бы не процедура Исцеления. Галина была Айз Седай. Должна быть ею. Но что тут делает Айз Седай, да еще в белом балахоне *гай'шайн*? Не говоря уж о готовности лизать руку Севанны или целовать ноги Тераве! И это Айз Седай!

Стоя перед обмякшей Аррелой, последней в ряду, Галина дышала несколько чаще – все же непросто Исцелить стольких и так быстро – и пожирала взглядом Тераву, словно в надежде на по-

хвалу. Но две Хранительницы Мудрости, мельком взглянув на Галину, направились к потоку Шайдо; они заговорили о чем-то, склонив друг к другу головы. Айз Седай нахмурилась и, подхватив подол белого одеяния, во всю прыть побежала за ними. Впрочем, она оглянулась, и не раз. Фэйли казалось, что Галина продолжала оглядываться, даже когда между ними сгустился белый занавес снегопада.

Потом подошли другие *гай'шайн*, с дюжину мужчин и женщин, и лишь один из них был айильцем – худощавый, рыжеволосый, с тонким белым шрамом, спускавшимся со лба к челюсти. Фэйли узнала кайриэнскую бледную кожу и невысокий рост, другие, повыше и посмуглее, были, скорее всего, из Амадиции или Алтары. Здесь оказалась даже бронзовокожая доманийка. Причем она и еще одна женщина носили широкие пояса из сверкающих золотых цепей, туго стягивавших талии, и ошейники с плоскими звеньями. Как и один из мужчин, кстати! Однако эти украшения на *гай'шайн* казались сейчас хотя и странной, но несущественной мелочью, по сравнению с принесенными ими едой и одеждой.

Вновь пришедшие принесли корзины с караваями хлеба, головками желтого сыра и с сушеным мясом, а запивать все можно было чаем, благо *гай'шайн* с бурдюками уже были здесь. Не одна Фэйли принялась с невиданной торопливостью набивать рот, одновременно одеваясь, – неуклюже и больше думая о быстроте, чем о приличиях. Белый балахон с капюшоном и две толстые нижние рубашки казались чудесно теплыми, как и плотные шерстяные чулки и мягкая айильская обувка со шнуровкой до колен – даже эти сапожки были выкрашены в белое! Но никакая одежда не могла заполнить сосущую пустоту в животе. Мясо оказалось жестким как подошва, сыр твердостью напоминал булыжник, хлеб был немногим мягче, но все вместе казалось пиршеством! С каждым куском рот переполнялся слюной.

Жуя сыр, Фэйли завязала последний шнурок на сапожках и, встав, оправила свое одеяние. Когда она потянулась за новым куском хлеба, одна из женщин с золотыми украшениями, пухлая и невзрачная, с усталыми глазами, достала из висевшего на плече мешка золотой поясок. Фэйли, торопливо сглотнув сыр, отступила назад.

– Спасибо, но я бы лучше обошлась без этого. – У нее возникло неприятное чувство, что она глубоко ошиблась, сочтя украшения не представляющей важности мелочью.

– Хочешь ты чего-то или нет – не имеет значения, – устало отозвалась толстушка. Выговор выдавал в ней амадицийку, причем из образованных. – Теперь ты служишь леди Севанне. Ты будешь носить то, что тебе дают, и делать то, что велят. Иначе

тебя станут наказывать, пока не поймешь, как себя вести.

Майгдин, тоже не давая надеть на себя ошейник, отгоняла доманийку. Аллиандре, вскинув руки и с болезненным выражением на лице, пятилась от мужчины с золотыми цепями. Он протягивал ей пояс. Хорошо хоть, смотрели обе на Фэйли. Возможно, урок, преподанный розгами в лесу, не прошел даром.

Тяжело вздохнув, Фэйли кивнула им, потом позволила пухленькой *гай'шайн* застегнуть на себе широкий пояс. Увидев такой пример, и эти двое опустили руки. Последний удар, казалось, подкосил Аллиандре, она стояла, безвольно уставясь в никуда, пока на ней застегивали пояс и ошейник. Майгдин же будто хотела взглядом просверлить дыру в стройной доманийке. Фэйли попыталась подбодрить их улыбкой, но улыбка не получилась. Для нее щелчок замка ошейника прозвучал как скрежет ключа, запирающего дверь темницы. Пояс и ошейник можно снять с той же легкостью, с какой их надели, но за *гай'шайн*, служащими «леди Севанне», наверняка станут присматривать. Несчастья громоздились одно на другое. Значит, хуже уже не будет, а может быть только лучше. Должно быть лучше.

И вскоре Фэйли побрела по сугробам на подгибающихся ногах, вместе с насупленной Майгдин и спотыкавшейся, с мутными глазами Аллиандре. Их окружали *гай'шайн*: они вели вьючных животных, несли на спинах закрытые корзины, тащили нагруженные тележки с полозьями вместо колес. Повозки и фургоны также были поставлены на широкие полозья, а колеса висели по бортам или были привязаны поверх припорошенного снегом груза. Может, Шайдо раньше и не видели снега, но о том, как передвигаться по нему, они кое-что знали. Ни Фэйли, ни двух других женщин не заставили ничего нести, хотя пухлая амадицийка и дала ясно понять, что с завтрашнего дня у них будет своя ноша. Сколько бы Шайдо ни было в колонне, казалось, что в поход двинулся целый город, если не страна. Дети младше двенадцати-тринадцати лет ехали на телегах или в фургонах, остальные шли пешком. Все мужчины были облачены в *кадин'сор*, но большая часть женщин была в юбках и блузах с шалями, как у Хранительниц Мудрости, и у большинства мужчин в руках было всего одно копье, а то и вовсе не имелось оружия, и вид у них был мягче, чем у прочих. Мягче означало, что это были камни, уступавшие в твердости только граниту.

Ко времени, когда амадицийка ушла, так и не назвав себя и не сказав ничего, кроме «подчиняйтесь, или вас накажут», Фэйли поняла, что за снегопадом потеряла из виду Байн и остальных товарищей по несчастью. Никто не заставлял ее держаться определенного места, так что она, в компании с Аллиандре и Майгдин,

прошлась взад-вперед вдоль колонны. Идти, засунув руки в рукава, оказалось непросто, особенно по глубокому снегу, но так было теплее. И ветер вынуждал поглубже надвигать капюшоны. Несмотря на золотые пояса, никто из *гай'шайн* или Шайдо не взглянул на женщин дважды. Они прошли вдоль колонны с десяток, если не больше, раз, но поиски оказались бесплодными. Повсюду были люди в белом, их было множество, и любой из глубоко надвинутых капюшонов мог скрывать лица их подруг.

– Мы их отыщем вечером, – наконец промолвила Майгдин. Ей как-то удавалось ступать с достоинством, хотя и несколько неуклюжим. Из-под капюшона яростно сверкали голубые глаза, одной рукой она держалась за широкую золотую цепь на шее, словно хотела ее сорвать. – А так на один шаг этих в колонне мы делаем десяток. А то и два десятка. Ничего хорошего не будет, если мы выбьемся из сил и вечером в лагере от усталости и шагу не ступим.

Очнувшаяся от безучастности Аллиандре, заслышав решительный голос Майгдин, даже приподняла бровь. Фэйли просто глянула на свою горничную, но этого взгляда оказалось достаточно, чтобы Майгдин вспыхнула и забормотала что-то себе под нос. Что на нее нашло? Ладно, как бы ни вела себя служанка, для побега духу у нее хватит на двоих, в этом сомневаться не приходится. Какая жалость, что у Майгдин такие мизерные способности направлять Силу. На ее дар Фэйли возлагала большие надежды, пока не узнала, насколько они малы и практически бесполезны.

– Вечером так вечером, Майгдин, – согласилась Фэйли. Знать бы, сколько потребуется вечеров. Об этом говорить она не стала. Торопливо скользнула взглядом вокруг, не подслушивает ли кто. Шайдо целеустремленно шагали сквозь снегопад, упрямо двигаясь вперед к какой-то неведомой цели. *Гай'шайн* же – остальных *гай'шайн* – вело иное. Подчиняйтесь, или вас накажут. – Судя по тому, как они нас не замечают, – продолжила Фэйли, – наверное, можно просто упасть на обочине. Ну, конечно, не под носом у Шайдо. Если у кого-то из вас будет такая возможность, воспользуйтесь ею. Эти одежды помогут укрыться в снегу, а когда выйдете к деревни, то золото, которым они столь любезно нас одарили, поможет добраться до моего мужа. А он наверняка бросится в погоню. – Она надеялась, что бросится все же не сломя голову. И не станет слишком приближаться к айильцам. У Шайдо здесь целая армия. Пусть и маленькая, но больше, чем у Перрина.

Лицо Аллиандре окаменело.

– Без вас я не уйду, – негромко, но очень твердо заявила она. – Я дала вам клятву, миледи. Я либо сбегу вместе с вами, либо не сбегу вообще!

– Я бы сказала то же самое, – промолвила Майгдин, шедшая по другую сторону от Фэйли. – Может, я и простая служанка, – с презрением выдавила она из себя, – но я никого не брошу на милость этих… этих разбойников! – Голос ее был не просто тверд; он не допускал никаких возражений. М-да, когда все закончится, Лини предстоит с ней очень долгая беседа, иначе Майгдин вряд ли удержится на своей должности!

Фэйли открыла было рот, чтобы возразить – нет, чтобы приказать: Аллиандре принесла вассальную присягу, а Майгдин была ее служанкой, что бы там ни взбрело ей в голову! Они *обязаны* исполнять ее приказания! Но слова замерли у нее на языке.

Темные фигуры двигались сквозь поток Шайдо и снегопад; приблизившись, они превратились в группку айилок. Их шали были наброшены на головы. Возглавляла айилок Терава. Она тихо что-то произнесла, и остальные отстали, а Терава зашагала рядом с Фэйли и ее спутницами. Ее яростный взгляд, казалось, пригасил даже энтузиазм Майгдин, хотя она и ограничилась всего одним взглядом. Для Теравы обе не стоили того, чтобы на них смотреть.

– Вы подумываете о побеге, – заговорила Терава. Никто и рта не раскрыл, но Хранительница Мудрости с презрением в голосе бросила: – И не смейте этого отрицать!

– Мы стараемся служить, как и должны, Хранительница Мудрости, – осторожно промолвила Фэйли. Она низко опустила голову в капюшоне, чтобы не встречаться взглядом с Теравой.

– Тебе что-то известно о наших обычаях. – Проскользнувшее в тоне Теравы удивление тут же исчезло. – Хорошо. Но не считайте меня дурой и не думайте, будто я поверю, что вы станете покорно служить. У вас троих есть внутренняя сила – для мокроземок. Так знайте – побег удается лишь мертвым. Живых всегда возвращают. Всегда.

– Я запомню ваши слова, Хранительница Мудрости, – смиренно сказала Фэйли. Всегда? Что ж, что-то всегда случается в первый раз. – Мы все их запомним.

– Хм, очень хорошо, – проворчала Терава. – Какого-нибудь слепца, вроде Севанны, вы могли бы обмануть. Но запомни, *гай'шайн*. Мокроземцы – не такие, как те, кто носит белое. Вас не отпустят через год и один день, вы будете служить, пока не сгорбитесь и не ослабнете, и не сможете больше работать. Я – ваша единственная надежда избежать такой участи.

Фэйли увязла в глубоком снегу, споткнулась, взмахнула руками и, если бы Аллиандре с Майгдин не подхватили ее, непременно упала бы. Терава нетерпеливым жестом велела им продолжать путь. Фэйли почувствовала себя дурно. *Терава* поможет им бе-

жать? Чиад и Байн утверждали, будто Айил понятия не имеют об Игре Домов и презирают мокроземцев за приверженность ей, но сейчас Фэйли словно наяву ощущала подводные течения и водовороты *Даэсс Дей'мар*. Которые грозят утянуть их в бездну, если она сделает неверный шаг.

– Я не понимаю, Хранительница Мудрости. – Какая досада, что голос ее внезапно охрип.

Но, возможно, именно хриплость и убедила Тераву. Люди ее склада верят, что господствующее чувство в человеке – страх. Так или иначе, но Терава улыбнулась. Вернее, просто изогнула тонкие губы, тем не менее в их изгибе ощущалось удовлетворение.

– Вы втроем будете следить и слушать, пока служите Севанне. Каждый день Хранительница Мудрости станет расспрашивать вас, и вы повторите ей каждое слово Севанны и ее собеседников. Если она заговорит во сне, вы перескажете и это. Порадуете меня, и я сделаю так, чтобы вас отпустили.

Фэйли совершенно не хотелось участвовать в этой затее, но об отказе не могло быть и речи. Если она откажется, до утра никто из них не доживет. В этом Фэйли была уверена. Терава не оставит им ни малейшего шанса. Они даже до темноты рискуют не дожить; снег быстро укроет три трупа в белых одеяниях, и Фэйли очень сомневалась, что кто-нибудь вступится, если Тераве вздумается перерезать пару-тройку глоток у всех на глазах. Никто и не заметит ничего: все поглощены переходом и снегопадом.

– Если она об этом узнает… – Фэйли сглотнула. Терава все равно что просит их пройтись по краешку пропасти. Вернее, приказывает им. Интересно, айильцы убивают шпионов? Ей никогда в голову не приходило спрашивать Байн и Чиад о подобных вещах. – Вы защитите нас, Хранительница Мудрости?

Женщина с безжалостным лицом стальными пальцами ухватила Фэйли за подбородок и потянула вверх – девушке пришлось подняться на цыпочки. Такой же стальной взгляд Теравы впился ей в глаза. Во рту у Фэйли мигом пересохло. Этот взгляд сулил боль.

– Если она об этом узнает, *гай'шайн*, то я сама тебя вздерну для котла. Так что для тебя же лучше, чтобы она ничего не узнала. Сегодня вечером вы будете прислуживать ей в ее палатках. Вы и сотня других, так что много работать вам не придется. И ничто не отвлечет от самого главного.

Окинув всех троих внимательным взглядом, Терава довольно кивнула. Она видела перед собою изнеженных мокроземок, слишком слабых и не способных ни на что, кроме подчинения. Не сказав ни слова, она отпустила Фэйли и повернулась, и через пару мгновений снегопад поглотил ее и остальных Хранитель-

ниц Мудрости.

Какое-то время все три женщины брели молча. Фэйли не стала заговаривать вновь о побеге в одиночку и тем более не стала приказывать. Она была уверена, что ее спутницы опять заартачатся. Вдобавок согласие для них теперь означало бы, что они передумали из-за Теравы, из-за страха перед ней. Фэйли достаточно знала характер обеих женщин, чтобы сказать с уверенностью: они скорее умрут, чем признаются, что Терава нагнала на них страху. А ее саму Терава изрядно напугала. *И я скорее язык проглочу, чем скажу об этом вслух*, угрюмо подумала Фэйли.

– Интересно, что она имела в виду под… котлом, – произнесла наконец Аллиандре. – Как я слышала, Допросники Белоплащников иногда привязывают пленников к вертелу и прокручивают над огнем. – Майгдин, вся содрогаясь, обхватила себя руками, и Аллиандре, высвободив руку из рукавов, погладила ее по плечу. – Не волнуйся. Если у Севанны сотня слуг, мы можем никогда не оказаться рядом с ней, чтобы что-то услышать.

Майгдин горько рассмеялась; белый капюшон чуть качнулся.

– Ты считаешь, что у нас остался какой-то выбор. Выбора у нас нет. Так бывает, и лучше пойми это сразу. Эта женщина выбрала нас не потому, что в нас есть *внутренняя сила*, – последние слова она почти выплюнула. – Готова поспорить, что точно так же Терава наставляла и всех остальных слуг Севанны. Если мы упустим хоть слово, которое должны были услышать, то будь уверена: она об этом узнает.

– Может, ты и права, Майгдин, – помолчав, признала Аллиандре. – Но больше в такой манере со мной не разговаривай. Наше положение, мягко говоря, тяжелое, но не забывай, кто я.

– Пока мы не сбежим, – ответила Майгдин, – ты – служанка Севанны. Если не станешь ежеминутно напоминать себе, что ты служанка, то считай, сама влезаешь на тот вертел. И оставь место и нам, потому что ты потянешь нас за собой.

Лицо Аллиандре скрывал капюшон, но спина у нее с каждым словом деревенела все больше. Она была умна, знала, что и как нужно делать, но у нее был королевский нрав и сдержанность не была ей присуща.

Фэйли заговорила прежде, чем Аллиандре взорвалась.

– До тех пор, пока мы не спасемся, мы все – слуги, – твердо заявила она. О Свет, меньше всего ей надо, чтобы эта парочка устроила ссору. – Но ты, Майгдин, извинишься. Сейчас же! – Отвернув голову, ее служанка пробормотала что-то, что можно было счесть извинением. Так и посчитаем. – А что до тебя, Аллиандре, надеюсь, ты будешь *хорошей* служанкой. – Та что-то возмущенно заворчала, но Фэйли проигнорировала ее протест: – Если мы

хотим сбежать, мы должны делать, что велят, работать на совесть и привлекать как можно меньше внимания. – Если только они уже не привлекли к себе все и всяческое внимание. – И мы будем рассказывать Тераве о каждом чихе Севанны. Не знаю, как поступит Севанна, если об этом узнает, но, думаю, каждая ясно представляет, что сделает Терава, если мы вызовем у нее недовольство.

Этого хватило, чтобы сразу пресечь все возражения. Женщины вновь замолчали. Все хорошо представляли, что сделает Терава, и смерть – это еще не самое худшее.

К середине дня снегопад стих, лишь изредка падали редкие хлопья. Темные тучи по-прежнему скрывали солнце, но Фэйли, поскольку их еще раз покормили, решила, что уже середина дня. Остановки не делали, но сотни *гай'шайн* пошли вдоль колонны с корзинами и котомками, полными хлеба и сушеной говядины, с бурдюками, где на этот раз оказалась вода, причем такая холодная, что у Фэйли заныли зубы. Странно, но она не чувствовала голода, хотя любому захотелось бы есть после нескольких часов ходьбы по заснеженной дороге. Однажды Перрина, как она знала, Исцеляли, и после этого он два дня был голоден как волк. Может быть, ее царапины нельзя сравнить с его ранами. Фэйли подметила, что и Аллиандре с Майгдин съели не больше ее.

Мысль об Исцелении заставила ее вспомнить о Галине. Из всех мучавших ее вопросов главный был – почему? Почему Айз Седай – а она не может быть никем, кроме Айз Седай, – так заискивает перед Севанной и Теравой? Да и вообще перед кем-то заискивает? Айз Седай может помочь им бежать. Или не может. Может выдать их, если это послужит ее целям. Айз Седай делают то, что нужно им, и у тебя нет выбора, кроме как принять это, если только ты не Ранд ал'Тор. Но он-то – *та'верен*, и в придачу Дракон Возрожденный; а Фэйли – обыкновенная женщина, у которой сейчас крайне мало шансов на спасение, а над головой нависла огромная опасность. Не говоря уже о том, что не меньшая опасность грозит и тем, за кого она в ответе. Сгодится любая помощь, от кого угодно. Пока Фэйли размышляла о Галине, порывистый ветер стих, вновь пошел снег, потом снегопад усилился, и вскоре ничего нельзя было разглядеть в десяти шагах. Фэйли никак не могла решить, стоит доверять Галине или нет.

Вдруг она заметила, что за нею наблюдает другая женщина в белом, почти неразличимая за снежной пеленой. Но даже снегопад не мог скрыть широкий, украшенный драгоценными камнями пояс. Фэйли тронула спутниц за руки и кивком указала на Галину.

Когда та обнаружила, что ее заметили, она подошла и тяжело зашагала между Фэйли и Аллиандре. Особой грациозностью ее походка не отличалась, но ходить по снегу она, похоже, привыкла больше, чем они. Сейчас в Галине не было и тени раболепия. Обрамленное капюшоном круглое лицо было твердым, взгляд – острым. Но она не поворачивала головы и бросала настороженные взгляды по сторонам, проверяя, кто есть поблизости. И выглядела как домашняя кошка, притворяющаяся леопардом.

– Вы знаете, кто я? – спросила она с нажимом, но так тихо, что никто в десяти футах ее не услышал бы. – Кто я такая?

– Вроде бы вы – Айз Седай, – осторожно сказала Фэйли. – С другой стороны, для Айз Седай здесь очень странное место.

Ни Аллиандре, ни Майгдин удивления не выказали. Видно, тоже успели разглядеть кольцо Великого Змея, которое нервно теребила Галина.

На щеках Галины выступила краска, и она попыталась выдать смущение за гнев.

– То, что я делаю здесь, дитя мое, представляет огромную важность для Башни, – холодно и строго произнесла она. Весь вид ее говорил о том, что есть причины, которых им не понять. Она коротко поглядывала по сторонам, пытаясь пронзить взором снежную пелену. – Мне нельзя ошибаться. Вот и все, что вам нужно знать.

– Нам нужно знать, можем ли мы вам доверять, – спокойно сказала Аллиандре. – Вы должны были обучаться в Башне, иначе не знали бы Исцеления, но заслужить кольцо еще не значит заслужить шаль. И я не могу поверить, что вы – Айз Седай.

Похоже, не одна Фэйли ломала голову, кто же такая эта женщина.

Галина поджала полные губы и стиснула кулак – то ли грозя Аллиандре, то ли показывая кольцо, а может, и то, и другое.

– Думаешь, они станут иначе обращаться с тобой, потому что ты носишь корону? Потому что ты когда-то ее носила? – Теперь в ее гневе сомнений не оставалось. Она забыла, что их могут услышать, забыла оглядеться по сторонам, и голос ее зазвучал язвительно. Брызгая слюной, Галина обрушилась на них с гневной тирадой: – Как и прочие, вы будете подносить Севанне вино и тереть ей мочалкой спину. Все ее слуги – люди благородного звания либо богатые купцы, либо те, кто знает, как прислуживать знати. Каждый день пятерых из них порют ремнем, чтобы подбодрить остальных, так что все они наушничают, надеясь заслужить благосклонность. За первую попытку побега отхлещут розгами по ступням, так что и шагу не сделать, а потом, согнув в три погибели, свяжут по рукам и ногам, бросят на телегу, пока ноги

не подживут и беглец не сможет идти. На второй раз достанется больше, в третий обойдутся еще суровей. Есть здесь один, бывший Белоплащник, так он пытался бежать девять раз. Крепкий мужчина, но когда его поймали в последний раз, он, перед тем как его стали наказывать, плакал и молил о пощаде.

Аллиандре подобная речь не пришлась по вкусу. Она сердито надулась, а Майгдин проворчала:

– С вами случилось то же самое? Айз Седай вы или Принятая, но вы позорите Башню!

– Молчи, дичок, тебе слова не давали! – отрезала Галина.

О Свет, если так и дальше пойдет, они начнут орать друг на друга.

– Если вы намерены помочь нам бежать, так и скажите, – обратилась Фэйли к облаченной в шелк Айз Седай. Она почти не сомневалась в том, кто эта женщина. Как и во всем остальном. – Если же нет, то чего вам от нас надо?

Впереди из стены снега проступил фургон, накренившийся набок из-за слетевшего полоза. Несколько *гай'шайн*, с руками и плечами на зависть кузнецу, под руководством Шайдо и при помощи рычага приподнимали фургон, чтобы установить полоз на место. Фэйли и ее спутницы молчали, пока обступившие фургон люди не остались далеко позади. Потом Галина требовательно спросила:

– Это и есть твоя госпожа, Аллиандре? Твой сеньор? – С лица ее не сошли гневные пятна, голос резал как бритва. – Кто она такая, что ты дала ей клятву верности?

– Можете спросить у меня, – холодно заметила Фэйли. Чтоб сгореть этим Айз Седай и их секретам! Иногда ей казалось, будто ни одна Айз Седай не скажет, что небо голубое, если не увидит в этих словах пользы для себя. – Я – леди Фэйли т'Айбара, и этого знать *вам* достаточно. Вы хотите нам помочь?

Галина запнулась, упала на колено, вонзив при этом в Фэйли столь пристальный взгляд, что девушке показалось, уж не допустила ли она ошибку. И через миг она поняла, как оплошала.

Поднявшись на ноги, Айз Седай нехорошо улыбнулась. Больше она не сердилась. На самом деле вид у нее стал такой же довольный, как у Теравы. И сулил он столь же мало приятного.

– Вот как, т'Айбара… – задумчиво протянула Галина. – Ты салдэйка. Есть один молодой человек, Перрин Айбара. Твой муж? Да, вижу, я угадала. Что ж, это объясняет клятву Аллиандре. В отношении человека, чье имя неразрывно связано с твоим мужем, у Севанны грандиозные планы. Ранд ал'Тор. Если ей станет известно, что ты у нее в руках… О, не бойся, от меня она ничего не узнает. – Взгляд ее стал тверже, и внезапно она показалась насто-

ящим леопардом. Проголодавшимся леопардом. – Если, конечно, ты сделаешь то, что я скажу. Я даже помогу вам бежать.

– Что вам от нас надо? – сказала Фэйли с большей настойчивостью, чем хотела. О Свет, она сердилась на Аллиандре, что та привлекла к ним внимание, назвав себя, а теперь и сама Фэйли выкинула то же самое. Если не хуже. *И я еще думала, что сумею скрыться, утаив имя своего отца,* с горечью подумала она.

– Ничего непосильного, – ответила Галина. – Разумеется, вы заметили Тераву? Конечно, заметили. Тераву замечают все. Она кое-что хранит у себя в палатке – гладкий белый жезл около фута в длину. Он лежит в красном сундучке, окованном медью. Сундучок не запирается. Принесите мне жезл, и вы уйдете вместе со мной.

– Кажется, такая мелочь, – с сомнением произнесла Аллиандре. – Но если забрать его не стоит труда, почему бы вам самой не сделать этого?

– Потому что вы принесете его мне! – Поняв, что кричит, Галина съежилась, капюшон ее закачался из стороны в сторону, когда она огляделась, проверяя, не слышал ли кто. Казалось, на них никто и не смотрел, но Галина понизила голос до зловещего шипения. – Если не принесете, я оставлю вас тут, пока вы не поседеете и не покроетесь морщинами. И Севанна узнает о Перрине Айбара.

– Потребуется время, – в отчаянии сказала Фэйли. – Мы же не сможем лазать в палатку Теравы, когда захотим.

О Свет, да ей меньше всего хочется даже просто пройти рядом с палаткой Теравы. Но Галина сказала, что поможет им бежать. Как она ни гадка, но Айз Седай лгать не могут.

– У тебя есть время. Сколько угодно, – ответила Галина. – Вся жизнь, леди Фэйли т’Айбара, если не будешь осторожна. Не подведи меня.

Она окинула Фэйли напоследок суровым взглядом, повернулась и с трудом побрела в снегопад, держа руки так, словно хотела спрятать под широкими рукавами украшенный драгоценными камнями пояс.

Фэйли молча продолжала идти дальше. Спутницы ее тоже молчали. Да и что тут скажешь? Аллиандре, похоже, глубоко задумалась, засунув руки в рукава и глядя прямо перед собой, куда-то вдаль. Майгдин вновь принялась нервно подергивать свой золотой ошейник. Они разом угодили в три ловушки, и любая грозит гибелью. Вдруг очень захотелось, чтобы их спасли. Однако Фэйли намеревалась сама как-нибудь отыскать способ выбраться из силков. И брела сквозь метель, продолжая размышлять и строить планы.

Глава 5

ЗНАМЕНА

Он бежал по заснеженной равнине, держа нос по ветру, выискивая среди всех запахов один, драгоценный. Падающий снег больше не таял на его заиндевелом меху, но холод не останавливал его. Подушечки на лапах онемели, однако горящие ноги яростно работали, несли его дальше, все быстрее и быстрее, пока земля перед глазами не слилась в размытое пятно. Он должен ее найти.

Вдруг с неба, перегоняя солнце, перед ним опустился громадный серо-седой волк, с рваным ухом, покрытый шрамами, следами многих боев. Громадный серый волк, но не крупнее, чем он сам. Его клыки порвут глотки тем, кто украл ее. Его челюсти сокрушат их кости!

Твоей самки тут нет, отправил ему послание Прыгун, а ты слишком далеко от своего тела и слишком долго без него. Ты должен вернуться, Юный Бык, иначе погибнешь.

Я должен отыскать ее. Казалось, даже мысли причиняли боль. Он не думал о себе как о Перрине Айбара. Он был Юным Быком. Когда-то он нашел здесь сокола и сумеет найти вновь. Он должен ее найти. По сравнению с этим смерть – ничто.

Серой вспышкой мелькнул второй волк и ударил его в бок, и хотя Юный Бык был крупнее, он устал, потому и рухнул грузно на снег. Поднявшись, Юный Бык зарычал и бросился на Прыгуна. Все ничто по сравнению с соколом.

Волк со шрамами птицей взмыл в воздух, и Юный Бык шлепнулся наземь, раскинув лапы. Прыгун легко приземлился на снег рядом с ним.

Послушай меня, щенок! Обращенная к нему мысль Прыгуна была полна гнева. Страх исказил твой разум! Ее здесь нет, и ты погибнешь, если пробудешь тут дольше. Найди ее в мире яви. Только там ты можешь ее найти. Возвращайся и найди ее!

Перрин резко открыл глаза. Он устал как собака, в животе было пусто, но голод казался бледной тенью по сравнению с той пустотой, что поселилась у него в груди. Он был опустошен и смотрел на страдания Перрина Айбара отстраненно, как посторонний человек. Над ним дрожал на ветру потолок сине-золотой палатки. Внутри же царили сумрак и тени, но от солнечных лучей расцвеченная парусина как будто светилась. И вчерашний день не был кошмарным сном, как сон с Прыгуном. О Свет, он пытался убить Прыгуна. В Волчьих Снах смерть была… окончательной. В палат-

ке было тепло, но Перрин дрожал. Он лежал на перине, на широкой кровати с тяжелыми столбиками, украшенными богатой резьбой и щедрой позолотой. Сквозь запах горящего в жаровнях угля Перрин уловил мускусный аромат духов – и запах пользовавшейся ими женщины. Больше никого не было.

Не поднимая головы от подушки, Перрин спросил:

– Берелейн, ее еще не нашли? – Голова казалась слишком тяжелой, и поднимать ее не хотелось.

Она пошевелилась, тихо скрипнуло походное кресло. Он часто бывал здесь раньше, обсуждая различные планы, вместе с Фэйли. В просторном шатре могла разместиться целая семья, а изысканная, украшенная резьбой и позолотой мебель Берелейн была бы к месту и во дворцовых покоях, хотя все столы, стулья и сама кровать разбирались и скреплялись деревянными чеками. Эту мебель можно было перевозить на телеге, но прочностью она не отличалась.

Сквозь духи Берелейн пробился запах удивления – как он узнал, что она тут? – однако голос ее звучал спокойно.

– Нет. Ваши разведчики пока не вернулись, и мои тоже… После того как мы прождали их до темноты, я выслала целый отряд. Моих людей нашли, они погибли, наткнувшись на засаду. Проехать успели не больше пяти-шести миль. Я приказала лорду Галленне усилить посты вокруг лагерей. Арганда тоже выставил усиленные конные посты, вдобавок выслал еще и патрули. Хотя я не советовала. Он глупец. Думает, кроме него, никто не сможет найти Аллиандре. И похоже, он считает, что больше никто ее как следует и не ищет. Во всяком случае, уж не айильцы точно.

Пальцы Перрина стиснули мягкую шерсть одеяла. Гаула не застанут врасплох, и Джондина тоже, даже айильцы. Они по-прежнему в поиске, и это значит, что Фэйли жива. Они уже давно вернулись бы, если бы нашли ее тело. Он должен в это верить. Перрин приподнял краешек синего одеяла. Он был раздет.

– А это как объяснить?

Голос Берелейн не изменился, но в запахе ощущалась осторожность.

– Вы со своим дружинником замерзли бы насмерть, если бы я не отправилась вас искать, когда вернулся Нурелль с известием о моих разведчиках. Больше ни у кого не хватило духу тебя побеспокоить. Видимо, ты рычал на всех как волк. Когда я вас нашла, ты уже так окоченел, что ничего не слышал. А тот, второй, еще чуть-чуть – и вовсе свалился бы. Он у вашей женщины, Лини, его нужно было только накормить горячим супом и завернуть в одеяла. Но тебя я распорядилась принести сюда. Ты отморозил пальцы на ногах и, если бы не Анноура, лишился бы их. Она…

Она, кажется, опасалась, что даже после Исцеления ты мог умереть. Ты спал мертвым сном. Она сказала, что ты почти как мертвец, потерявший душу. И тело было холодным, сколькими бы одеялами тебя ни укрывали. Я тоже чувствовала холод, когда касалась тебя.

Объяснений чересчур много – и в то же время недостаточно. Вспыхнул гнев, отдаленный гнев, но Перрин подавил его. Фэйли ревновала, когда он повышал голос на Берелейн. Эта женщина от него крика не дождется.

– Грейди или Неалд могли помочь и сделать все, что требовалось, – бесцветным голосом произнес Перрин. – Даже Сеонид и Масури были ближе.

– Первой я вспомнила о своей советнице. О других я подумала, только когда сюда вернулась. Так или иначе, какая разница, кто провел Исцеление?

Как правдоподобно. И если спросить, почему за ним в полутемной палатке присматривает Первая Майена, а не ее служанки или кто-нибудь из солдат, или даже Анноура, у нее тоже найдется правдоподобный ответ. Он не хотел его выслушивать.

– Где моя одежда? – спросил Перрин, приподнимаясь на локтях. Голос его по-прежнему оставался невыразительным.

Свет в палатке исходил от единственной свечи, что стояла на маленьком столике возле кресла Берелейн, но для глаз Перрина его хватало, хотя их жгло от усталости, будто песка насыпали. Одета Берелейн была достаточно скромно, в темно-зеленое платье для верховой езды с высоким, жестким кружевным воротом, подпиравшим подбородок. Скромность Берелейн казалась овечьей шкурой на горной кошке. Лицо ее, остававшееся в тени, прекрасно, но доверия не внушало. Она делала, что обещала, имея на то свои резоны, подобно Айз Седай, а то, чего она не обещала, могло обернуться ножом в спину.

– Там, на сундуке, – сказала Берелейн, указывая изящной ручкой, почти невидимой под светлыми кружевами. – Росене и Нана ее почистили, но, прежде чем одеваться, ты бы отдохнул и поел. И пока мы не занялись едой и прочими делами, я хочу, чтобы ты знал: никто не надеется сильнее меня, что Фэйли жива. – Выражение ее лица было таким открытым и честным, что он мог бы и поверить, будь это кто другой, а не Берелейн. Она даже ухитрилась пахнуть искренностью!

– Мне нужна одежда, – Перрин повернулся на постели, сел, спустил ноги с кровати и натянул на них одеяла. Одежда его, аккуратно сложенная, лежала на окованном дорожном сундуке, до неприличия богато украшенном резьбой и позолотой. С краю поперек сундука был брошен подбитый мехом плащ Перрина, а

по другую сторону, рядом с сапогами, на ярких цветастых коврах лежал его топор. О Свет, как же он устал. Перрин не знал, сколько времени провел в Волчьих Снах, но силы там уходили так же, как и наяву. В животе громко заурчало. – И еда.

Берелейн, раздраженно хмыкнув, встала, разгладила юбки; подбородок ее был неодобрительно вздернут.

– Анноура беседует с Хранительницами Мудрости, и она будет недовольна, когда вернется, – твердо заявила Первая Майена. – Ты не можешь игнорировать Айз Седай. Ты – не Ранд ал'Тор, и рано или поздно они тебе это докажут.

Однако Берелейн все же покинула шатер, впустив волну холодного воздуха. В своем раздражении она даже не позаботилась набросить плащ. В открывшуюся на миг щель полога Перрин заметил, что снегопад еще не кончился. Снег шел не так густо, как в прошлую ночь, но белые хлопья падали с неба безостановочно. После минувшей ночи даже Джондину сложно будет искать следы. Перрин постарался об этом не думать.

Четыре жаровни согревали воздух в шатре, однако, едва он ступил на ковры, ноги обдало холодом, поэтому Перрин поспешил к сундуку. Скорее, заковылял. Он так устал, что готов был лечь на ковры и снова уснуть. Более того, он чувствовал себя слабым, как новорожденный ягненок. Возможно, к этой слабости имели отношение Волчьи Сны – ведь он, покинув тело, ушел туда чересчур далеко, – но и Исцеление наверняка сделало свое. Со вчерашнего утра он ничего не ел, всю ночь простоял под снегопадом, и у него просто не осталось в запасе никаких сил. Руки дрожали, когда он надевал белье, – казалось бы, работа! Джондин должен ее найти. Или Гаул. Найти живой. Ничего важнее на свете нет. Он словно впал в оцепенение.

Перрин не думал, что Берелейн вернется, но, когда он натягивал штаны, ворвавшаяся струя холода донесла аромат ее духов. Он ощутил спиной ее взгляд, как прикосновение руки, но заставил себя продолжать одеваться, как будто был здесь один. Ни к чему доставлять ей удовольствие, суетясь из-за того, видишь ли, что она смотрит. Перрин даже не оглянулся.

– Росене сейчас принесет горячей еды, – сказала Берелейн. – Боюсь, осталось только баранье рагу, но я велела принести тройную порцию. – Она замешкалась, и Перрин услышал, как ее туфли шуршат по коврам. Она тихонько вздохнула. – Перрин, я знаю, тебе очень больно. Наверняка тебе хотелось бы поделиться с кем-нибудь, но ты не можешь говорить об этом с мужчинами. Я не представляю, чтобы ты плакал на плече у Лини, и поэтому готова предложить свое. Пока Фэйли не найдут, мы можем заключить перемирие.

– Перемирие? – спросил Перрин, осторожно наклоняясь, чтобы натянуть сапог. Осторожно, только потому и не упал. В плотных шерстяных чулках и толстой коже ногам будет тепло. – А зачем нам перемирие?

Она молчала, пока Перрин надевал второй сапог и поправлял отвороты ниже колен, и заговорила, когда он, зашнуровав рубашку, принялся заправлять ее в штаны.

– Очень хорошо, Перрин. Если ты именно этого хочешь. – Что бы это ни значило, говорила Берелейн весьма решительным тоном. И Перрин вдруг засомневался, не подвело ли его чутье. Подумать только, от нее пахло обидой! И, взглянув на нее, он заметил в ее больших глазах искорки гнева. – Еще до рассвета начали прибывать люди Пророка, – сказала она деловито, – но насколько мне известно, сам он еще не появился. Прежде чем ты с ним еще раз встретишься…

– Что значит «начали прибывать»? – перебил Перрин. – Масима согласился взять с собой только почетный караул, сто человек.

– На что бы он ни согласился, их, когда я смотрела в последний раз, было тысячи три-четыре. Целая армия оборванцев. Кажется, на несколько миль окрест не осталось мужчин, способных держать копье, – все явились сюда. И со всех сторон стекается еще больше.

Перрин торопливо просунул руки в рукава куртки, застегнул пояс, повесил на бедро топор, который с каждым разом как будто становился тяжелее.

– Мы с этим разберемся! Чтоб мне сгореть, не нужна мне этакая обуза! Эти масимовские паразиты алчут крови!

– Эти масимовские *паразиты* – головная боль не меньшая, чем он сам. Вся опасность – от Масимы, – голос ее был ровен, но в запахе слышался тщательно сдерживаемый страх. Так было всегда, когда Берелейн говорила о Масиме. – Сестры и Хранительницы Мудрости в этом правы. Если тебе мало того, что ты видишь, и нужны еще доказательства, пожалуйста. Он встречается с Шончан.

Эта новость огрела Перрина будто обухом по голове, тем более после рассказа Балвера о сражении в Алтаре.

– Откуда ты знаешь? – спросил Перрин. – Твои ловцы воров?

У нее была пара ловцов, взятых из Майена, и во всех городках и деревнях она отправляла их собирать новости и слухи. Им двоим ни разу не удалось разнюхать и половины того, что узнавал Балвер. Во всяком случае, судя по тому, что Перрину рассказывала Берелейн.

Берелейн печально покачала головой.

– Это… свита Фэйли. Трое ее людей нашли нас перед нападением Айил. Они разговаривали с людьми, которые видели, как приземлялась громадная летающая тварь. – Первая Майена содрогнулась, не скрываясь, и, судя по запаху, таковы и были ее истинные чувства. Неудивительно – Перрину доводилось видеть этих тварей, и рядом с ними даже троллоки казались не такими уж Отродьями Тени. – Она доставила пассажирку. Ее проследили до Абилы, до Масимы. Не верю, что это была первая встреча. По-моему, такие встречи вошли у них в обычай.

Неожиданно ее губы изогнулись в улыбке, чуть насмешливой и кокетливой. И запах на сей раз соответствовал улыбке.

– Не очень-то хорошо с твоей стороны заставлять меня думать, что этот твой высохший секретарь знает больше, чем мои ловцы воров. У тебя, оказывается, две дюжины соглядатаев, замаскированных под свиту Фэйли. Должна признать, провел ты меня. От тебя вечно жди сюрприза. Почему ты так удивился? Неужели в самом деле думаешь, что Масиме можно доверять? После всего, что мы видели и слышали?

Изумление Перрина не имело отношения к Масиме. Сообщенные сведения могли иметь огромную важность, а могли и ничего не значить. Если Масима, например, думает, что сможет привести к лорду Дракону и Шончан. Он достаточно безумен для этого. Но… чтобы эти олухи *шпионили* по поручению Фэйли? Тайком проникали в Абилу? И Свет знает куда еще. Она, конечно, всегда говорила, что шпионить – это дело жены, но собирать дворцовые сплетни – это одно, а то, что она удумала – совсем другое. Ему-то она могла сказать! Или она хранила все в тайне потому, что ее люди – не единственные, кто сует нос в чужие делишки? Это на нее похоже. У Фэйли и вправду дух сокола. Она вполне могла счесть забавной идею самой заняться шпионством. Нет, он не будет на нее сердиться и уж точно не станет сердиться сейчас. О Свет, она наверняка решила, что идея куда как забавна!

– Приятно видеть, что и ты способен быть скрытным, – пробормотала Берелейн. – Глядя на тебя, я бы такого не сказала, но скрытность – неплохое качество. Особенно теперь. Моих людей убили не айильцы, если только айильцы не начали сражаться арбалетами и топорами.

Перрин вскинул голову, и вопреки своим намерениям, воззрился на нее.

– И об этом ты упоминаешь мимоходом? Наверное, еще что-то забыла мне рассказать? Что-то вылетело из головы?

– И ты еще спрашиваешь? – она почти рассмеялась. – Чтобы открыть большее, мне пришлось бы раздеться догола. – Широко раскинув руки в стороны, она нарочито плавно изогнулась, как

змея.

Перрин досадливо зарычал. Фэйли пропала, одному Свету ведомо, жива ли она, – о Свет, только бы она была жива! А Берелейн выбрала именно этот момент, чтобы вести себя вызывающе, разошлась пуще прежнего! Но Берелейн есть Берелейн. Он должен быть благодарен, что у нее хватило стыда подождать, пока он оденется.

Задумчиво разглядывая Перрина, она провела кончиком пальца по верхней губе.

– Вопреки тому, что ты слышал, ты будешь всего лишь третьим мужчиной, с кем я делила ложе. – Ее глаза… заволокло дымкой, но вид был таков, словно она сказала всего лишь, что он третий человек, с которым она сегодня говорит. Ее запах… Единственное сравнение, что пришло ему на ум – так пахнет волк, увидевший оленя, запутавшегося в колючем кустарнике. – Те двое – из политических соображений. Ты будешь – для удовольствия. Большого удовольствия, – завершила она, и неожиданно от нее пахнуло болью.

В это мгновение в шатер в облаке ледяного воздуха ворвалась Росене, ее синий плащ был отброшен за спину. Она несла овальный серебряный поднос, накрытый белой льняной салфеткой. Перрин захлопнул рот, молясь про себя, чтобы Росене ничего не слышала. Берелейн улыбалась, ей, казалось, до этого и дела не было. Поставив поднос на самый большой стол, коренастая служанка, раскинув сине-золотистые полосатые юбки, склонилась в глубоком реверансе сначала перед Берелейн, а потом перед Перрином. На его долю, правда, реверанс достался не столь низкий. Темные глаза Росене на миг задержались на Перрине, и она улыбнулась, как ее хозяйка, а потом, повинуясь короткому знаку Берелейн, запахнулась в плащ и поспешила выйти. Да, наверняка все слышала. От запахов рагу из баранины и приправленного пряностями вина в животе у Перрина снова заурчало, но он не остался бы сейчас в шатре, даже будь у него сломаны ноги.

Набросив на плечи плащ и натянув перчатки, Перрин вышел наружу, под легкий снежок. Солнце пряталось за тяжелыми облаками, но, судя по освещению, с рассвета минуло уже несколько часов. По снежной глади разбегались протоптанные тропинки, но летевшие с неба хлопья покрывали белым слоем голые сучья и облачали вечную зелень в новые одежды. Снегопад кончится не скоро. О Свет, да как эта женщина посмела с ним так разговаривать? Почему таким тоном и почему именно теперь?

– Помни, – окликнула его сзади Берелейн, ничуть не стараясь говорить тише. – Скрытность.

Перрин, поморщившись, ускорил шаг.

Отойдя от большого полосатого шатра на дюжину шагов, он вдруг сообразил, что забыл спросить, где расположились люди Масимы. Повсюду вокруг костров, неподалеку от коновязей с оседланными лошадьми грелись солдаты Крылатой Гвардии в доспехах и плащах. Рядом были составлены их пики, над этими увенчанными сталью шалашиками развевались на ветру красные вымпелы. И хотя лагерь был разбит в лесу, через каждый ряд костров можно было провести прямую линию. Телеги для припасов, приобретенные по дороге на юг, были загружены, лошади запряжены, и они тоже были выстроены правильными рядами.

Деревья не полностью скрывали гребень холма. Двуреченцы по-прежнему несли там караул, но палатки были сняты, и Перрин разглядел нагруженных вьючных лошадей. Ему показалось, что он заметил черную куртку – кто-то из Аша'манов, хотя кто именно, отсюда не разобрать. Гэалданцы, собравшись кучками, поглядывали на холм, но к выступлению они как будто тоже были готовы, как и майенцы. Два лагеря даже разбиты были сходным образом. Но нигде ни единого намека на тысячи стекающихся сюда людей. Нет и протоптанных в снегу широких троп. Кстати, между тремя лагерями не видно ни одной цепочки следов. Если Анноура – с Хранительницами Мудрости, то на холме она провела уже немало времени. О чем они говорят? Вероятно, о том, как убить Масиму, да так, чтобы Перрин не обнаружил, что это их рук дело. Он глянул на шатер Берелейн, но при одной только мысли о возвращении туда шерсть у него на загривке встала дыбом.

Неподалеку от большого шатра располагалась другая полосатая палатка, поменьше, – для двух служанок Берелейн. Несмотря на снегопад, перед нею сидели на походных стульях Росене и Нана, обе в плащах и в капюшонах, грели руки над маленьким костерком. Их трудно было назвать привлекательными – похожи друг на дружку, как горошины из одного стручка, но они отнюдь не скучали в одиночестве – потому, наверное, и выбрались из палатки на холод. Берелейн, надо думать, требовала от своих служанок куда более пристойного поведения. Обычно ее ловцы воров были немногословны, Перрин, во всяком случае, редко слышал от них больше трех слов подряд, но сейчас оба оживленно болтали и пересмеивались с Росене и Наной. Одевавшиеся скромно, ловцы обладали столь незапоминающейся внешностью, что вряд ли их можно было узнать, даже столкнувшись нос к носу. Перрин до сих пор не знал, кто из них Сантес, а кто – Гендар. У костра стоял маленький котелок, от которого исходил запах рагу из баранины; Перрин старался не обращать на него внимания, но в животе все равно забурчало.

Не успел он сделать и двух шагов к костру, как разговор оборвался. Сантес с Гендаром перевели глаза с него на шатер Берелейн, лица их превратились в ничего не выражающие маски, и оба, запахнувшись в плащи, заторопились прочь, избегая его взгляда. Росене и Нана смотрели то на Перрина, то на шатер и прыскали в кулачок. Перрин не знал, то ли краснеть, то ли выть.

– Вы случайно не знаете, где собираются люди Пророка? – спросил он. Их приподнятые брови и смешки сбивали с толку, и спокойно говорить ему было трудно. – Ваша госпожа забыла мне сказать.

Смешливая парочка переглянулась и вновь захихикала, прикрываясь ладонями. Перрин подумал, уж не дурочки ли они, правда, Берелейн вряд ли стала бы терпеть при себе таковых.

Девушки еще немного похихикали, попереглядывались, поглазели на Перрина и на шатер Берелейн, а потом Нана соизволила сказать, что она вообще-то не уверена, но, кажется, где-то там, и махнула рукой приблизительно на юго-запад. Росене заявила, что, по словам ее хозяйки, до них не больше двух миль. Или трех. Когда Перрин зашагал прочь, они снова захихикали. Может, и впрямь дурочки…

Перрин устало побрел вокруг холма, раздумывая, что же ему делать. Настроения ничуть не улучшал глубокий снег, по которому пришлось шагать, едва только он выбрался за пределы майенского лагеря. Да и решение, к которому он пришел, радости не прибавляло. И когда Перрин добрался до лагеря, разбитого его собственными людьми, настроение у него стало еще хуже.

Все было так, как он распорядился. Кайриэнцы в плащах сидели на загруженных повозках, с поводьями, намотанными на запястье или подсунутыми под бедро, несколько человек обходили с недоуздками запасных лошадей, успокаивая их. Двуреченцы, которые не стояли на часах на холме, сгрудились среди разбросанных между деревьями костерков. Они были одеты по-походному и держали лошадей в поводу. Такого порядка, как у солдат в других лагерях, не наблюдалось, но эти воины сражались и с троллоками, и с айильцами. У каждого за спиной висел лук, а у бедра – полный стрел колчан. Кое-кто был вдобавок вооружен и мечом. Как ни странно, у одного из костров Перрин заметил Грейди. Обычно два Аша’мана держались наособицу от остальных, да и их все сторонились. Никто не разговаривал, все просто грелись у огня. По угрюмым лицам Перрин понял, что Джондин еще не вернулся, как и Гаул, Илайас и другие. Еще оставалась надежда, что они вернутся с Фэйли. Или хотя бы узнают, где ее держат. На какое-то мгновение ему показалось, что эти мысли – последние хорошие мысли за весь день. На прислоненных к повозке древках

под нападавшим снегом тяжело обвисли полотнища знамен с Красным Орлом Манетерен и Волчьей Головой.

Перрин собирался, возвращаясь с Масимой, использовать эти знамена так же, как и во время продвижения на юг, – прятаться за ними. Если человек выказывает себя достаточно безумным, чтобы пытаться возродить древнюю славу Манетерена, никто не станет заглядывать глубже в поисках другой причины, по которой ему понадобилась небольшая армия. И если не мешкать, все будут только рады, что безумец этот проезжает мимо, останавливать его не станут. В мире и без того немало бед, чтобы искать новые себе на голову. Пусть кто-то другой сражается и проливает кровь, и теряет людей, которые понадобятся весной ко времени сева. Границы Манетерен некогда пролегали там, где ныне расположена Муранди, и при удаче Перрин мог оказаться в Андоре, где у Ранда твердые позиции, раньше, чем придется отказаться от этой уловки. Теперь все переменилось, и Перрин знал, какова цена перемен. Очень высокая цена. Он был готов платить, только вот платить суждено не ему. Но кошмары ему будут сниться все равно.

Глава 6

ЗАПАХ БЕЗУМИЯ

Отправившись искать Даннила, Перрин обнаружил его у одного из костров и стал проталкиваться между лошадьми. Двуреченцы выпрямлялись и пропускали его. Не зная, как выразить ему свое сочувствие, они отводили глаза и прятали лица под капюшонами.

– Ты знаешь, где люди Масимы? – спросил у Даннила Перрин и зевнул, прикрыв рот ладонью. Тело хотело спать, но времени на сон не было.

– Милях в трех на юго-запад, – угрюмо ответил Даннил и раздраженно подергал себя за ус. Значит, те гусыни сказали правду. – Слетаются, словно утки осенью в Мокром Лесу, и видок у них еще тот, собственную мать обдерут как липку.

Лем ал'Дай, парень с лошадиным лицом, зло сплюнул сквозь щербатые зубы. Зуб он потерял давным-давно, подравшись с охранником торговца шерстью. Лем любил помахать кулаками; ему явно не терпелось пустить юшку какому-нибудь последователю Масимы.

– И обдерут, если Масима прикажет, – тихо промолвил Перрин. – Лучше, чтобы это хорошенько усвоили все. Вы слышали, как погибли люди Берелейн? – Даннил резко кивнул, кто-то переступил с ноги на ногу, кто-то сердито заворчал. – Значит, знаете. Но доказательств нет никаких.

Лем фыркнул, остальные смотрели столь же угрюмо, как Даннил. Они видели трупы, остававшиеся после схватки с приверженцами Масимы.

Снегопад усиливался, облепляя плащи крупными хлопьями. Мерзнущие лошади прижимали хвосты. Через несколько часов, а то и раньше, вновь разыграется метель. Не та погода, чтобы бросать жаркие костры. Не та погода, чтобы выступать в поход.

– Уведи всех с холма и выступайте туда, где была засада, – распорядился Перрин. Таково было одно из решений, что он принял, идя сюда. Он и так слишком долго медлил. Отступники-айильцы уже давно оторвались от возможной погони, и если бы они направились не на север и не на восток, к этому времени кто-нибудь о них да сообщил бы. А от него ждали, что он двинется следом. – Мы выступим, а пока я поразмыслю и решу, куда именно нам отправиться. Потом Грейди или Неалд переведут нас через переходные врата. Отправь людей к Берелейн и Арганде. Я хочу, чтобы

майенцы и гэалданцы тоже выступили. Вышли разведчиков и дозорных на фланги. И скажи им, чтобы, высматривая айильцев, не забывали: на нас могут напасть не только айильцы. Я не желаю вляпаться незнамо во что, надо сначала выяснить, что нас ждет. И попроси Хранительниц Мудрости держаться к нам поближе. – Нельзя допустить, чтобы у Арганды возник соблазн их допросить вопреки приказу Перрина. Если Хранительницы, защищаясь, убьют кого из гэалданцев, союзник вполне может обернуться врагом, забыв про клятву верности. Перрин же предчувствовал, что ему понадобятся все люди, способные сражаться, какие только есть. – И будь потверже.

Даннил спокойно выслушал весь поток приказов, лишь при последних словах болезненно скривил рот. Для него, должно быть, это прозвучало так, словно ему приказали быть потверже с Кругом Женщин в родной деревне.

– Как скажешь, лорд Перрин, – натянуто промолвил он, коснувшись кулаком лба, потом повернулся в высоком седле и начал выкрикивать распоряжения.

Люди вокруг начали садиться на лошадей, и Перрин поймал за рукав Кенли Маерина – тот уже успел сунуть ногу в стремя – и попросил его оседлать и привести Трудягу. Широко ухмыльнувшись, Кенли *тоже* отсалютовал, коснувшись лба кулаком.

– Как прикажете, лорд Перрин. Я мигом.

Перрин мысленно зарычал, а Кенли затопал к коновязи позади его бурого мерина. И зачем щенок то и дело чешет бороду, лучше бы вообще ее не отпускал. Все равно клочками растет.

Дожидаясь своего коня, Перрин подошел ближе к огню. Фэйли говорила, что он должен смириться со всеми этими «лордами Перринами», поклонами и расшаркиваниями, и ему по большей части удавалось их не замечать, но сегодня эти «мелочи» лишь добавляли горечи. Он чувствовал, как разрастается пропасть между ним и остальными двуреченцами, и, казалось, лишь он один стремится перекинуть через нее мост. В этот момент Перрина – ворчавшего себе под нос и гревшего руки над огнем – и нашел Гилл.

– Простите, что потревожил вас, милорд, – сказал Гилл, кланяясь и сдергивая свой треух. Через миг шапка вернулась на место, оберегая от снега окаймленную редкими волосами лысину. Выросший в городе, он плохо переносил холод. Этот низенький человек вовсе не был подобострастен – таковых мало найдется среди владельцев кэймлинских гостиниц, – но ему, по-видимому, нравилась некоторая доля церемонности. Базел Гилл вполне подходил для своей новой работы, и Фэйли была бы им довольна. – Я насчет юного Талланвора. С первым светом он оседлал коня и

ускакал. Сказал, вы разрешили, если… если к утру поисковые отряды не вернутся. Но, сдается мне, ничего такого не было.

Вот болван. Хотя происхождением Талланвора Перрин особо не интересовался, все говорило за то, что он – опытный солдат, однако в одиночку против айильцев он все равно что заяц, погнавшийся за куницей. *О Свет, как бы мне хотелось ускакать вместе с ним! Не надо было слушать Берелейн и бояться засад.* Но ведь засада была. Разведчики Арганды тоже могли погибнуть. Все равно он должен ехать. Должен.

– Да, – вслух сказал Перрин. – Я ему разрешил. – Потом он может сказать совершенно обратное. Лорды часто так поступают. Если только он когда-нибудь увидит Талланвора живым. – Похоже, вы и сами непрочь отправиться на розыски.

– Я… я очень люблю Майгдин, милорд, – ответил Гилл. В тихом голосе его слышалось скромное достоинство и некоторое упрямство, как будто Перрин сказал, что он слишком стар и толст для такой задачи. И пахло от него определенно раздражением, колюче и горько, хотя разрумянившееся от мороза лицо оставалось спокойным. – Не так, как Талланвор… ничего похожего, конечно, но очень ее люблю. И леди Фэйли, конечно, тоже люблю, – торопливо добавил он. – Просто я Майгдин как будто всю жизнь знаю. Она достойна лучшей доли.

Вздох Перрина туманным облачком заклубился у рта.

– Понимаю, мастер Гилл.

Да, он понимал. Ему и самому хотелось выручить всех, но он знал, что, случись выбирать, он забрал бы Фэйли, бросив остальных. Чтобы спасти ее, он отказался бы от всего. В воздухе густо пахло лошадьми, но Перрин учуял еще чей-то раздраженный запах и оглянулся через плечо.

На него сердито глядела Лини, перебегая с места на место, чтобы ее случайно не сбили с ног всадники, строившиеся в неровные колонны. Одной костлявой рукой она придерживала край плаща, а в другой сжимала обитую медью дубину, длиной фута в два. Чудо еще, что она не отправилась с Талланвором.

– Как только я что-то узнаю, узнаете и вы, – пообещал ей Перрин. Яростное бурчание в животе вдруг напомнило о рагу, от которого он отказался. Он даже ощутил на языке вкус баранины и чечевицы. И чуть не вывихнул челюсть, снова зевнув. – Простите, Лини, – сказал Перрин, когда смог заговорить. – Прошлой ночью я мало спал. И крошки во рту не было. Ничего не найдется? Хлеба и чего-нибудь, что поближе?

– Все уже давно поели, – огрызнулась Лини. – Объедки выкинули, котелки почистили и убрали. Будешь куски таскать с чересчур многих тарелок, так живот разболится и не ровен час лопнет.

Особенно, если дело тарелками не ограничится. – Забормотав под конец что-то уж совсем недовольное, она наградила Перрина еще одним хмурым взглядом напоследок и зашагала прочь, сердито косясь на весь мир.

– Слишком много тарелок? – пробормотал Перрин. – Да я и с одной ничего не успел съесть! В том-то и беда, – Лини шла через лагерь, обходя лошадей и повозки. С ней заговорили трое или четверо, и на всех она огрызнулась, отмахиваясь дубинкой, если кто не понял сразу. Должно быть, она совсем обезумела, переживая за Майгдин. – О чем это она? Обычно в ее словах больше смысла.

– Э-э… ну, тогда как бы все… – Гилл снова сдернул шапку, заглянул в нее и снова нахлобучил на голову. – Я… э-э… мне нужно телеги проверить, милорд. Убедиться, что все готово.

– Даже слепому видно, что повозки готовы, – сказал ему Перрин. – В чем дело?

Гилл завертел головой, судорожно отыскивая другой предлог. Так и не найдя, понурился.

– Я… Наверное, раньше или позже вы все равно узнаете, – промямлил он. – Видите ли, милорд, Лини… – Гилл глубоко вздохнул. – Этим утром, до восхода еще, она ходила в майенский лагерь… Посмотреть, как вы и… э-э… почему не возвращаетесь. В шатре у Первой было темно, но одна из ее служанок не спала, она-то и сказала Лини… Она имела в виду… Я хочу сказать… Не смотрите так на меня, милорд.

Перрин усилием воли стер с лица зверское выражение. Во всяком случае, попытался. Но в голосе отчетливо слышалось рычание.

– Чтоб мне сгореть, я *спал* в том шатре. Вот и все, что я там делал! Так ей и скажи!

На Гилла напал приступ дикого кашля. Когда он наконец сумел заговорить, то просипел:

– Я?! Вы хотите, чтобы *я* ей сказал? Да она мне башку проломит, если я *заикнусь* о чем-то таком! По-моему, она родилась в Фар Мэддинге в грозу. С нее станется приказать грозе утихнуть. Станется!

– Вы – *шамбайян*, – сказал Гиллу Перрин. – А это значит, что в обязанности ваши входит не только телеги грузить.

Перрину хотелось кого-нибудь покусать. Кажется, Гилл это понял. Бормоча извинения, он поклонился и, кутаясь в плащ, засеменил прочь. Вовсе не на поиски Лини, Перрин был уверен. Гилл распоряжался прислугой, но Лини он не приказывал. Лини не приказывал никто, кроме Фэйли.

Перрин мрачно глядел вслед удалявшимся разведчикам; десять всадников, едва отъехав от повозок, уже принялись всматриваться в лес. О Свет, женщины готовы поверить в самое худшее, когда речь идет о мужчине. И чем хуже дела, тем больше им хочется об этом болтать. А он-то думал, ему придется беспокоиться только о Росене и Нане. Лини, вернувшись, наверняка первым делом рассказала обо всем Бриане, второй горничной Фэйли, а уж Бриане, как пить дать, – всем женщинам в лагере. Тех хватало среди конюших и возчиков, и кайриэнцы есть кайриэнцы, так что, скорей всего, они и с мужчинами поделились. В Двуречье на такие вещи смотрели косо, и от дурной славы избавиться ох как непросто. И то, что все перед ним расступались, вдруг представилось в новом свете, и неуверенные взгляды людей, и даже плевок Лема. Улыбка Кенли преобразилась в памяти в кривую ухмылку. Единственным светлым пятном было то, что Фэйли этому не поверит. Конечно, не поверит. Это уж точно.

Увязая в снегу, вернулся Кенли, ведя за собой Трудягу и своего поджарого бурого мерина. Оба замерзших коня имели несчастный вид, жалостно прижимали уши, и мышастый жеребец даже не делал попыток, как обычно, укусить мерина Кенли.

– Не скалься ты все время, – буркнул Перрин, беря повод Трудяги. Паренек недоуменно посмотрел на Перрина, отошел тихонько, поглядывая через плечо.

Рыча про себя, Перрин проверил подпругу. Пора было искать Масиму, но он все медлил сесть в седло. Перрин убеждал себя, что не торопится потому, что устал и голоден, что просто хочет чуть-чуть отдохнуть и набить живот, если отыщется что-нибудь съедобное. Он твердил себе это, но видел сожженные фермы и висящие на деревьях по обочинам дорог тела – мужчины, женщины и даже дети. Даже если Ранд еще в Алтаре, дорога предстоит долгая. Долгая, и выбора у него нет. Но решиться надо.

Так он и стоял, уткнувшись лбом в седло Трудяги, когда его отыскала делегация молодых балбесов, верных приспешников Фэйли. Их было около дюжины. Перрин устало выпрямился, жалея, что снег не завалил их всех с головой.

Возле крупа Трудяги встала Селанда – стройная, невысокого роста, – уперла руки в зеленых перчатках в бока и сердито наморщила лоб. Вид у нее был чванливый, даже когда она стояла неподвижно. Несмотря на снегопад, полы плаща распахнуты, открывая взорам меч на боку и шесть ярких полос на груди темно-синей куртки. Все эти женщины носили мужскую одежду и мечи, причем пустить оружие в ход были готовы вдвое скорее, чем мужчины. И это еще мягко сказано. И мужчины, и женщины – все они отличались крайней обидчивостью, и дуэли, не запрети их Фэй-

ли, наверняка случались бы каждый день. И мужчины, и женщины, а больше всех – Селанда, пахли сердито, мрачно, упрямо и нетерпеливо, и от этой мешанины Перрин сморщил нос.

– Я вижу вас, милорд Перрин, – сказала церемонно Селанда с сильным кайриэнским акцентом. – Приготовления к маршу сделаны, но нам по-прежнему отказывают в лошадях. Не могли бы вы с этим разобраться? – В ее устах это прозвучало как требование. Значит, она его видит? Зато ему век бы ее не видеть.

– Айильцы идут пешком, – прорычал Перрин и подавил зевок, ничуть не заботясь об устремленных на него сердитых взглядах. Он попытался отогнать сонливость. – Если не хотите идти, можете ехать на телегах.

– Вы не можете так поступить! – заносчиво вскричала одна из тайренок, ухватившись левой рукой за край плаща, а правой – за рукоять меча. Медоре была высока, с пышной грудью, на смуглом лице сверкали ярко-синие глаза, и многие могли бы назвать ее красавицей. Но рукава ее куртки, широкие, в красную полоску, смотрелись несколько странно. – Краснокрылый – мой любимый конь! Я не собираюсь от него отказываться!

– В третий раз, – загадочно произнесла Селанда. – Когда остановимся сегодня на ночлег, мы обсудим твой *тох*, Медоре Дамара.

Отец Медоре, по слухам, давно уже, будучи в летах, удалился на покой в свое загородное имение, но Асторил по-прежнему оставался Благородным Лордом. Так что по положению его дочь стояла много выше Селанды, всего лишь мелкой дворянки из Кайриэна. Однако Медоре, нервно сглотнув, широко раскрыла глаза, как будто ожидала, что с нее живьем сдерут кожу.

Вдруг Перрина осенило. Сложилось вместе все, что он знал об этих идиотах, и их потуги подражать айильцам, дурацкое поведение высокорожденных и многое другое.

– Когда вы начали шпионить для моей жены? – спросил он.

Они застыли, как ледяные истуканы.

– Иногда леди Фэйли поручает нам подобные мелкие задания. Их мы и выполняем, – помолчав, осторожно ответила Селанда. В запахе ее чувствовалась изрядная доля настороженности. Вся эта шайка-лейка пахла, точно лисы, гадающие, не забрался ли к ним в нору барсук.

– Селанда, моя жена на самом деле отправилась на охоту? – возбужденно прорычал Перрин. – Раньше у нее никогда не возникало желания поохотиться. – В нем полыхал гнев, все события сегодняшнего дня лишь раздували пламя. Он оттолкнул Трудягу и, шагнув к женщине, навис над нею. Жеребец, чувствуя настроение Перрина, мотнул головой. Заныли пальцы – он до боли стиснул в кулаке поводья. – Или она должна была встретиться с кем-

то из вас? У кого были свежие новости из Абилы? Ее потому и похитили, из-за ваших проклятых шпионских секретов?

Смысла в этой тираде не было ни на грош, это Перрин понял, едва слова слетели с языка. Фэйли могла поговорить с ними где угодно. И уж вряд ли она так организовывала встречу со своими «глазами-и-ушами» – со своими *шпионами!* – чтобы на ней присутствовала Берелейн. Всегда надо сначала подумать, а потом уж говорить. Ведь благодаря шпионам Фэйли Перрин узнал о Масиме и Шончан. Но ему хотелось рвать и метать, ему нужно было выпустить пар, а те, кого он хотел бы молотом вбить в землю, чтоб и следа не осталось, были далеко отсюда. Вместе с Фэйли.

Селанду его гнев отступить не заставил. Глаза ее сузились, превратились в щелочки. Пальцы кайриэнки на рукояти меча то сжимались, то разжимались, да и не у нее одной.

– Мы умрем за леди Фэйли! – рубанула она. – Не из-за нас она оказалась в опасности! Мы поклялись ей, принесли водный обет!

Тон ее ясно говорил: «Поклялись ей, а не тебе».

Надо было извиниться. Он понимал, что надо. Но вместо этого сказал:

– Можете взять своих лошадей, если дадите слово слушаться меня и не делать опрометчивых шагов. – «Опрометчивость» – не то слово для этой компании. Стоит им узнать, где Фэйли, как они без оглядки бросятся туда, никому не сказав. Из-за них Фэйли может погибнуть. – Когда мы отыщем ее, я буду решать, как ее вызволить. Если ваш водный обет требует иного, можете, конечно, поступать по-своему, но тогда и я с вами поступлю по-своему.

Селанда мрачнела все больше, желваки так и ходили под кожей, но наконец она произнесла: «Я согласна!» – таким тоном, будто слова из нее щипцами тянули. Длинноносый тайренец, по имени Карлон, протестующе заворчал, но Селанда подняла палец, и он закрыл рот. У него был узкий подбородок, вероятно, он жалел, что сбрил бороду. Маленькая женщина крепко держала этих дураков в узде, что, впрочем, не мешало ей самой быть дурой. Это ж надо, водный обет! Селанда не отводила взгляда от Перрина.

– Мы повинуемся вам до возвращения леди Фэйли. Потом мы снова подчиняемся ей. И ей решать наш *тох*. – Последнее, похоже, всем им говорило больше, чем Перрину.

– Вот и ладно, – сказал Перрин. Он попытался умерить тон, но все равно получилось грубовато. – Знаю, вы все верны ей. Я уважаю вас за верность Фэйли.

Больше их и не за что уважать. Не слишком это походило на извинение, но уж как вышло. Единственным ответом Перрину было хмыканье Селанды, да еще недовольные взгляды осталь-

ных, когда они наконец двинулись прочь. Ну и ладно. Лишь бы слово сдержали. Вся эта компашка и одного дня честно не трудилась.

Лагерь постепенно пустел. Телеги потянулись на юг. Лошади оставляли после себя глубокие следы, но мелкие колеи от полозьев сразу начинал засыпать снег. Последние из тех, кто стоял на холме, забирались в седла и присоединялись к товарищам, уже тронувшимся в путь вместе с повозками. Чуть в стороне двинулся и отряд Хранительниц Мудрости, и верхом ехали даже *гай'шайн*, ведя в поводу вьючных животных. Сколь бы твердости ни осмелился проявить Даннил – а скорей всего так и не осмелился, – этого, как видно, оказалось достаточно. Рядом с Сеонид и Масури, сидевшими в седле уверенно, Хранительницы Мудрости выглядели особенно неуклюжими, правда, *гай'шайн* представляли еще более печальную картину. Облаченные в белое мужчины и женщины ехали верхом третий день, с того дня, как начался снегопад, но так сгибались над высокими луками седел и цеплялись за шеи и гривы лошадей, словно боялись в любой миг свалиться. Они впервые сели на лошадей, только подчинившись приказу Хранительниц, и кое-кто из них, когда никто не видел, слезал и шел пешком.

Перрин заставил себя влезть на Трудягу. Он не был уверен, что сам не свалится. Но пора было отправляться в путь, хоть и очень не хотелось. Сейчас Перрин готов был убить за ломоть хлеба. Или за кусок сыра. Или за жирного кролика.

– Айильцы идут! – крикнули от головы колонны, и повозки остановились. Потом закричали снова, передавая известие по колонне, будто кто-то мог не услышать. Всадники начали готовить луки. Возчики привставали на сиденьях, вглядываясь вперед, или спрыгивали наземь и приседали возле повозок. Перрин, сердито ворча, погнал Трудягу в голову колонны.

Даннил по прежнему оставался в седле, как и двое с этими проклятыми знаменами, но человек тридцать уже спешились, расчехлили луки и наложили стрелы на тетиву. Державшие их лошадей под уздцы двуреченцы сгрудились в стороне, глядя в сторону леса. Здесь же были и Грейди с Неалдом, они тоже напряженно всматривались в лес, но спокойно сидели в седлах. Ото всех исходил сильный запах возбуждения. Только от Аша'манов пахло… готовностью.

Перрин разглядел среди деревьев то, на что все они смотрели, причем разглядел гораздо лучше прочих. Сквозь снегопад к ним направлялись десять пеших айильцев в вуалях, один вел в поводу высокую белую лошадь. Чуть позади ехали трое в плащах с надвинутыми капюшонами. В том, как двигались айильцы, было

нечто странное. И к седлу белой лошади был приторочен какой-то тюк. Сердце Перрина сжало ледяной хваткой, пока он не сообразил, что по размерам тюк гораздо меньше человека.

– Опустите луки, – сказал Перрин. – Это мерин Аллиандре. Это должны быть наши. Разве не видите, все айильцы – Девы?

Как ни крути, а ростом Девы уступали мужчинам-айильцам.

– Да я еле различаю, что это вообще айильцы, – пробормотал, покосившись на Перрина, Даннил. Все принимали острое зрение Перрина как должное, даже гордились им – а может, просто привыкли. Но Перрин все равно старался не демонстрировать лишний раз, насколько оно острое. Впрочем, сейчас это мало его волновало.

– Это наши, – сказал он Даннилу. – Пусть все остаются на месте.

Перрин медленно поехал навстречу отряду. При его приближении Девы опустили вуали. Под низко надвинутым капюшоном он разглядел черное лицо всадника – Фурен Алхарра. Значит, это три Стража; наверняка они вернулись вместе. Их лошади были измотаны, как он заметил, почти истощены. Ему хотелось пришпорить Трудягу, поскорее услышать, что сообщат разведчики. Он страшился их новостей. Над телами могли потрудиться вороны, лисы, барсуки и один Свет знает, кто еще. Может, они решили избавить его от страшного зрелища и не привезли ужасной находки. Нет! Фэйли должна быть жива. Он цеплялся за эту мысль, но она причиняла боль – словно он голой рукой схватился за остро отточенный клинок.

Подъехав к айильцам и спешиваясь, Перрин споткнулся и, чтобы не упасть, схватился за седло. Разум его словно оцепенел, лишь эта единственная мысль пульсировала болью. Она должна быть жива. Мелкие детали почему-то вдруг приобрели значение. К искусно отделанному седлу был привязан не один тюк, а несколько маленьких, и походили они на свернутые тряпки. На ногах у Дев были снегоступы, сделанные на скорую руку, из стеблей плюща и гибких сосновых ветвей, на которых еще виднелись иголки. Вот почему их поступь казалась странной. Должно быть, Джондин показал им, как мастерить снегоступы. Перрин попытался сосредоточиться. Ему казалось, что сердце стучит прямо в ребра.

Перехватив копья и щит в левую руку, жилистая Сулин взяла с седла один из маленьких тряпичных свертков и только потом подошла к Перрину. Она улыбнулась, и розовый шрам на ее морщинистой щеке изогнулся.

– Хорошие новости, Перрин Айбара, – негромко сказала она, протягивая ему темно-синий узелок. – Твоя жена жива, – Алхарра обменялся взглядами со вторым Стражем Сеонид, усатым Тери-

лом Винтером. Тот нахмурился. Страж Масури, Роваир Кирклин, с каменным видом глядел прямо перед собой. Было ясно как день, что они не считают новости хорошими. – Остальные продолжают поиски, надеясь отыскать еще что-нибудь, – добавила Дева. – Хотя мы и так обнаружили немало странного.

Перрин принял узелок обеими руками. Это было платье Фэйли, разрезанное спереди и вдоль рукавов. Он глубоко вдохнул, втягивая носом запах Фэйли: слабый след цветочного мыла, еле заметный аромат сладковатых духов, но ярче всего – ее собственный запах. И ни намека на кровь. Девы окружили Перрина, в большинстве своем это были женщины в годах, с суровыми лицами, правда, помягче, чем лицо Сулин. Стражи спешились, ничем не показывая, что всю ночь провели в седлах, но держались они позади Дев.

– Все мужчины были убиты, – сказала Сулин, – но, судя по найденной одежде, Аллиандре Кигарин, Майгдин Дорлайн, Ласиль Алдорвин, Аррела Шиего и еще двое были обращены в *гай'шайн*. – Эти «еще двое» наверняка Байи и Чиад; назвать имена, сказать, что их захватили, значило бы их опозорить. Кое-что об Айил Перрин знал. – Это против обычаев, но защитит их.

Винтер с сомнением нахмурился, потом постарался скрыть выражение лица, поправляя капюшон.

Аккуратные разрезы наводили на мысль о снятии шкуры с животных. Вдруг Перрина точно ударило. Кто-то срезал одежду с Фэйли! Голос его задрожал.

– Они захватили только женщин?

Круглолицая молодая Дева по имени Бриайн покачала головой.

– Трех мужчин, думаю, тоже хотели обратить в *гай'шайн*, но они слишком яростно сопротивлялись и их убили ножами и копьями. Все остальные погибли от стрел.

– Все совсем не так, Перрин Айбара, – торопливо сказала Элиенда. В ее голосе слышалось потрясение. Высокая, с широкими плечами, она ухитрялась сохранять по-матерински добрый вид, хотя Перрин видел, как однажды она ударом кулака сбила наземь мужчину. – Обидеть *гай'шайн* – все равно что обидеть ребенка или причинить зло кузнецу. Не по правилам захватывать мокроземцев, но я не верю, что они посмеют нарушить все обычаи. Думаю, их даже не будут наказывать, если они поведут себя смирно. Там есть кому объяснить им, что да как.

«Есть кому» – это опять же о Байн и Чиад.

– В какую сторону они направились? – спросил Перрин. Сможет ли Фэйли вести себя смирно? Этого он не мог себе представить. Но, может, она хоть попытается, пока он ее не отыщет.

– На юг, – ответила Сулин. – Больше на юг, чем на восток. Когда их следы замело снегом, Джондин Барран увидел другой след. По нему остальные и двинулись. Я верю в него. Он видит столько же, сколько и Илайас Мачира. А посмотреть есть на что. – Пристроив копья за спину, рядом с луком в футляре, она повесила щит на рукоять тяжелого поясного ножа. Пальцы ее задвигались в языке жестов, и Элиенда отвязала второй сверток, побольше, и передала ей. – Там передвигается множество людей, Перрин Айбара, и мы наткнулись на странные вещи. Думаю, сначала тебе нужно взглянуть вот на что, – Сулин развернула еще одно платье, на этот раз зеленое. Кажется, он видел его на Аллиандре. – Мы обнаружили это там, где они захватили твою жену.

В свертке оказалось сорок–пятьдесят айильских стрел. На древках темнели пятна, и он уловил запах засохшей крови.

– Таардад, – сказала Сулин, взяв из груды одну стрелу и тут же бросив ее на землю. – Миагома, – она отбросила еще две. – Гошиен, – на этот раз она поморщилась; Сулин была из Гошиен. Она называла клан за кланом, кроме Шайдо, бросив при этом наземь больше половины стрел. Затем двумя руками Сулин покачала разрезанное платье и высыпала оставшиеся стрелы. – Шайдо, – со значением в голосе сказала она.

Прижав платье Фэйли к груди – ее запах немного умерял боль в груди и в то же время делал ее острее, – Перрин хмурым взором обвел разбросанные на снегу стрелы. Их уже успело слегка припорошить.

– Слишком много Шайдо, – наконец промолвил он. Они должны были быть заперты в Горах Кинжала Убийцы Родичей, в пятистах лигах отсюда. Но если их Хранительницы Мудрости научились Перемещаться… Может, даже кто-то из Отрекшихся… О Свет, что за дурацкий бред! С какого боку тут Отрекшиеся? Они-то здесь при чем? Надо головой думать, а не бредни измышлять. Но разум, похоже, устал не меньше тела. – Остальные – те, кто не принял Ранда как *кар'а'карна*. – Те проклятые цветные пятна вспыхнули пред глазами. Но у него нет времени ни на что, кроме Фэйли. – Они присоединились к Шайдо. – Кое-кто из Дев отвел глаза. Элиенда смотрела на него сердито. Они знали, что слова его верны, но не очень-то им хотелось слышать такое. – Сколько их всего, по вашим прикидкам? Не весь же клан, наверное?

Если клан Шайдо собрался весь, то речь уже не о дальних набегах, а о чем-то большем. Даже среди всех бед, обрушившихся на Амадицию, в стране не могли бы не узнать о Шайдо.

– Для начала, я думаю, вполне хватит, – чуть слышно пробормотал Винтер. Себе, не Перрину.

Протянув руку к сверткам, привязанным к отделанному седлу, Сулин вытащила тряпичную куклу, одетую в *кадин'сор*.

– Илайас Мачира нашел ее перед тем, как мы отправились обратно. Милях в сорока отсюда, – она покачала головой, и на миг в ее голосе и запахе появилось… изумление. – Сказал, что учуял ее под снегом. Они с Джондином Барраном видели на деревьях ободранную кору, сказали, от повозок. От очень многих повозок. Если там есть дети… Думаю, Перрин Айбара, это может быть целый септ. А то и не один. Даже в одном-единственном септе будет с тысячу копий, а если прижмет, то найдется и больше. Если понадобится, копья возьмут в руки все мужчины, кроме кузнецов. Они в днях пути к югу. А по такому снегу этих дней даже больше. Но я считаю, что те, кто захватил твою жену, идут на встречу с ними.

– Этот кузнец взял копье, – пробормотал Перрин. Тысяча, а то и больше. У него более двух тысяч, считая Крылатую Гвардию и людей Арганды. Но против айильцев – счет в пользу Шайдо. Перрин потрогал пальцем куклу в жилистой руке Сулин. Плакала ли малышка-Шайдо, потеряв свою игрушку? – Мы отправляемся на юг.

Он уже повернулся, чтобы сесть в седло, когда Сулин остановила его прикосновением руки.

– Я говорила, мы видели и другое. Дважды Илайас Мачира находил под снегом лошадиный помет и кострища от лагеря. Много лошадей и много кострищ.

– Тысячи, – обронил Алхарра. Его черные глаза были спокойны и так же спокойно встретили взгляд Перрина, а голос был бесстрастен. Он просто докладывал. – Пять, а может, десять или больше. Трудно сказать. Но лагеря воинские. По-моему, в обоих местах были одни и те же люди. Мачира и Барран согласны. Кто бы это ни был, они тоже направляются к югу. Может, они и не имеют никакого отношения к айильцам, но, возможно, идут следом за ними.

Сулин послала хмурый взгляд прервавшему ее Стражу и заговорила, едва дав ему закончить.

– Три раза мы замечали летающие создания вроде тех, что, по твоим словам, используют Шончан. Огромные твари, с крыльями, как у летучей мыши, и с седоками на шеях. И дважды мы видели вот такие отпечатки. – Наклонившись, она взяла стрелу и нарисовала на снегу округлый след, немного похожий на след крупного медведя, но с шестью пальцами, длиннее человеческих. – Иногда они были с когтями, – заметила Дева и пририсовала их. Когти оказались куда длиннее, чем у самых больших медведей в Горах Тумана. – У них широкий шаг. Думаю, движутся

очень быстро. Что это такое, не знаешь?

Перрин не знал. Он никогда не слыхал о животных с шестью пальцами на лапах, за исключением кошек в Двуречье – его немало удивляло, что во всем остальном мире кошки пятипалые. Впрочем, кое о чем он догадывался и вряд ли был так уж далек от истины.

– Еще какая-то шончанская тварь. – Значит, на юге Шончан, Шайдо и… кто еще? Белоплащники или шончанская армия. Другого быть не может. Он доверял добытым Балвером сведениям. – Мы все равно выступаем на юг.

Девы посмотрели на него так, словно он сказал им, что идет снег.

Взгромоздившись в седло Трудяги, Перрин повернул обратно к колонне. Стражи пошли пешком, ведя усталых лошадей в поводу. Девы рысцой двинулись к стоявшим в отдалении Хранительницам Мудрости, прихватив с собой мерина Аллиандре. Масури и Сеонид поехали навстречу своим Стражам. Перрин недоумевал, почему они не приблизились раньше, дабы поскорее сунуть нос в происходящее. Возможно, ответ был прост: они хотели оставить его наедине со скорбью, если новости окажутся худыми. Возможно. Перрин мысленно пытался сложить все воедино. Шайдо, сколь бы много их не было. Шончан. Конная армия, то ли Белоплащники, то ли Шончан. Очень напоминало головоломку, изготовлять которые Перрина учил мастер Лухан: причудливо изогнутые металлические детали, что, как во сне, отделялись, скользнув, одна от другой и соединялись вместе – если, конечно, знать, в чем хитрость. Только в голове все было путано, распа-далось на части, которые никак не желали складываться вместе.

Когда Перрин добрался до двуреченцев, они уже вновь сидели на лошадях. Те, кто, спешившись, взял луки наизготовку, выглядели слегка смущенными. Все нерешительно поглядывали на Перрина.

– Она жива, – сказал он, и все как будто перевели дыхание. Остальные известия они восприняли со странным безразличием, кое-кто даже кивал, словно меньшего и не ожидал.

– Не впервой нам играть, когда шансов с гулькин нос, – сказал Даннил. – Что будем делать, милорд?

Перрин скривился. Вот ведь упрямец!

– Первым делом – Переместимся миль на сорок строго на юг. А там посмотрим. Неалд, отправляйся вперед и отыщи Илайаса и остальных. Скажи им, какие у меня планы. К этому времени они окажутся уже далеко впереди. Будь осторожен. И не вздумай сражаться с десятком или дюжиной Хранительниц Мудрости. – В целом септе наверняка найдется столько способных направлять

Силу Хранительниц. А если там не один септ? Сначала нужно добраться до болота, а уж потом думать, как через него перебираться.

Неалд кивнул, потом повернул своего мерина к лагерю, где Аша'маны уже изучили и хорошенько запомнили участок леса. Оставалось отдать всего несколько приказов. К майенцам и гэалданцам, которые двигались в стороне, как в стороне разбивали и свои лагеря, отправили верховых гонцов. Грейди полагал, что, пока они не присоединятся, сумеет запомнить участок, где сейчас находится, поэтому не было нужды всем разворачиваться и двигаться следом за Неалдом. И тогда оставалось только одно.

– Даннил, мне нужно найти Масиму, – сказал Перрин. – Или же того, кто сможет передать ему послание. Если повезет, я обернусь быстро.

– Коли отправитесь к этому сброду в одиночку, милорд, везение вам очень понадобится, – отозвался Даннил. – Я слышал, что они о вас говорили. Будто вы – Отродье Тени. Это из-за ваших глаз. – Он встретился взглядом с Перрином и отвел взор. – Будто вас приручил Возрожденный Дракон, но вы все равно Отродье Тени. Возьмите с собой несколько дюжин человек, будет кому спину прикрыть.

Перрин помедлил, похлопывая Трудягу по шее. Если народец Масимы и в самом деле решит, что он – Отродье Тени, и вздумает с ним разобраться, нескольких дюжин не хватит. Не хватит, пожалуй, и всех двуреченцев. Может, не нужно ему говорить с Масимой, пусть все сам узнает.

Слух Перрина уловил трель голубой синицы, раздавшуюся среди деревьев на востоке, потом прозвучала вторая – ее услышали уже все, и Перрин понял, что с последним решением опоздал. Он был уверен в этом и гадал, не сыграло ли тут свою роль то, что он как-никак *та'верен*. Перрин развернул Трудягу и принялся ждать.

Двуреченцы знали, что означает этот сигнал – трель редкой птицы родного края. Приближаются люди, их довольно много, и необязательно с миром. Будь то друзья, прозвучала бы трель кривоклюва, и тревожный крик пересмешника, если бы намерения у пришельцев были явно враждебные. На этот раз двуреченцы поступили куда как лучше. Каждый второй на западном фланге колонны, насколько мог разглядеть Перрин сквозь снегопад, спешился и, передав поводья всаднику рядом, приготовил к бою лук.

Из-за редколесья появились чужаки. Их было около сотни, впереди ехали двое, остальные вытянулись цепочкой, наверное, чтобы казалось, будто их больше. Их неторопливое приближение выглядело зловещим. Половина всадников была вооружена пиками, держа их хотя и не по-боевому, но так, чтобы в любой

момент взять к бою. Двигались они равномерным шагом. Кое у кого имелись доспехи, нагрудник или шлем, редко и то, и другое. Тем не менее они были вооружены лучше, чем генерал, бежавший от последователей Масимы. Одним из ехавших впереди всадников оказался Масима собственной персоной, его лицо фанатика, выглядывавшее из-под капюшона плаща, смахивало на морду высунувшейся из пещеры бешеной горной кошки. Сколько из этих пик вчера утром несли на себе красные вымпелы?

Когда до Перрина оставались считанные шаги, Масима, подняв руку, остановил своих людей. Откинул капюшон и обвел горящим взглядом спешившихся двуреченцев с луками в руках. Масима словно не замечал, что на его голый череп падают снежинки. Его спутник, крупный мужчина с мечом за спиной и еще одним, у седла, капюшона не опускал, но Перрину показалось, что у того тоже бритая голова. Он ухитрялся одновременно и с равным вниманием рассматривать колонну и следить за Масимой. Его темные глаза горели почти таким же огнем, как у Масимы. Перрин подумал, не начать ли разговор с такого расстояния – на котором стрела, выпущенная из двуреченского длинного лука, не только пробьет кирасу, но и выйдет из спины того, кто эту кирасу носит. И еще он размышлял, стоит ли упоминать о Шончан. Скрытность, таков был совет Берелейн. Пожалуй, в сложившихся обстоятельствах скрытность очень кстати.

– Вы выступили мне навстречу? – резко сказал Масима. Даже голос его был преисполнен напряжения. С языка его не слетало ничего случайного, ничего обыденного. Все, что он говорил, было важно. Внезапная его улыбка показалась кривой из-за бледного треугольного шрама на щеке. Во всяком случае, теплоты в ней не было и в помине. – Неважно. Я уже здесь. Как вы, несомненно, поняли, все те, кто следует за лордом Драконом Возрожденным – да осияет Свет его имя! – отказались остаться. Я не мог требовать от них этого. Они, как и я, служат ему.

Взору Перрина предстала огненная волна, прокатившаяся через Амадицию, устремившаяся в Алтару, а то и дальше, оставляя после себя смерть и опустошение. Он сделал глубокий вздох, легкие наполнились холодом. Фэйли важнее всего. Важнее всего! Если ему суждено гореть за это, так тому и быть.

– Веди своих людей на восток. – Перрина поразило, сколь непреклонно прозвучал его собственный голос. – Когда смогу, я вас нагоню. Мою жену похитили айильцы, и я направляюсь на юг, чтобы ее вернуть.

Впервые он увидел, как изумился Масима.

– Айил? Так это не пустые слухи? – Масима окинул хмурым взором Хранительниц Мудрости на другой стороне колонны. – На

юг, говоришь? – Сложив руки в перчатках на луке седла, он повернул голову, посмотрел на Перрина. От него пахло безумием; больше ничего Перрин не мог разобрать в его запахе, одно только безумие. – Я поеду с тобой, – наконец промолвил Масима, словно бы решившись. Странно, он же горел нетерпением и хотел без проволочек явиться к Ранду. Если его, во всяком случае, не коснется при этом Сила. – Пойдут все, кто следует за лордом Драконом Возрожденным – да осияет Свет его имя! На благо Света – убивать айильских дикарей, – он кинул быстрый взгляд в сторону Хранительниц Мудрости, и улыбка его стала еще холоднее.

– Я буду благодарен за помощь, – солгал Перрин. Этот сброд против айильцев бесполезен. Однако их тысячи. И они нанесли поражение уже не одной армии, пусть даже то были не айильцы. Деталь мысленной головоломки сдвинулась с места. Перрин, готовый свалиться от смертельной усталости, не совсем понимал, как именно теперь легли детали, но что-то изменилось. Во всяком случае, головоломка пока не складывалась. – Но они намного нас опередили. Чтобы нагнать их, я намерен Переместиться, использовать Единую Силу. А мне известны твои чувства в отношении Силы.

По цепочке позади Масимы пробежали взволнованные шепотки, его люди переглядывались, перехватывали оружие. Перрин уловил проклятья, а еще слова «желтые глаза» и «Отродье Тени». Второй бритоголовый уставился на Перрина так, словно тот богохульствовал, но Масима просто смотрел, как будто пытаясь пробуравить взглядом дыру у него в голове и поглядеть, что внутри.

– *Он* будет опечален, если с твоей женой случится что-нибудь худое, – сказал наконец безумец. Слово «он» Масима произнес с нажимом, несомненно имея в виду Ранда – это имя он не позволял произносить. – На это будет… соизволение свыше. Только для того, чтобы отыскать твою жену, потому что ты – его друг. Только поэтому. – Он говорил спокойно – спокойно для него, – но в глубокопосаженных глазах полыхало темное пламя, лицо искажал непонятный гнев.

Перрин открыл было рот, потом, ничего не сказав, закрыл его. Скорей солнце взошло бы на западе, чем Масима сказал бы то, что произнес сейчас. И Перрина вдруг посетила мысль, что Фэйли в плену у Шайдо грозит, пожалуй, куда меньшая опасность, чем ему самому с таким спутником.

Глава 7

УЛИЦЫ КЭЙМЛИНА

Во время поездки по Кэймлину, по городским улицам, протянувшимся по склонам холмов, кортеж Илэйн привлекал немало внимания. Чтобы столичные жители узнали Илэйн, хватило бы и Золотой Лилии на груди ее подбитого мехом темно-красного плаща, но она еще откинула капюшон, дабы видна была одинокая роза на малой короне Дочери-Наследницы. Не просто Илэйн, Верховная Опора Дома Траканд, а Илэйн, Дочь-Наследница. Пусть все видят и знают.

В бледном утреннем свете купола Нового Города блистали белизной и золотом, искрились сосульки на голых ветвях деревьев, выстроившихся чередой посреди главных улиц. Солнцу, даже взбиравшемуся в зенит, недоставало тепла, хотя небо было благословенно безоблачным. К счастью, ветер сегодня стих. Воздух оставался холодным, от дыхания поднимался пар, однако мостовые были расчищены от снега даже в узких кривых улочках; в город словно вновь вдохнули жизнь, и на людных улицах царило оживление. Возчики и фургонщики тянули свою лямку, подобно собственным лошадям в упряжке, и с покорным судьбе видом подбирали плащи, когда их повозки медленно катили сквозь толпу. Мимо прогромыхала громадная водовозка, судя по звуку, пустая; очевидно, ее торопились предусмотрительно наполнить – слишком уж часты стали в городе поджоги. Разносчики и уличные торговцы, бросая вызов морозу, во все горло расхваливали свои товары, но народ по большей части торопился по своим делам, мечтая поскорее оказаться дома. Впрочем, как тут ни спеши, а быстро идти не получится. Город был набит под завязку, по числу обитателей опередив Тар Валон. В этаком муравейнике изредка встречавшиеся верховые продвигались не быстрее пешеходов. За все утро Илэйн видела всего два-три экипажа, пробивавшиеся сквозь толпу чуть ли не по дюйму. Если их пассажиры не были калеками или не собрались в дальнюю дорогу, за несколько десятков миль, стало быть, они были законченными глупцами.

Все, кто замечал Илэйн и ее кортеж, останавливались, некоторые указывали на процессию другим прохожим, поднимали повыше детей, чтобы те когда-нибудь рассказали своим детям об увиденном сегодня. Но будут ли они рассказывать, что видели будущую королеву, или речь пойдет просто о какой-то женщине, на время воцарившейся в городе? Большинство глазело молча, но

кое-где раздавались отдельные приветственные кличи: «Траканд! Траканд!» или даже: «Илэйн и Андор!» Таких криков побольше бы, но, чем отпускать насмешки и колкости, лучше уж пускай горожане молчат. Андорцы – народ прямой и откровенный, а уж кэймлинцы и подавно. Не раз вспыхивали восстания и королевы теряли трон из-за того, что кэймлинцы на улицах во весь голос выражали свое недовольство.

От этой мысли Илэйн содрогнулась. У кого в руках Кэймлин, у того в руках и Андор, утверждало древнее присловье; оно было не совсем верным, как показал Ранд, однако Кэймлин все равно – сердце Андора. Она заявила о своих претензиях на город – Львиное знамя и стяг с Серебряной Замочной Скважиной Дома Траканд гордо реяли рядом на башнях внешней стены, – но подлинное сердце Кэймлина пока еще не у нее в руках. А это куда важнее обладания камнями и связующим их раствором.

Придет день, и они все будут приветствовать меня, пообещала себе Илэйн. *Я заслужу их одобрение*. Но сегодня на многолюдных улицах, где приветственные голоса звучали редко, она испытывала чувство одиночества. Как бы ей хотелось, чтобы рядом была Авиенда, но Авиенда не видела никакого резона залезать на лошадь ради того, чтобы просто прокатиться по городу. Как бы там ни было, Илэйн ее чувствовала. Это ощущение отличалось от уз, связывавших их с Бергитте, однако Илэйн чувствовала присутствие своей сестры в городе, как чувствуешь, когда у тебя за спиной в комнату кто-то входит. И это вселяло в нее спокойствие.

Спутники Илэйн тоже не оставались без внимания. Звания Айз Седай Сарейта удостоилась меньше трех лет назад, и ее смуглое квадратное лицо не приобрело еще безвозрастных черт, и в своем бронзового цвета шерстяном платье, с крупной брошью из оправленных в серебро сапфиров, которой был заколот плащ, она выглядела преуспевающей купчихой. Позади Сарейты ехал ее Страж, Нэд Йарман, и он-то точно не оставался незамеченным. Высокий широкоплечий молодой человек с ярко-синими глазами и золотистыми вьющимися волосами до плеч, он носил меняющий цвета плащ Стража, отчего казалось, будто его голова сама по себе плывет над высоким серым мерином. Впрочем, коня тоже видно было не целиком – спускавший позади плащ прикрывал и лошадиный круп. В том, кто такой Йарман, ошибиться было невозможно, как и в том, что рядом с ним должна находиться Айз Седай. Да и остальные, кольцом окружившие Илэйн и так сопровождавшие ее в прогулке по Кэймлину, притягивали не меньше взоров. Не каждый день увидишь восемь женщин в красных мундирах и начищенных до блеска шлемах и кирасах Гвардии Королевы. Вообще-то говоря, раньше такое увидеть было вовсе

невозможно. Именно по этой причине Илэйн и отобрала их из числа новых рекрутов.

Их подлейтенант, Касейлле Расковни, худощавая и суровая, как айильская Дева, представляла собой редкость из редкостей – она была купеческим охранником и прослужила на страже торговых караванов, по ее утверждению, почти двадцать лет. Серебряные колокольчики, вплетенные в гриву ее коренастого чалого мерина, выдавали в ней арафелку, хотя о своем прошлом она рассказывала туманно и уклончиво. Единственной андоркой из восьмерых была седеющая, широкоплечая, спокойная Дени Колфорд. В недавнем прошлом она твердой рукой наводила порядок в популярной у фургонщиков таверне, располагавшейся за городскими стенами, в Малом Кэймлине, – еще одна непростая и для женщины необычная работа. Дени еще не умела действовать мечом, который висел у ее бедра, но Бергитте утверждала, что у этой женщины ловкие руки и еще более быстрые глаза. Зато длинной дубинкой, болтавшейся на другом боку, Дени владела мастерски. Остальные гвардейцы были Охотницами за Рогом, совершенно разные женщины, высокие и низкорослые, стройные и крепко сбитые, романтично-простодушные и убеленные сединой, происхождение имели совершенно различное, и хотя кое-кто был скрытен, как Касейлле, другие ничего не скрывали и даже гордились своим прежним положением. Среди Охотников кого только не встретишь! Тем не менее они с готовностью ухватились за возможность попасть в список Гвардии. И, что куда важнее, все прошли придирчивую проверку Бергитте.

– Для вас небезопасно появляться на этих улицах, – вдруг промолвила Сарейта, подъехав на своем гнедом вплотную к вороному мерину Илэйн. Еще чуть-чуть, и Сердцеед схватил бы зубами стройную кобылку, если бы Илэйн, дернув поводьями, не удержала его. Здесь улица сужалась, стесняя толпу и заставляя гвардейцев держаться плотнее. На лице Коричневой сестры было написано обычное для Айз Седай спокойствие, но в голосе прорезалась явная тревога. – В такой тесноте может произойти все что угодно. Не забывайте, кто стоял у «Серебряного лебедя». Это меньше двух миль отсюда. Десять сестер не просто так собрались в той гостинице. Их вполне могла послать Элайда.

– А могла и не послать, – безмятежно ответила Илэйн. С куда большим спокойствием, чем чувствовала. Судя по всему, немалое число сестер решило выждать в стороне, пока не закончится борьба между Элайдой и Эгвейн. С момента прибытия Илэйн в Кэймлин две сестры покинули «Серебряного лебедя», и еще трое появились в гостинице. Не похоже на посланный с заданием отряд. И среди них нет никого из Красной Айя; Элайда наверняка

отправила бы кого-нибудь из Красных. И все же за ними наблюдали, столь бдительно, как только сумела организовать Илэйн, хотя об этом она Сарейте не говорила. Элайда очень хотела заполучить Илэйн в свои руки, гораздо сильнее, чем можно стремиться вернуть сбежавшую Принятую или того, кто связан с Эгвейн и теми, кого Элайда окрестила мятежницами. Илэйн не вполне понимала Элайду. Королева, одновременно являющаяся Айз Седай, была бы для Белой Башни лакомым кусочком и немалым призом, но она не станет королевой, если ее выкрадут и увезут в Тар Валон. К тому же приказ любыми средствами вернуть беглянку Элайда отдала задолго до того, как у Илэйн появилась реальная возможность занять трон. Над этой загадкой Илэйн не раз и не два безуспешно ломала голову, с тех пор, как Ронде Макура опоила ее мерзким питьем, которое не позволяет женщине направлять Силу. Эта загадка не давала девушке покоя, особенно теперь, когда она объявила всему миру, где находится.

Глаза Илэйн задержались на миг на черноволосой женщине в синем плаще с откинутым капюшоном. Та, бегло скользнув взглядом по Илэйн, завернула в свечную лавку. С плеча у нее свисала объемистая котомка. Нет, это не Айз Седай, решила Илэйн. Просто женщина, хорошо сохранившаяся для своих лет, как, например, Зайда.

– В любом случае, – твердо продолжила Дочь-Наследница, – я не позволю страху перед Элайдой загнать меня в угол. – Что же все-таки затевают те сестры в «Серебряном лебеде»?

Сарейта фыркнула, и довольно громко; она закатила было глаза, потом передумала. Во дворце Илэйн ловила на себе время от времени странные взгляды той или другой сестры, несомненно, интересовавшихся, каким образом ее возвели в звание Айз Седай, однако они, по крайней мере, внешне принимали ее за полноправную Айз Седай и признавали, что среди них она стоит выше прочих, за исключением Найнив. Этого было мало, чтобы они перестали задаваться вопросами, и, скорее всего, между собой о ней высказывались куда более откровенно, чем в том случае, если бы на месте Илэйн была сестра, получившая шаль обычным образом.

– Тогда забудь об Элайде, – сказала Сарейта, – и вспомни, кто еще был бы не прочь захватить тебя. Один хорошо нацеленный камень, и ты падаешь без сознания, возникает суматоха, тебя заворачивают в плащ и под шумок утаскивают.

Неужели Сарейта должна объяснять ей, что вода – мокрая? В конце концов, похищение нежелательных претендентов на трон едва ли не вошло в обычай. У каждого Дома, выступившего против Илэйн, найдутся сторонники в Кэймлине, и они наверняка

выискивают удобный случай; Илэйн готова съесть на обед собственные туфли, если это не так. Вряд ли у них что-то получится, ведь она способна направлять Силу, но кто знает, вдруг они решат, что им выпал шанс. Илэйн и не думала, что, добравшись до Кэймлина, избавится от всех опасностей.

– Если я стану сиднем сидеть во дворце, ни разу не показываясь в городе, люди за мной не пойдут, – негромко сказала Илэйн. – Меня должны видеть. Я должна появляться повсюду и не показывать виду, что боюсь. – Именно поэтому она взяла восемь гвардейцев, а не пятьдесят, как настаивала Бергитте. Та напрочь отказывалась понимать сложность политической ситуации. – Кроме того, поскольку ты при мне, хорошо нацеленных камней понадобится два.

Сарейта вновь фыркнула, но Илэйн сделала вид, что не замечает ее несогласия. Ей хотелось бы вообще не замечать присутствия Сарейты, но это было невозможно. Илэйн отправилась в город не только для того, чтобы показаться на людях, на то были и другие причины. Халвин Норри представил ей уйму фактов и цифр, хотя от монотонного усыпляющего голоса главного писца Илэйн едва не уснула. Она хотела увидеть все своими глазами. В устах Норри сообщение о мятеже прозвучало бы столь же тускло, как доклад о состоянии городских водохранилищ или стоимости очистки канализации.

В толпе было много чужеземцев: кандорцы с раздвоенными бородами, иллианцы, которые отпускали бороды, но брили верхнюю губу, арафелцы с серебряными колокольчиками в своих особенных косах, меднокожие доманийцы, смуглые тайренцы, алтаранцы с кожей оливкового оттенка, кайриэнцы, выделявшиеся низким ростом и бледностью. Некоторые из них были купцами, запертыми в городе внезапно обрушившейся зимой, или же надеявшимися обскакать конкурентов; этот напыщенный, гладколицый народец знал, что торговля есть кровь государств, и чуть ли не каждый заявлял, будто именно он – главная артерия жизни, хоть о тщете его претензий говорили плохо окрашенная куртка или брошь из меди и стекла. Многие из пешеходов были в видавшей виды одежде – в поношенных рваных куртках, в штанах до колен, в платьях, утративших драгоценные украшения, в потрепанных плащах, а то и вовсе без плащей. Беженцы, сорванные с насиженных мест войной или покинувшие родные дома, истово веря, что Дракон Возрожденный разорвал удерживавшие их оковы. Они ежились от мороза, с лицами изможденными и горестными, и людской поток нещадно подгонял и толкал их.

Увидев женщину с потухшим взглядом, что пробиралась сквозь толпу, прижимая к груди маленького ребенка, Илэйн нашарила

в кошеле монету и вручила ее одному из гвардейцев, женщине с румяными и круглыми, как яблоки, щеками и с холодными глазами. Цигэн заявляла, что она из Гэалдана, дочь мелкого дворянина; что ж, она вполне могла быть гэалданкой. Когда женщина-гвардеец наклонилась и протянула несчастной матери монету, та, не видя ничего и не замечая протянутой руки, прошла мимо. В городе таких было слишком много. Каждый день из запасов дворца кормили тысячи несчастных, но многие даже не могли собраться с силами и дойти до одной из организованных в городе кухонь, чтобы получить кусок хлеба и миску супа. Илэйн, опуская монету обратно в кошель, вознесла молитву за мать с ребенком.

– Всех вам не накормить, – тихо заметила Сарейта.

– В Андоре дети не должны голодать, – произнесла Илэйн, словно оглашала указ. Но она не знала, как положить этому конец. Еды в городе было предостаточно, но указом людей не заставишь есть.

Некоторые из чужестранцев, которых занесла в Кэймлин судьба, смогли, однако, избавиться и от загнанного выражения лица, и от рванья на теле. Что бы ни вынудило этих мужчин и женщин бросить родные места, они начинали подумывать, что и без того немало поскитались, и вспоминали об оставленном ремесле – оставленном зачастую со всем прочим имуществом. Однако любой, обладающий умелыми руками и толикой напористости, мог отыскать в Кэймлине банкира, готового ссудить наличные. И в городе появлялись новые лавки и мастерские. Сегодня Илэйн видела уже три мастерские, где делали часы! Вон неподалеку еще две лавки, где продают изделия стеклодувов, а к северу от города строятся три десятка стеклодувных мастерских. Вскоре Кэймлин будет не ввозить, а экспортировать стекло, в том числе и хрусталь. Теперь в городе появились и кружевницы, их изделия ничем не уступали лугардским, и неудивительно – ведь почти все мастерицы были как раз из Лугарда.

Эти соображения немножко улучшили настроение Илэйн – с новых ремесел идут налоги, хотя и пройдет время, пока выплаты составят весомую сумму, – однако в толпе хватало и других лиц, которые так и бросались в глаза. Наемники, будь то андорцы или чужаки, резко отличались от простых горожан – сурового облика мужчины с мечами, уверенно прокладывавшие себе путь даже сквозь самую густую толпу. При оружии были также и купеческие охранники – здоровые парни плечами распихивали с дороги прохожих, но по сравнению с «продажными мечами» они казались смирными и спокойными. Да и шрамов у них было поменьше. Наемники же в толпе выделялись, как изюминки в кексе. Имея столь широкий выбор и с учетом того, что зимой спрос на

их услуги всегда падает, Илэйн полагала, что они обойдутся ей не слишком дорого. Если только, как опасалась Дайлин, они не будут стоить ей всего Андора. Каким-то образом нужно набрать в Гвардию столько местных, чтобы чужеземцы не составляли в ней большинства. И еще надо найти денег, чтобы платить им всем.

Вдруг Илэйн почувствовала Бергитте. Та была рассержена – в последнее время она часто сердилась – и приближалась к ней. Очень рассержена и приближалась очень быстро. Сочетание, не сулящее ничего хорошего, и в голове у Илэйн прозвенел тревожный колокольчик.

Она немедленно приказала возвращаться во дворец самым прямым путем – так шла Бергитте; узы вели ее к Илэйн по прямой. И кортеж свернул на юг, на Игольную улицу. Это была достаточно широкая улица, хотя и изгибалась, как река, спускаясь с одного холма и взбегая на другой. Поколения тому назад на ней было полным-полно мастерских игольщиков, ныне же несколько маленьких гостиниц и таверн жались среди швейных мастерских, скобяных и прочих лавочек – вот только игольных дел мастера тут уже не сыскать.

Не успели всадники добраться до Нового Города, как их нашла Бергитте. В этот момент кортеж Илэйн ехал вверх по Грушевой улице, где горсточка торговцев фруктами цеплялась пока за свои лавчонки, заведенные еще во времена Ишары, хотя в это время года дела их явно шли не блестяще – торговцев в окошках было что-то не видать. Бергитте, несмотря на толпу, скакала легким галопом, красный плащ развевался за спиной, и народ перед решительной всадницей разбегался. При виде Илэйн она придержала своего длинноногого серого коня.

Словно бы извиняясь за спешку, Бергитте выкроила несколько секунд, чтобы окинуть командирским взглядом гвардейцев и ответить на салют Касейлле, затем развернула коня и поехала шагом рядом с Илэйн. В отличие от гвардейцев, доспехов она не носила, и меча у нее не было. Воспоминания о ее прежних жизнях исчезали – Бергитте говорила, что теперь не может припомнить ясно ничего, что было до основания Белой Башни, хотя какие-то обрывки порой всплывали в памяти, – но одно, по ее утверждению, она помнила совершенно точно. Всякий раз, когда она пыталась пустить в ход меч, ее саму или едва не убивали, или на самом деле убивали – хотя такое случалось намного реже. Тем не менее в кожаном чехле у ее седла находился лук с надетой тетивой, а с другого бока щетинился стрелами колчан. Бергитте прямо-таки кипела от гнева и, начав говорить, еще больше помрачнела.

– На дворцовую голубятню прилетел полузамерзший голубь с вестями из Аринтилла. Меньше чем в пяти милях от городка солдаты, сопровождавшие Ниан и Элению, попали в засаду и были перебиты. К счастью, одна из лошадей вернулась с пятнами крови на седле, иначе бы мы ни о чем не узнали еще несколько недель. И боюсь, вряд ли эту парочку захватили ради выкупа разбойники – это было бы для нас слишком большой удачей.

Сердцеед вдруг загарцевал, и Илэйн резко натянула поводья. В толпе послышался крик, который можно было принять за клич в честь Траканд. Или же наоборот. Торговцы скобяным товаром, стараясь привлечь покупателей, подняли такой звон, что заглушили слова.

– Итак, у нас во дворце шпион, – сказала Илэйн, затем сжала губы, кляня себя, что не прикусила язык в присутствии Сарейты.

Бергитте, казалось, не было до того никакого дела.

– Мы ничего не узнаем, разве только где-нибудь *та'верен* прошмыгнет, – сухо ответила она. – Может, теперь вы позволите выделить для вас телохранителей. Просто несколько гвардейцев, специально отобранных и…

– Нет! – Дворец – это ее дом. Там ее охранять не будут. Покосившись на Коричневую сестру, Илэйн вздохнула. Сарейта слушала очень внимательно. Теперь нет смысла пытаться что-то скрыть. Только не это. – Ты дала знать главной горничной?

Бергитте кинула на нее косой взгляд, который в сочетании со вспышкой докатившегося через узы сдержанного гнева, ясно говорил Илэйн: «Поучи еще бабушку вязать».

– Она намерена поговорить с каждым слугой, который служил вашей матери меньше пяти лет. Не удивлюсь, если она собирается им допрос учинить. Когда я ее известила, у нее стало такое лицо, что я была рада убраться из ее кабинета с целой шкурой. Остальных я проверю сама. – Она имела в виду гвардейцев, но не могла сказать этого в присутствии Касейлле и ее товарищей. Илэйн же находила такой вариант маловероятным. Набор рекрутов давал прекрасную возможность обзавестись соглядатаями во дворце, но без всякой уверенности, что те окажутся вдруг в нужном месте и узнают хоть что-то полезное.

– Если во дворце есть шпионы, – тихо промолвила Сарейта, – то все может обстоять еще хуже. Вероятно, вам стоит прислушаться к предложению леди Бергитте насчет телохранителей. Это прецедент.

Бергитте, повернувшись к Коричневой сестре, оскалила зубы в жалкой и неудачной попытке улыбнуться. Но, как бы ни ненавидела она, когда ее титуловали «леди», она обратила на Илэйн умоляющий взгляд.

– Я сказала «нет», значит – «нет»! – рявкнула Илэйн. Нищий, подходивший с широкой щербатой улыбкой и с шапкой в руке к медленно двигавшемуся кольцу лошадей, шарахнулся и исчез в толпе прежде, чем Илэйн успела хотя бы вспомнить о кошеле. Она не знала, насколько охвативший ее гнев был ее собственным чувством, а насколько – отражением гнева Бергитте, но сейчас он был вполне к месту.

– Мне следовало самой за ними отправиться, – с горечью прорычала Илэйн. Вместо этого она сплела переходные врата для гонца и остаток дня провела, встречаясь с купцами и банкирами. – Самое меньшее, нужно было оголить аринГилльский гарнизон. Всех, кого можно, отправить с отрядом. Десять человек погибли, потому что я сплоховала! А хуже… да поможет мне Свет, это еще хуже!.. – я потеряла Элению и Ниан!

Бергитте выразительно покачала головой, и ее толстая золотистая коса, лежавшая поверх плаща, мотнулась из стороны в сторону.

– Во-первых, королевы не хватаются за все сами. Проклятье, они же – королевы! – Гнев ее несколько уменьшился, но она испытывала еще и раздражение, и в тоне ее слышалось и то, и другое. Ей и вправду хотелось бы приставить к Илэйн телохранителей, даже в ванной. – С твоими приключениями покончено. Того и гляди тебе еще захочется улизнуть тайком из дворца, переодевшись и под покровом темноты. И какой-нибудь громила, которого ты и увидеть не успеешь, проломит тебе башку.

Илэйн выпрямилась в седле. Бергитте, разумеется, знала, что Илэйн неведом способ, позволяющий обойти узы, хотя подозрения, что таковой существует, у нее имелись, но сейчас верному Стражу не следовало бы вспоминать тот случай. Если Бергитте обронит достаточно намеков, за Илэйн примутся ходить и другие сестры со своими Стражами, с эскадроном гвардейцев в придачу. Все просто помешались на ее безопасности, смех да и только! Можно подумать, и не она была в Эбу Дар, не говоря уж про Танчико или Фалме. Кроме того, Илэйн так поступила всего один раз. Пока что. И вместе с ней пошла Авиенда.

– Холодные темные улицы не идут ни в какое сравнение с теплым камином и интересной книгой, – как бы между прочим, словно разговаривая сама с собой, промолвила Сарейта. Она с нарочитой заинтересованностью рассматривала лавки, мимо которых проезжал кортеж. – Сама я очень не люблю ходить по обледенелой мостовой, особенно в темноте, если у меня нет хотя бы свечи в руке. Юные хорошенькие девушки полагают, что простая одежда и измазанное грязью лицо превращают их в невидимок. – Пущенная стрела была так неожиданна, тон Сарейты – столь

спокоен, что Илэйн не сразу поняла, о чем речь. – Доказательство обратного будет жестоким, когда какие-нибудь подвыпившие буяны сшибут их с ног и утащат в закоулок. Разумеется, повезет, если рядом окажется подруга, которая тоже способна направлять Силу, и если и той повезет, и головорез не сумеет ее оглушить… Но нельзя же все время полагаться на везение. Вы согласны, леди Бергитте?

Илэйн на мгновение закрыла глаза. Авиенда говорила, что за ними кто-то идет, но Илэйн была уверена, что это всего-навсего грабитель. В *любом* случае все было совсем не так. Вернее, не совсем так. Сердитый взгляд Бергитте сулил долгий разговор. Она *отказывалась* понимать, что Стражу не положено устраивать головомойку своей Айз Седай.

– А во-вторых, – мрачно продолжала Бергитте, – десять человек или три сотни, но итог, будь он проклят, был бы тот же самый. Чтоб мне сгореть, план был хорош. Несколько человек могли незамеченными доставить Ниан и Элению в Кэймлин. Ослабленный гарнизон притянул бы все растреклятые глаза к востоку Андора, а тот, кто захватил их, наверняка привел с собой достаточно людей. Вероятнее всего, в довершение бед они бы заняли Арингилл. Как ни мал гарнизон, на востоке Арингилл стоит на пути любого, кто хотел бы двинуться против тебя. И чем больше гвардейцев возвращается из Кайриэна, тем лучше, поскольку почти все они верны тебе.

Сколь бы Бергитте ни твердила, что она – простая лучница, в ситуации она разбиралась как нельзя лучше. Единственное, что она упустила из виду, – это потеря таможенных сборов от речной торговли.

– Кто их захватил, леди Бергитте? – спросила Сарейта, наклоняясь и глядя мимо Илэйн. – Наверняка этот вопрос очень важен.

Бергитте шумно вздохнула, почти всхлипнула.

– Боюсь, очень скоро мы это узнаем, – сказала Илэйн. Коричневая сестра глянула на нее, с сомнением выгнув бровь, и Дочь-Наследница постаралась не заскрежетать зубами. С самого момента возвращения домой она чуть ли не ежечасно скрипела зубами – как они только целы до сих пор.

Тарабонка в зеленом шелковом плаще уступила дорогу лошадям и присела в глубоком реверансе, под капюшоном качнулись косички с вплетенными в них бусинками. Тщедушная служанка, руки которой были заняты уймой пакетиков и сверточков, неуклюже повторила поклон хозяйки. Двое массивных охранников, державшихся на шаг позади и сжимавших в руках окованные медью посохи, остались стоять, настороженно поглядывая вокруг. Их длинные, из толстой кожи кафтаны мог проткнуть разве что

нож, направленный уверенной рукой.

Проезжая мимо, Илэйн склонила голову, отвечая на знак уважения тарабонки. От андорцев на улицах она пока такого не удостаивалась. На привлекательном лице за прозрачной вуалью возраст оставил заметные следы, так что вряд ли эта женщина Айз Седай. О Свет, у нее и без того забот полон рот, чтобы сейчас еще и об Элайде беспокоиться!

– Все очень просто, Сарейта, – сказала Илэйн, тщательно следя за своим голосом. – Если их захватил Джарид Саранд, то Элениа поставит Ниан перед выбором. Либо та заявит о поддержке Элении домом Араун, умасленная поместьями, либо же ей перережут горло где-нибудь в тихой каморке, а труп зароют за амбаром. Ниан так просто не уступит, но, пока она не вернется, ее Дом будет грызться, кто главный, поэтому они будут в разброде. Элениа пригрозит пыткой, а возможно, и не только пригрозит, и со временем Араун встанет позади Саранд за Элению. Вскоре присоединятся Аншар и Бэрин; они встанут на ту сторону, за которой увидят силу. Если же их захватили люди Ниан, она такой же выбор предложит Элении, но Джарид озлобится против Дома Араун, если только Элениа не притушит его гнев. А она не станет его успокаивать, если будет надеяться, что он ее как-то спасет. Так что будем надеяться, что через три-четыре недели мы услышим, что кто-то пускает красного петуха в поместьях Араун.

Если же нет, подумала Илэйн, *против меня окажется четыре объединенных Дома, а я до сих пор не знаю, есть ли на моей стороне хотя бы два!*

– Эти заключения… весьма логичны, – промолвила Сарейта с легким удивлением.

– Уверена, вы бы тоже пришли к таким выводам. Со временем, – сказала Илэйн чересчур медоточивым голосом и испытала удовольствие, когда Айз Седай заморгала. О Свет, как ее мать когда-то, когда Илэйн было десять лет, надеялась увидеть подобное зрелище!

Остаток пути до дворца прошел в молчании, и Илэйн едва замечала красочные мозаичные башни Внутреннего Города. Вместо того чтобы любоваться прекрасными видами и панорамами Кэймлина, она размышляла об Айз Седай в столице и о шпионах в Королевском дворце, о том, кто захватил Ниан и Элению, как у Бергитте продвигается набор, о том, не пора ли продавать дворцовую посуду и ее драгоценности. Невеселый список, но Илэйн хранила на лице безмятежное выражение и спокойно принимала редкие приветственные выкрики. Королева не имеет права показывать, что испугана, особенно когда она и в самом деле испугана.

Королевский дворец представлял собой воздушное сочетание ослепительно-белых изящных балконов и крытых галерей с колоннадами, разместившееся на вершине самого высокого холма Внутреннего Города – самого высокого во всем Кэймлине. На фоне дневного неба вырисовывались тонкие шпили и золоченые купола – их видно было за несколько миль и они олицетворяли могущество Андора. Церемонии торжественных выездов проводились у главных ворот, на Королевской площади перед дворцом, где в прошлом собирались огромные толпы, чтобы стать свидетелями провозглашения королев и приветствовать андорских правительниц. Илэйн въехала во дворец через задние ворота и направилась к главным конюшням. Подкованные копыта Сердцееда звенели на каменных плитах просторного конюшенного двора. Два длинных здания конюшен с высокими арочными дверями располагались напротив друг друга; во двор выходил единственный длинный белый балкон, массивный и лишенный украшений. С нескольких высоких галерей можно было увидеть только часть двора, но особо любоваться тут было нечем. Перед простой колоннадой, ведущей ко входу в сам дворец, выстроилась дюжина гвардейцев, очередная смена караула на площади. Они стояли по стойке «смирно» рядом со своими лошадьми, проверку проводил их подлейтенант, седой прихрамывающий ветеран – когда-то, при Гарете Брине, он был знаменщиком. У внешней стены по лошадям рассаживалось еще тридцать гвардейцев – они готовились отправляться патрулировать парами во Внутреннем Городе. Обычно еще выделялись гвардейцы для поддержания порядка на улицах, но ныне, поскольку численность Гвардии уменьшилась, этим занимались те, кто охранял дворец. Здесь же была и Кареане Франси, коренастая женщина в элегантном дорожном платье в зеленую полоску и в сине-зеленом плаще. Она сидела верхом на сером мерине, а один из ее Стражей, Вент Косаан, влезал на своего гнедого. Смуглый, с проблесками седины в курчавых волосах и бороде, стройный как клинок мужчина был облачен в скромный коричневый плащ. По-видимому, афишировать, кто они такие, Кареане не собиралась.

При появлении Илэйн по конюшенному двору пробежала волна удивления. Разумеется, ни Кареане, ни Косаан своих чувств ничем не выказали. Зеленая сестра просто задумчиво смотрела из глубины капюшона, а Косаан остался совершенно безучастным, ограничившись коротким кивком Бергитте и Йарману – как Страж Стражу. Затем, едва последний всадник из эскорта Илэйн миновал окованные железом ворота, Айз Седай и ее Страж выехали из дворца. Но кое-кто из гвардейцев у стены замер, поставив ногу в стремя, глядя на только что прибывших, к ним обернулись

и некоторые из выстроившихся на поверку. Возвращения Илэйн ожидали не ранее, чем через час, и за исключением немногих, кто не видел дальше собственного носа, всем во дворце было известно, что ситуация взрывоопасна. Среди солдат слухи распространялись еще быстрее, чем среди прочих, и одному Свету ведомо, что говорят и о чем сплетничают мужчины. Эти-то наверняка знают, что Бергитте спешно уехала, а теперь с ней вместе вернулась Илэйн, причем много раньше срока. Не направляются ли к Кэймлину дружинники какого-нибудь Дома? Не готовится ли нападение? Прикажут ли им занять оборону на стенах, для чего у них не хватает сил, даже если прибавить людей Дайлин? Мгновение удивления и тревоги, а потом морщинистый подлейтенант выкрикнул команду, и все разом замерли: взгляды устремлены прямо перед собой, руки подняты к груди в салюте. Не считая бывшего знаменщика, в списках несколько дней назад числилось только трое из солдат, но вчерашних новобранцев здесь не было.

Из конюшни выбежали грумы в красных куртках с вышитыми на плече Белыми Львами, хотя делать им на самом деле было нечего. По приказу Бергитте женщины-гвардейцы молча спешились и повели своих лошадей в высокие двери. Сама она спрыгнула с коня и бросила поводья груму, но раньше нее седло покинул Йарман, который поспешил придержать под уздцы лошадь Сарейты, пока Айз Седай спешивалась. Таких, как он, связанных узами меньше года, некоторые сестры называли «свежим уловом» – название относилось ко временам, когда у будущих Стражей не всегда спрашивали, хотят ли они стать таковыми, – и обязанности свои он исполнял добросовестно. Бергитте же стояла с хмурым видом, подбоченясь, и как будто наблюдала за гвардейцами, колонной по два выезжавшими из ворот. Следующие четыре часа они будут патрулировать Внутренний Город. Впрочем, Илэйн удивилась бы, узнай она, что мысли Бергитте заняты солдатами.

В любом случае, у нее своих забот хватает. Стараясь не приглядываться слишком пристально, Илэйн принялась рассматривать худощавую женщину, которая взяла Сердцееда под уздцы, и приземистого парня, который, поставив рядом с лошадью обитый кожей табурет, придержал стремя, пока Дочь-Наследница спешивалась. Конюх был флегматичен, нетороплив и неулыбчив, в то время как женщина погладила мерина по носу и что-то ему пошептала. Оба они, хотя и уважительно склонили головы, на Илэйн на самом деле не смотрели; знаки внимания для них на втором месте, главное, чтобы норовистая лошадь, испугавшись какого-нибудь резкого движения, не сбросила ее с седла. Неважно, что их помощь ей ни к чему. Теперь она – во дворце, и нужно

следовать заведенным правилам. И все равно Илэйн пришлось сдержаться, чтобы не нахмуриться. Когда грумы повели мерина в стойло, она не стала на них оглядываться. Хотя и хотелось.

Лишенный окон вестибюль за колоннадой казался сумрачным, несмотря на несколько зажженных стоячих светильников. То были простые лампы с отражателями, металл украшен незамысловатым узором в виде завитушек. Все было сугубо практично – оштукатуренные карнизы без всяких украшений, гладкие голые стены из белого камня. Известие о прибытии Илэйн уже распространилось по дворцу, и не успела она со спутницами переступить порог, как появилось с полдюжины мужчин и женщин. С поклонами и реверансами они приняли плащи и перчатки. Их ливреи отличались от одежды конюхов наличием белых манжет и воротников, а Лев Андора красовался слева на груди, а не на плече. Из слуг Илэйн не узнала никого. Большинство их были во дворце новичками. Другие же, ушедшие было на покой или в отставку, вернулись на службу и заняли места тех, кого распугал Ранд, захватив город. Лысый, с грубоватым лицом слуга сразу отвел взгляд, но, возможно, он боялся, что его сочтут развязным. Стройная молодая женщина, бросив украдкой взгляд на Дочь-Наследницу, склонилась в реверансе с излишней готовностью и чересчур широко улыбнулась, но, возможно, она просто хотела продемонстрировать свою исполнительность. Илэйн, сопровождаемая по пятам Бергитте, зашагала прочь. Не хватало еще и на слуг сердито коситься. Уж больно горький привкус у подозрительности.

Сарейта со своим Стражем отстали от Илэйн и Бергитте на несколько шагов, Коричневая сестра пробормотала извинения – ей хотелось посмотреть в библиотеке какие-то книги. Собрание было не маленьким, хотя и не шло ни в какое сравнение с иными громадными библиотеками, и Айз Седай проводила там каждый день по несколько часов, частенько обнаруживая на полках потертые от времени тома, которые, по ее утверждению, были никому не известны. Она свернула в поперечный коридор, Йарман ступал следом – темный низенький лебедь ведет за собой по пятам необычайно грациозного аиста. На руке он нес аккуратно сложенный переливающийся плащ. Стражи редко надолго расстаются со своими плащами. Косаан, должно быть, спрятал свой в седельную сумку.

– Бергитте, а тебе нравятся плащи Стражей? – спросила Илэйн на ходу. Не в первый раз она позавидовала просторным штанам Бергитте. Даже в юбке-штанах непросто идти быстрым шагом. Ладно хоть на ней не туфли, а сапоги для верховой езды. В туфлях ноги сразу замерзли бы на холодных как лед голых красно-белых

плитах пола. Ковров не хватало, поэтому их настилали в несколько слоев лишь в комнатах; к тому же в коридорах ковры очень скоро протерлись бы, ведь по переходам без конца ходят слуги, каждодневный труд которых и содержит дворец в надлежащем порядке. – Как только Эгвейн займет Башню, я закажу плащ для тебя. Не помешает.

– Плевала я на растреклятые плащи, – угрюмо отозвалась Бергитте. Хмурый вид и взгляд исподлобья, губы стянулись в упрямую ниточку. – Все так быстро произошло, я-то думала, ты просто споткнулась и своей проклятой башкой долбанулась. Кровь и пепел! Уличный громила ударил! Одному Свету ведомо, что могло случиться!

– Незачем извиняться, Бергитте, – по узам хлынули гнев и возмущение, но Илэйн намерена была воспользоваться преимуществом. Ей по горло хватало попреков Бергитте, когда они были наедине; слушать выговоры еще и здесь, в дворцовых коридорах, где столько слуг – снующих с поручениями, протирающих резные стенные панели, полирующих золоченые светильники, – она не собиралась. Слуги на пару мгновений останавливались, приветствуя Илэйн и Бергитте молчаливыми поклонами или реверансами, но каждый из них наверняка терялся в догадках, с чего это Капитан-Генерал мрачнее тучи, и пошире раскрывал уши, чтобы услышать как можно больше. – Тебя там не было потому, что этого не захотела я. Готова поспорить, и Сарейта Нэда с собой не взяла. – Это казалось невозможным, но лицо Бергитте потемнело еще больше. Возможно, не стоило упоминать о Сарейте. Илэйн поспешила сменить тему. – Нет, с твоим языком надо что-то делать! Не язык, а помело! Заняться, что ли, нечем, кроме как болтать?

– Помело… – опасным тоном пробормотала Бергитте. У нее даже походка изменилась, стала, как у леопарда. – И *ты* это говоришь *мне*? Я, во всяком случае, знаю, что означают сказанные мной слова. Я, во всяком случае, знаю, что к месту, а что – нет, – Илэйн слегка покраснела. Она знает, что означают те слова! Обычно. Во всяком случае, почти всегда. – А что касается Йармана, – продолжала Бергитте, голосом по-прежнему тихим и по-прежнему опасным, – то он славный мужчина, но он до сих пор слишком потрясен. Никак ему не очухаться от мысли, что он теперь Страж. Того и жди прыгать будет, стоит Сарейте пальцами щелкнуть. Мне подобное потрясение не грозит, и прыгать я не стану. Поэтому-то ты на меня титул навесила? Думаешь, уздечку на меня накинула? Ну, это не первая глупая мысль в твоей башке. А ведь ты из тех, кто обычно рассуждает здраво… Что ж, ладно. У меня на столе груда проклятых докладов, которую мне нужно

разгрести, чтобы ты получила хотя бы половину той Гвардии, которую желаешь, но вечером мы с тобой еще как следует побеседуем. Миледи, – добавила она с нажимом. Поклон Бергитте был издевательски церемонным. Она повернулась и зашагала прочь, и ее длинная золотистая коса чуть ли не распушилась, как хвост рассерженной кошки.

Илэйн досадливо топнула. Бергитте достойна данного ей титула! Он – заслуженная награда! Да с того дня, как Илэйн связала ее узами, она десять таких титулов заслужила. И десять тысяч – задолго до этого. Ну, честно говоря, мысль о другой причине тоже была – о той, что упомянула Бергитте, но уже после. Да ничего хорошего и не вышло. От кого бы ни исходили приказы, от сюзерена или от Айз Седай, Бергитте сама выбирала, какой из них исполнить. Не в тех случаях, конечно, когда дело касалось чего-то важного – точнее, когда *она* считала это важным, – но во всех прочих случаях, особенно если речь шла о том, что она называла неоправданным риском или предосудительным поведением. Кому-кому, а не Бергитте Серебряный Лук говорить о риске! А что до предосудительного поведения – кто, как не Бергитте, бражничал в тавернах! Она пьянствовала и играла на деньги, а в придачу еще и на смазливых мужчин пялилась! Частенько заглядывалась на всяких красавчиков, пусть даже и предпочитала таких, кого, похоже, часто били по лицу и по голове. Илэйн не хотела, чтобы Бергитте стала другим человеком – она восхищалась ею, любила ее, считала своей подругой, – но желательно, чтобы в их отношениях было побольше от Стража и Айз Седай. И поменьше – от опытной старшей сестры, поучающей плутоватую младшую.

Вдруг до Илэйн дошло, что она стоит в коридоре с хмурым видом, глядя в никуда. Проходившие мимо слуги замедляли шаг, втягивали головы в плечи, словно опасаясь, что это на них она столь сердито смотрит. Согнав с лица мрачное выражение, Илэйн жестом подозвала к себе долговязого прыщавого юнца. Тот поклонился так неловко и низко, что пошатнулся и чуть не упал.

– Найди госпожу Харфор и передай, что я хочу немедленно встретиться с нею в своих покоях, – велела пареньку Илэйн, затем прибавила довольно сухо: – И лучше бы тебе запомнить, что старшие вряд ли будут довольны, если увидят, как ты глазеешь по сторонам вместо того, чтобы заниматься делом.

У него отвалилась челюсть, словно Илэйн прочитала его мысли. Возможно, бедняга так и подумал. Мальчишка широко раскрыл глаза, метнул испуганный взгляд на кольцо Великого Змея и, пискнув, отвесил еще более низкий поклон, а потом стремглав бросился бежать по коридору.

Илэйн невольно улыбнулась. Стрела пущена наугад, но паренек слишком юн, чтобы быть чьим-то шпионом, и слишком боязлив, чтобы задумать что-то нехорошее. С другой же стороны… Улыбка Илэйн увяла. С другой стороны, он не намного ее младше.

Глава 8

МОРСКОЙ НАРОД И РОДНЯ

Илэйн ничуть не удивилась тому, что столкнулась с главной горничной, еще не дойдя до своих покоев. В конце концов, обе направлялись в одно и то же место. Госпожа Харфор присела в реверансе и пошла следом, неся под мышкой тисненую кожаную папку. Несомненно, утром она встала так же рано, как и Илэйн, если не раньше, но ее алая накидка выглядела свежеотутюженной, а Белый Лев на груди сиял чистотой только что выпавшего снега. При виде главной горничной слуги засуетились, принялись вдвое старательнее махать тряпками и щетками. Рин Харфор не слыла жестокой, но блюла дисциплину во дворце не хуже, чем Гарет Брин среди своих гвардейцев.

– Боюсь, миледи, я пока не поймала ни одного шпиона, – ответила она на вопрос Илейн, понизив голос так, чтобы больше никто не мог их услышать, – но полагаю, парочку обнаружила. Женщина и мужчина, обоих взяли на службу в последние месяцы правления покойной королевы, вашей матери. Как только прошел слух, что я всех опрашиваю, они сбежали из дворца. Мешкать не стали, даже вещи свои побросали, разве что плащи прихватили. Я бы сказала, они все равно что признали свою вину. Если только не испугались, что их поймают на какой другой провинности, – неохотно добавила госпожа Харфор. – Боюсь, были случаи воровства, так, по мелочи.

Илэйн задумчиво кивнула. В последние месяцы правления ее матери Ниан и Элениа часто и подолгу задерживались во дворце. У них было с избытком времени и возможностей обзавестись здесь соглядатаями. Эти двое жили во дворце, немало бывало тут и тех, кто выступал против вступления на трон Моргейз Траканд, был прощен ею позже, а потом предал ее. Илэйн не допустит подобной ошибки. Нет, конечно, амнистия, по возможности, будет – незачем сеять семена гражданской войны, – но с тех, кто примет амнистию, она намеревалась глаз не спускать. Будет следить как кошка за крысой, заявившей, что ее ничуть не интересуют амбары с зерном.

– Они были шпионами, – сказала Илэйн. – И могут найтись еще. Которые шпионят не только для Домов. Сестры в «Серебряном лебеде» тоже могли подкупить кого-нибудь во дворце.

– Я продолжу розыски, миледи, – ответила Рин, чуть наклонив голову.

Тон ее был абсолютно уважительным; она даже бровью не повела, но у Илэйн снова возникло чувство, будто ей говорят, что не надо учить бабушку вязать. Если бы только Бергитте умела улаживать дела так же, как госпожа Харфор.

– Поскольку вы вернулись рано, – продолжила главная горничная, – боюсь, вам предстоит весьма насыщенный день. Для начала с вами желает поговорить мастер Норри. По неотложному делу, как он утверждает. – На миг она поджала губы. Рин Харфор всегда требовала сообщать ей, зачем посетителям нужно встретиться с Илэйн, чтобы отсеивать всякие мелочи и незначительные вопросы. Однако старший писец не желал обычно даже намеком обмолвиться о своих делах. Причем ее в свои заботы он посвящал гораздо реже, чем она его – в свои. Оба крайне ревниво относились к тому, что считали своей вотчиной. – Затем – делегация торговцев табаком с петицией, и еще одна, от ткачей, обе просят об освобождении от налогов, мол, времена ныне тяжелые. Миледи вряд ли нуждается в моем совете, но я бы им сказала, что времена тяжелые для всех. Также аудиенции ожидает группа иноземных купцов – довольно многочисленная. Хотят просто пожелать вам здоровья, так, чтобы не обременять себя, конечно, – они готовы принять вашу сторону, но без того, чтобы противостоять кому-то другому. Я бы порекомендовала встретиться с ними, ненадолго. – Она коснулась пухлыми пальцами папки под мышкой. – И еще требуется подписать дворцовые счета, перед тем как отправить их мастеру Норри. Боюсь, увидев их, он примется вздыхать. Такого я зимой вообще-то не ожидала, но большая часть муки поражена долгоносиком, половина запасов ветчины испортилась, как и большая часть копченой рыбы. – Достаточно уважительно. И достаточно твердо.

Я правлю Андором, однажды сказала мать Илэйн наедине, *но иногда мне кажется, что Рин Харфор правит мною*. Говорила она эти слова вроде бы со смехом, но вполне серьезно. Если хорошенько подумать, то госпожа Харфор в качестве Стража оказалась бы раз в десять похлеще Бергитте.

Встречаться с Халвином Норри или с купцами Илэйн не имела ни малейшего желания. Ей хотелось посидеть в тихом уголке и поразмышлять о шпионах, о том, к кому в руки попали Ниан и Элениа, о том, как учитывать их освобождение в дальнейших раскладах. Разве только… Благодаря мастеру Норри жизнь в Кэймлине продолжалась и после того, как умерла ее мать. По правде говоря, судя по виденным ею старым отчетам, он занимался поддержанием Кэймлина с того самого дня, как мать угодила в лапы Равину, хотя сам Норри говорил о тех временах несколько туманно. Кажется, тогдашние события то ли обидели его, то ли

разочаровали. Илэйн просто не могла ему отказать. К тому же он никогда не подчеркивал срочности дел. И нельзя начхать на добрую волю купцов, даже чужеземных. И еще нужно подписать счета. Долгоносики? Испорченная ветчина? Зимой? Это очень и очень странно.

Илэйн с госпожой Харфор подошли к высоким, украшенным резными изображениями львов дверям покоев Дочери-Наследницы. Львы были меньше размерами, чем на дверях комнат, где жила ее мать, да и сами покои меньше, но Илэйн и в голову не приходило обосноваться в покоях королевы. Это было бы нахальством, все равно что сесть на Львиный Трон раньше, чем будет признано ее право на Корону Роз.

Вздохнув, Илэйн потянулась за папкой.

Вдали в коридоре мелькнули Солайн Моргеллин и Керейлле Суртовни. Они шли так быстро, как только могли, – еще чуть быстрее, и это уже был бы бег. На шее угрюмой женщины, зажатой между ними, сверкнуло серебро, хотя женщины из Родни и прикрыли повод *ай'дама* длинным зеленым шарфиком. Вот это точно вызовет толки и рано или поздно будет замечено. Плохо, что ее и остальных надо переводить с места на место, но иного способа нет. С появлением Родни и Ищущих Ветер Морского Народа слугам приходится спать в своих комнатах по двое-трое на одной кровати, а дворцовые подвалы – это кладовые, но никак не подземные темницы. И почему это Ранд *всегда* ухитряется делать все не так? То, что он мужского пола, не оправдание. Солайн и Керейлле вместе со своей пленницей скрылись за углом.

– Сегодня утром о встрече с вами, миледи, просила госпожа Корли, – голос Рин был подчеркнуто нейтрален. Она тоже заметила Женщин Родни и чуть заметно нахмурилась. Морской Народ отличался странностями, однако Госпожа Волн клана и ее свита вписывались в картину мира главной горничной, даже если она и не знала в точности, кто такая эта Госпожа Волн клана. Высокопоставленная чужеземная особа остается высокопоставленной чужеземной особой, а от иноземцев всегда ждешь странностей. Однако госпожа Харфор не могла понять, с какой стати Илэйн предоставила убежище сотне с лишком купчих и ремесленниц. Да, она слышала названия «Родня» и «Объединяющий Круг», но для нее они оставались пустым звуком, и она не понимала странных натянутых взаимоотношений между этими женщинами и Айз Седай. Как не понимала, что это за женщины, которых привели Аша'маны: пленницы хоть и не заперты в тюремных камерах, но на деле сидят под замком, и им ни с кем не позволено разговаривать, только с теми, кто их сопровождает по коридорам. Главная горничная понимала, когда не следует задавать вопросов, но

ей хотелось знать, что происходит во дворце. – Она сказала, у нее для вас хорошие новости. В некотором роде, как она выразилась. Впрочем, об аудиенции она не ходатайствовала.

Хорошие новости, какого бы рода они ни были, все же лучше чтения счетов, Илэйн же надеялась, что это те новости, которых она ждет. Так и не взяв папку из рук главной горничной, она сказала:

– Положи, пожалуйста, все это на мой письменный стол. И передай мастеру Норри, что я найду немного времени и встречусь с ним.

Отправившись в ту сторону, куда увели пленницу, Илэйн шагала быстро, несмотря на неудобные юбки. Хорошие новости или нет, с Норри и купцами встретиться нужно, и с иноземными купцами тоже, не говоря уже о необходимости просмотреть и подписать счета. Править королевством означает недели и недели нудной работы и редкие часы, когда удается делать то, что хочется. Очень редкие часы. Где-то в глубине сознания плотным комочком раздражения и разочарования засела Бергитте. Она, конечно, ушла с головой в разгребание своей бумажной кучи. Что ж, самой Илэйн перевести дух удастся разве что в те минуты, когда она будет переодеваться и торопливо перекусывать. Так что шла она скорым шагом, погрузившись в свои мысли и едва замечая, что у нее перед глазами. Что такого срочного у Норри? Наверняка не запрос о ремонте улиц. Сколько во дворце шпионов? Маловероятно, чтобы госпожа Харфор всех переловила.

Когда Илэйн свернула за угол, только внезапное ощущение присутствия другой женщины, способной направлять Силу, уберегло ее от столкновения с идущей навстречу Вандене. Обе оторопело воззрились друг на друга. По-видимому, Зеленая сестра тоже глубоко задумалась. Две ее спутницы, приподняв брови, смотрели на Илэйн.

Кирстиан и Зария были одеты в простые белые платья и держались ровно на шаг позади Вандене, смиренно сложив руки на животе. Их волосы были подобраны на затылке, обе не имели украшений. Ношение послушницами украшений, мягко говоря, не поощрялось. Они принадлежали к Родне – Кирстиан вообще входила в Объединяющий Круг, – но когда-то сбежали из Башни, а относительно беглянок существовали определенные правила, установленные законом Башни независимо от давности их побега. От возвращенных беглянок требовали безупречной исполнительности во всем, они должны были быть образчиком для женщин, стремившихся получить шаль, а мелкие проступки, на которые у других посмотрели бы сквозь пальцы, наказывались сурово и немедленно. По возвращении в Башню беглянкам предсто-

яло вдобавок еще одно строгое наказание – публичная порка, и потом по меньшей мере год их держали в ежовых рукавицах. Столь суровое обращение с ними имело своей целью то, чтобы у возвращенной беглянки больше никогда в жизни не возникло желания сбежать. Никогда! Недоучки слишком опасны, им нельзя позволить разгуливать по миру.

Илэйн старалась быть снисходительной с ними – никого из Родни не назовешь недоучкой; если многое они постигли сами, то опыта в обращении с Единой Силой у них было не меньше, чем у Айз Седай. Она пыталась, но очень скоро обнаружила, что большинство остальных женщин из Родни подобной снисходительности не одобряют. Получив еще один шанс стать Айз Седай – те, кто мог, по крайней мере, – они с ошеломляющим пылом приняли все правила и обычаи Башни. Она не удивилась ни блеску в глазах обеих женщин, ни тому, что те излучают послушание и благовоспитанность – они тоже крепко вцепились в предоставленную возможность, – но удивилась тому, что увидела их вместе с Вандене. До сих пор та совершенно игнорировала их обеих.

– Я искала тебя, Илэйн, – без вступления заявила Вандене. Белые волосы, подвязанные на затылке темно-зеленой лентой, придавали ей старческий облик, несмотря на гладкие, без морщин, щеки. Убийство ее сестры добавило Вандене мрачности, та будто впиталась ей в плоть и кровь, и она приобрела вид безжалостного судьи. Раньше она была стройной; теперь же исхудала, щеки ввалились. – Эти дети… – она осеклась, слабая гримаса искривила ее губы.

Так полагалось обращаться к послушницам – самый неприятный момент для пришедшей в Башню женщины наступал не тогда, когда она обнаруживала, что, пока не заслужит шали, ее не считают по-настоящему взрослой, а когда понимала, что, пока на ней белое платье послушницы, она – на самом деле дитя, которое может пораниться само или поранить других из-за своего невежества или ошибки, – однако даже самой Вандене было, похоже, неловко. Большинство послушниц приходили в Башню в пятнадцать-шестнадцать лет, самое позднее – в восемнадцать, за исключением считанных случаев, когда им удавалось обмануть сестер относительно своего возраста. В отличие от Айз Седай, у Родни положение женщины определял возраст, и Зарии – она называла себя Гарения Росойнде, но в книге послушниц числилась под именем Зария Алкайсе и на это имя отзывалась, – Зарии, с крупным носом и большим ртом, было от роду больше девяноста лет, хотя выглядела она на тридцать. Ни одна женщина из Родни не приобрела безвозрастного обличья, несмотря на годы и годы использования Силы, и привлекательная черноглазая Кир-

стиан выглядела немногим старше, лет на тридцать пять. А было ей за триста, больше, чем самой Вандене; Илэйн была уверена: Кирстиан сбежала из Башни так давно, что сочла безопасным вновь воспользоваться своим настоящим именем. Весьма необычные послушницы.

– Эти дети, – более уверенно повторила Вандене, и лоб ее пересекли глубокие морщины, – размышляли о событиях в Харлонском Мосту. – В этой деревне убили сестру Вандене. И еще Испан Шефар – но для Вандене смерть Черной сестры все равно что смерть взбесившейся собаки. – К несчастью, вместо того чтобы промолчать о своих выводах, они явились ко мне. Хорошо хоть не стали болтать там, где мог услышать кто угодно.

Илэйн нахмурилась. Об убийствах знал уже весь дворец.

– Не пойму, – сказала она медленно. И осторожно. Ей не хотелось и намека давать этим двоим, если они не докопались на самом деле до тщательно скрываемой тайны. – Они что, решили, что тут замешаны Приспешники Темного, что это вовсе не ограбление? – Так эта история звучала для всех: две женщины находились в домике на отшибе, и убили их из-за драгоценностей. Правду знали только Илэйн, Вандене, Найнив и Лан. До сего дня, похоже. Должно быть, они очень глубоко копнули, иначе Вандене отослала бы их восвояси, да еще и выговорила бы строго за глупые выдумки.

– Хуже. – Вандене оглянулась, потом, потянув за собой Илэйн, отошла на несколько шагов, туда, где пересекались два широких коридора. С этого места они могли увидеть всякого, с какой бы стороны он ни появился. Послушницы все так же послушно держались за спиной Зеленой сестры. Судя по их покладистости, выговор вполне уже мог и состояться. Слуг на виду было много, но никто не шел в их сторону, никого не было рядом, чтобы услышать разговор. Но Вандене все равно понизила голос. Тихий тон ничуть не скрывал ее недовольства. – Они пришли к заключению, что убийцей могли быть Мерилилль, Сарейта или Кареане. Полагаю, думать они умеют, но не об этом им надо было в первую очередь думать. Нет чтобы усердно заниматься, тогда бы времени на посторонние размышления не оставалось!

Несмотря на сердитый взгляд, которым Вандене наградила Кирстиан и Зарию, обе престарелые послушницы лучились от радости. В нагоняе была скрыта похвала, а Вандене была скупа на похвалы.

Илэйн не стала указывать, что у этой парочки было бы куда меньше свободного времени, если бы Вандене пожелала заниматься с ними. У самой Илэйн и у Найнив и без того хватало обязанностей, и поскольку к ним добавились еще ежедневные

уроки для Ищущих Ветер – обучением занимались все Айз Седай, кроме Найнив, – ни у кого не было сил и времени, чтобы уделять много внимания двум послушницам. Обучать женщин Ата'ан Миэйр оказалось все равно, что кормиться через отжимной валок прачки! У них, считай, уважения к Айз Седай совсем нет! И еще меньше трепета они испытывали к титулам «сухопутников».

– Хорошо хоть, больше никому не сказали, – пробормотала Илэйн. Просто благословение.

С самого начала, когда они обнаружили Аделис и Испан, было ясно, что убийцу нужно искать среди Айз Седай. Перед тем как убить, обеих обездвижили с помощью багрового терна, и представлялось невероятным, чтобы Ищущие Ветер знали траву, которая встречается только очень далеко от моря. И даже Вандене была уверена, что среди Родни нет Приверженцев Темного. Испан сама убегала из Башни, будучи послушницей, и даже добралась тогда до Эбу Дар, но ее вернули прежде, чем Родня успела открыть ей, что они не просто горстка женщин, которым Башня отказала в обучении и которые решили из прихоти ей помочь. Допрашивавшим ее Аделис и Вандене она поведала многое, очень многое. Каким-то образом ей удалось устоять и не рассказать ничего о самой Черной Айя, кроме как о старых, давным-давно осуществленных заговорах, но о прочем, когда Вандене с сестрой занимались ею, она говорила охотно. Мягкостью сестры не отличались и проникли до самых глубин, однако о Родне Испан знала не больше любой другой Айз Седай. Если бы среди Родни были Приспешники Темного, Черные Айя знали бы обо всем. И как бы не хотелось иного, убийцей была одна из трех женщин, которые начали им нравиться. Среди них есть Черная сестра. А то и не одна. Всем страстно хотелось сохранить это знание в тайне, во всяком случае, пока убийца не будет раскрыт. От подобного известия панический ужас охватит весь дворец, а то и всю столицу. О Свет, кто еще размышляет о случившемся в Харлонском Мосту? Хватит ли у них здравого смысла держать рот на замке?

– Кто-то должен ими заняться, – твердо сказала Вандене, – иначе их не удержать от опрометчивых шагов. Им нужны регулярные уроки и тяжелая работа. – На сияющих лицах парочки появился намек на самодовольство, но при последних словах Вандене они слегка приугасли. Занятий у них было немного, но уроки были очень трудны, и дисциплина – самая строгая. – А значит, взяться за них нужно либо тебе, Илэйн, либо Найнив.

Илэйн раздраженно прищелкнула языком.

– Вандене, у меня самой четверти часа нет, чтобы сесть и подумать. Мне не выкроить времени, чтобы уделить им хотя бы час. Пусть будет Найнив.

– Что будет Найнив? – подойдя к ним, весело поинтересовалась упомянутая Найнив. Где-то она раздобыла длинную шаль с желтой бахромой, расшитую листьями и яркими цветами, которая теперь висела у нее на локтях. Несмотря на вовсе не летнюю погоду, на ней было голубое платье с весьма низким для Андора вырезом, однако в ложбинке груди лежала переброшенная через плечо толстая темная коса и не позволяла увидеть многого. Несколько необычно выглядела маленькая красная точка на лбу, *ки'сайн*. По обычаям Малкири, красную *ки'сайн* рисовали себе замужние женщины, и, узнав об этом, Найнив настояла, что тоже будет ее носить. Меланхолично поигрывая кончиком косы, она выглядела… довольной. Слово, которое относительно Найнив ал'Мира обычно никому и в голову бы не пришло.

Илэйн вздрогнула, заметив в нескольких шагах от себя Лана, тот расхаживал по кругу вокруг Айз Седай и наблюдал за обоими коридорами. Высокий, как айилец, с разворотом плеч под стать кузнецу, с суровым лицом, в темно-зеленой куртке, он обладал умением двигаться бесшумно, как призрак. Даже здесь, во дворце, к поясу его был пристегнут меч. При виде Лана Илэйн всегда охватывала дрожь. Его холодными голубыми глазами словно смотрела сама смерть. Но только не тогда, когда взгляд его был устремлен на Найнив.

Умиротворенное выражение слетело с лица Найнив в тот же миг, как только она узнала, что вменяется ей в задачу. Она перестала теребить косу и крепко сжала ее в кулаке.

– А теперь послушайте меня. Илэйн может себе позволить валять дурака, играя в политику, но у меня дел по горло. Больше половины Родни давно бы разбежались, не держи их Алис за шкирку, а поскольку у нее самой нет надежды добиться шали, я не уверена, что она теперь удержит кого-то долго. Остальные думают, будто могут спорить со мной! Вчера Сумеко назвала меня… *девочкой*!

Найнив оскалилась, хотя в случившемся в какой-то мере была и ее вина. В конце концов, именно она постоянно вдалбливала Родне, что лучше им проявить характер, а не пресмыкаться перед Айз Седай. Что ж, пресмыкаться они и впрямь перестали. Даже вознамерились подтянуть сестер до уровня своих Правил, обнаружив, что сестры им не соответствуют! Возможно, последнее и не вина Найнив, раз ей, как оказалось, немногим больше двадцати, – но для Родни возраст был важен, а она большую часть времени проводила именно с ними. Косу Найнив больше не подергивала, но упорно тянула за нее, и со стороны казалось, что сейчас оторвет напрочь.

– А этот проклятый Морской Народ! Несносные женщины! Невыносимые, мерзкие, противные! Если бы не проклятая сделка!.. Для полного счастья мне не хватает только парочки скулящих послушниц!

Губы Кирстиан мгновенно превратились в ниточку, а темные глаза Зарии возмущенно вспыхнули, прежде чем она сумела вновь напустить на себя покорный вид. Некое его подобие. У них хватило ума понять, что при Айз Седай послушницам лучше рта не раскрывать.

Илэйн подавила желание все уладить. Ей хотелось отшлепать обеих, и Кирстиан, и Зарию. Они все усложнили, нет чтобы держать язык на привязи! Ей хотелось отшлепать Найнив. Значит, Ищущие Ветер наконец-то загнали ее в угол, да? Сочувствия не дождется.

– Найнив, я в политику не *играю*, и тебе это хорошо известно! Я не раз у тебя совета спрашивала! – Сделав глубокий вдох, Илэйн постаралась успокоиться. Слуги, которых она видела за спинами Вандене и двух послушниц, отвлеклись от работы и во все глаза глядели на сборище в коридоре. Сколь бы сильное впечатление ни производил Лан, его они заметили лишь мельком, девушка в этом почти не сомневалась. На спорящих Айз Седай стоит поглазеть, но и держаться от них лучше подальше. – Или ты думаешь, что можешь просто приказать им обо всем забыть? Посмотри на них, Найнив. Предоставь их самим себе, и они сразу попытаются выяснить, кто это был. Они бы не пришли к Вандене, если бы не надеялись на ее помощь.

Парочка вмиг сделалась образцом наивной послушнической невинности, правда, не без обиды на несправедливое обвинение. Илэйн этому не поверила. У них была целая жизнь, чтобы научиться напускать на лицо любое выражение.

– А почему нет? – чуть погодя промолвила Найнив, поправляя шаль. – О Свет, Илэйн, не забывай, вряд ли мы от них ждем того же, что от обычных послушниц.

Это надо же, «ждем того же, что от обычных послушниц»! Может, Найнив почти и не ходила в платье послушницы, но совсем недавно была Принятой, причем частенько – хнычущей и ноющей Принятой!

Илэйн открыла было рот, чтобы возразить, но Найнив продолжила:

– Уверена, Вандене сумеет найти им дело, – сказала она. – И заодно давать уроки. Помнится, Вандене, кто-то говорил, что ты раньше обучала послушниц. Ну вот. Все устроилось.

Две послушницы широко улыбнулись в предвкушении – словно руки от удовольствия потирали, – но Вандене набычилась.

– Мне не нужны послушницы, которые будут крутиться у меня под ногами, когда я…

– Ты слепа, как и Илэйн, – перебила ее Найнив. – У них опыта не занимать, и Айз Седай стоит получше присмотреться к ним, а не к белым платьям. Они могут работать по твоей указке, и у тебя будет время поспать и поесть, о чем ты, по-моему, забываешь. – Найнив выпрямилась, накинула шаль на плечи, концами ее прикрыла руки. На это стоило посмотреть. Невысокая, не выше Зарии и заметно ниже Вандене и Кирстиан, Найнив производила такое впечатление, будто возвышалась над всеми на голову. Как хотелось Илэйн освоить это умение! Хотя она ни за что не надела бы платье такого покроя. Еще чуть-чуть, и Найнив из него вывалится. Тем не менее общего впечатления платье не портило. Найнив являла собой воплощенную властность. – Ты так и поступишь, Вандене, – твердо сказала она.

Хмурое выражение покидало Вандене медленно, но в конце концов исчезло с ее лица. Найнив стояла выше нее в Силе, и даже если бы Вандене ни разу не задумывалась над этим обстоятельством, уступить ее заставила бы глубоко укоренившаяся привычка, пусть и без особой охоты. Когда она повернулась к двум женщинам в белом, на ее лице было почти такое же сдержанное выражение, как после убийства Аделис. Означавшее, что судья не станет требовать немедленной казни. Возможно, казнь состоится позже. Изможденное лицо Вандене было спокойным и мрачно-решительным.

– Когда-то я действительно обучала послушниц, – промолвила она. – Очень недолго. Наставница Послушниц сочла, что я излишне сурова с ученицами. – Такое заявление чуть охладило пыл парочки. – Звали ее Серейлле Баганд. – Зария побледнела, как и Кирстиан, а Кирстиан пошатнулась, словно у нее вдруг голова закружилась. Как Наставница Послушниц, а позже и Престол Амерлин, Серейлле вошла в легенды. Причем в такие, от которых просыпаешься ночью в холодном поту. – Я ем иногда, – заметила Вандене, обратившись к Найнив. – Но на вкус все похоже на пепел.

И Вандене двинулась мимо Лана, жестом велев двум послушницам следовать за собой. Те пошли за ней не совсем твердой походкой.

– Вот упрямая женщина, – пробурчала Найнив, глядя из-под нахмуренных бровей им в спины, однако в голосе ее слышались сочувственные нотки. – Я знаю с десяток трав, которые помогут ей уснуть, но она к ним не притронется. Я уж подумываю, не подсыпать ли чего-нибудь вечером ей в вино.

Мудрый правитель, подумала Илэйн, *знает, когда говорить, а когда – нет*. Что ж, к этим мудрым словам стоит прислушаться каждому. Она не стала говорить Найнив, что уж кому-кому, а ей называть кого-то упрямым все равно что петуху обзывать фазана гордецом.

– Ты не знаешь, что у Реанне за новости? – сказала она вместо этого. – Хорошие – «в некотором роде» – насколько я поняла.

– Сегодня утром я ее еще не видела, – пробормотала Найнив, по-прежнему глядя вслед Вандене. – Я не выходила из комнат.

Вдруг она встряхнулась и почему-то подозрительно уставилась на Илэйн. А потом – подумать только – на Лана. Тот невозмутимо продолжал нести караул.

Найнив утверждала, что брак ее великолепен – на этот счет с другими женщинами она бывала *поразительно* откровенна, – но Илэйн подумывала, что та врет, скрывая разочарование. Лан всегда был готов атаковать, готов сражаться, даже когда спит. Это все равно что лежать рядом с голодным львом. Кроме того, такое каменное лицо выстудит любое брачное ложе. К счастью, Найнив знать не знает о ее мыслях. Она и в самом деле улыбалась. Как ни странно, улыбка была довольной и… неужели снисходительной? Конечно, нет. Это игра воображения.

– Я знаю, где Реанне, – сказала Найнив. Шаль вновь сползла ей на локти. – Идем со мной. Я тебя отведу.

Илэйн точно знала, где могла быть Реанне, поскольку не сидела сиднем, как Найнив, но в очередной раз прикусила язычок и позволила Найнив идти впереди. Нечто вроде искупления за прежние споры, когда она пыталась уладить все миром. Лан двинулся следом, обегая коридоры холодным взглядом. Проходившие мимо слуги вздрагивали, когда на них падал этот взгляд. Моложавая светловолосая женщина, подхватив юбки, даже кинулась наутек, по пути налетев на светильник и чуть его не опрокинув.

Происшествие напомнило Илэйн об Элении и Ниан, и она рассказала Найнив о нападении на отряд, а заодно поведала и о шпионах. Ее рассказ Найнив восприняла довольно спокойно. Она согласилась с Илэйн, что очень скоро им станет известно, кто вызволил двух женщин, а на сомнения Сарейты ответила пренебрежительным фырканьем. Кстати, она выразила удивление, что их задолго до того не вытащили из самого Аринтилла.

– Когда мы прибыли в Кэймлин, я едва поверила, что они все еще в Аринтилле. Любому дураку было ясно, что рано или поздно их оттуда увезут. Из маленького городка их намного легче вызволить. – Маленький городок. Когда-то ей Аринтилл наверняка представлялся огромным городом. – А что до шпионов… – она окинула хмурым взглядом долговязого седоволосого мужчину,

наполнявшего маслом золоченый стоячий светильник, и покачала головой. – Конечно, здесь есть шпионы. Я с самого начала знала, что они должны быть. Просто нужно следить за тем, что говоришь, Илэйн. Ничего не говори тому, кого плохо знаешь, если только не хочешь, чтобы об этом не стало известно всем.

Когда говорить, а когда – нет, подумала Илэйн, пожевав губами. Следовать этому совету с Найнив иногда сущее наказание.

У самой Найнив тоже нашлось, чем поделиться. Восемнадцать женщин из Родни, с которыми они приехали в Кэймлин, были уже не во дворце. Хотя и не сбежали. Поскольку ни одна из них не была достаточно сильна для Перемещения, Найнив сама сплела переходные врата и отправила их в глубь Алтары, Амадиции и Тарабона, в захваченные Шончан страны, где они попытаются отыскать не скрывшихся еще членов Родни и привести их в Кэймлин.

Было бы просто замечательно, если в Найнив удосужилась уведомить ее вчера, когда те отбывали, а еще лучше – когда Найнив с Реанне договорились их послать. Тем не менее Илэйн не стала об этом упоминать, а вместо этого сказала:

– Очень храбрый поступок. Нелегко будет исполнить задание и не попасться.

– Да, они храбрые, – отозвалась Найнив несколько раздраженно. Ее рука вновь поползла к косе. – Но мы их отобрали не потому. Алис полагает, что они, вероятнее всего, сбежали бы, если в им не дали какое-нибудь поручение. – Покосившись через плечо на Лана, она отдернула руку. – Не пойму, как Эгвейн намерена это провернуть, – вздохнула Найнив. – Ну, сказали, что каждая из Родни будет как-то «связана» с Башней, но как именно? Большинство не настолько сильно, чтобы заслужить шаль. Многим даже не светит стать Принятыми. И уж точно им не захочется всю оставшуюся жизнь проторчать в послушницах или Принятых.

На сей раз Илэйн ничего не сказала потому, что не знала, что сказать. Обещание было дано; она сама его дала. Правда, от имени Эгвейн и по ее приказу, но слова произносила Илэйн, и своего обещания она не нарушит. Девушка, правда, не понимала, как сдержит слово, если только Эгвейн не явится с каким-нибудь поистине чудесным решением.

Реанне Корли оказалась именно там, где Илэйн и предполагала ее найти, в маленькой комнатке с двумя узкими окнами, что смотрели на небольшой дворик с фонтаном в глубине дворца. Впрочем, фонтан в это время года не работал, а в комнатке из-за закрытых рам было душновато. На полу, выложенном простыми темными плитками, не было ковров, а из мебели имелись лишь узкий стол и два стула. Когда в комнату вошла Илэйн, с Реанне

было двое женщин. Стоявшая у дальнего конца стола Алис Тенджиле, в простом сером платье с высоким воротом, подняла глаза на вошедших. С виду средних лет, Алис имела внешность приятную и ничем не примечательную, однако если узнать ее получше, становилось ясно, что она – весьма примечательная женщина, которая могла, когда этого требуется, быть весьма неприятной. Бросив всего один взгляд, она снова принялась рассматривать то, что лежало на столе. Айз Седай, Стражи и Дочь-Наследница больше не впечатляли Алис. Сама Реанне, в зеленом платье, куда более нарядном, чем у Алис, сидела сбоку стола; лицо ее было скорее морщинистым, а волосы – седыми, чем наоборот. Ее выставили из Башни после того, как она не прошла испытание на Принятую, теперь ей предложили второй шанс, и она уже приняла цвета Айя, в пользу которой склонился ее выбор. Напротив сидела пухлая темноглазая женщина в простом платье коричневой шерсти и с вызывающим упрямством неотрывно смотрела на Реанне, избегая глядеть на серебристый сегментированный *ай-'дам*, свернувшийся подобно змее на столе между ними. Впрочем, руки ее нервно поглаживали торец столешницы, а на лице Реанне играла самоуверенная улыбка, из-за которой стали явственнее тонкие морщинки в уголках ее глаз.

– Не говори мне, что переубедила кого-то из них, – сказала Найнив, прежде чем Лан успел закрыть за вошедшими дверь. Она хмуро уставилась на женщину в коричневом, словно хотела надрать ей уши, а то и поколотить, потом перевела взор на Алис. Илэйн подумала, что Найнив чуточку побаивается Алис. В Силе Алис была далеко не сильна – ей никогда не получить шали, – но она обладала редким качеством: если ей было надо, она могла командовать кем угодно, причем все вокруг принимали ее главенство. В том числе и Айз Седай. Илэйн подумала, что и сама, пожалуй, чуточку побаивается Алис.

– Они по-прежнему отрицают, что обладают способностью направлять Силу, – пробормотала Алис, сложив руки на груди, и, нахмурившись, посмотрела на женщину, сидевшую напротив Реанне. – Думаю, на деле они и не могут, но я чувствую… что-то. Это не совсем та искра, с которой женщина рождается, но почти та. Как будто они на самой грани способности направлять, словно не хватает одного шага, чтобы переступить эту грань. Никогда прежде ничего подобного не ощущала. Ладно. По крайней мере, они больше не бросаются на нас с кулаками. Думаю, в конце концов я наставлю их на путь истинный!

Женщина в коричневом ожгла ее угрюмым злым взглядом, но, наткнувшись на твердый взор Алис, резко отвела глаза, скривившись в болезненной гримасе. Когда Алис наставляла кого-то на

путь истинный, то наставляла всерьез и надолго. Руки женщины продолжали гладить столешницу; Илэйн подумала, что та вряд ли сознает, что делают ее руки.

– И они по-прежнему отрицают, что видят потоки, – промолвила Реанне своим высоким мелодичным голосом. Она все так же улыбкой отвечала на упрямый взгляд третьей женщины. Спокойствию и выдержке Реанне могла бы позавидовать любая Айз Седай. Она была главой Объединяющего Круга, высшего органа власти у Родни. Согласно их Правилу, Объединяющий Круг существовал только в Эбу Дар, но Реанне оставалась самой старшей по возрасту среди Родни в Кэймлине, на сто лет старше любой Айз Седай на памяти живущих, и властностью и спокойствием могла посоперничать с любой сестрой. – Они твердят, как заведенные, словно хотят убедить сами себя, что мы применяем какой-то трюк с Силой. Используем ее, чтобы заставить их поверить, что *ай'дам* способен удержать их. Раньше или позже, они устанут лгать. – Пододвинув к себе *ай'дам*, она ловким движением расстегнула застежку ошейника. – Попробуем еще, Марли?

Женщина в коричневом платье, которую назвали Марли, по-прежнему избегала смотреть на полоску серебристого металла в руках Реанне, но окаменела, и руки ее еще быстрее забегали по краю стола.

Илэйн вздохнула. Вот такой подарочек ей преподнес Ранд. Подарочек! Двадцать девять шончанских *сул'дам*, аккуратно скованных при помощи *ай'дамов*, и пять *дамани*. Ей было ненавистно это слово, означавшее «Те, кто на привязи», или «Обузданные», однако оно в точности выражало то, во что их превратили. Снять ошейники с пяти *дамани* было нельзя по той простой причине, что они попытались бы освободить шончанок, их самих державших в плену. Он бы еще придумал подарить связанных бечевкой леопардов. Леопарды хотя бы направлять не способны. Их отдали под надзор Родни, потому что больше некому было ими заниматься.

Тем не менее Илэйн ясно понимала, как надо поступить с *сул'дам*. Убедить их, что они способны направлять Силу, а потом отправить обратно к Шончан. Не считая Найнив, о плане Илэйн знали лишь Эгвейн, Авиенда и несколько женщин из Родни. Найнив и Эгвейн испытывали сомнения, но, как бы упорно *сул'дам* ни скрывали после возвращения, кто они такие, со временем кто-то да проговорится. Если они не доложат обо всем немедленно. Шончан – крайне чудной народ; даже *дамани* из Шончан искренне верили, что ошейник необходимо надеть на всякую способную направлять Силу женщину, для безопасности всех прочих. *Сул'дам*, с их способностью контролировать женщину, носящую

ай'дам, занимали у Шончан достаточно высокое положение и пользовались уважением. И вдруг оказывается, что *сул'дам* сами обладают способностью направлять Силу – такое могло до основания потрясти Шончан, а возможно, и расколоть их. План представлялся таким простым – вначале.

– Реанне, как я поняла, у тебя хорошие новости, – сказала Илэйн. – Если с *сул'дам* нет успехов, тогда что это за новости?

Алис хмуро глянула на Лана, безмолвно стоявшего на страже перед дверью – она не одобряла того, что ему известны их планы, – но ничего не сказала.

– Минутку обождите, пожалуйста, – пробормотала Реанне. Это была вовсе не просьба. Найнив и вправду слишком хорошо справилась со своей задачей. – Ей слышать незачем.

Вокруг Реанне вдруг засияло свечение *саидар*. Направляя Силу, Реанне шевелила пальцами, словно отслеживая потоки Воздуха, которыми была привязана к стулу Марли, потом развязала их и сложила руки в пригоршню, как бы формируя перед своим взором малого стража, который она сплетала вокруг женщины, чтобы та ничего не слышала. Эти жесты, разумеется, не были частью работы с Силой, но они были необходимы Реанне, поскольку именно так она научилась плетению. Губы *сул'дам* слегка искривились в протесте. Ее Единая Сила вообще не пугала.

– Времени полно, – ядовито обронила Найнив, уперев руки в боки. – Спешить совсем некуда. – Реанне не пугала ее так, как Алис.

Обратное, кстати, тоже было верно: Реанне больше не опасалась Найнив. Реанне и не спешила, изучая свою работу, затем удовлетворенно кивнула и встала. Прежде Родня всегда старалась направлять как можно меньше, и Реанне ныне испытывала огромное удовольствие, обращаясь к *саидар* свободно и так часто, как ей хотелось, к тому же она всегда гордилась удачно сделанным плетением.

– Хорошая новость, – сказала Реанне, расправляя юбки, – в том, что три *дамани* вроде как готовы отказаться от своих ошейников. Наверное.

Илэйн вздернула брови и обменялась изумленными взглядами с Найнив. Из пяти *дамани*, переданных Таимом, одна была захвачена Шончан на Мысе Томан, а другая – в Танчико. Остальные прибыли из Шончан.

– Две из шончанок, Марилле и Джиллари, по-прежнему говорят, что они *заслуживают* ошейника, что их *необходимо* держать в ошейниках, – Реанне с отвращением поджала губы. – Кажется, перспектива свободы действительно приводит их в ужас. Аливия же перестала нести этот вздор. Теперь она говорит, что вела себя

так из страха снова быть пойманной. Говорит, что ненавидит всех *сул'дам*, и чуть ли не целое представление устроила. Рычала на них, проклинала, но… – она с сомнением медленно покачала головой. – Илэйн, на нее надели ошейник в тринадцать-четырнадцать лет, точно она не знает, и она была *дамани* на протяжении *четырехсот лет*! Кроме того, она… она… Аливия существенно сильнее Найнив, – торопливо договорила Реанне. Возраст эти женщины из Родни могли обсуждать в открытую, но разделяли нежелание Айз Седай говорить об уровне возможностей в Силе. – Осмелимся ли мы ее отпустить? Шончанский дичок, способный разнести дворец по кирпичикам? – На дичков Родня смотрела так же, как и Айз Седай. Большинство из них.

Знавшие Найнив сестры научились употреблять в ее присутствии слово «дичок» с осторожностью. Произнесенное пренебрежительным тоном, оно могло привести ее в сварливое настроение. Сейчас же она просто уставилась на Реанне. Возможно, пыталась подыскать достойный ответ. Илэйн знала, каков был бы ее собственный ответ, но ни к трону, ни к Андору это дело не имело никакого отношения. Решать надлежало Айз Седай, а это означало, что решать будет Найнив.

– Если не осмелитесь, – негромко произнес от двери Лан, – то с тем же успехом можете отправить ее обратно к Шончан. – Его ничуть не смутили мрачные взгляды, которыми наградили его четыре женщины, услышав его глубокий голос. Сказанные Ланом слова прозвучали словно звон погребального колокола. – Вам придется не спускать с нее глаз ни днем ни ночью, но если оставите ее в ошейнике, когда она хочет освободиться от него, тогда вы ничем не лучше Шончан.

– Не тебе об этом говорить, Страж, – твердо отрезала Алис. Ее суровый взгляд он встретил с непоколебимым хладнокровием, и она недовольно хмыкнула и вскинула руки. – Найнив, тебе нужно будет с ним как следует поговорить наедине.

Должно быть, Найнив особенно сильно ощутила страх перед Алис, потому что щеки у нее порозовели.

– Конечно, обязательно с ним потолкую, – с живостью отозвалась она. На Лана Найнив вообще не смотрела. Наконец соблаговолив заметить, что в комнате не жарко, она накинула шаль на плечи и откашлялась. – Тем не менее он прав. По крайней мере, о тех двоих нам не придется беспокоиться. Я просто удивлена, что они так долго подражали этим шончанским дурам.

– Я не так уверена, – вздохнула Реанне. – Кара, как ты знаешь, на Мысе Томан была кем-то вроде мудрой женщины. В своей деревне пользовалась очень большим влиянием. Разумеется, дичок. Можно было подумать, что она ненавидит Шончан, но нет,

не всех. Она очень любит *сул'дам*, захваченную вместе с нею, и очень беспокоится, чтобы мы не причинили вреда *кому-то* из *сул'дам*. Леморе всего девятнадцать, изнеженная знатная девушка, которой крайне не повезло, что ее искра проявила себя в тот самый день, когда пал Танчико. Говорит, ненавидит Шончан и хочет отплатить им за то, что они сделали с Танчико, но на данное ей как *дамани* имя Лари она откликается с той же готовностью, что и на имя Лемора. И она улыбается *сул'дам* и позволяет им ласкать себя. Не точтобы я сомневалась в них, как в случае с Аливией, но думаю, что перед *сул'дам* они не устоят. По-моему, если *сул'дам* прикажет кому-то из них помочь ей бежать, они подчинятся. И боюсь, не слишком-то станут сопротивляться, если *сул'дам* попытается снова надеть на них ошейник.

Реанне договорила, и повисла напряженная тишина.

Найнив будто смотрела куда-то вглубь себя, борясь сама с собой. Она схватилась за косу, потом отпустила ее и, сложив руки, крепко прижала их к груди. Закачалась бахрома на шали. На всех, кроме Лана, она смотрела волком. На него она вообще едва взглянула.

Наконец Найнив сделала глубокий вдох и, выпрямившись, повернулась к Реанне и Алис.

– Мы должны снять *ай'дамы*. Все трое останутся с нами, пока мы не будем в них уверены. А Лемору потом нужно будет одеть в белое! И мы обязаны не оставлять их одних, особенно с *сул'дам*, но *ай'дамы* – долой! – Она говорила пылко, будто ожидала противодействия, но по лицу Илэйн расползлась широкая одобрительная улыбка. Вряд ли можно счесть за хорошую новость прибавление еще трех женщин, на которых нельзя положиться до конца, однако иного выбора нет.

Реанне – спустя пару мгновений – просто кивнула в знак согласия, но улыбающаяся Алис обошла стол и похлопала Найнив по плечу, отчего та и впрямь вспыхнула. Она попыталась скрыть смущение, громко откашливаясь и строя гримасы шончанке, сидевшей в клетке из *саидар*, но ее усилия не достигли цели, а Лан так и вовсе их перечеркнул.

– *Тай'шар Манетерен*, – тихо произнес он.

У Найнив отвисла челюсть, потом она сумела изогнуть дрогнувшие губы в улыбке. В глазах ее неожиданно заблестели слезы, и она с сияющим от радости лицом резко повернулась к нему. Лан улыбнулся ей в ответ, и в глазах его не было ничего, что напоминало бы холод.

Илэйн чуть не раскрыла от изумления рот, с трудом сохранив самообладание. О Свет! Может, он и впрямь не замораживает супружеское ложе. При этой мысли она ощутила легкий жар на

щеках. Илэйн старалась не смотреть на Лана и Найнив, и взор ее упал на Марли, по-прежнему привязанную к стулу. Шончанка глядела прямо перед собой, по ее пухлым щекам катились слезы. Глядела она прямо перед собой. На плетения, не позволявшие ей слышать говорившееся в комнате. Теперь она не могла отрицать, что видит плетения. Но когда Илэйн поделилась своим наблюдением с Реанне, та покачала головой.

– Они все плачут, Илэйн, если их заставляют слишком долго смотреть на плетения, – сказала она устало и с ноткой печали. – Но как только плетения пропадают, они принимаются убеждать себя, что мы их обманули. И, сама понимаешь, убеждают. Иначе бы они были *дамани*, а не *сул'дам*. Нет, понадобится время, чтобы убедить Госпожу Гончих в том, что и сама она – собака. Боюсь, хороших новостей я тебе так и не сообщила, да?

– Ну, не слишком много, – сказала Илэйн. По правде говоря, никаких. Просто к куче разных проблем прибавилась еще одна. Интересно, сколько плохих известий нужно свалить в кучу, чтобы она наконец погребла тебя под собой? Ей нужно услышать что-нибудь хорошее, и поскорее.

Глава 9

ЧАШКА ЧАЯ

Оказавшись в своей гардеробной, Илэйн торопливо сменила одежду, в которой выезжала в город на верховую прогулку. Переодеваться ей помогала Эссанде, седоволосая служанка в летах, которую Илэйн выбрала себе в камеристки. Худая, преисполненная достоинства женщина двигалась несколько медленно, но свое дело знала и на пустую болтовню времени не тратила. На самом деле она вообще редко говорила что-нибудь, не считая предложений, какой наряд выбрать, и каждодневных замечаний, что Илэйн очень похожа на мать. На толстых чурбаках в широком мраморном камине в конце комнаты играли языки пламени, но огонь был почти бессилен против холодного воздуха. Илэйн поспешно натянула платье из тонкой синей шерсти, украшенное на высоком вороте и по рукавам узорами из мелкого неровного жемчуга, застегнула на талии затканный серебром пояс с маленьким кинжалом в серебряных ножнах, а ноги сунула в шитые серебром синие туфли. Возможно, перед встречей с купцами на переодевание не будет времени, а на них нужно произвести впечатление. Надо, чтобы на аудиенции присутствовала Бергитте – она производила сильное впечатление своей формой. И Бергитте воспримет как передышку даже пустопорожние речи купцов. Судя по горячему раздраженному узлу, таившемуся в глубине сознания Илэйн, Капитан-Генерал Гвардии Королевы с трудом продиралась через бумажные завалы, находя представленные доклады неудобочитаемыми.

Застегнув в ушах сережки из связок жемчуга, Илэйн отпустила Эссанде к ее камину, во флигель пенсионеров. Хотя от предложенного Исцеления камеристка отказалась, Илэйн подозревала, что у той болят суставы. В любом случае Илэйн была уже готова к выходу. Корону Дочери-Наследницы надевать не надо; можно оставить ее на туалетном столике, на костяной шкатулке с драгоценностями. А драгоценностей у Илэйн было не очень много; большая часть уже заложена, а остальным, как и столовой посуде, грозит та же судьба. Сейчас бессмысленно об этом волноваться. Еще пара минут наедине с собой, а потом нужно впрягаться в телегу обязанностей.

В противоположных концах ее гостиной, где стены были обшиты темными панелями, а широкие карнизы украшены резными изображениями птиц, горели два высоких камина, с вычурными

полками сверху. Тепла от них было куда больше, чем от одного в гардеробной, но и тут на белом мозаичном полу ковры лежали в несколько слоев. К удивлению Илэйн, в гостиной обнаружился Халвин Норри. Телега долга, как видно, поджидала совсем рядом.

Старший писец, когда Илэйн вошла в комнату, встал со стула с низкой спинкой, прижав к узкой груди кожаную папку, обошел украшенный завитушками стол в центре комнаты и неловко поклонился. Норри был худ, высок и длиннонос, редкие короткие волосы торчали за ушами пучками белых перьев. Он частенько напоминал ей цаплю. На подоле алой ливреи красовалось маленькое чернильное пятнышко, хотя под началом Норри находились все дворцовые писцы. Впрочем, клякса имела застарелый вид, и Илэйн подумала, не скрывает ли папка еще несколько таких же пятен на груди. Эта папка появилась в руках Норри, когда он начал носить форменное платье, через два дня после того, как это сделала госпожа Харфор. Оставалось неясным, облачился ли он в ливрею в знак лояльности или просто потому, что так поступила главная горничная.

– Прошу простить меня за настойчивость, миледи, – сказал он, – но я полагаю, что дела, с которыми я к вам явился, если и не безотлагательны, то представляют определенную важность. – Невзирая на важность этих дел, голос старшего писца звучал все так же монотонно.

– Разумеется, мастер Норри. Я не хотела бы заставлять вас проявлять настойчивость. – Он заморгал, глядя на нее, и она сдержала тяжкий вздох. Илэйн казалось, что Норри слегка глуховат, судя по тому, как он наклонял голову то туда, то сюда, словно стараясь получше расслышать. Может, поэтому голос его всегда столь монотонен. А может, он просто зануда. Илэйн заговорила погромче. – Присаживайтесь и расскажите, что это за важные дела.

Илэйн уселась на один из резных стульев, стоявших в стороне от стола, и жестом указала Норри на другой, но старший писец остался стоять. Как всегда. Илэйн, скрестив ноги и оправив юбки, приготовилась слушать.

В папку мастер Норри не заглядывал. Все, что было в бумагах, было и у него в голове, а брал он их с собой на тот случай, если Илэйн пожелает сама просмотреть доклады.

– Самое неотложное, миледи, и, пожалуй, самое важное: в ваших поместьях у Данабара открыты большие залежи квасцов. Первоклассных квасцов. Полагаю, банкиры, узнав о них, будут… м-м… выказывать меньше колебаний относительно моих запросов от вашего имени, – он коротко улыбнулся, лишь на миг изогнув тонкие губы. Но для него это было все равно, что в пляс от радости пуститься.

При упоминании о квасцах Илэйн выпрямилась и улыбнулась куда шире. Ей тоже хотелось прыгать от радости. И будь ее собеседником не Норри, а кто-то другой, глядишь, и запрыгала бы. Восторг был настолько силен, что на миг она ощутила, как ослабела раздражительность Бергитте. Квасцы в значительных количествах требовались красильщикам и ткачам, а среди прочих – стекловарам и изготовителям бумаги. Единственным источником высококачественных квасцов являлся Гэалдан – так, по крайней мере, было до недавнего времени, – и одних налогов на торговлю хватало на поддержание трона Гэалдана целые поколения. Квасцы, поставляемые из Тира и Арафела, были не столь высокого качества, однако приносили им в государственную казну почти столько же, сколько давали оливковое масло и драгоценности.

– Это очень важное известие, мастер Норри. Самое лучшее за весь сегодняшний день. – Скорее даже, самое лучшее с того дня, как Илэйн возвратилась в Кэймлин, но на сегодня уж точно замечательное. – Как скоро удастся преодолеть «колебания» банкиров?

Нельзя сказать, что те захлопывали у нее перед носом двери, не так грубо, конечно. Банкиры хорошо знали, сколько у нее сейчас мечей и сколько мечей за теми, кто ей противостоит. Но она не сомневалась, что на запасы квасцов они слетятся как мухи на мед. Ничуть не сомневался и Норри.

– Очень скоро, миледи, и, полагаю, на весьма выгодных условиях. Я скажу, что если их предложения будут недостаточно интересными, я обращусь в Тир или в Кайриэн. Они не пойдут на риск потерять клиентуру, миледи, – это было сказано все тем же сухим, ровным голосом, без намека на самодовольство, от чего не удержался бы на его месте любой другой. – Это будут займы в счет будущих доходов, разумеется, и предстоят также дополнительные траты. Сама добыча. Доставка. Данабар – местность гористая, и месторождение находится на удалении от Лугардского тракта. Тем не менее займов будет достаточно, чтобы удовлетворить ваши предполагаемые затраты на Гвардию, миледи. И на вашу Академию.

– «Достаточно» – вряд ли подходящее слово, мастер Норри, если только вы не оставите попыток отговорить меня от планов на Академию, – чуть ли не со смехом промолвила Илэйн. Своим ревнивым отношением к андорской казне он напоминал клушу с одним цыпленком и был тверд как кремень, противясь ее решению взять на содержание школу, основанную по распоряжению Ранда в Кэймлине. Он повторял свои доводы, пока голос его не превращался в бурав, сверливший ее череп. До сих пор школа представляла из себя несколько десятков ученых с учениками,

разбросанных по разным гостиницам в Новом Городе, но даже зимой желающие прибывали каждодневно, и места требовалось все больше. Дворец им предоставлять она не собиралась, но где-то разместить их все-таки нужно. Норри пытался сберечь золото Андора, но Илэйн смотрела в будущее. Близился *Тармон Гай'дон*, но она верила, что и после него их ждет какое-то будущее, независимо от того, разломает Ранд мир снова или нет. Иначе вообще бессмысленно что-то делать, а просто сидеть и ждать – не в ее характере. Даже знай она наверняка, что Последняя Битва станет концом всего, она не стала бы сидеть сложа руки. Ранд затеял школы на случай, если, разламывая мир, он погибнет, и надеялся хоть что-то сохранить, но эта школа будет школой Андора, а не Ранда ал'Тора. Академия Розы, посвященная памяти Моргейз Траканд. Будущее должно быть, и в этом будущем не забудут ее мать. – Или вы решили, что в конце концов кайриэнское золото можно отследить до Возрожденного Дракона?

– Я по-прежнему считаю, миледи, что риск очень мал, но его не стоит принимать во внимание в свете того, что я только что узнал из Тар Валона. – Тон Норри не изменился, но писец явно был взволнован. Пальцы его забарабанили по прижатой к груди кожаной папке, напоминая танцующих пауков, потом замерли. – Э-э… м-м… Белая Башня выступила с декларацией, которой признает… м-м… лорда Ранда Драконом Возрожденным и предлагает ему… м-м… защиту и руководство. Воззвание также предает анафеме любого, кто вступает с ним в переговоры иначе как через Башню. Сами понимаете, миледи, благоразумно остерегаться гнева Тар Валона.

Он со значением взглянул на кольцо Великого Змея на ее руке, лежавшей на резном подлокотнике. Разумеется, Норри был осведомлен о расколе в Башне – о нем теперь знали, пожалуй, все, кроме разве что какого-нибудь фермера, проживавшего на отшибе в Селейзине, – однако Норри был чересчур осторожен, чтобы поинтересоваться, на чьей она стороне. Впрочем, очевидно, что вместо «Белая Башня» он хотел сказать «Престол Амерлин». И одному Свету ведомо, что могло прозвучать вместо «лорд Ранд». Илэйн ни в чем его не упрекала. Норри был осторожным человеком, а на его должности подобное качество отнюдь не лишне.

Саму же Илэйн воззвание Элайды ошеломило. Нахмурясь, она задумчиво потрогала кольцо пальцем. Такое кольцо Элайда носит дольше, чем Илэйн живет на свете. Элайда заносчива, упряма, в своих ошибках признаваться не любит, глуха к чужому мнению, но она – не дура. Отнюдь не дура.

– Неужели она думает, что он *примет* подобное предложение? – задумчиво спросила она, скорее у самой себя. – Защиту и *руковод-*

ство? Не представляю лучшего способа оттолкнуть его!

Руководство? Никому не удастся направлять Ранда, это вам не плот с шестом!

– Если верить моей корреспондентке в Кайриэне, то он, возможно, уже принял предложение. – Если бы кто предположил, что Норри возглавляет шпионскую сеть, тот содрогнулся бы. Ну, во всяком случае, с отвращением скривил бы рот. Старший писец ведает казной, руководит клерками, которые занимаются хозяйством столицы, и дает советы трону по ведению финансовых и иных дел. Разумеется, у него нет сети соглядатаев, наподобие «глаз-и-ушей», какие есть у Айя или даже у отдельных сестер. Но он регулярно обменивается письмами со знающими и зачастую связанными между собою людьми в других столицах – чтобы советы его звучали с учетом происходящих в мире событий. – Она отсылает голубя только раз в неделю. По-видимому, перед тем как она отправляла последнего, кто-то атаковал Солнечный дворец, используя Единую Силу.

– Силу? – воскликнула Илэйн, потрясенно подавшись вперед.

Норри кивнул. С таким видом он мог бы докладывать о текущем состоянии ремонта улиц.

– Так сообщает моя корреспондентка, миледи. Возможно, Айз Седай, или Аша'маны, или даже Отрекшиеся. Боюсь, она идет на поводу у слухов. Крыло, где располагались апартаменты Дракона Возрожденного, сильно разрушено, и сам он исчез. Широко распространено мнение, что он отправился в Тар Валон, дабы преклонить колени перед Престолом Амерлин. Некоторые верят, что он погиб при нападении, но их немного. Советую вам ничего не предпринимать, пока картина не прояснится. – Он помолчал, задумчиво склонив голову. – Исходя из всего того, что я видел, миледи, – медленно произнес он, – лично я не поверю, что он мертв, пока не просижу три дня рядом с его трупом.

Илэйн чуть не вытаращила глаза. Это же почти шутка. По меньшей мере, неуклюжая острота. И от кого – от Халвина Норри! Она и сама не верит, что Ранд мертв. Она не верит в его гибель. Как и в то, что он встанет на колени перед Элайдой – Ранд чересчур упрям, чтобы кому-то подчиниться. Какой уймы трудностей можно было бы избежать, если бы он заставил себя преклониться перед Эгвейн, но этого от него не дождаться, а она-то ведь друг детства. У Элайды же столько же шансов подчинить его, как у козы – получить приглашение на придворный бал, тем более, когда он узнает о ее воззвании. Тогда кто же напал на него? Наверняка не Шончан, они не могли добраться до Кайриэна. Если же кто-то из Отрекшихся решил выступить в открытую, это означает больший хаос и разрушения, чем уже обрушились на мир,

но хуже всего, если напали Аша'маны. Если против Ранда обратились его же творения… Нет! Она не может его защитить, как бы он ни нуждался в защите. Ему придется заботиться о себе самому.

Вот глупый мужчина! – мысленно проворчала Илэйн. *Вероятнее всего, расхаживает со знаменами, как будто никто вообще его убить не пытался! Ты должен о себе позаботиться получше, Ранд ал'Тор! Иначе, когда я до тебя доберусь, то надаю вдосталь пощечин!*

– Что еще сообщают ваши корреспонденты, мастер Норри? – вслух спросила Илэйн, отогнав мысли о Ранде. Она до него еще не добралась, и ей нужно сосредоточиться на том, чтобы удержать в своих руках Андор.

Корреспонденты Норри сообщали многое, хотя некоторые новости устарели. Не все авторы писем пользовались голубями, и письма, переданные через доверенных купцов, и в лучшие времена доходили до адресата через месяцы. Ненадежные купцы брали плату за почту, а о доставке писем не тревожились. Мало кто имел средства нанимать курьеров. У Илэйн на уме была мысль обзавестись Королевской почтой – если когда-нибудь позволит ситуация. Норри был огорчен тем фактом, что последние известия из Эбу Дар и Амадора опоздали – о событиях в этих странах уже давно толковали на улицах.

Да и не все новости были важны. Ведь авторы писем и не были на самом деле «глазами-и-ушами»; они просто сообщали новости о своем городе, о разговорах при дворе. В Тире говорили, что все больше и больше кораблей Морского Народа приходят через Пальцы Дракона без лоцманов и что теперь они совершенно запрудили реку у города; обсуждали слухи, будто суда Морского Народа сражались на море с Шончан, хотя это чистые слухи. В Иллиане было спокойно, там полным-полно войск Ранда, отведенных на отдых после сражения с Шончан; больше ничего не знали; неизвестно даже, был ли Ранд в городе или нет. Королева Салдэйи до сих пор не вернулась из долгой поездки по стране, о чем Илэйн уже знала, но, как оказалось, и королеву Кандора несколько месяцев не видели в Чачине, а король Шайнара предположительно по-прежнему пребывал с инспекцией на границе Запустения, хотя по всем сообщениям Запустение притихло более, чем когда бы то ни было на памяти многих поколений. В Лугарде король Роэдран собирал под свои знамена всех благородных господ, кто способен привести с собой отряды дружинников, и в городе, который и без того беспокоили две армии, вставшие лагерем у границы с Андором, причем в одной – полно Айз Седай, а в другой – андорцев, теперь волновались о том, что затевает такой распутный мот вроде Роэдрана.

– А каков будет ваш совет? – спросила Илэйн, когда Норри закончил доклад, хотя и не нуждалась в его совете. По правде говоря, ей и прежде не нужны были советы. Все это происходило слишком далеко и вряд ли могло оказать влияние на Андор. Многие же сообщения просто не важны, хоть и дают представление о событиях в других странах. Тем не менее от Илэйн ждали такого вопроса, даже если обоим собеседникам известен ответ – который она уже получила: «Ничего не делать», – и обычно Норри с ответом не тянул. Но на этот раз, хотя Муранди не так уж далеко и события в ней нельзя было назвать неважными, он колебался, задумчиво шевеля губами. Норри бывал медлителен и порой занудлив, но колебался он нечасто.

– В этом случае, миледи, у меня нет совета, – наконец промолвил он. – В обычных условиях я бы посоветовал послать к Роэдрану эмиссара, чтобы попытаться выяснить его цели и причины происходящего. Возможно, он испуган событиями на севере или же набегами айильцев, о которых мы столь наслышаны. И еще, хотя за Роэдраном никогда не замечали амбициозности, он может предпринять поход в северную Алтару. Или в Андор, в нынешних обстоятельствах. К несчастью… – По-прежнему прижимая папку к груди, он повел одной рукой в сторону и вздохнул – то ли виновато, то ли огорченно.

К несчастью, Илэйн пока еще не королева, и с ее посольством Роэдран встречаться не станет. Если ее притязания на трон окажутся тщетными, а он примет ее посланца, то добившийся успеха претендент может впоследствии в качестве урока оттяпать кусок Муранди, тем паче что лорд Луан с компанией уже занял часть спорной территории. Благодаря Эгвейн о событиях на границе Андора и Муранди Дочь-Наследница была осведомлена лучше старшего писца. Свой источник информации Илэйн раскрывать не собиралась, но решила успокоить огорченного Норри. Должно быть, именно об огорчении и свидетельствовали его поджатые губы: знает, что нужно сделать, и не понимает, как это сделать.

– Я знаю о целях Роэдрана, мастер Норри. Он нацелился на саму Муранди. Андорцы в Муранди приняли вассальные клятвы от мурандийской знати на севере, отчего остальные занервничали. И есть крупный отряд наемников – вообще-то это Принявшие Дракона, но Роэдран считает их наемниками. Он тайно их нанял, чтобы они, после ухода прочих армий, оставались в стране. Прикрываясь тем, что они якобы представляют угрозу Муранди, он планирует воспользоваться этим и покрепче привязать к себе знать. И чтобы потом, когда угроза исчезнет, никто не решился бы отколоться. В будущем, в случае успеха его плана, Роэдран, возможно, будет представлять некоторую опасность – первым

делом ему захочется вернуть те северные земли, – но в настоящее время для Андора он не столь важен.

Глаза Норри расширились, он, изучая девушку взглядом, склонил голову сначала к одному плечу, потом к другому. И, облизнув губы, сказал:

– Это многое объясняет, миледи. Да. Да, объясняет, – он вновь провел языком по губам. – Мой корреспондент в Кайриэне отметил еще одно обстоятельство, о котором я… мм… забыл упомянуть. Как вы, возможно, осведомлены, о вашем намерении получить Солнечный Трон там хорошо известно, и оно пользуется широкой поддержкой. Судя по всему, многие кайриэнцы в открытую высказывают готовность выступить в Андор и помочь вам обрести Львиный Трон, дабы вскоре вы смогли занять и Солнечный. Думаю, вам, наверное, не требуется моего совета относительно подобных предложений?

Илэйн кивнула, как ей показалось, вполне вежливо в подобных обстоятельствах. Помощь из Кайриэна куда хуже армии наемников, уж слишком много войн случалось между Андором и Кайриэном. Он не мог об этом забыть. Халвин Норри никогда ничего не забывал. Так почему он решился рассказать, а не промолчал, позволив событиям захватить Илэйн врасплох? Она могла ни о чем не подозревать до самого прибытия ее кайриэнских сторонников. Неужели на него произвела впечатление выказанная ею осведомленность? Или же он почувствовал опасение, что она узнает и то, о чем он умолчал? Норри терпеливо ждал – высохшая цапля в ожидании… чего – рыбы?

– Мастер Норри, пусть подготовят письмо, за моей подписью и с моей печатью. Его нужно будет разослать по всем главным Домам Кайриэна. Начать надо с изложения моих прав на Солнечный Трон как дочери Тарингейла Дамодреда, далее отметить, что я явлюсь заявить о своих правах, когда в Андоре станет поспокойнее. Укажите, что я не приведу с собой солдат, так как понимаю, что андорские солдаты на кайриэнской земле по праву возбудят против меня весь Кайриэн. Закончите выражением моей признательности за поддержку, предложенную мне, и выскажите мою надежду, что всякие раздоры в Кайриэне можно будет уладить миром. – Разумный прочтет смысл послания между строк, а если повезет, то разъяснит его и тому, кто не настолько сообразителен.

– Искусный ответ, миледи, – сказал Норри, ссутулив плечи в подобии поклона. – Я распоряжусь о послании. Позвольте спросить, миледи, найдется ли у вас время подписать счета? Ах, неважно. Я попозже пришлю кого-нибудь за ними. – Отвесив вежливый поклон, столь же неуклюжий, как и прежде, он собрался было уйти, но замешкался. – Прошу простить мою смелость, ми-

леди, но смею заметить – вы очень напоминаете мне покойную королеву, вашу матушку.

Глядя на закрывшуюся за Норри дверь, Илэйн терялась в догадках, числить ли его в своем лагере. Управлять без клерков Кэймлином, не говоря уже об Андоре, невозможно, а у старшего писца достанет при желании власти поставить королеву на колени. Но похвала – это еще не заявление о верности.

На долгие раздумья ей времени не дали, поскольку, едва Норри удалился, вошли три служанки в ливреях с серебряными подносами, которые они поставили в ряд на длинный стол у стены.

– Главная горничная сказала, что миледи забыла послать за обедом, – промолвила, присев в реверансе, круглолицая седовласая женщина. Потом она указала на своих более молодых спутниц, которые сняли с подносов высокие крышки: – Поэтому она оставила выбор за миледи.

Ах да, выбор. Глядя на подносы и качая головой, Илэйн напомнила себе, сколько времени минуло после завтрака, который она наскоро проглотила с восходом солнца. На тарелках обнаружились нарезанное седло барашка под горчичным соусом, жареный с сушеным инжиром каплун, сладкие хлебцы с кедровыми орешками, суп-пюре из картофеля и лука-порея, капустные рулеты с изюмом и перцем, грушевый сок, не говоря уже о маленькой тарелочке с яблочным пирогом и еще одной, с пропитанными вином бисквитами с вареньем, увенчанными густыми сливками. Пар поднимался над двумя широкими серебряными кувшинами с вином – на случай, если она окажет предпочтение какому-то определенному сорту пряностей. В третьем кувшине был горячий чай. И в угол одного подноса, едва ли не пренебрежительно, были задвинуты тарелки с той едой, какую она всегда просила в это время дня – жидким мясным супом с овощами и хлеб. Рин Харфор не одобряла такого питания и называла Илэйн «худой как щепка».

Своего мнения главная горничная особенно не таила, поэтому не удивительно, что седовласая служанка сделала укоризненное лицо, когда по указанию Илэйн ставила на стол в середине комнаты, предварительно застеленный белой льняной салфеткой, хлеб, суп и чай. Еще она поставила голубую чашку с блюдцем из тонкого фарфора и серебряную вазочку с медом. И положила несколько фиг на тарелочке. Набьешь в обед брюхо, а днем башка тупеет, так говаривала Лини. Однако мнение старой няни разделяли не все. Явившиеся служанки были весьма пухленькими, и даже молодые, унося оставшиеся блюда, имели несколько разочарованный вид.

Суп оказался очень хорош, горячий, слегка приправленный специями, а чай имел приятный мятный привкус, но надолго Илэйн наедине с едой не оставили – как и с мыслью, что вполне можно было побаловать себя *маленьким* кусочком бисквита со сливками. Девушка успела проглотить всего пару ложек, когда в комнату, тяжело дыша, зеленым вихрем ворвалась Дайлин. Отложив ложку, Илэйн предложила ей чаю, лишь потом сообразив, что чашка-то всего одна – из которой она пьет сама, однако Дайлин отмахнулась от предложения. На лице ее было крайне мрачное выражение.

– В Браймском Лесу – армия, – заявила Дайлин, – какой не видели со времен Айильской Войны. Известие о ней этим утром принес купец, прибывший из Нового Брайма. Он иллианец, зовут Тормон, человек надежный и заслуживает доверия. Фантазии волю давать не станет, от теней не шарахается. Он сказал, что видел арафельцев, кандорцев и шайнарцев, в разных местах. Вместе их там – тысячи. Десятки тысяч, – рухнув в кресло, она принялась обмахиваться ладонью. Лицо ее раскраснелось, словно она бежала, чтобы поскорее сообщить эту новость. – Что, во имя Света, делают Порубежники возле андорской границы?

– Готова поспорить, это Ранд, – сказала Илэйн. Сдержав зевок, она допила чай и вновь наполнила чашку. Утро выдалось утомительное, но немного чаю ее взбодрит.

Дайлин перестала обмахиваться и села прямо.

– Думаешь, это он их послал, да? Чтобы… помочь тебе?

Такой вариант в голову Илэйн не приходил. Иногда она жалела, что позволила Дайлин узнать о своих чувствах к Ранду.

– Не могу подумать, что он был… то есть, что он мог быть *настолько* глуп.

Свет, как же она устала! Иногда Ранд вел себя так, будто он – король всего мира, но наверняка он не мог… Не мог… Что именно он не мог, как-то ускользало от нее.

Илэйн подавила еще один зевок, и вдруг глаза ее расширились. Девушка уставилась в чашку с чаем. Прохладный, мятный привкус. Осторожно она поставила чашку или, вернее, попыталась поставить. Чуть не попала мимо блюдца, чашка опрокинулась, чай разлился по столешнице. Чай, приправленный корнем вилочника. Уже понимая бесполезность своей попытки, Илэйн потянулась к Источнику, надеясь наполнить себя жизнью и восторгом *саидар*, но с тем же успехом она могла бы ловить сетью ветер. В уголке сознания по-прежнему ютилась все еще раздраженная, хоть и поменьше, Бергитте. Отчаянным усилием воли Илэйн старалась обуздать панический страх. Голову будто шерстью забили, все в ней было тусклым, притупленным. *Помоги мне, Бергитте!*

– подумала она. – *Помоги мне!*

– Что такое? – спросила Дайлин, подавшись вперед. – Ты о чем-то подумала, и, судя по твоему лицу, это нечто ужасное.

Илэйн заморгала, глядя на нее. Она совсем забыла о присутствии Дайлин.

– Ступай! – заплетающимся языком произнесла Илэйн, потом с трудом сглотнула, пытаясь прочистить горло. Язык будто распух и стал раза в два больше. – Приведи помощь! Меня… отравили! – На объяснения времени не было. – Иди!

Дайлин, застыв на месте, с раскрытым ртом смотрела на нее, потом вскочила на ноги, сжав рукоять поясного ножа.

Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунул голову кто-то из слуг. Илэйн испытала огромное облегчение. При свидетеле Дайлин ее не зарежет. Слуга облизнул губы, взгляд его перескакивал с одной женщины на другую. Потом он переступил порог комнаты. Вытаскивая из ножен на поясе длинный кинжал. Следом вошли еще двое мужчин в красно-белых ливреях, они тоже доставали длинные ножи.

Я не умру, как котенок в мешке, горько подумала Илэйн. Она с усилием поднялась на ноги. Колени подгибались, и ей пришлось опереться одной рукой о стол, но второй она вытащила свой кинжал. Украшенный насечкой клинок был в длину не больше ладони, но оружием тем не менее неплохим. Если бы… Если бы пальцы не одеревенели. Обезоружить ее мог и ребенок. *Только не сдаваться*, подумала Илэйн. Она двигалась точно в густом сиропе, но была полна решимости. *Только не сдаваться!*

Казалось, прошло до странного мало времени. Дайлин едва успела повернуться к своим прихвостням, последний из которых только что затворил за собой дверь.

– Убийство! – взвыла Дайлин. Схватив кресло, она швырнула его в мужчин. – Стража! Убийство! Стража!

Убийцы попытались увернуться от брошенного кресла, но один промедлил, и кресло угодило ему в ноги. С воплем он повалился на того, кто был позади, и оба упали. Третий, худощавый, светловолосый и молодой, с ярко-синими глазами, отскочил и двинулся вперед, выставив нож.

Дайлин встретила его своим – удар наотмашь, потом выпад, но противник, проворный как хорек, с легкостью ушел от ее атаки. Взмах длинного клинка, и Дайлин с криком отшатнулась, прижимая руку к животу. Убийца легко шагнул вперед, нанося прямой удар, и она закричала и упала, как тряпичная кукла. Он переступил через нее, направляясь к Илэйн.

Кроме него и ножа в его руке не существовало ничего больше. Он не спешил. Приближался упругим спокойным шагом, насто-

роженно глядя на нее своими синими глазами. Ну, конечно. Он знает, что она – Айз Седай. Гадает, подействовала ли отрава. Илэйн старалась стоять прямо, отвечать ему суровым взглядом и выгадать лишние мгновения этой уловкой, но он кивнул сам себе, взвешивая на руке нож. Если бы она могла что-нибудь сделать, то это уже случилось бы. На лице его не было ни удовольствия, ни радости. Он просто делал свою работу.

Вдруг он остановился, ошеломленно опустил глаза. Илэйн тоже перевела взор туда, куда он смотрел. Из груди светловолосого торчал фут стали. Изо рта у него запузырилась кровь, и он рухнул на стол, сильно его толкнув.

Пошатнувшись, девушка упала на колени, кое-как удержавшись за край стола. И в изумлении уставилась на человека, истекавшего на коврах кровью. В спине его торчала рукоять меча. В голове у Илэйн неповоротливо бродили свинцовые мысли. Эти ковры ни за что не отчистить, столько крови натекло. Илэйн медленно подняла взор поверх недвижного тела Дайлин. Кажется, та не дышит. К двери. К открытой двери. Перед ней лежал один из убийц, голова его торчала под странным углом, вроде как наполовину отделенная от тела. Третий убийца боролся с каким-то человеком в красной куртке. Они, рыча, катались по полу, каждый старался дотянуться до одного и того же кинжала. Несостоявшийся убийца свободной рукой пытался оторвать сжимавшие его горло пальцы. Пальцы другого мужчины. Человека с лицом, как топор. В красной куртке с белым воротом – мундире гвардейца.

Скорей, Бергитте, отупело подумала Илэйн. *Скорей*.

Тьма поглотила ее.

Глава 10

ПЛАН В ДЕЙСТВИИ

Во тьме Илэйн открыла глаза, уставилась на неясные тени, танцующие в туманной бледности. Лицо было холодным, а остальное тело – горячим и потным, что-то удерживало ее руки и ноги. На миг девушку охватила паника. Затем она почувствовала присутствие в комнате Авиенды, простое успокаивающее чувство, а потом и Бергитте – сдерживаемая в кулаке ярость. Это успокоило Илэйн. Она находилась в своей спальне, лежала под одеялами в своей постели и глядела на натянутый полотняный полог, по бокам у нее понатыканы грелки. Тяжелые зимние прикроватные занавеси были подвязаны к резным столбикам кровати, а освещалась комната только мерцающим в камине пламенем – не разгоняя тени, а лишь заставляя их трепетать.

Машинально Илэйн потянулась к Источнику и коснулась его. Как дивно было прикоснуться к *саидар*, не зачерпывая из него. Из глубины души поднялось страстное желание зачерпнуть, но она неохотно отстранилась. О, очень неохотно, и не только потому, что желание зачерпнуть жизни *саидар* было зачастую безграничной потребностью, которую необходимо держать в узде. Больше всего в те бесконечные ужасные минуты она боялась не смерти, а того, что никогда больше не сможет вновь коснуться Источника. Когда-то такая мысль казалась ей странной.

Потом разом вернулась память, и Илэйн неуверенно села на постели. Одеяла соскользнули с груди, и она тотчас натянула их обратно. Воздух холодом окатил голую кожу, скользкую от пота. На ней не оставили даже сорочки, и, как ни пыталась Илэйн подражать Авиенде, которая с беспечным видом могла показаться без одежды перед другими, у нее это не получалось.

– Дайлин, – обеспокоенно произнесла Илэйн, плотнее заворачиваясь в одеяла. Выходило у нее не слишком ловко; она чувствовала себя измотанной, ее заметно трясло. – И гвардеец. Они не…

– У него ни царапинки, – сказала Найнив, тенью выступив из трепещущих теней. Она положила ладонь на лоб Илэйн и, ощутив прохладу, довольно хмыкнула. – Дайлин я Исцелила. Но, чтобы полностью оправиться, ей нужно время. Она потеряла много крови. С тобой тоже все хорошо. Я было думала, что у тебя лихорадка. Она нападает внезапно, когда человек ослаблен.

– Вместо Исцеления она тебя травами лечила, – угрюмо произнесла Бергитте, сидевшая в кресле в изножье кровати. В темноте

комнаты она казалась тенью приземистой и зловещей.

– У Найнив ал'Мира хватает ума понять, что ей не по силам, – сказала Авиенда ровным тоном. Во мраке виднелись только ее белая блуза и проблески полированного серебра – у стены, низко над полом. Как всегда, она предпочла сесть на пол, а не на стул. – Она узнала привкус корня вилочника в чае и не знала, какие плетения помогут с ним справиться. Потому и не стала рисковать по-глупому.

Найнив громко фыркнула. Этим она не скрывая выразила свое отношение как к попытке Авиенды ее защитить, так и к язвительности Бергитте. Возможно, слова Авиенды уязвили ее больше. Найнив оставалась Найнив, и ей не хотелось, чтобы кто-то замечал, чего она не знает и чего не может. И в последнее время она стала куда обидчивее прежнего, когда дело касалось Исцеления. Особенно когда выяснилось, что несколько женщин из Родни превосходят ее в умении Исцелять.

– Ты и сама, Илэйн, могла бы узнать этот вкус, – сказала Найнив бесцеремонно. – Во всяком случае, от зеленухи и козьих язычков ты и уснула бы, но от них бывают желудочные колики. Я подумала, что ты предпочла бы отоспаться.

Выудив из-под простыней кожаные грелки и сбросив их на ковры, чтобы ненароком не поджариться, Илэйн содрогнулась. Дни после того, как Ронде Макура опоила их с Найнив корнем вилочника, помнились ей таким мучением, что о них хотелось напрочь забыть. Какими бы травами ни попотчевала ее Найнив, девушка чувствовала себя не слабее, чем после корня вилочника. Она подумала, что в состоянии даже встать и пойти, правда, недалеко и ненадолго. И она могла ясно соображать. В окна был виден лишь слабый лунный свет. Далеко ли уже за полночь?

Вновь обняв Источник, Илэйн направила четыре нити Огня и запалила сначала один стоячий светильник, потом второй. После темноты в комнате стало вдруг светло, хотя и освещали ее только маленькие язычки пламени. Бергитте поначалу даже прикрыла глаза ладонью. Мундир Капитан-Генерала и вправду ей шел; на купцов она произвела бы неизгладимое впечатление.

– Не стоит тебе пока направлять, – забеспокоилась Найнив, щурясь от внезапно вспыхнувшего света. На ней было все то же синее с низким вырезом платье, что Илэйн видела раньше, и на локтях висела шаль с желтой бахромой. – Несколько дней нужно отдохнуть, набраться сил. Лучше побольше спать. – Она нахмурилась, увидев сброшенные на пол грелки. – И тебе нужно тепло. Еще подцепишь лихорадку, а мне потом ее Исцелять.

– Думаю, Дайлин сегодня доказала свою верность, – заметила Илэйн, поправила подушки и села, прислонясь к изголовью. Най-

нив сокрушенно всплеснула руками. На столике у кровати стоял маленький серебряный поднос, где одиноко красовался серебряный бокал, наполненный темным вином. Илэйн кинула на него короткий недоверчивый взгляд. – И весьма для себя жестоким способом. Думаю, Авиенда, у меня есть по отношению к ней *тох*.

Авиенда пожала плечами. Сразу после приезда в Кэймлин она чуть ли не с комичной поспешностью оделась на айильский манер, отказавшись от шелков в пользу блуз из *алгода* и тяжелых шерстяных юбок, словно вдруг испугалась роскоши мокрых земель. С темной шалью, повязанной на талии, и с темной косынкой, которая удерживала ее длинные волосы, она всем своим обликом являла прилежную ученицу Хранительниц Мудрости, хотя единственным украшением ее было причудливое серебряное ожерелье из тонко сработанных дисков – подарок Эгвейн. Илэйн никак не понимала такой поспешности. Пока Авиенда носила одежду мокроземцев, Мелэйн и прочие как будто охотно позволяли ей идти собственным путем, но теперь Хранительницы вновь крепко взялись за нее, точно Айз Седай за оказавшуюся в их руках послушницу. Авиенде вообще разрешили на какое-то время остаться во дворце – да и вообще в городе, – только потому, что они с Илэйн стали первыми сестрами.

– Если ты так думаешь, значит, так оно и есть. – Судя по тону, она соглашалась с очевидным, но потом не удержалась от мягкого выговора: – Но *тох* маленький, Илэйн. У тебя были причины для сомнений. И не нужно считать себя в долгу только из-за того, что ты так подумала, сестра, – она засмеялась, словно над замечательной шуткой. – На этом пути лежит слишком много гордости, и я могу переполниться гордостью за тебя. Только вот Хранительницы Мудрости могут тебя не понять.

Найнив нарочито возвела очи горе, но Авиенда всего лишь покачала головой – к невежеству Найнив айилка относилась с поразительным долготерпением. У Хранительниц Мудрости она изучала не только Силу.

– Что ж, нам бы не хотелось, чтобы вы обе чересчур возгордились, – сказала Бергитте, и в ее тоне Илэйн заподозрила скрытую насмешку. Лицо ее оставалось слишком спокойным, чуть ли не застывшим от напряжения. Она явно старалась не рассмеяться.

Авиенда оглядела Бергитте с каменно-настороженным лицом. Поскольку Авиенда и Илэйн приняли друг друга, то и Бергитте приняла Авиенду – по-своему. Не как Стража, конечно, но относилась к ней как старшая сестра, точно так же, как она частенько вела себя по отношению к Илэйн. Авиенда не совсем понимала, как с этим быть и как себя вести в ответ. Не помогало и то, что Авиенду посвятили в узкий круг знавших, кто такая на самом

деле Бергитте. Авиенда металась между яростной решимостью продемонстрировать, что Бергитте Серебряный Лук ничуть ее не пугает, и неожиданной покорностью, причем порой поступала крайне странно.

Бергитте улыбнулась Авиенде, задумчиво-довольно, но улыбка пропала, когда она взяла продолговатый сверток и начала с великой осторожностью разворачивать его. Когда наконец взорам открылся кинжал в обитых кожей ножнах и с длинной рукоятью, лицо ее стало очень серьезным, и по узам пробежал сдержанный гнев. В тот же миг Илэйн узнала нож; в последний раз она видела точно такой же в руке светловолосого убийцы.

– Они не собирались тебя выкрасть, сестра, – тихо промолвила Авиенда.

Голос Бергитте был мрачен.

– Меллар убил первых двоих, причем второго – метнув меч, как копье, через всю комнату. Словно какой герой из треклятых сказаний менестреля. – Она подняла кинжал вертикально вверх, держа за самый конец рукояти. – Потом прикончил последнего вот этим кинжалом, который отобрал у него же. У нападавших было четыре почти одинаковых кинжала. А этот клинок отравлен.

– Бурые пятна на клинке – серый фенхель, смешанный с истолченной в порошок персиковой косточкой, – заметила Найнив, присаживаясь на краешек кровати и кривясь от омерзения. – Стоило разок взглянуть на его глаза и язык, и я поняла: умер он не от ножа.

– Хорошо, – помолчав, тихо отозвалась Илэйн. Да уж, хорошо! – Корень вилочника, чтобы я не смогла направить Силу или хотя бы встать, и двое меня держат, пока третий вонзает отравленный кинжал. Сложный план.

– Мокроземцам нравятся сложные планы, – сказала Авиенда. Беспокойно покосившись на Бергитте, она поерзала у стены и добавила: – Некоторым нравятся.

– По-своему план был прост, – заворачивая нож с такой же осторожностью, с какой и разворачивала, сказала Бергитте. – Добраться до тебя легче легкого. Всем известно, что днем ты ешь одна. – Ее длинная коса дрогнула, когда она покачала головой. – Повезло, что у того, кто оказался рядом с тобой первым, не было в руках такого клинка. Один удар, и ты была бы мертва. Повезло, что Меллар случайно проходил мимо и услышал в твоих покоях крики. Везения достанет для *та'верена*.

Найнив фыркнула.

– Одного глубокого пореза на *руке* хватило бы, чтобы ты была мертва. В персике самая ядовитая часть – косточки. У Дайлин не

было бы шанса выжить, если бы ранивший ее клинок тоже был отравлен.

Илэйн обвела взором ничего не выражавшие лица подруг и вздохнула. *Очень* сложный план. Как будто одних шпионов во дворце мало.

– Ладно, Бергитте. *Маленькая* охрана, – наконец промолвила она. – Чтобы… не слишком бросалась в глаза.

Ей следовало бы знать, что Бергитте уже приготовилась к такому ответу. Выражение лица ее Стража ничуть не изменилось, но узы донесли до Илэйн крохотную вспышку удовлетворения.

– Для начала те женщины, которые охраняли тебя сегодня, – сказала Бергитте, даже не потрудившись сделать вид, что раздумывает. – И я подберу еще несколько. Всего, наверное, двадцать. Иначе их будет слишком мало, и они не смогут оберегать тебя днем и ночью, а охранять тебя, проклятье, ох как надо! – добавила она твердо, хотя Илэйн и не собиралась спорить. – Женщины будут охранять тебя и там, где не смогут мужчины, и они не бросаются в глаза – хотя бы потому, что они женщины. Большинство отнесется к ним, как к почетному караулу – нечто вроде собственных Дев Копья. А чтобы усилить сходство, как-нибудь выделим их: ну, дадим, к примеру, кушаки. – После этакого предложения Бергитте удостоилась очень колючего взгляда Авиенды, которого постаралась не заметить. – Загвоздка в том, кто будет командовать, – произнесла она, задумчиво нахмурясь. – Двое или трое Охотников, из благородных, уже требуют звания, «достойного их положения». Проклятье, эти женщины знают, как приказывать, но не уверена, что они знают, что именно надо приказывать. Можно назначить Касейлле лейтенантом, хотя, по-моему, в душе она скорее знаменщик, – Бергитте пожала плечами. – Есть надежда, что кто-то из прочих, возможно, еще себя проявит, но, думаю, лидеров среди них нет.

О да, обо всем уже подумали. Двадцать человек? С Бергитте надо держать ухо востро, а то, глядишь, число телохранителей вырастет до пятидесяти. А то и больше. Способны охранять ее там, где не могут мужчины? Илэйн поморщилась. Это значило, что гвардейцы, вероятнее всего, станут ее охранять даже в ванной.

– Касейлле наверняка подойдет. С двадцатью знаменщик справится. – Она была уверена, что сумеет уговорить Касейлле охранять ее не слишком навязчиво. И пусть охранники стоят за дверями, пока она принимает ванну. – А тот мужчина, что явился в самый последний момент? Как его, Меллар? Что тебе о нем известно, Бергитте?

– Дойлин Меллар, – протянула Бергитте; брови ее сошлись на переносье. – Бессердечен, хотя и чрезвычайно улыбчив. Улыбается главным образом женщинам. Любит ущипнуть прислугу, и три дня из четырех, насколько я знаю, вид у него встрепанный. О своих «победах» любит похвастаться, но если ему сказали «нет», больше не пристает. Утверждает, что был купеческим охранником, потом подался в наемники, а теперь стал Охотником за Рогом, и оружием владеет действительно неплохо. Так неплохо, что я сделала его лейтенантом. Он андорец, откуда-то с запада, из-под Байрлона, и говорит, что сражался за твою мать во время Войны за Наследование, хотя в те годы должен был быть мальчишкой. Во всяком случае, ответы давал верные, я проверяла. – Значит, вполне мог и воевать тогда. Обычно о своем прошлом наемники врут, не задумываясь.

Илэйн, сложив руки на животе, размышляла о Дойлине Мелларе. Она помнила лишь жилистого мужчину с острым лицом, душившего одного из нападавших, и как оба они пытались дотянуться до отравленного кинжала. Человек, обладающий такими военными навыками, что Бергитте сделала его офицером. Илейн хотела, чтобы как можно больше солдат и офицеров были андорцами. Явившийся вовремя спаситель, один против троих, и меч, как копье, брошенный через всю комнату. Действительно, очень похоже на сказания менестреля.

– Он заслуживает достойной награды. Звания капитана и поста командира моих телохранителей, Бергитте. Касейлле будет его заместителем.

– Ты рехнулась? – взорвалась было Найнив, но Илэйн шикнула на нее.

– Я буду чувствовать себя спокойнее, если он будет рядом, Найнив. *Меня-то* он щипать не станет, тем более при Касейлле и еще двадцати гвардейцах. За ним, при такой-то славе, они будут приглядывать, как ястребы. Ты сказала, «двадцать», Бергитте? Именно столько?

– Двадцать, – рассеянно заметила Бергитте. – Или около того. – В ее устремленном на Илэйн пристальном взоре не было и следа рассеянности. Она напряженно подалась вперед, ладони легли на колени. – Полагаю, ты знаешь, что делаешь. – Наконец-то она ведет себя как Страж, не настаивает и не спорит. – Лейтенант Гвардии Меллар становится капитаном Гвардии Мелларом, за спасение жизни Дочери-Наследницы. То-то ему для бахвальства еще повод будет. Если только ты не считаешь, что случившееся нужно держать в тайне.

Илэйн покачала головой.

– О нет, вовсе не надо. Пусть весь город узнает. Кто-то пытался меня убить, и лейтенант – капитан – Меллар меня спас. Но вот о яде мы умолчим. На тот случай, если кто-то даст маху и проговорится.

Найнив громко откашлялась и кинула на Илэйн косой взгляд.

– Когда-нибудь, Илэйн, ты станешь слишком умной. Сама о свой острый ум порежешься.

– Она – умная, Найнив ал'Мира. – Плавно поднявшись на ноги, Авиенда оправила тяжелые юбки, потом погладила свой поясной нож с роговой рукоятью. Он был меньше, чем тот, что она носила, будучи Девой, но тем не менее внушал уважение, как оружие. – И у нее есть я, чтобы защищать ее со спины. Отныне у меня есть разрешение оставаться с ней.

Найнив с сердитым видом открыла было рот. И – чудеса! – закрыла его, на глазах успокоившись и начав разглаживать юбки.

– Чего вы все уставились? – пробурчала она. – Если Илэйн хочет, чтобы этот приятель был в двух шагах от нее и чтобы щипал ее, когда ему заблагорассудится, то кто я такая, чтобы спорить?

У Бергитте отвисла челюсть, а Илэйн подумала, не задохнется ли Авиенда. Глаза у айилки просто на лоб полезли.

Слабый звон гонга, отбивавший время на верхушке самой высокой дворцовой башни, заставил Илэйн вздрогнуть. Было гораздо позже, чем она полагала.

– Найнив, нас, наверное, Эгвейн уже ждет. – Своей одежды она рядом не увидела. – Где мой кошель? В нем мое кольцо. – Кольцо Великого Змея было у нее на пальце, но говорила Илэйн совсем о другом.

– Я встречусь с Эгвейн одна, – решительно заявила Найнив. – В таком состоянии тебе нельзя в *Тел'аран'риод*. Тем более ты весь день проспала. Готова поспорить, ты быстро не заснешь. И я знаю, что и в транс, в этот сон наяву, тебе войти не удается.

Она самодовольно улыбнулась, уверенная в своей победе. Сама Найнив чуть не окосела и заработала головокружение, пытаясь войти в транс, когда Эгвейн пыталась научить их этому приему.

– Готова поспорить, да? – пробормотала Илэйн. – А что в заклад поставишь? Поскольку я собираюсь выпить вон то, – она указала взглядом на серебряную чашу на приставном столике, – я спорю, что усну сразу. Разумеется, если ты чего-нибудь туда не подсыпала, чтобы обманом заставить меня выпить… Ты, конечно, ни о чем таком и не думала. Ну, на что спорим?

Самодовольная улыбка соскользнула с лица Найнив, сменившись красными пятнами на щеках.

– Великолепно, – сказала Бергитте, поднимаясь. Подбоченясь, она встала в футе от кровати, и лицом и голосом выражая осуждение. – Она уберегла тебя от болей в животе, а ты кидаешься на нее почище матушки Присс. Может, если ты выпьешь эту чашу и заснешь, забыв на сегодня о Мире Снов, я решу, что ты достаточно взрослая, и не стану приставлять к тебе для охраны сотню гвардейцев. Или тебе надо зажать нос, чтобы ты выпила?

Что ж, Илэйн и не ожидала, что Бергитте хватит надолго. Сотню?

Не успела Бергитте договорить, как Авиенда резко развернулась к ней.

– Не надо так с ней разговаривать, Бергитте Трагелион, – сказала она, вытягиваясь во весь свой немаленький рост. Правда, учитывая высокие каблуки сапожек Бергитте, преимущество в росте оказалось не слишком велико, но айилка сейчас, с крепко затянутой на груди шалью, весьма походила на Хранительницу Мудрости, а вовсе не на ученицу. Тем более что лица некоторых из них казались не старше, чем у нее. – Ты – ее Страж. Спроси Аан'аллейна, как себя вести. Он великий человек, однако повинуется, когда ему приказывает Найнив.

Аан'аллейном, Одиночкой, был Лан, и его историей, широко известной среди Айил, те восхищались.

Бергитте оглядела Авиенду с ног до головы, словно измеряя, и приняла ленивую позу, наплевав на лишние дюймы своих каблуков. Она с насмешливой ухмылкой открыла рот, явно готовясь осадить Авиенду. Обычно ей это удавалось. Но не успела Бергитте и слова вымолвить, как вмешалась Найнив и тихо, но твердо сказала:

– О-о, во имя любви Света, Бергитте, хватит. Если Илэйн говорит, что идет, значит, она идет. А теперь обе молчите, – она ткнула в каждую пальцем. – Иначе потом будете разговаривать со мной.

Бергитте уставилась на Найнив, беззвучно шевеля губами, по узам от Стража доносились вперемешку напряжение, разочарование и раздражение. Наконец она бросилась в кресло, расставила ноги, уперлась в пол шпорами в виде львиных голов и начала что-то угрюмо бормотать себе под нос. Не знай Илэйн ее лучше, поклялась бы, что Бергитте надулась. Знать бы, как это у Найнив получается. Когда-то Найнив благоговела перед Бергитте не меньше Авиенды, но теперь все изменилось, полностью. Теперь Найнив шпыняла Бергитте, как и любого другого. Причем помыкала ею с большим успехом, чем другими. *Она такая же женщина, как и все,* говорила Найнив. *Она сама мне так сказала, и я поняла, что она права*. Как будто этим все объяснялось. Бергитте по-преж-

нему была Бергитте.

– Мой кошель? – произнесла Илэйн, и именно Бергитте встала и принесла из гардеробной ее шитый золотом красный кошель. Что ж, кому, как не Стражу, быть на посылках, но Бергитте никогда не забывала отпустить при этом какое-нибудь язвительное замечание. Она протянула кошель Илэйн, отвесив ей церемонный поклон. И скривила губы – для Найнив и Авиенды. Илэйн вздохнула. Не то чтобы эти женщины не нравились друг другу; вообще-то они хорошо ладили, не считая мелочей. Просто наступали порой друг другу на любимые мозоли.

На самом дне кошеля, погребенное под монетами разнообразного достоинства и чеканки, лежало странно перекрученное каменное кольцо, надетое на простой кожаный шнурок, рядом хранился тщательно свернутый шелковый платочек, полный перышек, которые она некогда считала своим величайшим сокровищем. Вообще-то каменным *тер'ангриал* казался только с виду – со своими синими, красными, коричневыми прожилками и точечками, – но на ощупь он был твердым и скользким как сталь, а по весу даже тяжелее стали. Продев голову в кожаную петлю и пристроив кольцо в ложбинке груди, Илэйн туго затянула завязки и, положив кошель на столик, взяла серебряный кубок. Пахло от напитка просто хорошим вином, но она все равно вопросительно приподняла бровь и улыбнулась Найнив.

– Я пойду к себе в комнату, – натянуто произнесла та. Поднявшись с перины, она строго взглянула на Бергитте и Авиенду. Почему-то из-за *ки'сайн* на лбу Найнив выглядела еще более непреклонной. – Вы обе бодрствуйте и следите за нею во все глаза! Пока нет охраны, она по-прежнему в опасности. Да и потом тоже – надеюсь, мне не надо напоминать вам об этом.

– Думаешь, я не понимаю? – возмутилась Авиенда, а Бергитте в то же самое время заворчала:

– Найнив, я же не дура!

– Как скажете, – ответила сразу обеим Найнив. – Надеюсь, что так – ради Илэйн. Да и ради вас самих тоже.

Поправив шаль, она плавной походкой двинулась из комнаты, столь величаво, что ей позавидовала бы любая Айз Седай. Это ей удавалось как нельзя лучше.

– Можно подумать, это она тут проклятая королева, – пробормотала Бергитте.

– Вот кто возгордился сверх меры, Бергитте Трагелион, – буркнула Авиенда. – Горда, как Шайдо с одним козлом.

Обе, придя к взаимному согласию, кивнули друг другу.

Однако Илэйн подметила, что, прежде чем заговорить, они подождали все же, пока дверь за Найнив не закрылась. Женщина,

которая с таким жаром отрицала желание стать Айз Седай, превратилась в Айз Седай до мозга костей. Возможно, к этому имел отношение и Лан. Натаскивал ее, с его-то опытом! Иногда Найнив по-прежнему с трудом удавалось сохранять самообладание, но после ее необычной свадьбы сдержанность давалась ей как будто все легче и легче.

Первый глоток вина по вкусу ничем не отличался от вина – очень хорошего вина, но Илэйн нахмурилась, глядя на кубок, и чуть помедлила. Пока не поняла, что делает и почему. Ее не оставляло воспоминание о подмешанном в чай корне вилочника. Что положила в вино Найнив? Не корень вилочника, конечно, но что? Ей было страшно поднять кубок и сделать большой глоток. И она решительно осушила его. *Мне очень хотелось пить, вот и все,* подумала Илэйн, ставя кубок обратно на серебряный поднос. *Я вовсе ничего не пытаюсь доказать.*

Бергитте и Авиенда пристально наблюдали за ней, но, когда она принялась поудобнее устраиваться на кровати, повернулись друг к другу.

– Я буду дежурить в гостиной, – сказала Бергитте. – У меня там лук и колчан. Ты останься тут, вдруг ей что-то понадобится.

Авиенда, не споря, вытащила нож и опустилась на колени. Готовая вскочить в любой момент, она заняла место чуть в стороне, где могла увидеть любого входящего в дверь раньше, чем ее заметили бы.

– Перед тем как войти, стукни дважды, потом один раз, и назовись, – сказала Авиенда. – Иначе я буду считать, что это враг.

Бергитте кивнула, словно никогда не слышала слов разумнее.

– Это глу… – Илэйн зевнула, прикрывшись ладонью. – Глупо, – докончила она, когда сумела заговорить снова. – Никто не собирается… – Еще один зевок, и она едва успела прикрыть рот! О Свет, чего Найнив намешала в это вино? – Убивать меня… сегодня, – сонно промолвила она, – и вы… обе знаете… – Веки налились свинцом и опустились, вопреки всем усилиям удержать глаза открытыми. Илэйн, зарывшись лицом в подушку, попыталась докончить фразу, но…

Она оказалась в Большом Зале – тронном покое дворца. В отраженном в *Тел'аран'риоде* Большом Зале. Здесь перекрученное каменное кольцо, которое в реальном мире казалось тяжелым для своего размера, было таким легким, что едва ли не парило в воздухе, почти не касаясь груди. Свет лился как будто отовсюду и ниоткуда. Он не походил ни на сияние солнца, ни на свет ламп, но даже ночью все было видно. Как во сне. А не оставлявшее ни на миг ощущение, будто на тебя смотрят невидимые глаза, вовсе не походило на сон – скорее, напоминало кошмар, – но Илэйн уже

привыкла к нему.

В Большом Зале происходили наиболее важные аудиенции: здесь проводили официальные встречи с иностранными послами, оглашали сановникам важные договоры и объявляли о войнах, – и огромное помещение полностью соответствовало своему названию и назначению. Пустое – в нем находилась одна только Илэйн, – оно казалось пещерой, вот только под ногами чередовались красные и белые плиты. Вдоль всей длины зала тянулись два ряда толстых мерцающих белых колонн, десяти спанов высотой, и в одном его конце, на мраморном ступенчатом возвышении, стоял Львиный Трон. К нему вела красная ковровая дорожка. Трон, судя по размерам, был предназначен для женщины, но все равно выглядел массивным из-за резных позолоченных ножек в виде львиных лап, а выложенный из лунных камней на рубиновом поле Белый Лев в верхней части высокой спинки говорил о величии государства. В высоком арочном потолке были прорезаны окна, и с вделанных в них больших разноцветных витражей взирали вниз королевы, создавшие Андор. Их лики перемежались эмблемами Белого Льва и сценами битв, в которых они выковали величие Андора, превратив единственный город расколотой империи Артура Ястребиное Крыло в мощное государство. Многие страны, уцелевшие в Войну Ста Лет, больше не существовали, однако Андор пережил с тех пор тысячелетия и процветал. Иногда Илэйн казалось, что эти лики судят ее поступки и оценивают, достойна ли она быть их наследницей.

И в то же мгновение, как Илэйн очутилась в Большом Зале, в нем появилась еще одна женщина; темноволосая и молодая, она восседала на Львином Троне в развевающихся красных шелках, с вышитыми на рукавах и по подолу серебряными львами, с низкой огневиков размером с голубиное яйцо на шее и с Короной Роз на голове. Одна ее рука покоилась на львиной голове подлокотника трона. Женщина царственным взором обвела Большой Зал, потом увидела Илэйн. Узнала, и в глазах ее появилось смятение. Корона, огневики и шелка исчезли, сменившись простым шерстяным платьем и длинным передником. Через миг пропала и сама молодая женщина.

Илэйн улыбнулась. Даже судомойки мечтают воссесть на Львиный Трон. Она надеялась, что бедняжка не проснулась в испуге от пережитого потрясения и что ей приснится другой приятный сон. Побезопаснее, чем *Тел'аран'риод*.

По тронному залу прокатилась волна движения. Искусно сработанные светильники, рядами стоявшие у высоких колонн, словно завибрировали. Огромные арочные двери то представали открытыми, то мгновенно снова оказывались закрыты. Только те

предметы, которые долго оставались на одном месте в реальности, отражались в Мире Снов неизменными.

Илэйн представила себе высокое зеркало, и оно возникло перед нею. В зеркале предстало ее отражение – с изумрудами в ушах и в рыжевато-золотистых волосах, в зеленом шелковом платье с высоким воротом, расшитом по лифу серебряными нитями. Она заставила изумруды исчезнуть и кивнула. В самый раз для Дочери-Наследницы, но не слишком кричаще. Нужно быть осторожней с тем, как представляешь себя здесь, иначе… Зеленое платье превратилось в облегающий, подчеркивающий изгибы фигуры тарабонский наряд, потом он мгновенно сменился темными широкими штанами, ноги стали босы, как у Морского Народа, этот наряд дополнили золотые сережки, колечки в носу и цепочки с медальонами, а вдобавок и татуировки на руках. И без блузы, так, как принято у Ата'ан Миэйр в море. Илэйн, покраснев, поспешно вернулась вновь к зеленому платью, а потом заменила изумрудные сережки на простые серебряные кольца. Чем проще придуманный наряд, тем легче его сохранить.

Заставив зеркало исчезнуть – для чего надо было только перестать о нем думать, – Илэйн подняла взгляд на строгие лики витражей.

– Женщины занимали трон в таком же юном возрасте, что и я, – сказала она им. Впрочем, таких было не много, всего семерым удалось проносить Корону Роз достаточно долго. – Женщины моложе меня. – Таких было три. И одна из них продержалась едва ли год. – Я не претендую на то, что стану столь же знаменитой, как вы, но вам не придется меня стыдиться. Я буду хорошей королевой.

– С *окнами* разговариваешь? – раздался голос Найнив, и Илэйн от неожиданности вздрогнула. Поскольку Найнив воспользовалась копией того кольца, что было у Илэйн на груди, вид у нее был размытый, полупрозрачный. Она, нахмурясь, двинулась к Илэйн и запнулась о подол длинного темно-синего тарабонского платья, оказавшееся куда более тесным, чем то, что воображала на себе Илэйн. Взглянув на свой наряд, Найнив ахнула, и он вдруг превратился в андорское платье из шелка того же цвета, шитое золотом по рукавам и верху лифа. Она все твердила, что для нее вполне хороша «добротная двуреченская шерсть», но даже здесь, где могла появиться в чем душе угодно, в шерстяном платье представала редко.

– Что ты подмешала в вино, Найнив? – спросила Илэйн. – Я заснула так быстро, как будто свечу задули.

– Не пытайся сменить тему. Если ты с окнами разговариваешь, то тебе лучше не здесь находиться, а поспать по-настоящему. Уж

думаю, не приказать ли тебе…

– Найнив, пожалуйста. Я не Вандене. О Свет, я и половины обычаев не знаю, которые Вандене с другими принимают как должное. Но я бы, наверное, тебя послушалась, поэтому, не надо, пожалуйста.

Найнив жгла ее взглядом, крепко сжимая в кулаке свою косу. Детали ее платья менялись, юбки стали чуть шире, переменился узор вышивки, высокий ворот опустился, потом вновь поднялся, его окружили белоснежные кружева. С концентрацией внимания у Найнив получалось не слишком хорошо, хотя красная точка на лбу не пропадала ни на миг.

– Прекрасно, – спокойно сказала Найнив, ее хмурость исчезла. На плечах появилась шаль с желтой бахромой, а лицо приобрело нечто от безвозрастности Айз Седай. На висках проступила седина. Однако слова контрастировали с ее обликом и сдержанным тоном. – Позволь мне говорить, когда здесь появится Эгвейн. Я имею в виду сегодняшние события. У вас всегда кончается пустой болтовней, словно вы просто друг другу волосы перед сном расчесываете. О Свет! Я не хочу, чтобы она со мной обернулась Амерлин, а тебе известно, что нам обеим придется несладко, если она узнает.

– Если я узнаю «что»? – сказала Эгвейн. Найнив резко обернулась, в глазах мелькнуло паническое выражение, и на миг шаль с бахромой и шелковый наряд сменились белым, с цветастой каймой, платьем Принятой. Даже *ки'сайн* исчез. Только на миг, а потом она вновь обрела прежнее обличье, за исключением седины в волосах, однако этого мгновения оказалось достаточно, чтобы на лице Эгвейн появилось удрученное выражение. Она слишком хорошо знала Найнив. – Если я узнаю что, Найнив? – твердым голосом спросила Эгвейн.

Илэйн сделала глубокий вдох. Она-то ничего не намеревалась скрывать. Ничего важного для Эгвейн, во всяком случае. Но в теперешнем настроении Найнив, пожалуй, выболтает все или заупрямится еще больше и вздумает настаивать, что узнавать нечего. Отчего Эгвейн только начнет докапываться еще усерднее.

– Днем кто-то подмешал в мой чай корень вилочника, – сказала Илэйн и сжато рассказала о людях с кинжалами и счастливом явлении Дойлина Меллара, о том, как проявила себя Дайлин. Вдобавок она присовокупила новости об Элении и Ниан, о поисках главной горничной шпионов во дворце, и даже о поручении Зарии и Кирстиан заботам Вандене, о нападении на Ранда и его исчезновении. Эгвейн рассказ как будто ничуть не взволновал – она даже оборвала Илэйн, когда та заговорила о Ранде, заметив, что уже знает. Однако Эгвейн с досадой покачала головой, услы-

шав, что Вандене так и не удалось пока вызнать, кто Черная сестра. Видимо, больше всего Эгвейн тревожило именно это. – Ах да, у меня теперь есть личная охрана, – закончила Илэйн. – Двадцать женщин, а командует ими капитан Меллар. Не думаю, что Бергитте окружит меня Девами, но к этому она очень близка.

Позади Эгвейн появилось кресло без спинки, и она села, не глядя. Она имела куда большие навыки, чем Илэйн и Найнив. На ней было темно-зеленое шерстяное платье для верховой езды, тонкое и великолепно сшитое, однако без украшений, очень похожее на те, что она носила в реальности в эти дни. И оно оставалось зеленым шерстяным дорожным платьем.

– Я бы завтра… нет, сегодня же велела тебе присоединиться ко мне в Муранди, – сказала она, – но появление Родни разожжет среди Восседающих сущий пожар.

Найнив успела прийти в себя, хотя и поправляла юбки, в чем те совершенно не нуждались. Теперь вышивка на ее платье была серебряной.

– Я думала, ты уже прибрала к рукам весь Совет Башни.

– Это все равно что хорька к рукам прибрать, – сухо отозвалась Эгвейн. – Он крутится, вертится, так и норовит за пальцы цапнуть. О, они выполняют то, что я говорю, когда дело касается войны с Элайдой – от этого им не отвертеться, сколько бы они не ворчали о расходах! Но договориться с Родней – это не война, как и довести до сведения Родни, что Башня все о них знает. Или считает, что знает. Да весь Совет удар хватит, если до них дойдет, сколького они еще не не знают. Они с завидным упорством пытаются отыскать способ прекратить прием новых послушниц.

– Они же не могут, да? – спросила Найнив. Она создала себе кресло, точь-в-точь как у Эгвейн, но когда она посмотрела на него, чтобы удостовериться в его наличии, кресло превратилось в трехногий табурет, а когда Найнив села, табурет стал жестким крестьянским стулом с перекладинами вместо спинки. И платье ее сделалось дорожным, для верховой езды. – Ты ведь объявила в воззвании о приеме. Любой женщины, в любом возрасте, если она пройдет проверку. Все, что тебе надо сделать, огласить еще одно, насчет Родни.

Илэйн тоже села, сотворив себе стул, какие стояли у нее в гостиной. Это было намного проще.

– О-о, декларация Амерлин ничем не хуже закона, – сказала Эгвейн. – Пока Совет видит, как можно ее обойти. Самая последняя жалоба – что у нас всего лишь шестнадцать Принятых. Хотя большинство сестер обращаются с Фаолайн и Теодрин так, будто они до сих пор Принятые. Но и восемнадцати недостаточно, чтоб обучать послушниц тому, чему могут учить Принятые. Сестрам

тоже приходится давать уроки. Думаю, кое-кто надеялся, что на численности новеньких скажется погода, но нет, – она вдруг улыбнулась, в глазах вспыхнул озорной огонек. – Найнив, есть одна послушница, с которой я бы тебя познакомила. Шарина Меллой. Думаю, ты согласилась бы, что эта бабушка – весьма примечательная женщина.

Стул Найнив исчез, как будто его и не было, и та звучно шлепнулась на пол. И, словно не заметив этого, она сидела, ошеломленно глядя на Эгвейн.

– Шарина Меллой? – дрожащим голосом переспросила Найнив. – Послушница?

Покрой платья, которое оказалось вдруг на Найнив, Илэйн был совершенно незнаком: свободные рукава и глубокое круглое декольте, окруженное цветочной вышивкой и украшенное мелким жемчугом. Волосы Найнив теперь ниспадали до пояса, их придерживал чепец из лунных камней и сапфиров на золотых проволочках не толще нити. И на указательном пальце ее левой руки заблестела скромная золотая полоска. Прежними остались лишь *ки'сайн* и кольцо Великого Змея.

Эгвейн заморгала.

– Тебе известно это имя?

Поднявшись на ноги, Найнив уставилась на свою одежду. Подняла левую руку и нерешительно коснулась гладкого золотого кольца. Как ни странно, она оставила все как есть.

– Это не может быть та же самая женщина, – пробормотала она. – Не может! – Сотворив новый стул, как у Эгвейн, она хмуро посмотрела на него, словно приказывая таким и оставаться, но, пока садилась, стул обзавелся высокой спинкой и резьбой. – Была одна Шарина Меллой… Еще во время моего испытания на Принятую, – торопливо объяснила она. – Я не стану об этом говорить – таково правило!

– Конечно, нет, – сказала Эгвейн, однако бросила на Найнив странный взгляд. Наверное, такой же странный, как и Илэйн. Но ничего не попишешь – если Найнив начинала упрямиться, то могла поучить упрямству и мулов.

– Раз уж ты заговорила о Родне, Эгвейн, – промолвила Илэйн, – скажи, что ты надумала еще о Клятвенном Жезле?

Эгвейн подняла руку, словно останавливая Илэйн, но ответ ее был ровен и спокоен.

– Нет необходимости что-то еще придумывать, Илэйн. Три Обета, принесенные на Клятвенном Жезле, – вот что делает нас Айз Седай. Поначалу я этого не понимала, но теперь поняла. В первый же день, когда Башня будет нашей, я дам Три Обета на Клятвенном Жезле.

– Это безумие! – взорвалась Найнив, подавшись вперед на своем стуле. Как ни удивительно, на том же самом стуле. И все в том же платье. Очень удивительно. Руки, сжатые в кулаки, лежали на коленях. – Ты же знаешь, в чем дело! А Родня – доказательство! Сколько из Айз Седай старше трехсот лет? Или хотя бы дожили до этих лет? И не говори мне, что не нужно говорить о возрасте! Нелепый обычай, и тебе это известно. Эгвейн, Реанне называли Старшей, потому что она самая старшая по годам из Родни в Эбу Дар. А старейшая среди них – женщина по имени Алоисия Немосни – купчиха, торгует маслом в Тире. Эгвейн, ей почти… шесть… шестьсот… лет! Когда об этом узнает Совет, об заклад бьюсь, они готовы будут Клятвенный Жезл закинуть подальше на полку!

– Свету ведомо, триста лет – очень долгий срок, – вмешалась Илэйн, – но не могу сказать, Эгвейн, что счастлива от перспективы наполовину урезать свою жизнь. И как быть с Клятвенным Жезлом и твоим обещанием Родне? Реанне хочет стать Айз Седай, но что произойдет, когда она даст клятвы? И что будет с Алоисией? Она упадет замертво? Ты же не можешь просить их поклясться, не зная, что случится.

– Я ни о чем не *прошу*, – лицо Эгвейн по-прежнему оставалось спокойным, но она выпрямила спину, голос стал холоднее. И суровей. Глаза впивались буравами. – Женщина, которая хочет стать сестрой, будет давать клятвы. И *всякая*, кто откажется и при этом будет называть себя Айз Седай, почувствует всю весомость правосудия Башни.

Под ее пристальным взглядом Илэйн судорожно сглотнула. Найнив побледнела. В смысле слов, сказанных Эгвейн, ошибиться было нельзя. Сейчас они слышали не подругу, а Амерлин, и когда речь заходит о вынесении приговора, у Амерлин подруг нет.

Видимо, удовлетворенная произведенным впечатлением на Илэйн и Найнив, Эгвейн расслабилась.

– Я понимаю, как сложна задача, – сказала она более обыденным тоном. Более обыденным, но тем не менее не допускающим споров. – Я надеюсь, что каждая женщина, чье имя занесено в книгу послушниц, будет стараться изо всех сил, чтобы заслужить шаль, чтобы служить как Айз Седай, но я не желаю, чтобы из-за этого кто-нибудь умер. Когда Совет узнает о Родне – и когда кончит кулаками трясти, – думаю, я сумею добиться от них согласия на то, чтобы сестра, которая желает удалиться на покой, имела такую возможность. Со снятием Обетов.

Они давным-давно решили, что Жезл можно использовать как для закрепления клятв, так и для освобождения от них, иначе как

могли бы лгать Черные сестры?

– Наверное, так было бы вернее, – рассудительно заметила Найнив. Илэйн просто кивнула; она была уверена, что это куда как верно.

– Уйти на покой в Родню, Найнив, – мягко сказала Эгвейн. – Таким образом, и Родня будет связана с Башней. Разумеется, они будут жить по-своему, по своему Правилу, но должны будут признать свой Объединяющий Круг подчиненным если не Совету, то Амерлин, а также то, что женщины Родни стоят ниже сестер. Я намерена сделать их частью Башни, а не отпустить идти своим путем. Но, думаю, они согласятся.

Найнив снова кивнула, уже обрадованно, но ее улыбка исчезла, когда до нее дошла суть сказанного.

– Но!.. – захлебываясь от негодования, заговорила она. – У Родни же старшинство по возрасту! Ты хочешь, чтобы сестры подчинялись женщинам, которые даже Принятыми не стали!

– Бывшие сестры, Найнив. – Эгвейн потрогала кольцо Великого Змея на своей правой руке и слабо вздохнула. – Даже те из Родни, кто заслужил кольцо, не будут его носить. Так что и нам от него придется отказаться. Мы будем женщинами из Родни, Найнив, а совсем не Айз Седай, – она говорила так, словно уже предчувствовала тот далекий день, ту далекую потерю, но отвела руку от кольца и глубоко вздохнула. – Итак. Есть еще что-нибудь? У меня впереди долгая ночь, и мне бы хотелось немного поспать по-настоящему, прежде чем вновь встретиться с Восседающими.

Нахмурясь, Найнив крепко сжала одну руку в кулак, прикрыв другой кольца, но, судя по виду, она готова была отказаться от споров о Родне. На время.

– Тебя все так же донимают головные боли? Если массаж той женщины тебе не помогает, может, отказаться от него?

– Массаж Халимы – это просто чудо, Найнив. Без нее я бы и уснуть не могла. Итак, что… – она умолкла, глядя на двери тронного зала, и Илэйн обернулась.

В дверях стоял и заглядывал в зал мужчина – с виду мускулистый, с редкими седыми прядками в темно-рыжих волосах, не уступавший ростом айильцам, хотя ни один айилец не надел бы такую синюю куртку с высоким воротом, какая была на нем. Его суровое лицо казалось почему-то знакомым. Заметив, что женщины на него смотрят, незнакомец повернулся и убежал, скрывшись в коридоре.

Пару мгновений Илэйн изумленно хлопала глазами. Это не просто случайный сон, этот мужчина нарочно появился в *Тел'аран'риоде*, иначе он бы уже исчез, но девушка все еще слышала громкий стук его каблуков по плитам пола. Или он способен

ходить по снам – дар для мужчин крайне редкий, как утверждают Хранительницы Мудрости, – или у него есть свой *тер'ангриал*.

Вскочив на ноги, Илэйн бросилась за незнакомцем, но, как ни быстра она была, Эгвейн ее опередила. Только что она была позади – и вот уже стоит на пороге тронного зала, всматриваясь вслед убежавшему мужчине. Илэйн попыталась представить себе, что находится возле Эгвейн и через миг там и оказалась. В коридоре было тихо и пусто, только трепетали стоячие светильники, сундуки и гобелены.

– Как он это сделал? – спросила, подбежав, Найнив. Она высоко, до колен, подобрала юбки, и оказалось, что у нее чулки – шелковые, да к тому же красные! Когда Найнив заметила, что Илэйн смотрит на ее чулки, она торопливо опустила юбки и всмотрелась в коридор.

– Куда он пошел? Он же мог все слышать! Ты его не узнала? Кого-то он мне напоминает, только вот кого?

– Ранда, – сказала Эгвейн. – Так бы мог выглядеть Рандов дядя.

Ну да, конечно, подумала Илэйн. *Если бы у Ранда был злой дядя*.

С дальнего конца тронного зала эхом докатился металлический щелчок. Дверь, что вела в гардеробную позади возвышения, вдруг закрылась. В *Тел'аран'риоде* двери бывали либо открыты, либо закрыты, либо – очень редко – полуоткрыты; они никогда не захлопывались.

– Свет! – пробормотала Найнив. – Сколько народу нас подслушивало? Не говоря уже о том, кто и почему?

– Кто бы они ни были, – сдержанно откликнулась Эгвейн, – они, по-видимому, не знают *Тел'аран'риода* так, как мы. Это не друзья, можно ручаться, иначе не стали бы подслушивать. И думаю, друг другу они тоже вряд ли друзья, иначе зачем подслушивать в разных концах зала? На мужчине была шайнарская куртка. В моей армии есть шайнарцы, но вы обе знаете их всех. На Ранда никто не похож.

Найнив хмыкнула.

– Ну, кто бы он ни был, слишком уж много народу по углам слушает. Вот что я думаю. А теперь я хочу обратно, в свое тело, и мне останется тревожиться только о шпионах и отравленных кинжалах.

Шайнарцы, мелькнула в голове Илэйн мысль. Пограничные Земли. Порубежники. Как это у нее из памяти вылетело? М-да, наверное, виной тому действие корня вилочника.

– Есть еще кое-что, – вслух сказала Илэйн, не слишком громко и надеясь, что голос разнесется недалеко. Она пересказала новость Дайлин о Порубежниках в Браймском Лесу, присовокупив еще и переписку мастера Норри, одновременно стараясь глядеть

сразу в оба конца коридора, а заодно и в тронный зал. Ей не хотелось, чтобы еще какой-нибудь шпион застал их врасплох. – Думаю, в Браймском Лесу – правители Пограничных Земель, – таким выводом закончила она изложение новостей. – Все четверо.

– Ранд, – еле слышно произнесла Эгвейн с раздражением. – Даже когда его не найти, он все осложняет. У вас есть какие-нибудь идеи… они явились предложить ему верность или попытаться передать его Элайде? Иной причины я не могу придумать – с чего бы еще им проделывать марш в тысячу лиг? Да они сейчас, наверное, уже кожу от сапог варят! Вы вообще представляете, как тяжело снабжать армию в походе?

– Думаю, мы сумеем узнать, – сказала Илэйн. – Почему, я имею в виду. И в то же самое время… Эгвейн, ты подала мне замечательную идею. – Она не удержалась от улыбки. Хоть что-то *хорошее* за сегодняшний день. – Думаю, я смогу их использовать для того, чтобы наверняка получить Львиный Трон.

* * *

Асне, рассматривая высокие пяльцы, испустила вздох, превратившийся в зевок. Лампы то и дело мигали, и вышивать при таком свете было сущим наказанием, но птицы получались кривобокими вовсе не поэтому. Ей хотелось в кровать, а вышивание она ни в грош не ставила. Но она обязана бодрствовать, и занятие вышивкой – единственный способ избежать разговора с Чесмал. Вернее, того, что Чесмал называет разговором. Самоуверенная и заносчивая Желтая, сидевшая в другом конце комнаты, не отрывалась от своей работы; Чесмал считала, что если кто-то взял в руки иголку, то должен испытывать не меньшую увлеченность, чем она сама. С другой стороны, знала Асне, стоит только встать со стула, как Чесмал примется пичкать ее россказнями, интересными лишь ей самой. За месяцы, прошедшие после исчезновения Могидин, Асне по меньшей мере раз двадцать выслушала историю о том, как Чесмал участвовала в допросе Тамры Оспении, а уж о том, как Чесмал склонила Красных к убийству Сайрин Вайю прежде, чем Сайрин успела отдать приказ о ее аресте, – наверняка и все сто раз! Поверить Чесмал, она одной левой спасала Черную Айя! Дай только ей возможность, еще и не того наслушаешься. Подобные разговоры были не просто скучны, они были опасны. Смертельно опасны, если о них прознает Высший Совет. Поэтому Асне сдержала очередной зевок, поглядела, прищурившись, на свои труды и снова воткнула иголку в туго натянутое полотно. Возможно, если сделать иволгу покрупнее, удастся как-нибудь подровнять крылья.

Щелкнула дверная задвижка, и обе вскинули головы. Слуги знали, что их нельзя беспокоить, к тому же все давно должны были спать. Асне обняла *саидар*, готовя плетение, которое испепелит незваного гостя, свечение окружило и Чесмал. Если в эту дверь войдет кто-то непрошеный, он горько об этом пожалеет – пока будет умирать.

В комнату вошла Элдрит, с перчатками в руке, в темном плаще на плечах. Платье пухлой Коричневой сестры тоже было темным, без всяких вышивок и украшений. Асне терпеть не могла носить простые шерстяные платья, но им нужно держаться тише воды, ниже травы. А вот Элдрит скучная серая одежда подходит в самый раз.

При виде Асне и Чесмал Элдрит остановилась, заморгала, на круглом лице ее отразилось секундное замешательство.

– О-ой, – промолвила она. – Это я. А вы думали, кто?

Бросив перчатки на маленький столик у двери, Элдрит вдруг нахмурилась – вспомнила, что не сняла плащ, поднимаясь наверх. Она осторожно расстегнула серебряную брошь на шее и небрежно скинула плащ на стул.

Свечение *саидар* вокруг Чесмал погасло, она отодвинула пяльцы и встала. Из-за строгого выражения лица Чесмал казалась еще выше ростом, а она и так была немаленькой. Судя по ярким разноцветным цветкам на ее пяльцах, вышивала она весенний сад.

– Где ты была? – требовательно спросила Чесмал. Элдрит – выше них по положению, кроме того, и Могидин оставила ее за старшую, но в последнее время Чесмал вспоминала об этом все реже. – Ты должна была вернуться еще днем, а уже прошло полночи!

– Я потеряла ощущение времени, Чесмал, – рассеянно ответила Элдрит, пребывая, по-видимому, в глубокой задумчивости. – Давно я не была в Кэймлине, очень давно. Внутренний Город очарователен, и я великолепно пообедала в гостинице, которую помнила. Хотя, должна сказать, тогда там было куда меньше сестер. Но ни одна меня не узнала. – Она устремила взгляд на брошь, словно гадая, откуда та взялась, потом спрятала ее в кошель на поясе.

– Ты потеряла ощущение времени, – тускло промолвила Чесмал, сплетая пальцы на поясе. Возможно, чтобы удержать руки подальше от горла Элдрит. Глаза ее гневно сверкнули. – Ощущение времени.

Элдрит заморгала, словно бы удивляясь, что обращаются к ней.

– А-а! Вы боялись, что меня опять нашел Кеннит? Уверяю вас, после Самары я достаточно надежно изолировала узы.

Иногда Асне гадала, насколько эта рассеянность Элдрит является настоящей. Нельзя прожить так долго, если совершенно не замечать окружающего мира. С другой стороны, она бывала столь рассеянна, что, пока они не добрались до Самары, маскировка уз слетала не раз и не два – достаточно для того, чтобы Страж Элдрит выследил ее. Послушные приказам Могидин, которая перед уходом велела дожидаться ее возвращения, они скрывались во время беспорядков, выжидали, пока толпы прихвостней так называемого Пророка откатятся на юг в Амадицию, и оставались в мерзком разрушенном городке даже после того, как Асне начала убеждать всех, что Могидин их бросила. При воспоминании о тех днях она скривила губы. Последней каплей, подтолкнувшей их к решению покинуть Самару, стало появление в городке Кеннита, Стража Элдрит: тот был уверен, что она – убийца, наполовину убежден, что она – Черная Айя, и полон решимости убить ее, невзирая на последствия. Неудивительно, что Элдрит не захотела испытать эти последствия на себе и не позволила никому убить своего Стража. Единственным выходом стало бегство. И именно Элдрит указала на Кэймлин, как на единственную для них надежду.

– Ты что-нибудь узнала, Элдрит? – вежливо поинтересовалась Асне. Чесмал – дура. Каким бы разодранным не казался сейчас мир, дела еще пойдут на лад. Так или иначе.

– Что? А-а. Только то, что перечный соус не так хорош, как мне помнилось. Разумеется, то было пятьдесят лет назад.

Асне подавила вздох. Возможно, в конце концов, и настало время случиться с Элдрит несчастному случаю.

Дверь открылась, и в комнату проскользнула Тимэйл, так тихо, что застала их врасплох. Тщедушная Серая сестра с лисьим личиком набросила на себя халат с вышитыми на плечах львами, но тот распахнулся спереди, открыв шелковую кремового цвета ночную сорочку, которая облегала тело прямо-таки неприлично. На ладони Тимейл висел браслет, составленный из перекрученных стеклянных колец. Кольца казались стеклянными и на ощупь были таковыми, но на них не оставил бы следа даже молот.

– Ты была в *Тел'аран'риоде*, – сказала Элдрит, нахмурясь и глядя на *тер'ангриал*. Впрочем, говорила она без нажима.

Они все побаивались Тимэйл, с того дня, когда Могидин заставила всех смотреть, как та мучила Лиандрин. Асне потеряла счет, как часто сама убивала или пытала кого-то за сто тридцать с лишним лет со времени получения шали, но ей редко доводилось видеть человека столь… исступленного, как Тимэйл. Наблюдая за Тимэйл и делая вид, что не смотрит на нее, Чесмал как будто не замечала того, что нервно облизывает губы. Асне и сама быстро прикусила язычок, надеясь, что никто не увидел. Элдрит уж точ-

но не заметила.

– Мы же договорились не использовать их, – сказала Элдрит чуть ли не с мольбой в голосе. – Уверена, это Найнив ранила Могидин, а если она одолела в *Тел'аран'риоде* одну из Отрекшихся, то какие против нее шансы у нас? – Повернувшись к остальным, она попыталась сделать выговор, но голос ее прозвучал просто сварливо: – Вы двое знали об этом?

Чесмал встретила пристальный взгляд Элдрит с негодованием, а Асне приняла вид изумленной невинности. Они знали, но кто решился бы встать на пути Тимэйл? Сама Элдрит, будь она тут, осмелилась бы в лучшем случае возразить для виду, и не более того, Асне в этом не сомневалась.

Тимэйл хорошо знала, какие чувства внушает другимЧерным сестрам. Ей бы, понурив голову, выслушать выговор Элдрит, как бы жалко тот ни звучал, и извиниться за поступок, совершенный без позволения. Но она улыбнулась, правда, улыбка эта не отразилась в ее глазах – больших, темных и чересчур блестящих.

– Ты была права, Элдрит. Права, что Илэйн явится туда, и права, что с нею будет Найнив. Они были там вместе, и ясно, что обе они находятся во дворце.

– Да, – промолвила Элдрит, слегка смутившись под взглядом Тимэйл. – Хорошо, – и теперь уже она облизнула губы и переступила с ноги на ногу. – Пусть так, но пока мы не поймем, как пробраться к ним, минуя всех этих дичков…

– Элдрит, это они – дички. – Тимэйл уселась в кресло, раскинув руки и ноги, и тон ее стал тверже. Не настолько, чтобы показаться командным, но весьма твердым. – Нас должны беспокоить только три сестры, и от них мы способны избавиться. Мы можем захватить Найнив и, возможно, Илэйн в придачу. – Вдруг она подалась вперед, опершись руками о подлокотники кресла. Невзирая на небрежность одеяния, Тимэйл отнюдь не выглядела сейчас распустехой. Элдрит отшатнулась, как будто Тимэйл толкнула ее взглядом. – Иначе зачем мы здесь, Элдрит? Мы же за этим сюда явились.

Возразить было нечего. За спиною у всех лежала череда неудач – в Тире и в Танчико, – которая могла стоить им жизни, попади они в лапы Высшего Совета. Но все будет иначе, если в покровителях у них – одна из Избранных, а раз Могидин так жаждет заполучить Найнив, то, наверное, и вторую тоже не прочь захватить. Вся закавыка в том, как отыскать эту самую одну из Избранных, чтобы преподнести ей такой дорогой подарок. Похоже, никому в голову не приходило взглянуть на задачу с этой стороны.

– Там были и другие, – продолжила Тимэйл, вновь откинувшись на спинку кресла. Голос ее зазвучал чуть ли не скучно. –

Шпионили за нашими двумя Принятыми. Мужчина, который позволил им увидеть себя, и кто-то еще – я не сумела разглядеть. – Тимэйл раздраженно надулась. Во всяком случае, вид у нее сделался надутый – только глаза выдавали. – Пришлось прятаться за колонной, чтобы девчонки меня не заметили. Это должно бы обрадовать тебя, Элдрит. То, что они меня не заметили. Ты довольна?

Элдрит, отвечая, что она довольна, едва ли не заикалась.

Асне позволила себе почувствовать своих четверых Стражей, приблизившихся еще больше. Она перестала маскироваться, когда покинула Самару. Конечно, из них лишь Паул был Приверженцем Тьмы, однако и остальные сделают все, что она им велит, поверят во все, что она скажет. О своих Стражах остальным сестрам говорить нельзя, только в самом крайнем случае, но ей очень хотелось, чтобы под рукой были вооруженные мужчины. Мускулы и сталь очень пригодятся. А если дела пойдут хуже некуда, то она всегда может вытащить на свет длинный желобчатый жезл, который припрятала Могидин – но не так хорошо, как полагала.

* * *

В окна гостиной пробивался серый предутренний свет. Обычно в столь ранний час леди Шиайн еще лежала в постели, но сегодня она была на ногах и одета еще затемно. Леди Шиайн – теперь она думала о себе именно так. Мили Скейн, дочь седельника, была почти забыта. Она и впрямь во всех отношениях сделалась леди Шиайн Авархин, каковой и называлась многие годы. Лорд Виллим Авархин разорился и вынужден был поселиться в ветхом фермерском доме, будучи не в состоянии наскрести денег даже на ремонт развалюхи. И вместе с единственной дочерью, последней в угасающем роду, так и жил в деревенской глуши, скрывшись от всех знакомых, но не от нужды, а теперь и он, и его дочь – всего лишь кости, закопанные в лесу близ той самой халупы, и отныне *она* была леди Шиайн. И если этот высокий, каменный, хорошо обставленный дом и не тянул на звание особняка благородной дамы, то вполне мог принадлежать преуспевающей купчихе. Когда-то и принадлежал, и хозяйка его тоже давным-давно мертва – после того, как отписала богатства своей «наследнице». Мебель была превосходной, ковры – дорогими, гобелены и даже обивка шиты золотом; обогревавшее дом пламя гудело в широком камине из мрамора с голубыми прожилками. На гладкой некогда стене над дверями леди Шиайн распорядилась вырезать эмблемы в виде Сердца и Руки – герба Дома Авархин.

– Еще вина, девочка, – резко сказала Шиайн. Фалион торопливо налила из высокогорлого серебряного кувшина в кубок горячего, приправленного пряностями вина и поспешила к ней. Фалион весьма шла ливрея служанки с Красным Сердцем и Золотой Рукой на груди. На лице ее застыло бесстрастное выражение. Потом Фалион поставила кувшин на высокий комод и заняла свое место возле двери.

– Опасную игру ты затеяла, – сказала Мариллин Гемалфин, зажав свой кубок между ладонями. Тощая, кожа да кости, с тусклыми светло-каштановыми волосами, Коричневая сестра внешне мало напоминала Айз Седай. К ее узкому лицу и широкому носу больше подошла бы ливрея Фалион, а не синее платье из тонкой шерсти, которое было под стать какой-нибудь купчихе средней руки. – Знаю, каким-то образом она отрезана щитом, но когда она вновь сможет направлять Силу, то все тебе припомнит. Ты у нее волком взвоешь. – Ее тонкие губы скривились в невеселой улыбке. – Если она тебе позволит взвыть.

– Так распорядился поступить с ней Моридин, – ответила Шиайн. – Она провалила все дело в Эбу Дар, и он приказал наказать ее. Подробностей не знаю и знать не желаю, но если Моридин захочет, чтобы ее носом в грязь сунули, то я затолкаю ее так глубоко, что она еще год грязью дышать будет. Или ты думаешь, я ослушаюсь кого-то из Избранных? – Шиайн едва удалось скрыть дрожь, охватившую ее при одной мысли о подобном. Мариллин поднесла кубок ко рту, пряча лицо, но глаза ее сузились. – А что ты скажешь, Фалион? – спросила Шиайн. – Хочешь, чтобы я попросила Моридина убрать тебя? Он мог бы найти для тебя что-нибудь менее обременительное.

Мулы тоже могли бы соловьями петь.

Фалион не замешкалась ни на миг. Она присела в реверансе, склонив голову и держа спину прямо, как образцовая служанка; лицо ее побледнело больше прежнего.

– Нет, госпожа, – торопливо промолвила она. – Я довольна своим положением, госпожа.

– Вот видишь? – сказала Шиайн другой Айз Седай. Она очень сомневалась, что Фалион хоть капельку довольна, но та с готовностью примет что угодно, лишь бы не навлечь на себя неудовольствие Моридина. По той же самой причине Шиайн будет править ею очень суровой рукой. Никогда не знаешь, что станет известно одному из Избранных и что он как истолкует. И хоть сама Шиайн полагала, что собственная ее неудача похоронена глубоко-глубоко, но рисковать бы не стала. – Когда она сможет вновь направлять, Мариллин, не все время ей придется быть служанкой. – Во всяком случае, Моридин сказал Шиайн, что она,

если захочет, может убить Фалион. И убьет, если это положение станет ее слишком раздражать. Моридин сказал, что если Шиайн захочет, то может убить обеих сестер.

– Может, так и будет, – мрачно заметила Мариллин. Она покосилась на Фалион и поморщилась. – Итак, Могидин дала мне инструкции, чтобы я предложила тебе посильную помощь. Но сразу скажу, что я не хочу переступать порог Королевского дворца. По мне, в городе чересчур много сестер, но дворец вдобавок набит дичками. Я и десяти шагов не пройду – кто-нибудь сразу поймет, кто я такая.

Вздохнув, Шиайн откинулась на спинку и скрестила ноги, лениво качая обутой в мягкую туфлю ногой. Почему люди думают, что тебе известно меньше, чем им? В мире полным-полно дураков!

– Могидин приказала тебе подчиняться мне, Мариллин. Я это знаю, потому что мне сказал Моридин. Прямо он этого не говорил, но думаю, если он щелкнет пальцами, Могидин запрыгает. – Говорить так об Избранной опасно, но во избежание недоразумений Шиайн должна все расставить по местам: – Не желаешь еще раз сказать мне, чего ты делать не хочешь?

Узколицая Айз Седай облизнула губы, снова бросила взгляд на Фалион. Неужели она опасается, что все может окончиться вот так же? По правде говоря, Шиайн, не раздумывая, обменяла бы Фалион на настоящую горничную, которая знает, как себя вести с леди. Конечно, если она вдобавок будет способна выполнять и некоторые особые поручения. Более вероятно, что, когда Шиайн осуществит свои планы, они обе умрут. Шиайн не любила оставлять ненужных свидетелей, а значит – концы в воду.

– Я не обманывала тебя, – медленно промолвила Мариллин. – Я и в самом деле десяти шагов не пройду. Но во дворце уже есть одна женщина. Она может сделать то, что тебе нужно. Хотя, чтобы с ней связаться, понадобится время.

– Только, Мариллин, постарайся, чтобы это заняло не слишком много времени.

Ну вот. Одна из сестер во дворце – Черная Айя, так? Чтобы сделать то, что нужно Шиайн, та женщина должна быть Айз Седай, а не просто Приспешницей Темного.

Дверь открылась, в комнату вопросительно заглянул Мурелллин, его массивная мускулистая фигура заполнила почти весь проем. Позади него Шиайн разглядела еще одного мужчину. Когда она кивнула, Мурелллин отступил в сторону, знаком пригласил Даведа Ханлона войти и закрыл за ним дверь. Ханлон был закутан в темный плащ, но, выпростав руку, он змеиным движением ухватил Фалион за округлость пониже спины. Она злобно

покосилась на него, но не отстранилась. Ханлон был частью ее наказания. Тем не менее у Шиайн не было ни малейшего желания наблюдать, как он забавляется с женщиной.

– Успеешь еще, – бросила ему Шиайн. – Все прошло удачно?

Широкая ухмылка рассекла его лицо, напоминавшее топор.

– Конечно, как я и планировал, – он откинул полу плаща, демонстрируя золотые банты своего ранга на красном мундире. – Ты говоришь с капитаном Личной Охраны Королевы.

Глава 11

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВАЖНОМ

Ранд, не глядя, шагнул через переходные врата в большую сумрачную комнату. Пошатнулся от напряжения, с которым, удерживая плетение, боролся с *саидин*; его тошнило, хотелось сложиться вдвое и вывернуться наизнанку. Держаться прямо стоило немалых усилий. Маленькие окошки, прорезанные высоко в одной стене, были закрыты, но в щели ставней пробивался свет, которого хватало для обостренного Силой зрения Ранда. Комната была загромождена мебелью, местами прикрытой чехлами или просто кусками ткани, кругом стояли разнообразные бочки, в каких хранят глиняную посуду, всевозможных размеров и форм сундуки, коробки, ящики и всякая всячина. Свободными оставались разве что проходы между ними, в шаг или два шириной. Ранд был уверен, что не встретит здесь слуг. На самых верхних этажах Королевского дворца имелось несколько подобных кладовок, смахивавших на чердаки огромных деревенских домов и почти таких же заброшенных. Кроме того, он ведь, в конце концов, *та'верен*. Очень хорошо, что тут никого не случилось, когда открывались врата. Одна их сторона срезала уголок пустого сундука, обитого потрескавшейся и подгнившей кожей, а вторая оставила гладкий как стекло срез вдоль длинного инкрустированного стола, уставленного вазами и деревянными ящичками. Наверное, век или два тому назад за этим столом обедала какая-то из королев Андора.

Век или два, громко рассмеялся у него в голове Льюс Тэрин. *Очень давно. Во имя любви Света, отпусти же! Это же сущая Бездна Рока!* Голос становился все тише и тише, исчезая в укромных уголках разума Ранда.

На этот раз у Ранда имелись свои причины прислушиваться к жалобам Льюса Тэрина. Он поспешил махнуть рукой Мин, стоявшей по ту сторону врат на лесной поляне, приглашая ее за собой, а когда она шагнула в комнату, сразу отпустил *саидин*. В тот же миг врата свернулись в тоненькую вертикальную щель и исчезли. К огромному облегчению, вместе с *саидин* пропала и тошнота. Голова по-прежнему немного кружилась, но он уже не чувствовал себя так, словно в любой момент его вырвет, или он свалится с ног, или и то и другое разом. Но ощущение мерзостности осталось, порча Темного просачивалась из плетений, которые он закрепил вокруг себя. Перекинув лямку кожаной котомки с одного

плеча на другое, Ранд постарался одновременно незаметно отереть рукавом пот с лица. Но он напрасно беспокоился, что Мин заметит испарину.

Первым же шагом ее синие сапоги на каблуках потревожили пыль на полу, на втором шагу пыль взвилась клубами в воздух. Девушка еле успела вытащить из рукава кружевной платочек и расчихалась вовсю. Жаль, что она не захотела остаться в платье. Рукава и отвороты ее синей куртки украшали вышитые белые цветочки, а ноги тесно облегали штаны, оттенком чуть посветлее куртки. За пояс Мин были заткнуты ярко-синие, с желтой вышивкой перчатки для верховой езды; плащ, заколотый золотой фибулой в виде розы, по краю украшали вышитые завитки; в подобном костюме она могла появиться здесь и более привычным способом, но, несомненно, незамеченной она не останется. Сам же Ранд обрядился в грубую темно-коричневую шерстяную одежду, какую мог бы носить любой работник. В большинстве мест, где они побывали за последние несколько дней, он как можно шумнее заявлял о своем появлении; но на сей раз хотел уйти не просто раньше, чем кто-то узнает о том, что он тут был, – о его визите вообще должны были знать всего несколько человек.

– Чего ты ухмыляешься и ухо чешешь, как телепень какой? – спросила Мин, засовывая платочек обратно в рукав. В ее больших темных глазах плескалось подозрение.

– Просто думаю, какая ты красивая, – негромко сказал Ранд. Она и в самом деле была красива. Всякий раз, как он глядел на нее, он думал об этом. А еще чувствовал угрызения совести из-за того, что не смог настоять на своем и отправить ее в безопасное место.

Мин глубоко вздохнула и тут же чихнула снова, не успев даже прикрыться ладошкой, а потом посмотрела на Ранда сердито, словно он был в том виноват.

– Ради тебя, Ранд ал'Тор, я бросила свою лошадь. Ради тебя я завила волосы. Ради тебя я отказалась от своей *жизни*! А от штанов и куртки не откажусь! Кроме того, здесь почти никто не видел меня в платье, я сразу переодевалась. Сам знаешь, твоя задумка не сработает, пока меня не узнают. А тебе и всяко не прикинуться, будто ты забрел с улицы, с такой-то физиономией.

Ранд машинально провел рукой по челюсти, ощупывая лицо, но вовсе не это лицо видела Мин. Любой сейчас, глядя на него, увидел бы мужчину на несколько дюймов ниже и на несколько лет старше Ранда ал'Тора, с черными прямыми волосами, тусклыми карими глазами и носом картошкой, «украшенным» бородавкой. Только прикосновение способно проникнуть через Маску Зеркал. Даже Аша'ману не увидеть его истинного лица, посколь-

ку плетения инвертированы. Хотя, окажись во дворце Аша'ман, это означало бы, что план Ранда куда неудачнее, чем он предполагал. Этот визит не может, не должен привести к новым смертям. Так или иначе Мин права: человеку с таким лицом вряд ли позволили бы войти в Королевский дворец Андора без провожатых.

– Главное – закончить тут дела. А потом мы по-быстрому смоемся, – сказал Ранд. – Пока кто-нибудь не успеет додуматься, что раз ты здесь, то и я, наверное, где-то поблизости.

– Ранд… – промолвила Мин тихим голосом, и он настороженно оглядел ее. Она положила руку ему на грудь и подняла очень серьезный взор. – Ранд, тебе обязательно нужно повидаться с Илэйн. И с Авиендой. Ты же знаешь, она наверняка тоже здесь. Если ты…

Он покачал головой и тотчас же пожалел об этом. Все-таки головокружение еще не совсем прошло.

– Нет! – коротко сказал Ранд. О Свет! Что бы ни говорила Мин, он не мог поверить, что Илэйн и Авиенда *обе* его любят. И не мог поверить, что Мин этот факт не огорчает, – если они действительно его любят. Женщины, конечно, существа странные, но не настолько же! У Илэйн и у Авиенды есть причины ненавидеть его, а вовсе не любить, и Илэйн, по крайней мере, сама все прояснила. И что хуже всего, он был влюблен в обеих, так же, как и в Мин! Он должен быть твердым как сталь, но боялся, что разлетится вдребезги, если окажется вдруг сразу перед всеми тремя. – Мы отыщем Найнив и Мэта и уйдем, так быстро, как сумеем. – Она открыла рот, но он не дал ей заговорить. – Не спорь со мной, Мин. На споры нет времени!

Склонив голову набок, Мин легко улыбнулась.

– Когда это я с тобой спорила? Разве я не делала всегда то, что ты мне говорил? – И как будто этой лжи было мало, она прибавила: – Я хотела сказать, если ты торопишься, так зачем нам весь день стоять в этой пыльной кладовке? – И девушка опять чихнула, как будто подчеркивая свои слова.

Мин, даже одетая по-мужски, привлекла бы к себе меньше внимания, поэтому из кладовки первой голову высунула она. По-видимому, это помещение было еще не совсем предано забвению; массивные дверные петли почти не скрипели. Быстро окинув взглядом оба конца коридора, девушка выскочила за порог и жестом позвала за собой Ранда. *Та'верен* или нет, но он облегченно вздохнул, обнаружив, что длинный коридор пуст. Даже самый тупой слуга невольно озадачился бы, увидев, как из кладовой вываливается столь колоритная парочка. Впрочем, им наверняка встретятся люди, и скоро. В андорском Королевском дворце было

не так много слуг, как в Солнечном дворце или в Тирской Твердыне, но их тут насчитывалось несколько сотен – ведь дворец-то немаленький. Шагая рядом с Мин, Ранд старался идти неуклюже, волочил ноги и глазел по сторонам на цветастые гобелены, резные стенные панели и блестящие полированные буфеты. Здесь, наверху, они были не столь изысканны и великолепны, как внизу, но простой работяга от такой роскоши все равно обалдел бы.

– Нам нужно поскорее выбраться на нижний этаж, – пробормотал Ранд. На виду по-прежнему никого не было, но за ближайшим углом могло обнаружиться с десяток человек. – Не забудь, у первого попавшегося слуги спроси, где найти Найнив и Мэта. Лишних слов не надо, только если потребуются объяснения.

– Ну, спасибо, что напомнил, Ранд. Знала, что из головы что-то вылетело, но вот что, и вообразить не могла. – Ее мимолетная улыбка была чересчур натянутой, и она что-то проворчала себе под нос.

Ранд вздохнул. Дело важное, а ей бы в игры играть, и если он позволит, она вновь возьмется за свое. Впрочем, у самой Мин была иная точка зрения. Иногда ее представления о том, что важно, а что нет, очень отличались от его мнения. В корне отличались. За нею нужен глаз да глаз.

– Ба, госпожа Фаршав! – раздался позади женский голос. – Это ведь госпожа Фаршав, верно?

Ранд резко развернулся, котомка мотнулась и тяжело стукнула его по спине. На Мин ошеломленно смотрела пухлая женщина – наверное, последний человек, не считая Илэйн и Авиенду, которого Ранд хотел встретить. Гадая, почему на ней красный плащ-табар с эмблемой Белого Льва, он ссутулился, спрятал глаза. Простой рабочий, у которого есть своя работа. На такого не стоит глядеть дважды.

– Госпожа Харфор? – воскликнула Мин, лучась от радости. – Да, это я. Вот вы тот самый человек, которого я ищу. Боюсь, я заблудилась. Не могли бы вы подсказать, где найти Найнив ал'Мира? И Мэта Коутона? Этот парень должен Найнив кое-что передать.

Главная горничная слегка нахмурилась, глядя на Ранда, потом вновь обратила внимание на Мин. Окинув взглядом ее наряд, она подняла бровь – может, пыль заметила? – однако ничего на этот счет не сказала.

– Мэт Коутон? По-моему, я такого не знаю. Если только он не из новых слуг или гвардейцев… – с сомнением добавила она. – А что до Найнив Седай, то она крайне занята. Полагаю, ничего страшного, если я возьму, что нужно передать, и оставлю у нее в комнате.

Ранд вскинулся. Найнив *Седай*? Почему остальные – настоящие Айз Седай – до сих пор позволяют ей корчить из себя невесть кого? И Мэта здесь нет? И, видно, никогда и не было. В голове вихрем закружились разноцветные пятна, какая-то картинка, которую не удалось разглядеть. Миг, и цветовой вихрь исчез, но Ранд пошатнулся. Госпожа Харфор вновь бросила на него хмурый взор и хмыкнула. Вероятно, подумала, что он под хмельком.

Мин тоже нахмурилась, но задумчиво, постукивая пальцем по подбородку, но длилось ее раздумье лишь пару мгновений.

– Наверное, Найнив… Седай захочет повидать его. – Запинка была почти незаметна. – Госпожа Харфор, вы можете проводить его в ее покои? Мне до отъезда поручили еще кое-что сделать. А ты, Нули, веди себя как следует и делай, что велено. Он хороший малый.

Ранд открыл было рот, но не успел и слова вымолвить, как Мин, чуть ли не бегом, помчалась по коридору. Плащ развевался за спиной, так стремительно она двигалась. Чтоб ей сгореть, она собирается отыскать Илэйн! Она все погубит!

Планы твои рухнули, потому что ты, безумец, хочешь жить. Голос Льюса Тэрина звучал неприятным жарким шепотом. *Признай, что ты мертв. Смирись с этим и перестань меня терзать, безумец!* Ранд приглушил этот голос до невнятного бормотания, нудного зудения во тьме его головы. Нули? Что еще за имечко такое – Нули?

Госпожа Харфор остолбенело глядела вслед Мин, пока девушка не скрылась за углом, потом одернула, поправляя, ливрею, в чем та совершенно не нуждалась. И повернулась к Ранду. Даже под Маской Зеркал он возвышался над нею чуть ли не на голову, однако Рин Харфор была не из тех женщин, которых может смутить такой пустяк.

– Таким, как ты, Нули, я не доверяю, – произнесла она, еще сильнее нахмурившись, – так что будь осторожен. Будь очень осторожен, если у тебя есть хоть чуточка мозгов.

Придерживая одной рукой лямку котомки, другой Ранд дернул себя за свисавший на лоб чуб.

– Да, госпожа, – сипло пробурчал он. Главная горничная могла узнать его голос. Предполагалось, что, пока они не отыщут Найнив и Мэта, разговаривать со всеми будет Мин. Что, во имя Света, ему делать, если она приволочет Илэйн? А может, и Авиенду. Она же действительно должна тоже быть здесь. О Свет! – Прошу прощения, госпожа, но нам бы поспешать. Очень нужно, чтоб я с Найнив повидался поскорее. – Он чуть приподнял висевшую на плече котомку. – Тут что-то важное, оно ей очень надо.

Если он успеет закруглиться с делами к возвращению Мин, есть еще надежда убраться вместе с ней подобру-поздорову и не встретиться с теми двумя.

– Если Найнив *Седай* сочтет нужным, – ядовито ответила главная горничная, выделив голосом уважительное обращение, которым он пренебрег, – она соблаговолит оставить для тебя весточку. А теперь – ступай за мной и свои замечания держи при себе.

Не дожидаясь ответа, она зашагала вперед с величественным изяществом. В конце концов, что ему оставалось, кроме как делать то, что велели? Насколько Ранд помнил, главная горничная привыкла к тому, чтобы все поступали, как им велено. Нагнав ее широкими шагами, Ранд двинулся было с нею рядом, но успел сделать лишь пару шагов, а потом ее недоуменный взгляд заставил его приотстать – он, дернув себя за чуб, промямлил извинения. Ранд привык сам идти впереди, а не шагать за кем-то следом. Промашка не улучшила его настроения. Не говоря уж о так и не прошедшем головокружении и мерзости порчи. Похоже, в последнее время настроение у него все больше скверное, если только рядом нет Мин.

Ранд прошел за госпожой Харфор совсем немного, и в коридорах начали встречаться слуги в ливреях – они прибирались, вытирали пыль, что-то куда-то несли, и все торопились. Чистая случайность, что они с Мин, вылезая из кладовой, ни с кем не столкнулись. Опять везение *та'верена*. Когда спустились по узкой лестнице для слуг, устроенной в толще стены, народу стало гораздо больше. И – огромное количество женщин, на которых не было ливрей. Меднокожие доманийки, низенькие светлокожие кайриэнки, женщины с оливковой кожей и темными глазами – отнюдь не андорки. При виде них Ранд сдержанно улыбнулся. Лицо ни одной из них он не назвал бы безвозрастным, а у многих были морщины, которых никогда не встретишь у Айз Седай, но порой, когда он оказывался близко от какой-то из этих женщин, по телу у него пробегали мурашки. Они направляли Силу, или, по крайней мере, обнимали *саидар*. Госпожа Харфор вела Ранда мимо закрытых дверей, возле которых он тоже ощущал покалывание. За этими дверьми должны были направлять Силу и другие женщины.

– Прошу прощения, госпожа, – произнес он хриплым голосом, присущим Нули. – А сколько во дворце Айз Седай?

– Не твое дело, – отрезала та. Но, покосившись через плечо, вздохнула и смилостивилась: – Думаю, не будет ничего страшного, если узнаешь. Пятеро, считая леди Илэйн и Найнив Седай. – В голосе ее послышалась гордость. – Давно уже так много Айз Седай не просили одновременно о гостеприимстве.

Ранд готов был рассмеяться, но отнюдь не от радости. Пятеро? Нет, это же вместе с Найнив и Илэйн. Три настоящих Айз Седай. Три! Остальные, кто бы они ни были, значения не имеют. А он-то поверил было, что слухи о сотнях Айз Седай, двигающихся с войском к Кэймлину, означают, будто и вправду за Драконом Возрожденным готовы последовать многие. Однако даже его скромные надежды оказались чересчур оптимистичными – он рассчитывал десятка на два. Слухи – это всего лишь слухи. Или же тут какая-то интрига Элайды. О Свет, где же Мэт? Цветное пятно вспыхнуло у него в голове – на миг почудилось, будто это лицо Мэта, – и Ранд споткнулся.

– Если ты, Нули, заявился сюда пьяным, – твердо сказала госпожа Харфор, – ты горько пожалеешь. Я сама об этом позабочусь!

– Да, госпожа, – пробормотал Ранд, дернув за чубчик. Льюс Тэрин разразился в его голове безумным, со всхлипами, смехом. Он должен был сюда прийти – это было просто необходимо, – однако уже начинал жалеть о своем решении.

* * *

Окруженные сиянием *саидар,* Найнив и Талаан стояли в четырех шагах напротив друг друга, возле камина, где огонь сумел изгнать из воздуха весь холод. А может, мрачно подумала Найнив, ее согрели усилия, которых стоил ей этот урок. Он длился почти час, если верить изысканно украшенным часам на резной каминной полке. Целый час без роздыху направлять Силу – от этого кто угодно согреется. Вообще-то был черед Сарейты вести занятия, но Коричневая сестра улизнула из дворца, оставив записку, что у нее в городе срочное дело. Кареане не пожелала заниматься второй день подряд, а Вандене и вовсе отказывалась учить Морской Народ на том нелепом основании, что обучение Кирстиан и Зарии не оставляет ей времени ни на что другое.

– Вот так, – сказала Найнив, захлестывая потоком Духа и отражая направленное на ее плетение щупальце, которым по-мальчишечьи стройная ученица Морского Народа пыталась ей противостоять. Прибавив мощи в собственный поток, Найнивеще дальше оттеснила плетение девушки и одновременно направила Воздух в три отдельных своих плетения. Одно защекотало Талаан под ребрами через синюю полотняную блузу. Простая уловка, но девушка от неожиданности ойкнула и на миг чуть-чуть ослабила свое объятие Источника, хотя и без того ее наполняла весьма слабая искорка Силы. В тот же миг Найнив прекратила давить первым своим потоком и направила все силы на первоначальную цель. Отгородить Талаан щитом, судя по ощущениям, весьма напоминало битье ладонью по стене – разве что боль отдавалась

не в одной ладони, а в равной степени по всему телу, – однако свечение *саидар* погасло сразу, как только последние два потока Воздуха рывком прижали руки Талаан к бокам и крепко захлестнули колени, примяв ее широкие темные штаны.

Очень хорошо проделано, так могла бы отозваться о своих действиях Найнив. Девушка оказалась весьма сообразительной, очень ловкой в своих плетениях. Кроме того, попытка отгородить щитом кого-то, уже удерживающего Силу, в лучшем случае рискованна, а в худшем тщетна, если только ты не сильнее *намного* – что иногда бывает, – а Талаан была ей почти ровня, и имевшаяся незначительная разница роли не играла. Потому-то Найнив и расплылась в самодовольной улыбке. Казалось, совсем недавно сестры изумлялись силе Найнив и полагали, что большей силой обладают лишь немногие из Отрекшихся. Однако нынешний уровень Талаан – еще не предел; она ведь так молода, почти подросток. Сколько ей, пятнадцать? А может, и меньше! Одному Свету ведомо, каков ее потенциал. По крайней мере, никто из Ищущих Ветер не упоминал об этом, а спрашивать Найнив не собиралась. Ей вовсе неинтересно знать, насколько сильнее ее станет какая-то девчонка из Морского Народа. Совершенно не интересно.

По узорному зеленому ковру переступили босые ноги, Талаан сделала еще одну тщетную попытку пробить щит, с легкостью установленный Найнив, потом огорченно вздохнула и потупила глаза. Даже когда она успешно следовала указаниям Найнив, девушка вела себя так, словно терпела неудачу, а теперь понурилась уж с таким убитым видом, словно ее удерживали на ногах только плетения Воздуха.

Распустив свои потоки, Найнив оправила шаль и открыла рот, чтобы объяснить Талаан, что именно та сделала неверно. И указать – в очередной раз, – что бесполезно пытаться прорвать щит, если только ты не гораздо сильнее того, кто отгородил тебя им. По-видимому, Морской Народ верит ей с трудом; чтобы убедить их в чем-то, нужно сказать об этом раз десять и продемонстрировать двадцать.

Прежде чем Найнив успела вымолвить хоть слово, заговорила Сенин дин Риал.

– Она использовала твою же силу против тебя, – без обиняков заявила она. – И опять отвлекла внимание. Это же все равно что борьба, девочка. А ведь бороться ты умеешь.

– Попробуй еще раз, – велела Зайда, энергично взмахнув смуглой, покрытой татуировками рукой.

Все стулья в комнате были сдвинуты к стене, хотя освобождать место и не требовалось, и сидевшая в окружении шести Ищущих Ветер Зайда внимательно наблюдала за уроком – в глазах рябило

как от буйства красных, желтых, синих одежд, шитых золотой нитью шелков и ярко раскрашенного полотна, так и от блеска золотых сережек, колец в носу и цепочек с медальонами. Так эти уроки и проходили: одна из двух учениц работала – или же место ученицы, как слыхала Найнив, заставляли занимать Мерилилль, если только не она сама вела урок, – а Зайда и группа Ищущих Ветер наблюдали. Госпожа Волн, разумеется, не обладала способностью направлять Силу, но присутствовала всегда, и никто из Ищущих Ветер не снисходил до личного участия в уроке. О, никогда.

По мнению Найнив, сегодняшняя группа была весьма необычной, если принимать во внимание приверженность Морского Народа своей иерархии. Справа от Зайды сидела ее Ищущая Ветер, Шайлин, стройная, сдержанная женщина; ростом чуть ниже Авиенды, она возвышалась над Зайдой. Ее присутствие было уместно, как понимала Найнив, но слева от Зайды расположилась Сенин, и она служила на корабле самого малого у Морского Народа класса, причем ее корабль принадлежал к числу самых маленьких. Конечно, закаленная, повидавшая виды женщина, с морщинистым лицом и густо припорошенными сединой волосами, в прошлом носила не шесть сережек в ушах, а куда больше, как и золотых медальонов на пересекавшей левую щеку цепочке. Сенин была Ищущей Ветер при Госпоже Кораблей до того, как на этот пост избрали Несту дин Реас, но по их закону после смерти Госпожи Кораблей или Госпожи Волн служившая при ней Ищущая Ветер начинала свою службу сызнова, с самого низшего уровня. Впрочем, Найнив была уверена, что в присутствии Сенин крылось нечто большее, чем уважение к прежнему ее положению. Райнин, молодая женщина с румяными и круглыми, как яблоки, щечками, также служившая на одном из малых кораблей, сидела возле Сенин, а каменнолицая, с непроницаемыми глазами Курин черным изваянием застыла рядом с Шайлин. По краям оказались Кайре и Тебрейлле, а они были Ищущими Ветер при самих Госпожах Волн, у обеих – по четыре толстых золотых кольца в каждом ухе, а медальонов, пожалуй, не меньше, чем у самой Зайды. Впрочем, возможно, дело было в том, чтобы подальше рассадить надменно смотревших на все вокруг сестер. Они питали друг к дружке столь страстную ненависть, какая возникает лишь между кровными родичами. Наверное, дело именно в этом. Понять Ата'ан Миэйр еще труднее, чем понять мужчин. От такой задачки у женщины ум за разум может зайти.

Ворча под нос, Найнив одернула шаль и сосредоточилась, готовя свои плетения. Ослепительное удовольствие от *саидар* едва ли могло сравниться с ее недовольством. Попробуй еще, Найнив.

Еще разок, Найнив. Давай-ка, Найнив. Хорошо хоть, Ренейле тут нет. Подчас они требовали от Найнив обучения таким вещам, которые она знала не особенно хорошо, – и очень часто таким, которые вообще едва знала, как с неохотой признавалась она себе. В Башне Найнив успела научиться не слишком многому, и стоило ей ныне допустить хоть малейшую оплошку, как Ренейле явно начинала радоваться тому, что заставляет ее попотеть. Остальные тоже заставляли ее попотеть, но, кажется, такого удовольствия не испытывали. В конце-то концов, она устала, ведь целый час прошел! Пропади пропадом Сарейта с невесть каким своим делом!

Найнив ударила вновь, но на сей раз поток Духа Талаан встретил ее плетение намного мягче, чем она ожидала, и ее собственный поток отклонил чужой в сторону дальше, чем она намеревалась. Вдруг шесть плетений Воздуха рванулись от девчонки, устремившись к Найнив, и она быстренько рассекла их Огнем. Отсеченные потоки отскочили к Талаан, и девушка заметно пошатнулась, но, прежде чем они исчезли, возникли еще шесть, куда более стремительных. Найнив полоснула по ним. И ахнула, когда созданное Талаан плетение Духа затрепетало рядом и обернулось вокруг нее, отрезая от *саидар*. Ее отсекли щитом! Талаан отгородила ее щитом! И еще одно унижение, в довершение всего: потоки Воздуха туго спеленали Найнив по рукам и ногам, смяв юбки. Если в она не так сильно расстраивалась из-за Сарейты, этого никогда не случилось бы.

– Девочка ее одолела, – с удивлением в голосе промолвила Кайре. Никто бы не подумал, что она – мать Талаан, уж больно холодным взглядом она на нее смотрела. Собственный успех, казалось, смутил Талаан, она тотчас же отпустила свои потоки и опустила взор.

– Очень хорошо, Талаан, – сказала Найнив, поскольку больше никто не думал ни похвалить, ни приободрить девушку. И раздраженно стряхнула шаль с плеч, опустив ее на локти. Незачем говорить Талаан, что ей повезло. Да, верно, девочка оказалась проворной, но Найнив не была уверена, что сама сумела бы дольше направлять Силу. Она нынче не в лучшей форме. – Боюсь, на сегодня у меня больше нет времени, так что…

– Попробуй еще раз, – велела Зайда, напряженно подавшись вперед. – Я хочу кое-что посмотреть. – Просто констатация факта – не объяснение, не извинение, ничего подобного. Зайда не объясняла и не извинялась. Она ждала повиновения.

Найнив подумала, не сказать ли ей, что она все равно ничего не увидит, но сразу же отказалась от этой мысли. Ведь в комнате шесть Ищущих Ветер. Двумя днями раньше Найнив уже откро-

венно высказала свое мнение, и повторения того, что было после, ей не хотелось. И хотя она пыталась думать о происшедшем как о наказании за необдуманные слова, помогало это слабо. Напрасно, ой, напрасно она научила их соединению – на свою, считай, голову.

– Еще один раз, – напряженным голосом промолвила Найнив, повернувшись к Талаан, – а потом мне нужно идти.

На этот раз она была готова к трюку девушки. Направляя, Найнив расторопно встретила плетение Талаан и мягче, а не с прежней жесткостью. Почувствовав слабину, девушка улыбнулась. Думает, теперь Найнив не отвлечь посторонними потоками Воздуха, да? Плетение Талаан начало заворачиваться вокруг ее потоков, и она живо закрутила свои, чтобы поймать чужие. Она будет наготове, когда Талаан использует свои потоки Воздуха. Или, возможно, теперь это будет и не Воздух. Ничего опасного, ведь это тренировка. Только вот поток Духа Талаан не завершил свой оборот, и поток Найнив качнулся мимо, а Талаанов ударил прямо и обхватил Найнив. Опять *саидар* погас и путы из Воздуха притянули ее руки к бокам, оплели колени.

Найнив осторожно сделала вдох. Надо бы поздравить девушку. Вырваться не удастся. Будь у нее свободна рука, Найнив, неровен час, выдрала бы напрочь свою косу.

– Не отпускай! – приказала Зайда, вставая и подходя к Найнив. Ее алые шелковые шаровары тихонько шуршали над босыми ступнями, у бедра покачивался причудливо завязанный узел красного кушака. Вместе с ней встали Ищущие Ветер и двинулись следом – согласно рангу. Кайре и Тебрейлле с ледяным видом, не замечая друг друга, торопливо заняли места подле Госпожи Волн; Сенин и Райнин отстали от них на шаг.

Талаан послушно удерживала щит на Найнив, а заодно и путы, отчего та превратилась едва ли не в статую. Взбешенную, бурлящую от гнева, как слишком долго кипящий чайник. Найнив не желала изображать сломанную марионетку и идти мелкими шажками. Так что оставалось лишь стоять на месте. Кайре и Тебрейлле разглядывали ее холодно, свысока, Курин – с неизбывным презрением, с каким относилась ко всем, живущим на суше. Ее лицо с каменными глазами не выражало ровным счетом ничего, но очень скоро ее отношение становилось совершенно ясным. Только Райнин выказала капельку сочувствия, улыбнувшись чуть печальной улыбкой.

Зайда спокойно встретила взгляд Найнив. Они были почти одного роста.

– Ученица, ты ее удерживаешь так крепко, как можешь?

Талаан низко поклонилась, согнувшись параллельно полу, коснувшись рукой лба, губ и сердца.

– Как вы приказали, Госпожа Волн, – ответила она почти шепотом.

– Что все это значит? – возмутилась Найнив. – Отпустите меня. Может, вам и сойдет с рук, как вы с Мерилилль обращаетесь, но задумайтесь хоть на минутку…

– Ты говоришь, нет способа пробить этот щит, если только ты не гораздо сильнее, – оборвала ее Зайда. Тон ее был резок, и хотела она не слушать других, а чтобы слышали ее. – Будь на то воля Света, мы проверим, верно ли ты говоришь. Хорошо известно, как у Айз Седай правда крутится, словно деревяшка в водовороте. Ищущие Ветер, образуйте круг. Курин, ты во главе. Если она вырвется, проследите, чтобы никому не причинили вреда. А для стимула… Ученица, приготовься перевернуть ее вверх ногами, когда я досчитаю до пяти. Раз.

Сияние *саидар* объяло Ищущих Ветер, всех сразу – они соединились. Курин расставила ноги и уперла руки в бедра, словно бы стояла на палубе корабля. Само бесстрастное выражение ее лица говорило как будто о полной убежденности в том, что сейчас вскроются все недомолвки, если не явная ложь. Талаан глубоко вздохнула и впервые встала очень прямо, не отрывая взволнованного взора от Зайды, забыв даже моргать.

Найнив заморгала. Нет! Не могут они так поступить с ней! Опять?!

– Говорю же вам, – промолвила она с большим спокойствием, чем чувствовала, – я никак не могу прорваться за щит. Талаан слишком сильна.

– Два, – промолвила Зайда, сложив руки под грудью и устремив взор на Найнив, как будто и в самом деле видела плетения.

Найнив судорожно толкнулась в щит. С тем же успехом она могла бы двигать каменную стену.

– Послушай меня, За… э-э… Госпожа Кораблей. – Незачем еще больше восстанавливать ее против себя. Уж больно Морской Народ привержен к формальным обращениям. И вообще они слишком ко многому относятся чересчур серьезно. – Уверена, Мерилилль что-то да рассказывала вам о щите. Она давала Три Обета. Она-то *не может* лгать. – Возможно, Эгвейн и права насчет Клятвенного Жезла.

Взгляд Зайды ничуть не изменился, и выражение лица оставалось прежним.

– Три.

– Выслушайте меня, – сказала Найнив, нисколько не заботясь, что в ее голосе слышны нотки отчаяния. Возможно, уже и не

нотки. Она толкнулась в щит сильнее, потом навалилась изо всей мочи. Бейся она башкой о валун – эффект был бы тот же. Она тщетно пыталась разорвать обмотавшие ее путы Воздуха, бахрома и болтавшиеся концы шали так и взлетали вокруг нее. Высвободиться из этих пут у нее было столько же шансов, что и прошибить щит, однако она не могла остановиться. Только не это! Второй раз она этого не вынесет! – Вы должны меня выслушать!

– Четыре.

Нет! Нет! Только не это! Неистово Найнив заскреблась в щит. Он был прочен, как камень, но на ощупь походил скорее на стекло, гладкое и скользкое. За ним она ощущала Источник, чуть ли не видела его, все равно что свет и тепло, до которых рукой подать, стоит только голову повернуть. В отчаянии, тяжело дыша, Найнив нащупывала путь в обход гладкой преграды. Край щита был что кольцо, одновременно слишком маленькое, чтобы удержать в руках, и достаточно большое, чтобы закрыть мир, и когда она попыталась проскочить мимо этого края, она вновь оказалась в центре гладкого скользкого кольца. Бесполезно. Она уяснила это давным-давно. Сердце, норовя выскочить из груди, колотилось по ребрам. Тщетно пытаясь успокоиться, она торопливо нашарила путь обратно к краю, ощупала его, не стараясь обойти. Нашлось одно место, где преграда казалась… мягче. Раньше она никогда этого не замечала. Этот мягкий участок – слабый выступ? – казалось, больше ничем не отличался от прочих и мягче был не намного, но она кинулась на него. И вновь обнаружила себя в центре. В бешенстве она бросила в податливый участок всю свою мощь, еще и еще, и ее раз за разом отшвыривало обратно в центр, а она безостановочно кидалась туда. Еще раз. О, Свет! Ну, пожалуйста! Она должна успеть раньше, чем…

Вдруг до Найнив дошло, что до пяти Зайда так и не досчитала. Глотая воздух, словно пробежала десять миль, Найнив глядела перед собой остановившимся взором. Пот катился по лицу, по спине. Капельки сбегали в ложбинку груди, скользили по животу. Колени подкашивались. Госпожа Волн глядела ей прямо в глаза, задумчиво постукивая тонким пальцем по губам. Круг шестерых все так же окутывало сияние, Курин по-прежнему являла собой преисполненную презрения каменную статую, но Зайда не сказала «пять».

– Курин, она и в самом деле старалась изо всех сил, – наконец спросила Госпожа Волн, – или все эти метания и хныканья просто представление?

Найнив попыталась принять возмущенный вид. Она вовсе не хныкала! Или хныкала? Но ее сердитая мина произвела на Зайду не большее впечатление, чем дождик на скалу.

– Она так силилась, Госпожа Волн, – нехотя произнесла Курин, – что унесла бы на спине корабль размером с наш гонщик. – Бездушные черные глаза-камешки по-прежнему источали презрение. Уважения ее, даже самого малого, достойны были лишь те, кто живет в море.

– Освободи ее, Талаан, – распорядилась Зайда. Щит и путы исчезли в тот же миг, когда она повернулась и двинулась обратно к стульям, даже не взглянув больше на Найнив. – Ищущие Ветер, как она уйдет, у меня будет с вами разговор. Найнив Седай, я встречусь с тобой завтра в этот же час.

Разгладив смятые юбки и раздраженно встряхнув шаль, Найнив попыталась обрести хоть немного прежнего достоинства. Это было нелегко, она дрожала от испытанного напряжения и была мокрой от пота. Не могла она хныкать! Найнив старалась не смотреть на женщину, которая отсекла ее щитом. Дважды! Стоит, прикидывается тихоней, уткнувшись взором в ковер. Ха! Найнив вздернула шаль на плечи.

– Завтра черед Сарейты Седай, Госпожа Волн. – Ладно, хоть голос не дрожит. – Я буду занята до…

– Твои уроки гораздо поучительней, чем у других, – сказала Зайда, так и не потрудившись взглянуть на нее. – В этот же час, иначе я пошлю за тобой твоих учениц. Теперь можешь идти. – И прозвучало это так, будто Найнив *должна* сейчас же уйти.

Переборов себя, Найнив проглотила возражения. Вкус у них оказался горек. Поучительней? Что Зайда хотела этим сказать? Вряд ли ей хочется знать это.

До тех пор пока Найнив не покинет комнату, она остается наставником – Морской Народ строго придерживается своих правил. Найнив, конечно, догадывалась, что на кораблях неподчинение неизбежно приводит к беде, но ей хотелось, чтобы эти женщины поняли: сейчас они – не на корабле. Она остается наставником, а это значит, что она не может просто выйти вон, как бы ей того ни желалось. И, что хуже всего, в их правилах особо говорится о наставниках из сухопутников. Найнив предполагала, что могла бы просто наотрез отказаться иметь с ними дело, но если она хоть на волосок отступит от сделки, эти женщины разнесут весть о нарушенном слове от Тира до Свет знает куда! Весь мир узнает, что Айз Седай не держат данного слова. И как это скажется на положении Айз Седай, лучше даже не задумываться. Кровь и проклятый пепел! Эгвейн была права, чтоб ей сгореть со своей правотой!

– Благодарю вас, Госпожа Волн, что позволили мне обучать вас, – сказала Найнив, кланяясь и касаясь пальцами лба, губ и сердца. Поклон был не очень глубоким, после сегодняшнего они

заслуживали лишь короткого кивка. Ну, двух. Надо еще поклониться Ищущим Ветер. – Благодарю вас, Ищущие Ветер, что позволили мне обучать вас.

Сестры, которые когда-нибудь явятся к Ата'ан Миэйр, наверняка взорвутся, узнав, что ученицы могут указывать, чему и когда их учить, и даже приказывать, что делать учителям, когда те *не* учат. На судах Морского Народа учитель из живущих на суше стоит по рангу выше матросов, но и только. И сестрам не видать толстого кошеля с золотом, которым обычно соблазняют других учителей, дабы те взошли на борт корабля.

Зайда и Ищущие Ветер отреагировали почти так же, как если бы о своем уходе объявил матрос низшего ранга. Онистояли молчаливой кучкой, дожидаясь ее ухода, причем своего нетерпения не скрывали. Лишь Райнин уделила Найнив взгляд. Нетерпеливый взгляд. После всего сказанного и сделанного, она – Ищущая Ветер. Талаан неподвижно стояла на том же месте – покорная босоногая фигурка, глядящая в ковер перед собой.

Высоко вскинув голову и выпрямив спину, Найнив вышла из комнаты, кое-как закутавшись в обрывки своего достоинства. Потные, смятые обрывки. Оказавшись в коридоре, она обеими руками взялась за дверь и захлопнула ее изо всех сил. И осталась довольна грохотом, отдавшимся громким эхом. Если кто-то пожалуется, всегда можно сказать, что дверь выскользнула из рук. Она и в самом деле выскользнула – как только Найнив как следует размахнулась.

Повернувшись, она довольно потерла руки. И вздрогнула, увидев, кто поджидал ее в коридоре.

В простом темно-синем платье, одолженном кем-то из Родни, Аливия на первый взгляд имела вид вполне обыкновенный: женщина чуть выше Найнив, с мелкими морщинками в уголках глаз и белыми нитями седины в золотисто-желтоватых волосах. Но ее синие глаза настойчиво сверкали, как глаза ястреба, увидевшего желанную добычу.

– Госпожа Корли послала меня передать, что хотела бы встретиться с вами за обедом сегодня вечером, – промолвил синеглазый ястреб по-шончански медлительно и протяжно. – Там будут госпожа Каристован, госпожа Армэн и госпожа Джуарде.

– Что ты тут делаешь одна? – спросила Найнив. Как бы ей хотелось уметь, по примеру большинства сестер, узнавать о силе женщины, даже не задумываясь о том. Но увы, и этому научиться у нее не было времени. Возможно, некоторые из Отрекшихся превосходили Авилию, но больше, пожалуй, никто. И она была Шончан. Найнив не отказалась бы увидеть в этом коридоре еще кого-нибудь, кроме них двоих. Даже Лана, которому она приказала

держаться подальше от комнаты, где проходят занятия с Морским Народом. Вряд ли он дважды поверит байке, будто она поскользнулась на лестнице. – Тебя же никуда не должны отпускать без провожатых!

Аливия пожала плечами – еле заметно дернула плечом. Несколько дней назад она была глупо улыбающейся размазней, рядом с которой Талаан выглядела бы отчаянным храбрецом. Теперь же она никому не улыбалась заискивающе.

– Все были заняты, и я ушла сама потихоньку. Если вы все время будете стеречь меня, то и доверять не станете, и я никогда не убью *сул'дам*. – Сказанные обыденным тоном, ее слова прозвучали еще страшнее. – Вам бы стоило узнать меня получше. Те Аша'маны говорят, что они – оружие, и кому, как не мне, знать, что оружие они очень неплохое, но я – лучше.

– Возможно, и так, – резко ответила Найнив, поправляя шаль. – А может, нам известно больше, чем ты полагаешь. – Она была не прочь продемонстрировать этой женщине несколько плетений, которым научилась у Могидин. В том числе и такие, которые все сочли слишком мерзкими, чтобы применять их к кому бы то ни было. За исключением… Но Найнив была совершенно уверена, что Аливия с легкостью ее одолеет. Под напряженным взглядом шончанки ей с трудом удавалось не переминаться с ноги на ногу. – До тех пор – пока! – мы не решим иначе, лучше не попадайся мне на глаза без двух-трех женщин из Родни, а то тебе плохо придется.

– Как скажете, – отозвалась Аливия, ничуть не смутившись. – Какой ответ мне передать госпоже Корли?

– Скажи госпоже Корли, что я вынуждена отклонить ее любезное приглашение. И не забывай, что я тебе говорила!

– Я передам ей, – с явным шончанским выговором ответила Аливия, пропустив предостережение мимо ушей. – Но мне кажется, это было не совсем приглашение. Через час после сумерек, сказала она. Возможно, вам стоит запомнить это. – С легкой понимающей улыбкой она повернулась и ушла, ничуть не торопясь возвращаться к себе.

Найнив глядела в спину удалявшейся женщине сердито, и вовсе не потому, что та не присела в реверансе. Ну, не только поэтому. Жаль, что она не сохранила несколько своих глупых улыбочек – хотя бы для сестер. Покосившись на дверь, за которой остались Ата'ан Миэйр, Найнив подумала, не пойти ли за Аливией, чтобы удостовериться, что та сделает, как ей было велено. Но вместо этого зашагала в противоположную сторону. Не спеша. Будет неприятно, если выглянувшая случайно за дверь женщина из Морского Народа решит, будто Найнив подслушивала, но она вовсе

не торопится. Просто ей хочется идти быстро. Вот и все.

Во дворце Найнив не особенно хотелось бы видеть не только Ата'ан Миэйр. Значит, не совсем приглашение? Сумеко Каристован, Чиларес Армэн и Фамелле Джуарде входили в Объединяющий Круг вместе с Реанне Корли. Ужин – всего лишь предлог. Они хотят, верно, побеседовать с нею об Ищущих Ветер. А более конкретно, о взаимоотношениях Айз Седай во дворце и с «дичками» Морского Народа. Не станут же они порицать ее за неспособность блюсти достоинство Белой Башни. Так далеко они не зайдут – пока, хотя уже довольно близки к укорам. Но за ужином будут звучать острые вопросы и резкие замечания. Причем в такой форме, что она не сможет велеть им замолчать. К тому же Найнив весьма сомневалась, что они вообще послушаются ее приказа. И с них станется самим отыскать ее, если она не придет. Вот и вышли боком благие намерения – зачем было учить их проявлять характер? Ужасная ошибка! Хорошо хоть, не ей одной это расхлебывать, хотя Илэйн как будто избежала худшего. О, как бы ей хотелось заглянуть в будущее и увидеть Родню опять в послушническом белом или в платьях Принятых! С каким удовольствием она посмотрела бы на Ата'ан Миэйр в таком виде, на всех Ищущих Ветер, до последней!

– Найнив! – раздался позади странно приглушенный окрик. С выговором Морского Народа. – Найнив!

Усилием воли удержав руку подальше от косы, Найнив развернулась на каблуках, готовая дать отповедь кому угодно. Сейчас она не наставница, они – не на корабле, и пусть, будь они прокляты, оставят ее в покое!

Перед ней, скользя босыми ступнями по темно-красному мозаичному полу, остановилась Талаан. Девушка, учащенно дыша, озиралась по сторонам, словно опасалась, что к ней кто-то подкрадывается. Всякий раз, как на глаза ей попадался ливрейный слуга, она вздрагивала и умолкала до тех пор, пока не убеждалась, что это и впрямь слуга.

– Могу ли я отправиться в Белую Башню? – еле слышно заговорила Талаан, сжимая руки и приплясывая на месте. – Меня никогда не выберут. Не выберут в жертву, так они говорят. Ведь ей суждено навсегда оставить море. Но я мечтаю стать послушницей! Я буду ужасно скучать по матери, но… Пожалуйста! Вы должны взять меня в Башню. Должны!

От такого натиска Найнив заморгала. Многие женщины мечтали стать Айз Седай, но она еще не слышала, чтобы кто-то хотел стать послушницей. Да еще с таким пылом… Кроме того… Ата'ан Миэйр отказались брать Айз Седай на борт всякого корабля, чья Ищущая Ветер способна направлять Силу, но, чтобы удержать

сестер от чрезмерного любопытства, Морской Народ будет время от времени отправлять в Белую Башню ученицу, а какую – они выберут сами. Эгвейн говорила, что на сегодняшний день было всего три сестры из Морского Народа, все – слабые в Силе. За три тысячи лет этого оказалось достаточно, чтобы убедить Башню в том, что дар направлять Силу у женщин Ата'ан Миэйр встречается редко, способности их малы, и заниматься ими не стоит. Талаан была права; никому со столь многообещающим уровнем Силы не позволят отправиться в Башню, даже теперь, когда ухищрениям и скрытности Ищущих Ветер вот-вот придет конец. На самом деле частью сделки было условие, что сестрам из Ата'ан Миэйр будет разрешено отказаться от звания Айз Седай и вернуться на корабли. Да от такого Совет Башни просто взвоет!

– Ну, обучение в Башне очень тяжелое, Талаан, – мягко сказала Найнив, – и тебе должно исполниться хотя бы пятнадцать лет. Кроме того… – Что-то еще из сказанного девушкой внезапно изумило ее. – Ты будешь скучать по матери? – недоверчиво промолвила Найнив, не беспокоясь о своем тоне.

– Мне – девятнадцать! – негодующе воскликнула Талаан. Найнив этому не особенно поверила, глядя на ее мальчишеские лицо и фигуру. – И, конечно, я буду скучать по маме! У меня что, сердца нет? Ах, да. Вам же не понять. Мы очень привязаны друг к другу, наедине мы очень нежны и ласковы, но на людях она не вправе ничем выделять меня. У нас это серьезное преступление. За это ее могут лишить ранга, а нас *обеих* подвесить вверх ногами на рее и выпороть плетью.

При словах «вверх ногами» Найнив скривилась.

– Я, конечно, могу понять, что тебе хотелось бы избежать подобного, – сказала она. – Но даже так…

– Никто даже намеком не выкажет своего расположения ко мне, но для меня это еще хуже, Найнив! – Вообще-то, девочке… женщине… ну, молодой женщине… если она станет послушницей, придется научиться не перебивать сестер. Этому она, конечно, научится. Найнив попыталась вновь завладеть инициативой, но слова лились из Талаан бурным потоком: – Моя бабушка – Ищущая Ветер при Госпоже Волн Клана Россайне, моя прабабушка – Ищущая Ветер при Госпоже Волн Клана Дакан, а ее сестра – в Клане Такана. Пятеро из моей семьи удостоились большой чести, добившись столь высокого положения. И все следят, не злоупотребляет ли Гелин своим влиянием. Все верно, я знаю – нельзя допускать, чтобы благоволили родственникам, – но мою сестру держали в ученицах на пять лет дольше обычного, а двоюродную сестру – на шесть! Только для того, чтобы никто не заявил, что к ним относились лучше. Когда я читаю звезды и верно определяю

наше местоположение, меня наказывают за медлительность, пусть даже я отвечу так же быстро, как Ищущая Ветер Эхвон! Когда я на вкус пробую море и называю берег, к которому мы приближаемся, меня наказывают – потому что вкус, который я называю, не совсем тот, что у Ищущей Ветер Эхвон! Я дважды отсекла тебя щитом, но вечером меня подвесят за лодыжки за то, что я не сделала этого раньше! Меня наказывают за огрехи, которых у других не замечают, за промашки, которых я не допускаю, просто потому, что *могла бы* оплошать! Разве с вашими послушницами обходятся еще суровей, Найнив?

– С нашими послушницами… – слабо пробормотала Найнив. Напрасно Талаан упомянула про подвешивание за лодыжки. – Да. Ладно. Вряд ли тебе о том хочется услышать. – *Четыре* поколения женщин, наделенных способностью направлять Силу? О Свет! Большая редкость, когда дочь имеет тот же дар, что и мать. Башня очень захотела бы получить Талаан. Но этого не будет. – Наверное, и Кайре с Тебрейлле на самом деле любят друг друга? – сказала Найнив, чтобы сменить тему.

Талаан хмыкнула.

– Моя тетя – хитрая и вероломная. Она радуется всякий раз, когда ей удается хоть чуть-чуть унизить мою мать. Но мать умеет осадить ее, поставить на место, какого та заслуживает. Однажды Тебрейлле очутится на самом мелком суденышке, под командой Госпожи Парусов с железной рукой и больными зубами! – Она с мрачным удовлетворением кивнула своим мыслям. А потом чуть не подпрыгнула, по-оленьи широко распахнув глаза, когда из-за ее спины внезапно вышел торопившийся мимо слуга. Что напомнило девушке о цели разговора. Она вновь завертела головой, стремясь смотреть во все стороны разом, и торопливо затараторила: – Конечно, во время занятий вы говорить не можете, но в любое другое время – сколько угодно. Объявите, что я отправляюсь в Башню, и они не смогут от вас отмахнуться. Вы же Айз Седай!

Найнив вылупила глаза на девушку. И к следующему уроку они обо всем забудут? Эта же глупышка видела, что они с ней вытворяли!

– Я вижу, насколько сильно твое желание, Талаан, – сказала Найнив, – но…

– Спасибо, – перебила ее Талаан, отвесив быстрый кивок. – Спасибо! – И стрелой помчалась туда, откуда пришла.

– Стой! – крикнула Найнив, сделав ей вслед несколько быстрых шагов. – Вернись! Я ничего не обещала!

На Найнив стали оборачиваться слуги, кидая полные любопытства взгляды. Она побежала бы следом за этой дурочкой, только

вот побоялась, что та приведет ее прямиком к Зайде и остальным. И наверняка тут же выложит, что отправляется в Башню, что Найнив ей пообещала. О Свет, да она наверняка и без того все им расскажет!

– У тебя такой вид, будто ты проглотила гнилую сливу, – сказал Лан, появляясь рядом с Найнив, высокий и мрачно-красивый в своей хорошо подогнанной зеленой куртке. Казалось невероятным, что этот крупный, внушительный мужчина может стоять столь неподвижно, что его никто не замечает, даже когда на нем нет плаща Стража.

– Угу, целую корзину, – пробормотала Найнив, прижимаясь лицом к широкой груди мужа. Было очень приятно опереться на его силу, хотя бы ненадолго, пока он нежно гладит ее по волосам. Даже если для этого пришлось отодвинуть от своих ребер рукоять меча. А если кому охота глазеть на то, что они не скрывают своей любви, ну и ладно! Найнив видела мысленно, как громоздится беда на беду. Даже если она скажет Зайде и ее компании, что и в мыслях не имела куда-то уводить Талаан, они спустят с нее шкуру. И на этот раз от Лана ничего не скроешь. Хорошо, один раз удалось скрыть. Об этом узнают Реанне и ее товарки. И Алис! И они начнут обращаться с ней, как с Мерилилль, игнорировать приказы, выказывая ей не больше уважения, чем Ищущие Ветер – Талаан. Каким-то образом на ее плечи свалили и присмотр за Аливией, что может обернуться еще одной катастрофой, еще одним унижением. Кажется, это все, на что она способна в последнее время, – нарываться на унижения. И каждыйчетвертый день ей придется встречаться с Зайдой и Ищущими Ветер.

– Ты помнишь, как вчера утром удержал меня в наших покоях? – пробормотала Найнив, подняв глаза и заметив улыбку на его лице, явившуюся на смену тревоге. Конечно, он помнил. Лицо ее жарко запылало. Болтать с подругами – это одно, но вести себя развязно с мужем – для нее это все-таки до сих пор нечто другое. – Так вот, я хочу, чтобы ты прямо сейчас увел меня туда и не давал одеться целый год! – Поначалу это бесило ее не на шутку. Но он сумел сделать так, что беситься она перестала.

Лан запрокинул голову и рассмеялся, громко, раскатисто, и через секунду засмеялась и она. Хотя ей хотелось зарыдать. И вообще она не шутила.

Поскольку Найнив была замужем, ей не приходилось делить кровать с другой женщиной, а то и с двумя, к тому же, кроме спальни, им с мужем досталась еще и гостиная. Комнатка была небольшой, но уютной, с добротным камином, в ней был маленький стол и четыре стула. Большего им с Ланом и не требовалось. Однако, едва они переступили порог гостиной, надежды Найнив

на уединение рухнули. В центре комнаты, застеленной цветастым ковром, ожидала главная горничная – величественная, как сама королева, столь аккуратно выглядевшая, словно только что переоделась в свежевыглаженный наряд. Однако при всем желании нельзя было сказать, что вид у нее довольный. А в углу комнаты обнаружился неуклюжий малый – в груботканой одежде, с жуткой бородавкой на носу и с тяжелой котомкой на плече.

– Этот человек утверждает, будто принес что-то, срочно вам необходимое, – сказала госпожа Харфор, едва успев приветствовать Найнив реверансом. Хоть и вежливым, как положено, но быстрым; главная горничная не желала тратить время, оказывая знаки уважения кому бы то ни было, кроме Илэйн. В голосе ее сквозило неодобрение по отношению как к Найнив, так и к обладателю бородавки. – Не премину заметить вам, что мне не нравятся подобные типы.

Для уставшей до изнеможения Найнив обнять Источник было выше ее сил, но она справилась мгновенно – ее подстегнули мысли об убийцах и Свет знает о чем еще. Должно быть, Лан заметил пробежавшую по ее лицу тень, потому что шагнул к незнакомцу. К мечу Лан не прикоснулся, но разом преобразился, как будто уже обнажил оружие. Найнив не представляла, как он умудряется порой читать ее мысли, хотя узы его переданы другой, но сегодня обрадовалась этому. Она справлялась с Талаан – когда была полна сил, во всяком случае! – но в данный момент не была уверена, что сможет направить достаточно Силы, чтобы опрокинуть хотя бы стул.

– Я никогда… – начала было Найнив.

– Прошу прощения, госпожа, – поспешно забормотал малый с бородавкой, подергивая засаленный чуб. – Госпожа Тэйн сказала, что вам надо будет сразу меня отослать. Дело Круга Женщин, она сказала. Что-то о Кенне Буйе.

Найнив вздрогнула, а через пару секунд вспомнила, что рот лучше закрыть.

– Да, – протянула она, глядя на парня. Трудно было разглядеть что-то, кроме чудовищной бородавки, но Найнив была готова ручаться чем угодно, что никогда в жизни его даже мельком не видела. Дело Круга Женщин. Никому из мужчин не позволено и носа туда сунуть. Это же тайна. Она продолжала удерживать *саидар*.

– А-а, как же… Теперь припоминаю. Благодарю вас, госпожа Харфор. Полагаю, у вас хватает и других забот.

Вполне поняв намек, главная горничная все же помедлила, хмуро посмотрела на Найнив. Затем взгляд ее, миновав парня с бородавкой, остановился на Лане, и лицо госпожи Харфор разгла-

дилось. Она кивнула себе, будто его присутствие что-то меняло!

– Тогда я вас оставлю. Уверена, лорд Лан управится с этим человеком.

Найнив, сдерживая возмущение, едва дождалась, пока закроется дверь, а затем развернулась к нескладному парню и его бородавке.

– Кто ты такой? – накинулась она на него. – Откуда ты знаешь эти имена? Ты же не из Дву…

Человек… зарябил. Другого слова и не подберешь. Он зарябил и вытянулся, и вдруг обернулся Рандом. Он кривил лицо, сглатывал; на нем была измятая шерстяная одежда, на тыльной стороне ладоней блестели те жуткие ало-золотистые головы. На плече висела кожаная сума. Откуда он научился такому фокусу? Кто его научил? На миг у Найнив мелькнула мысль самой изменить обличье, чтобы показать ему, что и она так умеет.

– Вижу, сам ты своему совету не последовал, – сказал Ранд Лану, как будто Найнив тут и не было. – Но почему ты разрешаешь ей притворяться Айз Седай? Стоит нарваться на настоящую Айз Седай, и ей придется ой как несладко.

– Потому что она и есть Айз Седай, овечий пастух, – тихо ответил Лан. И он тоже на нее даже не взглянул! И вид у него все такой же, словно он готов мгновенно выхватить меч. – А что до прочего… Иногда она сильнее тебя. А ты последовал совету?

Тогда Ранд посмотрел на нее. Недоверчиво нахмурился. И продолжал хмуриться, хоть она подчеркнутым жестом поправила шаль с желтой бахромой. И, качая головой, Ранд сказал вот что:

– Нет. Ты прав. Иногда человек просто слишком слаб, чтобы делать, то нужно.

– О чем вы тут двое болтаете? – резко спросила Найнив.

– О том, о чем разговаривают мужчины, – отозвался Лан.

– Тебе не понять, – сказал Ранд.

Найнив громко фыркнула. О чем могут говорить мужчины – слухи и пустая болтовня, в девяти случаях из десяти. В лучшем случае. Она устало отпустила *саидар*. Неохотно. Ей нет нужды защищаться от Ранда, но ей хотелось удержать Источник подольше, просто прикасаться к нему, сколь бы утомленной она ни была.

– Мы знаем о случившемся в Кайриэне, Ранд, – сказала Найнив, опускаясь в кресло. Этот проклятый Морской Народ вымотал все силы! – Поэтому ты тут, этак вырядившись? Если ты хочешь спрятаться от кого-то… – Вид у Ранда был усталый. Он выглядел крепче, чем она помнила, но очень усталым. Тем не менее он остался стоять. Странно, но он напоминал Лана – тоже как будто готовый выхватить меч, которого у него не было. Возможно, покушение

на него вразумило Ранда и заставило что-то понять. – Ранд, тебе может помочь Эгвейн.

– Вообще-то я не совсем прячусь, – сказал Ранд. – Во всяком случае, пока не убью нескольких человек, кого нужно убить.

О Свет, да он так бездушно об этом говорит, точь-в-точь как Аливия! Почему они с Ланом продолжают друг на друга поглядывать, делая вид, что не смотрят?

– А кстати, как Эгвейн может мне помочь? – продолжал Ранд, взгромоздив торбу на стол. Содержимое ее приглушенно, но увесисто стукнуло. – Сдается мне, она тоже Айз Седай? – В голосе его слышалось *удивление*! – Она тоже тут, да? Вас трое, и две настоящие Айз Седай. Всего две! Нет. На это у меня нет времени. Мне нужно, чтобы ты кое-что сохранила, пока…

– Эгвейн занимает Престол Амерлин, понял, ты, болван шерстеголовый, – прорычала Найнив. Для разнообразия так приятно хоть кого-то перебить. – Элайда – узурпаторша. Надеюсь, у тебя хватило ума и на шаг к ней не приближаться! Ты от нее на своих двоих ни за что бы не ушел, уверяю тебя! Здесь пять *настоящих* Айз Седай, *в том числе* и я. И три сотни с лишком – с Эгвейн и ее армией, готовой сместить Элайду. Взгляни на себя! Как бы ты ни храбрился, кто-то едва не убил тебя, и ты затаился, вырядившись, как конюх! Разве тебе не безопасней всего рядом с Эгвейн? Даже эти твои Аша'маны не осмелятся выступить против трехсот сестер!

О да, как приятно на кого-то наорать. Ранд попытался скрыть замешательство, но вышло у него плохо – вон как уставился.

– Ты бы удивилась тому, на что способны замахнуться мои Аша'маны, – промолвил он сухо, спустя минуту. – Мэт, наверное, с армией Эгвейн? – Прижав руку к голове, Ранд пошатнулся.

Лишь чуть-чуть, но не успел он выпрямиться, как Найнив уже соскочила с кресла. Обняв с усилием *саидар*, она привстала на цыпочки и обхватила голову Ранда ладонями, потом не без труда создала вокруг него плетение Искательства. Она пыталась найти лучший способ для определения причины хворей или недомогания, но пока безуспешно. Сейчас и этого довольно. И когда плетение опустилось на Ранда, у нее перехватило дыхание. Найнив знала о полученной им в Фалме ране в боку: так и не исцеленной до конца, противящейся всем известным ей способам Исцеления, похожей на гнойник зла в его плоти. А теперь поверх старой обнаружилась еще одна полузажившая рана, и она тоже пульсировала злом. Каким-то иным злом, точно отражением в зеркале первого, однако не менее опасным. И она ни одной из них не могла коснуться Силой. Ей и не хотелось прикасаться – от одной мысли об этом по коже поползли холодные мурашки! – но она

попробовала. И что-то невидимое задержало щуп Найнив. Нечто вроде малого стража. Малого стража, которого она не видит. Малого стража из *саидин?*

Поэтому Найнив прекратила направлять и отступила. Она продолжала цепляться за Источник; неважно, как она устала, но ей нужно заставить себя его отпустить. Ни одна сестра не могла подумать о мужской половине Силы без страха – по меньшей мере. Ранд опустил на Найнив спокойный взор – от которого она задрожала. Он казался совершенно другим человеком и совсем не походил на того Ранда ал'Тора, который рос у нее на глазах. Найнив, как ни тяжело было это признать, порадовалась, что рядом Лан. Внезапно до нее дошло, что он напряжен по-прежнему и ничуть не расслабился. Он болтал с Рандом так непринужденно, как обычно чешут языки мужчины за трубками и элем, но сам думал, что Ранд – опасен. И Ранд посматривал на Лана, точно понимал его мысли и мирился с ними.

– Теперь все это неважно, – сказал Ранд, поворачиваясь к столу и торбе. Найнив не поняла, имел он в виду свои раны или местонахождение Мэта. Из сумы он извлек две статуэтки, высотой в фут: бородатый, умудренного вида мужчина и женщина со столь же мудрым и невозмутимым лицом, обе – в свободных развевающихся одеждах, каждая высоко поднимает прозрачную хрустальную сферу. Судя по тому, как Ранд с ними обращался, они были гораздо тяжелее, чем представлялось с виду. – Я хочу, Найнив, чтобы ты спрятала их, пока я не пришлю за ними. – Опустив руку на фигурку, изображавшую женщину, он помедлил. – И за тобой. Ты мне понадобишься, когда я ими воспользуюсь. Когда мы ими воспользуемся. После того, как я разберусь с теми людьми. С ними нужно покончить в первую очередь.

– Воспользоваться? – с подозрением спросила Найнив. Почему в первую очередь нужно кого-то убивать? Впрочем, вряд ли это важный вопрос. – Для чего они? Это что, *тер'ангриалы?*

Ранд кивнул.

– С помощью этой статуэтки ты способна дотянуться до величайшего *са'ангриала*, когда-либо созданного для женщины. Он, как я понимаю, зарыт на Тремалкине, но это не имеет значения. – Рука Ранда переместилась на фигурку мужчины. – Используя этот, я могу дотянуться до парного мужского *са'ангриала*. Мне когда-то сказали… один человек… что мужчина и женщина, используя вместе эти *са'ангриалы*, способны бросить вызов Темному. Возможно, наступит день, и ими воспользуются именно для этого. Но я между тем надеюсь, что их окажется довольно, чтобы очистить мужскую половину Источника.

– Если есть такая возможность, то почему этого не сделали в Эпоху Легенд? – тихо произнес Лан. Очень тихо – так выскальзывает из ножен сталь. – Когда-то ты сказал, что я могу причинить ей боль. – Казалось невозможным, чтобы его голос стал еще тверже и суровей, но так случилось. – Ты же, овечий пастух, можешь убить ее. – По его тону было совершенно ясно, что этого он не допустит.

Ледяной взгляд его голубых глаз Ранд встретил не менее холодным взором.

– Почему не сделали, не знаю. И мне наплевать, почему. Нужно попробовать.

Найнив облизнула нижнюю губу. Она допускала, что Ранд затеет нечто на грани невозможного. Однако ее тревожила прямолинейность Лана. Ну и что – ей ведь нравились искренние мужчины. Так, нужно поразмыслить. Нет, не о своем решении. Сама она уже решила. Надо подумать о том, как сказать о своем решении. Ранду оно навряд ли понравится. А Лану – наверняка не понравится. Что ж, мужчины всегда хотят сделать все по-своему. Иногда им нужно давать урок – не всегда бывает так, как хочется.

– Думаю, идея великолепная, – сказала Найнив. Ну, это была не совсем ложь. Идея прекрасная – по сравнению с другими вариантами. – Но не пойму, почему я должна сидеть тут как служанка, ожидая твоего вызова. Я сделаю, что ты просишь, но мы отправимся вместе.

Она оказалась права. Ее решение ничуть не понравилось обоим.

Глава 12

ЛИЛИЯ ЗИМОЙ

Еще одна служанка, кланяясь, чуть не ткнулась носом в пол, и Илэйн вздохнула. По дворцовым коридорам она шла – или, по крайней мере, пыталась идти – легкой походкой. Ведь она – Дочь-Наследница и должна быть царственна и невозмутима. Хотелось бы припустить со всех ног, но тогда она наверняка запутается в своих темно-синих юбках. Она и так чувствовала на себе взгляд приземистого мужчины, что выпученными глазами смотрел вслед ей и ее спутницам. Какая мелочь, можно и не замечать, все равно что песчинка в туфле. *Ранд, проклятый ал'Тор, что он себе думает! Вот ведь чесоточный дуб на мою шею!* – думала она. Пусть только попробует на этот раз от нее улизнуть!..

– Запомните одно, – твердо сказала Илэйн. – Он ничего не должен знать ни о шпионах, ни о корне вилочника! Вообще обо всем таком – молчок!

Меньше всего ей надо, чтобы он вздумал ее «спасать». Вечно мужчины такие глупости выкидывают; Найнив называет это «думать волосами на груди». О Свет, да он, скорей всего, попытается ввести обратно в город айильцев и салдэйцев! Хорошо, если только в город, а не во дворец! Как ни горько признать, но остановить она его тогда никак не сможет, разве что войну начнет, и даже этого, пожалуй, будет мало.

– О том, чего ему знать не надо, я ему и не рассказываю, – сказала Мин, хмуро глядя на худую, большеглазую женщину, которая после реверанса едва не растянулась на красно-коричневом мозаичном полу.

Илэйн, бросая искоса взгляды на Мин, припомнила время, когда сама носила штаны, и подумала, почему бы вновь не попробовать. В штанах куда свободнее, чем в юбках, и движений они не стесняют. Только никаких сапожек с каблуками, рассудительно решила она. Из-за каблуков Мин стала почти такого же роста, что и шагавшая с другого боку Илейн Авиенда, но даже Бергитте ходит на каблуках не слишком-то уверенно, а при таком наряде, как у Мин, – узких, в обтяжку штанах и курточке, едва прикрывавшей бедра, – выглядели эти сапожки прямо-таки возмутительно.

– Ты ему врешь? – В тоне Авиенды сгустилась подозрительность. Неодобрение выразилось даже в том, как она поправила лежавшую на плечах темную шаль. Айилка бросила на Мин сер-

дитый взгляд.

– Конечно, нет, – отрезала Мин, ответив не менее сердитым взглядом. – Ну, разве что когда очень нужно.

Авиенда хохотнула, потом, как будто изумившись своему смеху, вновь нацепила на лицо каменное выражение.

И что прикажете с ними делать? Они же должны понравиться друг другу. Должны – и все тут. Но всякий раз при встрече Мин и Авиенда смотрели друг на друга, как чудные кошки, запертые в тесной комнате. О-о, они обо всем договорились – выбора, вообще-то говоря, и не было, ведь никто не в силах сказать, когда они снова окажутся вместе рядом с Рандом, – но Илэйн надеялась, что им не взбредет в голову показывать, насколько ловко они обращаются с ножами. Причем уже показывали – как бы невзначай, без всякой угрозы, но весьма демонстративно. С другой стороны, на Авиенду произвело впечатление количество ножей, которые носила при себе Мин.

Тут Илэйн поклонился долговязый юный слуга. К несчастью, он так пожирал глазами процессию Дочери-Наследницы, что совсем позабыл о своей ноше – подносе, уставленном высокими стеклянными колпаками для светильников, и в коридоре раздался громкий звон стекла, разбившегося о каменные плиты.

Илэйн снова вздохнула. Она надеялась, что все скоро привыкнут к новому порядку вещей. Разумеется, пялились не на саму Дочь-Наследницу, ни на Авиенду, даже не на Мин, хотя последняя и притягивала взоры. Нет, таращили глаза и спотыкались из-за Касейлле и Дени, шедших чуть позади. Теперь у Илэйн было восемь телохранителей, и, когда она проснулась, эта пара уже стояла на посту возле ее дверей.

Весьма вероятно, кое-кто недоумевал, почему женщины-гвардейцы вообще идут позади нее, и уж почти наверняка всех изумляло то, что ее телохранители – женщины. К этому пока еще не привыкли. Но Бергитте сказала, вид у них будет парадный, как у почетного караула, и сдержала обещание. Должно быть, покинув прошлой ночью покои Илэйн, она засадила за работу всех белошвеек и модисток во дворце. Каждая телохранительница получила ярко-красную широкополую шляпу с длинным белым плюмажем; темно-красный мундир с белым воротом теперь был из шелка, спереди на нем красовался стоящий на задних лапах Белый Лев, грудь пересекал широкий красный шарф, отороченный белоснежными кружевами. Кроме того, покрой мундира немного изменили, подогнав его по фигуре и удлинив полы почти до колена. На алые штаны нашили лампасы – белые полоски по наружному шву. Шея и запястья были в густой пене бледных кружев, а черные сапоги – начищены до зеркального блеска. Вид у обеих был

эффектный, и даже Дени, обычно смотревшая вокруг спокойным взором, выглядела щегольски, если не хвастливо. Илэйн подозревала, что еще большую гордость они испытают, когда будут готовы украшенные золотом перевязи и ножны, а также покрытые лаком шлемы и кирасы. Бергитте распорядилась изготовить кирасы, подогнанные под женскую фигуру, и Илэйн подозревала, что у дворцовых оружейников от подобного заказа глаза полезли на лоб!

В данный момент Бергитте была весьма занята – беседовала с женщинами, отбирая среди них тех, кто войдет в число двадцати телохранителей. Илэйн чувствовала ее сосредоточенность и отсутствие физических усилий – так бывало, когда Бергитте читала или играла в камни, а у нее редко выдавалось время для себя, она вся отдавалась исполнению своих обязанностей. Илэйн надеялась, что Бергитте ограничится всего двадцатью женщинами. Надеялась, что та слишком занята и не заметит – пока не окажется слишком поздно, – что Илэйн замаскировала узы. Подумать только, она так тревожилась, чтобы Бергитте не чувствовала то, чего Илэйн не хочет, чтобы она чувствовала, а решение-то крылось в простом вопросе. Всего-то и надо было спросить у Вандене! Ответ ее стал для Илэйн печальным напоминанием, сколь мало она на самом деле знает о том, что значит быть Айз Седай, особенно касаемо той части, которую другие сестры считают общеизвестной. По-видимому, всякая сестра, у которой есть Страж, знает, что к чему, даже те, кто не выходит замуж.

Порой как-то странно все происходит. Если бы не телохранители, если бы не раздумья, как ей ускользнуть от них и от Бергитте, Илэйн и в голову не пришло бы поинтересоваться, и она так и осталась бы в неведении – в данном случае, например, насчет возможности замаскировать узы. Ну, она не то чтобы намеревалась в ближайшем будущем ускользнуть от своих охранников, но лучше быть готовой заранее. Бергитте уж точно больше не позволит им с Авиендой разгуливать в одиночку по городу, ни днем, ни тем более ночью.

Когда Илэйн подошла к двери Найнив, из головы у нее вылетели всякие мысли о Бергитте. За исключением одной – надо было замаскировать узы только в самый последний момент. По другую сторону этой двери находится Ранд. Ранд, который иногда настолько занимал ее мысли, что Илэйн терялась в догадках, не превратилась ли она в одну из тех безмозглых дурех из сказаний, что теряли голову из-за мужчины. Она всегда считала, что эти истории, должно быть, сочиняли мужчины. Только вот из-за Ранда она иногда чувствовала себя совсем глупой. Ладно хоть он этого не понимал, благодарение Свету.

– Ждите здесь и никого не впускайте, – велела Илэйн гвардейцам. Сейчас ей не нужно ни вторжения, ни постороннего внимания. Если повезет, никто не сообразит, что означает занятная форма ее охраны, – настолько свежее нововведение эти ее телохранители. – Я вернусь через несколько минут.

Гвардейцы энергично отсалютовали, приложив руку к груди, и встали по обе стороны двери. Касейлле застыла с каменным лицом, положив ладонь на рукоять меча, Дени же взяла свою длинную дубинку в обе руки и слегка улыбалась. Илэйн была уверена, что Дени решила, будто Мин привела Дочь-Наследницу на встречу с тайным любовником. И подозревала, что подобная мысль могла возникнуть и у Касейлле. Они приняли все меры предосторожности; имени никто не произнес, но слишком уж много прозвучало всяких «он то», «он се». Хорошо хоть, ни одна не стала искать предлога уйти, чтобы доложить Бергитте. Если у Илэйн есть охрана, то это *ее* телохранители, а не Бергитте. За исключением того, что Бергитте и без них все узнает, если Илэйн замаскировала узы слишком рано.

И, как поняла Илэйн, сама она пребывает в крайнем смятении чувств. Мужчина, который снился ей каждую ночь, – по ту сторону двери, а она стоит тут столбом. Она ждала так долго, желала так сильно, а теперь боится. Но она не допустит, чтобы все пошло наперекосяк. Сделав над собой усилие, Илэйн собралась с духом.

– Готовы? – Голос прозвучал не столь решительно, как она надеялась, но ладно, хоть не дрожал. В животе словно бабочки порхали – размером с лису. Такого с ней уже давно не бывало.

– Конечно, – сказала Авиенда, правда, перед ответом сглотнула комок в горле.

– Я готова, – слабо отозвалась Мин.

И они вошли без стука, поспешив закрыть за собою дверь.

Найнив с округлившимися глазами вскочила на ноги, едва девушки сделали несколько шагов, но Илэйн не видела ни ее, ни Лана, хотя комнату наполнял сладковатый аромат табака – Страж курил трубку. Ранд и вправду был здесь; хотя в это и верилось с трудом. Кошмарной маски, которую описала Мин, не было, разве что эта убогая одежда на нем и перчатки из грубой шерсти, и он был… красив.

Увидев ее, Ранд тоже вскочил со стула, но, не успев выпрямиться, пошатнулся и обеими руками вцепился в край столешницы, содрогаясь в приступе сухой рвоты. Илэйн обняла Источник и шагнула к нему, потом замерла и заставила себя отпустить Силу. Ее способности к Исцелению были незначительны, тем более что Найнив не отстала от нее, – окруженная сиянием *саидар*, она протянула руки к Ранду.

Он отпрянул, отмахиваясь.

– Найнив, твое Исцеление тут не поможет, – хрипло сказал Ранд. – Так или иначе, но, похоже, спор ты выиграла.

Лицо Ранда застыло скрывающей все чувства маской, но глаза его, казалось, так и втягивали в себя Илэйн. И Авиенду. Илэйн удивилась, что радуется этому. Она надеялась, что так будет, надеялась, что сумеет перебороть себя ради первой сестры, а выяснилось, что и превозмогать ничего не надо. Выпрямился Ранд с видимым трудом и с трудом же отвел взгляд от Илэйн и Авиенды, хотя старался скрыть свои усилия.

– Мин, пора уходить, – сказал он.

У Илэйн отвалилась челюсть.

– Думаешь, можешь просто взять и уйти? Даже не *поговорив* со мной? С нами? – только и сумела она вымолвить.

– Мужчины! – чуть ли не одновременно выдохнули Мин с Авиендой, а потом изумленно переглянулись. И поспешно сложили руки на груди. На миг, несмотря на свое различие во всем, они предстали образчиком истинно женского недовольства, причем оказались едва ли не зеркальным отражением друг друга.

– Те, кто хотел убить меня в Кайриэне, превратили бы этот дворец в груду камней, узнай они, что я тут, – тихо произнес Ранд. – И вполне могут это сделать, появись у них хоть тень подозрения. Думаю, Мин рассказала вам, что это были Аша'маны. Не доверяйте никому из них. За исключением, быть может, троих. Дамера Флинна, Джахара Наришмы и Эбена Хопвилла. Им можно доверять. А что до остальных… – Он прижал сжатые кулаки к бокам, по-видимому, не осознавая, что делает. – Иногда меч, бывает, тебя не слушается, но мне по-прежнему нужен меч. Просто держитесь подальше от любого мужчины в черном мундире. Послушайте, на разговоры нет времени. Мне лучше уйти как можно скорее.

Она ошиблась. Он совсем не такой, каким представал в ее снах. Тогда в нем была какая-то ребячливость, а теперь ее не стало, словно огнем выжгли. Ей будет о чем горевать. Она не думала, что он так себя поведет, что он сможет так себя повести.

– В одном он прав, – тихо промолвил Лан, не вынимая трубки изо рта. Еще один мужчина, который как будто никогда не был мальчишкой. Под пересекавшей лоб плетеной кожаной лентой глаза Лана сверкали голубыми льдинками. – Любому, оказавшемуся рядом с ним, угрожает огромная опасность. Любому.

Найнив почему-то фыркнула. Потом положила руку на округлый бок кожаной сумы, что лежала на столе, и улыбнулась. Впрочем, через миг улыбка ее увяла.

– Неужели мы с моей первой сестрой боимся опасности? – спросила Авиенда, подбоченясь с самым решительным видом. Шаль, соскользнув с плеч, упала на пол, но айилка, пристально глядя на Лана, не заметила потери. – У этого мужчины *тох* к нам, Аан'аллейн, а у нас – к нему. Нам нужно с ним разобраться.

Мин развела руками.

– Не знаю, при чем тут какие-то охи-тохи, но лично я, Ранд, никуда не пойду, пока ты с ними не поговоришь! – Она притворилась, что не замечает гневного взора Авиенды.

Вздохнув, Ранд оперся на угол стола и пробежался пятерней в перчатке по темным, с рыжинкой волосам, что доходили до плеч. Казалось, он о чем-то спорит сам с собою.

– Мне жаль, что *сул'дам* и *дамани* оказались у вас, – наконец промолвил Ранд. Но вид у него был такой, словно он сожалел всего лишь о холодной погоде. – От Таима требовалось доставить их к сестрам, которые, как я думал, были с вами. Но, наверное, всякий мог ошибиться. Видимо, он решил, что все Мудрые, которых собрала Найнив, и есть Айз Седай. – Улыбка его была сдержанной. И не отразилась в глазах.

– Ранд, – предостерегла Мин приглушенным тоном.

У него хватило наглости вопросительно посмотреть на нее, словно бы он чего-то не понял. А потом он продолжил, как ни в чем не бывало.

– Так или иначе, но народу у вас вроде хватает, с горсточкой этих женщин справитесь. А потом передадите их… другим сестрам, тем, что с Эгвейн. Всегда дела идут не так, как предполагаешь, верно? Кто бы мог подумать, что несколько сестер, сбежавших от Элайды, восстанут против Белой Башни? С Эгвейн в роли Амерлин! И с Отрядом Красной Руки в качестве ее армии. Думаю, Мэт побудет там какое-то время. – Почему-то он вдруг заморгал и потрогал лоб, затем продолжил тем же раздражающе обыденным тоном: – Ладно. Все события принимают какой-то странный оборот. Так что не удивлюсь, если мои друзья в Башне наберутся мужества и выступят в открытую.

Выгнув бровь, Илэйн глянула на Найнив. Мудрые? Отряд – армия Эгвейн, и с ним Мэт? Попытка Найнив невинно округлить глаза выдала ее с головой. Илэйн решила, что неважно, кто и в чем виноват. Если Ранда удастся уговорить отправиться к Эгвейн, он очень скоро узнает правду. Во всяком случае, у нее есть к нему дела поважнее. И так понятно, что он лепечет невесть о чем, стараясь казаться непринужденным, надеется отвлечь их, сбить с толку, не дать им самим заговорить.

– Не выйдет, Ранд, – Илэйн вцепилась в юбки, чтобы не погрозить ему пальцем. Или кулаком – она не знала точно. *Другим*

сестрам? *Настоящим* Айз Седай, он собирался сказать. Да как он посмел?! И эти его *друзья* в Башне! Неужели он до сих пор верит тому странному письму Алвиарин? Голос Илэйн был холоден, ровен и тверд – больше никакой пустой болтовни. – Все это нисколько не важно – сейчас. Нам нужно поговорить – мне, Авиенде, Мин и тебе. И мы поговорим. Мы обязательно поговорим, Ранд ал'Тор, и до тех пор ты дворца не покинешь!

Он посмотрел на нее долгим взглядом, не меняя выражения лица. Потом шумно вздохнул, и лицо его обратилось в гранит.

– Я люблю тебя, Илэйн, – и, не медля ни секунды, продолжил – слова бежали потоком, словно пробившая запруду вода. И лицо – каменная стена: – Я люблю тебя, Авиенда. Я люблю тебя, Мин. Всех одинаково, никого ни на капельку меньше или больше. Я хочу не одну из вас, я хочу всех трех. Ну вот, получите. Я – развратник. Теперь можете уйти, не оглянувшись. Все равно это безумие. Я не могу позволить себе кого-то любить!

– Ранд ал'Тор, – заверещала Найнив, – возмутительней речей я от тебя никогда не слыхала! Как тебе вообще в голову такая мысль пришла – сказать *трем* женщинам, что ты их любишь! Да ты не развратник, ты – хуже! Немедленно извинись!

Лан, вынув трубку изо рта, пристально смотрел на Ранда.

– Я люблю тебя, Ранд, – просто сказала Илэйн, – и пусть ты и не спрашивал, я хочу выйти за тебя замуж. – Она слегка покраснела, но, поскольку намеревалась зайти гораздо дальше, решила, что не стоит обращать внимание на такие мелочи.

Найнив пошевелила губами, но не издала ни звука.

– Мое сердце – в твоих руках, Ранд ал'Тор, – сказала Авиенда, обращаясь с его именем, точно с редкой драгоценностью. – Если ты сплетешь для моей первой сестры и меня свадебный венок, я его приму.

И у нее на лице тоже проступил слабый румянец, который она попыталась скрыть, подобрав с пола шаль и пристраивая ее на плечи. По айильским обычаям она никогда не должна была говорить ничего подобного.

Наконец Найнив сумела что-то из себя выдавить. Слабый писк.

– И коли к этому времени ты не понял, что и я тебя люблю, – сказала Мин, – тогда ты слеп, глух и мертв! – Вот она-то не покраснела; в ее темных глазах сверкали лукавые огоньки, и казалось, она сейчас засмеется. – А что до свадьбы… что ж, мы втроем что-нибудь да придумаем. Вот так!

Найнив обеими руками вцепилась в косу и, тяжело дыша, то и дело дергала ее. Лан принялся внимательно разглядывать, что же такое у него в чашечке трубки.

Ранд смотрел на всех трех – Илэйн, Авиенду, Мин – так, словно никогда в жизни не видел женщин и гадал, что они такое.

– Вы все спятили, – в конце концов вымолвил он. – Я бы женился на любой из вас – на всех, да поможет мне Свет! Но это невозможно, и вы это знаете.

Найнив рухнула в кресло, качая головой. Она что-то пробурчала себе под нос, и Илэйн расслышала только, что Круг Женщин языки проглотит.

– Нам надо еще кое-что обсудить, – сказала Илэйн. О Свет, Мин с Авиендой посмотрят на нее как на легкомысленную девчонку! Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы улыбка была не настолько… нетерпеливой. – Полагаю, лучше у меня в покоях. Ни к чему стеснять Найнив и Лана.

На самом деле она опасалась, что Найнив, если услышит, попытается их остановить. Если речь зайдет о чем-то, касающемся Айз Седай, эта женщина, не задумываясь, воспользуется своей властью.

– Да, – медленно произнес Ранд. А потом, как ни странно, добавил: – Я сказал, Найнив, что ты выиграла. Я не уйду, не повидавшись с тобой.

– О-о! – Найнив вздрогнула. – Да. Разумеется. Он вырос у меня на глазах, – залепетала она с болезненной улыбкой, повернувшись к Илэйн. – Я видела его первые шаги. Он не уйдет, пока я с ним как следует не поговорю.

Илэйн с подозрением покосилась на нее. О Свет, она говорит, прямо как престарелая нянька. Хотя Лини никогда не болтает попусту. Илэйн надеялась, что Лини жива и с ней все хорошо, но очень боялась, что правда далеко не столь радужна. Почему Найнив вдруг стала себя так вести? У нее что-то на уме, и если она в своих планах не собирается опереться на авторитет своего положения, значит, это нечто такое, что даже она сама считает неправильным.

Вдруг Ранд… пошел волнами, словно воздух вокруг него поплыл жарким маревом, и все прочее вылетело из головы Илэйн. Через миг он стал… кем-то другим, ниже ростом и толще, каким-то тупым и грубым. И столь отталкивающего обличья, что она не сразу вспомнила даже о мужской половине Силы, к которой он обратился. Сальные черные волосы свисали на болезненно бледное лицо, где среди прочих поросших волосками бородавок выделялась одна, особенно крупная. Она оседлала мясистый нос картошкой, торчавший над толстыми вялыми губами. Ранд крепко зажмурил глаза и сглотнул, стиснув руками подлокотники кресла, словно стеснялся своего вида и не хотел встречаться ни с кем взглядом.

– Ты все равно красив, Ранд, – нежно сказала Илэйн.

– Ха! – заметила Мин. – Да от такой рожи козел в обморок хлопнется!

Так оно и было, но только зря она это сказала.

Авиенда рассмеялась.

– У тебя есть чувство юмора, Мин Фаршав. От такой рожи в обморок попадает целое *стадо* козлов!

О Свет, это точно! Илэйн едва успела проглотить смешок.

– Я тот, кто я есть, – сказал Ранд, рывком вставая с кресла. – Вы просто этого не видите.

Стоило Дени бросить один взгляд на Ранда в его новом обличье, как улыбка сползла с лица коренастой женщины. Касейлле обалдело раскрыла рот. *Вот вам тайный любовник,* подумала Илэйн, посмеиваясь про себя. Она была уверена, что на долю Ранда, с угрюмой миной вперевалку тащившегося между ними, достанется не меньше взглядов, чем на долю женщин-гвардейцев. Никому и в голову не придет заподозрить, кто он такой. Слуги в коридорах, пожалуй, сочтут его злоумышленником, схваченным на месте преступления. Вид у него был именно такой. Касейлле и Дени не спускали с него глаз, словно их тоже посетила подобная мысль.

Женщины-гвардейцы принялись возражать, когда поняли, что Илэйн хочет, чтобы они остались за порогом, а этот парень вошел в ее покои вместе с нею и двумя ее подругами. Вдруг маскировка Ранда перестала казаться Илэйн смешной. Касейлле поджала губы, на широком лице Дени читалось недовольное упрямство. Илэйн уже вознамерилась сунуть им под нос кольцо Великого Змея, но охранницы, насупясь, все-таки заняли свой пост в коридоре у входа в ее апартаменты. Илэйн мягко притворила за собой створку, избавляясь от их укоризненных взглядов, хотя ей хотелось грохнуть дверью со всей силы. О Свет, ну почему для своей маскировки он не выбрал что-то *чуть менее* противное.

Что до Ранда, то он прошел прямо к инкрустированному столу, оперся о него. Воздух вокруг снова задрожал, и Ранд опять стал самим собой. Драконовы головы на его руках, ало-золотистые, отливали металлическим блеском.

– Мне нужно выпить, – хрипло проговорил он, приметив на длинном пристенном столе высокогорлый серебряный кувшин.

По-прежнему не глядя ни на Илэйн, ни на Мин, ни на Авиенду, он неуверенной походкой подошел к столу и наполнил вином серебряный кубок, который и ополовинил одним большим глотком. Это сладкое, приправленное пряностями вино осталось от завтрака. Сейчас оно, наверное, совсем ледяное. Илэйн не собиралась так скоро возвращаться к себе, и огонь в очаге едва теплился под слоем пепла. Но Ранд не сделал ничего, насколько она могла

судить, чтобы согреть вино с помощью Силы. Парок она бы точно заметила. И почему он сам подошел к кувшину вместо того, чтобы, направив Силу, поднести его к себе? Прежде ему это нравилось – плавающие на потоках воздуха кубки с вином, лампы и все такое прочее.

– Что с тобой, Ранд? – спросила Илэйн. – Ты не болен? – В животе у нее что-то сжалось при мысли о том, какая у него может быть болезнь. – Найнив смогла бы…

– Я здоров, здоровей не бывает, – тускло произнес он, по-прежнему стоя к ним спиной. Осушив кубок, он начал вновь наливать вино. – И что это такое, о чем ты не хотела говорить при Найнив?

Илэйн вздернула брови, переглядываясь с Авиендой и Мин. Если уж *он* распознал ее уловку, то Найнив догадалась наверняка. Тогда почему она их отпустила? И как Ранд догадался? Авиенда слегка покачала головой в удивлении. Мин тоже покачала, но с ухмылкой, говорившей, что такое бывает. Илэйн ощутила легкий укол – нет, не ревности; между ними о ревности и речи нет, – укол досады из-за того, что Мин провела с ним столько времени, а она – нет. Что ж, раз ему хочется сюрпризов…

– Мы хотим связать тебя узами, как нашего Стража, – сказала Илэйн, усаживаясь на стул и разглаживая юбки. Мин устроилась на краешке стола, болтая ногами, а Авиенда уселась на ковер, скрестив ноги и аккуратно расправив свои тяжелые шерстяные юбки. – Все трое. По обычаю сначала положено спрашивать.

Ранд развернулся, вино выплеснулось из кубка, еще больше пролилось из кувшина, прежде чем он успел спохватиться. Приглушенно выругавшись, он торопливо сошел с расплывавшегося на ковре влажного пятна и поставил кувшин обратно на поднос. Куртка его из грубой шерсти тоже украсилась спереди большим мокрым пятном и брызгами темного вина, которые он попытался смахнуть свободной рукой. Замечательно.

– Вы и впрямь рехнулись, – прорычал Ранд. – Вы же знаете, что меня ждет. Вам известно, что это означает для любого, с кем я буду связан узами. Даже если я не впаду в безумие, ей придется пережить мою смерть! И как это – все трое? Мин-то направлять не может. Во всяком случае, Аланна Мосвани тебя опередила, и уж она-то не утруждала себя просьбами. Они с Верин отобрали для обучения нескольких двуреченских девушек и сопровождали их в Белую Башню. Я уже несколько месяцев связан с нею узами.

– И ты молчал? И мне не сказал, ты, пастух шерстеголовый? – вознегодовала Мин. – Да если в я знала!.. – Она ловко извлекла из рукава узкий нож, затем зло посмотрела на клинок и с мрачным видом спрятала нож обратно. Подобное лекарство оказалось бы жестоким как для Аланны, так и для Ранда.

– Это против обычая, – сказала Авиенда с вопросом в голосе. Она поерзала на ковре и потрогала пальцем нож на поясе.

– Очень может быть, – удрученно заметила Илэйн. Поступи какая-то сестра так с *любым* мужчиной, это было бы отвратительно. Ну а то, что Аланна проделала это с *Рандом*!.. Илэйн помнила эту смуглую и вспыльчивую Зеленую сестру, отличавшуюся смешливостью и живостью характера. – У Аланны столько *тох* к нему, что она за целую *жизнь* не расплатится! И к нам тоже. Ну, попадет она мне в руки – ей захочется, чтобы я ее поскорее убила!

– После того, как она *нам* в руки попадет, – уточнила Авиенда, подчеркнуто кивая.

– Ну вот, – Ранд уставился в кубок. – Сами видите, смысла в этом нет. Я… Лучше я к Найнив вернусь. Идешь, Мин?

Несмотря на все то, что они ему сказали, в голосе Ранда слышалось сомнение, словно он не до конца им поверил, словно Мин могла теперь бросить его. Он не боялся, даже готов был смириться.

– Нет, смысл есть, – настойчиво сказала Илэйн. Она наклонилась к нему, стремясь силой своей воли вынудить его принять то, что она говорит. – Одни узы – не защита против других. Сестры не связывают узами одного и того же мужчину из-за *обычая*, Ранд, потому что они не хотят *делить* его, а не потому, что этого нельзя сделать. И это вовсе не противоречит закону Башни. – Разумеется, некоторые обычаи столь же сильны, как и закон, по крайней мере, с точки зрения сестер. Найнив же, похоже, с каждым днем становится все большей поборницей обычаев и величия Айз Седай. Когда она узнает, так взорвется, что башкой крышу прошибет! – Ну а мы хотим тебя делить! И ты будешь наш, если дашь согласие.

Как легко оказалось это сказать! А когда-то она была уверена, что язык не повернется такие слова вымолвить. Пока не поняла, что любит Авиенду так же сильно, как и его, только по-другому. И Мин любит – еще одна сестра, хотя они и не прошли ритуал. Подвернись только случай, она спустит с Аланны шкуру, высечет розгами от макушки до пят, за то, что та посмела прикоснуться к нему, но Мин и Авиенда – совсем другое дело. Они – часть самой Илэйн. В каком-то роде они были ею, а она была ими.

Илэйн заговорила мягче:

– Я прошу, Ранд. *Мы* просим. Пожалуйста, позволь нам связать тебя узами.

– Мин, – пробормотал Ранд почти умоляюще. Он смотрел на Мин глазами, полными отчаяния. – Ты знала, да? Ты знала, если я увижу их хоть краем глаза… – он покачал головой, не в силах или не желая продолжать.

– Об узах я ничего не знала, пока они мне не сказали полчаса назад, – промолвила Мин, встречая его отчаянный взор таким нежным взглядом, которого Илэйн никогда у нее не видала. – Но я знала, надеялась – что-то произойдет, когда ты снова их увидишь. Это должно было случиться, Ранд. Обязательно.

Ранд глядел в кубок, мгновения тянулись как часы, и наконец он поставил кубок на поднос.

– Хорошо, – негромко промолвил он. – Не могу сказать, что не хочу этого – потому что хочу. Да испепелит меня Свет за это! Но подумайте о цене. Подумайте о цене, которую заплатите вы.

Илэйн незачем было думать о цене. Она знала ее с самого начала, не раз обсуждала это с Авиендой, чтобы убедиться, что и та все понимает. Она объяснила и Мин. Старая пословица гласит – бери что хочешь, но будь готов платить. Никому из них троих не надо думать о цене; они знают ее и готовы платить. И времени терять не стоит. Даже сейчас она не должна позволить ему решить, что цена чересчур высока. Как будто это ему решать!

Открыв себя *саидар*, Илэйн соединилась с Авиендой, обменявшись с нею улыбками. Углубившееся осознание друг друга, более интимное слияние чувств и физических ощущений всегда было удовольствием для нее и ее первой сестры. И во многом походило на то, что они вскоре разделят и с Рандом. Илэйн работала с плетением тщательно, выверяя его и изучая под каждым углом. Огромной подмогой стало то, что она узнала об айильских плетениях во время церемонии породнения с Авиендой. Тогда-то впервые ей и пришла в голову эта идея.

Осторожно Илэйн вплела Дух, поток из сотни нитей, каждая нить расположена определенным образом, и возложила плетение на сидевшую на полу Авиенду, а потом то же самое проделала с Мин, расположившуюся на краешке стола. В каком-то роде эти плетения не были двумя отдельными плетениями. Они светились в точном подобии, и казалось, глядя на одно, она видит и другое. Это были не те плетения, которые использовались при ритуале породнения, но в них были применены те же принципы. Главное – они *включали* других девушек в себя: то, что случалось с одной из тех, кто был объединен этим плетением, случалось и со всеми. Едва только плетения оказались на местах, Илэйн сразу передала Авиенде главенство в созданном ими круге из двух. Уже готовые плетения остались, и Авиенда немедленно создала идентичные плетения вокруг Илэйн, а потом вновь вокруг Мин, смешивая созданные ею с другими, пока они не стали неотличимы от плетений Илэйн, а потом вернула ей контроль. Сейчас, после многих тренировок они проделывали все с большой легкостью. Четыре плетения, или, скорее, сейчас три, казались одним и тем

же плетением.

Все было готово. Авиенда являла собой непоколебимую уверенность, такую же, какую Илэйн чувствовала в Бергитте. Мин сидела, вцепившись пальцами в край столешницы, скрестив ноги в лодыжках; она не видела потоков, но ободряюще ухмыльнулась, правда, подпортила впечатление, когда облизнула губы. Илэйн глубоко вздохнула. Ее глазам предстало следующее: они трое были окружены и соединены ажурным узором Духа, рядом с которым покажется скучным и самое тонкое кружево. А теперь – только бы это плетение сработало так, как оно, по ее мнению, должно сработать.

От каждой из троих Илэйн протянула к Ранду плетения узкими нитями, сворачивая три линии в одну, складывая их в узы Стража. Получившееся плетение она возложила на Ранда так нежно, как кладут одеяло на младенца. Паутина Духа охватила его, проникла вглубь. Он даже не моргнул, но дело было сделано. Она отпустила *саидар*. Готово.

Он уставился на них без всякого выражения и медленно приложил пальцы к вискам.

– О Свет, Ранд, какая боль, – измученным голосом пробормотала Мин. – Никогда не думала. Даже не представляла себе. Как ты ее терпишь? Столько болит, а ты словно и не замечаешь… Будто живешь с этой болью так долго, что она стала частью тебя. Те цапли у тебя на ладонях. До сих пор чувствуется ожог. И эти твари на руках болят! И твой бок. О Свет, твой бок! Почему ты не кричишь, Ранд? Почему не плачешь?

– Он – *Кар'а'карн*, – со смехом сказала Авиенда, – сильный, как сама Трехкратная Земля! – На ее лице читалась гордость – о да, гордость, – но даже когда она смеялась, по ее загорелым щекам катились слезы. – Золотые жилы. О-о, золотые жилы. Ты и вправду меня любишь, Ранд.

Илэйн просто смотрела на Ранда, чувствуя его в своей голове. Боль ран, о которых он позабыл. Напряжение и недоверие; удивление. Однако его чувства оказались слишком жесткими, неподатливыми, точно наплыв отвердевшей смолы, почти окаменевший. Однако, пронзая их, пульсировали золотистые жилы, эти нити вспыхивали, когда он смотрел на Мин и на Авиенду. И на нее. Он любил ее. Он любил всех трех. И поэтому ей хотелось смеяться от радости. Кто-то может сомневаться, но она всегда будет знать о его любви к ней.

– Да ниспошлет Свет, чтобы вы знали, что сделали, – глухо промолвил Ранд. – Да ниспошлет Свет, чтобы вы… – Нарост стал чуточку тверже. Ранд понимал, что им будет больно и уже собирался с силами. – Я… Теперь мне нужно уходить. По крайней мере,

теперь я буду знать, что с вами все в порядке. Не придется все время о вас волноваться. – Вдруг он ухмыльнулся; если бы улыбка коснулась глаз, он выглядел бы совсем мальчишкой. – Найнив изведется, думая, что я улизнул, не повидавшись с ней. Ну, пусть чуток поволнуется, заслужила.

– Есть еще кое-что, Ранд, – промолвила Илэйн и замолчала, сглатывая комок в горле. О Свет, она-то считала, что это будет самым легким.

– Думаю, пока есть возможность, нам с Авиендой нужно поговорить, – торопливо сказала Мин, спрыгивая со стола. – Где-нибудь наедине. Вы не против?

Авиенда грациозным движением встала с ковра, разглаживая юбки.

– Да. Нам с Мин Фаршав нужно получше узнать друг друга.

Она, поправляя шаль, с сомнением оглядела Мин, но за дверь вышли они под ручку.

Ранд настороженно следил за ними, будто знал, что их уход подстроен заранее. Загнанный волк. Но в голове у нее мерцали золотые жилы.

– Кое-что ты им дал, а мне – нет, – начала Илэйн и поперхнулась, лицо обдало палящим жаром. Кровь и пепел! Интересно знать, как другие женщины заводят об этом разговор? Она осторожно изучила клубки ощущений у себя в голове, одним из которым был он, а вторым – Бергитте. Во втором все оставалось без изменений. Илэйн представила, как заворачивает его в платок, плотно завязывает уголки, и Бергитте исчезла. Остался один Ранд. И сверкающие золотые жилы. Внутри у Илэйн трепыхали крылышками бабочки размером с *волкодава*. Судорожно сглотнув, девушка глубоко вздохнула.

– Придется тебе помочь мне с пуговицами, – срывающимся голосом сказала Илэйн. – Самой мне это платье не снять.

* * *

Гвардейцы зашевелились, когда Мин вышла в коридор вместе с айилкой, и напряглись, видя, что больше никто не выходит, а Мин закрывает дверь.

– Ну, не настолько же у нее плохой вкус, – пробормотала себе под нос коренастая, с сонными глазами женщина, крепче сжимая длинную дубинку. Мин решила, что слова эти не предназначались для чужих ушей.

– Чересчур отважна, чересчур наивна, – пробурчала вторая, худая мужеподобная охранница. – Об этом-то Капитан-Генерал нас и предупреждала. – Она положила руку в перчатке на дверную ручку в виде львиной головы.

– Вот войди, и она с тебя шкуру спустит, – небрежно сказала Мин. – Вы ее когда-нибудь в гневе видели? Да у нее и медведь зарыдает!

Авиенда высвободила руку из руки Мин и отстранилась от нее. Телохранительницы удостоились от айилки хмурого взгляда.

– Вы думаете, моя сестра не справится с одним-единственным мужчиной? Она – Айз Седай, и у нее сердце льва. А вы дали клятву следовать за ней! Идти за нею, куда идет она, а вовсе не совать нос во все углы.

Гвардейцы обменялись долгими взглядами. Та, что помощнее, пожала плечами. Тощая скривилась, но руку с дверной ручки убрала.

– Я дала клятву сберечь жизнь этой девчонке, – сказала она жестко, – и исполню эту клятву. А теперь, детки, ступайте играть в куклы и не мешайте мне заниматься своей работой.

Мин подумала, не достать ли нож и не продемонстрировать ли один из фокусов, которому ее научил Том Меррилин – когда клинок мелькает между пальцев молнией. Просто чтобы показать, кто тут «детки». Худая охранница была немолода, но без седины в волосах, и с виду казалась довольно сильной. И быстрой. А вторая, как бы ни хотелось Мин считать иначе, своей крупной фигурой обязана была вовсе не жиру. Вокруг этих двух женщин Мин не видела ни образов, ни аур, но решительности ни той, ни другой явно не занимать, и они без всяких колебаний поступят так, как считают нужным. Что ж, по крайней мере, они оставили Илэйн и Ранда в покое. Может, нож и не нужен.

Уголком глаза Мин приметила, что айилка неохотно опустила руку, которая лежала на рукояти поясного ножа. Если та не перестанет повторять за ней, как в зеркале, каждое движение, придется, наверное, признать, что в этом колдовстве с Силой кроется нечто большее, чем ей говорили. Хотя, вообще-то, началось все еще до этих манипуляций. Может, они просто думают схоже. М-да, как-то неуютно от такой мысли. Свет, все эти разговоры, что он женится сразу на трех, были так, трепом, но на ком же из трех он *на самом деле* собирается жениться?

– Илэйн храбра, – сказала Мин гвардейцам, – никого храбрее я не встречала в жизни. И она совсем не глупа. Если вы думаете иначе, то очень скоро поймете, что крупно просчитались. – Они смотрели на нее с высоты своих лишних пятнадцати–двадцати лет, непоколебимые, невозмутимые и полные решимости. Еще миг, и они опять велят ей убираться отсюда. – Ладно, Авиенда, не будем же мы стоять тут, раз собирались поговорить?

– Нет, – напряженно промолвила айилка, зло косясь на гвардейцев. – Не будем.

На их уход охранницы не обратили внимания. У них свои заботы, и заключаются они вовсе не в том, чтобы присматривать за подругами Илэйн. Мин надеялась, что со своей работой они справятся. *Она же не совсем дура,* подумала Мин. *Просто иногда позволяет смелости взять верх над благоразумием.* Она надеялась, что телохранительницы не дадут Илэйн залезть в колючки, из которых та не сможет выбраться.

Шагая по коридору, Мин искоса поглядывала на айилку. Авиенда держалась так далеко от нее, как только позволяла ширина коридора. Не глядя в сторону Мин, она достала из поясного кошеля резной костяной браслет и с легкой довольной улыбкой надела его на левое запястье. С самого начала у Авиенды будто муха в носу была, и Мин не понимала почему. Вроде бы женщины Айил привыкли делить мужчину. О себе она ничего подобного сказать не могла. Она просто так сильно любила его, что готова была разделить с другой женщиной, раз уж так случилось, к тому же во всем мире не сыскать лучшего человека, чем Илэйн. С Илэйн кажется, будто все так и должно быть. А вот эта айилка – совсем ей чужая. Илэйн сказала, очень важно, чтобы они узнали друг друга, но как узнаешь, коли та с ней не разговаривает, будто воды в рот набрала.

Однако Мин недолго волновалась об Илэйн или об Авиенде. Слишком чудесно было то, что появилось у нее в голове. Ранд. Маленький комочек, который рассказывал ей о нем все. Мин была уверена, что затея кончится ничем, по крайней мере для нее. И на что будет похожа теперь любовь с ним, когда она знает все! О Свет! Конечно, и он будет знать все о ней. А вот в своем отношении к такому повороту дел она была не слишком-то уверена!

Вдруг до Мин дошло, что этот клубочек чувств и ощущений уже не таков, как прежде. Теперь в нем появилось… красное ревущее пламя, словно пожар, несущийся по сухостойному лесу. Что бы это могло?.. О Свет! Она споткнулась и чуть не упала. Да знай она, что у него внутри такое горнило, такое яростное желание, она бы испугалась и не позволила ему даже пальцем ее тронуть! А с другой стороны… наверное, приятно знать, что Илэйн разожгла такой пламень. Мин дождаться не могла, чтобы проверить, окажет ли она такое же действие, как… Она вновь споткнулась, и на этот раз ей пришлось опереться на украшенный затейливой резьбой буфет. О Свет! Илэйн! Мин почувствовала, что лицо у нее пылает, как печка. Это все равно, что подсматривать через щелочку в занавеске у кровати!

Она поспешно попыталась воспользоваться приемом, о котором ей рассказала Илэйн; представить себе, как завязываешь этот

клубок чувств в платок. Ничего не произошло. Мин лихорадочно попробовала еще раз, но бушующий огонь никуда не делся. Она должна перестать смотреть на него, перестать его чувствовать. Все что угодно, лишь бы отвлечься! Все что угодно! Может, попытаться завязать разговор?

– Ей надо было выпить настоя из сердцелиста, – пролепетала Мин. О том, что представало ей в видениях, она рассказывала только тем, к кому образы имели отношение, и только тогда, когда люди хотели об этом знать, но сейчас ей надо было говорить хоть что-то. – У нее будет ребенок. Двое, мальчик и девочка. Оба здоровенькие и крепкие.

– Она хочет детей от него, – пробормотала айилка. Взор ее зеленых глаз был устремлен вперед; челюсти сжаты, на лбу выступил пот. – Я бы и сама не стала пить настой, если в я… – Встряхнувшись, она обернулась к Мин и вперила в нее хмурый взгляд: – О тебе мне рассказывали моя сестра и Хранительницы Мудрости. Ты на самом деле видишь, что будет с людьми?

– Иногда я вижу образы, и если понимаю, что они значат, то это случается, – сказала Мин. Их голоса отдавались под сводами коридора – пришлось говорить громко, чтобы слышать друг друга. На девушек оборачивались удивленные слуги в красно-белых ливреях. Мин двинулась к середине коридора. Она встретится с ней на полпути, дальше – ни шагу. Чуть помедлив, Авиенда приблизилась к ней тоже.

Мин задумалась, рассказывать ли Авиенде, что она увидела, когда встретилась сегодня с ней и с Илэйн. У Авиенды тоже будут дети от Ранда. Сразу четверо! Правда, кое-что показалось ей странным. Младенцы здоровые, но какие-то необычные. К тому же люди часто не желают знать свое будущее, даже если и говорят обратное. Как бы Мин хотелось, чтобы кто-то *ей* сказал…

Авиенда, шагая в молчании, смахнула со лба бисеринки пота и тяжело сглотнула. Мин тоже пришлось проглотить комок в горле. Все, что чувствовал Ранд, отражалось в этом клубке. Все!

– А тебе тот трюк с платком не помогает? – хрипло спросила Мин.

Авиенда заморгала, и лицо ее потемнело от румянца. Через миг она сказала:

– Вот так лучше. Спасибо. Я… Я забыла – с ним в голове. – Она нахмурилась. – А у тебя не получилось?

Мин удрученно помотала головой. Нет, это просто непристойно!

– Мне поможет, если я буду разговаривать. – Ей нужно сдружиться с этой женщиной, если есть хоть какая-то надежда, что вся эта чудная затея не лопнет, как мыльный пузырь. – Прости

меня за то, что я сказала. Ну, про «охи-тохи». Я кое-что знаю о ваших обычаях. Из-за этого мужчины я бываю иногда несносной. На язык несдержанной. Но не думай, что я позволю тебе себя бить или резать. Может, у меня и есть *тох*, но нам надо найти какой-то другой способ. Например, я могла бы всегда чистить твою лошадь.

– Ты горда, как и моя сестра, – хмуро промолвила Авиенда. Интересно, что она хотела этим сказать? – И у тебя хорошее чувство юмора. – Казалось, она разговаривает сама с собой. – Ты не сваляла дурака с Рандом и Илэйн, как поступило бы большинство женщин из мокрых земель. И ты напомнила мне… – Со вздохом она накинула шаль на плечи. – Я знаю, где найдется немного *оосквай*. Если ты напьешься так, что и думать не сможешь, тогда… – Она вдруг застыла столбом, глядя вперед по коридору. – Нет! – прорычала она. – Только не сейчас!

К ним приближалось явление, при виде которого Мин от изумления раскрыла рот. И все мысли о Ранде вылетели из головы. Мин уже знала, что Капитан-Генерал гвардии Илэйн – женщина и что в придачу она – Страж Илэйн, но и только. Роскошная, толстая, затейливо заплетенная коса шедшей им навстречу женщины была перекинута через плечо короткой красной куртки с белым воротом, а ее широкие синие штаны были заправлены в сапоги с каблуками, такими же высокими, как у Мин. Вокруг нее танцевали ауры, вспыхивали и гасли образы; их было так много, сколько Мин никогда раньше не видывала, тысячи, наверное, одни водопадом сменяли другие. Страж Илэйн и Капитан-Генерал Гвардии Королевы слегка… пошатывалась, словно бы уже влила в себя немалую порцию того самого *оосквай*. Завидевшие ее слуги тут же решили, что у них найдется дело в другом конце дворца, и в считанные мгновения в опустевшем коридоре осталось только три человека. Мин и Авиенду она заметила, кажется, только тогда, когда едва не столкнулась с ними.

– А-а, проклятье, это ты ей помогла, да? – прорычала она, упираясь в Авиенду остекленевшим взором голубых глаз. – Сперва она, вот треклятая, исчезает из моей головы, а потом!.. – Она содрогнулась, с заметным трудом собралась с силами, но дышала все равно тяжело. Казалось, ноги не желали ее держать. Облизывая губы, она сглотнула и гневно продолжила: – Чтоб ей сгореть, я не могу сосредоточиться, чтобы отделаться от этого! Вот что я тебе скажу. Если она делает именно то, что, по-моему, делает, то я ее чувствительное сердечко пинками буду гонять по проклятому дворцу, а потом!.. Проклятье, потом я ее выпорю, да так, что она *месяц* сидеть не сможет! Да и тебя заодно! Только где бы отыскать того *корня вилочника*!

– Моя первая сестра – взрослая женщина, Бергитте Трагелион, – воинственно заявила Авиенда. Несмотря на тон, она съежилась и не слишком стремилась встретиться с Бергитте взглядом. – Пора перестать относиться к нам как к детям!

– Проклятье, когда она станет вести себя как взрослая, вот тогда я и буду с ней обращаться как со взрослой, но у нее нет никакого права поступать *так*! Не у меня в треклятой голове! Не у меня!.. – Вдруг замутненные глаза Бергитте полезли на лоб. Челюсть у нее отвалилась, и золотоволосая женщина рухнула бы, если бы Мин с Авиендой не подхватили ее под руки.

Крепко зажмурившись, она всхлипнула разок и проскулила:

– *Два* месяца! – Рывком высвободившись из рук девушек, Бергитте выпрямилась и пронзила Авиенду взглядом. Ее голубые глаза были чисты, как вода, и тверды, как лед. – Оттороди ее от меня, иначе и тебе достанется.

Угрюмый возмущенный взгляд Авиенды ускользал от ее глаз.

– Ты – Бергитте Серебряный Лук! – прошептала Мин. Она поняла, кто перед ними, еще до того, как Авиенда произнесла имя. Неудивительно, что айилка ведет себя так, словно прозвучавшие угрозы могут быть претворены в жизнь прямо здесь, на месте. Бергитте Серебряный Лук! – Я видела тебя у Фалме!

Бергитте вздрогнула, как от испуга, потом торопливо огляделась вокруг. Не увидев посторонних, она испытала заметное облегчение и немного расслабилась. Затем оглядела Мин с головы до ног.

– Кого бы ты там ни видела, Серебряный Лук мертва, – отрезала Бергитте. – Отныне я – Бергитте Трагелион, вот и все. – На миг ее губы скривились. – Растреклятая *леди* Бергитте Трагелион, если вам угодно. Поцелуйте овцу на День Матери, если я знаю, что мне с этим делать. А кто ты такая, интересно, будешь? Ты и дома всегда ноги напоказ выставляешь, будто проклятая танцовщица с перьями?

– Я – Мин Фаршав, – коротко ответила та. И это – Бергитте Серебряный Лук, героиня сотни сказаний? Да ей бы рот с мылом вымыть, ишь как проклятиями сыплет! И о чем это она – Серебряный Лук мертва? Вот же она же, перед нею! И что это за бесчисленные ауры и образы, мелькающие так быстро, что не успеваешь их разобрать? Они несомненно указывают на кучу приключений, столько, сколько ни у кого не вместится в одну жизнь. Странно, некоторые образы были связаны с уродливым мужчиной старше Бергитте, а в других этот уродливый мужчина был много моложе, однако откуда-то Мин знала, что это один и тот человек. Легенды легендами, но этот налет превосходства очень уж раздражает.

– Илэйн, Авиенда и я только что связали узами Стража, – не подумав, заявила Мин. – И если Илэйн решила слегка отметить это событие, что ж, тебе лучше дважды подумать, прежде чем врываться к ней, иначе это *тебе* сидеть больно будет.

После этих слов к Мин вновь вернулось осознание Ранда. Эта пылающее горнило по-прежнему было там, ничуть не ослабив своего жара, но, благодарение Свету, он больше не… Кровь прилила к щекам. Он часто лежал в ее объятиях на смятом ложе, а она ловила его дыхание, но то, что происходило сейчас, и в самом деле слишком походило на подглядывание!

– Его? – тихонько произнесла Бергитте. – Ну и отчебучили! Она могла бы влюбиться в карманника или конокрада, но ее угораздило выбрать его. Глупее не придумаешь. Я видела его в помянутом тобою месте – этот мужчина слишком красив и слишком хорош для любой женщины. Ее нужно остановить.

– У тебя нет никакого права! – мрачно сказала Авиенда, и вид у Бергитте сделался терпеливым. Напряженным, но все же терпеливым.

– Она могла бы вести себя благопристойно, как дева Талмури, ну разве что не придется голову на плаху класть. Пожалуй, скоро она наберется смелости и захочет, чтобы он снова проявил себя в деле, и когда она опять займется тем, что только делала, то забудется и вновь окажется у меня в голове. Проклятье, я не хочу через это проходить еще раз! – Она выпрямилась, явно готовая отправиться дальше и непременно встретиться с Илэйн.

– Считай это хорошей шуткой, – умоляюще сказала Авиенда. Умоляюще! – Она сыграла с тобой хорошую шутку, вот и все.

Бергитте изогнула уголок губ, выражая таким образом свое отношение к предложению Авиенды.

– Есть один прием, о котором мне рассказала Илэйн, – торопливо сказала Мин, поймав Бергитте за рукав. – Ну, для меня он бесполезен, но, может…

К несчастью, как только она объяснила….

– Она по-прежнему там, – через мгновение угрюмо вымолвила Бергитте. – Уйди с дороги, Мин Фаршав, – сказала она, вырвав рукав, – иначе…

– *Оосквай!* – в отчаянии вскричала Авиенда, действительно заламывая руки. – Я знаю, где есть *оосквай!* Если ты напьешься!.. Ну пожалуйста, Бергитте! Я… я дам слово подчиняться тебе, как ученица наставнице, но, пожалуйста, не мешай ей! Не позорь ее так!

– *Оосквай?* – задумчиво протянула Бергитте, потирая подбородок. – Это нечто вроде бренди? Хм-м. Я-то думала, девочка застенчива! Она ведь обычно такая правильная, вы же знаете. Шутка,

говорите? – Внезапно она расплылась в ухмылке, широко раскинула руки. – Ну, Авиенда, веди меня к своему *оосквай*. Не знаю, как вы двое, но я намерена напиться, да так, чтобы… ну… сбросить одежду и плясать на столе. И ни глотком меньше.

Мин вообще ничего не поняла из слов Бергитте. Как не поняла, и почему Авиенда уставилась на Бергитте и внезапно начала смеяться. Но Мин была уверена, что знает, почему Илэйн сейчас краснеет, если, конечно, она краснеет. Этот клубок ощущений у нее в голове вновь разгорелся бушующим пожаром.

– Ну, мы найдем наконец этот *оосквай* или нет? – сказала Мин. – Я хочу напиться в стельку, и побыстрее!

* * *

Когда на следующее утро Илэйн проснулась, в спальне стоял ледяной холод, на Кэймлин сыпался легкий снежок, а Ранда не было. Он оставался только у нее в голове. Так и будет. Она улыбнулась, медленно-медленно. Отныне так и будет. Томно потянувшись под одеялами, Илэйн припомнила свои бесстыдства прошлой ночью – и большую часть дня тоже! Она едва верила, что то была она, – и подумала, что должна бы гореть как солнце! Но ей не хотелось быть с Рандом сдержанной, и, пожалуй, больше она уже никогда не зальется краской смущения – при мысли о нем.

Что было чудеснее всего – он оставил ей подарок. Когда Илэйн проснулась, на подушке рядом лежала распустившаяся золотистая лилия, на сочных лепестках ее еще подрагивали капельки росы. Где он раздобыл такое чудо посреди зимы, она не могла даже представить. Но создала вокруг лилии плетение Сохранения и положила цветок на прикроватный столик, где она будет, просыпаясь, видеть его каждое утро. Плетению она научилась у Могидин, но оно навсегда сохранит цветок свежим, капельки влаги никогда не испарятся – постоянное напоминание о мужчине, который подарил ей свое сердце.

Столь прекрасному ее утру положило конец известие о том, что ночью исчезла Аливия. Дело серьезное; немудрено, что Родня переполошилась. И только когда явилась Зайда и сказала, что Найнив не пришла заниматься с Ата'ан Миэйр, Илэйн узнала, что из дворца пропали также и Найнив с Ланом, как и когда – никому не ведомо. А потом, много позже, она узнала, что в собрании *ангриалов* и *тер'ангриалов*, привезенных из Эбу Дар, отсутствуют три наиболее могущественных *ангриала* и еще несколько предметов. Некоторые из них, как была уверена Илэйн, предназначались для женщины, которая в любой момент ожидает нападения с помощью Единой Силы. И поэтому еще большую тревогу вселяла записка, торопливо нацарапанная рукой Найнив и спрятанная

среди оставшихся предметов Силы.

Глава 13

ЧУДЕСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

В озаренной солнцем комнате Солнечного дворца царил холод, несмотря на жарко пылавший огонь в двух каминах, расположенных у противоположных стен, на уложенные толстым слоем ковры и на яркий утренний свет, лившийся сквозь наклонную стеклянную крышу, где его заслоняли местами снежные наносы, лепившиеся к тонким горбылькам переплетов. Тем не менее этот зал вполне подходил для аудиенций и приемов. Кадсуане полагала, что тронный зал лучше не занимать. До сих пор лорд Добрэйн помалкивал на тот счет, что она держит у себя Каралайн Дамодред и Дарлина Сиснеру – она не видела другого способа уберечь их от глупостей, кроме как крепко держать в кулаке, – но Добрэйн мог заволноваться, решив, что она заходит чересчур далеко за границы, которые он считает приличными. Он был слишком близок к мальчику и верен данным клятвам, и Кадсуане не хотела на него давить. Оглядываясь на свою жизнь, она могла живо припомнить неудачи, о которых очень горько сожалела, и ошибки, за которые заплачено человеческими жизнями, но в этом деле она не могла позволить себе ни поражения, ни ошибки. Поражения – ни в коем случае. Свет, как же подмывает кого-нибудь *укусить*!

– Я требую вернуть свою Ищущую Ветер, Айз Седай! – Перед Кадсуане в деревянной позе восседала Харине дин Тогара, вся в зеленом, расшитом золотом шелке. Губы ее были поджаты. Несмотря на лицо без морщин, в прямых черных волосах белели седые прядки. Она занимала пост Госпожи Волн своего клана на протяжении десяти лет, а задолго до того командовала крупным кораблем. Ее Госпожа Парусов, Дерах дин Селаан, женщина помоложе, вся в голубом, сидела на стуле – стоявшем ровно в футе позади, в соответствии с их представлением о правилах поведения. Обе являли собой воплощающие гнев статуи, вырезанные из темного дерева, и их диковинные украшения только усиливали это впечатление. Ни та ни другая словно не замечали Эбена, державшего поднос с серебряными кубками. Он с поклоном предложил им вино, подогретое с пряностями, а они на него бросили всего лишь по косому взгляду.

Когда они не взяли угощения, мальчик, казалось, не знал, как быть дальше. Он так и стоял, склонившись с подносом, пока его

не дернула за полу красной куртки и не увела с улыбкой прочь Дайгиан – смешливый голубь-дутыш в темно-синем платье с белыми прорезями. Эбен был стройным пареньком с крупным носом и большими ушами, которого не назовешь привлекательным, а уж тем более красавцем, но она относилась к нему как к своей собственности. Они сели рядышком на мягкую скамеечку перед камином и принялись играть в «кошачью колыбельку».

– Благодаря вашей сестре мы надеемся разобраться, что же случилось в тот злосчастный день, – сказала Кадсуане, успокаивающе и несколько рассеянно. Глотнув вина с пряностями, она помедлила, ей было безразлично, заметят ли они ее нетерпение. Сколько бы Добрэйн ни ворчал о невозможности выполнить условия той невероятной сделки, что Рафела и Мерана заключили по поручению мальчишки ал'Тора, он все же и сам мог бы управиться с Морским Народом. Кадсуане слушала их вполуха и уделяла им немного внимания. Хватит с них и того. Если она сосредоточится на Ата'ан Миэйр, то неизвестно, удержится ли, чтобы не прихлопнуть их, точно мошек-кусименя, хотя и не они являются подлинным источником ее раздражения.

Возле второго камина, в другом конце солнечной комнаты расположились пять сестер. Несан разложила на пюпитре перед собой большой том в деревянном переплете из дворцовой библиотеки. Как и остальные, она была одета в простое шерстяное платье, более подходящее для купчихи, чем для Айз Седай. Если они и жалели об отсутствии шелков или денег на шелка, то виду не показывали. Возле больших пялец стояла Сарен, с вплетенными в тонкие косички бусинками; ее иголка сновала туда-сюда, добавляя крохотные стежки к очередному цветку на цветущем лугу. Эриан и Белдейн играли в камни, за игрой наблюдала Элза, ожидавшая своей очереди сразиться с победителем. Судя по всему их виду, они наслаждались праздным утром, а вовсе не пребывали в заботах о судьбах мира. Наверное, сами понимали: они здесь для того, чтобы она их изучала. Почему они дали клятву верности мальчишке ал'Тору? Кируна и остальные, когда решили дать клятву, хотя бы находились рядом с ним. Кадсуане готова была признать, что никто не мог бы противиться влиянию *та'верена*. Но эти пятеро за похищение ал'Тора понесли жестокое наказание и к своему решению предложить клятву пришли прежде, чем их привели к нему. Поначалу Кадсуане склонялась к тому, чтобы принять их объяснения, но за последние дни у нее появились сомнения. Очень серьезные сомнения.

– Моя *Ищущая Ветер* – не в вашей власти, Айз Седай, – заявила Харине резко, словно отвергая кровное родство. – Шалон должна быть немедленно возвращена мне.

Коротким кивком Дерах выразила согласие с ней. Кадсуане считала, что Госпожа Парусов точно так же, без колебаний, прыгнула бы в пропасть со скалы, прикажи ей только Харине. В иерархии Ата'ан Миэйр Дерах стояла много ниже Харине. И это почти все, что известно о них Кадсуане. Морской Народ может оказаться полезным – или наоборот, но она обязана отыскать способ прибрать их к рукам.

– Расследованием занимаются Айз Седай, – сказала Кадсуане вкрадчиво. – Мы должны следовать закону Башни. – В вольной интерпретации, естественно. Она всегда полагала, что дух закона гораздо важнее, чем буква.

Харине зашипела, как змея, и вновь пустилась разглагольствовать о своих правах, перемежая объяснения требованиями, однако Кадсуане слушала ее вполуха.

Она могла понять Эриан, светлокожую, черноволосую иллианку, с жаром настаивавшую, что должна быть на стороне мальчика, когда он выйдет на Последнюю Битву. И Белдейн, которая столь недавно заслужила шаль, что ее черты еще не успели приобрести безвозрастности; она была преисполнена решимости во всем быть образчиком Зеленой сестры. И Элзу, андорку, на чьем привлекательном лице пылали глаза, когда она говорила, что уверена: живет он ради сражения с Темным. Еще одна Зеленая, и еще более целеустремленная, чем большинство прочих. Несан, склонившаяся над книгой и напряженно вчитывавшаяся в строчки, походила на черноглазую птицу, рассматривающую червяка. Коричневая, она залезет в ящик со скорпионом, если решит изучить его. Сарен, Белая, пожалуй, изумилась бы, если бы кто-нибудь назвал ее хорошенькой, но она гордилась холодной точностью своей логики: ал'Тор – Дракон Возрожденный, и отсюда логически проистекает, что она должна следовать за ним. Разные причины, идиотские причины, однако Кадсуане могла бы принять их, если бы не прочие обстоятельства.

Дверь в зал открылась, пропуская Верин и Сорилею. Морщинистая, беловолосая айилка передала что-то маленькое Верин, и Коричневая сестра засунула это в свой поясной кошель. На простом бронзового цвета платье Верин была приколота брошь в виде цветка – единственное украшение, которое Кадсуане видела на ней, не считая кольца Великого Змея.

– Это поможет тебе заснуть, – сказала Сорилея, – но не забудь: только три капли в воду или всего одну в вино. Чуть больше, и проспишь день, а то и дольше. Намного больше, и не проснешься никогда. На вкус его не определить, поэтому будь очень осторожна.

Итак, у Верин тоже нелады со сном. После бегства мальчика из Солнечного дворца Кадсуане ни разу не удалось как следует выспаться. Если в скором времени она не поспит как следует, то точно кого-нибудь укусит. Несан и ее компания с тревогой посматривали на Сорилею. Мальчик их самих сделал *ученицами* у Хранительниц Мудрости, и они уже поняли, что к своим ученицам айилки относятся очень и очень серьезно. Стоит Сорилее щелкнуть пальцами, и конец их праздному утру.

Харине подалась вперед на своем стуле и кончиками пальцев легонько стукнула Кадсуане по щеке.

– Ты меня не слушаешь, – резко сказала она. Лицо ее походило на грозовую тучу, а лицо ее Госпожи Парусов предвещало не меньший шторм. – Ты *будешь* слушать!

Кадсуане сложила руки домиком и устремила на Харине строгий взор поверх сложенных пальцев. Нет. Она не станет сейчас переворачивать Госпожу Волн вверх тормашками. Она не отправит ее, рыдающую, обратно в ее покои. Она будет так дипломатична, как могла бы пожелать Койрен. В мыслях она вновь пробежала быстро все, что слышала.

– Ты выступаешь от имени Госпожи Кораблей Ата'ан Миэйр, имея все полномочия, обладая такой властью, которую я и представить не могу, – спокойно промолвила она. – Если твоя Ищущая Ветер не будет возвращена в течение часа, ты позаботишься, чтобы Корамур серьезно меня наказал. Ты требуешь принести извинения за содержание Ищущей Ветер под замком. И ты требуешь, чтобы я заставила лорда Добрэйна немедленно выделить участок земли, обещанный Корамуром. Полагаю, я перечислила самые важные пункты. – За исключением того, чтобы ее выпороли плетьми!

– Хорошо, – властно сказала Харине, удобно откидываясь на спинку стула. Улыбка ее была до невозможности самодовольной-. – Ты узнаешь, что…

– Мне плевать на вашего Корамура, – продолжила Кадсуане все тем же тихим и спокойным голосом. Все смоквы мира – для Дракона Возрожденного, и ни одной – для Корамура. Она и на волосок не повысила голоса. – Если ты еще раз без разрешения коснешься меня, тебя разденут, отстегают, свяжут и отнесут в твои покои в мешке. – М-да, дипломатия никогда не была ее сильной стороной-. – Если ты не прекратишь донимать меня вопросами о своей сестре… Что ж, я и на самом деле могу осерчать, – вставая, она сделала вид, что не замечает возмущения женщины Морского Народа, и повысила голос, чтобы услышали в конце комнаты: – Сарен!

Стройная тарабонка отвернулась от пялец, только бусинки в косичках тихо стукнули, и поспешила на зов. Подбежав, она на миг замешкалась и присела в реверансе, раскинув темно-серые юбки. Хранительницы Мудрости их вымуштровали – они кидались исполнять требуемое по первому же слову, – однако сейчас Сарен вела себя так, не только повинуясь традициям. Поистине есть преимущество в том, что тебя считают легендарной, да еще и непредсказуемой.

– Проводи этих двух в их комнаты, – распорядилась Кадсуане. – Они выразили желание попоститься и поразмышлять о вежливости. Проследи за этим. И если услышишь хоть одно неучтивое слово, отшлепай обеих. Но будь подипломатичней.

Сарен вздрогнула, открыла было рот, словно собираясь заметить, что распоряжение не совсем последовательно, но, бросив всего один взгляд на лицо Кадсуане, быстро повернулась к женщинам Ата'ан Миэйр и знаком пригласила их за собой.

Харине вскочила на ноги, загорелое лицо стало жестким и сердитым. Но не успела она произнести и первого слова своей, без сомнения, гневной тирады, как ее руки коснулась Дерах. Госпожа Парусов наклонилась к Харине и, приложив ладонь к отягощенному сережками уху Госпожи Волн, что-то ей прошептала. На ее смуглой коже темнели татуировки. И что бы там ни сказала Дерах, Харине закрыла рот. Выражение ее лица ничуть не смягчилось, но, оглядев сестер в дальнем конце комнаты, она коротким жестом попросила Сарен идти впереди. Харине сколько угодно могла притворяться, что сама решила уйти, но Дерах, двинувшаяся следом, шла так близко к ней, словно подгоняла, и беспокойно косилась через плечо, пока дверь не закрылась.

Кадсуане почти пожалела о своем столь легкомысленном приказе. С Сарен станется исполнить все в точности. Женщины Морского Народа вызывали у Кадсуане лишь раздражение, и кроме того, были пока бесполезны. От раздражения необходимо избавиться, чтобы сосредоточиться на важном, а если она найдет им применение, новые инструменты так или иначе нужно будет приспосабливать для дела. Она чересчур рассердилась на них, и ее не заботило, каким образом будут заточены инструменты, да и какая разница, когда начинать – сейчас или позже. Нет, сердится она на мальчишку, но до него ей пока не добраться.

Сорилея, громко фыркнув, проводила взглядом Сарен и Ата'ан Миэйр, а потом устремила хмурый взгляд на сестер, собравшихся в дальнем конце солярия. Под перестук браслетов она поправила шаль на плечах. Еще одна женщина не в лучшем своем настроении. У Морского Народа бытовали странные представления об «айильских дикарях» – хотя, по правде говоря, не страннее тех,

что имела сама Кадсуане до встречи с Сорилеей, – и Хранительница мудрости не слишком любила Морской Народ.

Кадсуане с улыбкой двинулась навстречу Сорилее. Седоволосая Хранительница Мудрости не из тех женщин, которых заставишь подойти к себе. Все полагали, что они подружились, – Кадсуане с удивлением поняла, что такое вполне еще может случиться, – однако ни одна живая душа не знала об их союзе. Рядом с Айз Седай возник Эбен и как будто вздохнул с облегчением, когда та поставила на его поднос полупустой кубок.

– Вчера поздно ночью, – промолвила Сорилея, когда облаченный в красную куртку паренек поспешно вернулся кДайгиан, – Чизейн Нурбайя попросила дозволения служить *Кар'а'карну*. – В ее голосе явственно сквозило неодобрение. – Еще до первого света о том же попросила Дженин Певара, потом Иннина Даренхолд, затем и Вайелль Камса. Друг с другом им разговаривать не разрешали. Сговора быть не могло. Я согласилась с их просьбами.

Кадсуане недовольно хмыкнула.

– Полагаю, вы уже заставили их отрабатывать наказание, – пробормотала она, напряженно размышляя. Девятнадцать сестер оставались пленницами в айильском лагере, девятнадцать сестер, посланных этой дурой Элайдой выкрасть мальчика, а теперь *все* они поклялись следовать за ним! Эти последние были самыми упрямыми. – Что заставило *Красных* сестер дать клятву верности мужчине, который способен направлять Силу?

Верин пустилась было в изложение результатов наблюдений, но умолкла из-за айилки. Странно, но для Верин вынужденное ученичество стало все равно что болото для цапли. В айильском лагере она проводила больше времени, чем за его пределами.

– Не наказание, Кадсуане Меледрин. – Словно отметая это предположение, Сорилея взмахнула жилистой рукой, и вновь раздался приглушенный перестук золотых и костяных браслетов. – Они стараются исполнить *тох*, который невозможно искупить. Вообще, по-своему глупо, как и то, что мы называли их *да'тсанг*, но возможно, у них еще есть надежда исправиться, если они готовы стараться, – выдавила она из себя признание. Сорилея не просто не любила этих девятнадцать женщин. Она чуть улыбнулась: – Так или иначе мы научим их гораздо большему, чем им необходимо знать. – Кажется, она считала, что всем Айз Седай не помешало бы пройти ученичество у Хранительниц Мудрости.

– Надеюсь, вы по-прежнему будете как следует присматривать за ними, – сказала Кадсуане. – Особенно за последними четырьмя.

Она была уверена, что они сдержат свою нелепую клятву, хотя и не совсем так, как хотелось бы мальчику, но нельзя сбрасывать со счетов и вероятность того, что среди них окажутся одна-две

Черных Айя. Когда-то ей казалось, что она вот-вот выкорчует Черную, и ей оставалось лишь наблюдать, как добыча, подобно дыму, ускользает между пальцев. То была ее самая горькая неудача, не считая, возможно, еще одного случая – когда Кадсуане не сумела вовремя узнать, что кузина Каралайн Дамодред добралась до Пограничных Земель. Правда стала известна ей несколько лет спустя, когда уже бесполезно было что-то предпринимать. Теперь же даже Черные Айя, похоже, только отвлекали от действительно важных дел.

– Ученицы всегда под строгим присмотром, – отозвалась немало повидавшая айилка. – И думаю, не худо бы напомнить вот этим сестрам, что они должны быть благодарны за то, что им позволили прохлаждаться без дела, как вождям клана.

Остававшиеся у камина четыре сестры с готовностью встали при приближении Хранительницы Мудрости, присели в низких реверансах и внимательно выслушали ее. Сорилея говорила приглушенным голосом, покачивая пальцем. Может, она и считала, что их еще многому нужно научить, но они уже усвоили: ученицу Хранительниц Мудрости не защитит шаль Айз Седай. Кадсуане этот самый *тох* представлялся сущим наказанием.

– Ее… трудно выносить, – пробормотала Верин. – Я очень рада, что она на нашей стороне. Если она на нашей стороне.

Кадсуане окинула ее острым взглядом.

– У тебя такой вид, как будто ты имеешь, что сказать, и чего тебе вовсе не хочется говорить. О Сорилее?

Их союз был весьма неопределенным. Подружатся они или нет, но может выясниться, что у нее с Хранительницей Мудрости разные цели.

– Ну, не совсем так, – вздохнула невысокая коренастая женщина. Несмотря на широкое квадратное лицо, она из-за склоненной набок головы напоминала толстого воробья. – Знаю, это не мое дело, Кадсуане, но Бера и Кируна зашли в тупик с нашими гостьями, поэтому у меня состоялась небольшая беседа с Шалон. После очень *деликатного* допроса она выложила целую историю. И Айлил подтвердила каждую деталь, стоило ей понять, что мне все известно. Вскоре после прибытия в Кайриэн Морского Народа Айлил обратилась к Шалон, надеясь вызнать, чего они хотят добиться от юного ал'Тора. В свою очередь Шалон стремилась узнать о нем все, что можно, а также о здешней ситуации. Взаимный интерес привел к встречам, они понравились друг другу и стали закадычными подругами. Думаю, дело в одиночестве. В любом случае, больше всего они скрывали именно свои отношения, а не что-то иное.

– Они столько дней выдерживали допросы, скрывая *это?* – не веря своим ушам, промолвила Кадсуане. Да у Беры с Кируной эта парочка чуть ли не выла!

В глазах Верин вспыхнул огонек сдержанного веселья.

– Кайриэнки чопорны и ханжески благонравны, во всяком случае, на людях. За задернутыми занавесками они могут любиться как кролики, но если кто и услышит ненароком, ни одна не признается, что мужа хотя бы пальцем коснулась! Поведение Морского Народа ограничено не менее строгими рамками, они, можно сказать, зашнурованы сверху донизу. Шалон, во всяком случае, замужем за человеком, которого долг вынуждает находиться в другом месте, а нарушение брачных клятв – очень серьезное преступление. Кажется, вопиющий дисциплинарный проступок. Если ее сестра познает, то Шалон окажется… «Ищущей Ветер на гребной шлюпке». По-моему, таковы были ее точные слова.

Кадсуане покачала головой, украшения в прическе дрогнули. Когда, сразу после нападения на дворец, этих двух женщин обнаружили связанными и с кляпами во рту под кроватью Айлил, Кадсуане заподозрила, что о случившемся им известно больше, чем они утверждают. И стоило им отказаться сообщить, почему они тайно встречаются, как она почувствовала в этом уверенность. Возможно, они все равно причастны к нападению, хотя похоже, это все-таки дело рук Аша'манов-изменников. Или, точнее, предполагаемых изменников. Столько времени и трудов пропало втуне. Хотя, может, и не зря, раз уж они столь отчаянно скрывали свою тайну.

– Верни леди Айлил в ее апартаменты, Верин, и извинись за то, что с ней так обращались. Дай ей самые… смутные… заверения, что ее секреты будут сохранены. Убедись, что она уяснила, насколько эти заверения призрачны. И ясно намекни, что ей, возможно, захочется держать меня в курсе всего того, что она услышит о своем брате. – Кадсуане не любила шантажа, но уже пустила в ход этот инструмент с тремя Аша'манами, а Торам Райатин по-прежнему мог доставить немало хлопот, пусть даже мятеж его как будто и развеялся. На деле Кадсуане мало волновало, кто усядется на Солнечный Трон, однако заговоры и интриги тех, кто придавал слишком важное значение тронам и престолам, зачастую мешали куда более значимым делам.

Верин улыбнулась и кивнула, качнув узлом волос на затылке.

– О да. Думаю, это замечательно сработает. Особенно учитывая то, как сильно Айлил недолюбливает брата. Полагаю, и с Шалон поступить также? За исключением того, что вы хотите знать о событиях у Ата'ан Миэйр? Не уверена, предаст ли она Харине, невзирая на то, какими для нее самой окажутся последствия.

– Она расскажет столько, сколько я от нее потребую, – мрачно заметила Кадсуане. – Продержи ее до завтра и отпусти во второй половине дня.

Харине нельзя и на миг позволить думать, будто к ее требованиям прислушались. Морской Народ должен стать еще одним инструментом для мальчика, и не более. На всех и на все нужно смотреть исключительно в таком свете.

Позади Верин в солнечную комнату проскользнула Кореле. Она аккуратно прикрыла дверь, словно надеясь никого не потревожить, – что на нее совсем не походило. По-мальчишески тонкая, с густыми черными бровями и с гривой блестящих черных волос, рассыпавшихся по спине и придававших ей растрепанный вид, как бы опрятна ни была ее одежда, Желтая сестра должна была скорее ворваться в комнату со смехом. Потирая кончик вздернутого носа, она нерешительно, без обычных искорок в синих глазах, смотрела на Кадсуане.

Кадсуане властным жестом подозвала ее, и Кореле, глубоко вздохнув и обеими руками подхватив синие юбки с желтыми разрезами, заскользила по коврам. Поглядывая на сестер, сбившихся в кучку вокруг Сорилеи в дальнем конце комнаты, и на Дайгиан, игравшую в другом конце в «кошачью колыбельку» с Эбеном, она заговорила негромким голосом с ритмичным мурандийским выговором.

– У меня чудесные известия, Кадсуане. – Судя по тону, не так уж она была уверена в их чудесности. – Знаю, вы велели найти Дамеру занятие здесь, во дворце, но он захотел осмотреть сестер, что находятся в лагере Айил, и настоял на своем. Вообще-то он по характеру очень сдержан, но когда чего хочет, бывает чрезвычайно настойчив. Кроме того, он уверен, что все можно Исцелить, – уверен так же, как в том, что завтра взойдет солнце. Ну, и дело в том, что он пошел и Исцелил Иргайн. Кадсуане, она как будто никогда и не была… – Она замолчала, не в силах произнести страшное слово. И все равно оно словно повисло в воздухе. Усмирена.

– Чудесные новости, – бесстрастно промолвила Кадсуане. И впрямь чудесные. У каждой сестры где-то глубоко живет страх, что она может оказаться отрезанной от Источника. И теперь способ Исцелить то, чего нельзя Исцелить, обнаружен. Мужчиной. Прольется немало слез, будет высказано немало взаимных упреков, прежде чем с *этим* покончат. Во всяком случае, каждая сестра до поры до времени будет считать, что это открытие потрясло основы мироздания – и на деле потрясло, ведь совершил его мужчина! Но по сравнению с Рандом ал'Тором эта новость – буря в стакане воды. – Полагаю, она предложила, чтобы и ее выпороли,

как остальных?

– Ей это незачем, – рассеянно заметила Верин. Она, нахмурившись, рассматривала чернильное пятно на пальце, но казалось, видит что-то совсем другое. – Похоже, Хранительницы Мудрости сочли, что Ранд достаточно наказал Иргайн и двух других, когда он… сделал то, что сделал. С остальными они обращались как с никчемными животными, но чтобы сохранить жизнь этим трем, Хранительницы изрядно потрудились. Я слышала, что Ронайлле подыскивали мужа.

– Иргайн все известно о клятвах, что дали другие. – В голосе Кореле появились изумленные нотки. – Когда Дамер закончил с нею, она тотчас же принялась оплакивать гибель своих Стражей. Однако и она тоже готова принести клятву. А самое главное, что Дамер хочет попытаться Исцелить еще и Сашалле, и Ронайлле. – Удивительно, но она выпрямилась чуть ли не с вызовом. Кореле, как все Желтые, была заносчива, но с Кадсуане всегда знала свое место. – Кадсуане, я не понимаю, почему нужно оставлять сестру в подобном положении? Ведь есть возможность… Я хочу, чтобы Дамер испытал свое умение и на них.

– Разумеется, Кореле.

Кажется, настойчивость Дамера и ей передалась. Кадсуане не возражала, лишь бы дело не зашло чересчур далеко. Она давно начала собирать при себе сестер, которым доверяла, и тех, кто был сейчас здесь, и других, – с того самого дня, как впервые услышала о чудных событиях в Шайнаре. Ее «глаза и уши» многие годы не оставляли своим вниманием Суан Санчей и Морейн Дамодред, но так до сих пор ничего полезного и не узнали. Однако из того, что она доверяет нескольким сестрам, еще не следует, что она позволит им вести себя как заблагорассудится. Слишком многое поставлено на кон. Но Кореле действительно права – нельзя бросать сестру в таком состоянии.

Дверь с грохотом отворилась, и вбежал Джахар, позвякивая серебряными колокольчиками, вплетенными в концы темных косиц. Все головы повернулись к юноше в облегающей синей куртке, которую для него выбрала Мериса, даже Сорилея на него уставилась, но все мысли о том, как мила его загорелая мордашка, разом заглушил поток слов, хлынувший из его уст.

– Кадсуане, Аланна потеряла сознание. Она упала в коридоре. Мериса велела отнести ее в спальню и послать за вами.

Не слушая потрясенных восклицаний, Кадсуане подозвала Кореле и Сорилею – которую нельзя было оставлять – и велела Джахару идти вперед. С ними пошла и Верин, Кадсуане не стала ее останавливать. Верин замечала то, что упускали другие.

Слуги в черных ливреях знать не знали, кто такой или что такое Джахар, но проворно уступали дорогу Кадсуане, быстро шагавшей следом за ним. Она велела ему торопиться, но иди он чуть быстрее, ей пришлось бы бежать. Не успела Кадсуане уйти далеко, как ей пришлось остановиться: заступив Айз Седай путь, ей поклонился низкорослый мужчина с выбритой спереди головой, в темном кафтане, на котором спереди шли ряды горизонтальных цветных полос.

– Да пребудет с вами Благодать, Кадсуане Седай, – вкрадчиво помолвил он. – Прошу простить, что беспокою вас, когда вы так торопитесь, но полагаю, должен сообщить вам, что леди Каралайн и Благородный Лорд Дарлин отныне не гостят во дворце леди Арилин. Они на корабле, что направляется в Тир. Боюсь, вам до них уже не дотянуться.

– Вы бы удивились, лорд Добрэйн, узнав, до чего я могу дотянуться, – холодно сказала Кадсуане. Напрасно она не оставила во дворце Арилин хотя бы одну сестру, но она ведь была уверена, что с той парочкой ничего не случится. – Разве это разумно?

Она не сомневалась, что этот побег – его рук дело, только вряд ли у него хватит духу признаться. Теперь понятно, почему он не слишком настойчиво расспрашивал об этой парочке.

Тон Кадсуане не произвел на него впечатления. Зато саму ее Добрейн все-таки удивил.

– Благородный Лорд Дарлин будет наместником Лорда Дракона в Тире. И представлялось весьма разумным отослать леди Каралайн из страны. Она отказалась поддерживать мятежников и клятвенно отреклась от претензий на Солнечный Трон, но ею или ее именем могли бы прикрыться другие. Пожалуй, Кадсуане Седай, было неразумно оставлять их на попечении слуг. Во имя Света, вы не должны винить слуг. Они могли удержать двух… гостей… но не выстоять против моих воинов.

Джахар прямо подпрыгивал от нетерпения и беспокойства. Мериса крепко держала его в узде. Да и самой Кадсуане хотелось поскорее добраться до Аланны.

– Надеюсь, через год вы не измените своего мнения, – сказала она. Добрэйн молча поклонился.

Аланну отнесли в ближайшую спальню – маленькая комната казалась еще меньше из-за темных стенных панелей, столь любимых кайриэнцами. В спальне сразу сделалось тесно, когда туда вошли Кадсуане и ее спутницы. Мериса щелкнула пальцами и махнула рукой, и Джахар отступил в уголок, но просторней не стало.

Аланна с закрытыми глазами лежала на кровати, рядом на коленях стоял ее высокий и стройный Страж, Ивон, растирая ей

запястья.

– Кажется, она боится приходить в себя, – сказал он. – С ней ничего плохого не случилось, иначе бы я определил, но, кажется, она боится.

Кореле отстранила его, приложила ладони к вискам Аланны. Сияние *саидар* окружило Желтую, и плетение Исцеления опустилось на Аланну, но тоненькая Зеленая даже не вздрогнула. Кореле отступила, качая головой.

– Хоть мое искусство Исцелять не сравнится с твоим, Кореле, – сухо заметила Мериса, – но я тоже пыталась. – После стольких лет в ее говоре еще слышался сильный тарабонский акцент, но волосы она зачесывала по-простому, назад, открывая строгое лицо. Ей Кадсуане доверяла, пожалуй, больше остальных. – Что теперь делать, Кадсуане?

Сорилея глядела на распростертую на кровати женщину без всякого выражения на лице, разве что губы стали тоньше. В голову Кадсуане закралась мысль, уж не оценивает ли та заново их альянс. Верин тоже не сводила глаз с Аланны и вид имела перепуганный до полусмерти. Кадсуане не могла себе представить, что ее так напугало. Но и сама ощущала ледяной холод страха. Если она утратила эту ниточку к мальчику…

– Сядем и будем ждать, пока она очнется, – сказала Кадсуане ровным голосом. Больше ничего не оставалось. Ничего.

* * *

– Где он? – рычал Демандред, сжимая кулаки. Он стоял, широко расставив ноги, и выглядел здесь хозяином. Он всегда вел себя как господин. Хотя сейчас жалел, что нет с ним Семираг и Месаны. Союз их был хрупок – простая договоренность, что они не повернут друг против друга, пока не будут уничтожены остальные, но все это время она действовала. Вместе они выводили из равновесия противника за противником, сокрушая и обрекая их на смерть, а то и на что-нибудь пострашнее. Но Семираг стало затруднительно бывать на встречах, и Месана в последнее время что-то стесняется. Если она подумывает, не покончить ли с альянсом… – С тех пор, как эти слепые дурни – эти идиоты! – потерпели неудачу в Кайриэне, ал’Тора видели в пяти городах, среди них – и в том проклятом месте в Пустыне! И еще в дюжине городков помельче! И это лишь то, что вошло в полученные нами донесения! И одному Великому Повелителю ведомо, какие новости еще плетутся к нам со скоростью лошади! Или овцы! Или с чем там эти дикари отправляют послания!

Обстановку, по праву прибывшей первой, выбирала Грендаль, и окружение раздражало Демандреда. Благодаря видеостенам

деревянный пол казался поляной, окруженной лесом, деревья оплетали лианы с яркими цветами, среди них порхали птицы еще более ярких раскрасок. Воздух наполняли сладковатые ароматы и птичий щебет. Иллюзию портил лишь дверной проем. Зачем ей понадобилось напоминать о давно утраченном? Когда они сумеют создавать видеостены за пределами этого места, что находится близ Шайол Гула, тогда же возможно будет делать шоковые копья и стрелокрылы. И в любом случае, как ему помнилось, Грендаль презирала все, что имеет отношение к природе.

При словах «идиоты» и «слепые дурни» Осан'гар нахмурился было, но быстро разгладил свое заурядное морщинистое лицо, столь непохожее на то, с каким он родился. Каким бы именем ни назывался, он всегда отдавал себе отчет, кому можно бросить вызов, а кому нет.

– Дело случая, – спокойно сказал Осан'гар, но при этом нервно потер руки. Странная привычка. Разодет он был, словно какой-нибудь правитель этой Эпохи, – расшитая золотом куртка, причем под богатым шитьем почти не видно красной ткани, сапоги, отороченные золотыми кистями. Кружев на вороте и манжетах хватило бы, чтобы запеленать младенца. Он не понимал, что такое мера. И если бы не некоторые умения, его не было бы среди Избранных. Заметив, что творят его руки, Осан'гар схватил с круглого столика возле кресла высокий бокал из *квейндияра* и глубоко вдохнул аромат темного вина. – Игра вероятностей, – пробормотал он, стараясь говорить непринужденно. – В следующий раз его убьют или схватят. Случай не может защищать его вечно.

– Ты намерен полагаться на случай? – Устроившаяся на длинной, мягких текучих форм кушетке, Аран'гар потянулась с ленивой грацией. Послав Осан'гару быструю томную улыбку, она медленно согнула колено, так что разрез ее ярко-красных юбок разошелся на ноге, обнажив ее до самого бедра. Каждый вздох угрожал освободить ее полные груди из плена красного атласа. С того момента, как она стала женщиной, разительно изменились ее манеры, но не сущность, заключенная в это женское тело. Демандред и сам не презирал плотские удовольствия, но когда-нибудь ее пристрастия доведут ее до гибели. Как однажды уже чуть не случилось. И если следующий раз станет последним, он не будет ее оплакивать. – Слежка за ним была поручена тебе, Осан'гар, – продолжала она. – Тебе и Демандреду. Так что и отвечать вам. – Осан'гар дернулся, провел языком по губам, и она гортанно засмеялась. – Моя же обязанность… – Она прижала большой палец к краю кушетки, словно бы прикалывала что-то, и вновь рассмеялась.

– По-моему, Аран’гар, тебе следует кое о чем задуматься, – проворковала Грендаль, держа у губ кубок с вином. Свое презрение она скрывала с тем же успехом, с каким укрывал ее пышные формы почти прозрачный серебристый туман платья из стрейта. – И тебе, и Осан’гару, и Демандреду. И Моридину, где бы он ни был. Возможно, вам стоит опасаться успеха ал’Тора в той же степени, что и его неудачи.

Засмеявшись, Аран’гар схватила стоявшую женщину за руку. В ее зеленых глазах загорелся огонек.

– И, наверное, наедине ты объяснишь получше, что имела в виду?

Платье Грендаль превратилось в однотонно-черное, таящее в своих глубинах дым. С хриплым ругательством вырвав руку, она отошла от кушетки. Аран’гар же… захихикала.

– Что ты хочешь этим сказать? – резко спросил Осан’гар, с трудом выбираясь из кресла. Оказавшись на ногах, он принял лекторскую позу, и тон его приобрел педантичные нотки. – Во-первых, моя дражайшая Грендаль, сомневаюсь, что даже я мог бы разработать методику снятия с *саидин* тени Великого Повелителя. Ал’Тор же – самоучка, примитивная личность. Что бы он ни пробовал, все окажется неэффективным, и я, со своей стороны, не верю, что он вообще способен сообразить, с чего начинать. Во всяком случае, мы обязаны пресечь любые его попытки, поскольку так приказал Великий Повелитель. Я могу понять страх перед неудовольствием Великого Повелителя, которое ждет нас в случае неудачи, каковая практически невозможна. Но почему те, кого ты назвала поименно, должны испытывать особый страх?

– Слеп, как всегда, и как всегда, бесстрастен, – пробормотала Грендаль. К ней вернулось самообладание, и платье снова стало туманным, правда, теперь красного цвета. Пожалуй, она не столь безмятежна, как прикидывается. Или же хочет, чтобы они считали, что она сдерживает некоторое волнение. За исключением стрейта, все ее украшения принадлежали этой эпохе: огневики в золотистых волосах, в ложбинке груди – крупный рубин, на обоих запястьях позвякивают изысканные золотые браслеты. И кое-что очень странное – Демандред терялся в догадках, заметил ли это еще кто-нибудь. Простое кольцо из золота на мизинце левой руки. Простота и Грендаль – это нечто совершенно новенькое. – Если юноша каким-то образом снимет тень, что ж… Вам, кто направляет *саидин*, больше не понадобится особая защита Великого Повелителя. Поверит ли он тогда вашей… верности?.. – Улыбаясь, она потягивала вино.

Осан’гар не улыбался. Он побледнел, вытер ладонью рот. Аран’гар села на краешек кушетки, уже не стараясь выглядеть сладо-

страстной. Ее пальцы, сжимавшие колени, превратились в когти, и она так злобно взирала на Грендаль, словно готова была вцепиться ей в глотку.

Кулаки Демандреда разжались. Наконец-то заговорили об этом в открытую. Он надеялся, что ал'Тор будет мертв – или, в случае неудачи, схвачен, – прежде чем у Великого Повелителя возникнут сомнения в их преданности. Во время Войны Силы больше дюжины Избранных пали жертвами подозрительности Великого Повелителя.

– Великий Повелитель уверен в вашей верности, – входя широким шагом, провозгласил Моридин, будто он и был Великим Повелителем Тьмы собственной персоной. Казалось, частенько он и впрямь в это верит, и мальчишеская личина ничуть не меняла впечатления. Лицо его, однако, несмотря на сказанные слова, было сейчас угрюмым, и черное одеяние как нельзя лучше подходило под его имя – Смерть. – Пока он в ней не усомнится, вам не о чем беспокоиться.

За ним по пятам, точно собачонка в красно-черной попонке, трусила та девчонка, Синдани, пышногрудая, с серебристыми волосами. На плече у Моридина восседала крыса: черные глаза-бусинки настороженно шарили по комнате, она принюхивалась, подергивая бледным носом. И зачем ему крыса? Может, на то есть причина, а может – просто так. Хоть Моридин и обзавелся юным лицом, он остался все таким же безумным.

– Зачем ты призвал нас сюда? – спросил Демандред. – У меня дел по горло, и времени на пустопорожние разговоры нет. – Неосознанно он приосанился, чтобы сравняться в росте с Моридином.

– Месаны опять нет? – вместо ответа промолвил Моридин. – Жаль. Ей бы не помешало услышать, что я скажу. – Взяв крысу за голый хвост, он снял ее с плеча и глядел, как животное судорожно перебирает лапками в воздухе. Казалось, для него не существует ничего, кроме крысы. – Некая мелочь, с виду совершенно незначительная, может стать чрезвычайно важной, – пробормотал он. – Например, эта крыса. Преуспеет ли Изам и удастся ли ему отыскать и убить того другого паразита, Фейна. Пара слов, прошептанных не в то ухо или же не сказанных в нужное. Взмахнет мотылек на веточке крылышками – а на другой стороне мира обрушится гора.

Вдруг крыса извернулась, пытаясь цапнуть Моридина зубами за запястье. Он небрежным взмахом отшвырнул ее прочь. В воздухе полыхнула огненная вспышка, куда более жаркая, чем пламя, и крыса исчезла. Моридин улыбнулся.

Демандред невольно вздрогнул. Он не почувствовал ничего; значит, то была Истинная Сила. В голубых глазах Моридина медленно проплыло крохотное черное пятнышко, потом еще одно. Должно быть, он пользуется исключительно Истинной Силой – он получил слишком много *саа* и так быстро. Сам же Демандред никогда не касался Истинной Силы, кроме как при необходимости. При крайней необходимости. Разумеется, подобной привилегией отныне обладает только Моридин, после своего… помазания. Этот человек и впрямь сумасшедший, раз пользуется ею столь вольно. Это наркотик куда притягательнее и сильнее, чем *саидин*, и опаснее, чем смертельный яд.

Пройдя по выскобленному полу, Моридин положил руку на плечо Осан'гару, *саа* сделала его улыбку еще более зловещей. Осан'гар дернул кадыком и ответил жалкой улыбкой.

– Хорошо, что ты не задумывался над тем, как снять тень Великого Повелителя, – негромко произнес Моридин. Сколько времени он выжидал за порогом? Улыбка Осан'гара стала совсем бледной. – Ал'Тор не так умен, как ты. Расскажи им, Синдани.

Невысокая женщина шагнула вперед, приосанилась. По лицу и фигуре – лакомый кусочек, этакая налитая слива, так и тянет сорвать, но от больших голубых глаз исходит ледяная стужа. Все-таки персик, скорее. Персики – фрукт ядовитый.

– Полагаю, вы помните, что такое Чойдан Кэл. – Ее низкий, с придыханием голос от природы звучал сладострастно, безо всяких усилий с ее стороны, но сейчас в нем слышалась злая ирония. – У Льюса Тэрина есть два ключа доступа, по одному на каждый элемент. И ему известна женщина, обладающая достаточной силой, чтобы воспользоваться женской половиной пары. В его намерения входит использовать для своего деяния Чойдан Кэл.

Заговорили едва ли не все разом.

– Я думала, все ключи уничтожены! – воскликнула Аран'гар, вскакивая на ноги. Глаза ее широко открылись от страха. – Да он мир расколет, только *попытавшись* воспользоваться Чойдан Кэл!

– Если бы ты в жизни прочла хоть что-нибудь, кроме учебника истории, то знала бы – их практически невозможно уничтожить! – сердито зарычал на нее Осан'гар. Но сам принялся дергать себя за ворот, словно тот душил его, и глаза его тоже полезли из орбит. – Откуда эта девчонка знает, что ключи у него? Как она узнала?

Из руки Грендаль после слов Синдани выпал бокал и покатился по полу. Платье ее приобрело темно-красный цвет сырого мяса, рот скривился, будто ее вот-вот стошнит.

– И ты надеялся случайно на него наткнуться! – заорала она на Демандреда. – Надеялся, что кто-то отыщет его для тебя! Ну и

глупец! Безмозглый болван!

Демандред решил, что Грендаль перегибает палку, даже для нее это чересчур экспрессивно. Он готов был поспорить, что прозвучавшее сообщение для нее неожиданностью не было. Пожалуй, ей наскучило наблюдать. Но он ничего не сказал.

Приложив руку к груди, ни дать ни взять любовник, Моридин кончиками пальцев приподнял подбородок Синдани. В глазах ее полыхало негодование, но лицо оставалось гладким, застывшим, как у куклы. Его благосклонность она уж точно принимала со сговорчивостью куклы.

– Синдани известно многое, – мягко промолвил Моридин, – и обо всем, что знает, она рассказывает мне. Обо всем.

Выражение лица маленькой женщины ничуть не изменилось, но она заметно вздрогнула.

Для Демандреда Синдани оставалась загадкой. Поначалу он предполагал, что она – перевоплощенная Ланфир. По-видимому, для переселения душ выбирали те тела, что были доступны, однако Осан'гар и Аран'гар служили наглядным доказательством жестокого чувства юмора Великого Повелителя. Демандред был уверен в своей догадке, пока Месана не сказала ему, что девчонка слабее Ланфир. Месана и другие полагали, что она – из этой Эпохи. Тем не менее Синдани говорила об ал'Торе и Льюсе Тэрине в точности как Ланфир, а о Чойдан Кэл, как человек, на себе испытавший ужас, который этот артефакт вселял во время Войны Силы. Больше страшились разве что погибельного огня. Или же Моридин подучил ее, преследуя какие-то свои цели? Если у него есть другие реальные цели. Порой поступки Моридина казались чистой воды безумием.

– Так. Видимо, его все-таки нужно убить, – сказал Демандред. Нелегко было утаить свое злорадство. Ранд ал'Тор или Льюс Тэрин Теламон, но когда он будет мертв, то спать Демандред точно будет спокойней. – Пока он не уничтожил мир, а заодно и нас. Это означает, что отыскать его – срочная и первостепенная задача.

– Убить? – Моридин сложил руки, как будто что-то взвешивал. – Если дойдет до этого, то да, придется убить, – наконец произнес он. – Но отыскать его труда не составит. Когда он прикоснется к Чойдан Кэл, вы узнаете, где он находится. Вы отправитесь туда и захватите его. Или убьете, если будет необходимо. Так сказал Ни'блис.

– Как прикажет Ни'блис, – с готовностью откликнулась Синдани, склоняя голову, и остальные, словно эхо, повторили ее слова, хотя голос у Аран'гар был мрачен, у Осан'гара – полон отчаяния, а у Грендаль – странно задумчив.

Шею в поклоне Демандред согнул с не меньшей болью, чем произнес те слова. Выходит, *они* должны захватить ал'Тора, когда тот попытается воспользоваться Чойдан Кэл, – ни больше ни меньше! Когда он и какая-то женщина подпитаются Единой Силой настолько, что ее достанет, чтобы расплавить континенты! И никаких указаний, ни единого намека, что с ними при этом будет Моридин. Или его любимицы-двойняшки, Могидин и Синдани. Ныне он – Ни'блис, но кто знает, может, дела устроятся так, что, умерев в следующий раз, другого тела он не получит. Возможно, этого не так уж и долго ждать.

Глава 14

ЧТО СКРЫВАЕТ ВУАЛЬ

Морские волны мягко качали «Славу Кидрона», отчего золоченые фонари в кормовой каюте слегка колебались в подвесах, но Туон сидела неподвижно, пока бритва в уверенной руке Селусии скользила по ее голове. В высокие кормовые окна виднелись другие громадные корабли, о носы которых белой пеной разбивались серо-зеленые валы. Кораблей были сотни, ряд за рядом они тянулись до самого горизонта. В четыре раза больше, чем было оставлено у Танчико. *Райагел*, Те, Кто Возвращаются Домой. *Коринне*, Возвращение, началось.

Позади «Кидрона» парил над морем альбатрос, следуя за кораблем, словно подлинное предзнаменование победы, хотя его длинные крылья были не белыми, а черными. И все равно примета благоприятная. Истолкование примет и знамений не зависит от места. Крик совы на заре означает смерть, а дождь с безоблачного неба обещает нежданного гостя, неважно, случилось то в Имфарале или в Норен М'Шаре.

Ежеутренний ритуал бритья умиротворял Туон, а сегодня ей требовалось спокойствие. Прошлой ночью она отдавала приказания, обуреваемая гневом. А в гневе нельзя командовать. Она чувствовала себя почти *сей'мосив*, словно ее честь претерпела ущерб. Ее равновесие было поколеблено, и это служило дурным предзнаменованием для Возвращения, как и потеря *сей'тайр*, несмотря на летящего следом альбатроса.

Мягкой влажной салфеткой Селусия стерла остатки мыльной пены, затем протерла кожу сухой салфеткой и наконец мягкой кисточкой припудрила гладкий череп. Потом она отступила в сторону, и Туон встала, сбросив искусно вышитый синий шелковый пеньюар на ковер с сине-золотистым узором. От прохладного воздуха голая смуглая кожа ее тотчас покрылась мурашками. Четверо из десяти горничных Туон, стоявших на коленях вдоль стен, грациозно поднялись. Хорошо сложенные и миловидные, все они были облачены в прозрачные белые одеяния. При покупке обращали внимание не только на внешность, но и на умения, и обучены они были на славу, а за время долгого плавания от Шончан успели привыкнуть и к корабельной качке. Горничные поспешили за одеждой, разложенной наготове на крышках резных сундуков, и принесли ее Селусии. Та никогда не позволяла *да'ковале* самим одевать Туон, разве что до чулок и туфель допус-

кала.

Селусия облачила Туон в плиссированное платье цвета старой поделочной кости, и та, глядя в прикрепленное к внутренней перегородке высокое зеркало, не удержалась, чтобы не сравнить ее и себя. Исполненную достоинства красоту Селусии подчеркивали золотистые волосы, светлая кожа, оттенком напоминающая густые сливки, и холодные голубые глаза. Ее можно было бы принять за одну из Высокородных, причем высокого ранга, если бы не выбритая левая половина головы *со'джин*. Но подобное замечание ее саму немало потрясло бы, она, наверно, даже вскрикнула бы от изумления. Мысль о том, что можно подняться выше определенного положения, приводила Селусию в ужас. Туон знала, что ей самой никогда не обрести столь властной внешности. У нее слишком большие глаза, к тому же светло-карие. Когда она забывалась и маска строгости слетала с нее, ее лицо в форме сердечка становилось по-детски озорным. Макушка Туон находилась на уровне глаз Селусии, а ее камердинер была не так уж и высока. Туон не хуже других скакала верхом, превосходно боролась, искусно владела подходящим для нее оружием, но, чтобы произвести впечатление, ей всегда приходилось использовать ум. Этот инструмент она оттачивала с таким упорством, с каким развивала все остальные свои способности, вместе взятые. Хорошо хоть, широкий плетеного золота пояс подчеркивал талию, и ее никто не примет за мальчишку в платье. На Селусию мужчины всегда заглядывались, и слух Туон ловил порой сделанные шепотом замечания о полной груди ее *со'джин*. Возможно, властность во взоре ей не так уж и нужна, но вот грудь иметь чуточку побольше не помешало бы.

– Да будет на вас Свет, – пробормотала Селусия довольным тоном, и *да'ковале* поспешили вернуться на свои места. – Каждое утро, с того самого дня, когда впервые выбрили вашу голову, вы делаете одно и то же. Прошло уже три года, и неужели вы все еще думаете, что я могу оставить хоть волосок?

Тут Туон сообразила, что водит рукой по выбритой голове. В поисках щетины, с печалью призналась она себе.

– Если бы оставила, – промолвила Туон с напускной суровостью, – я велела бы тебя наказать. В расплату за все те разы, что ты меня угощала розгой.

Селусия, застегивая низку рубинов на шее Туон, рассмеялась.

– Если вы отплатите мне за все сразу, то я никогда больше сесть не смогу.

Туон улыбнулась. Мать Селусии преподнесла свою дочь в качестве колыбельного дара Туон, Селусии суждено было стать ее нянькой и, что намного важнее, ее тенью, тайным телохраните-

лем. Этому Селусию обучали первые двадцать пять лет жизни, причем для второй ипостаси ее готовили в секрете от всех. В день шестнадцатых именин Туон, когда голову девушки выбрили впервые, она сделала Селусии традиционные подарки от своего Дома: маленькое поместье – за проявленную заботу; прощение – за порку, без которой нет воспитания; по мешку с сотней золотых монет-тронов – за каждый раз, что ей приходилось наказывать подопечную. На Высокородных, собравшихся на прием, где Туон впервые представили как взрослую, произвело незабываемое впечатление количество мешков с золотом – их оказалось немало, многие из присутствовавших такого богатства не имели. В детстве Туон была… очень непослушной, не говоря уже о ее упрямстве. И последний традиционный подарок: Селусии предложили выбрать для себя любую должность. Туон не знала, кто был потрясен больше, она сама или толпа любопытных, когда эта горделивая женщина вместо власти и высоких должностей попросила место камердинера Туон, место ее главной горничной. И, конечно же, место ее тени, хотя об этом было сказано уже не прилюдно. Туон была очень обрадована.

– Возможно, понемножку, растянув лет на шестнадцать, – сказала Туон. Глядя на свое отражение в зеркале, она подольше задержала на лице улыбку, чтобы сделалось ясно: ужалить она не собиралась, затем сменила улыбку на строгое выражение. Она чувствовала к женщине, вырастившей ее, бульшую привязанность, чем к родной матери, которую видела в детстве всего дважды в год, и к братьям и сестрам, которые с первых ее шагов учили ее сражаться за расположение матери. На сегодняшний день двое из них в этих боях погибли, а трое пытались убить ее. Сестру и брата обратили в *да'ковале*, и их имена вычеркнули из записей и архивов столь же решительно, как если бы открылось, что они способны направлять. И даже сейчас положение Туон было далеко не безопасным. Один-единственный неверный шаг, и ей грозит гибель, а то и много худшая участь – голую, ее продадут на публичных торгах. Благословение Света, когда она улыбается, то по-прежнему выглядит на шестнадцать лет! В лучшем случае!

Посмеиваясь, Селусия повернулась к туалетному столику и сняла с покрытой красным лаком стойки плотно прилегающий головной убор из золотистых кружев. Редкие кружева оставят на виду ее бритую голову и всем скажут, что Туон – Ворон-и-Розы. Возможно, она и не *сей'мосив*, но ради *Коринне* она должна восстановить душевное равновесие. Следовало бы попросить Анат, ее *Соэ'фейя*, о наказании, однако после неожиданной смерти Нефери минуло менее двух лет, и Туон до сих пор чувствовала себя

с ее преемницей неуютно. Что-то подсказывало ей, что она должна сама себя наказать. Возможно, она видела знак, который предпочла не понять. На корабле вряд ли найдутся муравьи, но жучки нескольких видов встречаются.

– Нет, Селусия, – тихо промолвила Туон. – Вуаль.

Селусия неодобрительно поджала губы, но молча положила чепец на стойку. Ей было предоставлено право говорить откровенно, без обиняков, разумеется, при закрытых дверях, но она понимала, когда можно высказать свое мнение, а когда лучше промолчать. Туон пришлось ее наказывать всего лишь дважды, и, Свет свидетель, она сожалела о том не меньше Селусии. Не произнеся ни слова, ее камердинер достала длинную легкую вуаль, накинула ее на голову Туон и закрепила узкой золотой плетеной тесьмой, усаженной рубинами. Еще прозрачнее, чем одеяния *да'ковале*, вуаль нисколько не скрывала лица Туон. Но она скрывала самое главное.

Набросив на плечи Туон длинную, шитую золотом синюю накидку, Селусия отступила в сторону и низко поклонилась, кончик ее золотистой косы коснулся ковра. Стоявшие на коленях *да'ковале* склонились в поклоне, уткнувшись лицами в палубу. Уединение подошло к концу. Каюту Туон покинула в одиночестве.

Во второй каюте выстроились шесть ее *сул'дам*, по трое с каждой стороны, их подопечные стояли на коленях перед ними, на широких отполированных досках палубы. При виде Туон *сул'дам* горделиво выпрямились, на красных вставках их юбок змеились серебряные молнии. Одетые в серое *дамани* стояли на коленях прямо, преисполненные собственной гордости. За исключением бедняжки Лидии, которая скорчилась, всем телом прижавшись к коленям и уткнувшись заплаканным лицом в палубу. На рыжеволосую *дамани* сердито глядела державшая ее повод Ианелле.

Туон вздохнула. Виновницей ее вчерашнего гнева была именно Лидия. Нет, не так, та вызвала у нее гнев, но за свои эмоции Туон отвечает сама. Она приказала *дамани* предсказать свое будущее и, когда ей не понравилось услышанное, велела побить ее палкой. Совершенно напрасно и глупо.

Наклонившись, Туон взяла Лидию за подбородок – ее покрытые красным лаком длинные ногти коснулись веснушчатой щеки – и заставила подняться и сесть на пятки. Отчего та вздрогнула и снова разразилась слезами. Туон осторожно смахнула слезинки с ее глаз, а потом заставила *дамани* встать на коленях прямо.

– Ианелле, Лидия – славная *дамани*, – промолвила Туон. – Смазывай ее рубцы настоем сорфы и давай отважник, пока они не исчезнут. И до тех пор каждый раз каждой еды она будет получать сладкий заварной крем.

– Как прикажет Верховная Леди, – официально ответила Ианелле, но слегка улыбнулась. Все *сул'дам* симпатизировали Лидии, и наказывать *дамани* Ианелле не нравилось. – Если она растолстеет, я буду выводить ее на пробежки, Верховная Леди.

Лидия повернула голову, целуя ладонь Туон, и пробормотала:

– Хозяйка Лидии очень добра. Лидия не растолстеет.

Проходя между двух шеренг, Туон поприветствовала каждую *сул'дам*, сказав несколько слов, приласкала каждую *дамани*. Те шестеро *дамани*, которых Туон взяла с собой, были у нее лучшими, и они отвечали хозяйке любовью, улыбаясь ей так же приветливо, как и она им. Они старались изо всех сил, горя желанием оказаться среди тех, кому окажут предпочтение. Толстеньким, с соломенно-желтыми волосами сестричкам Дали и Дани вряд ли требовались указания *сул'дам*. Чаррал, чьи волосы были такого же серого оттенка, что и глаза, по-прежнему оставалась самой ловкой и проворной в плетении. Сэра, у которой в завитых черных волосах краснели тонкие ленточки, была самой сильной и гордостью не уступала *сул'дам*. Кроха Майлен, ростом ниже даже самой Туон. Среди всей шестерки Туон особенно гордилась Майлен.

Многие сочли странным, что по достижении совершеннолетия Туон прошла испытание на *сул'дам*, хотя никто не посмел возразить. Не считая матери – но и та, помолчав, позволила проверку. Разумеется, о такой немыслимой вещи, как стать *сул'дам*, и речи быть не могло, но обучением *дамани* Туон занималась с тем же удовольствием, что и выездкой лошадей, и добилась больших успехов и в том, и в другом. Доказательство чему – Майлен. Светлокожая, маленького роста *дамани* была полумертвой от ужаса и потрясения, отказывалась есть и пить, когда Туон купила ее на причале в Шон Кифаре. Все *дер'сул'дам* тогда уже отчаялись, говоря, что долго ей не протянуть, но теперь Майлен улыбнулась, преданно глядя на Туон снизу вверх, и подалась вперед, чтобы поцеловать ей руку еще раньше, чем та потянулась погладить *дамани* по темным волосам. Когда-то кожа да кости, сейчас она была даже слегка пухленькой. Державшая ее повод Катрона не сделала замечания, наоборот, позволила своему обычно строгому черному лицу расплыться в улыбке и пробормотала, что Майлен превосходная *дамани*. Это была правда, ныне никто не поверил бы, что когда-то Майлен именовала себя Айз Седай.

Прежде чем уйти, Туон отдала несколько распоряжений относительно питания и упражнений *дамани*. *Сул'дам* знали свое дело, как и остальные двенадцать, сопровождавшие Туон в плавании, иначе их не взяли бы на службу, но она полагала, что, владея *дамани*, ты обязан проявлять к ним живейший интерес.

Туон знала особенности и причуды каждой из них как свои пять пальцев.

Туон переступила порог внешней каюты, и выстроившиеся вдоль стен Стражи Последнего Часа в лакированных доспехах кроваво-красного и темно-зеленого, почти черного, цветов замерли неподвижно. Если можно сказать «замерли» о статуях. Этим мужчинам с суровыми лицами и еще пятистам таких же, как они, вменялось в ответственность оберегать Туон. Все до единого были готовы умереть, защищая ее. Если она погибнет, их тоже ждет смерть. Каждый из Стражей был добровольцем, каждый лично испрашивал позволения охранять ее. Заметив вуаль, капитан Музенге приказал только двум воинам сопровождать Туон на палубу, где по обе стороны двери ее ждали две дюжины огир-Садовников в красно-зеленом. Огир держали перед собой громадные топоры, украшенные черными кистями, а их мрачные глаза даже здесь выискивали возможную опасность. Они не умрут после гибели Туон, но они тоже просили разрешения охранять ее, и она без колебаний вручила бы свою жизнь в эти огромные руки.

Холодный ветер, туго натянув ребристо-полосатые паруса на трех высоких мачтах «Кидрона», гнал корабль в сторону земли – на приближавшемся темном берегу Туон уже различала холмы и мысы. Палубу заполняли одетые в тончайшие шелка мужчины и женщины – все Высокородные, что были на корабле; они не обращали внимания на трепавший их плащи ветер так же, как и на сновавших туда-сюда босых мужчин и женщин из экипажа. Кое-кто из знати даже слишком нарочито не замечал экипаж, как будто те могли бегать по кораблю, через каждые два шага падая на колени и кланяясь им. Приготовившиеся пасть ниц Высокородные, заметив вуаль Туон, отвесили ей вместо этого легкие поклоны, как равные равной. Остроносый Юрил, которого все считали ее секретарем, опустился на одно колено. Разумеется, он и был ее секретарем, но также и ее Дланью, главой ее Взыскующих. Женщина по имени Макура простерлась ниц и поцеловала палубу, но несколько тихих слов Юрила заставили ее вновь подняться на ноги. Она смущенно покраснела, разглаживая плиссированные красные юбки. Тогда, в Танчико, Туон не была уверена, стоит ли брать ее на службу, но женщина умоляла ее униженно, как какая-нибудь *да'ковале*. Почему-то она до мозга костей ненавидела Айз Седай и, несмотря на уже полученную за весьма ценные сведения награду, надеялась нанести им еще больший ущерб.

Поклонившись Высокородным, Туон поднялась на ют в сопровождении шедших на шаг позади двух Стражей Смертного Часа. Ветер принялся играть с непокорной накидкой, а потом, прижав вуаль к лицу, перебросил ее через голову. Это неважно; главное –

сам факт ношения вуали. Ее личный стяг с изображением двух золотых львов, запряженных в древнюю боевую повозку, развевался на корме, под ним шестеро рулевых с трудом управлялись с длинным румпелем. Знамя с Вороном-и-Розами наверняка убрали, как только кто-то из экипажа, первым увидевший ее вуаль, передал известие вышестоящим. Капитан «Кидрона», широкоплечая, закаленная штормами женщина с белыми волосами и невероятно зелеными глазами, склонилась в поклоне, как только туфелька Туон ступила на ют, а затем вновь обратила свое внимание на вверенный ее командованию корабль.

Возле поручней стояла Анат, вся в черных шелках, и ее словно бы нисколько не волновал пронизывающий ветер, хотя Туон не видела на ней ни плаща, ни накидки. Даже будь эта стройная женщина мужчиной, она считалась бы высокой. С красивого, черного, как уголь, лица смотрели большие черные глаза, взгляд которых пронзал словно шило. *Соэ'фейя* Туон, ее Говорящая Правду, назначенная Императрицей – да живет она вечно! – после смерти Нефери. Что было довольно неожиданно – ведь у Нефери имелась обученная и готовая ее заменить Левая Рука. Но когда Императрица держит речь с Хрустального Трона, слово ее – закон. И хотя своей *Соэ'фейя* вроде как не должно бояться, Туон немножко побаивалась Анат. Подойдя к ней, Туонухватилась за поручень и вынуждена была разжать руки, чтобы не обломать покрытый лаком ноготь. Подобная примета сулила бы очень большое невезение.

– Итак, – промолвила Анат, и слово это острым гвоздем вонзилось Туон в череп. Высокая женщина хмуро смотрела на девушку сверху вниз и не скрывала презрения в голосе. – Ты прячешь лицо, и теперь ты просто Верховная Леди Туон. Хотя всем по-прежнему известно, кто ты такая на самом деле. И долго ты собираешься продолжать этот фарс? – Полные губы Анат сложились в презрительную усмешку, она коротко взмахнула тонкой рукой. – Я полагала, что избиением *дамани* то идиотство кончилось. Ты просто глупа, если считаешь, будто из-за подобной мелочи у тебя будет опущенный взор. Что она такого сказала, из-за чего ты рассердилась? Похоже, никто не знает, в чем дело, кроме того, что это какая-то твоя прихоть. Жаль, меня там не было.

Туон усилием воли заставила себя держать руки на поручне неподвижно. Пальцы, казалось, вот-вот задрожат. Она попыталась сохранить на лице маску спокойной серьезности.

– Я буду носить вуаль до тех пор, Анат, пока не увижу знак, который скажет мне, что пора ее снимать, – промолвила Туон, сумев придать голосу бесстрастность. Чистое везение, что никто не подслушал загадочных слов Лидии. Всем было известно, что

дамани способна предсказывать будущее, и если бы кто-то из Высокородных услышал сказанное ею, за спиной Туон все уже шептались бы о ее судьбе.

Анат хрипло рассмеялась и вновь принялась выговаривать девушке, какая она глупая, на сей раз в деталях. Причем в очень подробных деталях. Голос понизить она и не подумала. Капитан Техан смотрела прямо вперед, но глаза ее, блестевшие на изборожденном морщинами лице, чуть из орбит не вывалились. Туон вежливо слушала Анат, хотя щекам с каждой секундой становилось все жарче и жарче, так что ей даже показалось, что вуаль вот-вот вспыхнет.

Многие Высокородные называли своих Глашатаев *Соэ'фейя*, но Глашатаи Высокородных были *со'джин* и знали, что, несмотря на звание *Соэ'фейя*, их могут наказать, коли сказанное придется хозяевам не по вкусу. Говорящей Правду нельзя приказывать, ее нельзя никоим образом принуждать или наказывать. От Говорящей Правду *требуют* говорить чистую правду, какой бы горькой она ни была, хочешь ты ее слышать или нет, и она обязана сделать все, чтобы ее услышали. Эти Высокородные, что называли своих Глашатаев *Соэ'фейя*, считали Алгвина, последнего мужчину, восседавшего на Хрустальном Троне почти тысячу лет назад, сумасшедшим – потому что он сохранил жизнь своей *Соэ'фейя* и оставил ее на посту после того, как она перед всем двором залепила ему пощечину. В традициях семьи Туон они понимали не больше пучеглазой капитанши. Выражение лиц Стражей Последнего Часа, наполовину скрытых нащечниками шлемов, нисколько не изменилось. Они – понимали.

– Благодарю тебя, но в наказании я не нуждаюсь, – вежливо промолвила Туон, когда Анат наконец закончила разглагольствования.

Однажды, после того как Туон прокляла Нефери за ее глупую смерть – та упала с лестницы, – она попросила новую *Соэ'фейя* исполнить для нее эту свою обязанность. Проклясть мертвого – причина достаточная для того, чтобы несколько месяцев быть *сей'мосив*. Анат оказалась чуть ли не нежна, на свой странный лад, хотя Туон и проплакала несколько дней, не будучи в состоянии накинуть даже сорочку. Но не поэтому девушка отказалась сейчас от предложения; наказание должно быть серьезным, иначе для восстановления равновесия оно бесполезно. Нет, она не встанет на легкий путь, потому что уже приняла решение. И, вынужденно признала Туон, потому что ей хотелось пойти наперекор совету *Соэ'фейя*. Хотелось вообще ее не слушать. Как заметила Селусия, Туон всегда отличалась упрямством. Отказаться же выслушать свою Говорящую Правду было бы совсем гадким по-

ступком. Возможно, ей, в конце концов, и придется согласиться с Анат, если не удастся восстановить душевное равновесие иным способом. Рядом с кораблем вынырнули и свистнули три длинных серых дельфина. Три, и больше они не выныривали. Держаться избранного курса.

– Когда мы высадимся на берег, – сказала Туон, – нужно воздать почести Верховной Леди Сюрот. – Держаться избранного курса. – И необходимо разобраться с ее честолюбием. Она совершила с Предвестниками больше, чем мечтала Императрица, да живет она вечно, но столь громадный успех часто порождает сообразные честолюбивые мечты.

Раздраженная сменой темы, Анат выпрямилась, сжала губы. Глаза ее сверкали.

– Уверена, у Сюрот одно желание – исполнять все, что в интересах Императрицы, – коротко сказала она.

Туон кивнула. Сама она вовсе не была столь уверена. Подобная уверенность даже ее могла привести в Башню Воронов. Возможно, ее-то – в первую очередь.

– Мне нужно отыскать способ как можно скорее связаться с Возрожденным Драконом. До Тармон Гай'дон он обязан преклонить колени перед Хрустальным Троном, иначе все погибло. – Именно так, со всей очевидностью, гласили Пророчества о Драконе.

Настроение Анат вмиг изменилось. Улыбаясь, она едва ли не собственническим жестом положила руку на плечо Туон. Пожалуй, это было слишком, но ведь она – *Соэ'фейя*. Жест мог всего лишь показаться Туон таковым.

– Ты должна быть осторожна, – вкрадчиво, тихим голосом промолвила Анат. – Он не должен узнать, насколько ты для него опасна. А потом ему будет слишком поздно бежать.

У нее нашлись и другие советы, но слова Анат пролетали мимо Туон. Она слушала и слышала, однако в них не было ничего такого, чего бы она не слышала уже сотни раз. Впереди Туон различала вход в огромную гавань. Эбу Дар, откуда развернется *Коринне*, как оно уже началось из Танчико. При этой мысли девушку охватили радостное возбуждение и трепет предвкушения исполнения заветной мечты. За своей вуалью она была просто Верховной Леди Туон, рангом не выше, чем многие прочие из Высокородных, но в душе она всегда оставалась Туон Атаэм Кор Пейндраг, Дочерью Девяти Лун, и она явилась сюда, дабы по праву вернуть то, что было украдено у ее прародителя.

Глава 15

ЗАЧЕМ НУЖЕН ЛИТЕЙЩИК

Смахивающий на короб фургон – маленький домик на колесах – напоминал виденные Мэтом фургоны Лудильщиков, хотя явно был предназначен не для жилья, судя по уйме всяких шкафчиков с полочками и верстаков вдоль стен. Морща нос от витавших здесь странных, едких запахов, он неловко заерзал на трехногом табурете – единственном, на чем тут можно было сидеть. Сломанная нога и треснувшие ребра срослись, как поджили и ссадины, которыми Мэта щедро одарил проклятый дом, рухнувший ему на голову, но раны все еще побаливали. Кроме того, он надеялся вызвать к себе сочувствие. Женщины любят проявлять сочувствие, если играешь по правилам. Мэт заставил себя перестать крутить на пальце продолговатое кольцо-печатку. Если покажешь женщине, что нервничаешь, то она обязательно истолкует это по-своему, и тогда забудь о сочувствии – считай, оно в окно вылетело.

– Послушай, Алудра, – сказал Мэт, расплываясь в своей самой обворожительной улыбке, – к этому времени ты уже и сама должна знать, что во второй раз Шончан не захотят смотреть на фейерверки. Как я слыхал, эти *дамани* устраивают что-то под названием Небесные Огни, рядом с которыми твои лучшие фейерверки все равно что искорки в печной трубе. Ты только не обижайся.

– Лично я этих так называемых Небесных Огней не видывала, – пренебрежительно ответила Алудра с сильным тарабонским акцентом.

Она склонилась над стоявшей на верстаке деревянной ступкой размером с добрый бочонок, и, несмотря на то, что ее длинные, до пояса волосы были прихвачены на затылке широкой синей лентой, выбившиеся темные пряди упали на лицо. Длинный белый передник с темными пятнами ничуть не скрывал, как тесно ее темно-зеленое платье облегает бедра, однако Мэта больше интересовало то, что она делает. Не то, что она делает в данный момент, а ее занятие вообще. Деревянным пестом длиной чуть не в полруки она измельчала крупнозернистый черный порошок. Порошок чем-то походил на смесь, которую Мэту как-то довелось увидеть во вскрытом им фейерверке.

– В любом случае, – продолжала Алудра, не замечая его пристального взгляда, – я не стану раскрывать секретов Гильдии. Это-то ты понимаешь, да?

Мэт поморщился. Столько дней он потратил, стараясь навести разговор на нужную тему, с тех пор как набрел случайно на странствующую труппу Валана Люка и узнал, что Алудра в Эбу Дар. Больше всего он боялся, что она упомянет о Гильдии Иллюминаторов.

– Но ведь ты больше не Иллюминатор, не забыла? Тебя вышибли… э-э… ты говорила, что покинула Гильдию.

Не впервой у Мэта появилась мысль напомнить Алудре, как однажды он спас ее от четырех гильдийцев, желавших перерезать ей глотку. Большинство женщин, напомни им о чудесном спасении, бросились бы ему на шею с поцелуями и пообещали все что угодно. Но Мэту даже сразу после спасения благодарных поцелуев не досталось, поэтому было маловероятно, что Алудра кинется ему в объятия сейчас.

– Все равно, – легкомысленным тоном продолжил Мэт, – о Гильдии тебе нечего беспокоиться. Вон как долго ты уже запускаешь ночные цветы, и что? Никто не появился и не попытался тебя остановить. Готов об заклад биться, тебе ни одного Иллюминатора не попадалось.

– Ты что-то узнал? – тихо спросила Алудра, по-прежнему не поднимая головы. Пестик замедлил движение, почти замер. – Расскажи.

У Мэта чуть волосы дыбом не встали. Как у женщин так выходит? Прячешь все ниточки, утаиваешь все улики, а они тыкают пальцем прямехонько в то, что ты желаешь скрыть.

– Ты это о чем? Да я слыхал лишь то, что и ты. Главным образом о Шончан.

Алудра повернулась так стремительно, что взметнулись волосы, и, схватив тяжелый пестик обеими руками, занесла его над головой. У Алудры, лет на десять старше Мэта, были темные глаза и маленькие пухлые губы, которые как будто только и ждали, когда же их поцелуют. Мэт раза два всерьез подумывал, не поступить ли ему именно так. После нескольких поцелуев большинство женщин становятся сговорчивее. Но сейчас она оскалила зубы и, казалось, вот-вот откусит ему нос.

– Рассказывай! – прикрикнула Алудра.

– У доков я играл в кости с несколькими шончанами, – нехотя заговорил Мэт, опасливо косясь на воздетый пестик. Мужчина, когда дело несерьезное, может припугнуть, накричит да и уйдет себе, но с женщины станется из-за пустяка и черепушку тебе раскроить. А у него от долгого сидения затекла нога, и он не был уверен, что сможет быстро вскочить с табурета. – Не хотел, чтобы ты от меня узнала, но… Алудра, Гильдии больше не существует. Ее квартала в Танчико уже нет. – У Гильдии по-настоящему был

всего один центр, один квартал в Танчико. Тот, что находился в Кайриэне, был давно покинут, а что до остального, то Иллюминаторы лишь странствовали, устраивая представления для правителей и знатных особ. – Они отказались впустить шончанских солдат на свою территорию, а когда те все же вломились туда, стали сражаться, точнее, пытались сражаться. Я не знаю, что произошло – может, солдат выронил фонарь, где нельзя было… В общем, как я понял, произошел взрыв и весь квартал взлетел на воздух. Наверняка, преувеличивают. Но Шончан решили, что кто-то из Иллюминаторов использовал Единую Силу, и они… – Он вздохнул и попытался смягчить голос. Кровь и пепел, этого он рассказывать не хотел! Но она жгла его злым взглядом, и проклятая дубина грозила обрушиться на голову. – Алудра, Шончан собрали всех уцелевших после взрыва и еще тех Иллюминаторов, что ушли в Амадор… Их всех сделали *да'ковале*. А это означает…

– Я знаю, что это означает! – с яростью сказала Алудра. Развернувшись к своей ступке, она принялась так энергично орудовать пестиком, что Мэт испугался, как бы та не взорвалась, если в ней и впрямь порошок для фейерверка. – Дураки! – сердито бормотала Алудра, громко стуча пестиком в ступке. – Слепые дураки! Глупцы! Перед сильными и власть имущими нужно всего лишь согнуть шею да и пойти себе дальше, но они и этого не поняли! – Шмыгнув носом, она вытерла щеки тыльной стороной руки. – Ты неправ, мой юный друг. Пока жив хоть один Иллюминатор, жива и Гильдия, а я, я-то еще жива! – По-прежнему не глядя на Мэта, она еще раз вытерла щеки. – И что бы ты сделал, дай я тебе фейерверки? Стал бы, наверное, швырять их в Шончан из катапульты, да? – Фыркнув, она ясно дала понять свое отношение к подобной затее.

– А чем плоха идея? – спросил Мэт обиженно. Добрая полевая катапульта, так называемый скорпион, выстреливает десятифунтовый камень на пятьсот шагов, а десять фунтов фейерверков – это штука помощнее всякого камня. – Но у меня есть мысль получше. Видел я те трубы, с помощью которых ты запускаешь в небо ночные цветки. Как ты говоришь, на три сотни шагов, если не дальше. Наклони трубу под углом к земле, и готов спорить, она зашвырнет ночной цветок на *тысячу* шагов.

Уставившись взглядом в ступку, Алудра что-то пробормотала себе под нос. Как почудилось Мэту, нечто вроде «что-то я разболталась», и совсем уж бессмысленное о красивых глазках. Он поторопился отвлечь ее мысли от секретов Гильдии.

– Эти трубки куда меньше катапульты, Алудра. Если их как следует спрятать, Шончан ни за что не узнают, откуда они взялись. Считай это расплатой им за квартал Гильдии.

Повернув голову, Алудра окинула Мэта долгим взглядом. В нем мешалось уважение с удивлением, но Мэт сделал вид, что ничего не замечает. Глаза у Алудры покраснели, а на щеках виднелись следы слез. Может, если приобнять ее… Обычно женщинам нравится, когда их утешают.

Но прежде чем Мэт успел сдвинуться с места, она взмахнула пестиком и наставила его на юношу, словно меч. Причем держала пестик в вытянутой руке без усилия, тот даже не дрогнул ни разу; эти руки были куда сильнее, чем казались с виду. *О Свет*, подумал Мэт, *не могла же она знать, что я хотел сейчас сделать!*

– Очень неплохо для того, кто всего несколько дней назад увидел пусковые трубы, – сказала Алудра, – но я додумалась до этого задолго до тебя. У меня на то есть причина. – В тоне ее проскользнула горечь, но быстро исчезла, и в голосе послышались веселые нотки. – Задам тебе загадку, раз уж ты такой сообразительный, ага? – промолвила она, выгнув бровь. О, ее и в самом деле что-то развеселило! – Скажи, зачем бы мне мог понадобиться литейщик или колокольный мастер, и я расскажу тебе *все* свои секреты. Даже такие, которые тебя смутят и заставят покраснеть? Хочешь, да?

Так, интересно. Звучит заманчиво. Но фейерверки намного важнее, чем возможность часок пообниматься с нею. Что это за секреты, которые его смутят? Мэт и сам мог бы ее немало удивить. Не все воспоминания чужих людей, что понабились ему в голову, связаны со сражениями.

– Литейщик… – протянул он, не имея ни малейшего понятия, куда двинуться мыслью. Ни в одном из старых воспоминаний не удавалось отыскать даже намека. – Ну, наверное… Колокольный мастер мог бы… Пожалуй…

– Нет, – сказала Алудра оживленно. – Ступай и возвращайся денька через два-три. У меня работы по горло, а ты слишком отвлекаешь своими вопросами, да еще и обхаживаешь меня вовсю. Нет, не спорь! Давай уходи.

Сердито косясь на Алудру, Мэт встал и нахлобучил на голову широкополую черную шляпу. Обхаживает? Обхаживает! Кровь и проклятый пепел! Входя в фургон, Мэт сбросил свой плащ у двери, и сейчас, нагнувшись за ним, тихонько охнул. Он почти весь день просидел на табурете. Но может, какой-никакой успех ему все-таки сопутствовал. Если бы он еще сумел разгадать ее загадку… Сигнальные колокола. Гонги, которыми время отбивают. Нет, бессмыслица.

– Если бы ты не принадлежал другой, мне, того гляди, и пришла бы в голову мысль поцеловать такого смышленого молодого человека, – промурлыкала она очень даже нежным тоном. – У тебя

такая хорошенькая попка.

Мэт резко выпрямился, но не обернулся. Лицо загорелось от гнева, но она-то наверняка решит, что он смутился. Мэту удавалось забыть, какую одежду он носит, пока кто-нибудь не напоминал ему об этом. В тавернах уже раза три случались инциденты. Когда Мэт лежал пластом, с ногой в лубках, с перетянутыми ребрами, забинтованный чуть ли не с головы до пят, Тайлин припрятала всю его одежду. Куда ее засунули, он так и не нашел, но твердо был уверен, что одежду спрятали, а не сожгли. В конце концов, не собирается же она держать его при себе вечно. Из своего у Мэта остались лишь шляпа да повязанный на шее черный шелковый шарф. И, конечно, серебряный медальон в виде лисьей головы, что висел под рубашкой на кожаном шнурке. И еще его ножи; без них он и вправду чувствовал бы себя потерянным. Когда Мэт наконец умудрился выползти из той проклятой постели, проклятая женщина выдала ему новую одежду, а потом еще сидела и смотрела, как проклятые швеи обмеряют его и подгоняют обновки! Если не следить за ними, пышные белые кружева почти полностью закрывали кисти рук, а те, что на воротнике, ниспадали чуть ли не до пояса. Тайлин нравились мужчины, одетые в кружева. Плащ был ярко-алого цвета, такого же оттенка, что и узкие облегающие штаны, и по краю вышит золотыми завитушками, белыми розами и прочими такими же треклятыми штуками. Не говоря уже о белом овале на левом плече с эмблемой Дома Митсобар – зелеными Мечом и Якорем. Ярко-синему цвету куртки позавидовал бы иной Лудильщик, к тому же она была щедро вышита на груди и по рукавам золотым узором под названием тайренский лабиринт. Мэт не любил вспоминать, через что ему пришлось пройти, чтобы убедить Тайлин отказаться от жемчужин, сапфиров и один Свет знает чего еще, чем ей непременно хотелось украсить его куртку. К тому же куртка была очень короткой. Неприлично короткой! Тайлин тоже говорила, что ей нравится его попка, и ее, казалось, вовсе не волновало, кто еще будет на нее пялиться!

Набросив на плечи плащ – он хоть что-то прикрывал, – Мэт сграбастал оставленный у двери дорожный посох длиной ему по плечо. Бедро и голень заныли, но ничего, ходьба разгонит боль.

– Ну, тогда увидимся дня через два-три, – сказал Мэт со всем достоинством, что сумел наскрести.

Алудра тихонько засмеялась. Но не так тихо, чтобы он не услышал. О Свет, иная женщина способна смехом сделать больше, чем портовый громила многоэтажным ругательством! И ведь знает, каким оружием владеет!

Прихрамывая, Мэт спустился по деревянным ступенькам фургона и с грохотом захлопнул за собой дверь. Дневное небо ничем не отличалось от того, каким оно было утром, – серое, затянутое мрачными облаками. Резкими порывами стегал ветер. В Алтаре не бывало настоящей зимы, но и такой вполне хватало. Снегопадов не было, но с моря налетали ледяные ливни и сильные грозы, а из-за сырости холод добирался до самых костей. Земля под ногами казалась влажной даже в сухую погоду. Мэт с хмурым, как погода, видом заковылял прочь от фургона.

Женщины! Правда, Алудра хорошенькая. И она знает, как делать фейерверки. А литейщик колоколов? Может, найти отгадку удастся быстрее, чем за два дня. Пока Алудра не начала за *ним* охотиться. Кажется, в последнее время немало женщин этим занялись. Неужели Тайлин что-то в нем изменила, и теперь женщины преследуют его, как и она сама? Нет. Что за чушь! Ветер дернул за плащ, раздул ткань за спиной, но Мэт слишком глубоко задумался, чтобы с ним бороться. Две проходившие мимо гибкие, стройные женщины – акробатки, решил Мэт, – хитро ему улыбнулись, и он улыбнулся в ответ и расшаркался. Нет, Тайлин его не изменила. Он остался таким же, каким был.

Хозяйство Валана Люка оказалось раз в пятьдесят больше, чем рассказывал Том: будь вместо хаотически расставленных палаток и фургонов дома, оно напоминало бы маленький городок. Мэт увидел кое-где занятых репетициями, несмотря на погоду, артистов. Женщина в свободной белой блузе и в штанах, столь же узких, как у Мэта, расхаживала взад-вперед по слабо натянутому между двух высоких столбов канату, а потом она прыгнула вниз и каким-то образом ухитрилась зацепиться ступнями за канат, едва не грохнувшись наземь. Потом женщина, извернувшись, ухватилась за канат руками, подтянулась и села на него, а потом начала все заново. Неподалеку какой-то малый *бегал* по яйцеобразному колесу, которое имело добрых двадцать футов в поперечнике и было смонтировано на платформе, так что когда он взбегал на узкий конец, он оказывался выше женщины-канатоходца, которая явно должна была свернуть себе вскоре дурную шею. Мэт загляделся на обнаженного по пояс мужчину – тот катал по рукам и плечам три сверкающих шара, не касаясь их пальцами. Мэту это понравилось. Пожалуй, он и сам мог бы повторить такой номер. По крайней мере, эти шары не поранят до крови и не поломают костей. Подобных радостей ему уже на всю жизнь хватило.

Но больше всего внимание Мэта привлекли коновязи. Длинные ряды коновязей, где две дюжины людей, закутавшись от холода, сгребали на тележки навоз. Сотни лошадей. Говорили,

что Люка приютил у себя в балагане какого-то шончанского дрессировщика, и наградой стал патент, подписанный самой Верховной Леди Сюрот, благодаря чему Люка сохранил всех своих животных. Мэтову Типуну устроенная Сюрот жеребьевка не грозила, поскольку мерин оказался в конюшнях Таразинского дворца, но вывести его оттуда Мэт пока никак не мог. Тайлин все равно что поводок пристегнула к его шее и не собиралась отпускать его так быстро.

Повернув прочь, Мэт задумался, не подговорить ли Ванина украсть лошадей из зверинца, если разговоры с Люка зайдут в тупик. Судя по тому, что Мэт знал о Ванине, для этого невероятного человека подобная задачка – все равно что прогулка перед сном. Как ни толст был Ванин, он мог увести и объездить любую лошадь, которая только рождена на свет. К несчастью, Мэт сомневался, что сам способен продержаться в седле больше мили. Тем не менее, надо же о чем-то думать. Он все больше и больше впадал в отчаяние.

Ковыляя по дороге и праздно разглядывая репетирующих жонглеров и акробатов, Мэт терялся в догадках, как могли дела принять такой оборот. Кровь и пепел! Он же *та'верен*! Но он – здесь, торчит в Эбу Дар, превратился в игрушку и любимую зверюшку Тайлин – даже долечиться не дала, сразу набросилась, как утка на жука! – а все вокруг вовсю развлекаются. С этими женщинами из Родни, виляющими хвостом у ее ног, Найнив, по всей вероятности, корчит из себя невесть кого и всеми помыкает. Как только Эгвейн сообразит, что буйнопомешанные Айз Седай, назвавшие ее Амерлин, хотели вовсе не этого, Талманес с Отрядом Красной Руки умыкнет ее оттуда в любой момент. О Свет, да Илэйн за это время уже, наверное, надела Корону Роз, насколько он ее знает! И Ранд с Перрином, сидят развалясь перед камином в каком-нибудь дворце, попивают вино и перешучиваются.

В голове закружился водоворот тусклых красок, и Мэт скривился и потер лоб. Это теперь случалось всякий раз, как он думал о Ранде или о Перрине. Почему так происходит, он не знал и знать не хотел. Ему всего лишь хотелось, чтобы эта круговерть кончилась. Только бы выбраться из Эбу Дар. И, конечно, унести с собой тайну фейерверков, но если придется выбирать между бегством и этой тайной, он предпочтет бегство.

Том с Бесланом были там же, где Мэт их оставил, – пили вместе с Люка вино возле затейливо разрисованного фургона хозяина балагана, но Мэт присоединился к ним не сразу. По какой-то причине Люка с первого мгновения проникся неприязнью к Мэту Коутону. Мэт отвечал ему тем же, на что у него была причина. С физиономии Люка не сходило выражение самодовольства, и сто-

ило ему взглянуть на любую женщину, как он тотчас расплывался в глупой ухмылке. Видно, полагал, что все женщины в мире при виде него испытывают неземную радость. О Свет, он ведь женат!

Раскинувшись в позолоченном кресле, которое, верно, упер из какого-нибудь дворца, Люка с барственным видом смеялся и оживленно жестикулировал. Том и Беслан сидели напротив него на скамейках. Ярко-красные куртку и плащ Люка усыпали золотые звезды и кометы. Да от такого смутился бы и *Лудильщик*! А при виде фургона Лудильщик и вовсе зарыдал бы! Тот превосходил размерами рабочий фургон Алудры и, похоже, был покрыт *лаком*! На красно-синих стенках фургона серебрились изображения луны во всех фазах, а остальную часть густо покрывали золотые звезды и кометы разнообразной величины. На этом фоне Беслан в своих расшитых летящими птицами куртке и плаще смотрелся довольно скромно. Том же, утиравший от вина длинные белые усы, выглядел и вовсе блекло в простой шерстяной куртке бронзового цвета и в темном плаще.

Одной персоны, которая должна была тоже находиться здесь, Мэт не увидел, но, порыскав взглядом окрест, обнаружил у стоявшего неподалеку фургона кучку женщин. Здесь были и девушки его лет, и седовласые женщины, но все, собравшись в кружок, хихикали. Вздохнув, Мэт направился туда.

– О-о, никак не решу, – донесся из середины кружка мальчишеский фальцет. – Смотрю на тебя, Мериси – красивей твоих глаз я никогда не видал. Но посмотрю на тебя, Нейлин, – а у тебя еще краше. Твои губы, Гиллин, что спелые вишенки, а твои, Адрия, так и тянет поцеловать. А у тебя, Джамейне, шея прекрасная, как у лебедя…

Проглотив вертевшееся на языке ругательство, Мэт ускорил шаг и, бормоча налево и направо извинения, протолкался между женщинами. В середине кружка обнаружился Олвер, низкорослый светлокожий мальчишка, он строил глазки и ухмылялся по очереди всем женщинам. Хотя за одну эту ухмылку во весь рот каждой из них следовало бы надрать мальчишке уши.

– Прошу простить его, – пробурчал Мэт, беря мальчишку за руку. – Идем, Олвер. Нам надо возвращаться в город. Хватит плащом махать. Болтает, а чего – и сам не знает. Не пойму, где он этого набрался.

К счастью, женщины только смеялись и ерошили Олверу волосы, пока Мэт выводил его из окружения. Подумать только, какая-то сказала даже, что он хороший мальчик! А другая скользнула рукой под плащ Мэта и ущипнула за задницу. О женщины!

Вырвавшись на волю, Мэт сердито покосился на мальчишку, который шагал рядом с донельзя счастливым видом. Олвер подрос с тех пор, как Мэт впервые его встретил, но все равно был маловат ростом для своих лет. А с таким широким ртом и оттопыренными ушами красавцем ему никогда не бывать.

– Будешь так с женщинами разговаривать, в беду попадешь, – сказал Мэт. – Женщины любят, чтобы мужчина вел себя тихо, был воспитанным. И сдержанным. Сдержанным и, может, чуточку стеснительным. Развивай в себе эти качества, и все будет хорошо.

Олвер посмотрел на Мэта круглыми недоверчивыми глазами, и Мэт вздохнул. За парнишкой приглядывают чуть ли не десяток дядек, и каждый, не считая Мэта, влияет на него дурно.

При виде Тома и Беслана Олвер вновь расплылся в улыбке. Вырвав руку, он со смехом кинулся к ним. Том учил его жонглировать и играть на арфе и флейте, а Беслан – владеть мечом. Другие «дяди» тоже давали Олверу уроки, причем прививали ему на удивление разнообразные навыки. Мэт собирался и сам заняться Олвером, когда окрепнет; он хотел научить его драться боевым посохом и стрелять из двуреченского лука. Чему мальчишка может научиться у Чела Ванина или «красноруких», Мэт и знать не желал. Завидев идущего к нему Мэта, Люка поднялся со своего чудного кресла, его бессмысленная улыбка превратилась в кислую мину. Оглядев Мэта с головы до ног, он взмахнул своим нелепым плащом и сочным голосом произнес:

– Я – человек занятой. Меня ждет куча дел. Возможно, в скором времени Верховная Леди Сюрот окажет мне честь посетить мое представление.

И, не сказав больше ни слова, широким шагом двинулся прочь, придерживая одной рукой изукрашенный плащ, трепетавший под порывами ветра, как флаг.

Мэт свой плащ придерживал обеими руками. Плащи – они для тепла. Сюрот он видел во дворце, но чтобы близко – ни разу. Вернее, настолько близко, как хотелось бы. Ему не представить было, что у нее может найтись время на «Грандиозное Странствующее Представление и Величайшую Выставку Чудес и Диковин Валана Люка». Именно так гласила надпись у входа; она была выведена красными буквами в шаг высотой на длинной полосе парусины, подвешенной меж двух высоких столбов. А если у Сюрот и найдется время, то она, того гляди, сама львов съест. Или напугает их до смерти.

– Ну как, Том, он согласился? – тихо спросил Мэт, хмурым взглядом провожая Люка.

– Мы можем ехать с ним, когда он покинет Эбу Дар, – ответил Том. – Разумеется, за плату. – Он фыркнул, распушив усы, и раз-

драженно провел пятерней по белым волосам. – За те деньги, что он хочет, мы вроде бы будем как сыр в масле кататься, есть и спать, как короли, но, зная его, я очень в этом сомневаюсь. Преступниками он нас не считает, поскольку мы все еще на свободе, но понимает, что мы от чего-то бежим, иначе отправились бы в путь как-нибудь сами, без него. К несчастью, с места он намерен стронуться самое раннее только весной.

Мэт мысленно выругался самыми отборными ругательствами. Только весной. Свет знает, что с ним до весны сотворит Тайлин, что заставит его делать. Может, не такая уж плохая мысль попросить Ванина увести лошадей.

– Дай-ка мне еще время в кости поиграть, – сказал Мэт, словно это было неважно. – Если он заломил столько, сколько ты говоришь, надо набить кошелек потолще. Про Шончан можно одно сказать – проигрывать они не прочь. – Он старался осторожно обращаться со своей удачей и пока еще не нарвался на угрозу перерезать ему глотку за жульничество, по крайней мере, с тех пор как сумел на своих двоих выбраться из дворца. И начинал верить, что удача помогает ему и в игре и что есть все-таки хоть какая-то польза от того, что он *та'верен*.

Беслан смотрел на Мэта сосредоточенно. Смуглый стройный мужчина, моложе Мэта, он был беспутным повесой, когда Мэт с ним познакомился, всегда готовым прошвырнуться по тавернам и покуролесить, особенно если гулянка завершалась женщинами или доброй схваткой. Однако с приходом Шончан он значительно посерьезнел. Для него Шончан были очень серьезным вопросом.

– Мэт, моя матушка будет не слишком довольна, если прознает, что я помогаю ее лапочке покинуть Эбу Дар. Еще женит меня на какой-нибудь косоглазой образине с усами, как у тарабонского пехотинца.

Мэт поморщился. Хотя прошло уже немало времени, он все не мог привыкнуть к тому, что сын Тайлин не видит ничего зазорного в поведении своей матери. Ладно, хоть Беслан полагал, что она стала вести себя с Мэтом немного собственнически – всего лишь немного, заметьте! – но это была единственная причина, по которой он помогал Мэту. И заявлял при этом, что Мэт нужен его матери для того, чтобы отвлечься от мыслей о соглашениях, которые навязали ей Шончан! Мэту порой хотелось вновь оказаться в Двуречье, где по крайней мере знаешь, что думают другие. Порой даже очень хотелось.

– А теперь мы вернемся во дворец? – сказал Олвер, вернее, потребовал, а не спросил. – У меня урок чтения с леди Риселле. Она, когда мне читает, разрешает класть голову ей на грудь.

– Примечательное достижение, Олвер, – сказал Том, поглаживая усы и тем самым скрывая улыбку. Наклонившись к двум другим мужчинам, он понизил голос, чтобы его слова не достигли ушей мальчика. – На столь великолепную подушку *мне* она разрешает положить голову только после того, как заставит сыграть на арфе.

– Риселле всех заставляет сначала ее развлечь, – знающе усмехнулся Беслан, и Том изумленно воззрился на него.

Мэт застонал. На этот раз – не из-за боли в ноге или того обстоятельства, что каждый мужчина в Эбу Дар, за исключением Мэта Коутона, выбирает сам, на чью грудь ему положить голову. Нет, у Мэта в голове вновь катились игральные кости. Его ожидало что-то скверное. Что-то очень плохое.

Глава 16

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

На обратном пути к городу пришлось пройти больше двух миль по низким холмам, и ходьба изгнала было боль из ноги Мэта, но нога разнылась вновь к тому времени, когда путникам с косогора открылся вид на Эбу Дар. Город, раскинувшийся за непомерно толстыми, белыми оштукатуренными стенами, которые ни разу за время своего существования не поддались осадным катапультам, тоже был белым, хотя возвышавшиеся над стенами остроконечные купола были в разноцветную полоску. Здания в белой штукатурке, белые шпили и башни, белые дворцы как будто светились изнутри даже в такой серый зимний день. Кое-где верхушки башен были разбиты, щерились неровной кладкой, на месте разрушенных зданий виднелись провалы, хотя, по правде говоря, шончанское завоевание особого ущерба не принесло. Шончан оказались слишком стремительны, слишком сильны и овладели городом прежде, чем защитники успели организовать оборону, а редкие очаги сопротивления были подавлены быстро.

Как ни удивительно, падение города мало сказалось на торговле даже в это время года. Шончан поощряли торговлю, только потребовали от купцов, капитанов кораблей и судовых команд дать клятву повиноваться Предвестникам, ждать Возвращения и служить Тем, Кто Возвращается На Родину. Каждодневная жизнь почти не изменилась, и потому возражали немногие. Всякий раз, как Мэт видел просторную гавань, кораблей там становилось все больше. Сегодня днем, казалось, по рядам кораблей можно было пройти от самого Эбу Дар до Рахада, городских кварталов на другой стороне залива, куда Мэт лучше бы не ходил во второй раз. В первые дни, когда Мэт только-только встал на ноги, он частенько хаживал в порт. Интересовался он вовсе не необычными шончанскими кораблями, чьи паруса как будто имели тонкие прожилки-ребра, не глядел и на суда Морского Народа, на которых Шончан переделывали оснастку и заменяли команды своими людьми, – он высматривал вымпелы с Золотыми Пчелами Иллиана, или с Рукой и Мечом Арад Домана, или с Полумесяцами Тира. Сегодня Мэт их не выискивал. Он едва скользнул взглядом по гавани. Вертевшиеся в голове игральные кости грохотали, как гром. И что бы они не сулили, вряд ли это ему понравится, считал Мэт. Когда кости предостерегали его таким образом, последующие события редко нравились Мэту.

Из громадной арки в стене вытекал бесконечный поток людей и повозок, и пешеходам приходилось чуть ли не протискиваться в ворота, поскольку в город к тому же, двигаясь не быстрее улитки, вползала плотная колонна фургонов и воловьих упряжек, и тянулась она почти от самого косогора. Все верховые принадлежали к Шончан, кто – смуглый, как Морской Народ, кто – белолицый, как кайриэнцы, но среди прочих они выделялись не только этим. Некоторые из Шончан-мужчин носили широкие штаны и диковинные узкие куртки с высокими тесными воротниками, подпиравшими подбородок, с рядами нашитых спереди блестящих металлических пуговиц, другие были облачены в свободные, затейливо вышитые кафтаны, длиной не уступавшие женским платьям. Все они были Высокородными, как и женщины в необычного покроя платьях для верховой езды, которые были сшиты, казалось, узкими складочками; их юбки-штаны открывали взорам щиколотки в цветных сапожках, а широкие рукава свисали чуть ли не до стремян. Кое у кого кружевные вуали оставляли открытыми лишь глаза, скрывая лица от низкорожденных. Большинство всадников, однако, носили ярко раскрашенные доспехи из перекрывавших друг друга пластин. Среди воинов встречались и женщины, хотя из-за раскрашенных шлемов, напоминавших головы чудовищных насекомых, не разобрать было, кто есть кто. Ладно, хоть среди них не наблюдалось черно-красных Стражей Последнего Часа. Рядом с ними даже Шончан чувствовали себя не в своей тарелке, и этого Мэту было достаточно, чтобы обходить Стражей стороной.

Во всяком случае, никто из Шончан не обратил внимания на троих мужчин и мальчика, медленно шагавших в город вдоль колонны телег и фургонов. Впрочем, медленно шли мужчины. Олвер же передвигался вприпрыжку. Скорость диктовала им больная нога Мэта, хотя он и старался не показывать остальным, что идет, опираясь на посох. Обычно игральные кости возвещали о событиях, из которых он выскакивал живым лишь чудом, о сражениях, например, о падающем на голову доме. О Тайлин. Он страшился того, что случится, когда кости наконец остановятся.

Почти все покидавшие город фургоны и телеги сопровождали Шончан: они либо правили, либо шли рядом, одетые много проще верховых, и ничего необычного в их виде не было, но те, кто ждал своей очереди войти в город, вероятней всего, принадлежали к жителям Эбу Дар или окрестных городков и деревень: мужчины в длинных жилетах, женщины в юбках, подшитых сбоку так, что виднелись ноги в чулках или цветные нижние юбки. В их телеги и фургоны были впряжены волы. В колонне выделялись чужеземцы – купцы с маленькими караванами запряженных лошадьми

фургонов. На юге зимой торговля шла оживленнее, чем на севере, где купцам приходилось бороться с заваленными снегом дорогами, и некоторые из торговых людей явились сюда издалека. Возглавлявшая караван из четырех фургонов коренастая доманийка с красивой темной мушкой на медного цвета щеке, куталась в плащ с цветочным узором и зло глядела на елейного вида мужчину, стоявшего в очереди впереди нее на пять фургонов. Он сидел рядом с возчиком, и под его тарабонской вуалью виднелись длинные густые усы. Вне всяких сомнений, конкурент. Худая кандорка, с крупной жемчужиной в левом ухе и с серебряными цепочками на груди, спокойно сидела в седле, положив руку в перчатке на переднюю луку. Лошади ее упряжек, стоит купчихе оказаться в городе, тоже не минуют своей участи. У местных забирали одну лошадь из пяти, а у чужеземцев, чтобы не подрывать торговлю, – одну из десяти. Правда, за лошадей заплатят и по нынешним временам дадут довольно хорошую цену, но все-таки совсем не ту, за которую их можно продать на рынке при столь высоком спросе. Мэт всегда обращал внимание на лошадей, хотя бы и машинально. Толстый кайриэнец в куртке такого же унылого цвета, что и у его возчиков, громко сетовал на задержку; гнедая кобыла нервно плясала под всадником. Очень хорошие стати у этой кобылы. Скорей всего, достанется она какому-нибудь офицеру. Интересно, что же случится, когда игральные кости остановятся?

У широких городских ворот была выставлена особая стража, хотя, вероятно, только Шончан воспринимали ее как таковую. В людском потоке ходили туда-сюда *сул'дам* в синих платьях со вставками с изображениями молний, водя за собой на серебристых поводках-*ай'дамах* облаченных в серое *дамани*. Одной-единственной такой пары хватило бы, чтобы справиться с любым нарушением заведенного порядка, не считая разве что атаки крупными силами. Впрочем, возможно, они способны были отразить и нападение неприятеля. Однако цель у них была совсем иная. В первые дни после падения Эбу Дар, когда Мэт был еще прикован к кровати, *сул'дам* прочесали город, выискивая женщин, которых называли *Марат'дамани*, и теперь стояли на страже, дабы не пропустить их за городские стены. На случай, если таковая женщина обнаружится, у каждой *сул'дам* на плече висел еще один свернутый серебристый повод. Подобные пары патрулировали и у причалов в порту, встречая все приплывавшие корабли и лодки.

Возле ворот находился длинный помост, и на пиках, на высоте двадцати шагов над землей, торчали обмазанные смолой, но еще узнаваемые головы дюжины мужчин и двух женщин, оказавших-

ся не в ладах с шончанским правосудием. Символ этого правосудия висел над головами казненных: палаческий топор с косым лезвием, рукоять топора обвивал белый шнур с причудливо завязанным узлом. Прикрепленные под каждой головой таблички гласили, какое преступление привело к такому исходу: убийство или изнасилование, вооруженное ограбление, нападение на кого-то из Высокородных. За менее тяжкие нарушения закона полагались штрафы, наказание плетьми или обращение в *да'ковале*. В своих приговорах Шончан были беспристрастны. Ни одного из Высокородных на помосте не было – те из них, кто заслуживал казни, были бы отправлены обратно в Шончан или задушены белым шнуром, – но три головы некогда сидели на шончанских плечах, ибо тяжесть шончанского правосудия равно обрушивалась на людей разного происхождения. Две таблички с крупно выписанным словом «Мятеж» висели под головами женщины, которая была Госпожой Кораблей Ата'ан Миэйр, и мужчины – ее Господина Клинков.

Мэт часто проходил этими воротами, поэтому сейчас едва взглянул на страшную картину. Олвер пропрыгал мимо, напевая песенку. Беслан и Том шли рядом, склонив друг к другу головы, и разок Мэт уловил негромко сказанные Томом слова «рискованное дельце», но ему было все равно, о чем они толкуют. Затем путники вошли в длинный сумрачный тоннель, ведший сквозь стену, и, если бы Мэту и захотелось подслушать, ничего не получилось бы – все звуки заглушал грохот кативших по дороге фургонов. Держась ближе к стене, подальше от фургонных колес, Том с Бесланом, тихонько переговариваясь, ушли вперед, Олвер кинулся за ними, но, когда Мэт вновь шагнул на свет дня, он уперся носом в спину Тома и только тогда сообразил, что спутники его почему-то остановились у самого выхода из тоннеля. Собравшись одарить Тома с Бесланом каким-нибудь язвительным замечанием, он увидел вдруг, на что они смотрят. Шедшие сзади пытались оттолкнуть их с дороги, но Мэт, застыв на месте, тоже уставился во все глаза.

На улицах Эбу Дар всегда было полно народу, но не столько, сколько сейчас – точно прорвало плотину и людское половодье хлынуло в город. Толпа запрудила улицу впереди от края до края, окружая островки домашнего скота, подобного которому Мэт не видывал: пятнистые белые коровы с длинными высокими рогами, светло-коричневые козы, покрытые тонкой шерстью, свисавшей чуть ли не до камней мостовой, овцы с четырьмя рогами. И все улицы, до которых дотягивался взгляд Мэта, были забиты не меньше. Фургоны и повозки двигались сквозь людскую массу со скоростью улитки, крики и ругань возчиков тонули в гомоне

голосов и в мычании и блеянии скота. Мэт не различал слов, но выговор определить мог. Тягуче-медленный шончанский акцент. Некоторые из Шончан тыкали соседей в бок и указывали пальцем на кричаще разодетого Мэта. Они, изумленно ахая и охая, тыкали пальцем чуть ли не во всех и вся, точно никогда прежде не видали ни гостиницы, ни скобяной лавки, но Мэт все равно зарычал себе под нос и рывком надвинул шляпу на глаза.

– Возвращение, – пробормотал Том так тихо, что, не стой Мэт у самого его плеча, он бы ничего не услышал. – Пока мы прохлаждались у Люка, прибыло *Коринне*.

Мэт думал, что это самое Возвращение, о котором столько болтали Шончан, будет вторжением войска. Один из возчиков закричал и замахнулся кнутом с длинной рукоятью на мальчишек, запрыгнувших на борт фургона, – им не терпелось выяснить, что там за растение такое, похожее на виноград, в деревянных, наполненных землей бадьях. В другом фургоне оказался печатный станок, а еще в одном, только что свернувшем в туннель, везли нечто похожее на чаны для варки пива, за которыми следом тянулся слабый запах хмеля. Некоторые из фургонов были обвешаны клетками с курами, утками и гусями странной расцветки; не похоже было, что птицу везут на продажу, скорей, все это походило на переселение фермеров. Да, это и в самом деле было войско, только не такое, какое представлял себе Мэт. С подобным войском сражаться будет потрудней, чем с солдатами.

– Вырви мои глаза, нам надо как-то пробраться через это столпотворение! – недовольно заворчал Беслан, приподнимаясь на цыпочки и глядя поверх толпы. – Далеко ли до улицы, где народу поменьше?

Мэт поймал себя на том, что вспоминает картину, ненадолго открывшуюся глазам, которую он не успел как следует рассмотреть, – гавань, полная кораблей. *Полная* кораблей. Их стало больше раза в два или в три с рассвета, когда они отправились к Люка, и несколько кораблей все еще маневрировали под парусами. Это могло означать, что возможности войти в гавань ждет еще больше кораблей. О Свет! Сколько же судов успело разгрузиться с утра? Сколько их стоит в очереди на выгрузку? Свет, сколько народу можно привезти на такой прорве кораблей? И почему они все заявились сюда, а не в Танчико? По спине пробежал холодный озноб. Возможно, это еще и не все их корабли, лишь какая-то часть…

– Лучше попытаться пробраться переулками и дворами, – сказал Мэт, повысив голос, чтобы спутники услышали его в этом чудовищном гвалте. – Иначе до дворца и до ночи не доберетесь.

Беслан повернулся, бросил на Мэта хмурый взгляд.

– А ты не вернешься с нами? Мэт, если ты опять вздумаешь заплатить за место на корабле… Ты же знаешь, теперь она будет не столь тактична.

Мэт ответил на взгляд сына королевы не менее хмурым взором.

– Я просто хочу немного пройтись, – соврал Мэт. Едва он доберется до Дворца Таразин, как Тайлин примется ластиться к нему и нежничать. Это не так уж и плохо – совсем неплохо, – за исключением одного: Тайлин совершенно не волнует, что кто-то видит, как она гладит его по лицу и шепчет на ушко свои нежности, – даже если это родной сын! Кроме того, вдруг катящиеся в голове игральные кости остановятся именно в тот момент, когда он окажется рядом с ней? Ведет себя как собственница – это еще мягко сказано. Кровь и пепел, не ровен час, этой женщине взбредет в голову выйти за него замуж! Мэт не хотел жениться, пока не хотел, но на ком женится, он уже знал. И это была вовсе не Тайлин Квинтара Митсобар. Только вот что ему делать, коли она решит по-другому?

Вдруг Мэт вспомнил слова Тома – «рискованное дельце». Он знал Тома и знал Беслана. Олвер, открыв рот, во все глаза пялился на Шончан, а те во все глаза пялились по сторонам. Олвер уже собрался убежать, чтобы посмотреть на них поближе, но Мэт успел вовремя схватить вырывавшегося мальчишку за плечо и толкнуть в руки Тому.

– Отведи паренька во дворец и займись с ним чем-нибудь, когда Риселле закончит свои уроки. И забудьте о том безрассудстве, что у вас на уме. Не то ваши головы окажутся на помосте у ворот, а заодно и голова Тайлин. – Да и его собственная. Вряд ли о нем позабудут!

Двое мужчин ответили ему ничего не выражавшими взглядами, что только укрепило подозрения Мэта.

– Наверное, мне стоит прогуляться с тобой, – наконец промолвил Том. – Вот и поговорим. Ты невероятно везуч, Мэт, и у тебя есть склонность, скажем так, к рискованным приключениям. Верно?

Беслан кивнул. Олвер вертелся в руках Тома, стараясь смотреть сразу на весь чудной народ на улице и нисколько не интересуясь, о чем толкуют старшие.

Мэт кисло хмыкнул. Почему люди всегда хотят от него геройства? Раньше или позже, но конец будет один – его убьют.

– Не о чем разговаривать. Беслан, они – здесь. Если ты не смог помешать им высадиться, то ясно как день, что не сумеешь и выгнать. Ранд с ними разделается, если можно хоть в чем-то положиться на слухи. – В голове его вновь закружились цветные кляксы, изгнав на мгновение стук костей. – Ты же дал эту прокля-

тую клятву ждать Возвращения. Мы все ее дали. – Отказ означал бы кандалы и работу в доках или на расчистке каналов в Рахаде. Отчего, по мнению Мэта, эту клятву и клятвой-то считать нельзя. – Дождись Ранда. – Цветные пятна снова возникли и пропали. Кровь и пепел! Придется, видно, перестать думать о… О некоторых людях. Опять закружились цветные пятна. – Все еще будет хорошо, дай только время.

– Ты не понимаешь, Мэт, – с горячностью заявил Беслан. – Да, мать по-прежнему сидит на троне, и Сюрот говорит, что она будет править всей Алтарой, а не только Эбу Дар и его окрестностями. Намекает и на что-то большее. Но мать вынудили *пасть ниц* и поклясться в *верности* какой-то женщине по ту сторону Океана Арит. Сюрот говорит, мне нужно жениться на ком-нибудь из Высокородных и обрить голову по бокам, а мать слушает ее. Пусть Сюрот прикидывается, что они ровня, но мать *вынуждена* слушать, когда говорит Сюрот. И что бы там Сюрот ни говорила, на деле Эбу Дар больше не наш, и остальное нашим уже не будет. Может, и не получится прогнать их силой оружия, но можно сделать так, что в этой стране им будет очень горячо. Белоплащники уже ученые, на своей шкуре узнали. Спроси у них, что они называют «Алтаранским Полуднем».

Мэт мог и сам догадаться, никого не спрашивая. Он прикусил язык, чтобы не сказать юноше, что в Эбу Дар сейчас шончанских солдат больше, чем было Белоплащников во всей Алтаре во время Белоплащниковой Войны. Да и хорошенькое место они нашли языками чесать, – улица, где полным-полно Шончан, пусть даже большинство из них фермеры и ремесленники.

– Нет, я понимаю, ты так горяч, что готов свою голову на пику посадить, – тихо произнес Мэт. Так тихо, как только мог, но стараясь, чтобы его все-таки услышали в оглушительной мешанине голосов, мычания и блеяния скота, гусиного гогота. – Тебе известно об их Слухачах. Им вполне может быть вон тот парень. Который на конюха смахивает. Или вон та тощая женщина – с узелком за спиной.

Беслан ожег пару таким тяжелым от ненависти взглядом, что Мэт сказал ему – будь они на самом деле Слухачами, могли бы донести на него за один этот взгляд.

– Может, ты запоешь иначе, когда они до Андора доберутся, – прорычал Беслан и двинулся через толпу, отталкивая в сторону всех, кто попадался на пути. Мэт не удивился бы, начнись в скором времени на улице драка. Он задумался, чего же Беслану надо.

Том повернулся, собираясь вместе с Олвером пойти за Бесланом, но Мэт поймал его за рукав.

– Если сможешь, Том, охлади его пыл. И свой тоже, что бы вы там ни надумали. По-моему, вы с ним уже давно вслепую бреетесь. Только будьте осторожнее с бритвой.

– Моя голова холодна, и я стараюсь остудить его, – сухо ответил Том. – Но он не может сидеть сложа руки – это его страна. – На жестком лице появилась слабая улыбка. – Говоришь, не станешь рисковать, но ведь станешь! И когда рискуешь ты, по сравнению с этим все, что мы с Бесланом способны предпринять, кажется вечерней прогулкой по саду. С тобою рядом даже брадобрей слеп. Пойдем, паренек, – сказал он, усаживая Олвера на плечи. – Если опоздаешь на урок, Риселле может и не разрешить тебе примостить голову на свою «подушечку».

Мэт мрачно посмотрел Тому вслед. Тот, с сидевшим на шее Олвером, шагал куда быстрее, чем Беслан. Что Том имел в виду? Он никогда не рисковал, только если не было иного выхода. Никогда. Мэт глянул мельком на тощую женщину, на малого в испачканных навозом сапогах. Свет, они ведь и впрямь *могли* оказаться Слухачами. Любой может им быть. У Мэта тотчас же зачесалось между лопаток, словно за ним следили.

Он долго шагал по улицам, на которых народу и фургонов становилось тем больше, чем ближе он подходил к причалам. В лавках на мостах закрыли ставни, уличные торговцы свернули свои одеяла, акробаты и жонглеры, которые обычно устраивали свои выступления на каждом перекрестке, тоже ушли – для них попросту не было места. Шончан были всюду, их было очень много, и пожалуй, только один из пяти оказывался солдатом. Тех даже без доспехов нетрудно было отличить от фермеров и ремесленного люда – по развороту плеч и твердому взгляду. Тут и там по улицам шли группки *сул'дам* с *дамани*; вокруг них всегда оставалось свободное пространство, даже большее, чем вокруг солдат. Это не было проявлением страха, во всяком случае, со стороны Шончан. Те с уважением кланялись женщинам в синих платьях с изображениями молний на красных вставках и одобрительно улыбались, когда пара проходила мимо. Беслан выжил из ума. Шончан не прогонишь ничем и никак. Такое под силу разве что большой армии, в которой будут Аша'маны, вроде той, что, по слухам, сражалась с Шончан на востоке с неделю назад. Или же человеку, который вооружен секретами Иллюминаторов. Чего, во имя Света, Алудра хочет от колокольного мастера?

Мэт прилагал все усилия, чтобы ненароком не выйти на улицы, откуда открывался вид на причалы. Хватит, этот урок он уже усвоил. Ему нужно только одно – поиграть в кости, причем желательно, чтобы игра затянулась далеко за полночь. Чтобы ко времени его возвращения во дворец Тайлин уже уснула. Игральные

кости она у Мэта отобрала, заявив, будто ей не нравится, что он играет, хотя сделала она это после того, как он уговорил ее сыграть на фанты. Он тогда еще лежал в постели. К счастью, кости везде найдутся, а с его везением лучше уж играть чужими костями. К несчастью, когда выяснилось, что она не собирается платить проигрыш и отпустить его – Тайлин прикинулась, будто не понимает, о чем он вообще говорит! – Мэт воспользовался выигранными фантами, чтобы отплатить той же монетой за ее неприличные выходки. И тут он дал маху, хоть и повеселился на славу. Когда фанты кончились, Тайлин разошлась еще пуще, не в пример прежнему.

Но в тавернах и в общих залах гостиниц, куда заглядывал Мэт, народу было – не протолкнуться, едва хватало места поставить кружку, не то что кости метнуть. Шончан смеялись и пели, эбударцы угрюмо косились на них и мрачно молчали. Мэт спрашивал у всех кабатчиков и содержателей гостиниц, не найдется ли у них какая-нибудь каморка, но все как один отрицательно качали головами. Иного, вообще-то говоря, Мэт и не ожидал. Еще до появления новой волны Шончан нигде нельзя было снять комнату. Тем не менее его начало охватывать уныние, и он понимал удрученных иноземных купцов, которые, уткнувшись в кубки с вином, гадали, как им, не имея лошадей, вывезти из города свои товары. У Мэта хватало золота, чтобы заплатить Люка, и еще осталось бы, но деньги хранились в сундучке в Таразинском дворце, и он не собирался даже пытаться забрать все золото сразу – достаточно было того раза, когда дворцовые слуги *принесли* его обратно с причала, связанного, точно добытого на охоте оленя. И всего-то он успел сделать, что поговорить с несколькими капитанами! Если Тайлин узнает, а она наверняка узнает, что он пытался улизнуть из дворца и золота при нем было больше, чем нужно, чтобы провести вечер за игрой… О, нет! Ему нужна какая-нибудь комнатенка, угол на чердаке или в мансарде, хотя бы со шкаф размерами, да что угодно, куда можно было бы понемножку перепрятывать золото. Или же нужно сыграть в кости. Либо так, либо этак. Однако в скором времени Мэт понял, что, невзирая ни на какое везение, сегодня у него не получится ничего. И в голове по-прежнему продолжали с грохотом катиться игральные кости.

Подолгу Мэт нигде не задерживался, и не только потому, что не находил желаемого. Его броский наряд, которого застеснялся бы и Лудильщик, притягивал все взоры. Кое-кто из Шончан понимал так, что Мэт тут гостей развлекает, и ему пытались всучить деньги, чтобы он спел! Раз или два Мэт даже поддавался на уговоры, но, едва услышав его голос, народ требовал вернуть уплаченное. Некоторые эбударцы, с заткнутыми за пояс кривыми ножами,

полные гнева, который не могли излить на Шончан, подумывали сорвать зло на этом фигляре – только рожи размалеванной не хватало, чтобы он выглядел совсем как шут знатного господина. И Мэт, едва заметив мужчин, бросавших на него угрожающие взоры, немедля нырял на запруженную улицу. Он уже испытал на своей шкуре, что для хорошей драки пока не созрел, и слабым утешением могло послужить то, что голова его убийцы будет красоваться возле городских ворот.

Он, где мог, давал себе роздых – на брошенной у переулка пустой бочке, на редких скамеечках перед таверной, где еще находилось место приткнуться. Однажды удалось посидеть на каменной ступеньке крыльца, пока вышедшая хозяйка дома метлой не сбила с него шляпу. Живот чуть ли к хребту не прилипал, и у Мэта уже начало появляться чувство, что все только на его чересчур яркий наряд и глазеют, а влажный холодный ветер пробирал до самого нутра, и только кости, сыграть в которые ему так и не удалось, по-прежнему гремели в голове, что твои лошадиные копыта. Ему казалось, что раньше они так громко никогда не грохотали.

– Ничего не остается, только возвращаться! Опять быть проклятой собачонкой королевы! – прорычал Мэт и, тяжело опираясь на посох, поднялся с поломанного деревянного ящика, валявшегося на обочине. Несколько прохожих посмотрели на него так, словно лицо у него и впрямь было шутовски размалевано. Он проигнорировал их. Он – выше этого. И не станет лупить их посохом по голове, как они того заслуживают со своими вытаращенными глазами.

Улицы по-прежнему были забиты, и, как понял Мэт, до дворца, пробиваясь сквозь эти толпы, он доковыляет только к ночи. Может быть, Тайлин к тому времени уснет. Может быть. В животе у Мэта раздалось громкое урчание, почти заглушившее рокот костей. Если он слишком припозднится, с нее ведь станется приказать кухонным слугам не кормить его.

Через десяток тяжело давшихся в толкучке шагов Мэт свернул в переулок, узкий и сумрачный. В отличие от улиц, переулок замощен не был. Штукатурка на лишенных окон стенах потрескалась, кое-где отвалилась, обнажив кирпичные проплешины. В воздухе висело зловоние, смрад разложения, и Мэт надеялся, что под сапогами хлюпает все-таки грязь, и пахнет столь тошнотворно именно она. Да и людей тут не было. Можно идти скорым шагом. Или тем, что сегодня у него так называлось. Он не чаял дождаться того дня, когда снова сможет пройти несколько миль, не страдая от боли, не дыша, как запаленная лошадь, и не опираясь на палку. Кривые переулки, такие узкие, что Мэт задевал

плечами стены, пересекали город во всех направлениях, сплетаясь в причудливый лабиринт, в котором немудрено заблудиться, не зная дороги. Но Мэт ни разу не свернул не туда, даже когда тесный, изогнутый проход вдруг разветвлялся на три или даже четыре переулочка, которые, казалось, все тянулись приблизительно в нужном направлении. Не сосчитать, сколько раз Мэту в Эбу Дар приходилось избегать ненужных глаз, и он знал эти закоулки как свои пять пальцев. Впрочем, что было очень странно, его не оставляло ощущение, будто за ним следят. И появилось это чувство у него тогда, когда его вынудили надеть эту треклятую одежду.

Мэту пришлось не раз и не два пробиваться через толпы людей и животных, чтобы нырнуть из одного переулка в другой, а порой – пересекать мосты, где люди шли стеной, но вскоре он почти добрался за дворца – из запруженных народом улиц он за это время миновал бы в лучшем случае только три. Торопливо двинувшись в затененный проход между ярко освещенной таверной и закрытой крепкими ставнями лавкой, где торговали лакированными изделиями, Мэт гадал, что отыщется на кухне. Попросторней прочих – в нем разошлись бы и три человека, настроенные по-дружески, – переулок этот вел к площади Мол Хара, почти к самому Таразинскому дворцу. В дворце расположилась Сюрот, и повара старались превзойти себя – с тех пор, как она после первой же трапезы приказала угостить большинство из них плетью. Может, в кухне найдутся устрицы со сливками, жареная золотистая рыба или кальмар с перцами. Через десять шагов в сумраке нога его наступила на что-то скользкое и не хлюпнувшее и Мэт, охнув, полетел в подмерзшую грязь, извернувшись в последний момент так, чтобы не грохнуться на больную ногу. Куртка тут же промокла насквозь, впитав ледяную влагу. Оставалось надеяться, что это всего лишь вода.

Мэт снова охнул, ибо на плечи ему опустились сапоги. Какой-то человек свалился на него и, ругаясь и скользя, пролетел дальше по переулку и приземлился на одно колено. Если бы не стена таверны, в которую он уперся, лежать бы и ему тоже в грязи. Глаза Мэта успели привыкнуть к тусклому свету, и он разглядел неприметного худощавого мужчину. Вроде как с большим шрамом на щеке. Нет, это был не человек. Тварь, которая – Мэт видел это собственными глазами – голой рукой вырвала горло у его товарища и, выдернув из своей собственной груди нож, метнула клинок обратно в Мэта. И не споткнись Мэт, это создание, спрыгнув откуда-то сверху, оказалось бы сейчас прямо перед ним. Может, то, что он – *та'верен*, сработало-таки в пользу Мэта, хвала Свету! Все это пронеслось у него в голове за те краткие мгновения,

пока *голам* вставал и поворачивал к нему голову. Глаза твари злобно сверкнули.

Мэт с проклятием подхватил выпавший дорожный посох и неловко метнул его, как копье, в сторону врага. Целя в ноги, в надежде выгадать время, если тот вдруг споткнется. Но будто бескостная тварь, как вода, перетекла вбок, уклоняясь от брошенного посоха, скользя сапогами по грязи, а потом бросилась к Мэту. Однако этой задержки хватило. Метнув во врага посох, Мэт тут же нашарил под рубашкой медальон в виде лисьей головы. Оборвав кожаный шнурок, он выхватил медальон из-за пазухи. *Голам* кинулся на Мэта, и тот отчаянно взмахнул медальоном. Серебро, холодившее кожу на груди Мэта, мазнуло протянутую руку *голама*, послышалось шипение, будто жарили бекон, и пахнуло горелым мясом. Стремительная, как ртуть, рычащая тварь пыталась уклониться от вертевшегося перед нею медальона и дотянуться до Мэта. Если только схватит, считай, Мэт мертв. На этот раз *голам* не стремился поиграть с ним, как то было в Рахаде. Продолжая размахивать медальоном на шнурке, Мэт угодил лисьей головой по другой руке, попал вскользь по лицу, и каждый раз слышалось шипение и пахло горелым, словно бил он раскаленным железом. Оскалив зубы, *голам* попятился и пригнулся, растопырив пальцы, готовый прыгнуть при малейшей слабине.

Мэт, быстро вращая медальоном, неуклюже поднялся на ноги, напряженно следя за чудовищем, столь похожим на человека. *Он желает твоей смерти так же сильно, как хочет заполучить ее*, с улыбкой сказала ему в Рахаде эта тварь. Сейчас она не болтала и не улыбалась. Мэт не знал, «она» это или «он», но видел все ясно, как сквозь прозрачное стекло. Вот он, едва стоящий на ногах. Голень и бедро горят огнем, болят ребра. Не говоря уж о плече, на которое спрыгнул этот гад. Нужно выбраться обратно на улицу, к людям. Может быть, толпы народу отпугнут тварь. Надежды мало, но иного выхода Мэт не видел. До улицы недалеко. Он слышал гомон голосов, нисколько не ослабленный расстоянием.

Мэт сделал осторожный шаг назад. Нога вновь скользнула на чем-то вонючем, и Мэта кинуло к стене таверны. Лишь судорожное размахивание серебряной лисьей головой заставило *голама* отступить. Голоса на улице были так дразняще близки. Но с тем же успехом они могли звучать и в Барсине. Барсин давным-давно мертв, и Мэт скоро тоже будет мертв.

– Он там, в переулке! – выкрикнул какой-то человек. – За ним! Быстрее! А то уйдет!

Мэт не отрывал взора от *голама*. Тварь кинула несколько взглядов в сторону улицы за спиной Мэта и заколебалась.

– Мне не велено попадаться на глаза. Меня видят лишь те, кем я снимаю жатву, – бросила она Мэту, – так что ты проживешь подольше. Чуть-чуть дольше.

Круто развернувшись, *голам* бросился бежать по переулку, оскальзываясь на мерзлой грязи, однако за таверну он свернул тем же быстрым текучим движением.

Мэт побежал за ним. Он не мог сказать почему. Но тварь пыталась его убить и попытается вновь, и Мэт разъярился не на шутку. Значит, она собирается убить его, когда ей угодно, да? Если медальон мог ранить эту гадину, возможно, он способен ее и уничтожить.

Добравшись до угла таверны, Мэт увидел *голама* в тот самый миг, как тот оглянулся и увидел его. И снова тварь на миг замешкалась. Задняя дверь таверны была приоткрыта, оттуда доносился шум пьяного веселья. В стене здания напротив таверны виднелась щель от выпавшего кирпича, и тварь сунула туда руки. Мэт одеревенел. Вряд ли *голаму* нужно оружие, но если он там что-то спрятал… Окажись у него в руках хоть какое-то оружие, и Мэту не выстоять. *Голам* засунул руки в щель до самого плеча, затем туда же отправилась и голова. У Мэта отвисла челюсть. В дыру проскользнула грудь *голама*, мелькнули ноги, и он исчез. В щели размером, может, с две ладони Мэта.

– Никогда не видел ничего подобного, – сказал кто-то тихо рядом с Мэтом, и тот вздрогнул, поняв, что уже не один. Говоривший оказался сутулым беловолосым стариком с большим крючковатым носом, торчавшим посреди печального лица. За спиной незнакомца висел узелок. И он прятал в ножны под курткой очень длинный кинжал.

– Я видел, – глухо сказал Мэт. – В Шадар Логоте.

Иногда обрывки его собственных воспоминаний, которые Мэт считал утраченными, всплывали из ниоткуда, и одно из них только что, когда он смотрел на исчезавшего в стене *голама*, выскочило на поверхность. Но было это воспоминание из тех, которым лучше бы так и оставаться в забвении.

– Из побывавших там мало кто уцелел, – заметил старик, рассматривая Мэта. Его морщинистое лицо почему-то казалось знакомым, но Мэт никак не мог его признать. – Что же привело вас в Шадар Логот?

– Где ваши друзья? – сказал Мэт. – Люди, которым вы кричали?

В переулке, кроме них двоих, никого не было. Гомон на улице не ослабевал, и никого, как видно, не взволновали крики, что кто-то уйдет, если не поторопиться.

Старик пожал плечами.

– Не уверен, что кто-нибудь вообще слышал мой крик. Они и друг друга-то не слышат. Но я подумал, что крик отпугнет этого приятеля. Однако, глядя на это… – Махнув рукой в сторону щели в стене, он невесело рассмеялся, показав редкие зубы. – Пожалуй, у нас с вами везение, как у самого Темного.

Мэт поморщился. Он слышал о себе такие слова слишком часто, и они ему не нравились. Главным образом потому, что он не был уверен – а вдруг это правда.

– Может, и так, – пробормотал он. – Простите меня. Наверное, нужно представиться человеку, который спас твою шкуру. Я – Мэт Коутон. Вы недавно в Эбу Дар? – Притороченный на спине узелок придавал незнакомцу вид странника. – Вам будет непросто найти ночлег.

Мэт осторожно пожал протянутую узловатую руку. Пальцы были шишковатыми, как будто все кости одновременно сломали когда-то, и они плохо срослись. Тем не менее пожатие старика оказалось сильным и уверенным.

– Мэт Коутон, я – Ноэл Чарин. Да нет, я тут уже довольно давно живу. Но на моем тюфячке на чердаке «Золотых уток» теперь изволит почивать толстый иллианский торговец маслом, которого этим утром выставили из комнаты, чтобы сдать ее шончанскому офицеру. Я рассчитывал сегодня устроиться на ночлег в этом переулочке. – Потерев большой нос кривым шишковатым пальцем, он хохотнул, как будто ночевка в переулке под открытым небом была для него пустяком. – Не впервой мне спать без особых удобств, пусть даже и в городе.

– Думаю, я сумею предложить вам кое-что получше, – сказал Мэт, но все остальное, что он собирался сказать, замерло на языке. До него вдруг дошло, что игральные кости все так же катаются в голове. Он забыл о них, когда *голам* пытался его убить, но они все еще подпрыгивали, все еще не останавливались. Если они предупреждали о чем-то похуже *голама*, то Мэту совсем не хотелось этого знать. Только он все равно узнает. Нет никаких сомнений. Он узнает – когда будет уже слишком поздно.

Глава 17

РОЗОВЫЕ ЛЕНТЫ

Мэт и Ноэл торопливо вышли из переулка, и порывы холодного ветра, задувавшего на площади Мол Хара, принялись дергать и задирать плащ Мэта, грозя превратить облепившую его одежду грязь в ледяную корку. Солнце наполовину скрылось за гребнями крыш, протянулись длинные тени. Одной рукой опираясь на посох, а другой стискивая оборванный шнур лисьей головы, засунутой в карман куртки, откуда при необходимости он мог сразу ее выхватить, Мэт отдал плащ на милость ветру. У него болело все, от головы до пят, грохотавшие внутри черепа игральные кости о чем-то предупреждали, но он не думал о ноющем теле и никак не успокаивающихся костях. Мэт был слишком занят – он старался глядеть разом во все стороны и гадал, через какой величины дырку способна просочиться та тварь. Мэт поймал себя на том, что с тревогой рассматривает трещины между плитами мостовой на площади. Хотя и представлялось маловероятным, что *голам* нападет на него на открытом месте.

С окружающих улиц доносился глухой шум, но на площади обнаружилась только худющая собака. Она бежала мимо фонтана со статуей давно умершей королевы Нариене. Некоторые утверждали, что поднятой рукой она указывает на океан, дары которого обогатили Эбу Дар, а другие – что ее рука предупреждает об опасностях. Были и такие, кто говорил, будто ее преемница хотела обратить внимание на одну обнаженную грудь статуи, давая таким образом понять, будто Нариене была не слишком-то добродетельна.

В другие дни, даже зимой, в такой час на Мол Хара прогуливались бы влюбленные парочки, пытали бы счастья уличные торговцы и надеющиеся на милостыню нищие, но с приходом Шончан попрошаек, не ожидавших такого оборота, похватали и приставили к работе, а остальные даже днем держались подальше от площади. И причиной тому Таразинский дворец – громада белых куполов, мраморных шпилей и балконов из ажурного кованого железа, резиденция Тайлин Квинтары Митсобар, милостью Света королевы Алтары – или той части Алтары, что лежит от Эбу Дар на расстоянии нескольких дней конного пути, – Госпожи Четырех Ветров, Защитницы Моря Штормов. И, пожалуй, что куда важнее, резиденция Верховной Леди Сюрот Сабелле Мелдарат, командующей Предвестниками Императрицы Шончан, да живет она вечно.

Звание намного более высокое в сегодняшнем Эбу Дар. У каждого входа во дворец стояли на посту стражники Тайлин – в зеленых сапогах, мешковатых белых штанах и золоченых кирасах поверх зеленых же мундиров, а также несли караул мужчины и женщины в шлемах, похожих на головы насекомых, в полосатых доспехах, в желто-голубых, бело-зеленых и в прочих возможных сочетаниях цветов. Королева Алтары должна отдыхать в тишине и в безопасности, и покой ее требуется оберегать. Или, вернее, так сказала Сюрот, а если Сюрот говорит, что Тайлин чего-то хочет, то Тайлин вскоре действительно того хотела.

Недолго думая, Мэт повел Ноэла к воротам, что вели на конюшенный двор. Провести внутрь чужака там было больше шансов, чем по парадной мраморной лестнице, выходившей на площадь. Не говоря уж о том, что там больше возможности счистить с себя грязь перед тем, как предстать пред очи Тайлин. Когда в последний раз Мэт заявился к ней всклокоченный и изгвазданный, сразу после шумной ссоры в таверне, она выказала свое неудовольствие поистине по-королевски громко.

По одну сторону открытых ворот стояли несколько эбударских стражников с алебардами, а по другую – такое же число Шончан, с украшенными кисточками копьями. Все застыли недвижимо, точно статуя Нариене.

– Да будет на вас всех благословение Света, – вежливо пробормотал Мэт эбударским стражникам. С эбударцами всегда лучше быть вежливым, пока ты уверен в их добром настроении. Да и в иных случаях вежливость тоже будет нелишней. И все равно, они были более… уступчивы, чем Шончан.

– И на вас, милорд, – отозвался командир стражников. Коренастый офицер неторопливо вышел вперед, и Мэт узнал его. Сурливан Сарат, славный малый, всегда готов подшутить и хорошо разбирается в лошадях. Качая головой, Сурливан задумчиво постучал по своему остроконечному шлему тонким позолоченным жезлом, указывавшим на его звание. – Побывали еще в одной переделке, милорд? Когда она вас таким увидит, взовьется выше фонтана.

Расправив плечи и стараясь не слишком опираться на посох, Мэт ощетинился. Готов подшутить? Тоже мне, острослов! Если подумать, у этого загорелого мужчины язык что рашпиль. И в лошадях он не такой уж и дока.

– Если мой друг будет спать здесь с моими людьми, вопросов не возникнет? – резко спросил Мэт. – Не должно бы. А для одного человека у моих ребят место найдется. – И не только для одного, по правде говоря. Из тех, кто последовал за Мэтом в Эбу Дар, уже погибло восемь человек.

– У меня вопросов не будет, милорд, – сказал Сурливан, хотя и оглядел костлявого мужчину, стоявшего рядом с Мэтом, и задумчиво пожевал губами. Впрочем, куртка Ноэла выглядела пристойно, как будто хорошего качества, во всяком случае, в вечернем свете, и кружева у него были, и почти белые, не чета Мэтовым. Возможно, его внешний вид и разрешил сомнения офицера. – И поскольку ей незачем знать все, у нее вопросов тоже не будет.

Мэт нахмурился, но прежде чем его необдуманные слова ввергли их с Ноэлом в пучину неприятностей, к воротам галопом подскакало трое Шончан, и Сурливан повернулся к ним.

– Вы и ваша леди жена живете в королевском дворце? – поинтересовался Ноэл, двинувшись было в сторону ворот.

Мэт оттащил его назад.

– Погоди, пусть те пройдут, – сказал он, кивнув на Шончан. Его леди жена? Проклятые женщины! Проклятые кости в проклятой голове!

– У меня депеши для Верховной Леди Сюрот, – объявила верховая шончанка, хлопая ладонью по кожаной сумке, висевшей на прикрытом латной пластиной плече. На ее шлеме было одно тонкое перо, говорившее, что она – младший офицер, однако конь ее, высокий мышастый мерин, производил впечатление быстрого и выносливого. Две других лошади были довольно крепкими, но больше о них сказать было нечего.

– Входите с благословением Света, – с легким поклоном промолвил Сурливан.

Шончанка, сидевшая в седле, ответила ему таким же поклоном, повторив его, как зеркало.

– Да будет и на вас благословение Света, – протяжно произнесла она, и под цокот копыт гонцы въехали на конюшенный двор.

– Очень странно, – задумчиво пробормотал Сурливан, глядя вслед троице. – Они всегда спрашивают разрешения у нас, а не у них, – он качнул жезлом в сторону шончанской стражи по другую сторону ворот. Те не шелохнулись, замершие, точно истуканы, и даже, как заметил Мэт, не взглянули на новоприбывших.

– И что бы они делали, скажи вы, что им нельзя войти? – тихо спросил Ноэл, поправляя узел у себя за спиной.

Сурливан резко развернулся на каблуках.

– Достаточно того, что я дал клятву своей королеве, – без всякого выражения произнес он, – а она дала свои… где бы она их не дала. Предоставьте вашему другу постель, милорд. И предупредите его, что в Эбу Дар о некоторых вещах лучше не говорить и некоторых вопросов лучше не задавать.

Ноэл выглядел сбитым с толку и начал было возражать, что он просто полюбопытствовал, но Мэт как можно быстрее обменялся

с алтаранским офицером дальнейшими любезностями и благословениями и погнал новообретенного знакомого через ворота, приглушенным голосом объясняя насчет Слухачей. Может, Ноэл и спас его шкуру от *голама*, но это еще не значит, что Мэт согласен, чтобы спаситель передал ее Шончан. У них есть еще и Взыскующие, а судя по той малости, что Мэт слыхал – даже у тех, кто спокойно говорил о Стражах Последнего Часа, рот оказывался накрепко на замке, когда речь заходила о Взыскующих, – так вот, судя по той слышанной им малости рядом с Взыскующими Допросники Белоплащников – сущие мальчишки, которые обрывают мухам крылышки, дети скверные, но вполне безобидные.

– Понятно, – медленно промолвил старик. – Этого я не знал. – Судя по голосу, он был недоволен собой. – Должно быть, ты немало времени провел с Шончан. Значит, ты и Верховную Леди Сюрот знаешь, да? Должен признаться, не представлял, что у тебя такие связи в верхах.

– Когда могу, я в тавернах с солдатами сижу, – мрачно заметил Мэт. Когда Тайлин ему позволяет. О Свет, да он все равно что женат! – Сюрот даже не знает, что я на свете живу. – И он всей душой надеялся, что так оно и останется.

Трое Шончан уже скрылись из виду, их лошадей уводили в конюшню, но несколько дюжин *сул'дам* вывели *дамани* на вечернюю прогулку и прохаживались с ними, обходя по кругу просторный, мощеный камнем двор. Почти половину облаченных в серое *дамани* составляли смуглые женщины – у них отобрали украшения, которые они носили, будучи Ищущими Ветер. На деле их было еще больше, их держали во дворце и вдругих местах; на судах Морского Народа, которым не посчастливилось спастись бегством, Шончан собрали богатый урожай. Лица большинства выражали унылое смирение, но семь или восемь глядели прямо перед собой, потерянные и потрясенные, еще не поверившие до конца в случившееся. Подле каждой из таких находилась родившаяся в Шончан *дамани*, она держала бывшую Ищущую Ветер за руку или мягко обнимала ее, улыбаясь и шепча что-то под одобрительным взглядом женщины, запястья которой охватывали браслеты, соединявшиеся с их серебристыми ошейниками. Кое-кто из впавших в отчаяние женщин цеплялся за шагавшую рядом *дамани* как за единственную надежду. Одного этого Мэту хватило, чтобы его пробила дрожь, хотя он и без того уже дрожал из-за намокшей одежды.

Мэт хотел поскорее миновать с Ноэлом двор, но движение круга вывело к нему *дамани*, которая не была ни из Шончан, ни из Ата'ан Миэйр. На привязи ее держала пухленькая, седовласая *сул'дам* с кожей оливкового оттенка – она могла бы сойти за

алтаранку. Еще ее можно было принять за строгую мать с капризным ребенком, именно таким, по-матерински суровым взглядом она взирала на свою подопечную. После полутора месяцев в шончанском плену Теслин Барадон несколько пополнела, однако ее безвозрастное лицо по-прежнему выглядело так, словно она трижды в день ест шиповник. Однако она шагала на своей привязи спокойно и без колебаний подчинялась негромким указаниям *сул'дам*. Теслин остановилась и очень низко поклонилась Мэту и Ноэлу. На миг в ее взгляде, брошенном на Мэта, полыхнула ненависть, а потом она продолжила неспешную прогулку вместе с *сул'дам* по конюшенному двору. Смиренно и послушно. Мэту довелось видеть, как в этом самом дворе чересчур суетливых и нервных *дамани*, перевернув вверх ногами, пороли розгами, пока те не начинали выть. Среди них была и Теслин. Ничего хорошего Мэт от нее не видел, скорее, только плохое, но он никогда не пожелал бы ей подобной участи.

– Уж лучше так, чем быть мертвой, – пробормотал Мэт, двинувшись дальше. Теслин – женщина суровая и упорная и наверняка каждую минуту строит планы побега, однако упрямство могло плохо кончиться. Госпожа Кораблей и ее Господин Клинков погибли, не издав ни единого вскрика, но их это не спасло.

– Ты сам-то этому веришь? – отсутствующим тоном спросил Ноэл, неловко нашаривая свой узелок. С кинжалом его перебитые пальцы управлялись с заметной ловкостью, но со всем прочим, похоже, были не так сноровисты.

Мэт нахмурился. Нет; он не был так уж уверен. Эти серебристые *ай'дам* слишком напоминали тот невидимый ошейник, который надела на него Тайлин. И что это значит – позволить Тайлин всю оставшуюся Мэту жизнь щекотать его под подбородком, если это избавит его от эшафота? О Свет, как бы Мэту хотелось, чтобы проклятые кости в голове просто остановились, и на этом все кончилось! Нет, неправда. С тех пор, как Мэт наконец догадался, что означают эти катящиеся кубики, он не хотел, чтобы они останавливались.

Комната, которую занимали Чел Ванин и уцелевшие «красноруких», находилась неподалеку от конюшен, была она длинной, с белыми оштукатуренными стенами и низким потолком, и для тех, кто остался в живых, в ней стояло слишком много коек. Ванин, лысеющий бледный толстяк, лежал на койке в одной рубашке, с открытой книгой на груди. Мэт удивился, он не думал, что тот вообще умеет читать. Сплюнув сквозь щель в зубах, Ванин оглядел измазанную одежду Мэта.

– Опять в драку ввязался? – спросил он. – Думаю, ей это не понравится.

Встать он и не подумал. Ванин мнил себя ничуть не ниже лорда или леди, делая исключение лишь для нескольких человек, причем его выбор вызывал, по меньшей мере, изумление.

– Что за беда, лорд Мэт? – прорычал Гарнан, вскакивая на ноги. Он был человеком основательным и крепким, как телосложением, так и характером. Гарнан сжал челюсти, под кожей задвигались желваки, и от того зашевелился ястреб, грубо вытатуированный на щеке. – Прошу прощения, но вы еще не настолько здоровы. Скажите, какой он из себя, и мы с ним заместо вас расправимся.

За его спиной остальные трое, заметно оживившись, повскакали с коек, двое, не успев заправить рубашки, уже схватились за куртки. Кайриэнец Метвин, с виду совсем юнец, но на десять лет старше Мэта, взял прислоненный в изножье койки меч и вытянул клинок из ножен, проверяя его остроту. Среди них он лучше всех владел мечом и был очень хорош в бою, но Гордеран уступал ему немногим, хотя сложением походил на кузнеца. Обманчиво неповоротливый Гордеран, несмотря на толстые руки, был очень быстр. Двенадцать человек из Отряда Красной Руки отправились с Мэтом Коутоном в Эбу Дар, восемь уже погибли, а остальных засунули в ту часть дворца, где они не могли щипать горничных, ввязываться в драки из-за игры в кости и напиваться до потери сознания, как оно все и было бы, остановись они в какой-нибудь гостинице и знай, что хозяин ее позаботится донести постояльцев до кроватей, слегка облегчив при этом, правда, их кошели.

– Вот Ноэл, он о случившемся расскажет лучше меня, – ответил Мэт, сдвигая шляпу на затылок. – Он будет спать тут, с вами. Сегодня вечером он спас мне жизнь.

Слова Мэта вызвали изумленные восклицания, Ноэл тотчас же удостоился от «красноруких» громких похвал, не говоря уже об одобрительных похлопываниях по спине, чуть не сбивших старика с ног. Ванин снизошел до того, что заложил страницу толстым пальцем и сел на краешек своей постели.

Опустив узелок на свободную койку, Ноэл рассказал всю историю, сопровождая ее вычурными жестами, принижая свою роль и даже выставляя себя в виде фигляра, шлепавшего по грязи и с открытым ртом глазевшего на *голама*, пока Мэт сражался с ним как завзятый поединщик. Старик был прирожденным рассказчиком и не уступал менестрелю в умении изобразить то, что рассказывает. Гарнан и «краснорукие» добродушно смеялись, понимая, что тот не желает затмить геройство их капитана, и одобряя это. Но смех умолк, когда повествование подошло к тому моменту, когда напавший на Мэта ускользнул прочь сквозь крохотную дыру в стене. Ноэл умудрился изобразить и это. Ванин отложил

книгу и снова сплюнул сквозь зубы. В Рахаде *голам* бросил Ванина и Гарнана полумертвыми. Полумертвыми потому, что охотился за другой добычей.

– Кажется, тварь гоняется только за мной. Наверное, есть на то причина, – бодро сказал Мэт, когда старик закончил рассказ и, похоже, почти без сил опустился на кровать рядом со своим узелком. – Может, когда-то сыграла со мной в кости, чего мне не припомнить. Вам беспокоиться не о чем. Главное – не окажитесь случайно между ней и мною, – он ухмыльнулся, стараясь обратить все в шутку, но никто не улыбнулся ему в ответ. – В любом случае утром я поделю золото. Оплатите дорогу и отправляйтесь на первом же корабле, отплывающем в Иллиан. Заберете с собой Олвера. И Тома с Джуилином, если они согласятся уплыть. – Мэт полагал, что ловец воров наверняка согласится. – И, конечно же, Нерима с Лопином. – Мэт уже привык, что за ним ухаживает пара слуг, но вряд ли они ему здесь понадобятся. – К этому времени Талманес должен быть где-то рядом с Кэймлином. Вы его без труда найдете.

Когда они уйдут, он останется с Тайлин один. О Свет, лучше бы ему с *голамом* еще раз встретиться!

Гарнан и остальные «краснорукие» переглянулись, Фергин почесал голову, словно не совсем понял. Может, и впрямь не понял. Этот костистый мужчина был хорошим солдатом – не лучшим, но достаточно хорошим, – однако когда дело касалось чего-то другого, кроме войны, сообразительностью не отличался.

– Неправильно это как-то, – наконец заключил Гарнан. – Одно скажу – если воротимся без вас, лорд Талманес с нас шкуру спустит.

Остальные трое закивали. Это понимал даже Фергин.

– А ты, Ванин? – спросил Мэт.

Толстяк пожал плечами.

– Уведу пацана от Риселле, и в первый же раз, как спать завалюсь, он меня выпотрошит что твою форель. На его месте я бы так и поступил. Во всяком случае, тут у меня есть время почитать. А когда работаешь кузнецом-ковалем, тут уж не до книг.

Ремеслом бродячего кузнеца он зарабатывал себе на жизнь, и, по его словам, мог работать еще и конюхом. По правде говоря, Ванин был конокрадом и браконьером – лучшим в двух странах, а может, и не только в двух.

– Вы все рехнулись, – нахмурясь, заявил Мэт. – То, что нужен ему я, еще не означает, что он не убьет и вас, если вы окажетесь у него на пути. Предложение остается в силе. К кому разум вернется, может уходить.

– Я видывал раньше людей вроде тебя, – вдруг произнес Ноэл. Этот старик, горбившийся под бременем лет и крайней усталости, смотрел на Мэта весьма проницательным взором, и глаза его ярко горели. – В некоторых людях есть что-то такое, что заставляет других идти за ними. Кто-то из них ведет к разрушению и гибели, а кто-то – к славе. Думаю, твое имя может войти в исторические книги.

Казалось, Гарнан впал в замешательство, как и Фергин. Ванин же сплюнул и, завалившись на койку, снова раскрыл книгу.

– Ну да, может, если пропадет вся моя удача, – пробормотал Мэт. Он знал, какие именно деяния сохраняются в истории. Будешь замахиваться на такие подвиги, так и погибнуть недолго.

– Лучше почиститься, пока она вас не увидела, – вдруг тонким голосом сказал Фергин. – Грязь для нее – что репей под седлом.

Мэт, схватив шляпу, не говоря ни слова, сердито ринулся прочь. Ну, как мог, так и ринулся, опираясь на дорожный посох. Прежде чем за его спиной закрылась дверь, он успел услышать, что Ноэл завел рассказ о том, как плавал однажды на корабле Морского Народа и учился умываться холодной соленой водой. Во всяком случае, начало было таковым.

Мэт собирался помыться и почиститься, пока Тайлин его не увидела – сам хотел, – но пока хромал по переходам, увешанным цветастыми гобеленами, которые в Эбу Дар называли летними драпировками, призванными наводить на приятные мысли о теплом времени года, по меньшей мере четверо слуг в дворцовых бело-зеленых ливреях и семь горничных высказали предположение, что он, вероятно, желает принять ванну и переодеться, прежде чем королева его увидит. И предложили отвести его в купальню и сбегать за чистой одеждой – так что королева ни о чем и не узнает. Всего о Мэте и Тайлин они не знали, хвала Свету – о наихудшем не знал никто, кроме него самого и Тайлин, – но, проклятье, все равно они знали слишком много! И хуже всего то, что они считали происходившее само собой разумеющимся – все, даже распоследний растреклятый слуга во всем распроклятом Таразинском дворце! С одной стороны, по их убеждению, Тайлин – королева и потому вольна поступать как ей заблагорассудится. С другой – нрав у нее и без того вспыльчивый, а ныне, после захвата города Шончан, она может зло сорвать на ком угодно. И если Мэт Коутон, вымытый, причесанный и разряженный в кружева, смягчит ее гнев и не даст пооткусывать им всем носы, тогда они готовы потереть ему спинку, вымыть за ушами и завернуть в кружева – как подарок на День Солнца!

– Грязь? – спросил Мэт у смазливенькой улыбчивой служанки, что раскинула юбки в реверансе. В темных ее глазах горел огонек,

а глубокий вырез лифа выставлял напоказ грудь, которая могла бы посоперничать с бюстом Риселле. В другой день он не преминул бы немножко полюбоваться столь завлекательной картиной-. – Какая грязь? Не вижу никакой грязи!

Она обалдело раскрыла рот и забыла выпрямиться, и так, на полусогнутых, и смотрела, как он ковыляет дальше.

Затем с Мэтом чуть не столкнулся свернувший за угол Джуилин Сандар. Выскочивший навстречу Мэту тайренский ловец воров шарахнулся, приглушенно выругавшись, его смуглое лицо успело посереть, пока он разглядел, на когонаскочил. Он пробормотал извинения и заторопился было дальше.

– Джуилин, неужели Том и тебя в свои глупости впутал? – сказал Мэт. Джуилин с Томом жили в одной комнате, располагавшейся в глубине этажа для слуг, и у ловца воров не было причины находиться здесь. В своей темной тайренской куртке, расширявшейся книзу и доходившей почти до отворотов сапог, среди слуг Джуилин смотрелся, словно утка в курятнике, и был так же заметен. К подобному нарушению заведенных порядков Сюрот относилась очень строго, куда строже Тайлин. Появление Джуилина на этом этаже можно было объяснить только одной причиной, другой Мэт не видел: Джуилин тоже имеет отношение к тому, что затевают Том с Бесланом. – Нет-нет, не трудись мне рассказывать. Гарнану и остальным я сделал некое предложение, и к тебе оно тоже относится. Если хочешь уйти, я дам тебе денег на дорогу.

Вообще-то не похоже было, чтобы Джуилин хотел ему что-то рассказать. Ловец воров засунул за пояс большие пальцы рук и ответил Мэту пристальным взглядом.

– И что сказали Гарнан с остальными? И что такого делает Том, что ты называешь глупостью? По тем крышам путь ему известен лучше, чем тебе или мне.

– Джуилин, *голам* по-прежнему в Эбу Дар. – Том хорошо знал, что такое Игра Домов, был в ней знатоком и вдобавок любил совать нос в политику. – Эта тварь пыталась убить меня. Совсем недавно, этим вечером.

Джуилин крякнул, словно от увесистого удара в живот, и с силой провел ладонью по коротким черным волосам.

– Все равно, – сказал он, – у меня есть причина подзадержаться.

Выражение лица у него слегка изменилось – добавилось упрямства и настороженности, и вроде бы сознания вины. Мэт никогда не видел, чтобы у Джуилина бегали глаза, но сейчас они именно бегали, и означать это могло только одно.

– Забери ее с собой, – сказал Мэт. – А если не захочет, что ж, в Тире и часа не пройдет, как у тебя на каждом колене будет сидеть по красотке. С женщинами всегда так, Джуилин. Если одна гово-

рит «нет», всегда найдется другая, которая скажет «да».

Слуга, торопившийся по коридору с охапкой льняных полотенец, удивленно воззрился на перемазанного грязью Мэта, но Джуилину показалось, будто смотрят на него, и он, выдернув пальцы из-за пояса, попытался принять более почтительную позу. Без особого успеха. Том мог спать вместе со слугами, однако это почему-то выглядело его собственным выбором, этакой эксцентричностью. И никому не казалось странным, что он появлялся в этой части дворца, даже когда бывшего менестреля видели проскальзывающим в покои Риселле, которые некогда были предоставлены Мэту. Джуилин же столько понарассказывал о своем житье-бытье ловца воров и смотрел прямо в глаза стольким мелким, но гонористым лордам и самодовольным купцам, держась так, словно считает себя ничуть их не хуже, что теперь уже все во дворце знали, кто и что он такое. И знали, где его место, а именно – под лестницей, на нижнем этаже.

– Милорд мудр, – сказал Джуилин чересчур громко и отвесил деревянный поклон – как будто марионетку за веревочку дернули. – Милорду известно о женщинах все. Да простит милорд смиренного человека, но мне нужно вернуться. Туда, где мое место. – Повернувшись, он сказал через плечо, все так же громко: – Сегодня я слыхал, будто королева сказала, что, если милорд еще раз вернется в таком виде, словно его по мостовой таскали, она намерена отстегать драгоценную особу милорда розгами.

И это оказался тот самый камешек, который развалил телегу.

Рывком распахнув дверь в апартаменты Тайлин, Мэт переступил порог и запустил шляпу через всю комнату… И замер на месте, с раскрытым ртом. Все, что он собирался сказать, так и осталось на языке. Шляпа упала на ковер и укатилась, куда – он не заметил. От порыва ветра задребезжали высокие окна в виде тройных арок, что выходили на длинный крытый балкон, смотревший на площадь Мол Хара.

Тайлин сидела в резном, как будто из золоченого бамбука, кресле. Она повернулась лицом к двери и вперила в Мэта взгляд поверх края золотого бокала. Вьющиеся блестящие волосы, тронутые на висках сединой, обрамляли красивое лицо, на котором сверкали глаза хищной птицы, и эта птица сейчас вовсе не была довольна. В глаза Мэту сразу бросились какие-то неуместные мелочи. Тайлин слегка двинула скрещенными ногами, задев подол платья, отчего по белым и зеленым нижним юбкам пробежали волны. Светло-зеленые кружева украшали овальный вырез ее платья, наполовину открывавший полную грудь, в ложбинке которой виднелась отделанная драгоценными камнями рукоять брачного кинжала. И в комнате Тайлин была не одна. Лицом к

ней сидела Сюрот, хмуро глядевшая в свой бокал с вином и постукивавшая длинными ногтями по ручке кресла. Достаточно привлекательная женщина, несмотря на то, что волосы на голове были выбриты так, что остался лишь длинный гребень, и не считая того, что по сравнению с ней Тайлин выглядела безобидным кроликом. По два ногтя на каждой ее руке были покрыты голубым лаком. Рядом с Сюрот сидела – подумать только! – маленькая девушка, в искусно расшитом цветами одеянии поверх плиссированных белых юбок, голову ее – кажется, обритую наголо! – полностью скрывала прозрачная вуаль. Ее рубины стоили целое состояние. Мэт, даже будучи совершенно потрясенным, сумел оценить и рубины, и золото. Позади кресла девушки, скрестив руки на груди и плохо сдерживая свое нетерпение, стояла стройная женщина с кожей почти столь же черной, как ее платье. Темнокожая незнакомка была высока даже для Айил. Ее волнистые черные волосы были коротко подстрижены, но не выбриты, значит, она не являлась ни Высокородной, ни *со'джин*. Надменная красота ее затмевала привлекательность и Тайлин, и Сюрот. А женскую красоту Мэт замечал всегда – даже когда чувствовал себя так, будто по голове ему врезали кузнечным молотом.

И столбом Мэт застыл вовсе не из-за присутствия Сюрот или этих двух незнакомок. Игральные кости вдруг прекратили свое вращение и остановились с громом, от которого у него зазвенело в голове. Ничего подобного раньше не случалось. И теперь Мэт стоял и ждал, что вот-вот из языков пламени выскочит Отрекшийся или же разверзнется земля и поглотит весь дворец.

– Ты меня не слушаешь, голубок, – вкрадчиво, но весьма недобро проворковала Тайлин. – Я сказала, ступай на кухню, поешь пирожных, пока у меня не найдется на тебя время. И не забудь принять ванну. – Ее темные глаза блеснули. – О грязи мы поговорим позже.

Ошеломленный, он вновь прокрутил в голове все происшедшее. Он вошел в комнату, кости остановились, и… Ничего не случилось. Ничего!

– На этого человека напали, – промолвила, вставая, крошка под вуалью. Тон ее был холоден, как ветер за окнами. – Сюрот, ты говорила мне, что на улицах безопасно. Я недовольна.

Что-то *должно* было случиться! Уже должно было! Когда кости останавливались, всегда что-то случалось.

– Уверяю тебя, Туон, на улицах Эбу Дар безопасно, как на улицах самого Шондара, – ответила Сюрот, и ее голос вывел Мэта из ступора. Тон у нее был… встревоженный. Обычно сама Сюрот заставляла тревожиться других.

Подле Сюрот возник худощавый грациозный юноша в почти прозрачном облачении *да'ковале* и с поклоном предложил ей вина в высоком кувшине синего фарфора. И Мэт опять вздрогнул. До сих пор он не замечал, что в комнате есть еще кто-то. И не один только желтоволосый юноша в неприличной одежде. Стройная, но не без приятных округлостей, рыжеволосая женщина в таком же прозрачном платье стояла на коленях возле стола, где красовались бутыли с вином, кувшины из тонкого фарфора Морского Народа и маленькая позолоченная медная жаровня со стержнями, которыми подогревают вино. Стоявшая по другую сторону стола седая служанка в бело-зеленой ливрее Дома Митсобар нервно водила по сторонам взглядом. В углу обнаружилась еще одна шончанка – она стояла столь неподвижно, что ее не всякий бы заметил вообще: у этой невысокой женщины сбрита была половина золотистых волос на голове, а ее грудь могла бы произвести впечатление посильнее, чем бюст Риселле, не закрывай шею до самого подбородка платье с красно-желтыми вставками. Впрочем, особого желания выяснять, кто выйдет победительницей в этом состязании, у Мэта не было. Шончан очень ревниво относились к своим *со'джин*. А Тайлин ревниво относилась к любым женщинам. С тех пор как Мэт начал вставать с постели, в ее покоях и духу не было служанок моложе его бабушки.

Сюрот смотрела на грациозного молодого человека так, словно бы гадала, кто он такой, потом молча покачала головой и вновь обратила свое внимание на девушку по имени Туон, которая взмахом руки отослала юношу. Подскочившая к нему служанка в ливрее отобрала кувшин и поспешила наполнить бокал Тайлин, но королева еле заметным жестом отправила ее обратно на место. Тайлин явно старалась не делать лишних движений и не привлекать к себе внимания. И неудивительно – раз Туон пугала саму Сюрот, то, очевидно, она пугала и Тайлин.

– Я недовольна, Сюрот, – вновь сказала девушка, сдвинув брови и строго глядя сверху вниз на Сюрот. Но при ее росте ей даже стоя не пришлось слишком уж опускать взгляд на сидевшую Верховную Леди. Мэт предположил, что она, должно быть, тоже Верховная Леди, только выше Сюрот по положению. – Ты отвоевала многое, и это порадует Императрицу, да живет она вечно, но твоя плохо продуманная атака на востоке была катастрофой, повторения которой нельзя допустить. И если на улицах города безопасно, почему напали на этого человека?

Пальцы Сюрот, сжимавшие ручку кресла и бокал, побелели. Она злобно поглядела на Тайлин, как будто та была причиной полученного выговора, и Тайлин виновато улыбнулась и опустила голову. О, кровь и пепел, ему еще придется за это заплатить!

– Я упал, вот и все. – Мэт как будто фейерверк запустил – судя по тому, как все повернули головы на звук его голоса. Сюрот и Туон словно потрясло то, что он вообще заговорил. Тайлин же смотрела на него как орел, захотевший, чтобы этого кролика зажарили. – Миледи, – поспешно добавил Мэт, но, похоже, положения это не улучшило.

Внезапно высокая женщина вытянула руку, выхватила бокал из руки Туон и швырнула его в камин. В дымоход взвились искры. Служанка дернулась было убрать бокал, пока с ним еще чего-нибудь не сделали, но притихла после прикосновения *со'джин*.

– Ты ведешь себя глупо, Туон, – сказала высокая женщина, и по сравнению с тоном ее голоса важность малышки показалась сущим ребячеством. Хорошо знакомый Мэту протяжный шончанский выговор как будто совсем исчез. – Сюрот держит здесь все под контролем. То, что произошло на востоке, могло случиться в любой битве. Не трать время на пустяки.

Сюрот, изумленно раскрыв рот, на миг воззрилась на нее, а потом, спохватившись, вновь нацепила на лицо маску холодного бесстрастия. Мэт тоже приоткрыл от удивления рот. Заговорить в таком тоне с кем-то из Высокородных – считай, тебе еще повезет, коли отделаешься плетьми!

Поразительно, но Туон лишь слегка наклонила голову набок.

– Возможно, ты права, Анат, – спокойно сказала она даже с некоторой долей почтительности. – Время и знамения покажут. Но юноша явно лжет. Вероятно, он страшится гнева Тайлин. Он не мог так пораниться при падении, если только в городе нет скал, которых я что-то не видела.

Значит, он страшится гнева Тайлин, вот как? Ну, уж коли о том зашла речь, то немножко страшится. Но только немножко. И Мэту вовсе не пришлось по вкусу напоминание об этом. Он оперся на дорожный посох и постарался успокоиться. Могли бы, в конце концов, предложить ему сесть.

– Я был ранен в тот день, когда ваши парни захватили город, – сказал он с самой своей нахальной ухмылкой. – Ваши повсюду молниями швырялись, огненные шары бросали, просто жуть. Но я уже почти выздоровел, спасибо, что поинтересовались.

Тайлин уткнулась лицом в бокал, но все-таки умудрилась бросить на Мэта короткий и выразительный взгляд, обещавший позже расплату.

Юбки Туон зашелестели по коврам; она подошла к Мэту. Ее смуглое лицо за прозрачной вуалью можно было назвать миленьким, если бы не выражение на нем – как у судьи, оглашающего смертный приговор. И если бы вместо бритой макушки у нее была приличная прическа. Глаза Туон были большими и про-

зрачными, но совершенно бесстрастными. Как подметил Мэт, все ее длинные ногти были покрыты ярко-красным лаком. Интересно, что бы это могло значить? Свет, да если такие рубины продать, можно купаться в роскоши не один год.

Она протянула руку, ухватила его за подбородок кончиками пальцев. Мэт уже было отдернул голову, но брошенный поверх головы Туон взгляд Тайлин, суливший немедленную и жестокую расплату, его остановил. И Мэт, кипя от гнева, позволил этой девчонке повернуть его голову туда-сюда и внимательно изучить лицо.

– Ты сражался с нами? – требовательно спросила Туон. – Ты дал клятву?

– Я поклялся, – пробурчал он. – А что до другого, то у меня не было возможности.

– Значит, сражался бы, – пробормотала она. И, медленно обходя Мэта вокруг, продолжила его изучение. Потрогала пальцем кружева у запястья, коснулась черной шелковой косынки на шее, приподняла полу плаща, оценивая шитье. Он вытерпел и это, не шелохнувшись и не изменив позы, отвечая Тайлин сердитым взором. О Свет, да он даже лошадей при покупке так не проверял! Может, в следующую минуту ей захочется заглянуть ему и в зубы?

– Мальчик уже сказал, как был ранен, – ледяным, властным тоном заметила Анат. – Если он тебе нужен – купи его, и дело с концом. День был долгим, и тебе пора в постель.

Туон помедлила, рассматривая продолговатое кольцо-печатку на руке Мэта. Рисунок был сделан на пробу, чтобы продемонстрировать мастерство резчика, и изображал бегущую лису и двух воронов в окружении полумесяцев. Мэт купил кольцо случайно, но со временем привык к нему. Он гадал, уж не полюбилось ли ей это колечко. Но Туон, выпрямившись и подняв голову, вновь посмотрела Мэту в лицо.

– Хороший совет, Анат, – сказала она. – Сколько просишь за него, Тайлин? Если он твой любимец, назови свою цену, и я ее удвою.

Тайлин поперхнулась вином и закашлялась. Мэт чуть посох не выронил. Девчонка хочет его *купить*? Ну, вообще-то, судя по выражению ее лица, она смотрела на него все равно что на лошадь.

– Он – свободный человек, Верховная Леди, – неуверенно промолвила Тайлин, когда смогла наконец заговорить. – Я… я не могу его продать.

Мэт рассмеялся бы, если бы Тайлин не говорила так, словно боялась, что у нее застучат зубы, и если бы проклятая Туон не спросила так запросто его цену. Свободный человек! Ха!

Девчонка отвернулась от Мэта, словно выбросив его из головы.

– Ты боишься, Тайлин, и, во имя Света, совершенно напрасно. – Приблизившись к креслу Тайлин, она обеими руками приподняла вуаль, открыв нижнюю половину лица, и наклонившись, легонько поцеловала Тайлин – в глаза и в губы. Тайлин выглядела пораженной. – Ты сестра мне и Сюрот, – сказала Туон удивительно нежным голосом. – Я сама запишу твое имя как одно из имен Высокородных. Ты будешь Верховной Леди Тайлин, так же, как и королевой Алтары, и даже больше, как тебе было обещано.

Анат громко фыркнула.

– Да, Анат, я знаю, – вздохнула девушка, выпрямляясь и опуская вуаль. – День был долгим и напряженным, и я устала. Но я покажу Тайлин, какие земли планируется передать ей, чтобы она знала и была спокойна душой. Тайлин, карты есть в моих покоях. Не окажешь ли честь сопроводить меня туда? У меня великолепные массажистки.

– Это честь для меня, – сказала Тайлин голосом не более твердым, чем раньше.

Повинуясь жесту *со'джин*, желтоволосый юнец подбежал к двери, открыл и придерживал ее, опустившись на колени, пока женщины все разглаживали и поправляли одежду, как они обычно делают, собираясь куда-то пойти, будь они шончанки, алтаранки и кто угодно. Впрочем, за Туон и Сюрот тотчас же принялась ухаживать рыжеволосая *да'ковале*. Мэт воспользовался случаем и отвел Тайлин в сторонку, чтобы их не услышали другие. Как заметил Мэт, голубоглазый взор *со'джин* то и дело возвращался к нему, но ладно хоть Туон, нарядом которой занималась стройная *да'ковале*, кажется, позабыла о его существовании.

– Я не просто упал, – тихонько поведал Мэт Тайлин. – Не более часу назад меня пытался убить *голам*. Может, будет лучше всего, если я уйду. Этой твари нужен я, но она убьет любого, кто окажется рядом со мной. – План этот пришел ему в голову только что, но он решил, что шансы на успех велики.

Тайлин хмыкнула.

– Он… оно… тебя не получит, поросеночек. – Она устремила на Туон взгляд, который, будь он замечен, заставил бы девушку забыть, что Тайлин ей сестра. – И она тоже не получит. – Хорошо хоть у нее хватило благоразумия сказать это шепотом.

– Кто она такая? – спросил Мэт. Что ж, не всегда шансы на успех оборачиваются успехом.

– Верховная Леди Туон, и тебе известно столько же, сколько и мне, – ответила Тайлин так же тихо. – Сюрот подпрыгивает по первому ее слову, а она подпрыгивает, когда заговорит Анат, хотя я готова поклясться, что Анат – что-то вроде служанки. Они очень и очень чудной народ, лапочка. – Она вдруг смахнула пальцем со

щеки Мэта грязь. Он даже не знал, что и лицо его вымазано грязью. Орел в ее глазах вдруг встрепенулся. – Ты помнишь розовые ленты, сладенький? Когда я вернусь, мы поглядим, как ты смотришься в розовом.

Тайлин изящной лебединой походкой покинула комнату вместе с Туон и Сюрот, следом за ними двинулись Анат, *со'джин* и *да'ковале*, оставив в комнате Мэта и служанку, похожую на бабушку. Та сразу принялась наводить порядок. А Мэт рухнул в одно из резных кресел и уронил голову на руки.

В другое время от этих розовых лент он заговариваться бы начал. М-да, напрасно он пытался воздать Тайлин мерой за меру. Даже *голам* не столь сильно занимал его мысли. Кости остановились, и… И что? Он столкнулся нос к носу с тремя людьми, которых раньше не встречал, но ничего не произошло. А может быть, дело в том, что Тайлин становится одной из Высокородных? Но раньше, когда кости останавливались, всегда что-то случалось именно с ним.

Служанка позвала других слуг убрать со стола, а Мэт так и сидел, погруженный в тревожные раздумья. В этом положении его и застала вернувшаяся Тайлин. Уж она-то о розовых лентах не забыла, а розовые ленты заставили Мэта надолго позабыть обо всем прочем.

Глава 18

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Дни, последовавшие за попыткой *голама* убить его, вошли в колею, которая бесконечно раздражала Мэта. Серое небо не прояснялось, разве что дождь то шел, то переставал.

В народе толковали о человеке, которого неподалеку от города задрал волк; у него было вырвано горло. Никто не встревожился, просто любопытствовали: волков рядом с Эбу Дар не видывали много лет. Мэт – встревожился. Пусть горожане верят в волка, вышедшего к городским стенам, но он-то знал лучше. *Голам* никуда не ушел. Гарнан и другие «краснорукие» упрямо отказывались покидать Эбу Дар, утверждая, что сумеют прикрыть его спину, а Ванин отказывался и вовсе без причины, ибо нельзя же было считать таковой ворчливое замечание, что у Мэта, мол, хороший глаз на быстрых лошадей. Впрочем, выдавив из себя эту фразу, Ванин сплюнул. Риселле, красотка с оливковой кожей, при виде которой мужчины судорожно сглатывали, поскольку от одного взгляда ее темных, всепонимающих глаз у них пересыхало в горле, поинтересовалась вдруг возрастом Олвера. Получив от Мэта ответ, что тому около десяти лет, она как будто удивилась и принялась задумчиво постукивать себя по полным губам, однако было непохоже, чтобы что-то изменилось в ее уроках. Мальчик по-прежнему взахлеб рассказывал, возвращаясь, как о ее груди, так и о книгах, что она ему читала. Мэт думал даже, что ради Риселле и ее книг Олвер вполне может отказаться от ежевечерних игр с ним в «змей и лисиц». И когда парнишка выскакивал из комнат, где когда-то жил Мэт, туда частенько, зажав под мышкой свою арфу, проскальзывал Том. Одного этого хватало, чтобы Мэт скрежетал зубами, но то были только цветочки.

Том и Беслан постоянно уходили вместе, не приглашая Мэта с собой, и пропадали по полдня, а то и по полночи невесть где. О своих делах никто из них и словом не обмолвился, хотя Тому достало приличия изобразить смущение. Мэт надеялся, что они не собираются ни за понюх табака втянуть людей в самоубийственную затею, но его мнением они мало интересовались. Беслан всякий раз смотрел на Мэта волком. Джуилин продолжал втихомолку шастать на верхние этажи, и однажды его засекла Сюрот, и Джуилина выпороли на конюшне, подвесив за запястья к столбу. Мэт видел, как потом с ним возился Ванин – тот утверждал, будто врачевать людей все равно, что лечить лошадей. И

Мэт предупредил Джуилина, что в следующий раз будет хуже, но дурень, хотя и морщился еще, когда рубашка касалась спины, все равно каждый вечер появлялся наверху. Ловец воров отказывался признаваться в этом, но тут явно не обошлось без женщины. Мэт подозревал, что это какая-то знатная шончанка. С кем-то из дворцовых служанок он мог бы встречаться и в своей комнате, поскольку Том там бывал нечасто.

Это были уж точно не Сюрот и не Туон, но из шончанских Высокородных во дворце жили не только они. Большинство шончанской знати снимало в городе комнаты, а то и целые дома, но несколько человек из свиты Сюрот обосновались во дворце, а теперь – еще и кое-кто из тех, что приплыли с девчонкой. Среди женщин хватало приятных пышечек, несмотря на их прически в виде гребней и на манеру глядеть свысока на каждого, у кого виски не выбриты. Таковых людей они редко удостаивали взглядом, вообще замечали их не больше, чем мебель. Невозможно было даже представить, чтобы одна из этих высокомерных гордячек могла взглянуть дважды на мужчину, который ночует во флигеле для слуг… Хотя, Свету ведомо, у женщин весьма странные вкусы, когда дело доходит до мужчин. И выбора у Мэта не было – пришлось оставить Джуилина в покое. Кто бы ни была та женщина, из-за нее ловцу воров могли и голову отрубить, но подобный жар должен выгореть сам собой, только тогда к мужчине вернется способность соображать. Женщины могут вскружить мужчине голову – главное, чтобы он ее совсем не потерял.

Новоприбывшие корабли несколько дней подряд выгружали людей, животных, грузы; останься все они в городе, городские стены не выдержали бы и лопнули, но людской поток, миновав город, выплескивался через ворота. Во все стороны растекались готовые пустить корни на обретенной земле переселенцы – многочисленные семьи со своим имуществом и скотиной. Тысячами маршировали стройные колонны солдат; пехота и кавалерия в ярких доспехах, с виду – закаленные бойцы, двигались через реку на север и на восток. Мэт и считать их бросил. Порой ему встречались необычные создания, хотя большинство из них выгружали за городской чертой, выше по реке, чтобы не водить по улицам. Похожие на трехглазых кошек с бронзовой чешуей и размером с лошадь, *тормы* одним своим присутствием ввергли бы настоящих лошадей в безумный ужас. *Корлмы,* напоминавшие мохнатых бескрылых птиц ростом с человека, постоянно прядали длинными ушами, а их длинные клювы, казалось, так и жаждали рвать плоть. Громадные *с'редиты* качали длинными носами промеж еще более длинных бивней. С отведенных за Рахадом площадок взлетали *ракены* и еще более крупные *то'ракены,* огромные

ящерицы с большими крыльями, как у летучей мыши чудовищных размеров; на их спинах сидели люди. Названия животных узнать никакого труда не составляло; любой шончанский солдат с готовностью обсуждал пользу воздушной разведки на *ракенах* и возможности *корлма* в патрульной службе, а также пригодность *с'редитов* для чего-то большего, чем переноска тяжелых грузов, и разумность *тормов* и их надежность. Мэт узнал много интересного от людей, которым хотелось того же, что и солдатам любой армии: выпивки, женщин, азартных игр – в любой последовательности. Эти солдаты и в самом деле оказались ветеранами. Шончанская империя занимала территорию большую, чем все государства между Океаном Арит и Хребтом Мира, и хотя ее объединяла власть Императрицы, постоянные восстания и мятежи не позволяли солдатам утратить свои боевые навыки. Фермеров будет еще тяжелее выкорчевать с занятой ими земли.

Из города уходили, разумеется, не все солдаты. Оставался сильный гарнизон, и не только из Шончан, но также тарабонские конники, в стальных вуалях, вооруженные пиками, и амадицийские копейщики, чьи кирасы были раскрашены в подражание шончанским доспехам. И алтаранцы, естественно, не считая воинов из Дома Тайлин. Как считали Шончан, на солдат-алтаранцев из глубины страны, с красными шарфами, крест-накрест повязанными поверх кирас, тоже распространялась власть Тайлин, как и на тех воинов, что охраняли Таразинский дворец, но это, как ни странно, не особенно радовало королеву. Впрочем, этому не слишком-то радовались и солдаты из внутренних частей Алтары. Они и дружинники в бело-зеленых цветах Митсобар смотрели друг на друга, словно оказавшиеся в тесной комнатке коты-забияки. Впрочем, косых взглядов и без того хватало: тарабонцы косились на амадицийцев, амадицийцы на алтаранцев, и так далее по кругу – застарелая многолетняя вражда не угасла и прорывалась изредка на поверхность, хотя дальше размахивания кулаками да обмена ругательствами дело не заходило. По какой-то причине сошедшие с кораблей пятьсот Стражей Последнего Часа тоже остались в городе. При Шончан количество обычных для большого города преступлений резко пошло на спад, но Стражи патрулировали улицы так, словно ожидали, что из-под мостовой выскочат карманники, громилы-грабители, а то и вооруженные до зубов банды разбойников. Так что алтаранцам, амадицийцам и тарабонцам волей-неволей приходилось держать свою вспыльчивость в узде. Только круглый дурак стал бы пререкаться со Стражами Последнего Часа, а таких было мало. В городе разместился и другой отряд Стражей – подумать только, сотня огир. Иногда они, в красно-черном, выходили на патрулирование вме-

сте с другими Стражами, а иногда просто бродили по улицам, держа на плечах топоры с длинными топорищами. Они вовсе не походили на Мэтова друга Лойала. О, внешность у них была точно такая же: широкие носы, уши с кисточками, глаза размером с блюдце, длинные брови, кончики которых спускались на щеки, – но Садовники глядели на человека так, будто гадали, не стоит ли оторвать ему руки-ноги. Спорить с Садовниками дураков вовсе не находилось.

Шончан вытекали из Эбу Дар, а в город приходили новости. Хотя купцам и приходилось ночевать на чердаках, они самодовольно посиживали в общих залах гостиниц, покуривая трубки и рассказывая то, чего больше никто не знал. Если только рассказы эти не могли повлиять на барыши. Зато купеческих охранников барыши хозяев мало волновали, и они рассказывали обо всем, почти не привирая. Матросы выкладывали слухи любому, кто готов был выставить кружку эля или горячего вина с пряностями, а напившись, давали волю языку и говорили еще больше – о портах, где бывали, о событиях, которым были свидетелями, и, наверное, о тех снах, что привиделись им во хмелю. Тем не менее становилось ясно, что мир за пределами Эбу Дар бурлит и волнуется, как Море Штормов. Отовсюду доходили слухи об Айил, разоряющих и сжигающих деревни, об армиях на марше, причем не о шончанских, об армиях в Тире и в Муранди, в Арад Домане и Андоре, в Амадиции, которая еще не вся подпала под власть Шончан, и о десятках вооруженных отрядов, слишком маленьких, чтобы называться армиями. Последние собирались в сердце самой Алтары. Кроме как о войсках в Алтаре и Амадиции, никто не мог сказать с уверенностью, кто и с кем собирается сражаться, а некоторые высказывали сомнения и в отношении солдат Алтары. За алтаранцами водилось обыкновение, воспользовавшись неурядицами, попытаться воздать соседям сторицей за старые обиды.

Однако более всего город потрясли известия о Ранде. Мэт счел за лучшее не думать ни о нем, ни о Перрине, но поскольку Дракон Возрожденный был у всех на устах, избегать причудливых цветных водоворотов в голове не удавалось. Возрожденный Дракон мертв, утверждали некоторые, убит Айз Седай, в Кайриэне на него обрушилась вся Белая Башня, а может, случилось то в Иллиане, или в Тире. Нет-нет, его похитили, и теперь он заточен в Белой Башне. Да нет, он отправился в Белую Башню по собственной воле, чтобы присягнуть Престолу Амерлин. Последнему верили больше всего, поскольку нашлось немало людей, которые собственными глазами видели объявлявшее о том воззвание, причем за подписью самой Элайды. У Мэта имелись сомнения – в

том, во всяком случае, что Ранд погиб или дал клятву верности. Почему-то Мэт был твердо уверен: он обязательно узнал бы, если бы Ранд действительно умер. Касательно же второго он не верил, что Ранд мог по собственному желанию подойти к Белой Башне ближе, чем за сотню миль. Дракон он там Возрожденный или никакой не Дракон Возрожденный, но здравого смысла у него должно было на это хватить.

Но все эти новости весьма взволновали Шончан – словно муравейник палкой разворошили. Офицеры старших рангов чуть ли не каждый час, днем и ночью, торопливо шагали по переходам Таразинского дворца – лица напряжены, шлемы с плюмажами зажаты под мышкой, только стук сапог по плитам пола отдается эхом под потолком. Из Эбу Дар отправляли курьеров, верховых и на *то'ракенах*. *Сул'дам* и *дамани*, вместо того чтобы стоять у ворот, начали патрулировать улицы, устроив новую облаву на женщин, способных направлять Силу. Мэт держался подальше от офицеров, а на улицах, проходя мимо *сул'дам*, любезно им кивал. Что бы ни случилось с Рандом, в Эбу Дар Мэт ничего не мог поделать. Перво-наперво ему надо было выбраться из города.

Утром следующего дня после того, как его пытался убить *голам*, Мэт, едва Тайлин успела покинуть свои покои, немедленно сжег в камине розовые ленты, все до последней, а набралось их целый моток, и немаленький. Заодно он отправил в огонь и розовую куртку, которую она для него приготовила, пару розовых штанов и розовый плащ. В комнатах повис густой запах паленой шерсти и горящего шелка, и, чтобы он выветрился, пришлось распахнуть пару-тройку окон, но Мэта открытые окна волновали мало. Он с огромным облегчением надел ярко-голубые штаны, украшенную шитьем зеленую куртку и синий плащ с затейливой вышивкой. Даже кружева сейчас его не раздражали. Главное, ничего розового. Глаза бы его больше не видели этот цвет!

Нахлобучив шляпу, Мэт вышел из Таразинского дворца с окрепшей решимостью отыскать какую-нибудь каморку, куда можно спрятать все необходимое для бегства, даже если придется десять раз обойти в городе все таверны, гостиницы и портовые притоны. Даже те, что в Рахаде. И не десять, а сто раз!В свинцовом небе, предвещавшем дождь, кружили серые чайки и чернокрылые водорезы, пахнувший солью ледяной ветер хлестал по Мол Хара, пытаясь сорвать с прохожих плащи. Мэт шагал так, словно хотел ногами раскрошить камни мостовой. Свет, если понадобится, он готов уйти с Люка в той одежке, что на нем. Может, Люка разрешит ему отработать дорогу, выступая в качестве клоуна! Глядишь, еще упрашивать станет. По крайней мере, Мэт будет поблизости от Алудры и ее секретов.

Только миновав площадь, он понял, что широкое белое здание перед ним хорошо ему знакомо. Из арочной двери, вывеска над которой гласила: «Странница», вышел высокий мужчина в черно-красных доспехах и, держа под рукой шлем с тремя тонкими черными перьями, стал дожидаться, пока ему приведут со двора лошадь. Мужчина с седыми висками и добродушно-грубоватым лицом на Мэта не взглянул, а Мэт избегал смотреть на него. Какой бы приятной внешностью тот ни обладал, он был Стражем Последнего Часа и в придачу генералом знамени. В «Страннице», расположенной в двух шагах от дворца, все комнаты были сняты высшими шончанскими офицерами, и по этой причине Мэт не возвращался сюда после того, как вновь начал ходить. Простые шончанские солдаты были не такими уж плохими парнями, всегда готовыми провести полночи за игрой и купить выпивку на круг, когда придет черед, но старшие офицеры могли оказаться ничем не лучше знати. Тем не менее откуда-то надо было начинать.

Общая зала с высокими потолками мало отличалась от той, какой ее помнил Мэт. Несмотря на ранний час, она была хорошо освещена – на всех стенах горели лампы. Для тепла высокие арочные окна закрыли плотными ставнями, в обоих длинных каминах потрескивало пламя. В воздухе висела легкая пелена табачного дыма, с кухни долетали вкусные запахи. Две женщины с флейтами и парень с барабаном, зажатым между колен, наигрывали быстрый и прилипчивый эбударский мотивчик, в такт которому Мэт тотчас же принялся кивать. Покамест все здесь не сильно отличалось от того, что было, когда он снимал в гостинице комнату. Только вот на всех стульях сидели шончане, кое-кто в доспехах, иные в длинных вышитых кафтанах; они выпивали, беседовали, разглядывали разложенные на столах карты. У одного стола, похоже, отчитывалась женщина с вышитой на плече эмблемой в виде пламени, знаком звания *дер'сул'дам*, а у другого вроде как получала приказы костлявая *сул'дам* с круглолицей *дамани* за спиной. У многих Шончан головы были выбриты по бокам и на затылке, а оставшиеся волосы были зачесаны назад в некое подобие хвоста, доходившего у мужчин до плеч, а у женщин – до пояса. Они были простыми лордами и леди, не Верховными, но значения это не имело. Лорд есть лорд, а кроме того, мужчины и женщины, посылающие служанку за очередной порцией выпивки, высокомерно поглядывали на всех, что свойственно высшим офицерам. Иначе говоря, от собравшегося тут народа можно ждать неприятностей. Несколько Шончан заметили Мэта и нахмурились, и он уже собрался уйти от греха подальше.

Но тут Мэт увидел хозяйку – эта статная женщина, с ореховыми глазами, легкой сединой и с большими золотыми серьгами-кольцами в ушах, спускалась по лестнице без перил в глубине залы. Сеталль Анан не была уроженкой Эбу Дар и, как подозревал Мэт, вряд ли вообще была родом из Алтары, но носила брачный кинжал, свисавший рукоятью вниз с серебряного ожерелья в узком глубоком вырезе. На поясе у нее виднелся еще один длинный изогнутый клинок. Она знала, что Мэт вроде как лорд, но он мог только гадать, считает ли она его лордом до сих пор, и не знал, хорошо это или плохо, если она принимает весь этот вздор за чистую монету. В любом случае, когда Анан увидела Мэта, она улыбнулась дружеской, радушной улыбкой, отчего лицо ее стало еще симпатичней. Делать было нечего, и Мэт подошел к ней, поздоровался, поинтересовался ее здоровьем, но не слишком многословно. Ее мускулистый муж был капитаном рыболовного баркаса, а полученных в дуэлях шрамов у него было больше, чем Мэту о том хотелось бы думать. Анан немедленно пожелала узнать о Найнив и Илэйн и – к удивлению Мэта – что-нибудь о Родне. У него и в мыслях не было, что она о них хотя бы краем уха слыхала.

– Они ушли с Найнив и Илэйн, – прошептал Мэт и настороженно оглянулся вокруг, чтобы убедиться, что Шончан не обращают на них внимания. Многого он говорить не собирался, но от разговоров о Родне там, где их могут услышать Шончан, у него волосы на затылке зашевелились. – Насколько мне известно, они в безопасности.

– Хорошо. Мне было бы больно, если бы на кого-то из них надели ошейник. – Глупая женщина даже голос понизить не удосужилась!

– Да-да, хорошо, – пробормотал он и торопливо начал объяснять, что ему нужно, пока ей не вздумалось во всеуслышание радоваться, что женщины, способные направлять Силу, спаслись от Шончан. Он, конечно, тоже счастлив, но не настолько, чтобы от радости угодить в цепи.

Покачивая головой, Анан села на ступеньку и сложила руки на коленях. Под приподнятыми слева темно-зелеными юбками виднелись красные нижние. Когда дело доходит до выбора расцветок, эбударцы по броскости одежд заткнут за пояс любого Лудильщика. С гулом голосов Шончан смешивалась пронзительно звучавшая музыка, и Анан сидела, строго глядя на Мэта.

– Ты не знаешь нашей жизни, вот в чем беда, – сказала Анан. – Фаворитки и любимцы – старый и уважаемый обычай в Алтаре. Многие мужчины и женщины отдали ему в молодости дань. Кто же не хочет, чтобы их баловали и осыпали подарками? А потом,

как и все, остепеняются. Но видишь ли, фаворит уходит тогда, когда решит она. Слышала, как Тайлин с тобой обращается, напрасно она так. Тем не менее, – добавила она рассудительно, – одевает она тебя неплохо. – Она плавно повела рукой по кругу. – Приподними-ка плащ и повернись кругом, я хочу рассмотреть получше.

Мэт сделал вздох, успокаивая дыхание. А потом вдохнул и выдохнул еще три раза. Краска, бросившаяся в лицо, была вызвана яростью. Он ничуть не смущен. Нет, не смущен! О Свет, неужели весь город уже знает?

– У тебя найдется для меня местечко или нет? – сдавленным голосом спросил Мэт.

Выяснилось, что найдется. Можно воспользоваться полкой в погребе, в котором, по словам Анан, круглый год сухо, и есть еще тайничок на кухне, под каменной плитой пола, где Мэт некогда хранил свой сундучок с золотом. Выяснилось, что и плата для него невелика – приподнять плащ и повернуться, чтобы она могла получше рассмотреть. Она чуть ли не облизывалась, как кошка! Представление так понравилось одной из Шончан, женщине с некрасивым лицом, в красно-синих доспехах, что она бросила Мэту толстую серебряную монету с необычной чеканкой – с неприятным женским лицом на одной стороне и чем-то вроде массивного стула на другой.

Что ж, теперь у него было место, куда можно спрятать одежду и деньги, а когда Мэт вернулся во дворец, в апартаменты Тайлин, он обнаружил, что есть и одежда, которую надо припрятать.

– Боюсь, одежда милорда в ужасном состоянии, – похоронным тоном заявил Нерим. Впрочем, этот худой седоволосый кайриэнец был бы столь же печален, объявляя о полученном в подарок мешке огневиков. На его длинном лице как будто навечно застыло скорбное выражение. Однако он не забывал следить за дверью, на случай возвращения Тайлин. – Все очень грязное, и боюсь, несколько самых лучших курток милорда погублены молью.

– Они были в чулане, милорд, вместе с игрушками принца Беслана, – засмеялся лысый Лопин, одергивая отвороты темной куртки, такой же, как у Джуилина. Он представлял собой полную противоположность Нериму – плотный, а не костлявый, смуглый, а не светлокожий, округлое брюшко то и дело сотрясается от смеха. Первое время после гибели Налесина он, казалось, решил посостязаться с Неримом во вздохах, но за прошедшие недели оправился, вновь став прежним Лопином. Во всяком случае, пока кто-нибудь не упоминал о его прежнем хозяине. – Так что они все в пыли, милорд. Сомневаюсь, чтобы в том чулане кто-то бывал с тех пор, как принц спрятал туда своих игрушечных солдатиков.

Чувствуя, что его везение наконец-то опять обрело силу, Мэт велел Нериму и Лопину переносить в «Странницу» его одежду, по одной-две вещи зараз, а заодно по нескольку мешочков с золотом. А его копье с черным древком и двувреченский лук со снятой тетивой, стоявшие в углу спальни Тайлин, подождут до последнего. Возможно, вынести их окажется не проще, чем выбраться самому. Новый лук для себя он всегда сумеет смастерить, но *ашандарей* Мэт оставлять не собирался.

За проклятую вещь я заплатил слишком высокую цену, нельзя ее бросать, подумал Мэт, проводя пальцем по шраму на шее, скрытому черным платком. Одному из первых его шрамов. Свет, было бы замечательно думать, что впереди его ждет нечто большее, чем шрамы и битвы, которых он не хочет. И жена, которой он не хочет и даже не знает. Должно же быть что-то большее. Но сначала надо выбраться из Эбу Дар с целой шкурой. Это – самое главное.

Лопин и Нерим поклонились и удалились, подобные толстым кошелям, попрятав деньги в своей одежде так, чтоб нигде не выпирало, но, стоило им уйти, появилась Тайлин, первым делом пожелавшая узнать, почему Мэтовы слуги носятся по коридорам, словно бегают наперегонки. Захоти он покончить с собой, он мог бы сказать ей, что они состязаются в том, кто первым доберется до гостиницы с его золотом или кто первым начнет чистить его одежду. Вместо этого Мэт принялся всячески отвлекать ее и вскоре настолько преуспел, что прочие мысли вылетели из головы, разве что осталось слабое воспоминание, что удача наконец-то стала сопутствовать ему не только в азартных играх. Для полного счастья не хватало одного – чтобы перед его уходом Алудра дала то, чего он добивается. Тайлин всей душой отдалась своему занятию, и на время Мэт позабыл и о фейерверках, и об Алудре, и о бегстве. На время.

После недолгих поисков в городе Мэт наконец обнаружил литейщика колоколов. В Эбу Дар было много мастеров, делавших гонги, но всего один колокольный мастер, чья литейная находилась за восточной стеной. Колокольный мастер, страшный, как мертвец, и нетерпеливый тип, потел от жара, исходившего из его громадной железной печи. Длинное душное помещение литейной мастерской вполне могло сойти за камеру пыток. Со стропил свешивались цепи лебедок, из печи вырывались стремительные языки пламени, отбрасывая трепещущие тени и наполовину ослепляя Мэта. Едва глаза успевали отойти после такой вспышки, как очередной бешеный выброс огня снова заставлял его щуриться. Истекавшие потом работники переливали расплавленную бронзу из плавильного котла печи в квадратную изложницу вы-

сотой в полтора человеческих роста, которую передвигали на колесиках при помощи рычагов. Другие огромные формы, похожие на нее, стояли на каменном полу среди расставленных там и тут меньших изложниц всевозможных размеров.

– Милорд шутить изволит. – Мастер Сутома выдавил из себя глухой смешок, но веселым не выглядел. Его влажные черные волосы свисали сосульками и липли ко лбу и ко впалым щекам. Он то и дело бросал на работников хмурые взгляды, словно подозревал, что те, если за ними постоянно не приглядывать, немедленно улягутся и заснут. Да в такой жаре и мертвец не заснет. Рубашка у Мэта прилипла к телу, и местами пот начал проступать и через куртку.

– Ничего об Иллюминаторах не знаю, милорд, и знать ничего не желаю. Бесполезная безделка эти фейерверки. Не то что колокола. Милорд простит меня? Я очень занят. Верховная Леди Сюрот заказала тринадцать колоколов для набора в честь победы. Самые большие колокола, таких нигде в мире не отливали. А Калвин Сутома их отольет!

По-видимому, то, что победа одержана над его городом, менее всего волновало Сутому. Когда Мэт поделился с ним подобным наблюдением, тот ухмыльнулся и потер костлявые руки.

Мэт попытался упросить Алудру смилостивиться, но та сама была как будто из бронзы отлита. Правда, она стала гораздо мягче бронзы, когда наконец-то позволила себя обнять, однако поцелуи, от которых она вся дрожала, ничуть не смягчили ее решения.

– Лично я не верю, что мужчине можно говорить больше, чем ему надо знать, – задыхаясь, промолвила Алудра, сидя рядом с Мэтом на мягкой скамеечке в своем фургоне. Она не позволила ему ничего, кроме поцелуев, но отдавалась им со всем жаром. Алудра вновь стала носить тоненькие косички с вплетенными в них бусинками, и сейчас они спутались. – Мужчины сплетничают, да? Болтают, болтают, болтают и сами не знают, что скажут в следующую минуту. Кроме того, может, я тебя озадачила просто так? Чтобы ты вернулся, а? – И она вновь принялась еще больше спутывать свои волосы, и его заодно.

Но Алудра больше не устраивала ночных цветков, после того, как Мэт рассказал ей о случившемся в Танчико с кварталом Гильдии. Мэт еще дважды заходил к мастеру Сутоме, но во второй раз литейщик закрыл перед ним двери на засов. Он отливал самые большие колокола, и мешать его трудам своими дурацкими вопросами не смеет ни один безмозглый чужеземец.

Тайлин начала красить зеленым лаком два первых пальца на каждой руке, хотя и не стала брить голову по бокам. И до этого дойдет со временем, сказала она Мэту, оттягивая с висков ладоня-

ми волнистые волосы и рассматривая свое отражение в зеркале, висевшем в золоченой раме на стене спальни. Только требуется немного привыкнуть к этой мысли. Тайлин начала приспосабливаться к жизни с Шончан, и Мэт не мог ее за это винить, какие бы мрачные взоры ни кидал на мать Беслан.

Об Алудре Тайлин никак не могла пронюхать, но на следующий день после того, как он целовался с Иллюминаторшей, похожие на бабушек горничные исчезли из королевских покоев, на смену им пришли совсем седые и морщинистые женщины. По ночам свой изогнутый поясной нож Тайлин взяла за привычку втыкать в прикроватный столбик, поближе к себе, и вслух задумчиво рассуждала, как бы Мэт выглядел в прозрачном одеянии *да'ковале*, причем говорила так, чтобы тот ее слышал. На деле, нож в прикроватный столбик она втыкала не только ночью. Ухмыляющиеся служанки начали передавать Мэту приглашения в покои Тайлин, просто говоря ему, что она вонзила кинжал в столбик, и он начал сторониться всех женщин в ливрее, стоило ему только заметить на их лицах улыбки. Не то чтобы ему не нравилось спать с Тайлин – нравилось бы, не будь она королевой и не важничай, как всякая знатная женщина. Не говоря уже о том, что из-за нее он чувствовал себя мышкой, с которой забавляется кошка. Но светлых дневных часов в этой стране было больше, чем у него на родине, и иногда у Мэта появлялась мысль, уж не собирается ли она еще и весь день с ним развлекаться.

К счастью, Тайлин все больше и больше времени стала проводить с Сюрот и Туон. По-видимому, чтобы ужиться с Шончан, она готова была и на дружбу с ними, во всяком случае, с Туон. С Сюрот никто не смог бы подружиться. Тайлин, казалось, удочерила малышку – или же девчонка удочерила ее. Тайлин мало делилась с Мэтом содержанием бесед с нею, рассказывала только в самых общих чертах, а зачастую обходилась и без этого, но обе женщины проводили наедине за закрытыми дверями по несколько часов, прохаживались по дворцовым коридорам, тихонько переговариваясь, а иногда и посмеиваясь. Их постоянно сопровождали шедшие чуть позади Анат или Селусия – так звали *со'джин* Туон с золотистыми волосами – и пара суровых Стражей Последнего Часа.

Мэту никак не удавалось разгадать взаимоотношения Сюрот, Туон и Анат. Внешне Сюрот и Туон вели себя как равные, называли друг дружку по имени, смеялись над шутками и остротами. Туон ни разу не отдавала приказов Сюрот, во всяком случае, он такого не слышал, но к предложениям Туон Сюрот относилась как к приказаниям. Анат, с другой стороны, безжалостно изводила девочку придирками, называя дурой, а то и похлеще, и ее

критические замечания были острее бритвы.

– Это худшая из глупостей, девочка. Хуже не бывает, – услышал Мэт однажды днем ее холодные слова. Тайлин не прислала свое бесцеремонное приглашение – пока не прислала, – и Мэт пытался его избежать, хоронясь по стеночкам и выглядывая из-за углов. В планах у него значилось нанести визиты Сутоме и Алудре. Три шончанки – четыре вместе с Селусией, хотя он сомневался, что они ее посчитали бы, – сбились в кучку как раз за следующим поворотом. Высматривая, не появятся ли откуда улыбающиеся служанки, Мэт нетерпеливо ждал, когда уйдут шончанки. О чем бы они ни говорили, вряд ли им понравится, если он выскочит прямо на них.

– Вкус ремня наставит тебя и вправит мозги, а заодно и выбьет из твоей башки всякую чушь, – ледяным голосом говорила высокая женщина. – Только попроси, и все будет сделано.

Мэт прочистил пальцем ухо и покачал головой. Должно быть, он ослышался. Селусия, безмятежно стоявшая, сложив руки на поясе, даже не шелохнулась.

Впрочем, Сюрот изумленно ахнула.

– За такое накажите ее обязательно, – сердито промолвила она, буравя Анат злобным взглядом. Или же пытаясь буравить. Для высокой женщины Сюрот была не больше чем креслом – ровно столько внимания чернокожая женщина уделяла Верховной Леди.

– Ты не понимаешь, Сюрот. – Вздох Туон шевельнул прикрывавшую лицо вуаль. Прикрывавшую, но не скрывавшую. Вид у нее был… безропотный. Мэт был потрясен, узнав, что она младше его всего на несколько лет. Он бы сказал, что не меньше, чем на десять. Ну от силы лет на шесть-семь. – Знамения говорят иное, Анат, – спокойно сказала девчонка, без всякого гнева. Она просто констатировала факт. – Будь уверена, если они изменятся, я тебе сообщу.

Кто-то постучал пальцем по плечу Мэта, и, оглянувшись, он увидел служанку с лицом, на котором расплывалась широкая ухмылка. М-да, напрасно он беспокоился – кошка не дала мышке уйти далеко.

Туон Мэта тревожила. О, когда они встречались в коридорах, он расшаркивался как только мог вежливо, а она в ответ совершенно игнорировала его, как и Сюрот, и Анан, но ему начинало казаться, что по коридорам те расхаживают уж больно часто.

Однажды днем Мэт, проверив и убедившись, что Тайлин заперлась с Сюрот по какому-то делу, пробрался в королевские покои и, войдя в спальню, обнаружил там Туон. Девушка рассматривала *ашандарей*. Он застыл на месте, увидев, что ее пальцы скользят

по надписи на Древнем Наречии, вырезанной на черном древке. Надпись с двух сторон обрамляли инкрустированные вороны из металла потемнее, и еще пара их была выгравирована на слегка искривленном клинке. У Шончан вороны были императорской эмблемой. Не дыша, Мэт попытался бесшумно попятиться.

Лицо под вуалью повернулось к нему. Вообще-то хорошенькое личико, и оно могло бы быть даже красивым, если бы она не смотрела так, словно готова в любой момент дерево перегрызть. Ему уже не казалось, что Туон выглядит как мальчишка – талию ее всегда туго стягивали широкие пояса, так что только слепой не увидел бы изгибов фигуры, – но она очень напоминала мальчишку. Когда Мэт видел женщину моложе своей бабушки, в голове его редко не возникала ленивая мысль, что неплохо бы потанцевать с нею, может, и поцеловать ее, об этом он думал, даже глядя на этих надменных шончанских Высокородных, но по отношению к Туон у него не зарождалось и тени подобной мысли. Женщину должно быть приятно обнимать, а иначе какой интерес?

– Вряд ли, по-моему, эта вещь принадлежит Тайлин, – холодно, с медлительным шончанским выговором промолвила Туон, ставя копье с длинным наконечником в угол рядом с луком Мэта, – значит, она твоя. Что это? Откуда она у тебя?

Этот холодный тон заставил Мэта стиснуть челюсти. Проклятая женщина словно какому слуге приказ отдавала! О Свет, да насколько ему известно, она даже имени его не знает! Тайлин говорила, что Туон после предложения купить его больше не спрашивала о Мэте, даже не упоминала ни разу.

– Это называется копье, миледи, – сказал Мэт, борясь с желанием прислониться к косяку и засунуть большие пальцы за пояс. В конце концов, не надо забывать, что она все-таки шончанская Высокородная. – Оно мне досталось дорого.

– Я дам тебе вдесятеро против того, что ты заплатил, – сказала она. – Назови цену.

Мэт чуть не рассмеялся. Ему очень хотелось рассмеяться, и вовсе не от радости. *Хоть ты и не думаешь продавать, я его куплю, поскольку могу за него заплатить*. Так, видно, она думает.

– Плата была не золотом, миледи. – Мэт невольно коснулся рукой черного платка на шее, проверяя, хорошо ли прикрыт шрам. – Только глупец заплатил бы так один раз, а уж чтобы десять…

Какое-то время Туон рассматривала Мэта с непроницаемым выражением лица под прозрачной вуалью. А потом он для нее словно исчез. Она плавно прошла мимо него, как будто его тут и не было, и покинула комнату.

Это был не единственный раз, когда Мэт встречал Туон одну. Конечно, не всегда за ней по пятам шли Анат или Селусия, или охрана, однако ему казалось, как-то уж слишком часто случалось так, что, возвращаясь за чем-то, он обнаруживал, что она смотрит на него, или, неожиданно выходя из комнаты, натыкался на нее у дверей. Не раз он, покидая дворец, оглядывался и замечал в окне ее лицо под вуалью. По правде говоря, она только смотрела, и больше ничего. Смотрела и уходила прочь, словно его и нет; вглядывалась из окна, а потом, как только замечала ответный взгляд, поворачивалась спиной. Он был канделябром в коридоре, камнем из мостовой на площади Мол Хара. Однако из-за этих встреч Мэт начинал нервничать. В конце концов, эта женщина хотела его *купить*. Одного этого достаточно, чтобы человек разнервничался.

Но на самом деле даже Туон не могла повлиять на крепнущее в нем чувство, что дела наконец пошли на лад. *Голам* не возвращался, и Мэт подумывал, что тот, наверное, отправился снимать «жатву» полегче. На всякий случай, однако, он сторонился темных и безлюдных мест, где мог наткнуться на эту текучую тварь. Медальон – штука хорошая и уже не раз выручал, но среди людей оно поспокойнее. Когда Мэт в последний раз был у Алудры, она едва не проговорилась – он был уверен в этом, – но, придя в себя, поспешно выставила его за порог своего фургона. Женщина все расскажет, ничего не скроет, если не жалеть поцелуев. От «Странницы» Мэт держался подальше, чтобы не возбуждать подозрений Тайлин, но Нерим и Лопин уже перенесли тайком его одежду в погреб гостиницы. Мало-помалу половина содержимого окованного железом сундучка, стоявшего под кроватью Тайлин, тоже перебралась через Мол Хара и затаилась в тайнике в гостиничной кухне.

И этот тайник под полом кухни добавлял Мэту тревог. Упрятать туда сундучок было хорошей мыслью. Пока доберешься до золота, не одно долото сломаешь. Но тогда и сам Мэт жил в гостинице. Теперь же золото просто высыпали в углубление, дождавшись, пока Сеталль приберется на кухне. А если кто-то задумается, почему она всех выгоняет оттуда, когда приходят Нерим и Лопин? Если знать, где искать, то любой запросто поднимет каменную плиту. Он должен сам все проверить. И потом, много позже, Мэт гадал – почему проклятые кости его не предупредили.

Глава 19

ТРИ ЖЕНЩИНЫ

Солнце еще не успело подняться из-за горизонта, как с севера задул ветер, что, по местным приметам, обещало дождь, и, когда Мэт зашагал через Мол Хара, небо затянуло темными тучами. В общей зале «Странницы» сидели другие посетители, на этот раз не было *сул'дам* с *дамани*, но Шончан и табачного дыма по-прежнему хватало, хотя музыканты еще не появились. Большинство людей в зале завтракали, нерешительно поглядывая в миски, словно не совсем понимая, что же они заказали, – Мэт и сам испытывал сходное чувство, когда ему приносили предпочитаемую эбударцами на завтрак странную белую кашу, – но еда интересовала не всех. За одним столом играли в карты и курили трубки трое мужчин и женщина в необычных долгополых одеждах, прически у всех – как у низшей знати. Взгляд Мэта на мгновение привлекли золотые монеты на столе; ставки высоки, игра идет по-крупному. Самые большие стопки монет выстроились подле низкого черноволосого мужчины, такого же темнокожего, как Анат; он по-волчьи ухмылялся своим противникам, сжимая в зубах длинную, украшенную серебром трубку. Но у Мэта и своего золота хватало, а в картах ему везло все-таки меньше, чем в игре в кости.

Госпожа Анан еще затемно ушла по какому-то делу, так сказала ее дочь Марах, оставшаяся по приказу матери за хозяйку. Приятно округлая, молодая женщина с большими красивыми глазами такого же, как у матери, орехового оттенка. Край верхних юбок у нее был приподнят и подшит слева на середине бедра – прежде госпожа Анан не одобряла подобного фасона. Увидев Мэта, Марах особенной радости не выказала и встретила его хмурым взглядом. Ибо, когда Мэт снимал у них комнату, от его руки погибло два человека; да, они были ворами, да еще пытались ему голову проломить, но такого в «Страннице» прежде не случалось. И когда Мэт съезжал из гостиницы, Марах ясно дала понять, что будет счастлива никогда более его не видеть.

Ее мало интересовало, что ему нужно сейчас, да и вряд ли Мэт стал бы ей объяснять. О содержимом тайника на кухне знала только госпожа Анан, как Мэт очень надеялся, и уж точно он не собирался трепать языком в общей зале. Так что он принялся сочинять, будто скучает по блюдам, которые стряпает здешняя повариха, и заодно, поглядывая на эту высоко подшитую юбку,

обронил намек, что еще больше скучает по самой Марах. Мэт никак не мог понять, почему считается столь скандальным выставить напоказ чуть больше нижних юбок, когда все женщины в Эбу Дар расхаживают с чуть ли не наполовину обнаженной грудью, но уж коли Марах нравится чувствовать себя распущенной, может быть, несколько комплиментов и льстивые речи облегчат ему дорогу. Мэт одарил ее своей самой чарующей улыбкой.

Слушая его вполуха, Марах поймала за руку пробегавшую мимо служанку, сплетницу с дымчатыми глазами, которую Мэт хорошо знал.

– Кайра, у Капитана Воздуха Йулана кубок почти пуст, – сердито сказала Марах. – А он должен быть полон! И это твоя работа. А если ты, девочка, не справляешься, то в Эбу Дар найдется на твое место немало желающих! – Кайра, на несколько лет старше Марах, присела в насмешливом реверансе. И кинула хмурый взор на Мэта. Не успела Кайра выпрямиться, как Марах напала на проходившего рядом мальчишку. Тот осторожно нес поднос, уставленный грязной посудой. – Хватит бездельничать, Росс! – рявкнула она. – Работать надо! Давай, не то отведу тебя на конюшню и обещаю, тебе там не понравится!

Младший брат Марах зло покосился на нее.

– Не могу дождаться весны, когда я снова стану работать на баркасе, – угрюмо пробормотал он. – С тех пор как Фриелль замуж вышла, ты сама не своя. Она-то младше тебя, а тебе еще никто предложения не делал.

Марах отвесила было Россу затрещину, но тот легко уклонился, хотя груды чашек и тарелок опасно задребезжали и едва не посыпались на пол.

– Чего бы тебе свои юбки у рыбачьих причалов не приколотить? – крикнул мальчик, бросившись прочь, прежде чем она успела влепить ему подзатыльник.

Мэт вздохнул, когда Марах наконец обратила свое внимание на него. Приколотить юбки – это что-то новенькое, но о смысле фразы можно догадаться по лицу Марах. У нее из ушей чуть дым не пошел.

– Если хочешь есть, приходи позже. Или подожди, если желаешь. Не знаю, скоро ли тебя обслужат.

Улыбка ее была зловещей. Вряд ли кто-нибудь решился бы ждать в общей зале. На всех стульях и табуретах сидели Шончан, немало их стояло в проходах, так что служанкам в фартуках, разносившим на высоко поднятых подносах тарелки с едой и кружки с выпивкой, приходилось осторожно лавировать между ними. Кайра наполняла кубок смуглого низкорослого мужчины и расточала ему сладкие улыбки, какими некогда одаривала

Мэта. Он не понимал, с чего она на него дуется, но в жизни у Мэта было слишком много женщин, и нельзя сказать, чтобы он хранил верность каждой. И, кстати, что такое Капитан Воздуха? Ладно, он еще узнает. Попозже.

– Я подожду на кухне, – сказал Мэт Марах. – Хочу сказать Энид, как мне нравится ее стряпня.

Марах было запротестовала, но тут громко потребовала вина какая-то шончанка – с безжалостными глазами, в синезеленых доспехах; под рукой она держала шлем, на котором было два пера плюмажа. Ей немедленно требовался кубок «на посошок». Похоже, все служанки были заняты, и Марах, окинув Мэта напоследок кислым взглядом, поспешила на зов, нацепив на лицо радостную улыбку. Впрочем, без особого успеха. Держа свой дорожный посох на отлете, Мэт отвесил изысканный поклон вслед удалявшейся спине Марах.

Кухню, смешиваясь с просачивавшимся из общей залы душистым табачным дымом, наполняли вкусные запахи: жарящейся рыбы, горячего хлеба, шипящего на вертелах мяса. Жар исходил от железных жаровен, раскаленных печей и от длинного кирпичного очага; по кухне туда-сюда сновали шесть взмокших от пота женщин и три поваренка, ими распоряжалась главная повариха. Энид, в белоснежном фартуке вместо ливреи, правила в своих владениях при помощи длинной деревянной ложки. Женщины толще нее Мэт в жизни не видел и сомневался, что, захоти он, сумеет сомкнуть руки у нее на талии. Энид сразу узнала его, и на ее широком оливковом лице появилась лукавая ухмылка.

– Ну вот, ты понял, что я была права, – сказала она, указав на него ложкой. – Ты раздавил не тот арбуз, и выяснилось, что арбуз оказался замаскированной рыбой-львом, а ты – просто толстенький пескарик. – Запрокинув голову, она хрипло рассмеялась.

Мэт выдавил улыбку. Кровь и проклятый пепел! И впрямь все знают! *Мне нужно выбраться из этого проклятого города*, мрачно подумал он, *или я всю жизнь буду слышать, как они надо мной смеются!*

Вдруг все страхи насчет золота показались ему глупыми. Серая плита перед печкой все так же лежала на месте и ничем не отличалась от прочих. А чтобы ее поднять, нужно знать секрет. Если бы пропала хоть одна монетка, Нерим и Лопин обязательно ему сказали бы. А если бы кто-то в ее гостинице вздумал воровать, госпожа Анан непременно вызнала бы и спустила бы шкуру с виновника. Мэт вполне мог идти дальше по своим делам. Вдруг в этот час у Алудры сила воли послабее? Или, может, она его хоть завтраком угостит – он выскользнул из дворца, не дождавшись трапезы.

Чтобы не пробуждать своим визитом излишнего любопытства, Мэт рассказал Энид, как ему нравится ее золотистая рыба и насколько она вкуснее той, что подают в Таразинском дворце, причем ничуть не преувеличивал. Энид была чудом. От речей Мэта женщина просто-таки расцвела и, к его удивлению, взяв с противня кусок рыбы, положила на деревянную тарелку. И сказала, что это для него, Мэта, а там, в зале, пусть подождут. Потом она поставила тарелку на угол длинного кухонного стола и взмахом ложки отправила коренастого поваренка за табуретом.

Глядя на плоскую рыбу с золотистой корочкой, Мэт почувствовал, как рот наполняется слюной. Алудра, верно, сейчас окажется ничуть не уступчивей, чем в любой другой час. А если разозлится, что ее потревожили в такую рань, так и вообще завтраком не накормит. В животе громко заурчало. Повесив плащ на деревянный крючок у двери, выходившей на конюшенный двор, и поставив рядом посох, Мэт сунул шляпу под табурет и сдвинул кружева набок, чтобы не запачкать в тарелке.

Когда с конюшенного двора вошла госпожа Анан, сбрасывая плащ и стряхивая с него дождевые капли, от рыбы остались только яркий вкус на языке и горка тонких белых костей на тарелке. В Эбу Дар Мэт научился наслаждаться многими необычными вещами, но к глазам, глядевшим на него с тарелки, он не притронулся. Только представьте, у этих рыб оба глаза на одной стороне головы!

Мэт утирал льняной салфеткой губы, когда следом за госпожой Анан в кухню проскользнула еще одна женщина. Она быстро закрыла за собой дверь, но влажный плащ с низко надвинутым капюшоном снимать не стала. Мэт, вставая, мельком заметил под капюшоном лицо и чуть не опрокинул табурет. Он кое-как сумел скрыть свое потрясение, кланяясь вошедшим женщинам, но голова у него закружилась.

– Хорошо, что вы здесь, милорд, – оживленно сказала госпожа Анан, отдав свой плащ поваренку. – Иначе мне пришлось бы посылать за вами. Энид, освободи, пожалуйста, кухню и постереги дверь. Мне нужно поговорить с молодым лордом наедине.

Повариха скоренько выгнала своих помощниц и поварят во двор конюшни, и, несмотря на их ворчливые жалобы на дождь и сетования, что еда подгорит, было ясно – ничего необычного в требовании хозяйки ни они, ни Энид не усмотрели. Энид даже не оглянулась на госпожу Анан и ее спутницу, а сразу поспешила за дверь в общую залу, держа свою длинную ложку, как меч.

– Какая неожиданность, – промолвила Джолин Маза, откидывая капюшон. Темное шерстяное платье с глубоким вырезом в местном стиле на ней болталось свободно и выглядело поношен-

ным и обтрепанным. Впрочем, потертая одежда как-то не вязалась с ее беззаботным тоном. – Когда госпожа Анан сказала, что знает человека, который может увести меня с собой из Эбу Дар, мне даже в голову не пришло, что это ты.

Хорошенькая и кареглазая, она улыбалась с той же теплотой, что и Кайра. И ее лишенное печати возраста лицо просто кричало о принадлежности Джолин к Айз Седай. А по ту сторону двери, которую охраняла повариха с ложкой, – десятки Шончан.

Сняв плащ, Джолин повернулась к вешалке, и госпожа Анан раздраженно кашлянула.

– Опасность пока еще не миновала, Джолин, – сказала она тоном, каким говорила со своими дочерьми, а не с Айз Седай. – До тех пор, пока я не буду уверена, что ты…

Вдруг из-за двери в общую залу послышался какой-то шум, Энид громко кому-то возражала, чуть ли не кричала, что входить нельзя, и не менее громкий голос с шончанским акцентом требовал, чтобы она отошла в сторону.

Мэт, не обращая внимания на непослушную ногу, действовал быстро, столь стремительно, как, наверное, никогда в жизни. Он сграбастал Джолин за талию, бухнулся на скамейку у двери во двор и усадил Айз Седай к себе на колени. Прижав ее покрепче, он притворился, что целуется с ней. Более дурацкого способа спрятать ее лицо он придумать не мог, разве что набросить плащ ей на голову. Джолин возмущенно ахнула, но, когда расслышала голос с шончанским выговором, глаза ее расширились от страха, и Айз Седай молниеносно обвила шею Мэта руками. Молясь, чтобы удача его не покинула, Мэт следил за открывающейся дверью.

По-прежнему громко протестуя, в кухню спиной вперед вошла Энид. Она отмахивалась ложкой от толкавшего ее перед собой *со'джин*. Крепкого сложения хмурый мужчина, с огрызком косички и промокшим плащом за спиной, одной рукой подталкивал Энид, а второй отражал удары поварихи, не обращая внимания на пропущенные тычки. Мэт впервые видел бородатого *со'джин* – тому эта борода, спускавшаяся лишь с правой стороны лица и кончавшаяся слева на уровне уха, придавала кособокий вид. За ним вошла высокая женщина с пронзительными голубыми глазами на бледном суровом лице. Затейливо расшитый синий плащ, сколотый у горла крупной серебряной фибулой в виде меча, был отброшен за спину, открывая светло-голубое плиссированное платье. Ее короткие темные волосы были подстрижены «шапочкой», а над ушами и на затылке – сбриты наголо. Все лучше, чем *сул'дам* с *дамани*. Немногим, но лучше. Понимая, что битва проиграна, Энид попятилась от мужчины, но, судя по тому,

как повариха держала ложку и зло посматривала на бородача, она была готова снова наброситься на него по первому же слову госпожи Анан.

– Парень у дверей сказал, что видел, как хозяйка прошла через двор, – заявил *со'джин*. Он смотрел на Сеталль, но с опаской косился и на Энид. – Если ты – Сеталль Анан, тогда знай, что это – Капитан Зеленых леди Эгинин Тамарат, и у нее ордер на постой, подписанный самой Верховной Леди Сюрот Сабелле Мелдарат. – Тон его изменился, став менее официальным и более похожим на тон человека, желающего получить крышу над головой. – На ваши лучшие комнаты, заметьте, с хорошей кроватью, с видом на площадь и с камином, который не дымит.

Когда мужчина заговорил, Мэт вздрогнул, и Джолин, думая, видимо, что вошедшие приближаются к ним, в страхе застонала. В ее глазах сверкнули невыплаканные слезы, и она затрепетала его объятиях. Леди Эгинин Тамарат глянула на Джолин, поморщилась недовольно и отвернулась, чтобы не видеть парочку на скамейке. Однако Мэта заинтриговал мужчина. Как, Света ради, иллианец оказался *со'джин?* И почему-то он кажется знакомым. Должно быть, это одно из тысяч лиц давно умерших людей, которое Мэту не удавалось припомнить.

– Я – Сеталль Анан, и лучшие мои комнаты занимает Капитан Воздуха лорд Абалдар Йулан, – спокойно произнесла госпожа Анан, ничуть не устрашенная ни *со'джин*, ни Высокородной. Она сложила руки под грудью. – Комнаты похуже заняты Генералом Знамени Фуриком Каридом. Из Стражи Последнего Часа. Не знаю, выше их званием Капитан Зеленых или нет, но, так или иначе, сами разбирайтесь, кто остается, а кто освобождает комнаты. У меня твердое правило – я не выгоняю постояльцев-шончан. Пока они исправно платят.

Мэт напрягся, ожидая взрыва – за половину таких слов Сюрот распорядилась бы ее выпороть! – но Эгинин улыбнулась.

– Приятно иметь дело с человеком, у которого есть характер, – с шончанским протяжным выговором произнесла она. – Думаю, мы прекрасно поладим. Пока ты со своим характером не зайдешь слишком далеко. Капитан отдает приказы, команда подчиняется, но я никого не заставляю ползать по палубе.

Мэт нахмурился. Палуба. Корабельная палуба. Почему это слово что-то зацепило в памяти? Иногда те воспоминания о прежних временах очень мешали.

Госпожа Анан кивнула, не отводя своих темных глаз от голубых глаз шончанки.

– Как скажете, миледи. Но надеюсь, вы запомните, что «Странница» – это мой корабль.

К счастью для нее, у шончанки было чувство юмора. Она засмеялась.

– Значит, ты капитан своего корабля, – со смехом сказала Эгинин, – а я буду Капитаном Золотых. – Интересно, что бы это значило? Вздохнув, она покачала головой. – Свет свидетель, по-моему, я не превосхожу званием многих здесь, но Сюрот желает, чтобы я находилась поблизости, так что кто-то переедет, а кому-то придется и совсем съехать, если не захотят потесниться. – Внезапно Эгинин нахмурилась, покосившись в сторону Мэта и Джолин, и скривила от отвращения губы. – Надеюсь, госпожа Анан, у вас не везде такое безобразие?

– Уверяю вас, под моей крышей вы больше ничего подобного не увидите, – успокоила ее хозяйка.

На Мэта и на женщину у него на коленях, нахмурив брови, смотрел и *со'джин*. Эгинин пришлось дернуть его за рукав. Он вздрогнул и последовал за нею в общую залу. Мэт пренебрежительно хмыкнул. Пусть этот парень сколько угодно прикидывается, будто кипит от гнева, как его хозяйка; однако Мэту доводилось слышать о праздниках в Иллиане, которые ничуть не лучше праздников в Эбу Дар, когда люди бегают по улицам полуодетые, если вообще не голые. Ничем не лучше *да'ковале* или тех танцовщиц-шиа, о которых столько болтают солдаты.

Дверь за необычной парочкой захлопнулась, и Мэт хотел было ссадить Джолин с колен, но она вцепилась в его плечо и, пряча лицо, тихонько заплакала. Энид испустила вздох облегчения и тяжело навалилась на стол, словно у нее размякли кости. Даже госпожа Анан выглядела потрясенной. Она рухнула на табурет, на котором до того сидел Мэт, и опустила голову на руки. Впрочем, всего на четверть минуты, а потом она вновь вскочила на ноги.

– Сосчитай до пятидесяти, Энид, а потом впусти всех с дождя, – быстро сказала госпожа Анан. Никто бы не поверил, что мгновение назад ее била дрожь. Сдернув плащ Джолин с крючка, она взяла длинную лучину из коробки на каминной полке и, нагнувшись, зажгла ее от пламени под вертелами. – Если я тебе понадоблюсь, я в подвале, но если кто будет спрашивать – ты не знаешь, где я. Пока я не разрешу, вниз будем ходить только ты и я. – Энид кивнула, словно не видя ничего необычного в отданном распоряжении. – Давай сюда, – сказала она Мэту, – и не ленись. Если надо, неси ее на руках.

Мэту и в самом деле пришлось нести Джолин. Продолжая почти беззвучно плакать, Джолин не ослабила своих объятий, даже головы не оторвала от его плеча. Хвала Свету, она оказалась не тяжелой, однако нога все равно тупо ныла, пока он шел со своей

ношей следом за госпожой Анан к двери в подвал. Ему даже было бы приятно, несмотря на боль в ноге, если бы госпожа Анан так не мешкала.

Словно Шончан не было рядом и на сотню миль, она засветила лампу на полке возле тяжелой двери и тщательно задула лучину. Потом закрыла лампу стеклянным колпаком, положила дымящуюся лучину на маленький оловянный поднос. Не спеша извлекла из поясного кошеля длинный ключ, отперла железный замок и, наконец, жестом велела Мэту идти вперед. В проем свободно пролезала бочка, и ступеньки за порогом были широкими, но крутыми и тонули во мраке. Мэт подчинился, но подождал на второй ступеньке, пока госпожа Анан не закрыла дверь и не заперла ее снова, а потом пропустил ее вперед с высоко поднятой лампой. Только споткнуться ему и не хватает.

– Вы это часто делаете? – спросил Мэт, половчее перехватывая Джолин. Плакать она перестала, но по-прежнему крепко прижималась к нему и дрожала. – Ну, Айз Седай прячете?

– Прошел слух, что в городе осталась сестра, – отозвалась госпожа Анан, – и я отыскала ее раньше Шончан. Не могла же я отдать им сестру.

Она сердито покосилась на него через плечо, мол, только возрази. Мэту хотелось возразить, но нужные слова не приходили на ум. Он, выходит, должен помогать всякому скрыться от Шончан, если сможет; к тому же у него есть должок перед Джолин Маза.

Хозяйка «Странницы» была запасливой, а подвал в гостинице – большим. Ряды бочек с вином и элем разделяли проходы, рядами же тянулись высокие наклонные лари с картошкой и репой, над каменным полом поднимались полки с уложенными на них мешками с сушеными бобами, горохом, перцами, везде стояли деревянные ящики и корзины с одному Свету ведомо чем. Воздух немного пах пылью, но был сухой, как в обычной хорошей кладовой.

Мэт приметил свою одежду, аккуратно сложенную на свободной полке (если только еще кому-то не вздумалось хранить здесь одежду), – но взглянуть поближе возможности у него не было. Госпожа Анан повела его в дальний конец подвала, где он и усадил Джолин на перевернутый бочонок. Ему пришлось разжать ее руки, иначе она его не отпускала. Дрожа, Джолин сжалась в комочек, потом достала из рукава платок и вытерла покрасневшие глаза. Лицо у нее было в пятнах, и теперь она совсем не напоминала Айз Седай, тем более в этом поношенном платье.

– Она испереживалась вся, изнервничалась, – сказала госпожа Анан, поставив лампу на бочку без затычки в крышке. Еще несколько пустых бочек стояли рядом, дожидаясь, когда их отпра-

вят обратно к пивовару. Во всем подвале, как заметил Мэт, только здесь было более-менее свободное пространство. – Она пряталась с того дня, как пришли Шончан. Последние несколько дней, когда Шончан решили обыскивать дома, а не улицы, ее Стражам приходилось перепрятывать ее несколько раз. Полагаю, от такого у кого угодно нервы расшатаются. Но здесь вряд ли будут кого искать.

Подумав об офицерах наверху, Мэт вынужден был признать, что Анан права. Тем не менее порадовался, что рисковать придется не ему. Присев на корточки перед Джолин, он охнул от пронзившей ногу боли.

– Если получится, я помогу, – сказал Мэт. Он не сказал как, но долг платежом красен. – Радуйся, что за все это время не попала к ним. Тебе повезло больше, чем Теслин.

Оторвав платочек от глаз, Джолин зло посмотрела на Мэта.

– Повезло? – яростно огрызнулась она. Не будь она Айз Седай, он бы назвал ее мрачной, вон как нижнюю губу выпятила. – Я могла спастись! В суматохе первого дня – вполне. Но я была без сознания. Фэн и Блерик едва успели вынести меня из дворца прежде, чем туда ворвались Шончан. А двое мужчин, несущих полубесчувственную женщину, привлекли бы ненужное внимание и не сумели бы добраться до ворот. Я рада, что Теслин поймали! Рада! Она что-то мне подсунула, уверена, что она! Поэтому-то Фэн и Блерик не сумели привести меня в чувство, поэтому мне и пришлось спать в конюшнях и прятаться по переулкам, в страхе, что эти чудовища меня найдут. Пусть это будет ей уроком!

От такой тирады Мэт слегка оторопел и заморгал. Пожалуй, он ни разу не слышал ни в чьем голосе столько злобы, даже в тех, прежних, воспоминаниях. Госпожа Анан недовольно посмотрела на Джолин, дернула рукой.

– Все равно я помогу, уж как сумею, – торопливо сказал Мэт, вставая между двумя женщинами. Не мог же он допустить, чтобы госпожа Анан влепила Джолин по уху, забыв о том, что она Айз Седай. И Джолин была не в том настроении, чтобы задуматься, не окажется ли наверху *дамани*, способная почувствовать ее ответные действия. Это чистая правда; Создатель сотворил женщин, чтобы мужчинам жизнь легкой не казалась. Как, во имя Света, он выведет Айз Седай из Эбу Дар? – За мной должок.

– Какой должок? – На лбу Джолин собралась легкая складка.

– Записка, в которой просили предупредить Найнив и Илэйн, – сказал он медленно. Облизнул губы и добавил: – Та, которую ты оставила у меня на подушке.

Джолин слабо отмахнулась, но уставилась на него в упор, не моргая.

– Мастер Коутон, все долги между нами будут улажены в день, когда ты поможешь мне выбраться за городские стены, – сказала она величественным тоном, словно королева на троне.

Мэт тяжело сглотнул. Записку засунули в карман его куртки, а не оставили на подушке. И это значит, что он ошибся. Она не та, кому он должен.

Он ушел, так и не пристыдив Джолин за ее вранье – хоть он и сам ошибся, все равно вранье, – и ушел, не рассказав об этом госпоже Анан. Ему с этим разбираться. И поэтому он чувствовал себя плохо. Лучше бы он ничего не знал.

Вернувшись в Таразинский дворец, Мэт направился прямиком в покои Тайлин и расстелил свой плащ на кресле для просушки. В окна барабанил проливной дождь. Положив шляпу на резной золоченый комод, Мэт насухо вытер лицо и руки полотенцем и задумался, не переодеться ли. Там и тут на куртке расплывались мокрые пятна. Мокрые. О Свет!

Злобно зарычав, Мэт скомкал полосатое полотенце и швырнул его на кровать. Он тянет время, даже надеется – чутьчуть, – что сейчас войдет Тайлин и воткнет кинжал в кроватный столбик, и ему придется отложить то, что он должен сделать. Должен. Джолин не оставила ему выбора.

Если подумать, то дворец был устроен просто. На самом нижнем этаже, там, где находились кухни, жили слуги; некоторым, правда, приходилось довольствоваться комнатами в подвалах. На следующем располагались просторные приемные и тесные кабинеты писцов, на третьем – апартаменты для менее почетных гостей – ныне большинство из них занимали шончанские Высокородные. Покои на самом верхнем этаже были отведены для Тайлин и для почетных гостей, таких как Сюрот, Туон и еще нескольких. Не считая того, что даже во дворцах есть чердаки или что-то вроде них.

Помедлив у подножия неприметного лестничного пролета, укрытого за безобидным углом, Мэт сделал глубокий вдох, а потом начал медленно подниматься. Огромная комната без окон на самой верхотуре, с низким потолком и дощатым полом, при Шончан была расчищена, и теперь ее разделили деревянными перегородками на крохотные конурки, каждая со своей дверью. Узкие проходы освещали простые высокие стоячие светильники. По черепичной крыше над головой громко стучал дождь. На верхней ступеньке Мэт постоял и вздохнул снова, когда понял, что никаких шагов не слышно. В одной из крохотных комнаток плакала женщина, но вроде бы никакая *сул'дам* не собиралась выйти и поинтересоваться, что он тут делает. Рано или поздно станет известно, что Мэт здесь побывал, но если он поспешит, выяснится

это лишь после того, как он узнает то, что ему нужно.

Загвоздка была в том, что он не знал, в какой она комнатушке. Мэт подошел к первой, приоткрыл дверь и заглянул внутрь. На краешке узенькой кровати, сложив руки на коленях, сидела женщина Ата'ан Миэйр в сером платье. Большую часть комнаты занимали кровать и умывальник с тазиком, кувшином и крохотным зеркалом. На вешалке на стене висело несколько серых платьев. Провисшая серебристая привязь *ай'дама* отходила от ошейника на шее женщины к браслету, повешенному на крючок на стене. Женщина без труда могла дойти до любого уголка своей каморки. Маленькие дырочки от колечек в ее ушах и носу еще не успели зажить и выглядели сейчас как ранки. Когда дверь открылась, она испуганно вскинула голову, потом страх на лице сменился задумчивостью. И, возможно, надеждой.

Мэт сразу, не сказав ни слова, закрыл дверь. *Всех я не могу спасти*, с ожесточением подумал он. *Не могу!* Свет, сама эта мысль была ему ненавистна.

За следующими дверями он обнаружил такие же конурки и еще трех женщин Морского Народа, одна из них громко плакала на кровати, а затем – спящую светловолосую женщину. Последнюю дверь Мэт притворил так осторожно, словно пытался стащить пироги госпожи ал'Вир прямо у нее из-под носа. Может, эта желтоволосая и не шончанка, но рисковать Мэт не собирался. Еще дюжина дверей, и Мэт облегченно вздохнул и скользнул за порог, плотно притворив дверь за спиной.

На кровати, подперев голову ладонями, лежала Теслин Барадон. Двигались только ее темные глаза. Она вонзила свой взгляд в вошедшего Мэта. И ничего не сказала, только смотрела на него, словно хотела пробуравить дырку у него в голове.

– Ты засунула мне в карман куртки записку, – тихо произнес Мэт. Сквозь тонкие стены слышался женский плач. – Зачем?

– Элайда жаждет заполучить этих девушек, не меньше, чем она жаждала палантин и посох, – просто сказала Теслин, даже не пошевелившись. В голосе ее слышалась суровость, но меньшая, чем ему помнилось. – Особенно Илэйн. Я хотела по возможности… досадить… Элайде. Сунуть ей палку в колеса. – Она приглушенно, с горечью рассмеялась. – Я даже напоила Джолин корнем вилочника, чтобы она не смогла помешать девочкам. И смотри, к чему это привело. Джолин спаслась, а я… – Ее взгляд скользнул к серебряному браслету, висевшему на крючке.

Вздохнув, Мэт прислонился к стене рядом с платьями. Она знала, что в записке – предупреждение для Найнив и Илэйн. О Свет, он так надеялся, что это не она, что сунул ту проклятую записку ему в карман кто-то другой. Все равно никакого толку. Они обе

знали, что Элайда охотится за девушками. Записка ничего не меняет! На самом деле женщина и не пыталась им помочь, а просто хотела… досадить… Элайде. Он может выйти отсюда с чистой совестью. Кровь и пепел! Ему не следовало вообще разговаривать с нею. Но теперь, раз уж поговорили…

– Если смогу, я помогу тебе сбежать, – неохотно сказал Мэт.

Она лежала на кровати все так же неподвижно. Ни выражение лица, ни тон нисколько не изменились. Словно она объясняла что-то простое и малозначительное.

– Даже если ты сумеешь снять ошейник, далеко мне не уйти, я даже из дворца не выйду. А если и выйду, ни одна женщина, которая может направлять Силу, не пройдет через городские ворота, если на ней нет *ай'дама*. Я сама стояла там в карауле, так что знаю.

– Я что-нибудь придумаю, – пробормотал Мэт, запуская пятерню в шевелюру. Что-нибудь придумает? Что именно? – Свет, да ты как будто и бежать не хочешь.

– Будь серьезнее, – прошептала Теслин, так тихо, что он едва расслышал. – Я подумала, ты пришел поиздеваться надо мной. – Она медленно села, опустила ноги на пол. Теслин не сводила с Мэта напряженного взгляда, голос стал настойчивым. – *Хочу* ли я бежать? Когда я делаю что-то им приятное, *сул'дам* дают мне сладости. Я ловлю себя на том, что *жду* этого вознаграждения. – В ее голосе появился тихий ужас. – Не потому, что я люблю сладкое, а потому, что я доставлю приятное *сул'дам*, – из уголка глаза скатилась одинокая слезинка. Она глубоко вздохнула. – Если ты поможешь мне бежать, я сделаю все, о чем ты попросишь… кроме измены Белой… – Теслин резко захлопнула рот, села прямо, глядя сквозь Мэта. И вдруг кивнула самой себе: – Если ты поможешь мне бежать, я сделаю *все*, о чем ты попросишь, – сказала Теслин.

– Сделаю, что смогу, – ответил ей Мэт. – Я обязательно что-нибудь придумаю.

Она кивнула, словно он пообещал побег еще до ночи.

– Во дворце есть еще одна пленная сестра. Эдесина Аззедин. Она должна пойти с нами.

– Одна? – сказал Мэт. – По-моему, я видел трех или четырех, считая тебя. И я не уверен, что сумею вывести тебя, не говоря уж о…

– Остальные… переменились. – Теслин поджала губы. – Гуйсин и Майлен. Последнюю я знала как Шерайне Каминелле, но теперь она откликается лишь на имя Майлен… Эти двое нас выдадут. Эдесина по-прежнему остается собой. Я не брошу ее здесь, хоть она и мятежница.

– Ну посмотрим, – улыбнувшись, успокоил ее Мэт. – Я сказал, что постараюсь тебя вывести, но как быть с вами *двумя*…

– Сейчас тебе лучше уйти, – перебила его Теслин. – Мужчинам неположено сюда подниматься, и если тебя обнаружат, возникнут подозрения. – Нахмурившись, она фыркнула: – И хорошо бы ты оделся менее броско. Десяток пьяных Лудильщиков привлекут меньше внимания, чем ты. Теперь ступай. Быстрее! Уходи!

Мэт ушел, ворча себе под нос. Весьма похоже на Айз Седай. Предлагаешь ей помочь, и тут выясняется, что она считает, будто тебе по силам взобраться по отвесной скале в глухую полночь и в одиночку вызволить из подземной темницы пятьдесят человек. Это случилось с другим человеком, давным-давно умершим, но Мэт помнил, и воспоминание как нельзя лучше подходило к сегодняшнему дню. Кровь и проклятый пепел! Он не знает, как однуто Айз Седай вызволить, а она заставляет его спасать двоих!

Спустившись по лестнице, Мэт шагнул за угол и чуть не столкнулся с Туон.

– Мужчинам запрещено ходить в помещения *дамани*, – сказала она, холодно глядя на него сквозь вуаль. – Тебя могут наказать даже за то, что ты сделал туда шаг.

– Я искал Ищущую Ветер, Верховная Леди, – поспешил сказать Мэт, раскланиваясь и принуждая себя соображать так быстро, как никогда в жизни. – Однажды она оказала мне услугу, и я подумал, что ей, может, захочется чего-то вкусненького. Ну, сластей там или еще чего-нибудь. Но я ее не нашел. Наверное, ее не поймали, когда… – Мэт умолк, глядя во все глаза на Туон.

Постоянная маска не ведающего снисхождения судьи растаяла, лицо девушки осветила улыбка. Она и впрямь была красива.

– Очень добрый поступок, – сказала Туон. – Приятно знать, что ты добр к *дамани*. Но ты должен быть осторожен. Есть мужчины, которые и в самом деле берут *дамани* в постель. – Она скривила свой пухлый ротик от омерзения. – Не хочешь же ты, чтобы тебя считали извращенцем. – На ее лицо вновь вернулось суровое выражение. Всех узников – немедленно казнить.

– Спасибо за предупреждение, Верховная Леди, – промолвил он не совсем уверенно. Какому это мужчине захочется переспать с женщиной на привязи?

Он снова исчез – по крайней мере, для Туон. Она как ни в чем не бывало двинулась плавной походкой по коридору, словно вместо Мэта было пустое место. Однако впервые Верховная Леди Туон ничуть его не волновала. У него и так хлопот по горло – прячущаяся в подвале «Странницы» Айз Седай и еще две с поводками *дамани* ждут не дождутся, когда Мэт, распроклятый Коутон, спасет их. Мэт был уверен: при первой же возможности Теслин

все расскажет Эдесине. Три женщины, которые начнут терять терпение, если в скором времени Мэт каким-то чудом не перенесет их в безопасное место. Женщины любят языками трепать, и уж коль разговорятся, разболтают и то, о чем лучше бы помалкивать. А женщины, снедаемые нетерпением, болтают и того пуще. Мэт больше не слышал в своей голове игральных костей, зато слышал как наяву тиканье часов. И час может оказаться отмеренным топором палача. Сражения планировать он мог даже во сне, но сейчас, похоже, старые воспоминания мало чем помогут. Ему нужен интриган, человек, привычный к заговорам и ударам исподтишка, к кривым дорожкам и схваткам под ковром. Пора сесть и серьезно поговорить с Томом. И с Джуилином.

Отправившись на поиски того и другого, Мэт машинально принялся мурлыкать песенку «Я на самом дне колодца». Ну, именно туда он и сверзился, и надвигается ночь, и скоро непременно разразится ливень. Как часто случалось, из старых воспоминаний всплыло еще одно название – эту песню исполняли при Дворе Такедо, в Фарашелле, что был сокрушен более тысячи лет назад Артуром Ястребиное Крыло. Как ни странно, за последовавшие годы мотив изменился мало. Тогда эта песня называлась «Последний бой у Манденхара». Но и с таким названием она весьма подходила к сегодняшнему дню.

Глава 20

ИЗМЕНА

Взбираясь по лестнице к тесным каморкам на самом верху Таразинского дворца, Бетамин осторожно придерживала доску с письменными принадлежностями. Иногда пробковая затычка чернильницы расшатывалась, а чернильные пятна с ткани сводить трудно. Она же старалась всегда выглядеть так, словно ее вызвали к кому-то из Верховных. С Ринной, которая поднималась сейчас рядом по лестнице, дабы произвести вместе с ней проверку, она не разговаривала. От них требовалось выполнение порученного, а не праздная болтовня. Отчасти Бетамин молчала и по этой причине. Когда остальные всеми способами, порой даже обманом, добивались возможности «стать совершенными» со своими любимыми *дамани* или мечтательно рассуждали, какую награду здесь получат, или таращили глаза на диковины этой земли, Бетамин сосредоточенно занималась своими обязанностями, только о них и думая, прося дать ей самых неподдающихся *марат'дамани*, чтобы приручить их, превратить в послушных *дамани*, работая с ними в два раза больше и в два раза дольше, чем кто-либо другой.

Наконец-то дождь прекратился, и клетушки на чердаке погрузились в тишину. Нужно будет сегодня вывести *дамани* на прогулку – большинство впадает в тоску, если их слишком долго держать в тесном помещении, а эти временные клетушки очень тесные, – но как ни прискорбно, на прогулку нынче назначили не ее. Ринну никогда не назначали, хотя когда-то она пользовалась всеобщим уважением, как лучшая дрессировщица Сюрот. И была весьма искусной, хотя и склонной порой к жестокости. Когда-то все говорили, что она, несмотря на свою молодость, скоро станет *дер'сул'дам*. Однако этого не произошло. *Сул'дам* всегда было больше, чем *дамани*, но никто современ Фалме не припоминал, чтобы Ринна становилась «совершенной», ни она, ни Сита, которую Сюрот взяла к себе на службу после Фалме. Бетамин, как и многим, нравилось сплетничать за стаканчиком вина о Высокородных и о тех, кто им служит, но она никогда не осмеливалась высказывать своего мнения, когда речь заходила о Ринне и Сите. Тем не менее думала о них она много.

– Начинай с другой стороны, Ринна, – велела Бетамин. – Хорошо? Не хочешь же, чтобы о твоей лености опять известили Эссонде?

До Фалме эта невысокая женщина подавляла своей самоуверенностью, но сейчас на ее бледной щеке дернулся мускул, и она кинула на Бетамин болезненно-подобострастный взгляд, а потом, пригладив волосы, заторопилась в лабиринт узких проходов. Она словно бы боялась, что Бетамин передумает. За исключением ближайших подруг, Ринну в какой-то степени шпыняли все, мстя за прежнюю надменную гордость. Поступать иначе – значит выделиться, а Бетамин не хотела выделяться – кроме как определенным образом. Собственные ее тайны были похоронены так глубоко, как только она могла их похоронить, она знала и секреты, о которых больше никто не ведал, но желала она, чтобы каждый считал Бетамин Зиами образцовой *сул'дам*. Абсолютная безупречность – вот за что она боролась, добиваясь совершенства от себя и от подопечной *дамани*.

Инспекцию Бетамин проводила быстро и эффективно. *Дамани* обязаны содержать в чистоте себя и свою конуру. Заметив непорядок, она аккуратно вписывала замечание в верхний лист на доске; времени зря не теряла, разве что выдавала леденцы в виде поощрения особо старательным в обучении. Большинство из тех, с кем она становилась «совершенной», встречали Бетамин радостными улыбками, даже стоя на коленях. Из Империи они были родом или по эту сторону океана, но они знали, что она тверда, но справедлива. Некоторые не улыбались. *Дамани* из Ата'ан Миэйр встречали ее в основном каменными лицами, мрачными, как ее собственное лицо, или угрюмой яростью, которую, по их мнению, они умело скрывали.

В отличие от иных *сул'дам*, Бетамин не стала отмечать их гнев, что повлекло бы за собой обязательное наказание *дамани*. Они все еще думали, что сопротивляются, но недостойные требования вернуть их безвкусные украшения уже остались в прошлом, и они послушно опускались на колени и разговаривали вежливо. В трудных случаях весьма полезным инструментом служили новые имена, создававшие брешь в их обороне, ведь им, пусть через силу, но приходилось на них откликаться. Знакомый шаблон, неизменный и надежный, как восход солнца. Некоторые сразу принимали свою судьбу, а некоторые впадали в шок, узнав, кто они такие. Всегда находилась горсточка тех, кто упирался месяцами, в то время как другие, вчера кричавшие, что произошла чудовищная ошибка, что они никогда не пройдут проверку, смирялись уже назавтра. По эту сторону океана встречались некоторые мелкие различия, но конечный результат, здесь или в Империи, оставался одинаковым.

Две *дамани*, о которых она сделала пометки, об аккуратности как будто и не слыхивали. Несомненно, заслуживала розог Зуши,

дамани из Ата'ан Миэйр, ростом превосходившая саму Бетамин. Платье ее было измято, волосы не расчесаны, постель не заправлена. Но лицо Зуши опухло от плача, и, встав на колени, она затряслась от рыданий, по щекам ручьями потекли слезы. Серое платье, прежде тщательно подогнанное по фигуре, теперь болталось на ней, хотя она и раньше не отличалась полнотой. Бетамин сама дала ей имя Зуши и имела к ней особый интерес. Отщелкнув ручку со стальным пером, Бетамин обмакнула ее в чернила и записала предложение, чтобы Зуши перевели из дворца в другое место и чтобы содержали ее в двухместной конуре с *дамани* из Империи, предпочтительнее с такой, которая имеет опыт общения с только что получившими ошейник *дамани* и которая сумеет с ней подружиться. Рано или поздно, но слезам всегда приходит конец.

Правда, Бетамин не была уверена, что Сюрот даст на то позволение. Сюрот заявила, что эти *дамани* принадлежат Императрице, – всякий, у кого в личной собственности окажется хотя бы десятая часть от числа собранных во дворце *дамани*, будет заподозрен в организации заговора или даже обвинен в открытом мятеже, – но сама она вела себя так, словно они были ее собственностью. Если Сюрот откажет, нужно будет изыскивать иные пути. Бетамин не желала терять *дамани* из-за того, что та совсем падет духом. Она вообще не желала терять *дамани*, ни по какой причине! Вторая, получившая особое замечание, звалась Тесси, и в ее случае Бетамин возражений не ожидала.

Едва Бетамин открыла дверь, *дамани*-иллианка плавно опустилась на колени и сложила руки на поясе. Кровать ее была убрана, платья аккуратно развешаны на крючках, расческа и щетка ровно уложены на умывальнике, пол подметен. Меньшего Бетамин и не ждала. С самого начала Тесси отличалась чистоплотностью. Научившись ничего не оставлять на тарелке, она даже чуть округлилась – приятно посмотреть. Не считая сладостей, за питанием *дамани* следили строго; нездоровая *дамани*, можно сказать, убыток. Впрочем, Тесси никогда не стали бы наряжать в ленты и отправлять на состязание за звание самой красивой *дамани*. Она всегда казалась сердитой, даже во сне. Но сегодня на лице у нее была легкая улыбка – и, как подозревала Бетамин, появилась эта улыбка еще до того, как она вошла. А от Тесси улыбок она не ждала, той было еще рано улыбаться.

– Как себя сегодня чувствует моя малютка Тесси? – спросила Бетамин.

– Тесси чувствует себя прекрасно, – послушно ответила *дамани*. Хотя раньше стоило немалого труда добиться, чтобы она разговаривала как положено, и в последний раз Тесси высекли только

вчера – за отказ.

Бетамин, почесывая подбородок, задумчиво разглядывала стоявшую на коленях *дамани*. Она испытывала подозрения на счет любой *дамани*, которая прежде называлась Айз Седай. Ее интересовала история, и она даже читала переводы со множества языков, что существовали до начала Объединения. Древние повелители наслаждались своим кровожадным своенравным правлением и с радостью описывали, как приходили к власти, как сокрушали соседние государства, как низвергали других правителей. Большинство из них погибало от руки убийцы, зачастую – от руки собственных наследников или последователей. Бетамин слишком хорошо представляла себе, на что похожи Айз Седай.

– Тесси – хорошая *дамани*, – тепло пробормотала Бетанин, доставая из поясного кошеля бумажный кулечек с леденцами. Тесси потянулась за лакомством и в благодарность поцеловала ей руку, но улыбка ее на миг исчезла, хотя сразу же, как только женщина сунула красную конфетку в рот, появилась снова. Ну вот. Похоже на то, да? Притворное послушание, чтобы убаюкать *сул'дам*, было хорошо знакомо Бетамин, но учитывая, кем прежде была Тесси, весьма вероятно, что та замыслила побег.

Вернувшись в узкий коридорчик, Бетамин написала настоятельную рекомендацию удвоить занятия Тесси, а также ее наказания, а вознаграждение давать от случая к случаю, чтобы она никогда не была уверена, что ее непременно похвалят даже за безупречно исполненный урок. Метод был жесток, и обычно Бетамин его избегала, но по какой-то причине он в удивительно короткий срок превращал в уступчивых *дамани* даже норовистых *марат'дамани*. И благодаря этому методу получались самые покорные *дамани*. Ей не нравилось ломать волю *дамани*, но Тесси нужно сломать для *ай'дама*, нужно, чтобы она позабыла прошлое. В конце концов, это для ее же пользы, и потом она сама будет рада.

Закончив инспекцию раньше Ринны, Бетамин подождала в коридоре у лестницы, пока спустится вторая *сул'дам*.

– Отнеси это к Эссонде вместе со своей, – сказала она, сунув доску Ринне, едва та успела ступить на последнюю ступеньку. Поручение Ринна приняла с той же покорностью, как и предыдущее распоряжение Бетамин, и заторопилась прочь, поглядывая на вторую доску, словно гадала, нет ли там страницы с докладом о ней. До Фалме она была совершенно другой женщиной.

Бетамин же, сходив за плащом, покинула дворец, собираясь вернуться в гостиницу, где ей приходилось делить кровать еще с двумя *сул'дам*, но туда она хотела зайти лишь для того, чтобы взять из денежного ящичка немного монет. Кроме инспекции, на

сегодня у нее других заданий не было, и остатком дня она могла распорядиться по своему усмотрению. И в этот день Бетамин для разнообразия решила не искать дополнительных поручений, а посвятить вечер поискам сувениров. Например, приобрести нож, какие местные женщины носят на шее, если удастся найти хоть один без самоцветов на рукояти – их, похоже, так любят украшать! И обязательно что-нибудь из лакированных изделий; они здесь столь же хороши, как и в Империи, и узоры на них такие… чужеземные. Делая же покупки, она успокоится. Ей нужно успокоиться.

Плиты мостовой на площади Мол Хара все еще влажно блестели после утреннего дождя, в воздухе витал приятный запах соли, напоминавший Бетамин о деревне у Моря Л'Хай, где она родилась, хотя и приходилось кутаться в плащ из-за мороза. В Абунаи всегда было тепло, и ей так и не удалось привыкнуть к холодам, сколько она ни странствовала. Однако сейчас мысли о доме не приносили утешения. Бетамин шла по многолюдным улицам, столь напряженно размышляя о Ринне и Сите, что постоянно наталкивалась на людей и чуть не угодила под купеческий караван, покидавший город. Вопль возчика заставил ее вскинуться, и она еле успела отскочить в сторону. Фургон прогрохотал по мостовой, где она стояла секунду назад, а размахивавшая кнутом женщина на нее даже не оглянулась. У этих чужеземцев нет никакого понятия об уважении к *сул'дам*.

Ринна и Сита. У всех, бывших в Фалме, остались воспоминания, которые они хотели забыть, воспоминания, о которых говорили разве что в сильном подпитии. У Бетамин воспоминания тоже были, но помнила она не о кошмарном сражении с полузнакомыми привидениями из легенд и не об ужасе поражения, и не о безумных видениях в небесах. Ах, если бы она не поднималась в тот день наверх! Если бы она не пошла узнать, как дела у Тули, у *дамани* с чудесным даром к металлам. Но Бетамин заглянула в клетушку Тули. И увидела, как Ринна и Сита судорожно пытаются избавиться от надетых друг на друга *ай'дамов*. Они корчились от боли, их шатало от головокружения так, что они еле удерживались на коленях, но они лихорадочно продолжали дергать ошейники. Потеки рвоты покрывали их платья. В отчаянных попытках высвободиться они даже не заметили Бетамин, а она попятилась за порог, оглушенная ужасом.

Ужасом не только от того, что увидела, как две *сул'дам* обернулись *марат'дамани*, на нее саму неожиданно обрушилось страшное открытие – она узнала правду о себе. Ей часто мерещилось, что она почти наяву видит плетения *дамани*, а присутствие *дамани* и ее силу она всегда чувствовала. Многие *сул'дам* были на

то способны; всем известно, что это приходит с многолетним опытом работы с *ай'дамом*. Однако вид этой отчаянно дергавшейся парочки пробудил нежеланные мысли, невероятно и жутко усложнив то, что она принимала прежде как должное. Действительно ли она *почти* видит плетения – или видит их на самом деле? Иногда ей чудилось, будто она *чувствует* и то, как направляют Силу. Даже *сул'дам* обязаны ежегодно проходить проверку, вплоть до своих двадцать пятых именин, и ее проверки давали отрицательный результат. Вот только… Когда найдут Ринну и Ситу, введут новую проверку, чтобы обнаружить *марат'дамани*, которые каким-то образом проскочили через сито прежних испытаний. От такого удара могла содрогнуться и сама Империя. И, мысленно видя перед собой Ринну и Ситу в серебристых ошейниках, она с полной уверенностью понимала, что после такой проверки она, Бетамин Зиами, больше не будет уважаемой горожанкой. Вместо этого Империи станет служить *дамани* по имени Бетамин.

Ей не давал покоя затаившийся в глубине души стыд. Она поставила личный страх впереди служения Империи, впереди всего, что считала правильным и полезным. Битва обрушилась на Фалме, битва и кошмары, но она не бросилась вместе с *дамани* на передовую линию. Вместо этого, воспользовавшись смятением, она раздобыла лошадь и бежала с поля боя, подгоняя животное что было сил.

Бетамин вдруг поняла, что стоит и смотрит в окно мастерской белошвейки, не видя выставленных там товаров. Да ей и не хотелось на них смотреть. Многие годы она практически носила только один наряд – синее платье с красными вставками, изображающими раздвоенные молнии. И уж точно не стала бы надевать нечто, столь неприлично открывающее грудь. Юбки крутанулись у лодыжек, и она стремительно зашагала дальше, но никак не получалось выбросить из мыслей ни Ринну с Ситой, ни Сюрот.

Очевидно, скованную ошейниками пару *сул'дам* обнаружила Алвин и сообщила о них Сюрот. И Сюрот оберегла Империю, взяв Ринну и Ситу под свое покровительство, как ни опасно это было. А что, если они вдруг начнут направлять Силу? Наверное, для Империи было бы лучше, если бы Сюрот подстроила их смерть, хотя убийство *сул'дам* даже для Верховных Высокородных остается убийством. Две подозрительные смерти среди *сул'дам* наверняка привлекли бы внимание Взыскующих. Так что Ринна и Сита остались на свободе, если это можно так назвать, поскольку им с тех пор больше ни разу не разрешали становиться «совершенными». Алвин исполнила свой долг и удостоилась высокой чести, став Глашатаем Сюрот. Сюрот также исполнила свой долг, как бы

ни было ей тяжело и противно. И новой проверки не ввели. Бегство Бетамин было напрасным и бессмысленным. И если бы она осталась, она не попала бы в Танчико – в кошмар, который ей хотелось забыть еще сильнее, чем Фалме.

Мимо промаршировал отряд Стражей Последнего Часа, великолепных в своих доспехах, и Бетамин постояла, любуясь ими. От них по толпе разбегалась волна, словно то шел огромный корабль под полными парусами. Какая радость наступит в городе, и в стране тоже, когда Туон наконец-то откроет себя! Какой будет устроен праздник в честь ее появления – как будто она только что прибыла. Бетамин чувствовала нечто вроде тайного удовольствия, думая так о Дочери Девяти Лун, совсем как в детстве, когда делала что-нибудь запрещенное, хотя, разумеется, пока Туон не снимет вуаль, она считается просто Верховной Леди Туон, не выше Сюрот. Стражи Последнего Часа, душой и сердцем преданные Императрице и Империи, протопали мимо, и Бетамин двинулась в противоположном направлении. В прямом и переносном смысле – с тех пор, как она душой и сердцем предалась мысли сохранить собственную свободу.

Крохотная гостиница, втиснувшаяся между общественными конюшнями и лавочкой, где торговали лакированными изделиями, носила громкое название «Золотые лебеди небес». В лавочке было полным-полно офицеров, скупавших все подряд, в конюшнях было полным-полно лошадей, собранных по жребию и еще не распределенных, а в «Золотых лебедях небес» было полным-полно *сул'дам*. Просто битком набито, без всякого преувеличения, во всяком случае после наступления ночи. Бетамин еще повезло, что с ней на одной кровати спят только две женщины. Получив распоряжение принять как можно больше постояльцев, хозяйка гостиницы распихивала и по четыре-пять на кровать, если считала, что столько туда влезет. Тем не менее, постели были чистые, еда – приемлемая, хоть и необычная. И Бетамин радовалась, что вообще спит на кровати, а не на сеновале – другого выбора не было.

В этот час места у круглых столов в общей зале пустовали. У некоторых из живших здесь *сул'дам* наверняка были свои обязанности, а остальные просто не желали встречаться с хозяйкой гостиницы. Скрестив на груди руки и хмурясь, Дарнелла Шоран наблюдала, как несколько служанок старательно подметают выложенный зелеными плитками пол. Костлявая женщина с седыми волосами, закрученными на затылке в узел, она очень напоминала *дер'сул'дам*, несмотря на нелепый кинжал, украшенный дешевыми красными и белыми камешками. Служанки считались людьми свободными, но стоило содержательнице заговорить,

они вздрагивали так, словно были у нее в собственности.

Бетамин и сама слегка вздрогнула, когда эта Шоран повернулась к ней.

– Вам, госпожа Зиами, известны мои правила насчет мужчин? – громогласно спросила она. Замедленная речь этих людей до сих пор казалась слуху странной. – Слыхала я о ваших чужеземных обычаях, и коли вы таковы, это ваше дело, но не под моей же крышей! Если угодно встречаться с мужчинами, пожалуйста, но только где-нибудь в другом месте!

– Уверяю вас, госпожа Шоран, я не встречаюсь с мужчинами ни здесь и ни в каком другом месте.

Та, насупив брови, с подозрением воззрилась на шончанку.

– Ну, он явился сюда, спрашивал вас по имени. Хорошенький такой, светловолосый мужчина. Не мальчишка, но и не старый еще. Один из ваших, так слова растягивает, что едва поймешь.

Бетамин, как могла, успокаивала и убеждала хозяйку гостиницы, что не знает никого, кто подходил бы под это описание, и что ее обязанности не оставляют времени на мужчин. И то и другое было правдой, однако при нужде она могла бы и соврать. «Золотые лебеди» не были реквизированы, и спать втроем в одной кровати *намного* предпочтительней, чем на сеновале. Бетамин попыталась выведать, как отнесется хозяйка к какому-нибудь скромному подарку, думая приобрести его, когда пойдет по лавкам. Однако госпожу Шоран предложение преподнести ей нож с более яркими самоцветами как будто оскорбило. Бетамин не имела в виду дорогой вещи, которую можно было бы расценить как подкуп – или почти не имела, – однако госпожа Шоран, видимо, восприняла ее предложение именно так. Она возмущенно нахмурилась и разворчалась. Во всяком случае Бетамин показалось, что ей не удалось изменить мнение хозяйки о себе ни на волосок. Почему-то та полагала, что все свободное время они предаются разврату. Госпожа Шоран все еще хмурилась, когда Бетамин стала подниматься к себе по лестнице без перил, притворяясь, что думает исключительно о предстоящем походе за сувенирами.

Однако ее тревожило, что это был за человек. Среди ее знакомых похожих на описанного хозяйкой уж точно не водилось. По всей видимости, он приходил из-за ее расспросов, но если так, если он сумел ее выследить, значит, она оказалась недостаточно осмотрительной. Возможно, что и опасно неосмотрительной. Тем не менее она надеялась, что он вернется. Ей нужно знать. Нужно!

Открыв дверь в свою комнату, Бетамин застыла на пороге. Невероятно – ее железный денежный ящичек лежал на кровати с открытой крышкой. Замок был очень хорош, а единственный ключ спрятан на самом дне ее поясного кошеля. Вор находился

здесь же, в комнате, и, как ни странно, листал ее дневник! Как, во имя Света, мужчина сумел проскользнуть мимо недреманного ока госпожи Шоран?

Оцепенение длилось лишь мгновение. Бетамин, выхватив из ножен на поясе нож, открыла рот, собираясь позвать на помощь.

Выражение лица незнакомца нисколько не изменилось, он не попытался ни бежать, ни напасть на нее. А просто достал из кошеля какой-то маленький предмет и, протянув руку, показал его ей. У Бетамин перехватило дыхание, и она едва не подавилась застрявшим в горле криком. Мгновенно онемевшими пальцами она сунула клинок обратно в ножны и вытянула руки, показывая, что оружия нет и что она не станет тянуться к клинку. В руке незнакомца была костяная, позолоченная по краям табличка с выгравированными вороном и башней. Может быть, он, как сказала госпожа Шоран, и был хорошеньким, но только сумасшедшая могла так подумать о Взыскующем Истину. Хвала Свету, что ничего опасного она в дневник не записывала. Но он что-то знает. Он искал ее, спрашивал по имени. О Свет, наверное, он что-то знает!

– Закрой дверь, – тихо произнес мужчина, убирая табличку в кошель, и она подчинилась. Хотя ей хотелось бежать. Умолять о снисхождении. Но он – Взыскующий Истину, и она осталась на месте, сотрясаемая дрожью. К ее изумлению, он бросил дневник обратно в ящичек и указал на единственный в комнате стул. – Садись. Ни к чему, чтобы ты чувствовала себя неудобно.

Бетамин медленно повесила свой плащ и села на стул, впервые не замечая, какая у него неудобная спинка, до странности смахивающая на перекладины лестницы. Свою дрожь она скрыть и не пыталась. Любой из Высокородных, любой из Верховных затрясся бы от страха, начни ему задавать вопросы Взыскующий. У нее еще теплилась надежда. Он же мог просто приказать ей следовать за ним. Возможно, ему известно не все.

– Ты задавала вопросы о капитане корабля, которую зовут Эгинин Сарна, – сказал он. – Почему?

Надежда рухнула, и обломки ее больно ранили душу.

– Я искала старую подругу, – дрожащим голосом промолвила Бетамин. Самая лучшая ложь – та, в которой есть изрядная доля правды. – Мы вместе были в Фалме. Я не знаю, жива ли она вообще.

Ложь Взыскующему являлась изменой, но свою первую измену она совершила, дезертировав в битве при Фалме.

– Жива, – коротко сказал он. Не сводя с нее глаз, Взыскующий присел на краешек кровати. Глаза у него были голубые, и от их пронзительного взгляда ей захотелось закутаться в плащ. – Она –

герой, Капитан Зеленых и отныне леди Эгинин Тамарат. Так ее наградила Верховная Леди Сюрот. Она тоже здесь, в Эбу Дар. Ты возобновишь свою дружбу с нею. И будешь сообщать мне о ней все – с кем она встречается, где бывает, что говорит. Все без исключения.

Бетамин крепко стиснула челюсти, чтобы не разразиться истерическим смехом. Ему нужна Эгинин, а не она. Слава Свету! Слава Свету за его бесконечную милость! Она всего-то хотела знать, жива ли Эгинин, приняла ли та меры предосторожности. Однажды Эгинин освободила ее, однако все те десять лет, что Бетамин ее знала прежде, Эгинин была образцовым служакой. И нельзя было сбрасывать со счетов возможность того, что Эгинин раскается в своем единственном отступлении от правил, неважно, сколь дорого пришлось бы заплатить за проступок, но, чудо из чудес, этого не случилось. А если Взыскующему нужна она, а не… Перед мысленным взором Бетамин возникли и другие возможности, некоторые превратились в уверенность, и больше ей смеяться не хотелось. Вместо этого она нервно облизнула губы.

– Как?.. Как мне возобновить нашу дружбу? – Да их отношения никогда не были дружбой, просто знакомством, но сейчас поздно об этом говорить. – Вы сказали, что она возвышена до Высокородной. Всякая инициатива должна исходить от нее. – Страх придал ей смелости. И привел в ужас, как в Фалме. – Зачем я вам понадобилась как Слухач? В любое время, когда вам угодно, вы можете допросить ее.

Бетамин больно прикусила себе щеку, чтобы язык не болтал лишнего. О Свет, ей меньше всего хочется, чтобы он так поступил. Взыскующие были потаенной дланью Императрицы, да живет она вечно. Именем Императрицы он мог даже Сюрот допросить, а то и саму Туон. Правда, в случае ошибки его ждала бы страшная смерть, но в случае с Эгинин риск был мал. Кто она такая – всего лишь одна из Высокородных низшего ранга. Если он допросит Эгинин…

К потрясению Бетамин, он, вместо того чтобы потребовать исполнения приказа, сидел, разглядывая ее.

– Кое-что я объясню, – промолвил Взыскующий, и это потрясло ее еще сильней. Насколько знала Бетамин, Взыскующие никогда ничего не объясняли. – Ты не принесешь пользы ни мне, ни Империи, если погибнешь, а ты обязательно погибнешь, если не поймешь, с чем тебе предстоит столкнуться. Если ты хоть словечком кому-то обмолвишься о том, что я скажу, ты будешь мечтать о Башне Воронов как о милости – лишь бы не попасть туда, где иначе окажешься. Слушай и запоминай. Эгинин была послана в Танчико до того, как город пал перед нами, и среди прочего у нее

было задание отыскать *сул'дам*, выживших после сражения у Фалме. Как ни странно, она никого не нашла, в отличие от других, от тех, кто помог, например, вернуться тебе. Вместо этого она убила обнаруженную*сул'дам*. Я сам обвинил ее, и она даже не потрудилась отвергнуть обвинение. Она даже не оскорбилась, не выказала возмущения. Более того, она тайно якшалась с Айз Седай. – Он бесстрастно произнес это название, без обычного омерзения, скорее, словно читая обвинение. – Когда она покинула Танчико, она отправилась в путь на корабле, которым командовал человек по имени Байл Домон. Он пытался оказать сопротивление, когда его корабль захватили, и был обращен в собственность. Эгинин же выкупила его и немедленно сделала *со'джин*, из чего следует, что он для нее что-то значит. И что примечательно, этого же человека она привела в Фалме к Верховному Лорду Тураку. Он привлек к себе такое внимание Верховного Лорда, что его часто приглашали для бесед с Тураком. – Взыскующий поморщился. – У тебя нет вина? Или бренди?

Бетамин вздрогнула.

– Кажется, у Айоны была где-то фляжка местного бренди. Это крепкий напиток…

Он велел тем не менее налить кубок, и она поспешила подчиниться. Ей хотелось, чтобы он продолжал говорить, все что угодно, лишь бы оттянуть неизбежное. Она точно знала: Эгинин не убивала *сул'дам*, однако приведи Бетамин тому доказательство – и она будет обречена на горькую участь Ринны и Ситы. Если ей повезет. Если этот Взыскующий понимает свой долг перед Империей так же, как Сюрот. Глядя в оловянную кружку, он взболтал темное яблочное бренди. Бетамин села на прежнее место.

– Верховный Лорд Турак был великим человеком, – пробормотал Взыскующий. – Возможно, одним из величайших, которых видела Империя. Жаль, что его *со'джин* решили последовать за ним в смерти. Честь для них, только невозможно удостовериться, не причастен ли Домон к той шайке, что убила Верховного Лорда. – Бетамин вздрогнула. Порой, конечно, Высокородные погибают от рук таких же Высокородных, но слово «убийство» никогда не произносится. Взыскующий продолжал, по-прежнему глядя в кружку, которую так и не пригубил: – Верховный Лорд приказал мне следить за Сюрот. Он подозревал, что она представляет угрозу для самой Империи. Это его собственные слова. И с его смертью она сумела получить командование над Предвестниками. У меня нет доказательств, что она приказала его убить, но это больше, чем предположение. Сюрот привела в Фалме *дамани*, юную девушку, которая была Айз Седай, – и опять это название было произнесено ровно и жестко, – и которая каким-то образом сбежала

в тот самый день, когда погиб Турак. В окружении Сюрот также есть *дамани*, которая была когда-то Айз Седай. Без ошейника ее никогда не видели, но… – он пожал плечами, словно это было для него не столь важно. Бетамин вытаращила глаза. Кто бы мог снять ошейник с *дамани?* Хорошо обученная *дамани* – настоящая радость, но без привязи это все равно что пьяный *гролм!* – Представляется весьма вероятным, что среди своей собственности она вдобавок скрывает *марат'дамани*, – говорил далее Взыскующий, словно бы и не перечислял преступления, тяжестью лишь немногим уступающие измене. – Полагаю, Сюрот отдала приказ убить всех *сул'дам*, сумевших добраться до Танчико, вероятно, для того, чтобы скрыть факт встреч Эгинин с Айз Седай. Ведь вы, *сул'дам*, говорят, можете определить *марат'дамани* с одного взгляда. Верно?

Он внезапно поднял глаза на Бетамин, и она умудрилась ответить на его стылый взор улыбкой. Это лицо могло бы принадлежать кому-нибудь другому, но вот глаза… Она порадовалась, что сидит. Колени дрожали так сильно, что было удивительно, как этого не видно под юбками.

– Боюсь, это будет не очень просто. – Ей почти удалось совладать с голосом – тот вроде не дрогнул. – Вы… Наверняка вам известно достаточно, чтобы обвинить Сюрот в у… у… в убийстве Верховного Лорда Турака. – Если он возьмется за Сюрот, незачем будет вовлекать в дело ее, Бетамин или Эгинин.

– Турак был великим человеком, но долг мой – в служении Императрице, да живет она вечно, а через нее – Империи. – Он одним большим глотком выпил бренди, и лицо его было таким же твердым, как и голос. – Смерть Турака – пыль рядом с опасностью, угрожающей Империи. Айз Седай этих земель стремятся пробиться к власти в Империи, хотят вернуть дни хаоса и убийств, когда ни один человек не мог закрыть вечером глаза в уверенности, что завтра проснется. И им помогает источающий яд червь – червь измены, что подтачивает Империю изнутри. Может статься, Сюрот даже и не голова этого червя. Ради блага Империи я не смею схватить ее прежде, чем смогу убить червя целиком. Эгинин – это та ниточка, по которой я доберусь до червя, а ты – ниточка к Эгинин. Поэтому ты возобновишь дружбу с нею, чего бы это ни стоило. Ты поняла меня?

– Я поняла, и я повинуюсь. – Голос Бетамин дрожал, но что еще она могла сказать? Да спасет ее Свет, что еще она могла сказать?

Глава 21

ВОПРОС СОБСТВЕННОСТИ

Эгинин лежала на кровати, повернув поднятые руки ладонями вверх и растопырив пальцы. Светло-голубые юбки были веером раскинуты поверх ног, и она старалась не шевелиться, чтобы не помять узкие складки плиссе. Судя по тому, как платья стесняют движения, они – выдумка Темного Повелителя. Лежа на спине, Эгинин рассматривала свои ногти – слишком длинные, теперь и за трос не возьмешься, наверняка обломаешь. Нельзя сказать, чтобы последние несколько лет она самолично бралась за такелаж, но хороший капитан должен быть всегда к этому готов, должен при необходимости уметь сам справиться с работой матроса.

– …совершенная глупость! – рычал Байл, тыча кочергой в поленья, пылавшие в камине. – Направь меня удача, «Морской ястреб» способен идти круче к ветру и быстрее, чем любой когда-либо построенный шончанский корабль. К тому же впереди были шквалы, и… – Она почти не прислушивалась, поняв только, что он перестал ворчать насчет комнаты и вернулся к старому спору. Комната, обшитая темными панелями, была в «Страннице» не самой лучшей, однако вполне удовлетворяла запросу. Не считая вида из окна – два окна выходили на двор конюшни. Капитан Зеленых по рангу был практически равен генералу знамени, но здесь большинство тех, кого она превосходила званием, были адъютантами или секретарями старших офицеров Непобедимой Армии. Как в сухопутной армии, так и на флоте принадлежность к Высокородным дает мало преимуществ, если только ты не относишься к числу Верховных.

Ногти ее мизинцев блестели лаком цвета морской волны. Эгинин всегда надеялась возвыситься, а со временем, возможно, стать и Капитаном Золотых, командовать флотами, как ее мать. Девочкой она даже мечтала именоваться Дланью Императрицы на Море и, подобно матери, стоять по левую руку от Хрустального Трона, быть *со'джин* самой Императрицы, да живет она вечно, иметь позволение говорить непосредственно с ней. У молодых женщин бывают глупые мечты. И она признавалась себе, что, когда ее выбрали в число Предвестников, она подумывала, не обретет ли новое имя. Не то чтобы надеялась на это – слишком высоко занесли бы ее надежды, – однако всем было известно, что возвращение украденных земель означало бы и новые добавления к числу Высокородных. Теперь она – Капитан Зеленых, на

десять лет раньше, чем смела надеяться на это звание, и стоит на склоне той крутой горы, что возносится к облакам, к величественному шпилю Императрицы, да живет она вечно.

Однако Эгинин сомневалась, что ей дадут под командование один из огромных кораблей, тем более эскадру. Сюрот заявила, что приняла ее рассказ, но коли так, почему Эгинин оставили на Канторине? Почему, когда наконец пришли распоряжения, ее направили сюда, а не на корабль? Конечно, здесь найдется дело даже для Капитана Зеленых. Возможно, поэтому. Возможно, сыграло свою роль то, что ее приблизила к себе Сюрот, хотя в приказах говорилось лишь, что ей предписано отбыть при первой же возможности в Эбу Дар и ждать дальнейших указаний. Может быть. Верховные могли говорить с более низкими по рангу Высокородными и без посредничества Глашатая, но Эгинин казалось, будто Сюрот забыла о ней сразу же, как объявила о награде и отпустила. Что могло означать также, что Сюрот ее в чем-то подозревает. Все эти рассуждения можно повторять до бесконечности. В любом случае скорее она проживет, питаясь забортной водой, чем тот Взыскующий откажется от своих подозрений. Кроме подозрений, у него ничего нет, иначе Эгинин давно оказалась бы в темнице, однако если Взыскующий тоже здесь, в городе, он наверняка следит за ней, ожидая оплошности. Теперь он не может и капли ее крови пролить, однако Взыскующие наловчились обходить столь малые помехи. Но если он только следит, так и пусть следит, пока глаза не выпадут. Теперь у нее под ногами устойчивая палуба, и сходить с нее она будет с превеликой осторожностью. Пусть звание Капитана Золотых теперь недостижимо, однако почетно уйти в отставку и Капитаном Зеленых.

– Ну? – спросил Байл. – Что скажешь?

Крупный, крепкий и сильный мужчина, того типа, которому Эгинин всегда благоволила, Байл стоял возле ее кровати в рубашке, с хмурой миной на лице, уперев кулаки в бедра. Вовсе не такую позу следует принимать *со'джин* со своей хозяйкой. Вздохнув, Эгинин уронила руки на живот. Байл никогда не научится тому, как должен вести себя *со'джин*. Он принимал все за шутку, за игру, словно что-то невзаправдашнее. Иногда он говорил даже, что хочет быть ее Голосом, ее Глашатаем, сколько она ни твердила, что она не Верховная Высокородная. Однажды она велела его высечь, а после он отказывался спать с ней в одной кровати, пока она не извинится. Извинится!

Она мысленно торопливо пробежалась по услышанному вполуха из его ворчания. Да, все тот же спор, все те же доводы. Ничего нового. Перебросив ноги через край кровати, она села и начала на пальцах отмечать свои доводы. Она проделывала это так ча-

сто, что могла бы отбарабанить их наизусть.

– Попытайся ты бежать, *дамани* на другом корабле обломала бы твои мачты, как прутики. Это была не случайная остановка, Байл, и тебе это известно. Первый их оклик – они требовали ответить, не называется ли твой корабль «Морским ястребом». Заставив тебя повернуть круче к ветру и заявив, что мы направляемся в Канторин с даром для Императрицы, да живет она вечно, я развеяла их подозрения. Любое другое действие – любое! – и нас бы заковали в цепи, посадили под замок и продали сразу, как только пришли в Канторин. Сомневаюсь, что нам бы настолько повезло, чтобы вместо этого нас ждала встреча с палачом. – Она выставила большой палец. – И последнее – если бы ты сохранил спокойствие, как я тебе сказала, тебя бы и с торгов не продавали. Ты мне очень дорого обошелся!

Видимо, некоторые женщины в Канторине тоже питали слабость к этому типу мужчин, и Домон не оставил их равнодушными. И цену они подняли непомерную.

Упрямец набычился и недовольно почесал свою короткую бородку.

– И все равно я уверен, что мы могли бы сбросить все за борт, – пробурчал он. – У того Взыскующего нет никаких доказательств, что было у меня на борту.

– Взыскующим не нужны доказательства, – сказала Эгинин, передразнивая его выговор. – Взыскующие добывают доказательства, причем весьма болезненным способом. Болезненным для других. – Если он вынужденно заговорил о том, о чем так долго молчал, может, разговор близок к концу. – Во всяком случае, Байл, ты уже сам признал – нет ничего плохого в том, что этот ошейник и браслеты оказались у Сюрот. Их нельзя на него надеть, если только не подобраться совсем близко, и я ничего не слышала о том, чтобы кто-то пытался или намеревался так сделать. – Она воздержалась от замечания, что даже если кто-то и подберется, это не важно. Байл не слишком хорошо знал даже варианты Пророчеств, известные по эту сторону Мирового Моря, но был тверд как кремень в том убеждении, что ни в одном из них не упоминалось, что Дракон Возрожденный должен преклонить колени перед Хрустальным Троном. Последнее могло бы послужить доказательством, для чего нужен тот мужской *ай'дам*, но Байл никогда этого не поймет. – Что сделано, то сделано, Байл. Если Свет осияет нас, мы проживем долго, служа Империи. Кстати, говоришь, ты знаешь город? Что тут есть интересного, что стоит посмотреть? Куда сходить?

– Здесь всегда бывают какие-нибудь праздники, – медленно и скупо промолвил Байл. Он не любил отказываться от спора, сколь

бы напрасным тот ни был. – Некоторые тебе понравятся. А некоторые нет. Ты… придирчива. – Что он хотел этим сказать? Вдруг Байл ухмыльнулся: – Мы могли бы найти Мудрую Женщину. Тут они выслушивают брачные клятвы. – Он провел ладонью по выбритой стороне головы, закатил глаза, словно пытаясь увидеть свою макушку. – Конечно, если припомнить твои лекции о «правах и привилегиях» моей должности, *со'джин* может жениться только на *со'джин*, так что сначала тебе нужно освободить меня. Направь меня удача, у тебя еще нет и пяди обещанных поместий. Я могу заняться старой доброй торговлей и очень скоро подарю тебе поместье.

Эгинин изумленно раскрыла рот. А это уже совсем не похоже на старые споры. Нечто совершенно новенькое. Эгинин всегда гордилась своей уравновешенностью. На командный мостик она поднялась благодаря своему умению и смелости, прошла через многие битвы, штормы и кораблекрушения. Но в этот момент почувствовала себя вдруг отправившейся в первое плавание «рыбешкой», глядящей с верхотуры главной мачты в ужасе и ошеломлении на то, как весь мир качается вокруг, ожидая неминуемого падения в море.

– Это не так просто, – сказала Эгинин, поднявшись на ноги так резко, что он сделал шаг назад. Свет свидетель, как она ненавидит этот свой срывающийся голос. – Вольная требует от меня обеспечить тебя, чтобы ты мог жить свободным человеком, ни в чем не нуждаясь. – О Свет! Эти слова, что она произносит, ничуть не лучше срывающегося голоса. Она представила себя на палубе. Это немного помогло. – В твоем случае, думаю, это значит, что нужно купить тебе корабль, – сказала она более-менее спокойным голосом, – и, как ты напомнил, поместий у меня еще нет. Кроме того, я не могу позволить тебе вновь заняться контрабандой, и тебе это известно.

Большая часть была сущей правдой, а остальное – не совсем ложь. Годы, проведенные на море, принесли хороший доход, и пусть накопленное ею золото очень многие Высокородные не сочли бы за богатство, Эгинин вполне могла купить корабль – если только Байлу не понадобится крупнотоннажное судно, – но этого она на самом деле и не отрицала.

Он раскрыл ей объятия – еще одно, не положенное ему, – и она, помешкав мгновение, прижалась щекой к его широкому плечу и позволила обнять себя.

– Все будет хорошо, любовь моя, – нежно проворковал он. – Так или иначе все будет хорошо.

– Байл, ты не должен называть меня «любовь моя», – пожурила его Эгинин, глядя поверх его плеча в сторону камина. Почему-то

никак не получалось сфокусировать взгляд на камине.

Перед отплытием из Танчико она решила выйти за него замуж – то было одно из молниеносных озарений, составивших ей репутацию. Пусть Байл контрабандист, но она сумеет положить конец этому незаконному занятию, а он – постоянен, стоек, силен и умен, настоящий моряк. Последнее Эгинин считала самым необходимым. Только она не знала его обычаев. В некоторых областях Империи право просить о женитьбе принадлежало мужчинам, и их оскорбил бы даже намек на предложение со стороны женщины. Да и о том, как соблазнять мужчин, она ничего не знала. Немногие ее любовники были равны ей по званию, то были люди, к которым она могла подойти в открытую и попрощаться, если кого-то переводили на другой корабль или повышали. А он теперь был *со'джин*. Разумеется, нет ничего предосудительного в том, чтобы делить ложе со своим *со'джин*, если только не афишировать этого. Он бы, как обычно, расстилал тюфячок в ногах кровати, пусть даже никогда бы и не спал на нем. Но освободить *со'джин*, вырвать его из системы прав и привилегий, над которыми так насмехался Байл, было бы верхом бессердечия. Нет, она снова лжет, боясь правды, и, что хуже всего, лжет сама себе. Она всем сердцем хочет выйти замуж за мужчину по имени Байл Домон. Но она вовсе не уверена, что сможет заставить себя выйти замуж за отпущенную на волю собственность.

– Как прикажет миледи, так и будет, – сказал он, изображая светскую церемонность.

Она ткнула его под ребра. Несильно. Так, чтобы он хрюкнул. Должен же он хоть что-то усвоить! Ей больше не хотелось любоваться достопримечательностями Эбу Дар. А хотелось только стоять так, в объятиях Байла, целую вечность и не принимать никаких решений.

В дверь резко постучали, и она отпрянула. Ладно, хоть что-то он усвоил и не стал протестовать. Пока Байл натягивал куртку, Эгинин встряхнула плиссированные юбки и попыталась разгладить складочки, появившиеся после лежания на кровати. Что-то они слишком помялись, ведь она старалась лежать неподвижно. Стук мог означать вызов к Сюрот. А может, служанка пришла, узнать, не надо ли чего, но кто бы это ни был, Эгинин не хотела представать перед ними в таком виде, словно валялась на палубе.

Махнув рукой на платье и свои бесполезные старания, Эгинин подождала, пока Байл застегнется на все пуговицы и примет позу, которую он считал подходящей для *со'джин*. *Точно капитан на юте, готовый отдавать приказы,* подумала она со вздохом. Потом рявкнула:

– Войдите!

Женщину, которая появилась на пороге, она ожидала увидеть менее всего.

Бетамин нерешительно посмотрела на Эгинин, быстро вошла в комнату и тихо прикрыла за собой дверь. *Сул'дам* сделала глубокий вдох, потом опустилась на колени, держась как деревянная. Ее темно-синее платье с вышитыми на красных вставках молниями выглядело только что вычищенным и отглаженным. Резкий контраст с собственной растрепанностью вызвал у Эгинин раздражение.

– Миледи… – неуверенно начала Бетамин, сглотнула комок в горле. – Миледи, я прошу позволения поговорить. – Покосившись на Байла, она облизнула губы. – Наедине, если миледи соблаговолит?

Последний раз Эгинин видела ее в подвале в Танчико, когда сняла с Бетамин *ай'дам* и велела уходить. Этого достаточно для шантажа, будь даже Эгинин Верховной Леди! Несомненно, приговор за это таков, как и за освобождение *дамани*. Измена. Не считая того, что, если все откроется, обречена и сама Бетамин.

– Тебе от него нечего скрывать, Бетамин, – невозмутимо сказала Эгинин. Ее корабль – на мелководье, выручить может только спокойствие. – Что тебе нужно?

Бетамин ерзала на коленях, медлила, облизывая губы. Затем слова вдруг полились из нее потоком.

– Ко мне пришел Взыскующий и приказал возобновить нашу… наше знакомство и сообщать ему о тебе все. – Она закусила нижнюю губу и посмотрела на Эгинин. В темных глазах ее были отчаяние и мольба, как тогда, в подвале в Танчико.

Эгинин встретила ее взгляд холодным взором. Мелкие воды и нежданные шквалы. Вдруг получили объяснения странные приказы явиться в Эбу Дар. Ей незачем было спрашивать о внешности Взыскующего, она и так знала, что это должен быть тот же самый человек. Как незачем было спрашивать, почему Бетамин пошла на измену, предавая Взыскующего. Если он сочтет, что его подозрения достаточно обоснованны, и возьмет ее для допроса, Эгинин со временем расскажет все, что знает, в том числе и о некоем подвале, и очень скоро на Бетамин снова появится *ай'дам*. Единственная надежда Бетамин – помочь Эгинин избежать встречи с Взыскующим.

– Встань, – сказала она. – Присаживайся. – К счастью, в комнате было два стула, хотя и не слишком удобных с виду. – Байл, по-моему, в той фляжке на комоде есть бренди.

Бетамин так дрожала, что Эгинин пришлось помочь ей встать и подвести к стулу. Байл принес резные серебряные кубки с бренди и, вспомнив наставления, поклонился первой Эгинин и протя-

нул ей кубок, но, когда он отошел к комоду, она заметила, что он заодно и себе налил. Он стоял с кубком в руке и смотрел на женщин. Как ни в чем не бывало. Бетамин воззрилась на него круглыми глазами.

– Думаешь, тебя подвесили над заостренным колом, – сказала Эгинин, и *сул'дам* дернулась, испуганный взгляд ее метнулся к лицу Эгинин. – Ты не права, Бетамин. Единственное настоящее преступление, которое я совершила, – это твое освобождение. – Не совсем правда, но, в конце концов, именно она передала в руки самой Сюрот мужской *ай'дам*. А разговор с Айз Седай – не преступление. Взыскующий может подозревать – он пытался подслушивать под дверью в Танчико, – но она-то не *сул'дам*, которой в обязанности вменено ловить *марат'дамани*. И самое худшее, чем грозит ее проступок, – это выговор. – До тех пор, пока он не узнает об этом, у него нет оснований арестовывать меня. Если он хочет знать, о чем я говорю, или еще что-то, расскажи ему. Только помни – если он меня арестует, я назову твое имя. – Напомнила об этом Эгинин для того, чтобы предостеречь Бетамин. Вдруг ей придет в голову мысль, будто есть способ спастись, бросив на растерзание саму Эгинин. – Ему не придется заставлять меня кричать еще раз.

К изумлению Эгинин, *сул'дам* начала истерически смеяться. Пока Эгинин не наклонилась и не залепила ей оплеуху.

Мрачно потирая щеку, Бетамин сказала:

– Он знает почти все, миледи, *кроме* подвала. – И она начала описывать фантастическую паутину измены, связывавшую Эгинин, Байла, Сюрот, а возможно, и Туон, с Айз Седай и *марат'дамани*, и *дамани*, которая прежде была Айз Седай.

В голосе Бетамин начал прорезываться панический страх, она перескакивала от одного невероятного обвинения к другому, и Эгинин стала потихоньку прихлебывать бренди. Только прихлебывать. Она спокойна. Она держит себя в руках. Она… Это уже не мелкие воды. Она плывет вплотную к подветренному скалистому берегу, и сам Ослепляющий Души мечется, оседлав яростный шквал, грозя украсть ее глаза. Байл немного послушал, глаза его становились все больше и больше, а потом он одним махом выпил полный до краев темного крепкого напитка кубок. Эгинин с облегчением увидела его потрясение и почувствовала себя виноватой, что испытывает облегчение. Она не верила, что он убийца. Кроме того, он очень хорошо боролся руками, мечом же владел посредственно; с оружием или голыми руками, но Верховный Лорд Турак выпотрошил бы Байла, как карпа. Байла приплели в эту паутину лжи единственно потому, что его видели в Танчико с теми двумя Айз Седай. Полная бессмыслица. Чушь! Те две Айз

Седай ни к какому заговору отношения не имели, то была случайная встреча. Свет свидетель, они же совсем девчонки, наивные и невинные, чересчур мягкие сердцем, и отказались принять ее предложение перерезать глотку Взыскующему, когда была такая возможность. А жаль. Они *передали* ей тот мужской *ай'дам*. Ледяной холод пополз по позвоночнику. Если Взыскующий когда-нибудь узнает, что она намеревалась избавиться от *ай'дама* так, как предлагали Айз Седай, если хоть кто-то узнает, ее осудят по обвинению в измене – как случилось бы и в том случае, если бы ей удалось выбросить его в океанскую пучину. *А разве это не измена?* – спросила себя Эгинин. Темный собирается украсть твои глаза.

Слезы струились по лицу Бетамин, она прижимала свой кубок к груди, словно обнимая себя руками. Если она и пыталась сдержать дрожь, ей это не удавалось. Смотрела Бетамин на Эгинин, а может, на что-то позади нее. На что-то ужасное. Огонь в камине еще не прогрел комнату как следует, но на лице Бетамин блестели капельки пота.

– …и если он узнает о Ринне и Сите, – лепетала она, – то все будет знать доподлинно! Он придет за мной! И за другими *сул'дам*! Ты должна остановить его! Если он схватит меня, я выдам ему твое имя! Да!

Она вдруг нетвердой рукой поднесла кубок к губам и, проглотив содержимое, захлебнулась и закашлялась. Потом протянула кубок Байлу, чтобы тот налил еще. Но Байл не шелохнулся. Он был как дубиной оглушенный.

– Кто такие Ринна и Сита? – спросила Эгинин. Она была напугана не меньше *сул'дам*, но, как всегда, крепкой рукой обуздала свой страх. – Что о них может узнать Взыскующий? – Бетамин отвела глаза в сторону, не желая встречаться с Эгинин взглядом, и внезапно та поняла. – Они *сул'дам*, да, Бетамин? Как и ты? И на них тоже был надет ошейник, как и на тебя.

– Они на службе у Сюрот, – проскулила Бетамин. – Хотя им никогда не разрешат стать «совершенными». Сюрот все знает.

Эгинин устало потерла глаза. Возможно, в конце концов, заговор и существует. Или же Сюрот скрывает этих двоих, чтобы уберечь Империю. Империя зависит от *сул'дам*; мощь ее зиждится на них. Известие, что *сул'дам* способны научиться направлять, может потрясти Империю до основания. Ее саму эта новость поразила. Возможно, и потрясла до глубины души. Она сама по долгу службы не имела права освобождать Бетамин. Столь многое изменило в ней Танчико. Эгинин уже не считала, что на всякую женщину, обладающую способностью направлять Силу, необходимо надеть ошейник. На преступниц – безусловно, и на тех,

пожалуй, кто откажется присягнуть Хрустальному Трону, и… Она не знала. Когда-то в ее жизни была крепкая как скала уверенность, словно светила путеводная звезда, которая никогда не подведет. Как бы ей хотелось вернуть прежнюю жизнь. Как ей хочется быть хоть в чем-то уверенной.

– Я подумала… – начала Бетамин. Если она не перестанет без конца облизывать губы, от них скоро ничего не останется. – Миледи, если с Взыскующим… произойдет несчастный случай… может, опасность исчезнет вместе с ним.

О Свет, женщина *верит* в происки, направленные против Хрустального Трона, и готова закрыть на них глаза, чтобы спасти шкуру!

Эгинин встала, и Бетамин ничего не осталось, кроме как последовать ее примеру.

– Я подумаю над твоими словами, Бетамин. Приходи ко мне каждый день, если будешь свободна. Именно этого и ждет Взыскующий. Пока я не решу что-то, ничего не предпринимай. Поняла? Ничего, только исполняй свои обязанности и делай то, что скажу я.

Бетамин поняла. Она испытывала громадное облегчение от того, что теперь с опасностью придется иметь дело кому-то другому, и потому вновь опустилась на колени и поцеловала руку Эгинин.

Чуть ли не вытолкав женщину из комнаты, Эгинин закрыла дверь, а потом швырнула кубок в камин. Тот ударился о кирпичи, подпрыгнул, покатился по маленькому коврику на полу. Кубок был помят. Набор их подарил ей отец, когда она получила под начало первую команду. Казалось, из Эгинин высосало все силы. Из лунных лучей и теней случайностей Взыскующий сплел удавку и накинул ей на шею. Если только вместо смерти ее не обратят в собственность. От такой возможности Эгинин передернуло. Взыскующий загнал ее в ловушку, из которой не выбраться, что бы она ни сделала.

– Я могу его убить, – Байл размял руки, крепкие и сильные, как и он сам. – Помнится, он человек худой. Привык, что все подчиняются его слову. Вряд ли он ждет, что кто-то возьмет его за глотку.

– Байл, чтобы его убить, его нужно найти. А ты его не найдешь. Он не будет встречаться с нею дважды в одном и том же месте, и даже если ты станешь следить за ним, он ведь и внешность может изменить. Не будешь же ты убивать каждого мужчину, с которым она заговорит.

Эгинин, выпрямив спину, подошла к столу, где лежала ее доска с письменными принадлежностями, и отстегнула крышку. Украшенная резьбой в виде волн, со стеклянной чернильницей в се-

ребряной подставке и с серебряной песочницей, доска была подарком матери в честь ее первой командной должности. На аккуратно уложенных стопочкой листах тонкой бумаги красовался ее недавно полученный герб – меч и обвитый цепью якорь.

– Я напишу тебе вольную, – сказала Эгинин, макая в чернильницу серебряное перо, – и дам достаточно денег, чтобы оплатить дорогу морем. – Перо заскользило по бумаге. У нее всегда был хороший почерк. Записи в судовом журнале должны быть разборчивыми. – Боюсь, купить корабль не хватит, но на дорогу достаточно. С первым же кораблем покинешь город. Сбрей с головы оставшиеся волосы, и проблем не будет. Чудно видеть лысых мужчин без париков, но пока никто вроде… – Она охнула, когда Байл вытянул лист прямо у нее из-под пера.

– Если ты меня освобождаешь, ты не можешь мне приказывать, – сказал он. – Кроме того, ты же должна удостовериться, что, получив свободу, я смогу себя содержать. – Байл сунул лист бумаги в огонь и смотрел, как тот чернеет и съеживается. – Ты сказала – корабль, вот и выполняй обещание.

– Послушай хорошенько и пойми, – сказала Эгинин голосом, которым отдавала приказы с юта, но на Байла это не произвело никакого впечатления. Наверное, все дело в проклятом платье.

– Тебе нужна команда, – сказал он, не дав ей договорить, – и я смогу ее найти, даже здесь.

– И что мне делать с командой? У меня нет корабля. А если бы и был, куда бы я поплыла, где Взыскующий меня не отыскал бы?

Байл пожал плечами, словно не видел в ее вопросах ничего существенного.

– Сначала – команда. Я узнал того молодого парня на кухне. Того, что миловался с сидевшей у него на коленях женщиной. Брось гримасы корчить. В поцелуях нет ничего плохого.

Эгинин выпрямилась, готовая самым решительным образом наставить его на путь истинный. Она хмурилась, а не гримасничала, а та парочка тискалась прилюдно, вела себя по-скотски, а Байл – ее собственность! Он не смеет говорить с нею в подобном тоне!

– Его зовут Мэт Коутон, – продолжил Байл, едва Эгинин открыла рот. – Судя по наряду, он весьма преуспел в жизни и в обществе забрался высоко. Когда я его в первый раз увидел, он носил фермерскую одежду и спасался от троллоков, причем было это в месте, которого и троллоки-то боятся. А в последний раз – полыхало чуть ли не полгородка под названием Беломостье, а его и его друзей пытался убить Мурддраал. Судить не возьмусь, но все прочее будет больше того, во что я могу поверить. Но думаю, любой, кто сумел спастись от троллоков и Мурддраала, может

нам пригодиться. Особенно сейчас.

– Когда-нибудь, – проворчала Эгинин, – мне надо бы взглянуть на тех троллоков и Мурддраалов, о которых ты мне все уши прожужжал. – Эти твари не могли быть и вполовину так страшны, как их расписывал Байл.

Тот ухмыльнулся и покачал головой. Он знал ее мнение об этих так называемых Отродьях Тени.

– А еще лучше, что юный мастер Коутон появился на моем корабле не один, а со спутниками. И в нашем положении они тоже пригодятся. Одного ты знаешь. Том Меррилин.

У Эгинин перехватило дыхание. Меррилин – умный старик. И очень опасный. И он был с теми двумя Айз Седай, когда она встретила Байла.

– Байл, а это не заговор? Скажи мне. Пожалуйста!

Никто не говорит «пожалуйста» своей собственности, даже *со'джин*. Только когда чего-то очень сильно хочется.

Байл, снова покачав головой, оперся рукой на каминную полку и устремил взгляд в огонь.

– Айз Седай не могут без интриг, как рыбы не могут без воды. Они вступили бы в заговор с Сюрот, но вопрос: стала бы она сговариваться с ними? Я видел, как она смотрела на *дамани* – они для нее все равно что шелудивые собаки, с блохами и заразными болезнями. Может ли она хотя бы заговорить с Айз Седай? – Он поднял взор, и его глаза, чистые и открытые, ничего не скрывали. – Я скажу тебе чистую правду. Клянусь могилой своей бабушки, я убежден – никакого заговора нет. Но вдесятеро сильней я уверен, что не позволю ни Взыскующему, ни кому бы то ни было еще причинить тебе вред, чего бы мне это ни стоило.

Вот такие слова мог бы сказать всякий верный своему хозяину *со'джин*. Впрочем, она даже краем уха не слыхала, чтобы какой-нибудь *со'джин* был столь откровенен. И Эгинин понимала, что говорил Байл вовсе не как образцовый *со'джин*, а как человек, охваченный совсем другими чувствами.

– Спасибо, Байл. – Чтобы командовать, необходим уверенный голос, но сейчас Эгинин испытывала гордость, что голос ее хотя бы не дрожал. – Если сумеешь, отыщи этого мастера Коутона. И Тома Меррилина. Может, что-то и удастся сделать.

Уходя, Байл не стал кланяться, но Эгинин и в голову не пришло его упрекнуть. Она тоже не собиралась позволить Взыскующему схватить ее. Она остановит его во что бы то ни стало. Свое решение она приняла еще до того, как освободила Бетамин. Эгинин до краев наполнила бренди помятый кубок, намереваясь напиться, чтобы ни о чем не думать, но вместо этого сидела и глядела в темную жидкость, так и не пригубив. Во что бы то ни стало. О

Свет, она ничем не лучше Бетамин! Но понимание это ничего не меняло. Во что бы то ни стало.

Глава 22

ШАГ ИЗ НИОТКУДА

Рынок Амхара был в Фар Мэддинге одним из трех, где дозволялось торговать чужеземцам, но, несмотря на название, громадная площадь ничем не походила на рынок, здесь не было ни длинных прилавков, ни витрин, ни товаров. Несколько всадников, горстка закрытых портшезов, которые несли носильщики в ярких ливреях, и редкие экипажи с наглухо задернутыми шторками двигались сквозь негустую, но хаотичную толпу, какую увидишь в любом городе. Большинство народу плотно куталось в плащи – с окружавшего город озера задували порывы утреннего ветра, и холод подгонял людей больше, чем неотложные дела. Вокруг площади, как и вокруг двух других Чужеземных Рынков, вплотную стояли банкирские дома, крытые шифером каменные гостиницы, где останавливались купцы-иноземцы, а приземистые, лишенные окон склады, где они хранили товары, перемежались каменными конюшнями и обнесенными каменными оградами фургонными дворами. Фар Мэддинг был городом каменных стен и шиферных крыш. В это время года гостиницы были заполнены в лучшем случае на четверть, а из складов и фургонных дворов пустовало, наверное, больше, чем три четверти. Но придет весна, торговля оживится, и купцы будут платить втройне за любое место, какое сумеют найти.

На круглом мраморном пьедестале в центре площади высилась статуя Савион Амхара, в два спана высотой, в мраморных одеяниях, с искусно вырезанными цепями – знаками должности – на шее. Мраморное лицо Первой Советницы под мраморной диадемой хранило суровое выражение, а правая рука крепко сжимала рукоять мраморного меча, острие коего покоилось между обутых в туфли ног. Вытянутый же палец на поднятой левой руке предостерегающим жестом указывал в сторону Тирских Ворот, в трех четвертях мили отсюда. Фар Мэддинг зависел от купцов из Тира, Иллиана и Кэймлина, но Верховный Совет крайне настороженно относился к иноземцам и опасался тлетворного влияния их порочных обычаев. Рядом со статуей стоял солдат Уличной Стражи в стальном шлеме, в кожаной куртке с нашитыми внахлест прямоугольными металлическими бляхами и с эмблемой Золотой Руки на левом плече. Длинным гибким шестом стражник отгонял чернокрылых серых голубей. Савион Амхара относилась к числу трех наиболее уважаемых женщин в истории Фар Мэддинга, хотя

о них мало кто знал дальше берегов озера. Двое мужчин родом из этого города упоминались во всех историях мира, хотя, когда родился первый, город назывался Арен Мадор, а когда родился второй, он носил название Фел Морейна, однако в Фар Мэддинге многое бы дали, чтобы забыть Раолина Проклятие Тьмы и Юриэна Каменный Лук. Именно из-за этих двух человек Ранд и оказался в Фар Мэддинге.

Некоторые прохожие на Рынке Амхара оглядывались на проходившего Ранда, однако дважды на него никто не взглянул, хотя он был достаточно заметен – из-за голубых глаз и волос до плеч. Здесь волосы носили длиной иногда и до пояса, но либо подвязывая на затылке, либо закалывая особой заколкой. Впрочем, простая шерстяная одежда Ранда была неприметна, в лучшем случае такую мог носить оборотистый купец средней руки, а без плаща, несмотря на ветер с озера, был не один Ранд. Плащей не носили и кандорцы с раздвоенными бородками, и арафельцы с вплетенными в косицы колокольчиками, а также крючконосые салдэйцы – для них стоявшая в Фар Мэддинге погода казалась мягкой по сравнению с зимами в Порубежье, но в Ранде ничто не указывало на жителя Пограничных Земель. Сам же он просто не позволял холоду касаться себя, не замечая его, как мог бы не замечать жужжания мух. Плащ помешает, если вдруг придется действовать.

Впервые даже его рост не привлекал внимания. В Фар Мэддинге хватало очень высоких людей, и немногие из них были местными уроженцами. Сам Манел Рочайд был ниже Ранда всего на ладонь. Ранд держался далеко позади него, иногда даже позволяя своей добыче ненадолго исчезать из виду за людьми и портшезами. Травы Найнив превратили Ранда в брюнета, и он сомневался, что изменник-Аша'ман узнает его, даже если обернется. Он же ничуть не беспокоился, что упустит Рочайда. Большинство местных жителей одевались однообразно и скромно, разве что на груди и на плечах одежду украшала вышивка чуть поярче, да еще самые процветающие носили заколки для волос с драгоценными камнями. Чужеземные купцы предпочитали унылые блеклые наряды, дабы не казаться чересчур богатыми, а их охранники и возчики кутались в грубую шерсть. На этом фоне ярко-красная шелковая куртка Рочайда буквально бросалась в глаза. Он вышагивал по площади как король, рука его непринужденно лежала на рукояти меча, а отороченный мехом плащ парусом раздувался за спиной. Вот ведь болван. И этот хлопающий на ветру плащ и меч так и притягивали взоры. Напомаженные и закрученные усы выдавали в нем мурандийца, а ему стоило бы бриться как нормальному человеку. И этот меч… Напыщенный глупец, дурак

дураком.

Это ты дурак, коли приперся в это место, яростно выпалил в голове у Ранда Льюс Тэрин. *Безумие! Безумие! Нам нужно убираться! Непременно!*

Не обращая внимания на голос, Ранд потуже натянул перчатки и скорым шагом продолжал двигаться следом за Рочайдом. Несколько солдат Уличной Стражи, стоявших на площади, провожали того взглядами. Чужаков здесь считали возмутителями спокойствия и горячими головами, а мурандийцы повсюду славились чрезвычайной вспыльчивостью. А уж чужак с мечом тем более привлекал внимание стражников. Ранд порадовался, что свой меч оставил в гостинице вместе с Мин. В глубине сознания он ощущал ее сильнее, чем Илэйн или Авиенду – или Аланну. Их он осознавал очень смутно. Мин же как будто жила внутри него.

Как только Рочайд покинул Рынок Амхара и углубился в город, с крыш сорвались стаи голубей, но вместо того чтобы, как обычно, подняться в небо безупречными виражами, птицы начали сталкиваться друг с другом, а некоторые даже шлепнулись на мостовую, хлопая крыльями. Прохожие изумленно разинули рты, в том числе и стражники, за минуту до того напряженно следившие за Рочайдом. Но тот и не оглянулся, впрочем, заметь он голубей, это не имело бы значения. Он знал, что Ранд в городе, и знал, какое воздействие производит *та'верен*. Иначе его самого здесь не было бы.

Следуя за Рочайдом по Радостной улице, представлявшей из себя по сути две улицы, разделенные ровным строем облетевших серых деревьев, Ранд улыбался. Вероятно, Рочайд и его приятели считают себя очень умными. Возможно, они отыскали карту северной части Равнины Маредо, оставленную вверх ногами на полке в Тирской Твердыне, или нашли книгу о городах южной части, стоявшую не на своем месте в библиотеке дворца Айздайшар в Чачине, или наткнулись на другие следы, нарочно оставленные Рандом. Как будто маленькие ошибки, которые можно допустить в спешке, но две-три из них сразу словно стрелой указывали на Фар Мэддинг. Рочайд и остальные быстро – быстрее, чем предполагал Ранд, – поняли что к чему, а иначе им пришлось бы помочь, подтолкнуть в нужном направлении. Так или иначе значения это не имело.

Ранд не знал, почему раньше остальных явился мурандиец, но полагал, что они обязательно придут, чтобы попытаться закончить то, с чем не справились в Кайриэне. Торвал и Дашива, Гедвин и Кисман. Жаль, что никто из Отрекшихся не окажется настолько глуп, чтобы тоже прийти за ним сюда. Они пошлют других вместо себя. Ранда так и подмывало, воспользовавшись

случаем, убить Рочайда, не дожидаясь прибытия остальных. Даже здесь, где они были на равных, лучше всего уменьшить шансы противника. Два дня назад самодовольный Рочайд возник в Фар Мэддинге, в открытую задавая вопросы о высоком рыжеволосом мужчине, как будто тот вовсе не был тревогой всего мира. Рочайд встретился с несколькими мужчинами, более или менее подходившими под описание, но по-прежнему считал себя ловцом, а не зверем.

Ты нас привел на край гибели! – застонал Льэс Тэрин. *Оказаться здесь ничем не лучше смерти!*

Ранд передернул плечами. Насчет последнего он был согласен с бесплотным голосом. Он был бы рад, если в Льюс Тэрин убрался подальше. Но иногда выбирать приходилось между плохим и худшим. Рочайд шел впереди и был почти у него в руках. Сейчас было важно только это.

Чем дальше уходил Ранд по Радостной улице от Рынка Амхара, тем больше менялся вид серокаменных лавок и гостиниц. Ножовщиков сменили серебряных дел мастера, затем – златокузнецы. Портные и белошвейки вместо шерстяных нарядов выставляли в витринах вышитые шелка и парчу. На дверцах грохочущих по мостовой карет появились лакированные гербы, четверки и шестерки лошадей были подобраны по масти и статям, и все больше всадников ехали верхом на превосходных тайренских лошадях и на чистокровках, мало им уступавших. Портшезы с носильщиками стали столь же обычным делом, как и пешеходы, а среди последних встречалось куда больше слуг в ливреях, чем лавочников в богато вышитых на груди и по плечам кафтанах и платьях. Все чаще в заколках для волос поблескивало цветное стекло, а изредка – и жемчуга, и дорогие самоцветы, хотя редко кто из мужчин, чьи жены могли позволить себе покупать драгоценные камни, стал бы ходить пешком. Только холодный ветер оставался прежним, да еще патрули Уличной Стражи; они ходили по трое и настороженно высматривали малейшие нарушения порядка. Стражников здесь было поменьше, чем на Чужеземных Рынках, однако, как только из виду скрывался один патруль, тут же появлялся другой, а там, где на Радостную улицу выходила улочка пошире переулка, стояла каменная сторожевая вышка. По сигналу караульного стоявшие у подножия вышки два стражника готовы были в любой момент отправиться наводить порядок. Мир и покой в Фар Мэддинге поддерживался строго.

Ранд нахмурился. Рочайд продолжал идти по улице. Неужели он направляется к Площади Советниц, в самый центр острова? Там ничего нет, кроме Чертога Советниц, памятника более чем пятисотлетней давности, когда Фар Мэддинг был столицей Маре-

до, и контор самых богатых в городе женщин. В Фар Мэддинге богатым мужчиной считался тот, кому жена выделила щедрое содержание, или вдовец, получивший солидное наследство. Может, Рочайд собирается встретиться с Приверженцами Темного? Но если так, почему он тянул со встречей?

Вдруг на Ранда накатил приступ головокружения, чье-то мрачное лицо мгновенно затмило все перед глазами, и он налетел на прохожего. Высокий, выше Ранда, светловолосый мужчина в ярко-зеленой ливрее перехватил свою большую корзину и мягко поддержал его. Сбоку по загорелому лицу прохожего тянулся длинный шрам. Склонив голову, он пробормотал извинения и заторопился дальше.

Выпрямившись, Ранд тихо выругался.

Ты уже уничтожил их, прошептал в голове у него Льюс Тэрин. *Теперь ты должен уничтожить кого-то другого. Знать бы, скольких еще мы втроем уничтожим до того, как наступит конец?*

Заткнись! – яростно подумал Ранд, ответом ему стал хриплый издевательский смех. Не встреча с айильцем разозлила его. В Фар Мэддинге он повидал многих из Айил. По какой-то причине сотни айильцев после того, как им открылась правда о прошлом их народа, нашли здесь прибежище, и здесь они пытались следовать Пути Листа, имея о нем смутное представление и считая, будто он требует, чтобы они до конца жизни оставались *гай'шайн*. Ранда не взволновало ни неожиданное головокружение, ни то, чье именно лицо промелькнуло в тот момент перед его взором. Впереди он видел экипаж, который через поток портшезов и суетливого люда в ливреях тащила шестерка серых коней, видел входивших в лавки и выходивших оттуда мужчин и женщин, но красной куртки уже нигде не было видно. Он раздраженно стукнул кулаком по ладони.

Слепо кидаться вперед – верх идиотизма. Так можно выдать себя, а то и выскочить прямо на Рочайда. До сих пор тот думал, что Ранду неизвестно о его появлении в городе, а столь важным преимуществом нельзя бросаться. Ранд знал, где Рочайд снял комнаты, – в одной из гостиниц для чужеземцев. Можно послоняться поблизости от гостиницы завтра и дождаться другой возможности. К тому же ночью могут появиться и остальные. Ранд считал, что способен разом убить двоих или даже пятерых, но тогда без шума не обойдется. В схватке с пятью противниками его могут ранить, в лучшем случае ему придется бросить тут меч. А расставаться с мечом не хотелось – это ведь подарок Авиенды. А в худшем случае…

Глаз Ранда уловил мелькнувший на ветру отороченный мехом плащ, тот исчез за углом впереди, и Ранд бегом кинулся туда.

Стражники у вышки насторожились, тот, что наверху, вытащил из-за пояса трещотку. Один из стоявших внизу взялся за длинную дубинку, а второй потянулся за прислоненным к ступеньке лестницы ловчим шестом. Конец шеста был раздвоен в виде рогульки для того, чтобы поймать и удержать руку, ногу или шею, а само древко было унизано железными кольцами и могло выдержать удар мечом или топором. Цепкими суровыми глазами стражники напряженно следили за Рандом.

Он кивнул им и улыбнулся, потом нарочито внимательно всмотрелся в боковую улицу, якобы выискивая кого-то взглядом. Не бегущий вор, а человек, старающийся кого-то нагнать. Дубинка перекочевала обратно на пояс, ловчий шест вернулся к ступенькам. Больше Ранд на стражников не смотрел. Впереди он заметил плащ и вроде как красную куртку, владелец их, кажется, свернул на другую улицу.

Подняв руку, словно приветствуя кого-то, Ранд припустил вслед за Рочайдом, петляя между людьми и тележками уличных торговцев. Разносчики громкими криками старались привлечь внимание Ранда, да и любого другого, к своему товару, разложенному на лотках, – иголкам, булавкам, гребешкам и щеткам. Одежду с вышивкой тут носили немногие, а в волосах гораздо чаще встречались даже не простенькие заколки, а обыкновенные шнурки. Улочки, в лучшем случае узкие, если не тесные, да вдобавок еще и кривые, образовывали запутанный лабиринт, где дешевые гостиницы и узкие каменные доходные дома в три-четыре этажа возвышались над лавками мясников и жестянщиков, над цирюльнями, над свечными и горшечными мастерскими. По этим улицам вряд ли мог проехать экипаж, здесь не было ни портшезов, ни всадников, а редкие ливрейные лакеи с корзинами в руках шагали быстро, опустив взор, как и все остальные вокруг, не считая Уличной Стражи. Их патрули и сторожевые вышки даже здесь блюли порядок.

Но Ранду, по крайней мере, удалось ясно увидеть человека, за которым он следил. Наконец-то Рочайд сообразил, что лучше завернуться в плащ, спрятав под ним красную куртку и бесполезный меч, но сомнений в том, кто это, не было. Вообще-то говоря, сейчас и он как будто не хотел привлекать к себе внимания, крался вдоль домов, чуть не касаясь плечом стен. Вдруг он воровато оглянулся, а потом юркнул в переулочек между крохотной корзинной мастерской и гостиницей с вывеской такой грязной, что на ней и надписи было не разглядеть. Ранд чуть не усмехнулся и, не теряя времени, поспешил за Рочайдом. В переулках Фар Мэддинга сторожевых вышек не было и Уличной Стражи тоже.

Эти переулочки оказались еще более кривыми, чем улицы, с которых Ранд только что свернул, они беспорядочно изгибались и пересекались друг с другом в недрах каждого городского квартала. Рочайд исчез из виду, но Ранд слышал стук его сапог по влажной каменистой земле. Шаги отражались от безоконных каменных стен, эхо множило звуки, и вскоре Ранд утратил всякое представление, откуда доносятся шаги, но двигался дальше, пробегая через переходы, в которых едва разошлись бы два человека. Если бы эти два человека не были, конечно, врагами. Зачем Рочайд забрался в этакий лабиринт? Куда бы тот ни направлялся, он явно хотел туда дойти, не теряя напрасно времени. Но не мог же он знать, какими переулками быстрее добраться до места.

Вдруг Ранд сообразил, что слышит уже только собственные шаги, и замер как вкопанный. Тишина. С того места, где он стоял, были видны три переулочка поуже. Затаив дыхание, Ранд напряженно вслушивался. Тишина. Он уже собирался повернуть обратно, как вдруг услышал слабый стук в ближайшем проулке – словно кто-то, проходя, случайно задел камешек, и тот ударился о каменную стену. Самое лучшее – убить Рочайда и покончить с этим.

Ранд свернул за угол в переулок и увидел поджидавшего его Рочайда.

Плащ мурандийца был отброшен за спину, обе его руки лежали на мече. Рукоять была крест-накрест обвязана шнурами – залог мира Фар Мэддинга, – и ножны тоже оплетала сеть тонких шнуров. На лице Рочайда играла легкая, понимающая улыбка.

– Тебя, как голубя, легко поймать на наживку, – сказал он, медленно вытягивая меч. Шнуры были заранее разрезаны, а затем скреплены и на первый взгляд казались целыми. – Беги, если хочешь.

Ранд не побежал. Он сделал шаг вперед, левой ладонью ударив по головке рукояти меча Рочайда и удержав обнаженный наполовину клинок в ножнах. Глаза Рочайда расширились от удивления, однако он не понял, что зря торжествовал, – промедление его уже убило. Рочайд шагнул назад, стараясь освободить себе место и выхватить меч, но Ранд плавно двинулся за ним следом, не отпуская меча, и с разворотом от бедра нанес мощный удар правой рукой Рочайду в горло. Под согнутыми фалангами пальцев громко хрустнула гортань, и у предателя пропала всякая мысль убивать. Неуверенно попятившись, выпученными глазами глядя мимо Ранда, он обеими руками схватился за горло и отчаянно пытался втянуть воздух через перебитую трахею.

Ранд уже отвел руку для убийственного удара, под грудину, когда позади послышался шорох, и внезапно насмешка Рочайда

приобрела новый смысл. Сделав ему подножку, Ранд повалился на землю поверх него. Раздалось звяканье металла, с размаху врезавшегося в каменную стену, кто-то выругался. Падая, Ранд ухватился за меч Рочайда и, вытаскивая клинок из ножен, перекатился через плечо. Рочайд пронзительно вскрикнул, крик его оборвался бульканьем, а Ранд вскочил на ноги и, пригнувшись, развернулся ко входу в проулок.

На Рочайда изумленно смотрел Райфар Кисман, меч, которым он собирался проткнуть Ранда, торчал из груди Рочайда. На губах мурандийца пузырилась кровавая пена, он упирался пятками в землю и в кровь резал руки, хватаясь за отточенную сталь, словно бы мог вытолкнуть ее из себя. Среднего роста, бледный для тайренца, Кисман носил такую же неприметную одежду, что и Ранд, не считая, правда, перевязи для меча. Пряча оружие под плащом, он мог пройти в Фар Мэддинге незамеченным.

Его замешательство длилось всего одно мгновение. Едва Ранд вскочил, сжимая меч обеими руками, Кисман выдернул свой клинок и больше не глядел на бившегося в агонии соучастника. Он смотрел на Ранда, нервно перехватывая длинную рукоять меча. Не было сомнений, что он из тех, кто возгордился своим владением Силой в качестве оружия и совершенно забросил упражнения с мечом. Ранд же тренировался регулярно. Рочайд дернулся в последний раз и затих, уставившись в небо.

– Пора умереть, – негромко произнес Ранд, но как только он шагнул вперед, где-то позади тайренца затарахтела трещотка, ей монотонным стуком откликнулась другая. Уличная Стража.

– Они схватят нас обоих, – нервно прошептал Кисман. – Если они застанут нас возле трупа, то *повесят* обоих! Ты же знаешь, что повесят!

Он был прав, по крайней мере отчасти. Если их здесь обнаружит Стража, обоих бросят в тюрьму под Чертогом Советниц. Затрещали еще трещотки, поближе. Должно быть, стражники заметили, как трое мужчин один за другим нырнули в один и тот же проулок. Возможно, они даже видели у Кисмана меч. Ранд неохотно кивнул.

Тайренец с опаской попятился и, увидев, что Ранд не идет за ним, сунул меч в ножны и бросился бежать во всю прыть. Только плащ развевался за спиной.

Ранд швырнул одолженный меч на тело Рочайда и побежал в другую сторону. Оттуда трещоток пока еще не слышалось. Если повезет, он выберется на улицы и смешается с толпой раньше, чем его заметят. И не петли он боялся. Стоит сорвать перчатки и продемонстрировать Драконов на предплечьях, его вряд ли повесят, Ранд был в этом уверен. Но Советницы провозгласили, что

признают тот странный декрет, изданный Элайдой. Если Ранд окажется в тюремной камере, он проторчит там, пока за ним не пришлет Белая Башня. Поэтому он и бежал со всех ног.

Слившись с толпой на улице, Кисман облегченно вздохнул, увидев, что три солдата Уличной Стражи вбежали в тот самый переулок, откуда он только что выскочил. Запахнув плащ поплотнее, чтобы спрятать меч в ножнах, он двинулся с общим потоком, не быстрее и не медленнее прочих, не делая ничего, что привлекло бы внимание стражи. Вот двое стражников прошли мимо, неся на плечах шест, к которому был приторочен большой мешок, откуда торчала голова связанного по рукам и ногам пленника. Взгляд его дико метался по сторонам. Кисман содрогнулся. Чтоб сгореть его глазам, на этом месте мог быть и он! Он сам!

Он свалял дурака, позволив Рочайду втравить его в опасное дело и уговорить явиться сюда первыми. Предполагалось, что все будут ждать, пока не прибудет последний, а затем незаметно проскользнут в город. Рочайд же горел желанием урвать себе всю славу, убив ал'Тора; мурандиец просто спятил от желания доказать себе, будто он лучше ал'Тора. А теперь он мертв и едва не утянул за собой Райфара Кисмана, отчего Кисман пришел в неистовство. Больше славы он жаждал могущества и власти. Например, править Тиром из Твердыни. Или чего-то большего. Ему хотелось жить вечно. И это ему было обещано; власть и вечная жизнь – вот что ему причитается. Отчасти гнев его был вызван неуверенностью в том, что от них требуется убить ал'Тора. Великому Повелителю ведомо, как Кисману этого хочется – он только тогда заснет крепко, когда ал'Тор будет мертв и похоронен! – однако…

– Убейте его, – приказал М'Хаель, перед тем как отправил их в Кайриэн, но он был равно недоволен и тем, что они оказались разоблачены, и тем, что не выполнили порученного. Фар Мэддинг был их последним шансом; он дал это понять столь же ясно, сколь ясным бывает отражение в отполированной до блеска меди. Дашива попросту пропал. Кисман не знал, то ли тот сбежал, то ли был убит М'Хаелем, и ему было все равно.

– Убейте его, – позже отдал приказ Демандред, но при этом прибавил, что лучше им умереть, чем позволить вновь раскрыть себя. Перед кем бы то ни было, даже перед М'Хаелем, как будто он не знал о приказе Таима.

А еще позже Моридин сказал:

– Убейте его, если получится, но главное – принесите мне все, что при нем найдется. Тогда вами будет искуплен предыдущий проступок.

Этот говорил, что он – один из Избранных, и никакой безумец не стал бы делать подобное заявление, не будь оно правдой, однако Моридин, видимо, полагал, что принадлежащие ал'Тору вещи важнее его смерти, а убийство – второстепенно и не слишком-то необходимо.

Других Избранных, кроме Демандреда и Моридина, Кисман не знал, но и от этих двух у него болела голова. Они хуже кайриэнцев. Он подозревал: то, что они оставили недосказанным, способно отправить прямиком на встречу со смертью с той же легкостью, что и приказ за подписью Благородного Лорда. Ладно, как только прибудут Торвал и Гедвин, они вместе придумают…

Вдруг что-то ужалило его в правую руку, и он, оцепенев от страха, уставился на расплывавшееся по плащу кровавое пятно. На глубокий порез не похоже, и ни один карманник не стал бы полосовать ему руку.

– Он принадлежит мне, – шепнул кто-то за спиной Кисмана, но когда тот повернулся, он увидел лишь толпу, где всяк спешил по своим делам. Несколько человек, заметив на его плаще темное пятно, быстро отвернулись. В этом городе никто не хотел оказаться причастным даже к малейшему насилию. И здесь умели не замечать того, чего не хотели видеть.

Рана пульсировала болью и горела все сильнее. Отпустив плащ на волю ветра, Кисман левой ладонью зажал окровавленный разрез на рукаве. Рука на ощупь казалась распухшей и горячей. Вдруг он с ужасом уставился на нее, уставился так, словно рука почернела и раздулась, как труп недельной давности.

Обуреваемый страхом, Кисман кинулся бежать, расталкивая людей, сбивая их с ног. Он не знал, что с ним произошло, как это случилось, но каков будет исход – не сомневался. Если только он не выберется из города, за озеро, в холмы. Тогда у него будет шанс. Лошадь. Ему нужна лошадь. У него должен быть шанс. Ему же обещали вечную жизнь! Но видел он только пеших, и те, завидев бегущего человека, кидались врассыпную. Ему почудился звук трещоток стражников, или это кровь застучала в ушах? Он ударился лицом о что-то твердое и понял, что упал. И последней мыслью Кисмана было – кто-то из Избранных решил его наказать, но за что, он не знал.

* * *

Когда Ранд вошел в общую залу «Короны Маредо», за круглыми столами сидело всего несколько человек. Несмотря на претенциозное название, гостиница была средней руки, с двумя дюжинами комнат на двух верхних этажах. Оштукатуренные стены общей залы были выкрашены желтым, и слуги, подававшие на

столы, тоже носили желтые длинные передники. В сложенных из камня каминах в обоих концах зала горел огонь, и в гостинице было заметно теплее, чем на улице. Ставни были затворены, но висевшие на стенах лампы разгоняли сумрак. Запахи из кухни обещали вкусную дневную трапезу из пойманной в озере рыбы. Ранд огорчился бы, если в не успел к столу. Повара в «Короне Маредо» были хороши.

За столом у стены Ранд заметил сидевшего в одиночестве Лана. Кое-кто бросал косые взгляды на плетеную кожаную тесьму, придерживавшую его волосы, но Лан отказывался снять *хадори* даже ненадолго. Страж встретился глазами с Рандом, тот кивком указал на ведущую наверх лестницу, и Лан не стал более тратить время на вопросительные взгляды. Он просто отставил чашу с вином, встал и направился к лестнице. Даже с коротеньким ножом у пояса он выглядел опасным, но тут уж ничего не поделаешь. Несколько человек за столиками посмотрели в сторону Ранда, но почему-то поспешили отвести взоры, когда Ранд взглянул им в глаза.

Возле кухни, у двери в Женскую Комнату, Ранд остановился. Мужчинам туда входить было нельзя. Не считая нарисованных на желтых стенах цветов, по обстановке Женская Комната немногим отличалась от общей залы, хотя в ней высокие светильники тоже были покрашены в желтый цвет, как и облицовка камина. Желтые передники женщин-подавальщиц были такими же, как у слуг-мужчин в общей зале. За столом вместе с Мин, Найнив и Аливией сидела госпожа Налхера, стройная, худенькая седоволосая хозяйка гостиницы. Женщины пили чай, оживленно болтали и смеялись.

При виде бывшей *дамани* Ранд стиснул челюсти. Найнив утверждала, будто Аливия настояла на том, чтобы отправиться с ними, но он не верил, чтобы кто-нибудь мог «настоять» на чем-то, имея дело с Найнив. Она хотела взять Аливию с собой, но причину такого решения держала в тайне. Найнив вела себя крайне загадочно и изо всех сил прикидывалась Айз Седай, с того самого часа, как он, уйдя от Илэйн, вернулся к ней. Все три женщины предпочли нарядиться в фармэддингские платья с высоким воротом, обильно вышитые цветами и птицами по лифу и плечам, хотя изредка Найнив недовольно ворчала. Уж она-то предпочла бы добрую двуреченскую плотную шерсть принятым в этом городе тонким тканям. С другой стороны, ей как будто было мало красного пятнышка *ки'сайн* на лбу, и без того притягивавшего к ней чуть ли не все взгляды, она вдобавок обвесилась украшениями, словно собралась на королевский прием: тонкий золотой поясок, длинное ожерелье, множество браслетов, все как один уса-

жены ярко-синими сапфирами и отполированными зелеными камнями, названия которых Ранд не знал. И на каждом пальце ее правой руки сверкали кольца под стать остальным украшениям. Кольцо Великого Змея она спрятала, чтобы не привлекать внимания, но все остальные драгоценности привлекали его раз в десять больше. Увидев кольцо Айз Седай, многие и не поняли бы даже, что это такое, зато в этих драгоценностях только слепой не увидит немалого богатства.

Ранд откашлялся и наклонил голову.

– Жена, мне нужно поговорить с тобой наверху, – сказал он и, припомнив, в последний момент добавил: – Если тебе будет угодно.

Ранд не мог выказать большей настойчивости, оставаясь в рамках приличий, но надеялся, что женщины не станут тянуть кота за хвост. Хотя и могли бы, чтобы продемонстрировать хозяйке гостиницы, что они у него отнюдь не на побегушках. По какой-то причине жители Фар Мэддинга и впрямь думали, что в чужих краях женщина вскакивает, стоит только мужчине щелкнуть пальцами!

Мин повернулась в кресле и ухмыльнулась, глядя на Ранда, как всегда, когда он называл ее женой. Ощущение Мин у него в голове было теплым и приятным, и оно внезапно заискрилось весельем. Она находила их положение в Фар Мэддинге очень забавным. Не сводя с Ранда глаз, она наклонилась к госпоже Налхера и что-то сказала приглушенным голосом, отчего та засмеялась, закашлялась и с обиженным лицом посмотрела на Найнив.

Аливия, уже ничем не напоминавшая ту забитую женщину, которую привел Таим, встала. Все захваченные *сул'дам* и *дамани* были для него обузой, от которой он с радостью избавился. В ее золотистых волосах виднелись белые нити, в уголках глаз собрались мелкие морщинки, но сейчас эти глаза яростно сверкали.

– Идем? – протянула Аливия, глядя вниз на Найнив, умудрившись в одно это слово вложить и упрек, и приказ.

Найнив сердито покосилась на нее, но соизволила встать и разгладить юбки.

Ранд не стал больше ждать, поспешил наверх. Лан поджидал у лестницы, стоя так, чтобы его не видели снизу из общей залы. Ранд шепотом вкратце поведал ему о случившемся. Каменное лицо Лана не изменило выражения.

– По крайней мере, с одним из них покончено, – заметил он, поворачиваясь к комнате, своей и Найнив. – Я соберу наши вещи.

Ранд уже был в комнате, где жил с Мин, торопливо вытаскивал из высокого гардероба одежду и как попало распихивал ее в плетеные корзины, когда вошла Мин. Следом за нею – Найнив и

Аливия.

– Свет, да ты этак всю одежду испортишь! – воскликнула Мин, отталкивая его от корзины. Она принялась вынимать вещи и аккуратно складывать на кровать рядом с его обвязанным шнурами мира мечом. – Почему мы собираемся? – спросила она, но ответить ему не дала. – Госпожа Налхера говорит, ты не ходил бы такой надутый, если бы я секла тебя каждое утро, – засмеялась она, встряхивая куртку, которую здесь не носила. Ранд говорил Мин, что может купить ей новую, но она отказалась оставить свои расшитые куртки и штаны. – Я ответила, что подумаю над ее предложением. Ей очень нравится Лан. – Вдруг она повысила голос, подражая хозяйке гостиницы: – Я всегда говорю, скромный, аккуратный и воспитанный мужчина куда предпочтительнее всякого со смазливой мордашкой.

– Какой женщине нужен мужчина, который по ее хотению будет через обручи прыгать? – фыркнула Найнив.

Ранд воззрился на нее, а у Мин отвалилась челюсть. Именно так Найнив обращалась с Ланом, и у Ранда в голове не укладывалось, как тот с этим мирится.

– Найнив, ты слишком много думаешь о мужчинах, – тягуче промолвила Аливия.

Найнив, ничего не сказав, хмуро посмотрела на нее. Стояла и крутила браслет – необычную штучку с плоскими золотыми цепочками, тянувшимися по тыльной стороне левой ладони к кольцам на четырех пальцах. Аливия покачала головой, словно не одобряла ее недовольства.

– Я собираюсь потому, что нам нужно уходить, и быстро, – поспешил сказать Ранд. Найнив пока тихая, что само по себе странно, но если лицо у нее хоть чуточку потемнеет, она примется дергать себя за косу и орать так, что никто слова не вставит несколько часов.

Не успел Ранд довести до конца рассказ, уже выслушанный Ланом, как Мин бросила складывать одежду и кинулась упаковывать во вторую корзину книги, причем торопилась так, что не перекладывала их плащами, как поступала обычно. Две остальные женщины стояли и смотрели на Ранда так, словно никогда раньше его не видели. И он нетерпеливо прибавил – на случай, если до них еще не дошло:

– Рочайд и Кисман устроили мне засаду. Они знали, что я их выслеживаю. Кисман улизнул. Если он знает про гостиницу, то может появиться здесь вместе с Дашивой, Гедвином и Торвалом через два-три дня. Или через час.

– Я не слепая, – сказала Найнив, по-прежнему не сводя с него глаз. В голосе ее раздражения не слышалось; она что, возражает

для проформы? – Если торопишься, так помоги Мин, а не стой столбом. – Она смотрела на него еще некоторое время, потом покачала головой и ушла.

Аливия последовала за ней, но не сразу. Глядя на Ранда, она неодобрительно заметила:

– Так тебя могли убить. – Нет, от покорности в ней и следа не осталось. – Тебе еще многое предстоит сделать, и ты не должен дать себя убить. Разреши нам помочь тебе.

Ранд хмуро уставился в закрывшуюся за нею дверь.

– Мин, у тебя насчет нее никаких видений не было?

– Все время, но не те, о каких ты спрашиваешь. Я ничего не поняла. – Сморщив нос, Мин отложила какую-то книгу в сторону. Но вряд ли она собиралась оставить здесь хотя бы один томик из своей не такой уж маленькой библиотеки. Наверняка она просто хочет иметь эту книжку под рукой и читать ее при первой же возможности. Она проводит часы напролет, уткнувшись носом в свои книги. – Ранд, – медленно произнесла девушка, – ты все это сделал, убил одного и противостоял другому, и… Ранд, я ничего не почувствовала. Через узы, я хочу сказать. Ни страха, ни ярости. Даже *волнения*! Ничегошеньки.

– Я на него не злился. – Покачав головой, он снова принялся запихивать одежду в корзину. – Его надо было убить, вот и все. И почему я должен бояться?

– О-о, – слабым голосом произнесла Мин. – Понятно.

Она снова склонилась над книгами. Узы будто затаились, словно она глубоко задумалась, но через неподвижность червячком проползла тревога.

– Мин, я обещаю, с тобой ничего не случится. – Ранд не знал, сумеет ли сдержать обещание, но стараться собирался изо всех сил.

Мин улыбнулась, чуть не рассмеялась. О Свет, как же она красива.

– Я это знаю, Ранд. И я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось. – Сиянием полуденного солнца по узам потекла любовь. – Все же Аливия права. Согласись, мы должны тебе как-нибудь помочь. Если ты как следует опишешь тех приятелей, мы тоже сможем поспрашивать. Ты же не можешь обыскать в одиночку весь город.

Мы – мертвецы, пробормотал Льюс Тэрин. *Мертвецам лежать бы тихонько в могилах, так ведь нет…*

Ранд почти не слышал этого голоса. Он вдруг понял, что незачем ему давать описания Кисмана и остальных. Он может их нарисовать, причем так хорошо, что любой узнает их в лицо. Вот только сам он в жизни рисовать не умел. А Льюс Тэрин – умел.

Вот что должно было испугать его. Именно это.

* * *

Изам расхаживал по комнате, рассматривая ее в вездесущем свечении *Тел'аран'риода*. В промежутке между двумя брошенными на постельное белье взглядами оно из смятого стало выглаженным. Покрывало, бывшее цветастым, стало гладким, темно-красным, потом сменилось лоскутным. Недолговечное здесь всегда претерпевало изменения, и он почти не обращал на эти перемены внимания. Он не мог использовать *Тел'аран'риод* так, как могли Избранные, но именно тут он чувствовал себя свободнее всего. Тут он мог быть тем, кем хотел. При этой мысли он усмехнулся.

Остановившись у кровати, он осторожно обнажил два отравленных кинжала и шагнул из Невидимого Мира в мир яви. И шагнув, он превратился в Люка. Это казалось уместным.

В мире яви комната была погружена во мрак, но проникавшего через единственное окно лунного света Люку хватило, чтобы разглядеть очертания двух спящих под одеялами людей. Не медля ни секунды, он вонзил в каждого по кинжалу. Тихо вскрикнув, они проснулись, но он, выдернув клинки, воткнул их снова, а потом еще раз. Кинжалы были отравлены, у жертв не хватило бы сил закричать так громко, чтобы их услышали за пределами комнаты, но ему хотелось убить самому, а не полагаться на милость яда. И очень скоро, пока он вонзал и вонзал клинки между ребер, затихли последние судороги несчастных.

Вытерев кинжалы о покрывало, он с той же осторожностью, что и доставал, спрятал оружие в ножны. Ему было даровано многое, но в число этих даров не входила неуязвимость для яда и оружия. Затем он достал из кармана огарок свечи и, раздув тлевшие в камине угольки, запалил фитиль. Ему всегда нравилось смотреть на людей, которых он убивал, и если не удавалось сделать это во время убийства, то хотелось хотя бы после полюбоваться. Особенное наслаждение он получил от тех двух Айз Седай в Тирской Твердыне. Какие у них были лица, когда он возник из ниоткуда, словно материализовался из воздуха, и потом, когда они поняли, что он пришел вовсе не спасать их, неверие сменилось паническим ужасом… Эти воспоминания – из самых дорогих. Тогда убивал Изам, а не он, но воспоминания от этого не становились менее ценными. И тому и другому не часто доводилось убивать Айз Седай.

Мгновение он всматривался в лица мужчины и женщины на кровати, затем пальцами погасил свечу и убрал огарок в карман. И вновь шагнул в *Тел'аран'риод*.

Его покровитель на данный момент ждал его. Мужчина, в этом он был уверен, но Люку не удавалось посмотреть на него. Однако в нем не было ничего общего с теми отвратительными Серыми Людьми, которых просто не замечаешь. Как-то он убил одного из них, в самой Белой Башне. На ощупь они казались холодными и пустыми. Все равно что труп убивать. Нет, этот мужчина пользовался Силой, и взгляд Люка скользил мимо, как вода по стеклу. Даже если смотреть уголком глаза, собеседник выглядел каким-то размытым пятном.

– Те двое, что спали в этой комнате, будут спать вечно, – сказал Люк, – но мужчина лыс, а женщина седа.

– Жаль, – сказал мужчина, и голос его словно растворился в ушах Люка. Вряд ли его настоящий голос можно было узнать. Этот человек – наверняка один из Избранных. За исключением Избранных, мало кто знал, как выйти на Люка, и из этих немногих направлять Силу не мог ни один, и никто не посмел бы даже пытаться ему приказывать. О его услугах всегда просили, за исключением самого Великого Повелителя, а в последнее время Избранные просили все чаще, однако ни один из Избранных, с кем встречался Люк, не прибегал к таким предосторожностям.

– Ты хочешь, чтобы я предпринял еще одну попытку? – спросил Люк.

– Возможно. Когда я скажу тебе. Не раньше. Запомни – никому ни слова.

– Как прикажешь, – отозвался Люк с поклоном, но мужчина уже создал переходные врата, проем, открывшийся на заснеженную лесную поляну. Он исчез прежде, чем Люк выпрямился.

И в самом деле жаль. С каким бы удовольствием он убил своего племянника и ту девчонку. Но если есть время, его лучше провести с удовольствием, а охота – всегда удовольствие. Он стал Изамом. Убивать волков Изаму нравилось больше, чем Люку.

Глава 23

ПОТЕРЯТЬ СОЛНЦЕ

Одной рукой стараясь крепче держать непривычный шерстяной плащ, стараясь не свалиться с еще более непривычного седла, Шалон неуклюже ткнула лошадь пятками и последовала за Харине и ее Господином Мечей Моадом сквозь проем в воздухе, что вел с конюшенного двора Солнечного дворца на… Она не очень хорошо понимала, куда он вел. На какое-то длинное открытое пространство – вроде бы это называется поляной? Кажется, так… На поляну среди холмов, окруженную редкими чахлыми деревьями, не уступавшую по величине палубе быстроходного корабля-гонщика. Шалон узнала сосны – низенькие и кривые, они не годились ни на смолу, ни на скипидар. Большая часть остальных деревьев своими голыми ветвями напоминала ей костлявые остовы. Утреннее солнце поднялось до верхушек деревьев, холод тут кусал как будто сильнее, чем в городе, что остался позади. Снег лежал не везде, и Шалон надеялась, что лошадь не споткнется и не сбросит ее на камни, торчавшие из земли среди палой листвы. Лошадям она не доверяла. В отличие от кораблей животные себе на уме. На такие коварные создания она не стала бы залезать. К тому же у лошадей есть зубы. Стоило ее коню оскалиться, совсем рядом с ее ногами, как Шалон вздрагивала и принималась гладить животное по шее и издавать успокаивающие звуки. По крайней мере, она надеялась, что лошадь сочтет их таковыми.

Сама же Кадсуане, облаченная в темно-зеленый наряд, легко восседала на высоком коне с черными гривой и хвостом, удерживая плетение, создавшее переходные врата. Ее лошади не волновали. Ее ничто не волновало. Налетевший порыв ветра рванул спускавшийся с плеч на конский круп темно-серый плащ, но Кадсуане ничем не показала, что чувствует холод. Качнув золотыми подвесками, украшавшими ее собранные в пучок волосы, она повернула голову и стала смотреть на Шалон и ее спутников. Внешне Кадсуане была привлекательной, но в толпе на нее вряд ли посмотрели бы дважды, разве что обратило бы на себя внимание ее гладкое лицо, не соответствовавшее темным волосам с проседью. А когда подойдешь поближе, будет уже поздно.

Шалон многое бы дала, чтобы разобраться, как сделано это плетение, пусть даже и пришлось бы подойти к Кадсуане, но на конюшенный двор ее впустили лишь тогда, когда врата были

закончены, а паруса ставить не научишься, глядя на уже растянутый на рее парус, нужно хотя бы видеть, как его ставят. Шалон же было известно только название плетения. Проезжая мимо Айз Седай, она отвела глаза, чтобы не встретиться с нею взглядом, но почувствовала на себе ее взор. От этого Шалон неосознанно поджала пальцы ног, стараясь обрести опору, которую не могли дать стремена. Она не видела пути к спасению, но надеялась отыскать его – получше изучив Айз Седай. Шалон охотно признавала, что об Айз Седай ей известно крайне мало: до отплытия в Кайриэн она с ними вообще не встречалась и в мыслях возносила Свету благодарность, что не ее выбрали, чтобы стать одной из них. Однако в окружении Кадсуане существовали свои течения, таившиеся глубоко под поверхностью. Глубокие, сильные течения могут изменить все, что на поверхности представляется ясным и понятным.

На другом краю… поляны поджидали остальных четверо Айз Седай, проехавшие сразу следом за Кадсуане. Рядом с ними были три Стража. Во всяком случае Шалон считала, что Ивон – Страж вспыльчивой Аланны, а Томас – Страж коренастой, невысокой Верин, но она также была уверена, что молоденького парнишку, державшегося подле пухленькой Дайгиан, она встречала в черной куртке Аша'мана. Вроде бы он не мог быть Стражем. Или мог? Эбен же почти мальчишка. Однако всякий раз, как Дайгиан смотрела на него, она, и без того гордая донельзя, раздувалась от гордости еще больше. Кумира, приятного облика женщина с голубыми глазами, которые становились острыми что твои ножи, когда ее что-то интересовало, сидела, чуть повернувшись в седле, и пронзала взором юного Эбена. Удивительно, как это он еще не лежал на земле, подобно тюленю с ободранной шкурой.

– Больше я с этим мириться не собираюсь, – ворчала Харине, ударами босых пяток подгоняя свою кобылу. Расшитая золотой нитью желтая шелковая юбка скорее мешала ей сидеть в седле, как и Шалон мешала ее голубая. Она покачивалась в седле и скользила при каждом движении лошади, на каждом шагу рискуя свалиться наземь. Вновь задул порывистый ветер, захлопал болтавшимися концами ее кушака, раздул плащ, но Харине считала ниже своего достоинства сражаться с одеждой. Плащи на кораблях – вещь не слишком привычная; они путаются в ногах, из них можно не высвободить вовремя руку в самый неподходящий момент, когда ты борешься за жизнь. Моад вообще отказался от плаща, доверившись стеганой синей куртке, которую надевал в самых холодных морях. Через врата проехала Несан Бихара в шерстяном наряде бронзового цвета, она глядела вокруг с таким видом, словно хотела увидеть все сразу. За ней – Элза Пенфелл, та

куталась в подбитый мехом зеленый плащ, и почему-то с лица у нее не сходило мрачное выражение. Кажется, больше никто из Айз Седай не позаботился защитить себя от холода.

– *Может*, у меня будет возможность повидаться с Корамуром, так она сказала, – ворчала Харине, натягивая поводья, чтобы кобыла повернула к краю поляны – противоположному тому, где собирались Айз Седай. – Может! И она предложила эту *возможность*, будто одаривала какой привилегией. – Харине незачем было упоминать имя; когда Харине вот так, словно сплевывая, произносила слово «она», то имела в виду одну-единственную женщину. – У меня есть полное право, по соглашению и по сделке! Она отказывает мне в оговоренной свите! Я должна оставить свою Госпожу Парусов и сопровождающих лиц! – Во вратах появилась Эриан Боролеос, собранная, будто в ожидании боя; следом за ней – Белдейн Нирам, которая с виду вовсе не походила на Айз Седай. В одежде обеих присутствовал зеленый цвет – Эриан во всем зеленом, а у Белдейн зеленое виднелось в прорезях рукавов и юбок. Интересно, это что-то означает? Наверное, нет. – Неужели мне придется появиться перед Корамуром, как палубной девчонке перед Госпожой Парусов, лишь приложив руку к сердцу? – Когда несколько Айз Седай собираются вместе, сразу заметна печать безвозрастности на их гладких, без морщин лицах, и невозможно определить, двадцать кому-то лет или в два раза больше, даже если у женщины совсем белые волосы. И Белдейн выглядела двадцатилетней девчонкой. Что говорило Шалон ничуть не больше, чем цвет ее юбок. – И мне самой сушить постель? Стирать простыни? Да она весь протокол в ветер превратила! Не позволю! Никогда! – Ничего нового в этих сетованиях не было; с прошлого вечера, когда Кадсуане заявила о своих условиях, Харине их уже с десяток раз произносила. Предложенные условия требовали от многого отказаться, но у Харине не было иного выбора, кроме как согласиться, что только добавляло ей горечи.

Слушала Шалон вполуха, кивая и бормоча подходящие случаю ответы. Соглашение, конечно. Ее сестра ожидала выполнения договора. Но внимание Шалон занимали Айз Седай. Она старалась никак не показать своего интереса и наблюдала за ними тайком. Моад даже не притворялся, что слушает Харине, но ему-то проще, он у нее Господин Мечей. Со всеми прочими Харине могла быть неуступчивой, как намокший морской узел, однако Моаду позволяла такую свободу действий, что можно было подумать, будто этот седоволосый мужчина с жестким взглядом – ее любовник, тем более что оба они вдовы. Правда, так могли бы подумать те, кто не знал Харине. Она ни за что не взяла бы в любовники того, кто стоит ниже нее, что теперь, разумеется,

означало, что никого и не найдется. Так или иначе, как только они остановили лошадей возле деревьев, Моад оперся локтем на высокую переднюю луку седла, опустил руку на длинную, из резной драгоценной кости, рукоять меча, заткнутого за зеленый кушак, и не скрываясь принялся разглядывать Айз Седай и мужчин рядом с ними. Где Моад научился ездить на лошадях? Он как будто не испытывалникаких затруднений. Взглянув на него, сразу можно было определить его ранг, даже будь он без меча и парного к нему кинжала, достаточно восьми массивных сережек и кушака, завязанного особым узлом. Почему у Айз Седай нет ничего похожего? Неужели у них царит такой разброд и неорганизованность? Считалось, что Белая Башня подобна хитроумному механизму, подпирающему троны и придающему им облик согласно своей воле. Конечно, теперь, похоже, механизм сломан.

– Я спросила, Шалон, куда она нас завела?

От голоса Харине, полоснувшего ледяной бритвой, от лица Шалон отхлынула кровь. Всем трудно служить под началом младшей сестры, но с Харине приходилось вдвойне тяжелее. Она и наедине-то холодна сверх меры, а на людях – вовсе беспощадна, и за малейшую оплошность может подвесить за лодыжки даже Госпожу Парусов, не говоря уж о какой-то Ищущей Ветер. И еще несноснее Харине стала с тех пор, как та молодая женщина, сухопутница Мин, сказала ей, что однажды она станет Госпожой Кораблей. В упор глядя на Шалон, Харине подняла золотую коробочку с благовониями, как будто хотела заглушить неприятный запах, но холод убил весь аромат.

Шалон поспешно посмотрела на небо, стараясь определить положение солнца. Как жаль, что ее секстант остался под замком на «Белопенном» – сухопутники не должны его даже видеть, не говоря уж о том, чтобы пользоваться им в их присутствии, – однако она не была уверена, что от секстанта был бы какой-то прок. Хоть деревья и низкорослые, но горизонта все равно не видно. Ближе к северу холмы перерастали в горы, уходившие отрогами на северо-восток и юго-запад. Не определить, на какой они высоте. Местность была слишком неровной, и то уходила вверх, то вновь понижалась. Тем не менее любая Ищущая Ветер знает, как сделать грубую прикидку. И когда Харине требует каких-то сведений, она предполагает получить ответ.

– Могу лишь догадываться, Госпожа Волн, – сказала Шалон. Харине стиснула челюсти, но ни одна Ищущая Ветер не станет выдавать приблизительную оценку за точное местоположение. – Полагаю, мы в трехстах–четырехстах лигах к югу от Кайриэна. Большего не скажу.

Ученицу, даже в первый день занятий определившую, пользуясь палкой и веревкой, местоположение с таким допуском, отправили бы к боцману, но у Шалон, едва она сама услышала, что сказала, отнялся язык. Для корабля-гонщика сделать в день сотню лиг считалось хорошим ходом. Моад задумчиво пожевал губами.

Харине медленно кивнула, глядя сквозь Шалон, словно видела корабли-гонщики под всеми парусами, скользящие через сплетенные с помощью Силы дыры в воздухе. Тогда моря поистине принадлежали бы им. Встряхнувшись, она наклонилась к Шалон и впилась в нее взглядом-гарпуном.

– Ты должна научиться этому, чего бы это ни стоило. Скажи ей – если она тебя научит, ты станешь шпионить за мной. Коли убедишь ее, она может и научить, да будет на то воля Света. Или хотя бы найди подход к любой другой из них, лишь бы тебя научили.

Шалон облизнула губы. Она надеялась, что Харине не заметит ее дрожи.

– Я уже отказала ей раньше, Госпожа Волн. – Требовалось дать объяснение, почему Айз Седай продержали ее целую неделю, и самым безопасным казалось рассказать правду. Или почти всю правду. Харине знала почти все. Кроме той тайны, что из Шалон вытянула Верин. И кроме того, что Шалон уступила требованиям Кадсуане, чтобы не раскрылась эта тайна. Да будет на ней Милость Света, Шалон сожалела об Айлил, но ей было так одиноко, что, сама того не понимая, она заплыла чересчур далеко. С Харине они никогда не вели по вечерам за вином с медом душевных разговоров, которые облегчили бы долгие месяцы разлуки с мужем Мишайлом. В лучшем случае ей придется прождать еще много месяцев, прежде чем она вновь окажется в его объятиях. – И как, помня о моем отказе, она мне поверит?

– Потому что ты хочешь научиться, – Харине рубанула в воздухе рукой. – Жадности сухопутники всегда поверят. Разумеется, чтобы проявить себя, кое-что тебе придется рассказывать. Что именно, я буду решать сама. Возможно, мне удастся направить ее нужным мне курсом.

В виски Шалон как будто впились жесткие пальцы. Она намеревалась рассказывать Кадсуане как можно меньше и как можно реже, пока не найдет способ освободиться от нее. Если же ей надо будет разговаривать с Айз Седай каждый день и, еще того хуже, в открытую врать ей, та выведает больше, чем Шалон хотелось бы. Больше, чем хотелось бы Харине. Намного больше. В этом нет сомнений, как и в том, что завтра взойдет солнце.

– Простите меня, Госпожа Волн, – сказала Шалон, собрав всю почтительность, какую сумела, – но если мне будет позволено

сказать…

Она осеклась, когда Сарен Немдал, подскакав, осадила коня перед Морским Народом. Врата миновали последние из Айз Седай и Стражей, и Кадсуане заставила проход исчезнуть. Кореле, худенькая, но привлекательная женщина, разговаривала с Кумирой и смеялась, то и дело откидывая назад гриву своих черных волос. Мериса, высокая, с глазами еще синее, чем у Кумиры, с лицом красивым, но столь суровым, что могла бы смутить и Харине, отрывисто жестикулировала, отдавая указания четырем мужчинам с вьючными лошадьми. Все прочие подбирали поводья. По всей видимости, поляну вскоре предстояло покинуть.

Сарен была очень мила, хотя на ее красоте, разумеется, не могли не сказаться как отсутствие украшений, так и простое белое платье, которое она носила. Кажется, многим сухопутникам неведома радость сочетания различных цветов. Даже ее темный плащ был подбит белым мехом.

– Кадсуане, она попросила… поручила… мне сопровождать вас, Госпожа Волн, и помогать вам, – сказала Сарен, почтительно склоняя голову. – И я отвечу по возможности на все ваши вопросы. Помогу уяснить обычаи, насколько я сама их знаю. Я понимаю, что могу доставить вам неудобство своим присутствием, но когда Кадсуане приказывает, мы должны подчиняться.

Шалон улыбнулась. Видимо, Айз Седай не знают, что на кораблях сопровождающие выполняют работу, которую сухопутники поручают слугам. Харине могла бы рассмеяться и спросить, способны ли Айз Седай как следует выстирать белье. Неплохо бы привести ее в доброе расположение духа.

Но вместо того чтобы засмеяться, Харине одеревенела в седле, словно хребет ее превратился в грот-мачту, и широко открыла глаза.

– Никакого неудобства я не чувствую! – огрызнулась она. – Просто я предпочитаю… задавать вопросы кому-нибудь другому… например, Кадсуане. Да. Именно Кадсуане. И *я* не подчиняюсь ни ей, ни кому-то еще! Никому! За исключением Госпожи Кораблей-! – Шалон нахмурилась; подобная несдержанность не в обычае ее сестры. Харине же, глубоко вздохнув, продолжила более твердым голосом, хотя все в той же не-привычной манере: – Я говорю от имени Госпожи Кораблей Ата'ан Миэйр, и я требую должного уважения! Я требую, слышишь меня? Слышишь?

– Я попрошу ее назначить кого-нибудь другого, – с сомнением промолвила Сарен, словно не ожидая, что эта просьба что-то изменит. – Вы должны понять, она дала мне на сегодня определенные распоряжения. Но мне нельзя выходить из себя. Есть за мной такой грешок. А ведь несдержанность губит логику.

– Я понимаю, что такое подчиняться приказам, – прорычала Харине, пригибаясь в седле. У нее был такой вид, будто она готова вцепиться Сарен в глотку. – Подчинение приказам я только *одобряю!* – почти рявкнула она. – Однако приказы, которые положено выполнять, могут быть забыты. О них больше незачем говорить. Ты меня поняла?

Шалон изумленно скосила на нее глаза. О чем она толкует? Какие такие приказы обязана исполнять Сарен и почему Харине хочет, чтобы о них забыли? Моад, не таясь, вздернул брови. Харине заметила его испытующий взгляд, и лицо ее превратилось в грозовую тучу.

Сарен будто ничего не замечала.

– Не понимаю, как можно нарочно забыть, – медленно сказала она, слегка нахмурив лоб, – но я подозреваю, вы имеете в виду, что нам стоит притвориться. Это так? – Она сокрушенно покачала головой, бусинки в ее косичках издали тихий стук. – Очень хорошо. Я отвечу на ваши вопросы, как смогу. Что вы хотите знать?

Харине громко вздохнула. Шалон могла бы счесть это признаком нетерпения, но ей показалось, что вздох был облегченный. Облегченный!

Испытывала она облегчение или нет, но Харине вновь стала сама собой, воплощением самообладания и властности, и встретила взгляд Айз Седай так, словно хотела заставить ту потупить взор.

– Можешь рассказать мне, где мы и куда направляемся, – предложила Харине.

– Мы находимся в Холмах Кинтара, – сказала Кадсуане, внезапно появившись рядом. Лошадь ее встала на дыбы, с копыт летели комья снега. – И направляемся в Фар Мэддинг.

Она не только удержалась в седле, она словно и не заметила, что лошадь вздыбилась!

– Корамур в этом самом Фар Мэддинге?

– Как я уже говорила, Госпожа Волн, терпение – большая добродетель. – Несмотря на то, что, обращаясь к Харине, Кадсуане воспользовалась надлежащим титулом, в ее поведении почтительности не было и в помине. – Ты поедешь со мной. Не отставай и постарайся не упасть. Будет неприятно, если мне придется везти тебя, как мешок с зерном. Когда доберемся до города, молчи, пока я не разрешу тебе говорить. Не хотелось бы, чтобы по неведению ты доставила нам хлопоты. Позволь Сарен быть твоим проводником. Ей даны на этот счет свои указания.

Шалон ожидала вспышки гнева, но Харине придержала язык, хотя и с видимым усилием. Как только Кадсуане развернулась, Харине сердито проворчала что-то под нос, но крепко стиснула

зубы, когда лошадь Сарен сделала первый шаг. Очевидно, ее ворчание не предназначалось для ушей Айз Седай.

Отряд двинулся между деревьев на юг. Ехать с Кадсуане означало, как выяснилось, ехать позади нее. На самом деле рядом с ней ехали Аланна и Верин, но когда Харине решила присоединиться, хватило одного взгляда Кадсуане, чтобы понять – та будет лишней. И вновь ожидаемого взрыва не последовало. Харине только наградила почему-то хмурым взглядом Сарен, а потом рывком развернула лошадь, заняв место между Шалон и Моадом. Она не беспокоила расспросами Сарен, ехавшую по другую сторону от Шалон, только жгла взглядом спины женщин впереди. Не знай ее Шалон лучше, она сказала бы, что в этом взгляде больше угрюмости, чем гнева.

Шалон, со своей стороны, рада была ехать в молчании. Не до разговоров, когда на лошади еле держишься. Кроме того, она вдруг поняла, почему Харине ведет себя так странно. Должно быть, Харине старается вывести отношения с Айз Седай на спокойные воды. Наверное, так. Без особой нужды Харине никогда не обуздывала свой нрав. А сейчас она с таким напряжением сдерживает себя, что внутри наверняка вся кипит. И если ее усилия не приведут к желаемому результату, то кипяток, того гляди, выплеснется на Шалон. От таких мыслей у нее разболелась голова. Да поможет ей Свет и да направит ее, должен же быть способ не шпионить за своей сестрой и не лишиться наградной цепочки, и не оказаться назначенной на шаланду под командование Госпожи Парусов. Которая вечно предается унылым размышлениям, почему ей никогда не получить более высокую должность, и готова излить свое недовольство на любого, кто подвернется под руку. Плохо и то, что Мишайл может разорвать их брачные обеты. И все-таки должен быть какой-то способ.

Порой Шалон поворачивалась в седле и оглядывалась на ехавших позади Айз Седай. От женщин впереди ничего узнать не удастся, это уж точно. Время от времени Кадсуане и Верин переговаривались, но так тихо и так близко склонившись друг к другу, что ничего не было слышно. Аланна же напряженно смотрела вперед, на юг. Два или три раза она заставляла лошадь ускорить шаг и вырывалась вперед, но Кадсуане тихо приказывала ей вернуться. Повиновалась Аланна нехотя, сверкнув глазами или скорчив гримасу. Похоже, Кадсуане и Верин почему-то проявляли заботу об Аланне – Кадсуане поглаживала ее руку таким же жестом, каким Шалон успокаивала лошадь, а Верин лучезарно улыбалась, словно Аланна оправлялась после болезни. Все это ни о чем не говорило Шалон. Поэтому она стала размышлять о других Айз Седай.

На кораблях по служебной лестнице не поднимешься благодаря одним лишь способностям к Плетению Ветров и к предсказанию погоды, или умению определять местоположение. Нужно уметь находить смысл, который кроется между слов, когда тебе приказывают, истолковывать еле заметные жесты, понимать выражения лиц; нужно замечать, кто кому подчиняется, когда и почему уступает, пусть это и еле уловимые детали, ибо возвысить тебя могут только смелость, решительность и способность ничего не упускать из виду.

Четверо Айз Седай, Несан и Эриан, Белдейн и Элза, ехали группкой позади, неподалеку от Шалон, хотя нельзя было сказать, что они держались вместе, – просто оказались рядом. Они не разговаривали между собой, не смотрели друг на друга. Они как будто и не замечали друг друга. Мысленно Шалон поместила их в ту же лодку, что и Сарен. Эти Айз Седай прикидывались, будто все они – под Кадсуане, однако это явно было не так. Команду другой лодки, которой правила Кадсуане, составляли Мериса, Кореле, Кумира и Дайгиан. Аланна, как казалось, была то в одной лодке, то в другой, а Верин вроде бы была из лодки Кадсуане, но все-таки не в ней. Возможно, плыла рядом, а Кадсуане держала ее за руку. Если этой странности было мало, оставался еще вопрос старшинства среди Айз Седай.

Странно, но кажется, превыше опыта или умений Айз Седай ценили уровень в Силе. Они ранжировали себя, определяя, кто обладает большей силой, словно матросы, вздумавшие тягаться между собою в прибрежной таверне. Все, конечно, с почтительностью относились к Кадсуане, но в отношениях между остальными наблюдались странности. Исходя из собственной иерархии Айз Седай, кое-кто из лодки Несан занимал такое положение, что к ним должны были уважительно относиться некоторые из лодки Кадсуане, но эти последние хотя и проявляли уважение к вышестоящим, проявляли его так, словно те совершили страшное преступление, о котором известно всем. По иерархии Айз Седай, Несан должна была стоять выше всех, за исключением Кадсуане и Мерисы, однако с Дайгиан, стоявшей в самом низу, она держалась так вызывающе, словно упрямо не желала признавать, что совершила то самое преступление. Так же вели себя и остальные в ее лодке. Все эти нюансы во взаимоотношениях проявлялись крайне сдержанно – чуть приподнятый подбородок, слегка выгнутая бровь, изгиб губ, но для глаза, приученного подмечать все мелочи за многие годы восхождения по ступеням корабельной иерархии, они были весьма заметны. Возможно, все это не могло ничем помочь Шалон, но коли она вынуждена щипать паклю, единственный путь – найти нить и тянуть.

Ветер начал набирать силу; его порывы едва не срывали плащ с плеч. Но Шалон почти не обращала внимания на ветер.

Другой ниточкой были Стражи. Все они держались в самом хвосте, не видные за Айз Седай, что ехали за Несан и тремя ее спутницами. Вообще-то Шалон полагала, что с двенадцатью Айз Седай будет не семь Стражей, а больше. Считалось, что у каждой Айз Седай есть по меньшей мере один Страж. Она недовольно покачала головой. За исключением Красной Айя, конечно. Нет, она *совсем* ничего не знает об Айз Седай.

Так или иначе вопрос заключался не в том, сколько здесь Стражей, а в том, все ли они – Стражи. Шалон была уверена, что видела и седого старого Дамера, и милашку Джахара в черных куртках, до того, как они вдруг появились при Айз Седай. В то время она не испытывала большого желания пристальнее присматриваться к черномундирным, да и, по правде говоря, Ищущая Ветер была едва ли не ослеплена утонченной Айлил, однако сейчас она была уверена, что не ошибается. И, каково бы ни было объяснение в случае с Эбеном, Шалон была почти уверена, что те двое – теперь Стражи. Почти. Повинуясь мановению Мерисы, Джахар вскакивал одновременно с Нетаном или Бассаном, а судя по тому, как Кореле улыбалась Дамеру, он был либо ее Стражем, либо грел ее постель, и Шалон не могла представить себе, чтобы женщина вроде Кореле пустила к себе в кровать лысого, хромого старика. Она мало знала об Айз Седай, но была уверена – связывать узами мужчин, способных направлять Силу, не совсем обычная практика. Если бы она могла доказать, что они так поступили, то в руках у нее оказался бы нож, достаточно острый, чтобы отсечь себя от Кадсуане.

– Эти мужчины, теперь они больше не могут направлять, – тихонько промолвила Сарен.

Шалон слишком резко выпрямилась в седле и, чтобы не свалиться, вынуждена была вцепиться обеими руками в лошадиную гриву. Ветер закинул плащ на голову, и ей пришлось изрядно с ним повозиться, пока удалось наконец сесть прямо. Отряд выезжал из-за деревьев на широкую дорогу, что от холмов петлей выгибалась к югу, к озеру в миле от них, раскинувшемуся на краю плоской равнины, покрытой бурой травой. Бурое море тянулось до самого горизонта. Озеро, по западной кромке поросшее узкой полоской камыша, представляло собой жалкую пародию на водную ширь и имело самое большее десять миль в длину и намного меньше в ширину. В центре озера угнездился немалых размеров остров, на нем раскинулся город. Остров, насколько видела Шалон, окружали высокие стены с башнями. Всю эту картину она заметила лишь мельком, ибо не могла отвести глаз от Сарен. Та

как будто прочитала ее мысли.

– Почему они не могут направлять? – спросила Шалон. – Неужели вы их… Вы их… укротили?

Ей казалось, что она использовала нужное слово, хотя считалось, что укрощение убивает человека. Шалон всегда считала, что это просто необычный способ сделать казнь по какой-то причине менее жестокой.

Сарен заморгала, и Шалон поняла, что Айз Седай разговаривала сама с собой. Направившись вниз по склону следом за Кадсуане, Сарен какое-то время глядела на Шалон, а потом устремила взор на город на острове.

– Ты многое замечаешь, Шалон. Будет лучше, если ты оставишь при себе то, что заметила в этих мужчинах.

– Например, то, что они Стражи? – негромко сказала Шалон. – Поэтому-то вам и удалось связать их узами? Потому что вы их укротили?

Она надеялась своей откровенностью вырвать какое-нибудь признание, но Айз Седай только молча посмотрела на нее. И заговорила вновь, лишь когда отряд добрался до подножия холмов и вслед за Кадсуане свернул на дорогу. Тракт был широким, грунт – вытоптанным множеством ног, копыт и колес, но, кроме них, на дороге больше никого не оказалось.

– Это не совсем секрет, – сказала Сарен, явно без особого желания делиться этим «не секретом», – но и знают о том мало. Мы не часто говорим о Фар Мэддинге, обычно о нем вспоминают сестры, которые там родились. Да и они редко бывают в Фар Мэддинге. Но тебе лучше узнать до того, как мы въедем в город. В городе находится *тер'ангриал*. Или, скорее всего, там три *тер'ангриала*. Это никому не известно. Их – или его – нельзя изучить, так же как нельзя и сдвинуть с места. Должно быть, их создали во времена Разлома, когда властвовал страх перед безумцами, направлявшими Силу. Но безопасность имеет свою цену. – Она недоверчиво покачала головой, и бусинки в косичках, ниспадавших на грудь, тихонько застучали. – Эти *тер'ангриалы* воспроизводят *стеддинг*. Боюсь, по крайней мере, в наиболее важных отношениях, хотя, по-моему, огир вовсе так не считают. – Айз Седай печально вздохнула.

Шалон, открыв рот, изумленно посмотрела на нее, переглянулась в замешательстве с Харине и Моадом. Почему Айз Седай боится небылиц? Харине открыла было рот, потом жестом велела задать сам собой напрашивавшийся вопрос. Возможно, ей не худо бы подружиться и с Сарен, чтобы помочь выправить курс? У Шалон совсем разболелась голова. Однако и ее саму снедало любопытство.

– В каких таких отношениях? – осторожно спросила она. Неужели Айз Седай и в самом деле верит в людей пяти спанов росту, да еще поющих деревьям? И еще в легендах что-то было насчет топоров. Вот придет Элфин, украдет горбушку; вот придет огир, отрубит башку. О Свет, когда она в последний раз слыхала это присловье – когда еще водила Харине на детском поводке? Воспитание Харине легло в свое время на ее плечи, поскольку мать занимала высокие посты на кораблях, а у Шалон уже появился тогда первый ребенок.

Сарен от удивления округлила глаза.

– Ты не знаешь, да? – Взор ее вновь привлек город на острове. Судя по выражению лица, она готовилась ступить в затхлую трюмную воду. – Внутри *стеддинга* невозможно направлять Силу. Нельзя даже почувствовать Истинного Источника. Ни одно плетение, созданное снаружи, не возымеет действия внутри. На деле, здесь два *стеддинга*, один в другом. Больший влияет на мужчин, но в малый мы войдем еще до того, как достигнем моста.

– Вы не сможете там направлять? – сказала Харине. Когда Айз Седай, не отводя взгляда от города, кивнула, по губам Харине скользнула тонкая ледяная улыбка. – Пожалуй, когда мы разместимся, мы с тобой обсудим указания.

– Вы изучаете философию? – У Сарен сделался изумленный вид. – Теория Указаний… нынче ее не слишком хорошо понимают, однако я всегда верила, что из нее можно почерпнуть многое. Думаю, обсуждение окажется интересным, а мне приятно будет отвлечься. Если Кадсуане даст нам время.

У Харине отвалилась челюсть. Глядя с открытым ртом на Айз Седай, она забыла держаться за седло, и только Моад, подхватив Госпожу Волн под локоть, уберег ее от падения.

Шалон никогда не слыхала, чтобы Харине упоминала про философию, но ей было все равно, о чем говорит ее сестра. Глядя в сторону Фар Мэддинга, она нервно сглотнула комок в горле. Конечно, она научилась отсекать других от использования Силы, и в ходе обучения ее саму отсекали от Источника, однако и будучи отрезана от него, ты ощущаешь Источник. Как солнце, сияние которого улавливаешь самым краешком глаза. На что же это похоже, когда вообще не чувствуешь Источника? На что похоже, когда потеряешь это солнце?

Пока приближались к озеру, Шалон как будто впитывала в себя сияние Источника, ощущая его острее и ярче, чем тогда, когда с небывалой радостью впервые прикоснулась к нему. Большего она сделать не могла, разве что припасть к Источнику, но тогда Айз Седай увидят сияние и, скорей всего, поймут, в чем дело. Она не вправе опозорить таким образом ни себя, ни Харине. На озер-

ной глади виднелись маленькие, широкие суденышки, самое большее в шесть-семь спанов в длину, одни рыбаки расставляли сети, другие двигались на длинных веслах. Судя по волнам на незащищенной от ветра поверхности, сталкивавшимся, как прибой, в фонтанах пены, здесь паруса скорей мешали бы, чем помогали. Тем не менее лодки показались чем-то родным, хотя имели мало общего с элегантными четырех-, восьми– или двенадцативесельными шлюпками, которые есть на кораблях. Слабое утешение среди чуждого окружения.

Дорога свернула на длинную косу, которая на полмили, если не больше, вдавалась в озеро, и Источник вдруг пропал. Сарен вздохнула, но ничем иным не выдала своих чувств. Шалон облизнула губы. Оказалось не так плохо, как она ждала. Возникло ощущение… пустоты… но она это вынесет. Если только не слишком долго. Ветер, порывистый, налетавший со всех сторон, пытавшийся сорвать плащи, вдруг сделался пронзительно холодным.

На конце косы, между дорогой и водой стояла деревня – серые каменные дома с шиферными, тоже серыми, но потемнее, крышами. Завидя конный отряд, деревенские женщины, торопившиеся куда-то с большими корзинами, останавливались. Не одна и не две, глядя на Морской Народ, трогали себя за нос. В Кайриэне Шалон успела привыкнуть к подобным взглядам. Во всяком случае, внимание ее привлекло укрепление напротив деревни – громада в пять спанов высотой из плотно пригнанных каменных блоков. На углах высились башенки, откуда за отрядом следили солдаты в шлемах с решетчатыми забралами. Некоторые, как она смогла разглядеть, держали в руках взведенные арбалеты. От больших, окованных железом ворот у ближнего конца моста на дорогу высыпало еще больше солдат – в доспехах из прямоугольных пластин, с эмблемой в виде золотого меча на левом плече. Некоторые были вооружены мечами, хотя еще не вынимали их из ножен, другие держали в руках длинные копья и арбалеты. Шалон гадала, не думают ли они, что Айз Седай станут прорываться с боем. Офицер с желтым пером на шлеме жестом велел Кадсуане остановиться, потом приблизился к ней и снял шлем. Прихваченные на затылке длинные, до пояса, седоватые волосы рассыпались по спине. Лицо у офицера было твердое и недовольное.

Кадсуане наклонилась из седла, обменялась с офицером несколькими тихими словами, потом достала из седельных сумок толстый кошель. Он взял увесистый мешочек и отступил, жестом подозвав одного из солдат – высокого и костлявого, без шлема. В руках у него была дощечка для письма, и его волосы, как у офицера, подвязанные сзади, тоже доходили до пояса. Он с почтением

склонил голову перед тем, как спросить у Аланны имя, а потом старательно, высунув язык и часто обмакивая перо, записал его. Недовольный офицер, держа шлем у бедра, стоял и с непроницаемым видом разглядывал остальных путников за спиной Кадсуане. Забытый кошелек свисал с его руки. Казалось, он не понимает, что разговаривал с Айз Седай. Или, может, ему было все равно. Здесь Айз Седай ничем не отличались от обычных женщин. Шалон содрогнулась. Здесь и она ничем не отличается от обычной женщины, лишившись на время своих способностей. Именно лишившись.

– Они записывают имена всех чужеземцев, – сказала Сарен. – Советницы хотят знать, кто находится в городе.

– Возможно, Госпожу Волн они впустили бы и без мзды, – сухо заметила Харине. Костлявый солдат, отвернувшись от Аланны и увидев украшения Харине и Шалон, вздрогнул, как и всякий сухопутник. Потом подошел к ним.

– Ваше имя, госпожа, будьте любезны, – вежливо сказал он Сарен, вновь коротко поклонившись. Она назвалась, не упоминая звания Айз Седай. Шалон назвалась так же просто, но Харине не преминула огласить полный титул – Харине дин Тогара Два Ветра, Госпожа Волн Клана Шодейн, Чрезвычайный Посол Госпожи Кораблей Ата'ан Миэйр. Солдат заморгал, потом закусил язык и склонился над своей дощечкой. Харине грозно взирала на него. Если она хотела произвести на кого-то впечатление, она не сомневалась в том, что произведет его.

Пока костлявый записывал, подошедший коренастый солдат в шлеме с забралом и с кожаной сумой на плече встал между лошадьми Харине и Моада. Из-за пересекавшего лицо зарубцевавшегося шрама уголок его рта был приподнят, что придавало солдату презрительный вид. Он довольно почтительно поклонился Харине, а потом попытался забрать у Моада меч.

– Отдайте меч. Иначе до отъезда придется оставить оружие здесь, – быстро сказала Сарен, когда Моад вырвал свой меч из рук коренастого. – Это услуга, Госпожа Волн, вот за что заплатила Кадсуане. В Фар Мэддинге никому не разрешено носить оружие иначе, как скрепленным узами мира, – чтобы нельзя было его обнажить. Дозволены разве только поясные ножи. Даже этим людям, из Стенной Стражи, нельзя уносить меч с поста. Это ведь так? – обратилась Сарен к костлявому солдату, и тот ответил, что так и есть и что это очень хорошо.

Пожав плечами, Моад вытащил меч из-за кушака и, когда малый с вечной ухмылкой потребовал заодно кинжал с костяной рукоятью, отдал и его. Сунув длинный кинжал за пояс, солдат достал из сумы моток тонкого шнура и начал ловко обматывать

меч, упаковывая его в некое подобие мелкой сети. Время от времени он останавливался, вытаскивал из-за пояса пломбир и опечатывал шнуры маленькими свинцовыми дисками – и все это проделывал ловкими, отработанными движениями.

– Список имен передадут на два других моста, – продолжала объяснения Сарен, – и там заставят показать шнуры в целости. Иначе задержат, пока магистрат не установит, что не совершено других преступлений. И даже в этом случае наказанием будет очень большой штраф и плети. Большинство чужестранцев предпочитает, чтобы не платить лишнего, оставить оружие на хранение, но это означает, что город придется покинуть через те же ворота. А одному Свету ведомо, в какую сторону нам предстоит отправиться потом… – Бросив взгляд в сторону Кадсуане, которая, по-видимому, удерживала Аланну, в одиночку собравшуюся отправиться через мост, Сарен почти неслышно прибавила: – Надеюсь, что она именно так и рассуждает.

Харине фыркнула.

– Что за нелепость! А как защищать себя?

– В Фар Мэддинге, госпожа, ни одному человеку нет нужды защищать себя. – Голос коренастого был груб, но насмешки в нем не слышалось. Он просто объяснял очевидное. – Об этом позаботится Уличная Стража. Позволь всякому, кому захочется, меч при себе носить, так у нас будет ничуть не лучше, чем везде. Слыхал я, госпожа, что в тех краях деется, и нам того даром не надо. – Поклонившись Харине, он зашагал вдоль колонны, следом за ним пошел писарь с доской.

Моад быстро осмотрел меч и кинжал, искусно оплетенные шнуром от рукояти до ножен, потом засунул оружие за кушак, стараясь не повредить пломбы.

– Мечи только тогда в дело годятся, когда мозгов не хватает, – сказал он.

Харине вновь фыркнула. Шалон же задумалась, откуда у того мужчины шрам через все лицо, коли в Фар Мэддинге так безопасно?

Сзади, где находились другие мужчины, послышался протестующий ропот, но очень быстро затих. Благодаря Мерисе – Шалон была уверена. Порой рядом с нею Кадсуане казалась нетребовательной. Ее Стражи напоминали дрессированных сторожевых псов, которых используют Амайяр и которые готовы кинуться на кого угодно по свистку хозяина, и Мериса, ни мгновение не колеблясь, отчитала бы Стража любой Айз Седай. Вскоре все мечи оказались запеленуты в узы мира, вьючные лошади проверены – нет ли где спрятанного оружия, и всадники въехали на мост. Подковы зазвенели о камень.

Мост был ровным и широким, как и дорога, что вела к нему, с низким каменным парапетом по обеим сторонам – такой парапет не позволит фургону свалиться в воду, но и не станет укрытием для нападающих. Вдобавок мост был длинным, примерно в три четверти мили, и прямым как стрела. Время от времени под мостом проплывали лодки – будь у них мачты, они бы там не прошли. У обитых железными полосами городских ворот – Сарен назвала их Кэймлинскими Воротами, – по обеим сторонам которых стояли высокие башни, путников встретили стражники с эмблемами в виде золотого меча на плечах. Они поклонились женщинам и окинули подозрительными взглядами мужчин. А улица за воротами…

Пытаться смотреть вокруг было бесполезно. На широкой и прямой улице, вдоль которой вытянулись дома в два-три этажа, было полно людей и тележек, но все расплывалось перед глазами. Источник пропал! Шалон понимала, что он вернется, когда она покинет это место, но Света ради, как ей хотелось убраться отсюда немедленно! Долго ли она тут выдержит? В этом городе должен быть Корамур, а Харине намерена не отходить от Корамура ни на шаг, возможно, из-за того, кто он такой, а возможно, и потому, что думает, будто он поможет ей возвыситься до Госпожи Кораблей. Пока Харине не покинет город, пока Кадсуане не освободит их от уговора, Шалон здесь все равно что на якоре. Здесь – где нет Истинного Источника.

Сарен беспрестанно что-то говорила, но Шалон ее едва слышала. Всадники миновали большую площадь, в центре которой высилась огромная статуя женщины, но Шалон уловила только ее имя, Эйнион Авхарин, хотя и поняла, что Сарен рассказывает, чем эта женщина прославилась в Фар Мэддинге и почему статуя указывает на Кэймлинские Ворота. За площадью вдоль улицы потянулся ряд лишенных листвы деревьев. Через толпу пробирались портшезы и экипажи, мелькали прямоугольные бляхи доспехов стражников, но Шалон замечала их только глазами, не сознанием. Дрожа, она сжалась в комочек. Город исчез. Время исчезло. Исчезло все, остался только страх, что она больше никогда не ощутит Источник. Она никогда раньше не понимала, какую поддержку и покой дарит его невидимое присутствие. Источник всегда был рядом, обещая несказанную радость, жизнь столь яркую, что цвета блекли, когда Сила покидала ее. И теперь исчез сам Источник. Исчез. Только эту пропажу она осознавала, только о ней и могла думать. Он исчез.

Глава 24

У СОВЕТНИЦ

Кто-то потряс Шалон за руку. Это оказалась Сарен, и Айз Седай заговорила с нею.

– Он – вон там, – сказала Сарен, – в Чертоге Советниц. Под куполом. – Отдернув руку, Сарен сделала глубокий вдох и подобрала поводья. – Смешно думать, что его воздействие сильнее, когда мы стоим ближе, – пробормотала она, – но ощущение именно такое.

Усилием воли Шалон стряхнула с себя оцепенение. Пустота не исчезла, но она заставила себя не замечать ее. Однако, по правде говоря, Ищущая Ветер чувствовала себя как фрукт, из которого вырезали сердцевину.

Они находились на громадной – Шалон решила, что это все равно называется площадью, хоть она и круглая, – площади, вымощенной белым камнем. В центре располагался огромный дворец – круглое здание, целиком белое, за исключением высокого синего купола, похожего на половинку шара. Два этажа ниже купола окружали массивные колонны с каннелюрами, на второй этаж по обе стороны поднимались две широкие белокаменные лестницы, по ним вверх и вниз непрерывным потоком двигались люди. Не считая пары высоких арочных бронзовых ворот, что стояли нараспашку прямо перед путниками, самый нижний этаж представлял собой белый камень, в котором были высечены изображения женщин с диадемами, больше, чем в два человеческих роста высотой, между ними красовались белокаменные снопы колосьев и рулоны тканей, свободные концы которых словно развевались на ветру, стопы слитков, означавших, вероятно, золото, серебро или железо, а то и все эти металлы разом, а из мешков сыпалось нечто, смахивавшее на монеты и драгоценные камни. Под ногами женщин тянулся сплошной ряд совсем маленьких фигурок из белого камня, они тянули фургоны, работали у наковален и у ткацких станков. Здешние люди возвели памятник, который превозносил их благосостояние, нажитое торговлей. Что за глупость. Когда люди решают, что ты превосходишь их в торговле, они не только начинают завидовать, но и становятся упрямы и предлагают заключать нелепые сделки. И бывает, нет иной альтернативы, кроме как соглашаться на них.

Шалон сообразила, что на нее хмуро смотрит Харине, и выпрямилась в седле.

– Прошу простить меня, Госпожа Волн, – произнесла Шалон. Источник пропал, но он вернется – конечно же, вернется! – и она не вправе забывать о своих обязанностях. Шалон чувствовала стыд, что позволила себе уступить страху, однако пустота никуда не делась. О Свет, пустота! – Теперь мне легче. Потом станет еще лучше.

Харине только кивнула, по-прежнему с мрачным видом, и у Шалон засосало под ложечкой. Если Харине не начинает сыпать заслуженными упреками, это значит, что позже она намерена учинить настоящий разнос.

Кадсуане проехала прямо через площадь и, миновав открытые ворота Чертога Советниц, въехала в просторное, с высоким потолком помещение, на поверку оказавшееся закрытым конюшенным двором. Дюжина мужчин в синих куртках сидела там на корточках возле портшезов, на дверцах которых красовались эмблемы – золотые мечи с золотыми ладонями; носильщики удивленно подняли взгляды на всадников. Не меньше изумились и мужчины в синих жилетах, что выпрягали лошадей из кареты с гербом в виде меча и руки, и те, кто большими швабрами подметал каменный пол. Еще двое конюхов уводили лошадей в широкий коридор, откуда пахло сеном и навозом.

К всадникам, мелко кивая головой и потирая руки, подбежал пухленький круглощекий мужчина средних лет. В отличие от других мужчин, чьи волосы были подвязаны на затылке шнуром, у этого в прическе красовалась небольшая серебряная заколка, и его синяя куртка была сшита, по всей видимости, из качественной шерсти, к тому же слева на груди имелась вышитая золотом эмблема Руки-и-Меча.

– Прошу простить, – с елейной улыбкой заговорил он, – не хотел бы обидеть вас, но, боюсь, вам, должно быть, неверно указали дорогу. Это Чертог Советниц, и…

– Скажи Первой Советнице Барсалле, что здесь Кадсуане Меледрин, и она хочет встретиться с нею, – перебила его Кадсуане, спешиваясь.

Улыбка пухлощекого съехала набок, он выпучил глаза.

– Кадсуане Меледрин? Я думал, вы… – он осекся под ее неожиданно жестким взглядом, затем откашлялся в кулак и вновь расплылся в подхалимской улыбке. – Прошу простить меня, Кадсуане Седай. Позвольте мне проводить вас и ваших спутников в приемную, где вас приветствуют надлежащим образом. Я же тем временем извещу Первую Советницу.

Глаза его слегка округлились, когда он поближе взглянул на упомянутых спутников. Несомненно, он узнал Айз Седай. При виде Шалон и Харине он моргнул, но для сухопутника проявил

недюжинное самообладание. Даже рта от изумления не раскрыл.

– Мальчик, я позволю тебе со всех ног сгонять к Алейс и сказать, что я здесь, – ответила Кадсуане, расстегивая плащ и перекидывая его через седло. – Передай, что я буду в куполе, и скажи, что я не собираюсь ждать ее целый день. Ну? Бегом!

На сей раз улыбка не сползла с лица, только стала очень кислой, но толстяк замешкался лишь на мгновение, крикнув конюхам позаботиться о лошадях, а потом бросился бежать.

Кадсуане же перестала замечать его, едва отдала последнее приказание.

– Верин, Кумира! Вы вдвоем пойдете со мной, – с живостью заговорила она. – Мериса, собери всех вместе и будь наготове, пока я… Аланна, вернись и слезь с коня. Аланна! – Та неохотно развернула лошадь от ворот и, мрачно глядя на Кадсуане исподлобья, спешилась. На Аланну обеспокоенно смотрел Ивон, ее стройный Страж. Кадсуане вздохнула, словно ее терпение почти истощилось. – Мериса, если понадобится удержать ее на месте, можешь хоть сесть на нее, – сказала она, передавая поводья низкорослому жилистому конюху. – Я хочу, чтобы все были готовы выехать сразу же, как только я закончу с Алейс. – Мериса кивнула, и Кадсуане повернулась к конюху. – Его нужно только немного напоить, – сказала Айз Седай, ласково похлопывая животное. – Сегодня я его немного заставляла трудиться.

Своего коня Шалон была более чем счастлива сбагрить конюху, и без всяких указаний. Она бы не возражала, если бы тот его убил. Шалон не знала, долго ли ехала в оцепенении, но она как будто провела в седле все мили до единой из тех сотен лиг, что отделяли Фар Мэддинг от Кайриэна. Ищущая Ветер чувствовала себя столь же помятой, как и одежда на ней. Вдруг она поняла, что среди других мужчин не видит симпатичного лица Джахара. Страж Верин, Томас, седой крепыш, суровый как и все Стражи, вел в поводу серого в яблоках коня, на котором ехал Джахар. Куда подевался юноша? Его отсутствие, похоже, ничуть не взволновало Мерису.

– Эта Первая Советница, – пробурчала Харине, позволив Моаду помочь ей слезть наземь. Двигалась она так же одеревенело, как и Шалон. А Моад с легкостью спрыгнул с коня. – Она тут важная особа, Сарен?

– Ну, можно сказать, она – правительница Фар Мэддинга, хотя другие Советницы называют ее первой среди равных, что бы они под этим ни подразумевали. – Передавая поводья своей лошади конюху, Сарен совсем не выглядела встрепанной. Возможно, она и была расстроена из-за *тер'ангриала*, укравшего Источник, но воплощала собой сейчас холодную бесстрастность, с виду – насто-

ящая ледяная статуя. Конюх споткнулся, заглянув ей в лицо. – Некогда Первая Советница давала советы королевам Маредо, но после… распада Маредо большинство Первых Советниц считают себя естественными наследницами прежних правителей.

Шалон отдавала себе отчет, что ее познания в истории сухопутников весьма скудны, как и знание географии удаленных от берегов мест, но она никогда не слыхала о государстве под названием Маредо. Для Харине, впрочем, услышанного оказалось вполне достаточно. Если здесь правит Первая Советница, то Госпожа Волн клана Шодейн обязана с нею встретиться. Достоинство Харине меньшего не дозволяло. И она заковыляла через конюшенный двор к Кадсуане.

– О да, – сказала несносная Айз Седай, не дав Харине рта раскрыть. – Ты тоже пойдешь со мной. Как и твоя сестра. Но, думаю, лучше без твоего Господина Мечей. Будет не слишком-то хорошо, если в куполе появится мужчина, а при виде мужчины с мечом у Первой Советницы, неровен час, припадок случится. Хочешь что-то спросить, Госпожа Волн? – Харине захлопнула рот, явственно щелкнув зубами. – Хорошо, – пробормотала Кадсуане.

Шалон чуть не застонала. Подобное обхождение ни на гран не улучшит настроения ее сестры.

Кадсуане повела своих спутниц по широким, выложенным синей плиткой коридорам, в которых висели на стенах красочные гобелены и которые освещались золочеными стоячими светильниками со сверкающими зеркалами. Слуги в синем сначала изумленно таращились на них, а потом, спохватившись, торопливо кланялись, как то принято у сухопутников. Айз Седай вела их по длинным лестничным пролетам из белого камня, которые как будто висели в воздухе почти без опоры, разве что касались своим краем светлой стены, да и то не везде. Кадсуане скользила, словно лебедь по спокойной воде, но так быстро, что у Шалон заныли ноги. Лицо Харине одеревенело, как маска, дабы скрыть, сколь нелегко дается ей подъем по лестницам. Кажется, даже Кумира была слегка удивлена, хотя под шаг Кадсуане она подстроилась без видимого труда. Маленькая кругленькая Верин семенила рядом с Кадсуане, то и дело улыбаясь через плечо Шалон и Харине. Иногда Шалон казалось, что она ненавидит Верин, но в улыбке той не было ни тени злорадства, только ободрение.

Кадсуане и остальные вместе с нею одолели последний изогнутый лестничный пролет, зажатый между стенами, и очутились вдруг на балконе с вычурными перилами из позолоченного металла, обегавшем по кругу… На миг Шалон потрясенно замерла. Она с изумлением воззрилась на громадный синий купол над головой, уходивший ввысь больше чем на сотню футов. Один

только синий свод – и никакой опоры. Шалон мало что знала об архитектуре сухопутников, так же как об их географии и истории – и об Айз Седай. Говоря откровенно, она была невеждой почти во всем, что касалось сухопутников, разве что познакомилась немного с Кайриэном. Она знала, как рисовать чертежи для корабля-гонщика, как руководить его постройкой, но даже представить не могла, с какого боку подступиться, чтобы создать такое вот чудо.

На длинный балкон вело еще три арочных входа, облицованных белым камнем, как и тот проем, через который вошли они. За арками виднелись уходившие куда-то лестницы, но, кроме Кадсуане и ее спутниц, на балконе никого не было, что, по-видимому, порадовало Айз Седай, и она кивнула своим мыслям.

– Кумира, покажи Госпоже Волн и ее сестре хранителя Фар Мэддинга. – Голос Кадсуане слабым эхом разнесся под сводом громадного купола. Она отвела Верин в сторону, и, склонив друг к дружке головы, они принялись шептаться о чем-то. Их шепота эхо не доносило.

– Вы должны простить их, – негромко сказала Кумира Харине и Шалон. Даже ее тихий голос вызвал если не эхо, то слабые отзвуки. – Мир, но это должно быть неудобно, даже для Кадсуане. – Она пробежала пальцами по коротким темно-каштановым волосам и тряхнула головой. – Советницы редко испытывают радость при виде Айз Седай, особенно, если сестры родом отсюда. Думаю, они предпочли бы делать вид, будто Силы вовсе не существует. Что ж, на то у них есть исторические основания, а последние две тысячи лет есть и средства оправдать свое притворство. Во всяком случае, Кадсуане есть Кадсуане. Она редко когда упустит возможность поставить на место самодовольного индюка, пусть даже на голове у того – или у той – корона. Или диадема Советницы. Последний раз она побывала тут больше двадцати лет назад, во время Айильской Войны, но подозреваю, некоторым из тех, кто помнит ее визит, захочется забиться под кровать, как только они узнают о ее возвращении. – Кумира издала тихий смешок.

Шалон не видела ничего смешного. Харине скривила губы, но лицо сделала такое, словно у нее разболелся живот.

– Хотите посмотреть на… хранителя? – продолжила Кумира. – По-моему, такое название ничем не хуже прочих. Смотреть, впрочем, почти не на что. – Она с опаской шагнула ближе к золоченым перилам и всмотрелась вниз так, словно боялась свалиться, однако в ее синих глазах вновь загорелся огонек. – Все бы отдала, только бы заняться его изучением, но это, конечно, невозможно. Кто знает, на что еще он способен, помимо того, что нам уже известно? – В голосе ее смешались благоговейный страх и сожа-

ление.

Страха высоты Шалон не испытывала и, подойдя к Айз Седай, прижалась к искусно сработанному металлическому ограждению. Она хотела увидеть то, что отняло у нее Источник. Через миг к ним присоединилась и Харине. К удивлению Шалон, высота, вызвавшая волнение Кумиры, оказалась менее двадцати футов – столько отделяло балкон от гладкого мозаичного пола. Синие и белые плитки складывались в спиральный лабиринт, он располагался в центре красного овала с заостренными концами, обрамленного желтым. Под балконом сидели на табуретах, поставленных с геометрической точностью по окружности зала вплотную к стене купола, три женщины в белом, рядом с каждой в пол был врезан диск в целый спан в поперечнике. И в диски эти, изготовленные как будто из дымчатого кристалла, были вставлены длинные тонкие клинья из прозрачного кристалла, направленные острием к центру зала. Туманные диски окружали металлические кольца, размеченные, как картушка компаса, но с еще более мелкими рисками между большими метками. Шалон не была уверена, но ей показалось, что на ближайшем кольце вырезаны какие-то числа. Вот и все. Никаких чудовищ, никаких ужасов. Она-то навоображала нечто огромное и черное, что всасывает в себя свет. Сдерживая дрожь, Шалон крепко стиснула руками перила, сжала колени вместе, чтобы не пошатнуться. Что бы это ни было, именно оно отняло Свет.

Шорох мягких туфель возвестил о появлении на балконе новых лиц. Через тот же вход, откуда пришли Айз Седай и Морской Народ, появилось с дюжину улыбающихся женщин в свободных синих шелковых накидках поверх платьев, похожих на куртки без рукавов, одеяния были богато расшиты золотом и волочились сзади по полу. Эти люди знали, как показать свое высокое положение. С ожерелий из тяжелых золотых звеньев свешивались большие кулоны – в виде красного овала в золотой оправе. Такой же овал повторялся спереди на узких золотых диадемах у всех женщин. У одной из них овал был не эмалевым, а рубиновым, золотой же обруч на лбу казался почти сплошь усеянным сапфирами и лунными камнями; на ее правом указательном пальце сверкало массивное золотое кольцо-печатка. Женщина была высока ростом и царственно величава; черные волосы, собранные на макушке в большой шарообразный узел, были припорошены белым, хотя на лице морщин не было. Остальные женщины были низкими и рослыми, коренастыми, худыми, привлекательными и некрасивыми, ни одной молодой, все имели властный вид, но она выделялась среди них не только драгоценностями. В ее больших темных глазах светились мудрость и сострадание, и она не

то чтобы имела властный вид, от нее буквально исходили волны властности. Шалон и без объяснений поняла, что это и есть та самая Первая Советница, но женщина все равно громко объявила:

– Я – Алейс Барсалла, Первая Советница Фар Мэддинга. – Мелодичный глубокий голос – весьма подходящий для оглашения официальных заявлений, за которыми должны следовать приветственные крики; сейчас их заменило слабое эхо, отраженное куполом. – Фар Мэддинг приветствует Харине дин Тогара Два Ветра, Госпожу Волн Клана Шодейн и Чрезвычайного Посла Госпожи Кораблей Ата'ан Миэйр. Да осияет вас Свет и да увидите вы процветание. Ваше появление радует все сердца в Фар Мэддинге. Я рада возможности узнать побольше об Ата'ан Миэйр, но вы, должно быть, устали после утомительного путешествия. Я распорядилась предоставить вам достойные апартаменты в своем дворце. Когда вы отдохнете и подкрепитесь, мы побеседуем – к нашей взаимной выгоде, да будет то угодно Свету.

Остальные раскинули юбки своих одеяний и склонились в полупоклоне.

Харине чуть склонила голову набок, в ее улыбке угадывался намек на удовлетворение. Наконец-то хоть здесь нашлись те, кто выказал ей надлежащее уважение. К тому же они не пялились, как другие, на необычные украшения Морского Народа.

– По-видимому, Алейс, посыльные от ворот добежали, как всегда, быстро, – промолвила Кадсуане. – А меня приветствовать не будут?

На миг, когда Кадсуане встала рядом с Харине, улыбка Алейс сделалась напряженной, а с лиц некоторых других Советниц улыбки и вовсе пропали. Те же, что все-таки улыбались, явно были не рады Кадсуане. Одна хорошенькая женщина с серьезными глазами даже бросила на Айз Седай недовольный взгляд.

– Мы благодарны вам, Кадсуане Седай, что привели сюда Госпожу Волн. – Особой благодарности в голосе Первой Советницы не слышалось. Она выпрямилась во весь рост и глядела прямо перед собой поверх головы Кадсуане. – Уверена, до вашего отъезда мы найдем способ показать всю глубину нашей благодарности.

Яснее предложения удалиться Алейс высказать не могла, разве что прямо приказала бы уйти, но Кадсуане, глядя на нее, улыбнулась. Улыбку нельзя было назвать зловещей, но и ничего веселого она не предвещала.

– Мне пока нельзя удалиться, Алейс. Я благодарю тебя за предложение о приюте и принимаю его. Дворец на Круче всегда предпочтительнее самой лучшей из гостиниц.

Глаза Первой Советницы изумленно расширились, потом решительно сузились. Но прежде чем Алейс успела заговорить, Харине произнесла полузадушенным голосом:

– Кадсуане должна остаться со мной. Где не рады ей, там не будет и меня.

Это было частью навязанной ей сделки, благодаря чему Морскому Народу разрешили сопровождать Кадсуане. Среди прочих условий они должны были идти, куда и когда она скажет, пока они не присоединятся к Корамуру, а также добиваться того, чтобы Кадсуане была приглашена всюду, куда получают приглашение Ата'ан Миэйр. Последнее условие представлялось мелочью, особенно на фоне всего остального, но похоже, Кадсуане точно знала, на какой прием могла рассчитывать.

– Не падай духом, Алейс. – Кадсуане доверительно склонилась к Первой Советнице, но голоса не понизила. Эхо под куполом подчеркнуло ее слова. – Уверена, у тебя больше нет дурных привычек, которые мне нужно исправить.

Лицо Первой Советницы залилось румянцем, прочие Советницы у нее за спиной обменялись задумчивыми хмурыми взглядами. Некоторые пристально посмотрели на Алейс, словно она предстала перед ними в новом свете. Интересно, как они достигают своего поста и как его теряют? Не считая Алейс, их было двенадцать, наверняка это совпадение, но Первые Двенадцать среди клановых Госпож Парусов избирают Госпожу Волн, обычно из своего числа, так же, как Первые Двенадцать среди Госпож Волн выбирают Госпожу Кораблей. Потому-то Харине и выслушивала странные речи этой девушки, что та была из Первых Двенадцати. А еще потому, что две Айз Седай сказали, что девушка по-настоящему прозорлива. Госпожу Волн или даже Госпожу Кораблей можно сместить с поста, правда, по очень веской причине, например, за вопиющую некомпетентность или если она сойдет с ума, и Первые Двенадцать должны высказаться за такое решение единодушно. Судя по всему, на суше дела вершатся по-иному, и зачастую неряшливо. Взгляд Алейс, прикованный к Кадсуане, был полон разом ненависти и затравленности. Возможно, она чувствовала двенадцать взглядов на своей спине.

Но если Кадсуане вздумалось влезать здесь в политику, то зачем? И почему так грубо, напролом?

– Мужчина только что направлял Силу, – вдруг промолвила Верин. К остальным она не присоединилась, а, стоя шагах в десяти в стороне, смотрела за ограждение. Купол отчетливо донес ее голос. – Первая Советница, в последнее время много случаев, когда направляют мужчины?

Шалон посмотрела вниз и заморгала. Прозрачные прежде клинья теперь почернели, и вместо того, чтобы указывать в центр зала, каким-то образом повернулись приблизительно в одном и том же направлении. Одна из женщин внизу встала и, нагнувшись, вглядывалась в то место на металлическом кольце, куда указывал тонкий кончик клина, а две другие женщины уже торопились к проему с полукруглым верхом. И Шалон вдруг поняла. Триангуляция – штука простая и известна любой Ищущей Ветер. Где-то за аркой находится карта, и вскоре на ней отметят точку, где мужчина направлял Силу.

– Будь это женщина, цвет был бы красный, а не черный, – почти шепотом промолвила Кумира. Она по-прежнему не подходила к перилам близко, но вцепилась в них обеими руками и наклонилась, заглядывая вниз. – Он предупреждает, определяет место, защищает. Что еще? Наверняка создавшие его женщины стремились к чему-то большему, им нужно было большее. Очень опасно не знать, какое у него еще может быть назначение. – Но испуга в голосе Кумиры не слышалось. Только возбуждение.

– Аша'ман, полагаю, – спокойно промолвила Алейс, отведя взгляд от Кадсуане. – Они нас не беспокоят. Они вольны входить в город, пока подчиняются закону. – Она была спокойна, но некоторые из женщин у нее за спиной захихикали – ни дать ни взять девчонки-юнги из новеньких, впервые оказавшиеся среди сухопутников. – Прошу простить меня, Айз Седай. Фар Мэддинг приветствует вас. Боюсь только, не знаю вашего имени.

Верин по-прежнему разглядывала пол купольного зала. Шалон вновь посмотрела за перила и изумленно сморгнула – тонкие черные клинышки… изменились. Только что стрелки были черными и указывали на север, а через миг стали прозрачными и вновь смотрели в центр зала. Они не поворачивались; просто сначала было так, и вдруг стало этак.

– Все вы можете называть меня Эйдвиной, – сказала Верин. Шалон чуть не вздрогнула. Кумира же даже бровью не повела. – Вы помните историю, Первая Советница? – продолжила Верин, не поднимая взгляда. – Осада Фар Мэддинга Гвайром Амаласаном длилась всего три недели. Под конец она приобрела весьма безжалостный характер.

– Сомневаюсь, что они хотят слышать о *нем*, – резко сказала Кадсуане.

И в самом деле, большинство Советниц почему-то замялись. Кто такой, Света ради, этот Гвайр Амаласан? Имя казалось смутно знакомым, но Шалон не удавалось припомнить, кто он такой. Очевидно, какой-то завоеватель у сухопутников.

Алейс глянула на Кадсуане и поджала губы.

– История отмечает Гвайра Амаласана как выдающегося полководца, Эйдвина Седай. Возможно, талантом он уступал лишь самому Артуру Ястребиное Крыло. Что заставило вас вспомнить о нем?

Шалон ни разу не видела, чтобы сопровождавшие Кадсуане Айз Седай не отреагировали даже на самое мягкое ее предостережение, с той же быстротой они подчинялись и ее приказаниям, но Верин на этот раз ничего не замечала. Она и взора не подняла.

– Просто я подумала, что он, хотя и не мог использовать Силу, однако Фар Мэддинг сокрушил. Раздавил, как перезрелую сливу. – Низенькая коренастая Айз Седай помолчала, словно обдумывая какую-то мысль. – Знаете, у Дракона Возрожденного армии в Иллиане и Тире, в Андоре и Кайриэне. Не говоря уже о десятках тысяч Айил. И айильцы эти очень жестоки. Удивительно, как вы можете быть спокойны, когда его Аша'маны являются к вам на разведку.

– Думаю, ты их уже достаточно напугала, – твердо сказала Кадсуане.

Верин наконец отвернулась от золоченого ограждения, с широко раскрытыми глазами она походила на кругленького удивленного зуйка. Ее пухлые ручки даже затрепетали, как крылья.

– Ох! Я не хотела… О, нет. Я бы подумала, что, намеревайся Возрожденный Дракон выступить против вас, он бы уже так сделал. Нет, я подозреваю, что Шончан… Вы о них слышали? Слухи, которые дошли до нас из Алтары и дальше с запада, действительно ужасны. Кажется, они сметают перед собой все и вся. И я подозреваю, что они куда более важны для его планов, чем захват Фар Мэддинга. Если только вы не разгневаете его чем-то, конечно, или не обидите его последователей. Но я уверена, для этого вы слишком умны.

Выглядела Верин самой невинностью. Среди Советниц возникло шевеление, такую рябь поднимает на поверхности мелкая рыбешка, когда внизу проплывает рыба-лев.

Кадсуане вздохнула, ее терпение явно было на исходе.

– Эйдвина, коли хочешь поговорить о Возрожденном Драконе, пожалуйста, – но без меня. Я хочу умыться и выпить немного горячего чаю.

Первая Советница вскинулась, как будто успела забыть о существовании Кадсуане, что само по себе было невероятно.

– Да. Да, разумеется. Кумере, Нарваис, будьте добры, проводите Госпожу Волн и Кадсуане Седай в… в мой дворец и окажите им гостеприимство. – Только легкая заминка и свидетельствовала, что присутствие Кадсуане в жилище Алейс будет для той неудобством. – Если Эйдвина Седай не возражает, мы хотели бы с ней

побеседовать.

Сопровождаемая по пятам большинством Советниц, Алейс грациозной походкой удалилась с балкона. Верин, когда ее обступили Советницы и повели за собой, выглядела встревоженной и неуверенной. Но ее удивлению и беспокойству Шалон верила не больше, чем невинному виду до того. Она решила, что знает теперь, где Джахар. Не знает только почему.

Названные Алейс женщины – та хорошенькая, что сердито косилась на Кадсуане, и стройная седоволосая – восприняли просьбу Первой Советницы как приказ, каковым она, видимо, и была. Разведя в стороны свои одеяния и отвесив полупоклоны, они спросили у Харине, не соблаговолит ли она пройти с ними, и в самых цветистых выражениях выразили свое удовольствие от ее общества. Харине выслушала их с кислой миной. Если угодно, пусть разбрасывают перед ней хоть корзины розовых лепестков, но Первая Советница ушла, оставив ее на какую-то мелкую сошку. Шалон задумалась, как бы ей не попадаться сестре на глаза, пока та не остынет.

Вслед уходившей с Алейс Верин Кадсуане не смотрела, во всяком случае, открыто, но когда они повернули в арочный проход, ведущий с балкона, по губам Айз Седай скользнула еле заметная улыбка.

– Кумере и Нарваис, – вдруг произнесла Кадсуане. – Или по-другому – Кумере Поуис и Нарваис Мэслин? Кое-что слышала о вас. – Эти слова немедленно переключили внимание Советниц с Харине на нее. – Есть нормы, которым должна следовать всякая Советница, – твердым тоном продолжила она, беря обеих за рукава и поворачивая к лестнице. Встревоженно переглядываясь, Советницы, тут же забывшие про Харине, позволили себя увести. На пороге Кадсуане оглянулась, но не на Харине и не на Шалон. – Кумира? Кумира!

Айз Седай вздрогнула и, бросив напоследок долгий взгляд за перила, заставила себя двинуться за Кадсуане. И Харине с Шалон ничего не оставалось, как пойти за ними следом, иначе им пришлось бы самим искать дорогу. Шалон стрелой кинулась за спутницами, и Харине ни на шаг от нее не отстала. Кадсуане, по-прежнему держа Советниц под руки, шагала по изгибам лестниц и разговаривала тихим голосом. Поскольку перед Шалон шла еще и Кумира, то Ищущая Ветер не слышала ничего. Кумере и Нарваис пытались что-то сказать, но Кадсуане не давала им такой возможности: они успевали произнести всего несколько слов, как та снова начинала говорить. Айз Седай казалась спокойной, чуть ли не холодной. Шедшие с ней Советницы начали проявлять беспокойство. Что, во имя Света, затеяла Кадсуане?

– Тебе здесь плохо? – вдруг спросила Харине.

– Я как будто глаз лишилась. – Шалон содрогнулась. Слова ее очень походили на правду. – Я боюсь, Госпожа Волн, но, будь на то воля Света, я обуздаю свой страх. – О Свет, она надеялась, что сумеет справиться со страхом. Она отчаянно на это надеялась.

Харине кивнула, хмуро глядя на женщин, спускавшихся по лестнице впереди нее.

– Не знаю, найдется ли во дворце Алейс ванна, достаточно большая для нас двоих, и сомневаюсь, что здесь знают толк в вине с медом, но мы что-нибудь придумаем. – Отвернувшись от Кадсуане и остальных, Харине неловко коснулась руки Шалон. – В детстве я боялась темноты, и ты никогда не оставляла меня одну, пока я не успокаивалась. И я тебя тоже не оставлю, Шалон.

Шалон споткнулась о ступеньку и чуть не скатилась с лестницы. Харине звала ее по имени только наедине – с тех самых пор, как стала Госпожой Парусов. А до того даже наедине никогда не была столь ласковой.

– Спасибо, – сказала Шалон и, сделав над собой усилие, добавила: – Харине.

Сестра вновь погладила ее по руке и улыбнулась. Харине не привыкла улыбаться, но в этой неловкой попытке ощущалась не свойственная ей теплота.

Однако во взгляде, которым она наградила шедших впереди женщин, тепла не было и в помине.

– Возможно, я и сумею заключить тут сделку. Кадсуане уже сместила у них балласт, так что идут они с креном на борт. Когда подберешься к ней, Шалон, ты должна выяснить – почему она так поступила. Я бы с удовольствием вывесила на лине пару клыков Алейс – это ж надо, ушла прочь, даже слова мне не сказав! Но не такой ценой – я не позволю Кадсуане опутать Корамура своими сетями, втравить его в здешние беды. Поэтому ты должна все узнать, Шалон.

– По-моему, Кадсуане считает своим долгом вмешиваться в дела любого, кто дышит не водой, – со вздохом сказала Шалон, – но я постараюсь, Харине. Сделаю все, что в моих силах.

– Ты всегда так поступала, сестра. И так будет и впредь. Я знаю.

Шалон опять вздохнула. Слишком рано проверять глубину неожиданной сердечности сестры. Признайся Шалон в содеянном, и ее могут простить, а могут и не простить, но она не переживет, если рухнет еще и ее брак, лишись она своего положения. Однако сейчас, впервые с той минуты, как Верин без обиняков выложила ей условия, на которых Кадсуане согласилась не разглашать ее тайну, Шалон всерьез задумалась о возможности признания.

Глава 25

УЗЫ

Ранд сидел в своей комнате в «Голове Советницы», забравшись с ногами на кровать и привалившись спиной к стене, и играл на оправленной в серебро флейте, которую ему подарил когда-то Том Меррилин. Целую Эпоху назад. Комната с резными деревянными панелями и выходящими на Рынок Нетвин окнами была получше тех, что он снимал в «Короне Маредо». Уложенные горкой подушки набиты гусиным пухом, балдахин и занавески кровати украшены вышивкой, а в зеркале на умывальнике не отыщешь ни единого пузырька. Притолоку над каменным камином даже украшала незатейливая резьба. Комната в самый раз для состоятельного купца-чужеземца. Ранд был рад, что, покидая Кайриэн, догадался взять побольше золота. А то он уже утратил привычку носить при себе большие деньги. Дракон Возрожденный жил на всем готовеньком. Что ж, игрой на флейте он вполне способен заработать себе на какую-никакую постель. Мелодия называлась «Стенания о Долгой Ночи», и раньше он ее в жизни не слышал. Льюс Тэрин – слышал. Это походило на умение рисовать. Ранд думал, что это испугает его или разозлит, но он просто сидел и играл, пока Льюс Тэрин плакал.

– О Свет, Ранд, – проворчала Мин, – ты собираешься так и сидеть тут и дудеть в эту штуковину? – Она расхаживала по цветастому ковру, шурша юбками. Узы, связавшие Ранда с ней, Илэйн и Авиендой, он ощущал так, словно по-иному никогда не было и ему не хотелось иного. Он дышал, и он был связан с ними – первое так же естественно, как и второе. – Если она скажет лишнее слово, где ее могут подслушать, если она уже его сказала… Я никому не позволю уволочь тебя в тюрьму для Элайды! – Узы Аланны он ощущал совсем по-другому. Сами по себе они не изменились, однако стали сильнее с того дня в Кэймлине. Узы Аланны казались незваным гостем, чем-то навязанным – заглядывающим через плечо незнакомцем, камешком в сапоге. – Тебе обязательно играть эту мелодию? Мне от нее плакать хочется, и в то же время по коже мурашки бегают. Если она накличет на тебя опасность!.. – Выхватив из тайника в широком рукаве один из своих ножей и крепко зажав его в кулаке, она принялась размахивать им.

Ранд оторвал флейту от губ и молча посмотрел на девушку поверх инструмента. Она покраснела и вдруг, зарычав, метнула нож в дверь. Он вонзился в дерево с глухим стуком.

– Она там, – сказал Ранд, используя флейту как указку. Неосознанно он передвинул инструмент, отслеживая перемещение Аланны. – Скоро она будет тут. – Аланна появилась в Фар Мэддинге накануне, и Ранд не понимал, почему она так долго тянет. Аланна свернулась в его голове маленьким узлом эмоций, боязливым и настороженным, преисполненным волнения и решимости, но больше всего – гнева. Еле сдерживаемой ярости. – Если тебе не хочется здесь оставаться, подожди в…

Мин яростно затрясла головой. Рядом с Аланной у Ранда в голове находился еще один клубок чувств – Мин. Она тоже кипела от гнева и тревоги, но сквозь все маяком просвечивала любовь – стоило ей только взглянуть на него, а зачастую и без всяких взглядов. Еще ощущался страх, хотя его она всячески старалась скрыть.

Ранд вновь приложил флейту к губам и заиграл «Подвыпившего Торговца». От этого игривого мотива развеселится и мертвый. Льюс Тэрин зарычал.

Мин стояла, скрестив на груди руки и глядя на Ранда, потом вдруг одернула платье на бедрах. Со вздохом он опустил флейту и стал ждать. Для женщины беспричинно поправлять одежду все равно, что для мужчины подтягивать ремни доспехов и проверять подпругу; она намерена довести атаку до конца, и коли побежишь, будешь зарублен, как собака. Решимость Мин сделалась сейчас столь же сильной, как и решимость Аланны, – в глубине его «я» словно засияли два солнца-близнеца.

– Больше мы не будем говорить об Аланне, пока она сама не придет, – твердо заявила Мин, как будто он настаивал. Решимость – и по-прежнему страх, сильнее, чем прежде, раз за разом подавляемый и раз за разом вспыхивающий вновь.

– Пожалуйста, жена, если тебе так угодно, – ответил Ранд, коротко склоняя голову в принятой в Фар Мэддинге манере. Мин громко хмыкнула.

– Ранд, мне нравится Аливия. Да, нравится, пусть из-за нее Найнив и нервничает все время. – Уперев кулак в бедро, Мин наклонилась к Ранду и ткнула ему в нос пальцем. – Но она собирается тебя убить. – Мин сказала это, отчеканивая каждое слово.

– Ты говорила, она собирается помочь мне умереть, – тихо произнес Ранд. – Такие были твои слова.

Что он будет чувствовать, умирая? Печаль, что покидает ее, покидает Илэйн и Авиенду. Горечь из-за причиненной им боли. Ему хотелось бы перед концом еще разок свидеться с отцом. А что до всего остального – Ранду казалось, что смерть станет едва ли не облегчением.

Смерть всегда – облегчение, с жаром зашептал Льюс Тэрин. *Я хочу смерти. Мы заслуживаем смерти!*

– Помочь мне умереть – это не то же самое, что убить меня, – продолжал Ранд. Теперь он научился не обращать внимания на этот голос в голове. – Если только ты не передумала насчет того, что видела.

Мин раздраженно вскинула руки.

– Я видела то, что видела, и именно это тебе и сказала, но, поглоти меня Бездна Рока, я никакой разницы не вижу! И не пойму, почему ты считаешь, что разница есть!

– Раньше или позже, Мин, мне суждено умереть, – терпеливо сказал Ранд. Ему говорили это те, кому он не может не верить. Чтобы жить, ты должен умереть. Для него в этих словах по-прежнему не было смысла, но они оставались холодным непреложным фактом. Так же, как и Пророчества о Драконе – ему, видимо, придется умереть. – Не скоро, надеюсь. У меня и у самого такое намерение. Мне жаль, Мин. Я бы никогда не разрешил тебе соединиться со мной узами.

Но у него не хватило сил отказаться, как не хватило сил оттолкнуть ее. Он слишком слаб для того, что должен совершить. А должен он впитать в себя зиму, пока сердце зимы не покажется полуднем Дня Солнца.

– Тогда бы мы связали тебя веревками и все равно сделали бы, что хотели. – Ранд решил, что лучше не спрашивать, чем их поступок отличался бы тогда от того, что проделала с ним Аланна. Несомненно, Мин понимала разницу. Забравшись на кровать и встав на коленях, она обхватила голову Ранда ладонями и повернула к себе. – Слушай меня, Ранд ал'Тор. Я не дам тебе умереть. И если ты исхитришься сделать это мне назло, я отправлюсь за тобой и притащу обратно. – Сквозь серьезность ее, которую ощущал Ранд, вдруг пробилась яркая вспышка веселья. Но голос ее приобрел притворную суровость. – И тогда я приведу тебя жить сюда. Заставлю отрастить волосы ниже пояса и носить заколку для волос с лунными камнями.

Ранд улыбнулся ей. Она по-прежнему могла заставить его улыбаться.

– Похоже, такая судьба – похуже смерти.

Кто-то постучал в дверь, и Мин застыла. Неслышно, одними губами она задала вопрос: «Аланна?» Ранд кивнул, и, к его изумлению, Мин толкнула его на подушки и бросилась ему на грудь. Извернувшись, она приподняла голову, и он сообразил, что девушка пытается увидеть себя в зеркале на умывальнике. Наконец Мин заняла устроившее ее положение – легла щекой Ранду на грудь, одну руку сунула ему под шею, а вторую положила на

плечо.

– Войдите! – крикнула она.

В комнату шагнула Кадсуане и остановилась, отметив хмурым взором торчавший в двери нож. В платье из тонкой темно-зеленой шерсти и в подбитом мехом плаще, заколотом у шеи серебряной брошью, она сошла бы за преуспевающую купчиху или банкиршу, хотя и та, и другая сочли бы золотые подвески в виде птичек, рыбок, звезд и полумесяцев, свисавшие с серо-стального узла волос на ее макушке, слишком вызывающими. Кольцо Великого Змея Кадсуане не носила, видимо, все же прилагала усилия, чтобы не очень выделяться.

– Ну что, детки, вы тут спорили? – мягко спросила Кадсуане.

Ранд почти почувствовал, как притих Льюс Тэрин – горная кошка затаилась в тени. Льюс Тэрин относился к этой женщине почти столь же настороженно, как и сам Ранд.

Мин с красным лицом встала, яростно оправила платье.

– Ты же сказал, что это она! – обвиняющим тоном выпалила девушка, и в этот момент вошла Аланна. Кадсуане затворила дверь.

Аланна разок взглянула на Мин и больше на нее внимания не обращала, сосредоточившись на Ранде. Не отводя от него своих темных глаз, она сдернула плащ и бросила на стул – один из двух в комнате. Руки ее покоились на темно-серых юбках, пальцы крепко сжимали ткань. На руке у нее тоже не было кольца Великого Змея. В тот миг, когда ее взгляд упал на Ранда, по узам растеклась радость. Все прочие чувства остались на месте, робость, ярость, но радости от нее он никак не ожидал!

Ранд, не меняя позы, взял флейту и принялся вертеть ее в руках.

– Удивляться мне или нет, Кадсуане, тому, что вижу тебя? Мне не по нутру, что ты возникаешь слишком часто именно тогда, когда я не желаю тебя видеть. Кто научил тебя Перемещению?

Иначе быть не могло. Аланна была неясным пятнышком на грани сознания, а в следующее мгновение уже появилась у него в голове во всей силе ощущений. Ранд подумал было, что она сама как-то выучилась Перемещаться, но, увидев Кадсуане, понял, что к чему.

Аланна поджала губы, и даже Мин покосилась на него осуждающе. Эмоции, перетекавшие по узам Стража, от одной женщины долетали легко; от другой же тягуче исходил гнев, смешанный теперь с удовольствием. Почему Аланна чувствует *радость*?

– Вижу, манеры прежние. Как у козла, – сухо отметила Кадсуане. – Мальчик, вряд ли мне нужно разрешение, чтобы побывать на родине. Что касается Перемещения, то не твое дело, где, когда и чему я научилась. – Расстегнув брошь, она приколола ее на

пояс, чтобы была под рукой, и, сложив плащ, перекинула через руку, как будто не помять его было важнее, чем говорить с Рандом. В голосе Айз Седай слышались раздраженные нотки. – Из-за тебя у меня на шее повисла куча попутчиков. Та еще обуза. Аланна была в таком отчаянии и так хотела тебя видеть, что взять ее с собой отказался бы только человек с каменным сердцем. Сорилея сказала, что толку от некоторых давших тебе клятву не будет, если только им не разрешат отправиться с Аланной, вот мне и навязали вдобавок Несан, Сарен, Эриан, Белдейн и Элзу. Не говоря уж про Харине, а с нею ее сестру и этого их Господина Мечей. Услыхав, что Аланна собралась тебя искать, Харине не знала, то ли ей в обморок упасть, то ли завопить, то ли укусить кого-нибудь. Да еще три твоих приятеля в черных куртках. Не знаю, горят ли они желанием видеть тебя, но они тоже здесь. Ну вот, мы тебя нашли, и я пришлю к тебе Морской Народ и сестер. Сам с ними разбирайся.

Бормоча ругательства, Ранд вскочил на ноги.

– Нет! Держи их подальше от меня!

Кадсуане прищурилась, темные глаза ее блеснули.

– Я уже тебя предупреждала – следи за своей речью. Больше предупреждать не стану. – Она еще полминуты, нахмурив брови, строго взирала на него, потом кивнула, как будто сочла, что он усвоил урок. – А теперь скажи, мальчик, с чего ты решил, будто можешь указывать мне, что делать?

Ранд боролся с собой. Здесь его приказы не действуют. А Кадсуане он и прежде не мог командовать. Мин сказала, что эта женщина ему нужна, что она научит его чему-то необходимому, но от этого он испытывал только еще большее беспокойство.

– Я хочу закончить свои дела здесь и быстро уйти, – наконец вымолвил Ранд. – Если ты им расскажешь, по крайней мере удостоверься, что они поняли: им нельзя приближаться ко мне, пока я не буду готов уйти. – Женщина выжидательно приподняла бровь, и он глубоко вздохнул. Почему ей всегда нужно все усложнять? – Я был бы очень признателен, если бы ты не рассказывала им, где я. – Неохотно, очень неохотно, он добавил: – Пожалуйста.

Мин шумно выдохнула, будто все это время сдерживала дыхание.

– Хорошо, – помолчав, сказала Кадсуане. – Вот постарался, и манеры появились, пусть и видок у тебя такой, словно зубы разболелись. Думаю, сумею сохранить твою тайну, на время. Никто из них даже не узнает, что ты в городе. Ах, да! Должна сообщить тебе, что Мериса связала узами Наришму, Кореле – Дамера, а Дайгиан – юного Хопвила.

Она сказала это таким небрежным тоном, как будто ее сообщение вовсе не имело значения и она вполне могла не вспоминать о нем.

Ранд выругался, на этот раз и не подумав понизить голос, и челюсть ему чуть не вывихнула полновесная пощечина Кадсуане. Перед глазами заплясали черные пятна. Кто-то из двух других женщин ахнул.

– Я же говорила тебе, – безмятежно сказала Кадсуане. – Больше предупреждать не стану.

Мин шагнула к Ранду, и он слабо помотал головой. Благодаря чему зрение прояснилось. Ранду хотелось пощупать челюсть, но он не поднял рук. И ему пришлось ослабить хватку: уж слишком сильно пальцы сжимали флейту. Что до Кадсуане, она как будто тут же забыла о пощечине.

– Почему Флинн и остальные согласились на узы? – спросил Ранд.

– Сам спросишь, когда встретишься, – ответила Кадсуане. – Мин, по-моему, Аланна хочет немного побыть с ним наедине. – Не дожидаясь ответа, она повернулась к двери и добавила: – Аланна, я подожду внизу, в Женской Комнате. Не задерживайся. Я хочу вернуться на Кручу. Мин?

Мин зло глянула на Аланну. Сердито покосилась на Ранда. Потом всплеснула руками и зашагала за Кадсуане, что-то бормоча под нос. И с грохотом захлопнула за собой дверь.

– Ты мне больше нравился со своими собственными волосами. – Сложив руки на груди, Аланна разглядывала Ранда. По узам передавались боровшиеся между собой гнев и радость. – Я надеялась, что будет лучше, когда ты окажешься рядом, но у меня в голове ты – все такой же камень. Даже сейчас я не могу сказать, огорчен ты или нет. Но все равно, хорошо, что я здесь. Мне не нравится надолго расставаться со Стражем.

Ранд равным образом не замечал ни ее, ни волн радости, кативших по узам.

– Она не спросила, зачем я пришел в Фар Мэддинг, – тихо произнес он, глядя на дверь, словно видел за нею Кадсуане. Та обязательно должна была поинтересоваться. – Ты сказала ей, что я здесь, Аланна. Больше некому. А как быть с твоей клятвой?

Аланна глубоко вздохнула и ответила не сразу.

– Не уверена, может, Кадсуане на тебя вообще наплевать, – огрызнулась она. – Я держу свое слово, как могу, но из-за тебя исполнить клятву очень тяжело. – Голос ее стал жестче, и гнев прихлынул через узы сильнее. – Я поклялась в верности человеку, который ушел и бросил меня. И как, интересно знать, мне служить тебе? И что, скажи на милость, ты сделал? – Пройдя по

ковру, Аланна встала перед Рандом и подняла на юношу горящий яростью взор. Ранд был выше ее на целый фут, но она словно не замечала разницы в росте. – Ты что-то сделал, я знаю. Я три дня лежала без сознания! Что это было?

– Я решил, что, если и быть связанным узами, то почему бы не с тем, кому я это разрешил. – Он едва успел поймать за запястье ее взметнувшуюся руку. – Для одного дня пощечин достаточно.

Аланна зло смотрела на Ранда, оскалившись, словно собралась вцепиться ему в горло. По узам теперь бурно неслись ярость и негодование, чистые, как обнаженные кинжалы.

– Ты позволил кому-то еще *связать* себя узами? – зарычала она. – Да как ты посмел! Кто бы она ни была, я добьюсь суда над ней! И ее розгами высекут! Ты – мой!

– Ты поступила так со мной без спросу, Аланна, – холодно промолвил он. – Если сестры узнают, то высекут *тебя*. – Мин как-то сказала ему, что он может доверять Аланне, что видела «в его руке» Зеленую и еще четырех сестер. Он почему-то верил ей, однако он и сам был в руке Аланны, чего ему вовсе не хотелось. – Освободи меня, и я никому не расскажу об этом. – Ранд даже не подозревал, что освобождение возможно, пока Лан не рассказал ему о себе и Мирелле. – Освободи меня от уз, и я освобожу тебя от данной клятвы.

Бурлящий гнев ее ослабел, хоть и не прошел совсем, на лицо Аланны вернулось спокойствие и голос стал сдержанным.

– Ты делаешь мне больно.

Ранд знал, что ей больно. Узы позволяли ощущать ее боль. Он отпустил руку Аланны, и она принялась растирать запястье, причем нарочито. Села на второй стул, продолжая потирать руку, и скрестила ноги. Судя по всему, она размышляла.

– Я подумывала о том, чтобы освободить тебя, – наконец сказала Аланна. – Я мечтала об этом. – И тихо, печально рассмеялась. – Даже попросила у Кадсуане разрешения передать узы ей. Вот как сильно я этого хотела. Если кто и способен с тобой справиться, так только Кадсуане. Но она отказалась. Рассердилась, что я предложила такое, не спросив у тебя. В ярость пришла. Так что даже если ты и согласишься, она не захочет. – Она развела руками. – Поэтому ты мой. – Выражение лица не изменилось, но при этих словах радость вспыхнула с новой силой. – Каким бы образом ты мне ни достался, ты – мой Страж, и я несу за тебя ответственность. Это во мне не слабее, чем клятва повиноваться тебе. Ничуть не слабее. Поэтому я не освобожу тебя, пока не уверюсь, что та, другая, обращается с тобой надлежащим образом. Кто связал тебя узами? Если она достойна того, я позволю ей тебя забрать.

При одной только мысли, что его узами могла завладеть Кадсуане, Ранда словно пронзило ледяным копьем. Аланна не умела управлять им через узы, и он полагал, что это не получится и ни у какой другой сестры, но в отношении Кадсуане он не стал бы рисковать. О Свет!

– Почему ты думаешь, что Кадсуане на меня наплевать? – спросил он у Аланны, не ответив на ее вопрос. Доверяет он кому или нет, но ответа на такой вопрос от него никто не дождется. Возможно, по законам Башни Илэйн, Авиенда и Мин и не совершили ничего недозволенного, но коли откроется, что они соединены с ним, бояться придется куда худшего, чем наказания со стороны других Айз Седай. Усевшись на край кровати, Ранд принялся вертеть в руках флейту. – Потому, что она отказалась принять мои узы? Может, она не так безразлична к последствиям, как ты. Она явилась ко мне в Кайриэн и пробыла там довольно долго. По какой причине, если не из-за меня? И неужто я поверю, что ей просто приспичило навестить друзей, именно в то время, как я оказался тут? Она взяла тебя в Фар Мэддинг, чтобы отыскать меня.

– Ранд, она хотела знать, где ты был все это время, – сказала Аланна, – но боюсь, о том, куда ты подевался, гадает в Селейзине каждый пастух. Всему *миру* хочется знать, где ты. Я знала, что ты был далеко на севере и несколько дней оставался на месте. И только. Узнав, что они с Верин отправляются сюда, мне пришлось упрашивать Кадсуане – на коленях умолять! Лишь тогда она разрешила мне ехать с ними. Но я и сама не знала, что ты здесь, пока, шагнув из врат, не оказалась на холмах за городом. А до того я считала, что придется Переместиться чуть ли не до Тира, чтобы найти тебя. Кадсуане научила меня Перемещению, когда мы отправились сюда, поэтому не рассчитывай, что в будущем сможешь так легко от меня улизнуть.

Кадсуане научила Аланну Перемещаться? Ну, все равно это не объясняет, кто научил саму Кадсуане. Впрочем, рассудил Ранд, это и не важно.

– А Дамер и двое других позволили связать себя узами? Или и те сестры поступили с ними так же, как ты со мной?

Слабый румянец выступил на щеках у Аланны, но голос остался ровным.

– Я слышала, как Мериса спрашивала у Джахара. Он два дня раздумывал, прежде чем согласиться, и, насколько я видела, она на него не давила. За других не отвечу, но, как сказала Кадсуане, ты сам можешь спросить у них. Ранд, пойми, эти трое побоялись возвращаться в вашу «Черную Башню». – Аланна скривила губы в кислой усмешке. – Они боялись, что их обвинят в нападении на

тебя. Если бы они убежали, их бы затравили как дезертиров. Я так понимаю, это твой приказ и никто его не отменял? Куда еще им было податься, кроме как к Айз Седай? И правильно сделали. – Она улыбнулась, словно увидела что-то удивительное, и в голосе ее послышалось возбуждение. – Ранд, Дамер открыл способ Исцелять усмиренных! О Свет, раньше у меня язык не поворачивался произнести это слово. Он Исцелил Иргайн, и Ронайлле, и Сашалле. И они тоже, как и другие, принесли тебе клятву верности.

– Какие еще другие?

– Все те сестры, что в плену у Айил. Даже Красные. – Аланна словно и сама не верила своим словам, но заглушала это неверие настойчивостью. Она выпрямила ноги и наклонилась к Ранду, пристально глядя ему в глаза. – Все как одна дали клятву и приняли покаяние, которое ты возложил на Несан и прочих – на первых пятерых, что принесли тебе обет верности. Кадсуане им не доверяет. И напрасно разрешила им взять своих Стражей. Признаюсь, поначалу я не была уверена, но полагаю, им ты *можешь* доверять. Они дали тебе клятву. Тебе известно, что это означает для сестры. Мы не можем нарушить клятву, Ранд. Это невозможно.

Даже для Красных. Ранд удивился, когда первые пятеро пленниц дали клятву верности. Элайда послала их похитить его, что они и исполнили. Он был уверен: причина всего происшедшего в том, что он – *та'верен*, но ведь это обстоятельство всего лишь изменяет вероятности, благодаря чему происходит событие, которое в иных случаях случается один раз из миллиона. Трудно поверить, чтобы Красная сестра при каких бы то ни было обстоятельствах дала клятву верности мужчине, который способен направлять Силу.

– Мы нужны тебе, Ранд. – Встав, Аланна сделала движение, словно собираясь шагнуть к нему, но вместо этого остановилась и, не мигая, уставилась на него. Руки ее разглаживали юбки, чего она как будто не замечала. – Тебе нужна поддержка Айз Седай. Иначе тебе придется завоевывать каждую страну, а получается у тебя пока не слишком хорошо. Может, для тебя бунт в Кайриэне и кончился, но не всем нравится, что Добрэйн назван твоим Наместником. Немало народу может переметнуться к Тораму Райатину, если он вновь появится на сцене. Благородный Лорд Дарлин, как мы слышали, устроился в Твердыне, провозгласил себя твоим Наместником в Тире, но мятежники из Хаддонского Сумрачья как-то не спешат хлынуть потоком ему в поддержку. А что касается Андора… Илэйн Траканд хоть и говорит, что поддержит тебя, как только взойдет на престол, но сама ловким маневром вынудила твои войска уйти из Кэймлина, и носить мне бубенчики в Запустении, если она позволит им остаться в Андоре, когда

сядет на трон. Сестры могут помочь тебе. Илэйн прислушается к нашим словам. Мятежники в Тире и Кайриэне тоже прислушаются. Три тысячи лет Белая Башня останавливала войны и прекращала мятежи. Пусть тебе не по вкусу договор, что заключили с Харине Рафела и Мерана, но они добились всего, чего ты просил. О Свет, мужчина, позволь нам помочь тебе!

Ранд медленно кивнул. Потребовав от Айз Седай поклясться ему в верности, он стремился произвести на людей впечатление своим могуществом. Иного он не видел – его ослепил страх, что они смогут манипулировать им, преследуя собственные цели. Ему не хотелось признаваться в этом. Он был большим дураком.

Дурак – человек, который доверяет всем, сказал Льюс Тэрин, *и человек, который никому не доверяет – тоже дурак. Мы все дураки, когда поживем достаточно долго.* Слова почти разумного человека.

– Возвращайся в Кайриэн, – сказал Ранд. – Передай Рафеле и Меране, чтобы они отправились к мятежникам в Хаддонское Сумрачье. И скажи, что я хочу еще, чтобы они взяли с собой Беру и Кируну. – Это были те четверо, кому, кроме Аланны, он, по словам Мин, мог доверять. А что Мин сказала по поводу тех пяти, что привела с собой Кадсуане? Что каждая по-своему послужит ему. Пока весьма неопределенно. – Мне нужно только, чтобы не меняли введенные мной законы и чтобы Дарлин Сиснера оставался моим Наместником. Обо всем прочем они могут договариваться, но с мятежом должно покончить. А потом… В чем дело?

Лицо у Аланны вытянулось, она устало поникла на стуле.

– В том, что я проделала такой путь, а ты сразу отсылаешь меня обратно. Наверное, оно и к лучшему, раз тут эта девочка, – вздохнула она. – Ты представления не имеешь, через что я прошла в Кайриэне… Чтобы всю ночь не просыпаться то и дело из-за того, чем вы там занимались, мне пришлось отчасти маскировать узы. Это намного труднее, чем замаскировать их полностью, но я не люблю терять связь со своими Стражами. Однако возвращение в Кайриэн будет ничем не лучше.

Ранд прочистил горло.

– Именно этого я от тебя и хочу. – Женщины, как он узнал, о многих вещах говорят куда откровеннее мужчин, но все равно подобная свобода высказываний поразительна. Ранд надеялся, что Илэйн и Авиенда маскируют узы, когда они с Мин остаются в спальне одни. Когда они оказываются вдвоем в постели, для него не существует никого, только она, – то же самое у него было с Илэйн. И уж с Аланной ему точно не хотелось заводить разговор на подобную тему. – Возможно, я тут все сделаю к тому времени, как ты закончишь в Кайриэне. А если нет… Если я не успею,

можешь вернуться сюда. Но ты должна будешь держаться подальше от меня. Я сам скажу, когда все завершится.

Волна радости поднялась в ней снова, несмотря на столь строгое ограничение.

– Ты не скажешь, кто связал тебя узами? Нет? – Ранд покачал головой, и Аланна вздохнула. – Тогда я лучше пойду. – Встав, она взяла плащ, перекинула его через руку. – Кадсуане, мягко говоря, нетерпелива. Сорилея порекомендовала ей присматривать за нами, как курице за цыплятами, она себя так и ведет. По-своему, конечно. – У двери Аланна приостановилась, задала последний вопрос: – Почему ты здесь, Ранд? Кадсуане, может, и безразлично, но только не мне. Если пожелаешь, я сохраню секрет. В *стеддинге* я не в состоянии провести больше двух дней. Почему тебе хочется торчать здесь, где нельзя даже почувствовать Источник?

– Может, для меня это и не так плохо, – соврал Ранд. Он мог бы сказать ей. Он верил, что Аланна сохранит тайну. Но она видела в нем Стража, и она была Зеленой. Никакие объяснения не заставят ее покинуть Ранда наедине с опасностью, но в Фар Мэддинге она способна защитить себя не лучше Мин. Если не хуже. – Ступай, Аланна. Я и так уже потерял много времени.

Как только Аланна ушла, Ранд опять привалился спиной к стене и сидел, перебирая пальцами дырочки флейты. Но он не играл, он думал. Мин сказала, что ему нужна Кадсуане, но Кадсуане не интересовалась им, разве что проявляла любопытство. Весьма на дурной манер. Каким-то образом он должен ее заинтересовать. Как, Света ради, ему сделать это?

* * *

Верин не без труда вылезла из портшеза, ступила во внутренний двор дворца Алейс. Нет, для портшезов она толстовата, только вот в Фар Мэддинге портшезы – самый быстрый способ передвижения. Экипажи рано или поздно застрянут в людской толпе, да они могут и не проехать в некоторые места, куда ей нужно. Вечер перетекал в сумерки, и задувавший с озера влажный ветер стал холоднее, но Верин отпустила плащ на волю ветра и, выудив из кошеля два серебряных пенни, вручила их носильщикам. От нее, конечно, не требовалось расплачиваться, поскольку это были мальчики Алейс, но Эйдвина об этом не знает. Они не должны были брать деньги, но серебро мгновенно исчезло в карманах, а младший из носильщиков, симпатичный малый средних лет, даже отвесил церемонный поклон. Потом носильщики подхватили портшез и заторопились к конюшне, низкому зданию, пристроенному углом к фасадной стене. Верин вздохнула. Мальчик средних лет. Ей не понадобилось много времени, чтобы начать

чувствовать себя в Фар Мэддинге так, словно она никогда его не покидала. Нельзя забывать об осторожности. Здесь может оказаться опасно, особенно если Алейс или кто-нибудь другой раскроет ее обман. Она подозревала, что распоряжение суда об изгнании Верин Матвин по-прежнему в силе. Фар Мэддинг хранил молчание, когда кто-то из Айз Седай оказывался в неладах с законом, но у Советниц не было резона бояться Айз Седай, и Башня по каким-то своим причинам тоже хранила молчание в тех редких случаях, когда сестру подвергали порке по приговору местного суда. Верин не хотелось оказаться последней в списке тех, о ком Башне пришлось промолчать.

Конечно, дворец Алейс и в подметки не годился ни Солнечному, ни Королевскому дворцу Андора и никакому другому дворцу, откуда правят короли и королевы. Особняк был собственностью Алейс, а не полагался ей по должности Первой Советницы. По обе стороны от особняка Алейс располагались другие дворцы, большие и маленькие, каждый окружала высокая стена, не считая той части, где Круча – единственное место на всем острове, которое можно было назвать холмом, – отвесно обрывалась к воде. Но и маленьким этот дворец не был. Женщины рода Барсалла занимались торговлей и политикой еще с тех времен, когда город носил название Фел Морейна. На обоих этажах дворец Барсалла окружали галереи с высокими колоннами, а огороженный участок был вымощен брусчаткой из белого мрамора.

Кадсуане она нашла в гостиной, где в широком мраморном камине горел огонь. Из окон открывался прекрасный вид на озеро, только вот занавески были задернуты, чтобы сохранить тепло. На инкрустированном столике рядом со стулом Кадсуане стояла ее корзинка с шитьем, и Айз Седай безмятежно колдовала иголкой над пяльцами. Кадсуане была не одна. Верин сложила плащ на спинку мягкого стула и, сев на другой, стала ждать.

Элза на Верин едва взглянула. Зеленая сестра, лицо которой обычно лучилось весельем, стояла на ковре перед Кадсуане, и вид у нее был довольно свирепый. Она раскраснелась, глаза метали молнии. Элза всегда отдавала себе отчет, где она и с кем говорит, и всегда выказывала уважение к другим сестрам, возможно, даже была несколько подобострастна. Не заметить Верин, не говоря уж о том, чтобы противостоять Кадсуане, – да она, должно быть, вне себя.

– Как вы могли отпустить ее? – наседала она на Кадсуане. – Как мы теперь его отыщем?

Ага, вот в чем дело.

Кадсуане не поднимала головы от пялец, и ее иголка продолжала оставлять крохотные стежки.

– Подожди ее возвращения, – спокойно ответила она.

Элза решительно подбоченилась.

– Как вы можете быть так безразличны? – вопросила она. – Он же – Дракон Возрожденный! Это место – смертельная ловушка для него! Вы должны!..

Кадсуане приподняла палец, и Элза, клацнув зубами, захлопнула рот. Ей хватило и этого едва заметного жеста.

– Элза, я достаточно долго выслушивала твои тирады. Можешь идти. Ступай!

Элза замешкалась, но выбора у нее не было. Все с таким же красным лицом она коротко склонилась в реверансе, судорожно подхватила свои темно-зеленые юбки и без задержки, хотя и напряженной походкой, оставила гостиную.

Кадсуане положила пяльцы на колени и откинулась на спинку стула.

– Верин, не приготовишь немного чаю?

Верин невольно вздрогнула. Вторая Айз Седай в ее сторону и не смотрела.

– Конечно, Кадсуане. – На четырехногой подставке на пристенном столе стоял украшенный богатой чеканкой серебряный чайник. К счастью, еще горячий. – Разумно ли было отпускать Аланну?

– Вряд ли я могла ее остановить без того, чтобы мальчик не узнал больше, чем надо. Разве нет? – сухо отозвалась Кадсуане.

Не торопясь, Верин наклонила чайник, налила чай в тонкостенную чашку из синего фарфора. Фарфор был не Морского Народа, но очень тонкий.

– У тебя есть какие-нибудь догадки, зачем он явился в Фар Мэддинг? Почему именно сюда? Я чуть язык не проглотила, когда сообразила: то, что он перестал метаться, объясняется его приходом сюда. Если он затеял что-то опасное, может, нам попытаться остановить его?

– Верин, пусть делает, что его душе угодно, только бы оставался жив до Тармон Гай'дон. И только бы я пробыла рядом с ним достаточно долго, чтобы научить его вновь смеяться и плакать. – Прикрыв глаза, Кадсуане потерла виски кончиками пальцев и вздохнула. – Он превращается в камень, Верин, и если он не вспомнит, что он человек, победа в Последней Битве может оказаться не лучше поражения. Юная Мин сказала мальчику, что я нужна ему. Это мне удалось из нее выудить, не возбудив подозрений. Но я должна подождать, пока он сам ко мне придет. Ты же видишь, как он груб с Аланной и остальными. И без того будет трудно учить его, даже если он и попросит. Он противится чужим советам, думает, что должен все делать сам, обязан дойти до всего

своими силами. И если я не заставлю его как следует потрудиться над собой, он вообще ничему не научится. – Ее руки выпустили пяльцы с вышивкой. – Кажется, сегодня я что-то разоткровенничалась. Непохоже на меня. Если ты закончила наконец разливать чай, может, я поведаю еще что-нибудь по секрету.

– Ах да, конечно. – Торопливо налив вторую чашку, Верин незаметно уронила в свой кошель маленький флакончик – так его и не откупорив. Как хорошо наконец быть уверенной в Кадсуане! – Тебе с медом? – спросила она. – Я не помню.

Глава 26

НАДЕЖДЫ

Шагая вместе с Эгвейн по поросшей бурой травкой деревенской площади Эмондова Луга, Илэйн смотрела на перемены с печалью. Эгвейн же они как будто оглушили. Когда Эгвейн впервые появилась в *Тел'аран'риоде*, на спину ее спускалась длинная коса, на ней было простое шерстяное платье, из-под длинной юбки при ходьбе выглядывали добротные туфли. Илэйн предположила, что такую одежду она носила, живя в Двуречье. Теперь же темные волосы Эгвейн свободно рассыпались по плечам, выбиваясь из-под маленького чепца из тонких кружев, а ее одежда была столь же нарядной, как у Илэйн, – роскошное синее платье с богатой серебряной отделкой по лифу и по высокому вороту, а также по подолу и рукавам. Крепкую кожаную обувь сменили расшитые серебряной нитью бархатные туфли. Илэйн приходилось сосредоточиваться, чтобы ее зеленое шелковое платье для верховой езды не обернулось другим, более нескромным, но изменения в одежде ее подруги, вне всякого сомнения, были вполне обдуманными.

Она надеялась, что Ранд не разлюбит Эмондова Луга, но это была уже не та деревня, где выросли они с Эгвейн. Здесь, в Мире Снов, людей не встречалось, однако было совершенно ясно, что ныне Эмондов Луг превратился в немаленький городок, причем процветающий, где из каждых трех домов один сложен из камня, в некоторых – по три этажа, а крытых соломой меньше, чем имеющих крышу из черепицы всех цветов радуги. Отдельные улицы оказались вымощенными гладким, плотно подогнанным камнем, новым, еще неистертым, а сам городок вдобавок окружила толстая каменная стена, с башнями и скрепленными железом воротами, более подходящими для поселения в Пограничных Землях. За стенами располагались чугунолитейная мастерская и лесопилки, мельницы и ткацкие мастерские, где изготовляли как шерстяную ткань, так и ковры, а в самом городке каких только мастерских не нашлось – мебельных, гончарных, портняжных, белошвейных, скобяных, ювелирных, и многие не уступали кэймлинским, хотя некоторые своим видом наводили на мысли об Арад Домане или Тарабоне.

Воздух был свеж, но не холоден, на земле – ни следа снега, во всяком случае, сейчас. Здесь солнце висело прямо над головой, хотя Илэйн надеялась, что в мире яви по-прежнему ночь. До утра

ей хотелось хоть немного поспать по-настоящему. Последние несколько дней она чувствовала неизбывную усталость; столько всего надо сделать, а времени так мало. Девушки пришли сюда потому, что тут их вряд ли сумел бы выследить какой-нибудь соглядатай, но Эгвейн все смотрела и смотрела на перемены, происшедшие с деревней, где она появилась на свет. И у Илэйн имелись свои причины, не считая Ранда, почему ей захотелось осмотреть Эмондов Луг. Трудность – одна из многих – заключалась в том, что в реальном мире мог пройти час, который в Мире Снов обернется пятью или десятью, но с той же легкостью могло случиться и наоборот. В Кэймлине вполне уже могло наступить утро.

Остановившись на краю лужайки, Эгвейн оглянулась на широкий каменный мост, выгнувшийся над быстро расширявшимся потоком. Речка брала начало от родника и стремительно сбегала по каменному ложу, ее сильное течение могло сбить человека с ног. В центре лужайки высилась массивная мраморная колонна с вырезанными на ней именами и два древка на каменных основаниях.

– Памятник в честь сражения, – пробормотала Эгвейн. – Кто бы мог представить, что такое появится в Эмондовом Лугу? Впрочем, Морейн рассказывала, что когда-то на этом месте произошла великая битва, во время Троллоковых Войн, когда погиб Манетерен.

– Про эту историю я читала, – негромко промолвила Илэйн, глянув на древки, на которых не было флагов. Не было – сейчас. Здесь Илэйн не могла почувствовать Ранда. О, он, конечно же, по-прежнему был в ее голове, как и Бергитте: окаменевший клубок эмоций и физических ощущений, которые стало намного сложней истолковывать из-за того, что Ранд находился где-то далеко; однако в *Тел'аран'риоде* она не могла определить, в какой он стороне. И хотя знание этого мало что могло дать, ей его не хватало. Ей не хватало Ранда.

На древках возникли знамена и продержались недолго – едва успели лениво колыхнуться. Но достаточно, чтобы разглядеть на одном полотнище красного орла на синем поле. И это был Красный Орел. Однажды, когда Илэйн побывала в *Тел'аран'риоде* с Найнив, она как будто видела мельком это знамя, но решила тогда, что ей померещилось. Мастер Норри напомнил ей об интересах государства. Илэйн любила Ранда, но если кто-то пытается там, где он вырос, поднять из древней могилы Манетерен, она обязана учесть этот факт, как бы это ни было больно. В этом знамени и в этом названии крылась немалая угроза Андору.

– От Боде Коутон и остальных послушниц с родины я слыхала о переменах, – сказала Эгвейн, хмурым взглядом окидывая окру-

жавшие лужайку дома, – но ничего подобного не предполагала. – Большинство домов были сложены из камня. Маленькая гостиница по-прежнему стояла возле каменного фундамента, оставшегося от сооружения куда больших размеров, с проросшим посередине огромным дубом, но по другую сторону от остатков фундамента располагалось почти достроенное здание, во много раз крупнее и с виду очень похожее на гостиницу. Над дверью даже висела вывеска: «Лучники». – Знать бы, остался ли мой отец мэром… Здорова ли матушка? Как сестры?

– Я знаю, завтра ты собираешься двинуться с армией дальше, – сказала Илэйн, – если завтра уже не наступило. Но, добравшись до Тар Валона, ты сможешь выкроить несколько часов и побывать здесь.

Благодаря Перемещению это стало намного проще. Возможно, и самой Илэйн стоило послать кого-нибудь в Эмондов Луг. Если бы только знать, кому можно доверить эту непростую миссию. Слишком мало тех, кому она может доверять, и все они нужны ей в Кэймлине.

Эгвейн покачала головой.

– Илэйн, мне пришлось приказать высечь женщин, с которыми я выросла. Потому что они не верят, что я – Престол Амерлин. А если и верят, то считают, что правила писаны не для них, поскольку они меня знают. – Вдруг на ее плечах возник семиполосный палантин. Заметив его, она поморщилась, и палантин пропал. – Не думаю, что смогу явиться в Эмондов Луг и заявить, что я – Амерлин, – с грустью сказала она. – Пока еще нет. – Эгвейн тряхнула головой, голос ее стал тверже. – Колесо вращается, Илэйн, и меняется все. Я должна была бы уже привыкнуть к этому. И я обязательно привыкну. – Манерой говорить она очень напоминала Суан Санчей, так же высокопарно Суан говорила в Тар Валоне до того, как все переменилось. С палантином или без него, Эгвейн разговаривала в точности, как Престол Амерлин. – Ты уверена, что тебе не нужна подмога? Я могла бы прислать немного солдат Гарета Брина. По крайней мере, они помогут поддержать порядок в Кэймлине.

Внезапно девушки оказались по колено в искрящемся снегу. Снег белыми холмиками блестел на крышах, как после обильного снегопада. Подобное случалось не в первый раз, и они, вместо того чтобы представить плащи и одежду потеплее, просто запретили себе обращать внимание на холод.

– До весны на меня никто наступать не станет, – сказала Илэйн. Во всяком случае, зимой войска не выступят в поход, если только не воспользуются преимуществом Перемещения, как армия Эгвейн. Снег помешает, а потом, когда он растает, придет время

распутицы со всей ее грязью. Вероятно, Порубежники отправились в поход на юг, решив, что зимы в этом году не будет вовсе. – Кроме того, у Тар Валона тебе понадобится каждый солдат.

Неудивительно, что Эгвейн согласно кивнула и не стала повторять свое предложение. Хотя солдат усиленно набирали целый месяц, но, как говорил Гарет Брин, чтобы взять Тар Валон, ему нужна армия вдвое большая. По словам Эгвейн, начать он готов и с имеющимися силами, но такой вариант ее, по всей видимости, тревожил.

– Я должна принимать трудные решения, Илэйн. Колесо плетет так, как желает Колесо, но решать-то нужно мне.

Движимая внутренним порывом, Илэйн шагнула через сугробы, чтобы обнять Эгвейн. Точнее, попыталась шагнуть. Едва она обняла подругу, как снег исчез, оставив лишь влажные пятна на платьях. Девушки, словно в странном танце, пошатнулись и чуть не упали.

– Верю, ты примешь правильные решения, – сказала Илэйн, невольно рассмеявшись. Эгвейн смеяться не стала.

– Надеюсь, – сдержанно промолвила она, – потому что, какое бы решение я ни приняла, из-за него будут умирать люди. – Она погладила Илэйн по руке. – Кому, как не тебе, понимать, что это за решения. Нам обеим нужно вернуться в постель. – Она помолчала, потом продолжила: – Илэйн, если Ранд снова придет к тебе, ты должна дать мне знать, что он скажет. Может, даст тебе какую-то зацепку – что он намерен сделать или куда собирается отправиться.

– Я расскажу тебе обо всем, что смогу, Эгвейн. – Илэйн почувствовала угрызения совести. Она рассказала Эгвейн все – или почти все, – но утаила, что они с Мин и Авиендой связали Ранда узами. Закон Башни не запрещал того, что они сделали. Это стало понятно после очень осторожных расспросов у Вандене. Однако было не совсем ясно, разрешено ли такое. Впрочем, она слышала, как один завербованный Бергитте наемник сказал: «Что не запрещено, то разрешено». Эти слова очень походили на старинные поговорки Лини, хотя Илэйн не считала свою няню столь снисходительной. – Он тревожит тебя, Эгвейн. Больше, чем прежде, я хочу сказать. Я же вижу. Почему?

– У меня есть на то причина, Илэйн. «Глаза-и-уши» докладывают о крайне тревожных слухах. Всего лишь о слухах, надеюсь, но если это не слухи… – Сейчас Эгвейн была просто воплощением Амерлин, эта невысокая стройная женщина выглядела крепкой как сталь, и высокой как гора. В глазах ее пылала решимость, решительным стало и выражение лица. – Я знаю, что ты любишь его. Я тоже его люблю. Но я пытаюсь Исцелить Белую Башню не

для того, чтобы он посадил Айз Седай на цепь, как *дамани*. Спи крепко, Илэйн, и приятных тебе снов. Приятные сны вещь куда более ценная, чем думают люди. – И с этими словами она исчезла, вновь вернувшись в мир яви.

Илэйн какое-то время смотрела на место, где только что стояла Эгвейн. О чем она говорила? Ранд никогда так не поступит! Пусть даже только из любви к ней, никогда! Илэйн ощупала каменно-твердый комок в глубине сознания. Он находился слишком далеко от нее, поэтому золотые жилки сияли только в воспоминаниях. Наверняка он так не поступит. Встревоженная, Илэйн шагнула из сна обратно в свое спящее тело.

Ей нужно было поспать, но едва она вернулась, на лицо ее упали солнечные лучи. Который сейчас час? У нее назначены встречи, у нее есть обязанности, которые нужно выполнять. Как бы ей хотелось поспать месяцок-другой! Некоторое время она боролась с долгом, но долг одержал верх. Сегодня предстоит насыщенный делами день. Каждый день – дела, дела, дела. Илэйн резко открыла глаза, в которые точно песка сыпанули, как будто она вовсе не спала. Судя по наклону солнечных лучей, врывавшихся в окно, солнце давно встало. Можно просто полежать… Но долг… Авиенда пошевелилась во сне, и Илэйн ткнула ее в ребра. Если ей нужно вставать, нечего и Авиенде бока отлеживать.

Авиенда, вздрогнув, проснулась, потянулась к ножу, лежавшему на маленьком столике у кровати. Но пальцы не успели коснуться темной роговой рукояти, как девушка уронила руку.

– Что-то меня разбудило, – пробормотала она. – Мне показалось, Шайдо… Глянь на солнце! Почему ты позволила мне столько спать? – спросила Авиенда, вскакивая с кровати. – То, что мне позволено находиться при тебе… – Она рывком сдернула через голову смятую во сне ночную сорочку, и ткань на миг приглушила ее слова, – это еще не значит, что Монаелле не отстегает меня розгой, коли решит, что я ленива. А ты что, собираешься весь день валяться?

Застонав, Илэйн выбралась из постели. У двери в гардеробную уже поджидала Эссанда; она никогда не будила Илэйн, если только та не просила ее накануне. Илэйн отдала себя заботам этой молчаливой беловолосой женщины, которая принялась ее одевать; Авиенда одевалась сама, но молчание Эссанды она компенсировала насмешливыми замечаниями вроде того, что, когда Илэйн одевают, она, верно, снова чувствует себя ребенком, а может, Илэйн просто позабыла, как одеваться, вот ей помощь и понадобилась. Авиенда посмеивалась над ней каждое утро с того дня, как они стали спать вместе в одной кровати. Она считала, что это очень забавно. Илэйн хранила молчание, ответила только

на вопрос камеристки, что госпожа предпочитает надеть. Но потом, когда была застегнута последняя перламутровая пуговица, Илэйн, рассматривая себя в высоком зеркале, небрежно спросила:

– Эссанда, готова ли одежда для Авиенды? – Элегантное синее платье со скромной серебряной вышивкой в самый раз должно было подойти для сегодняшнего дня.

Эссанда посветлела лицом.

– Все эти миленькие шелка и кружева леди Авиенды, миледи? О да! Все выстирано, вычищено, выглажено и повешено на место. – Она махнула рукой в сторону выстроившихся вдоль стены платяных шкафов.

Илэйн через плечо улыбнулась своей первой сестре. Авиенда уставилась на шкафы, словно в них затаились гадюки, затем поперхнулась и торопливо обмотала голову сложенной темной косынкой.

Илэйн отпустила Эссанду и обронила вскользь:

– Просто на всякий случай, вдруг они тебе понадобятся.

– Ладно, – пробормотала Авиенда, застегивая свое серебряное ожерелье. – Больше никаких шуток насчет того, что тебя одевают.

– Хорошо. Иначе я велю ей одевать и *тебя*. Вот уж точно будет весело.

Приглушенным ворчанием, что некоторые, мол, шуток не понимают, Авиенда выразила свое несогласие с замечанием Илэйн. Илэйн же отчасти ожидала, что Авиенда потребует убрать подальше всю приобретенную для нее одежду. И несколько удивилась, что Авиенда еще не выдвинула такого требования.

Завтрак был сервирован в гостиной, для Авиенды – копченая ветчина с изюмом, поджаренные с сушеными сливами яйца, приготовленная с кедровыми орешками сушеная рыба, свежий хлеб с маслом и чай, густо приправленный медом. У Илэйн масла на хлебе не было, меда в чае – самая малость, а вместо всего остального ее поджидала горячая каша из овсяной крупы с травами, считавшаяся особенно здоровой пищей. Илэйн не чувствовала в себе ребенка, что бы там Мин ни говорила Авиенде, но Мин умудрилась проболтаться и Бергитте, когда те втроем напились. И Илэйн вдруг обнаружила, что оказалась на диете – «уместной для женщины в ее положении»; ясное дело, тут не обошлось без ее Стража, Дайлин и Рин Харфор. Если Илэйн посылала на кухню за чем-нибудь вкусненьким, угощение почему-то до нее не добиралось, а если она сама тайком заходила туда, повара бросали на нее столь неодобрительные взгляды, что Илэйн несолоно хлебавши молча возвращалась обратно.

Илэйн не очень-то печалилась из-за вина с пряностями, сластей и прочего, что стало ей теперь не дозволено, – иногда разве

что зависть разбирала, когда Авиенда у нее на глазах уписывала пирожное или пудинг, – но во дворце уже *все* знали, что она беременна. И это, разумеется, означало, что всем известно, как так получилось, если и оставалось невдомек, от кого. С мужчинами дело обстояло не так уж плохо – они просто *знали*, и она *знала*, что они знают, зато женщины совершенно не скрывали своей осведомленности. Понимали они ее или осуждали, но половина смотрела на нее как на вульгарную особу, а вторая половина – с задумчивостью. Заставляя себя глотать овсянку – вообще-то каша была неплохая, но она с радостью променяла бы ее на ветчину, что так ловко нарезала Авиенда, или на пол-яйца со сливами, – отправляя ее в рот ложку за ложкой, Илэйн едва ли не с предвкушением подумала о свойственных беременным недомоганиях. Будет чем поделиться с Бергитте – тошнотой и болями в животе.

Первым посетителем, вошедшим в этот день в покои Илэйн, стал главный у дворцовых женщин кандидат на роль отца ее ребенка.

– Моя королева, – произнес капитан Меллар, взмахивая шляпой с плюмажем и отвешивая изысканный поклон. – Старший писец ожидает приглашения Вашего Величества.

Темные немигающие глаза капитана говорили, что ему никогда не снятся убитые им люди, и еще более безжалостный вид ему придавали отороченный кружевами шарф поперек груди и кружева у горла и на запястьях. Авиенда, вытирая с подбородка жир кружевной салфеткой, следила за капитаном без всякого выражения на лице. Две женщины-гвардейца, стоявшие на посту по обе стороны двери, чуть заметно поморщились. У Меллара успела сложиться определенная репутация – он любил щипать женщин-гвардейцев пониже спины, по крайней мере, тех, что посимпатичнее, не говоря уже о привычке пренебрежительно отзываться в городских тавернах об их воинских способностях. Последнее, в глазах женщин-гвардейцев, было много хуже первого.

– Я еще не королева, капитан, – резко сказала Илэйн. Она всегда старалась держаться с ним как можно более официально. – Как идет набор моих телохранителей?

– Пока их только тридцать две, миледи. – По-прежнему держа шляпу в руке, он положил обе ладони на рукоять меча; его вольная поза едва ли была уместна в присутствии той, которую он назвал королевой. Не говоря уж об ухмылке. – У леди Бергитте строгие требования. Немногие женщины удовлетворяют им. Дайте мне десять дней, и я найду сотню мужчин, которые лучше их и будут оберегать вас, как и я, словно зеницу ока.

– Нет, капитан Меллар. – Она с трудом удержалась от холодного тона. Наверняка до него дошли слухи, касающиеся их обоих.

Неужели он полагает, что, поскольку она не отрицает этих слухов, она и в самом деле считает его… привлекательным? Отодвинув от себя полупустую чашку с овсянкой, Илэйн подавила содрогание. Тридцать две охранницы, пока? Численность их быстро растет. Кое-кто из Охотниц за Рогом, заявлявших о своей принадлежности к благородному сословию, решил, что служба в качестве телохранителя Илэйн имеет определенное своеобразие. Илэйн понимала, что не все эти женщины будут день и ночь стоять на посту, но, что бы там ни твердила Бергитте, цифра сто представлялась чрезмерной. Впрочем, теперь при любом предложении сойтись на меньшем числе та просто на дыбы становилась. – Будьте любезны, скажите старшему писцу, что он может войти, – сказала Илэйн Меллару. Тот отвесил еще один изысканный поклон.

Илэйн встала, чтобы проводить его, и, когда он потянул на себя одну из створок с резным львом, она положила ладонь ему на руку и улыбнулась.

– Еще раз благодарю вас за то, что спасли мне жизнь, капитан, – сказала девушка, добавив в голос тепла, чтобы слова ее могли показаться нежными.

Подумать только, этот малый ей довольно ухмыльнулся! Гвардейцы, застыв, смотрели прямо перед собой – и те, которых Илэйн заметила в коридоре, прежде чем закрылись двери, и те, что находились в комнате, – и когда она повернулась, Авиенда посмотрела на нее более выразительно, чем глядела на Меллара. Впрочем, выражал ее взгляд только удивление. Илэйн вздохнула.

Пройдя по коврам, она наклонилась к своей первой сестре, обняла ее рукой и тихонько зашептала ей на ухо. Своей охране Илэйн доверялась так, как доверялась очень немногим, но кое-что она остерегалась говорить даже при этих женщинах.

– Я заметила проходившую мимо служанку, Авиенда. Служанки сплетничают похлеще мужчин. Чем больше народу считает, что ребенок от Дойлина Меллара, тем безопасней. Если понадобится, я позволю ему и за задницу себя ущипнуть.

– Понятно, – протянула Авиенда и так хмуро посмотрела на тарелку, словно там лежали вовсе не яйца и сливы, которые она принялась ковырять ложкой.

Доклад мастера Норри представлял собою обычную смесь – ежедневный отчет, касавшийся средств на содержание дворца и городского хозяйства, пикантные новости, полученные от его корреспондентов из иноземных столиц, сведения, собранные по крупицам у купцов, банкиров и прочих, кто имеет дела с заграницей, но известие, сообщенное им в начале доклада, затрагивало самую важную для нее сегодня, хотя и не самую интересную тему.

– Два самых видных в городе банкира оказались… сговорчивы, миледи, – сказал он своим скучным педантичным голосом. Прижимая к узкой груди неизменную кожаную папку, старший писец искоса поглядывал на Авиенду. Он все не мог привыкнуть к ее присутствию во время своих докладов. Как и к присутствию женщин-гвардейцев. Авиенда оскалилась на него, и мастер Норри, заморгав, кашлянул в костлявый кулачок. – Поначалу мастер Хоффли и госпожа Эндскейл были несколько… нерешительны… но рынок квасцов им известен не хуже, чем мне. Было бы неверно сказать, будто их денежные сундуки – ваши, но я договорился перевезти во дворцовую сокровищницу двадцать тысяч золотых крон. Если понадобится, будет и больше.

– Известите об этом леди Бергитте, – сказала Илэйн, скрывая облегчение. Бергитте пока еще не навербовала достаточно новых гвардейцев, чтобы держать под контролем такой крупный город, как Кэймлин, не говоря уж о чем-то большем, но до весны Илэйн не ждала доходов из своих поместий, а наемники и в самом деле оказались дорогим удовольствием. Теперь Илэйн не потеряет их из-за недостатка золота, пока Бергитте не наберет на смену новых людей. – Что еще, мастер Норри?

– Боюсь, миледи, в первую очередь нужно уделить внимание сточным трубам. В них крыс расплодилось множество, как бывает только по весне, и…

Он перескакивал с одного на другое, сообразуя порядок изложения с тем, что считал самым неотложным. Казалось, Норри считал своей личной провинностью, что до сих пор не выяснилось, кто освободил Элению и Ниан, хотя после нападения на отряд минула всего неделя. Цены на зерно возросли непомерно, как и цены на все съестное, и уже стало понятно, что ремонт дворцовой крыши протянется дольше и обойдется дороже, чем по первоначальной смете, но еда зимой всегда дорожает, а каменщики всегда обходятся дороже, чем предполагается. Норри признал, что последнее сообщение из Нового Брайма было давностью в несколько дней, но, по всей видимости, Порубежники сворачивать бивак не собирались, чего он не вполне понимал. К этому времени любая армия, тем более такая многочисленная, как о ней сообщали, подчистую опустошила бы окрестности. Илэйн тоже этого не понимала, однако ее устраивало, что они не двигаются с места. Пусть пока так и сидят. Слухи в Кайриэне, будто Айз Седай дали Ранду клятву верности, вполне могли обеспокоить Эгвейн, однако казалось маловероятным, чтобы какая-то сестра на самом деле так поступила. Эта новость представляла наименьшую важность по мнению Норри, но отнюдь не для Илэйн. Ранд не должен был отрывать от Эгвейн верных ей сестер. И вообще он не имеет

никакого права распоряжаться Айз Седай. Но, видимо, он нашел способ это сделать.

Вскоре Халвина Норри сменила Рин Харфор; проходя мимо телохранительниц у дверей, она кивнула им, а Авиенде широко улыбнулась. Если эта полная седеющая женщина и не понимала, почему Илэйн зовет Авиенду сестрой, она никак не выказывала своих чувств, а теперь вроде бы относилась к этому с одобрением. Тем не менее, несмотря на улыбки, доклад ее оказался намного неприятнее, чем у старшего писца.

– Миледи, Йон Скеллит – на жаловании у Дома Араун, – сказала Рин, и ее округлое лицо стало строгим, как у палача. – Уже дважды видели, как он получал кошелек от людей, поддерживающих Араун. И нет сомнений, что кто-то платит Эстер Норхэм. Она не ворует, но под половицей прячет больше пятидесяти крон, а в минувшую ночь добавила туда еще десять.

– Поступи с ними, как и с прочими, – грустно сказала Илэйн.

Главная горничная обнаружила уже девять несомненных шпионов, четверо из которых было нанято людьми, чьих имен Рин пока не знала. То, что Рин вообще нашла шпионов, очень рассердило Илэйн, но то, что ими оказались брадобрей и парикмахерша, убило ее окончательно. Ведь оба служили еще ее матери. Жаль, что они не сочли нужным перенести свою преданность на дочь Моргейз.

Авиенда поморщилась, когда госпожа Харфор пробормотала, что так и сделает, но увольнять шпионов не было смысла, как и убивать их – по предложению Авиенды. Им на смену пришли бы другие, неизвестные. «Шпион – орудие твоего врага, – не раз говорила Илэйн мать, – но когда ты знаешь, кто он, он становится твоим орудием». «Когда отыщешь шпиона, – учил ее Том, – заверни его в пеленки, нянчись с ним, корми с ложечки». Мужчинам и женщинам, предавшим свою хозяйку, будет «позволено» обнаружить лишь то, что захочет Илэйн, и не все им сообщенное окажется правдой, например, сколько Бергитте набрала рекрутов.

– А как с другим делом, госпожа Харфор?

– Пока еще ничего, миледи, но я не теряю надежды, – сказала Рин еще более мрачным тоном. – Я еще надеюсь.

За докладом главной горничной последовали встречи с двумя депутациями купцов. Первой оказалась большая группа кандорцев – усыпанные драгоценными камнями серьги и серебряные гильдейские цепочки на груди. Затем – дюжина иллианцев в темных куртках и платьях, которые можно было бы назвать унылыми, не украшай их скромная вышивка. На гобеленах, висевших по бокам мраморного камина, были изображены охотничьи сцены, а не Белый Лев; и на отполированных деревянных стен-

ных панелях не было резьбы. Аудиенцию давали купцам, а не дипломатам, однако кое-кто из них почувствовал себя ущемленным из-за того, что Илейн только предложила гостям вино, но не стала пить с ними. И кандорцы, и иллианцы с подозрением косились на двух женщин-гвардейцев, вошедших в комнату следом за Илэйн и вставших у дверей, хотя, если до них еще не дошли слухи о попытке ее убить, значит, они были глухими. За дверью ожидало еще шесть телохранителей.

Кандорцы, когда не слушали внимательно Илэйн, разглядывали исподтишка Авиенду, а иллианцы, сперва изумленно вытаращившись на айилку, после избегали смотреть на нее. Несомненно, они углядели какой-то смысл в присутствии на аудиенции айилки, пусть даже та сидела в уголке и молчала, но купцы, и кандорцы, и иллианцы, стремились к одному и тому же – получить подтверждение, что Илэйн не рассердила Дракона Возрожденного и он не нанесет ущерба их торговле, послав свои армии и своих Айил разорить Андор, хотя они и не говорили об этом в открытую. Как не упоминали и том, что айильцы и Легион Дракона расположились лагерем всего в нескольких милях от Кэймлина. Хватало вежливых расспросов о ее намерениях, теперь, когда в Кэймлине сняли стяги с Драконом и Знамена Света. Илэйн сказала им то же самое, что говорила всем: Андор сам будет союзником Дракона Возрожденного, но он – не завоеванная им страна. В ответ они в расплывчатых выражениях пожелали ей крепкого здоровья, заявили о своей искренней поддержке ее претензий на Львиный Трон – так и не сказав на самом деле ничего определенного. В конце концов, их не слишком волновало, кто получит корону, она или кто другой, – главное, чтобы не чинили помех торговле в Андоре.

Когда иллианцы откланялись и ушли, Илэйн, закрыв глаза, потерла виски. До обеда ей предстояла встреча с выборными от стеклоделов, а потом – еще с пятью делегациями купцов и ремесленников. Очень насыщенный день, полный велеречивых околичностей, многословных банальностей и двусмысленностей. А поскольку Найнив и Мерилилль нет, сегодня вечером ей опять предстоит заниматься с Ищущими Ветер – времяпровождение куда менее приятное, чем даже самая нудная встреча с купцами. И на изучение привезенных из Эбу Дар *тер'ангриалов* останется совсем мало времени, а потом у нее начнут слипаться глаза от усталости. Однажды Авиенде пришлось отнести свою первую сестру в кровать на руках, и это было весьма неловко, но остановиться Илэйн не могла. Слишком многое нужно сделать, и слишком мало часов в сутках.

До встречи со стеклоделами оставался почти час, но Авиенда безжалостно отвергла предложение Илэйн взглянуть на вещицы из Эбу Дар.

– С тобой Бергитте поговорила, что ли? – спросила Илэйн, когда названная сестра чуть ли не поволокла ее вверх по узкой каменной лестнице. Четыре телохранительницы шагали впереди, еще четыре – сзади, и все старательно не обращали внимания на разговор между Дочерью-Наследницей и Авиендой. Хотя Илэйн показалось, будто Расория Доманче, коренастая Охотница с голубыми глазами и редкими для тайренцев светлыми волосами, чуть заметно улыбалась.

– Как будто я и без Бергитте не знаю, что ты слишком много времени проводишь в помещении и слишком мало спишь! – презрительно ответила Авиенда. – Тебе нужно на свежий воздух.

Воздух на высокой колоннаде был уж точно свежим. Морозным и бодрящим, хотя высоко в сером небе стояло солнце. Среди гладких колонн гулял холодный ветер, и гвардейцам, готовым защищать Илэйн даже от голубей, пришлось придерживать свои шляпы с плюмажами. Но она пыталась не замечать холода.

– Значит, с тобой говорила Дайлин, – пробурчала она, дрожа. Дайлин утверждала, что беременной женщине нужны ежедневные долгие пешие прогулки. И не преминула напомнить ей, что, Дочь-Наследница она или не Дочь-Наследница, но сейчас Илэйн на деле лишь Верховная Опора Дома Траканд, и если Верховная Опора Траканд желает поговорить с Верховной Опорой Таравин, беседу можно провести, прохаживаясь по дворцовым коридорам.

– У Монаелле было семеро детей, – отозвалась Авиенда. – Она сказала, я должна вывести тебя на свежий воздух.

Несмотря на то, что на плечах у нее была только шаль, Авиенда как будто совсем не чувствовала ветра. Но вообще-то айильцы не хуже сестер умели не замечать непогоду. Обхватив себя руками, Илэйн хмуро посмотрела на нее.

– Брось дуться, сестра, – сказала Авиенда. Она указала на один из конюшенных дворов, с трудом различимый из-за крытой белой черепицей дворцовой крыши. – Вон, взгляни, Реанне Корли проверяет, не возвращается ли Мерилилль Синдевин.

На конюшенном дворе возникла знакомая вертикальная полоска света и развернулась в дыру в воздухе, десяти футов в высоту и столько же в ширину.

Илэйн перевела хмурый взгляд на голову Реанне. Она вовсе не дуется. Возможно, напрасно она научила Реанне Перемещению, ведь женщины Родни – не Айз Седай, однако ни одна из сестер не обладала достаточной силой, чтобы плетение сработало, а раз дозволено учиться Ищущим Ветер, чем же, думала Илэйн, хуже

те представители Родни, кому под силу этому научиться? Кроме того, не может же Илэйн все делать сама. О Свет, ну почему зима такая холодная? Все-таки она еще не умеет не замечать холода и жары.

К ее удивлению, из переходных врат, отряхивая снег с подбитого мехом темного плаща, выехала верхом Мерилилль, следом за нею – гвардейцы, посланные с Айз Седай семь дней назад. Зайда и Ищущие Ветер выразили, мягко говоря, крайнее неудовольствие по поводу ее исчезновения, но Серая сестра с радостью ухватилась за возможность подольше не видеться с ними. Встречать ее необходимо было каждый день, открывая врата на одном и том же месте, однако Илэйн ожидала Мерилилль в лучшем случае не раньше, чем через неделю. Когда на конюшенный двор ступил последний из десяти гвардейцев в шлемах и красных плащах, стройная невысокая Серая сестра слезла с седла, передала поводья конюху и заторопилась во дворец. Женщины на конюшне едва успели уступить ей дорогу.

– Я наслаждаюсь свежим воздухом, – едва не стуча зубами, промолвила Илэйн, – но Мерилилль вернулась, и я должна идти вниз.

Авиенда вздернула бровь, словно заподозрив увертку, но к лестнице первой двинулась она. Возвращение Мерилилль было важным событием, и, судя по тому, как та торопилась, новости могли быть как очень хорошими, так и очень плохими.

Ко времени, когда Илэйн и ее сестра вошли в гостиную – а следом за ними, разумеется, и две телохранительницы, которые тут же заняли пост у дверей, – Мерилилль уже была там. Со спинки кресла свешивался ее плащ, на котором виднелись влажные пятна, серые перчатки для верховой езды были заткнуты за пояс, самой Мерилилль не мешало бы расчесать свои черные волосы. На ее усталом бледном лице выделялись темные круги под глазами.

Но как бы быстро ни добралась сюда Мерилилль от конюшни, в гостиной она оказалась не одна. Опершись рукой на резную каминную полку и задумчиво нахмурясь, у камина стояла Бергитте. Другой рукой она стискивала золотистую косу, совсем как Найнив. Сегодня на ней, кроме короткой красной куртки, были просторные темно-зеленые штаны – сочетание, которое резало глаз. И, взмахнув шляпой с белым плюмажем, Илэйн отвесил поклон капитан Меллар. Ему здесь было не место, однако Илэйн, промолчав, разрешила ему остаться, даже одарила теплой улыбкой. *Очень* теплой.

Пухленькая молодая служанка, ставившая на пристенный стол большой серебряный поднос, изумленно заморгала, уставилась

на Меллара широко раскрытыми глазами и опомнилась не сразу. Потом присела в реверансе и выскочила из комнаты. Улыбку Илэйн стерла с лица, только когда закрылась дверь. Чтобы защитить своего ребенка, она готова на все. На подносе, украшенном узором в виде сплетенной веревки, стояли кубки – подогретое с пряностями вино для всех, а для нее – жидкий чай. Хорошо, хоть горячий.

– Мне очень повезло, – вздохнула Мерилилль, едва сев, и неуверенно покосилась на Меллара поверх кубка. Она знала о том, что он спас Илэйн жизнь, но отбыла раньше, чем поползли всякие слухи. – Вышло так, что Реанне открыла врата милях в пяти от Порубежников. Как они лагерь разбили, так с места и не сдвинулись. – Она сморщила нос. – Если бы не морозы, вонь от отхожих мест и конского навоза забила бы все. Ты была права, Илэйн. Все четыре правителя там, четыре лагеря, разделенные несколькими милями. В каждом – армия. В первый же день я нашла шайнарцев и с того часа все время провела в разговорах с Изаром Шайнарским и остальными тремя. Каждый день встречи проходили в разных лагерях.

– Надеюсь, у вас нашлось время осмотреться, – почтительно заметила от камина Бергитте. Она была почтительна со всеми Айз Седай, за исключением той, с которой ее связывали узы. – Сколько их?

– Не думаю, чтобы вы сумели точно определить их число, – вставил Меллар таким тоном, словно ожидал чего угодно, только не этого. Сейчас на его вытянутом лице улыбки не было и в помине. Он заглянул в кубок и пожал плечами. – Тем не менее все, что вы увидели, окажется полезным. Если их достаточно много, то, прежде чем они смогут угрожать Кэймлину, они перемрут с голоду. Самая большая армия в мире без еды и фуража – просто сборище ходячих трупов. – Он засмеялся.

Бергитте бросила ему в спину злобный взгляд, но Илэйн незаметно приподняла руку, знаком прося ее хранить молчание.

– С провизией у них дела обстоят не лучшим образом, капитан, – невозмутимо сказала Мерилилль, сев прямо, несмотря на свою усталость, – но они еще не голодают. И я не стала бы рассчитывать, что голод, если до этого дойдет, поможет их разгромить. – Несколько дней она не встречалась с Морским Народом, и из ее глаз пропало выражение постоянного испуга, и, несмотря на спокойную сдержанность Айз Седай, было ясно, что к Дойлину Меллару, чью бы там жизнь он ни спас, она прониклась неприязнью. – А что до их численности, я бы сказала – немногим больше двухсот тысяч. И я крайне сомневаюсь, чтобы кто-нибудь, за исключением их собственных офицеров, назвал более точное чис-

ло. Голод или не голод, но это очень много мечей.

Меллар опять пожал плечами, ничуть не смущенный взглядом Айз Седай.

Тоненькая Серая сестра больше на него не смотрела, хотя и не стала подчеркивать этого; когда она продолжила, он как будто превратился для нее в предмет обстановки, вроде стула.

– Илэйн, с ними по меньшей мере десять сестер, хотя они очень и очень старались скрыть этот факт. По-моему, вряд ли они приверженцы Эгвейн, хотя и не обязательно поддерживают Элайду. Боюсь, немалое число сестер сидит в стороне и выжидает, пока нелады в Башне не кончатся. – Мерилилль вновь вздохнула, и, возможно, причиной вздоха была на сей раз не усталость.

Поморщившись, Илэйн отставила свою чашку. Меду с кухни не прислали, а несладкий чай она не любила.

– Чего они хотят, Мерилилль? Правители, а не сестры. – С десятью сестрами эта армия в десять раз опасней, особенно для Ранда. Нет, опасней для кого угодно. – Не торчат же они там все это время потому, что им нравится сидеть в снегу. И не в снежки же они собрались играть.

Серая сестра слегка развела руками.

– Чего они добиваются в перспективе, о том я могу лишь гипотезы строить. А в ближайшее время они хотят встретиться с тобой. И как можно раньше. Прибыв в Новый Брайм, они отправили конных гонцов, но в это время года те доберутся сюда через неделю, а то и много позже. Тенобия Салдэйская проговорилась, или прикинулась, что проговорилась, будто им известно о твоей связи, во всяком случае, о близком знакомстве, с определенной особой, к которой они также, похоже, проявляют интерес. Откуда-то им известно и о том, что ты была в Фалме, когда там имели место некие события. – Меллар в замешательстве нахмурился, но посвящать его в подробности никто не стал. – Из-за тех сестер о Перемещении я умолчала, но заверила, что с ответом вернусь очень скоро.

Илэйн переглянулась с Бергитте, которая тоже пожала плечами, хотя в ее случае это не было ни пренебрежением, ни безразличием. Илэйн питала некоторую надежду воспользоваться армиями Пограничных Земель, чтобы повлиять на прочих претендентов на трон, но самым слабым местом в ее планах было то, что она не знала, как подступиться к уже сидящим на престолах правителям, будучи всего лишь Верховной Опорой Дома Траканд и Дочерью-Наследницей покойной королевы. Своим жестом Бергитте признала, что эта дыра в планах Илэйн закрылась, но девушка терялась в догадках, откуда люди из Пограничных Земель прознали то, что известно очень и очень немногим? А если знают

они, то сколько же народу еще знает? Она *должна* защитить еще не рожденного ребенка.

– Мерилилль, ты не против вернуться прямо сейчас? – спросила Илэйн. Мерилилль согласилась с готовностью, причем глаза у нее чуть округлились – видно, она согласна была терпеть вонь, лишь бы подольше не возвращаться к Ищущим Ветер. – Тогда мы отправимся вместе. Если они хотят поскорее со мной встретиться, то куда уж раньше, чем сегодня.

Мешкать не стоит, они знают слишком много. Ее ребенку ничто не должно угрожать. Ничто!

Глава 27

УДИВЛЯТЬ КОРОЛЕВ И КОРОЛЕЙ

Разумеется, отправиться оказалось не так просто, как заявить об этом.

– Это неразумно, сестра, – мрачно заметила Авиенда, когда Мерилилль убежала освежиться. Убежала буквально; кажется, Серая сестра, добираясь до дверей гостиной Илэйн, опасалась попасться на глаза Морскому Народу. Когда сестра, занимающая среди Айз Седай такое положение, как Илэйн, говорит, что нужно отправляться, Мерилилль повинуется. Скрестив руки и закутавшись в шаль, и оттого очень напоминая Хранительниц Мудрости, Авиенда нависала над Илэйн, сидевшей за письменным столом. – Это очень неразумно.

– Неразумно? – прорычала Бергитте, расставив ноги и уперев кулаки в бедра. – Неразумно? Девчонка не поймет, что есть «неразумно», даже когда это «неразумно» ей нос откусит! К чему такая спешка? Пусть Мерилилль делает то, что делают Серые, пусть несколько дней, хоть неделю договаривается о переговорах. Королевы ненавидят, когда их застают врасплох, и короли такое любят не больше. Поверь мне, уж я знаю, на свою беду. Они еще заставят тебя об этом пожалеть, найдут способ. – Через узы Стража передавались раздражение и разочарование.

– Бергитте, я и *хочу* застать их врасплох. Это поможет мне выяснить, многое ли им обо мне известно. – Поморщившись, Илэйн отодвинула испачканную кляксами страницу и взяла другой лист из ящичка для бумаг – красновато-розового дерева с инкрустациями. После встречи с Мерилилль усталость Илэйн будто рукой сняло, но писать ровным красивым почерком было все равно почему-то трудно. Да и формулировки необходимы точные. Это должно быть письмо не от Дочери-Наследницы Андора, а от Илэйн Траканд, Айз Седай из Зеленой Айя. Они должны понять то, что она хочет, чтобы они поняли.

– Проклятье! Авиенда, попробуй хоть ты втолковать ей, – пробормотала Бергитте. – А на случай, если не получится, лучше мне проверить, какой растреклятый эскорт удастся наскрести.

– Никакого эскорта, Бергитте. Не считая тебя. Айз Седай и ее Страж. И, конечно, Авиенда. – Илэйн оторвалась от чистописания и улыбнулась сестре, которая не ответила ей улыбкой.

– Я знаю твою храбрость, Илэйн, – произнесла Авиенда. – Я восхищаюсь ею. Но даже *Ша'мад Конд* понимают, когда нужно быть

осторожными!

И это *она* заговорила об осторожности? Авиенда не поймет, что такое осторожность, если… ну… если та ее за нос укусит!

– Айз Седай и ее Страж? – воскликнула Бергитте. – Я же говорила – тебе больше нельзя бегать невесть где и искать приключений на свою голову!

– Никакого эскорта, – твердо заявила Илэйн, в очередной раз окуная перо в чернильницу. – И это не приключение. Просто другого способа это сделать нет.

Всплеснув руками, Бергитте прорычала несколько ругательств – но все Илэйн уже слышала раньше.

К ее удивлению, Меллар был вовсе не прочь остаться. Встреча с четырьмя правителями навряд ли обещала быть столь же скучной, как встреча с купцами, но он испросил разрешения вернуться к своим обязанностям, раз он ей пока не нужен. Илэйн такой оборот дел устраивал. Капитан Королевской Гвардии скорее заставил бы Порубежников увидеть в ней Дочь-Наследницу, чего Илэйн совершенно не хотелось. Не говоря уже о том, что с Меллара станется плотоядно ее разглядывать.

Равнодушия капитана Меллара остальные телохранители отнюдь не разделяли. Видимо, кто-то из женщин-гвардейцев сбегал за Касейлле, потому что, когда Илэйн еще писала, высокая арафелка широким шагом вошла в гостиную и стала требовать, чтобы Илэйн сопровождал весь отряд телохранителей. В конце концов Бергитте не выдержала и приказала ей прекратить пререкания.

Чуть ли не впервые, похоже, Бергитте признала тот факт, что Илэйн от ее решения не отговоришь, и, уведя с собой Касейлле, ушла переодеваться. Ну, положим, вышла она, продолжая вполголоса ругаться, и с грохотом захлопнула за собой дверь, однако все-таки ушла. Можно было подумать, что она с радостью воспользуется случаем сбросить с себя мундир Капитан-Генерала, но узы доносили только эхо ее проклятий. Авиенда не ругалась – она продолжала свои увещевания. Но поскольку чуть ли не все приходилось делать в спешке, у Илэйн был предлог ее не слушать.

Срочно вызванная Эссанда принялась готовить подходящие наряды, пока Илэйн торопливо обедала, невзирая на слишком ранний час. Не она послала за обедом – Авиенда позаботилась. По-видимому, Монаелле сказала, что не поесть вовремя ничуть не лучше, чем переесть. Госпожа Харфор, поставленная в известность, что со стеклоделами, а также и с прочими делегациями предстоит разбираться ей, согласно склонила голову, но слегка скривилась. Перед уходом она сообщила, что распорядилась доставить во дворец коз. Илэйн полезно пить козье молоко. Услы-

шав, что этим вечером ей предстоит обучать Ищущих Ветер, Кареане застонала, но она, во всяком случае, не стала делать замечания о диете. Илэйн, по правде говоря, предполагала вернуться во дворец к вечеру, но считала, что устанет не меньше, чем после занятий с Морским Народом. И Вандене не стала давать никаких советов. Илэйн изучала государства Пограничных Земель, как и все другие страны – это входило в ее образование, и не раз обсуждала свои намерения с беловолосой Зеленой, которая прекрасно знала Пограничные Земли, однако девушке очень хотелось взять с собой Вандене. Тот, кто жил в Пограничье, способен заметить нюансы, которые от нее ускользнут. Однако она не осмелилась на большее, чем задать напоследок несколько торопливых вопросов, пока Эссанда ее одевала, – просто чтобы убедиться в некоторых вещах, о которых Вандене уже говорила. Впрочем, как поняла Илэйн, ей не требовалось себя убеждать. Она чувствовала себя сосредоточенной, как Бергитте, когда та натягивает лук.

Наконец привели Реанне, которая не оставляла попыток убедить бывшую *сул'дам*, что та тоже способна направлять Силу. Когда отправляли Мерилилль, Реанне было поручено каждый день создавать плетение врат в конюшенном дворе; так что она без труда могла открыть переход на том же месте в Браймском Лесу. Во дворце не нашлось хороших карт той местности, где Мерилилль могла бы отметить расположение лагерей, а если врата сплетут Илэйн или Авиенда, они могут открыться дальше миль на десять от известной Реанне полянки. Снегопад в Браймском Лесу закончился еще до возвращения Серой сестры, но десять миль по пороше означали бы в лучшем случае лишних два часа пути. Илэйн же хотела побыстрее со всем закончить. Быстрота. Всем нужно все делать быстро.

Должно быть, Морской Народ уже узнал, что во дворце что-то происходит, – уж больно большая поднялась суматоха: по коридорам носились женщины-гвардейцы, отправленные с посланиями или с поручением привести того или этого, но Илэйн не разрешила говорить им, в чем дело. Реши Зайда тоже отправиться, она могла, в случае отказа Илэйн, заставить кого-нибудь из Ищущих Ветер создать свои врата, а таких подводных камней, как Госпожа Волн, нужно избегать. Женщина и без того уже вела себя так, словно во дворце у нее не меньше прав, чем у самой Илэйн. Присущее Зайде стремление безапелляционно помыкать другими угробит все дело с тем же успехом, что и полные вожделения взгляды Меллара.

По-видимому, торопиться Эссанда была не способна, однако все остальные будто на крыльях летали, и ко времени, когда солнце встало прямо над головой, Илэйн обнаружила себя верхом на

Сердцееде, медленно пробиравшемся через сугробы в Браймском Лесу. Отсюда до Кэймлина по прямой, как летит дикий гусь, было лиг пятьдесят, однако Илэйн оказалось достаточно одного шага через врата, чтобы очутиться в густом лесу, где высокие сосны, болотные мирты и дубы стояли вперемешку с потерявшими свою листву голыми серыми деревьями. Изредка открывался широкий луг, присыпанный снегом словно белым ковром, на его непорочной белизне виднелись лишь следы копыт коня Мерилилль. Серую сестру послали с письмом вперед, а Илэйн, Авиенда и Бергитте отправились следом через час, чтобы дать ей время добраться до Порубежников раньше них. Дорога от Кэймлина к Новому Брайму проходила в нескольких милях западнее. Здесь же, в лесу, путников отделяла от человеческого жилья как будто тысяча лиг.

К выбору костюма Илэйн подошла серьезно, как к выбору доспехов. Плащ был подбит для тепла мехом куницы, ткань шерстяная, темно-зеленого цвета, мягкая, но плотная; дорожное платье сшито из зеленого шелка без всяких вышивок. Даже перчатки для верховой езды, плотно облегавшие руки, были из простой темно-зеленой кожи. Если не обнажены мечи, то именно в таких латах Айз Седай противостоят правителям. Единственное заметное украшение – маленькая янтарная брошь в форме черепашки, и коли кто-то сочтет его странным, пусть остается при своем мнении. Армия из Пограничных Земель не могла быть ловушкой, приготовленной для Илэйн ее противниками в борьбе за трон, или даже Элайдой, но те десять сестер – если не больше – могли оказаться клевретами Элайды. Илэйн же не допустит, чтобы ее, спеленав по рукам и ногам, отвезли в Белую Башню.

– Илэйн, мы еще можем повернуть без ущерба для *тох*. – Авиенда хмурилась. Она по-прежнему была в своей айильской одежде с единственным серебряным ожерельем и массивным браслетом из драгоценной поделочной кости. Ее коренастый гнедой ростом уступал на ладонь Сердцееду и Стреле, худой серой лошади Бергитте, и был довольно послушен, правда, айилка держалась в седле уже лучше, чем прежде. Из-под задравшихся выше колен при посадке в седло юбок виднелись ноги в темных чулках, и Авиенде как будто и в самом деле не было холодно, она только обмотала голову шалью. В отличие от Бергитте она так и не отказалась от попыток отговорить Илэйн. – Неожиданность, конечно, вещь хорошая, но они выказали бы тебе больше уважения, если бы встретили на полпути.

– Не могу же я бросить Мерилилль, – терпеливо отвечала Илэйн. Усталости она, может, и не чувствовала, но и бодрости особой не ощущала, и потому была не в настроении толочь воду в ступе. Однако огрызаться на зануду Авиенду ей тоже не хоте-

лось. – Нельзя же выставить ее дурой – будет она стоять с письмом, объявляющим, что я еду, а меня нет и нет. Да и я себя буду чувствовать дурой!

– Лучше чувствовать себя дурой, чем быть ею, – проворчала Бергитте не слишком громко.

Ее темный плащ спускался на круп коня, а замысловато заплетенная коса свисала из-под капюшона почти до талии. Этот надвинутый капюшон, обрамлявший лицо, был единственной ее уступкой холоду и порывистому ветру, который срывал порой с сугробов хлопья свежевыпавшего снега. Крышка седельного чехла для лука, предохранявшего тетиву от влаги, была откинута, чтобы в любой момент без задержки достать лук. Предложение взять меч было отметено ею с таким же негодованием, с каким ответила бы на него Авиенда. Бергитте умело обращалась с луком, но заявила, что, вытаскивая меч, может себя поранить. Ее излюбленная короткая зеленая куртка в другое время года сливалась бы с лесной чащей, и, как ни удивительно, широкие штаны были сегодня того же цвета. Сейчас она была Стражем, а не Капитан-Генералом Гвардии Королевы, однако не столь радовалась сему званию, как можно было ожидать. Узы говорили об испытываемых ею разочаровании и настороженности.

Илэйн вздохнула; дыхание поплыло туманным облачком.

– Вы обе знаете, чего я надеюсь здесь добиться. Знали, когда я еще только решила. Так почему же вдруг решили обращаться со мной, как со стеклянной?

Парочка переглянулась между собой, каждая ждала, что первой заговорит другая, потом обе молча устремили взоры вперед, и внезапно до Илэйн дошло.

– Когда у меня родится ребенок, – сухо сказала она, – обе можете стать ей кормилицами. – Если ребенок будет девочкой. Может, Мин и проговорилась об этом, но ее слова затерялись у Авиенды и Бергитте в затуманенных вином воспоминаниях той ночи. Лучше, чтобы первым был мальчик, тогда он начнет свое обучение раньше, чем у него появится сестра. Однако дочь обеспечит преемственность престола, тогда как один-единственный сын будет оттеснен в сторону, и, сколько бы ей ни хотелось иметь детей, неизвестно, будет ли у нее еще один ребенок. Да ниспошлет Свет, чтобы у нее были еще дети от Ранда, но нужно быть практичной и реалистичной. – Мне самой кормилица не понадобилась.

От смущения загорелые щеки Авиенды потемнели еще больше. Выражение лица Бергитте не изменилось, однако по узам Стража тоже просочилось смущение.

Они ехали неторопливо, следуя по оставленным Мерилилль следам, около двух часов, и Илэйн стала подумывать, что ближай-

ший лагерь должен быть совсем недалеко, когда Бергитте вдруг указала вперед и произнесла: «Шайнарцы». Потом проверила лук в футляре, и настороженность затмила и разочарование, и все прочие ее чувства. Авиенда коснулась поясного ножа, словно проверяя, на месте ли он.

Замершие в ожидании под деревьями чуть в стороне от следов Мерилилль люди и лошади были так неподвижны, что Илэйн принимала их за некие природные образования, вроде скал, пока не разглядела чудные гребни на шлемах. Лошади без брони, как это часто бывает в шайнарской тяжелой кавалерии, однако сами всадники – в кольчужно-пластинчатых доспехах, над плечами торчат длинные рукояти мечей, с седел и с поясов свисают мечи и булавы. Темные глаза смотрели на приближавшихся всадников, не мигая. Одна из лошадей взмахнула хвостом, и как будто тем самым привела всех в движение.

Когда подъехавшие ближе женщины натянули поводья, останавливая лошадей, с ними заговорил хриплым голосом остролицый мужчина с гребнем на шлеме, похожим на крылья:

– Король Изар посылает свои заверения в вашей безопасности, Илэйн Седай, а я присовокуплю к ним свои. Я – Кайен Йоката, лорд Фал Эйсена, и да покинет меня Мир и да поглотит мою душу Запустение, если в нашем лагере с вами или с кем-то из ваших спутников случится плохое.

Встреча оказалась не столь приятной, как хотелось Илэйн. Все эти гарантии безопасности означали, вне всякого сомнения, что еще остались некие нерешенные вопросы, и, возможно, так и останутся.

– Неужели Айз Седай требуются заверения от шайнарцев? – сказала Илэйн. Она начала выполнять упражнение, с помощью которого послушницы умеряют волнение, и поняла, что оно ей без надобности. Очень странно. – Ведите нас, лорд Кайен.

Тот ограничился кивком и развернул коня.

Некоторые из шайнарцев без всякого выражения поглядывали на Авиенду, узнав в ней Айил, но в большинстве своем они молча пристраивались в хвост. Женщины и их сопровождающие ехали в тишине, лишь наст, скрытый свежевыпавшим снегом, похрустывал под лошадиными копытами. Много времени дорога не заняла. Илэйн была права, лагерь шайнарцев оказался совсем рядом. Всего через несколько минут она начала замечать часовых, конных и в доспехах, и очень скоро путники въехали в шайнарский лагерь.

Расползшийся среди деревьев бивак занимал места куда больше, чем представляла Илэйн. Слева, справа и впереди, насколько хватало глаз, виднелись палатки и костры, коновязи со стрено-

женными лошадьми, ряды фургонов. Солдаты с любопытством поднимали глаза на проезжавшую с эскортом Илэйн. Это были мужчины с суровыми лицами, головы их были выбриты, за исключением пряди волос, порой доходившей до плеч. Доспехов в лагере почти никто не носил, но оружие и латы были у всех под рукой. Вонь была не так сильна, как расписывала Мерилилль, хотя среди запахов похлебки, кипевшей в котлах над кострами, явственно различались и слабое зловоние отхожих мест, и «аромат» навоза. Оголодавшим не выглядел никто, но многие были худощавы. Впрочем, исхудали они вовсе не от голода, просто никогда и не были толстыми. Вертелов над кострами Илэйн не заметила. Раздобыть мясо всегда труднее, чем зерно, хотя в это зимнее время и зерна едва должно было хватать. От ячменной похлебки сил у человека не так прибавляется, как от мяса. Им необходимо поскорее выступить; долго четыре такие многочисленные армии на одном месте задерживаться не могут – не хватит ни фуража, ни провианта. И Илэйн должна была убедиться, что двинутся они в нужном направлении.

Не все, конечно, увиденные ею люди были солдатами с бритыми головами, но каждый мужчина в лагере имел суровый вид. Оружейники изготавливали стрелы, у фургонов возились колесных дел мастера, кузнецы подковывали лошадей, прачки кипятили белье, женщины сидели за шитьем – солдатские жены либо швеи. За армией всегда идет немало всякого люду, иногда их бывает не меньше солдат. Однако Илэйн не видела никого, похожего на Айз Седай; маловероятно, что сестры примутся, засучив рукава, орудовать вальками в чанах с бельем или станут штопать штаны и латать дыры. Почему они скрываются? Она сопротивлялась желанию обнять Источник, зачерпнуть *саидар* через приколотый на груди *ангриал* в виде черепашки. Вести нужно по одной битве за раз, и сначала она обязана сразиться за Андор.

Перед палаткой, что была много больше всех остальных, из светлой парусины с длинным шпилем наверху, Кайен спешился и помог спуститься с лошади Илэйн. Он замешкался, не зная, нужно ли подать руку также Бергитте и Авиенде, но Бергитте разрешила его сомнения, ловко спрыгнув с коня и вручив поводья поджидавшему рядом солдату. Авиенда же с седла почти свалилась. Ездить она стала лучше, но вот садиться в седло и спешиваться ей по-прежнему толком не удавалось. Сердито оглядевшись, не вздумал ли кто посмеяться, она оправила тяжелые юбки, затем размотала шаль на голове и набросила ее на плечи. Бергитте смотрела вслед своей лошади таким взглядом, словно жалела, что не забрала с собой лук и колчан. Кайен откинул входной клапан и поклонился.

Сделав глубокий вздох, чтобы успокоиться, Илэйн первой вошла в шатер. Она не могла позволить себе выглядеть просительницей. Она пришла сюда не просить и не защищаться. *Иногда*, говорил ей, еще девочке, Гарет Брин, *ты оказываешься перед противником, превосходящим тебя числом, и нет возможности удрать. Всегда делай то, чего враг ожидает менее всего, Илэйн. В таком случае ты должна нападать*. Она должна атаковать с самого начала.

Навстречу из глубины шатра по настеленным коврам бесшумно скользнула Мерилилль. По слабой улыбке Серой сестры нельзя было сказать с уверенностью, что та испытывает облегчение, но она явно обрадовалась, увидев Илэйн. Кроме нее, в палатке находилось всего пять человек: две женщины и трое мужчин, один из последних был слугой – старый кавалерист, судя по кривым ногам и шраму на лице. Он принял у вошедших плащи и перчатки – и удивленно заморгал при виде Авиенды, – а потом отступил за простой деревянный стол, на котором стоял серебряный поднос с кубками и высокогорлым кувшином. Остальные четверо были правителями четырех государств Пограничных Земель. Довершали обстановку шатра разномастные складные стулья без спинок и четыре больших жаровни с раскаленными углями. Дочь-Наследница Андора могла ожидать иного приема: придворные, множество слуг, до начала серьезной беседы – непременные пустые разговоры, а подле правителей обязательно маячат всякие советники и советницы. Картина же, которую увидела Илэйн, была именно тем, что она надеялась увидеть.

Перед отбытием из дворца Мерилилль получила Исцеление, которое избавило ее от темных кругов под глазами. Айз Седай представила Илэйн с незамысловатым достоинством.

– Это Илэйн Траканд, из Зеленой Айя, как я вам и говорила. – Вот так, и ни слова больше. Илэйн достаточно узнала от Вандене, чтобы понять, кто есть кто среди четырех правителей перед нею.

– Приветствую вас, Илэйн Седай, – сказал Изар Шайнарский. – Да будут благосклонны к вам Мир и Свет. – Низкий, не выше самой Илэйн, стройный мужчина в куртке бронзового цвета, лицо без морщин, но прядь волос, спускавшаяся за ухо, совершенно белая. Глядя в его печальные глаза, Илэйн напомнила себе, что его считали как мудрым правителем и умелым дипломатом, так и превосходным воином. А с виду и не скажешь. – Могу ли предложить вам вина? Пряности не слишком свежи, но, полежав какое-то время, они придают вину особенную терпкость.

– Когда Мерилилль сказала нам, что вы прибудете сегодня прямо из Кэймлина, я, признаюсь, усомнилась бы в ее словах, не будь она Айз Седай. – Этениелле Кандорская, на пол-ладони выше Ме-

рилилль, была полной, ее черные волосы слегка присыпала седина, но улыбку ее нельзя было назвать теплой. Королевское величие облекало Этениелле, словно невидимая мантия поверх синего платья из тонкой шерсти. Глаза ее тоже отливали синевой, чистой и спокойной.

– Мы рады, что вы приехали, – произнес Пейтар Арафелский на удивление глубоким сочным голосом, от которого у Илэйн как-то потеплело на душе. – Нам многое предстоит обсудить.

Вандене говорила, что он самый красивый мужчина в Пограничье, и, возможно, много лет назад так оно и было, но годы прорезали его лицо глубокими морщинами и оставили на голове лишь венчик коротких седых волос. Однако он по-прежнему был высок, простая зеленая куртка обтягивала широкие плечи, и казался он с виду вполне крепким. И далеко не глупым.

Среди них, с достоинством несших на своих плечах груз прожитых лет, Тенобия Салдэйская могла похвалиться молодостью, если не красотой, с ее-то орлиным носом и широким ртом. Глаза ее, раскосые, лиловые, были в ее облике самым красивым – пожалуй, только они и были хороши. Ростом она оказалась с Илэйн. Остальные царственные особы были одеты просто, но Тенобия щеголяла в расшитом жемчугом и сапфирами светло-голубом платье, еще больше сапфиров сверкало в ее прическе. Подобный наряд уместен при дворе, но не в армейском лагере. И по сравнению с любезностью других…

– Во имя Света, Мерилилль Седай, – нахмурившись, высоким голосом сказала Тенобия, – я знаю, что вы говорите правду, но она с виду – сущее дитя, а не Айз Седай. И вы не говорили, что она приведет с собой черноглазую Айил.

На лице Изара не дрогнул ни один мускул, но Пейтар поджал губы, а Этениелле даже покосилась в сторону Тенобии. И взгляд ее походил на взгляд матери, весьма рассерженной поведением дочери.

– Черноглазая? – в замешательстве промолвила Авиенда. – Глаза у меня вовсе не черные. До того как пересечь Драконову Стену, я черные глаза видела только у одного торговца.

– Ты же знаешь, Тенобия, я говорю только правду, и уверяю тебя… – начала Мерилилль.

Илэйн, коснувшись руки Серой сестры, заставила ее замолчать.

– Тенобия, достаточно того, что вам известно, – я Айз Седай. Это – моя сестра Авиенда, из септа Девять Долин, из Таардад Айил. – Авиенда не то улыбнулась, не то оскалила зубы. – Это – мой Страж, леди Бергитте Трагелион.

Бергитте коротко поклонилась, качнув золотистой косой.

И то и другое сообщение вызвали изумленные переглядывания. Айилка – ее *сестра*? А ее Страж – *женщина*? Однако все четверо правили в землях на границе Запустения, где среди бела дня оживают кошмары и где тот, кто позволяет себе чересчур много изумляться, считай, все равно что мертв. Впрочем, Илэйн не дала им успеть оправиться от потрясения. *Нападай прежде, чем они поймут, что ты делаешь*, говаривал Гарет Брин, *и продолжай атаковать, пока не разобьешь их наголову или пока не прорвешься.*

– Будем считать, что с мелочами покончено? – сказала Илэйн, беря с предложенного старым солдатом подноса кубок, от которого исходил аромат вина с пряностями. Волна предупреждения пробежала по узам Стража, и Илэйн заметила, как Авиенда покосилась на кубок, но пить она и не собиралась. Она лишь порадовалась, что ни та ни другая не раскрыли рта. – Только глупец решил бы, что вы проделали такой марш, собираясь вторгнуться в Андор, – сказала Илэйн, подходя к походным стульям и усаживаясь. Правители или нет, им не оставалось выбора – либо последовать за ней, либо любоваться ее спиной. Точнее, спиной Бергитте, поскольку та встала позади нее. Как обычно, Авиенда, скрестив ноги, расположилась на полу и тщательно расправила юбки. Все четверо коронованных особ двинулись к стульям вслед за Илэйн. – Вас привел Дракон Возрожденный, – продолжала Илэйн. – Вы испросили этой аудиенции, потому что я была в Фалме. Вопрос в том, почему это для вас столь существенно? Вы полагаете, я могу рассказать о случившемся там больше, чем вам уже известно? Протрубили в Рог Валир, мертвые герои из легенд двинулись против шончанских захватчиков и Дракон Возрожденный, как видели все, сражался в небесах с Тенью. Зная это, вы знаете не меньше, чем я.

– Аудиенцию? – не веря своим ушам, произнесла Тенобия. Она так и застыла, не успев сесть, потом всем весом шлепнулась на жалобно скрипнувший складной стул. – Никто не *испрашивал* никакой *аудиенции*! Даже если бы ты уже владела троном Андора!..

– Давай будем держаться существа разговора, Тенобия, – мягко перебил ее Пейтар. Оставшись стоять, он время от времени прихлебывал вино. Илэйн была рада, что видит морщины у него на лице. Не то от такого голоса у женщины все мысли могут спутаться.

Усаживаясь, Этениелле вновь одарила Тенобию быстрым взглядом и пробормотала что-то себе под нос. Илэйн вроде расслышала слово «женитьба», сказанное печальным тоном, но смысла не поняла. Во всяком случае, расположившись на стуле, Этениелле

вновь целиком обратила свое внимание на гостью.

– В другое время мне понравилась бы твоя жестокость, Илэйн Седай, но мало приятного угодить в засаду, которую помог устроить один из твоих же союзников. – Тенобия нахмурила брови, однако Этениелле на сей раз не стала бросать на нее косых взглядов. – Случившееся в Фалме, – сказала, обращаясь к Илэйн, королева Кандора, – не так важно, как то, что из этого вышло. Нет, Пейтар, мы обязаны ей рассказать. Ей все равно уже известно слишком многое. Мы знаем, что в Фалме, Илэйн, ты была спутником Дракона Возрожденного. Наверное, другом. Ты права: наша цель – не вторжение в Андор. Мы пришли, чтобы найти Дракона Возрожденного. И весь этот путь мы проделали только для того, чтобы обнаружить: никому не известно, где его найти. Ты знаешь, где он?

Илэйн испытала облегчение от заданного в лоб вопроса. Прямого вопроса они никогда бы не задали, если бы думали, что она нечто большее, чем спутник или друг. Она тоже может быть бесцеремонной. Напасть и продолжать атаковать.

– А зачем вы хотите его найти? Простые гонцы могли передать любые ваши послания. – Точно так же Илэйн могла бы спросить, зачем они привели с собой войска.

Изар вина не взял и просто стоял, прижав к бедрам сжатые кулаки.

– Война против Тени идет вдоль границы Запустения, – мрачно сказал он. – Последней Битве суждено произойти в Запустении, если не у самого Шайол Гул. И он на Пограничные Земли не обращает внимания, а сосредоточился на странах, которые Мурддраала не видели с Троллоковых Войн.

– *Кар'а'карну* решать, где вести танец копий, мокроземец, – презрительно промолвила Авиенда. – Если следуешь за ним, сражайся там, где он говорит.

На нее никто не оглянулся. Все смотрели на Илэйн. И не воспользовались брешью, открывшейся после слов Авиенды.

Илэйн заставила себя выровнять дыхание и не моргнув глазом встретила взгляды четырех правителей. Армия Порубежников – слишком большая ловушка, чтобы Элайда раскинула ее для Илэйн Траканд, но совсем другое дело – Ранд ал'Тор, Дракон Возрожденный. Мерилилль шевельнулась на своем стуле, но про данные ей указания не забыла. Неважно, сколько переговоров провела уже Серая сестра, – как только заговорит Илэйн, Мерилилль должна хранить молчание. По узам от Бергитте текла уверенность. Ранд оставался камнем, непроницаемым и далеким.

– Вам известно, какое заявление, касающееся его, сделала Белая Башня? – тихо спросила Илэйн. К этому времени они уже должны

были узнать.

– Башня предаст анафеме каждого, кто обратится к Дракону Возрожденному иначе как через представителей Башни, – столь же тихо отозвался Пейтар. Он наконец сел и устремил на Илэйн серьезный взгляд. – Ты – Айз Седай. Значит, тебя можно считать таким представителем.

– Башня во все суется, – пробормотала Тенобия. – Нет, Этениелле, я все скажу! Всему миру известно, что Башня расколота. Ты за Элайду, Илэйн, или на стороне мятежниц?

– Миру редко известно, что же ему известно на самом деле, – промолвила Мерилилль голосом, от которого в шатре заметно повеяло холодом. Низенькая женщина, которая беспрекословно слушалась приказов Илэйн и вздрагивала, когда на нее бросали взор Ищущие Ветер, сейчас сидела прямо и взирала на Тенобию, как истинная Айз Седай, ее гладкое лицо было ледяным, как и ее тон. – Разбираться в делах Башни, Тенобия, положено лишь посвященным. Если желаешь что-нибудь знать, попроси, чтобы твое имя вписали в книгу послушниц, и лет через двадцать, возможно, кое-что и узнаешь.

Ее Осиянное Величество, Тенобия си Башир Казади, Щит Севера и Меч Рубежа Запустения, Верховная Опора Дома Казади, Госпожа Шахайни, Аснелле, Кунвара и Ганаи, посмотрела на Мерилилль с яростью, свойственной урагану. И ничего не сказала. Илэйн слегка ее зауважала.

Непослушание Мерилилль не огорчило Илэйн. Слова Серой сестры избавили ее от стараний увильнуть от ответа, сказав что-то похожее на правду. Эгвейн говорила, что они должны стараться жить так, словно уже дали Три Обета, и не раз и не два Илэйн ощущала их тяжесть. Здесь она была не Дочерью-Наследницей Андора, борющейся за право наследовать трон своей матери, вернее, не только ею. Она была Айз Седай из Зеленой Айя и имела больше причин быть осторожной в своих словах, чем просто скрывать то, что ей хотелось бы скрыть.

– Не могу сказать вам точно, где он. – Это была правда, поскольку Илэйн могла указать лишь неопределенное направление, куда-то в сторону Тира, и не знала, на каком он расстоянии отсюда. Правда, потому что она не доверяла им настолько, чтобы раскрыть даже такую малость. Она должна была следить за тем, что говорит и как говорит. – Знаю, что он, по-видимому, намерен оставаться там какое-то время. – Он несколько дней не передвигался впервые с тех пор, как ушел от нее, задержался на одном месте больше, чем на полдня. – Что смогу, я вам скажу, но только если вы согласитесь в течение недели выступить на юг. Все равно, если вы задержитесь, у вас кончится даже ячмень, как уже кон-

чилось мясо. Обещаю, что тогда вы направитесь в сторону Дракона Возрожденного. – Во всяком случае, сначала.

Пейтар покачал лысой головой.

– Ты хочешь, чтобы мы вошли в Андор? Илэйн Седай… или мне следует теперь называть тебя леди Илэйн? Я желаю тебе благословения Света, чтобы ты добилась андорской короны, но не соглашусь, чтобы мои люди сражались ради тебя.

– Илэйн Седай и леди Илэйн – одно и то же, – сказала она им. – Я не прошу вас сражаться за меня. По правде говоря, всей душой надеюсь, что вы пересечете Андор даже без стычки.

Подняв серебряный кубок, она смочила вином губы. По узам Стража докатилась вспышка беспокойства, и Илэйн невольно усмехнулась. Авиенда следила за ней уголком глаза и хмурилась. Даже сейчас они волновались за здоровье будущей матери.

– Рада, что кто-то счел эту ситуацию забавной, – натянуто заметила Этениелле. – Пейтар, попробуй посмотреть на нее как южанин. Здесь они играют в Игру Домов, и думаю, она искушенный игрок. Полагаю, и должна быть – только и слышишь, что *Даэсс Дей'мар* – детище Айз Седай.

– Подумай тактически, Пейтар. – Изар с легкой улыбкой рассматривал Илэйн. – Мы двинемся к Кэймлину как захватчики, так поймет любой андорец. Зима здесь, может, и помягче, но нам все равно понадобится не одна неделя, чтобы преодолеть такое расстояние. А к тому времени она сплотит против нас достаточно андорских Домов и сама получит Львиный Трон или будет близка к этому. Во всяком случае, на верность ей присягнут многие, за ней будет немалая сила, так что выступивший против вряд ли продержится долго.

Тенобия заерзала на стуле, хмурясь и поправляя юбки, но когда она взглянула на Илэйн, та увидела в ее глазах уважение, которого раньше не было.

– И когда мы доберемся до Кэймлина, Илэйн Седай, – сказала Этениелле, – ты… договоришься… с нами, что мы покинем Андор без боя. – Она произнесла эти слова не как вопрос, но почти вопросительно. – Да-а, в самом деле очень ловко.

– Если все пойдет так, как она планирует, – заметил Изар, его улыбка погасла. Он не глядя протянул руку, и старый солдат вложил в нее кубок с вином. – Битвы редко идут по плану. Даже, думаю, и такие бескровные.

– Я очень хочу, чтобы обошлось без крови, – сказала Илэйн. О Свет, иначе и быть не должно, в противном случае вместо того, чтобы уберечь страну от гражданской войны, она ввергнет ее в нечто куда худшее. – Я приложу все силы к этому. Надеюсь, что и вы поступите так же.

– Илэйн Седай, а вы не знаете случайно, где мой дядя Даврам? – вдруг спросила Тенобия. – Даврам Башир? Мне хочется поговорить с ним не меньше, чем с Драконом Возрожденным.

– Лорд Даврам неподалеку от Кэймлина, Тенобия. Но не могу обещать, что он будет там, когда вы появитесь у Кэймлина. Итак, значит, вы согласны? – Илэйн затаила дыхание, скрывая свое беспокойство. Теперь ей обратно не повернуть. Теперь они двинутся на юг, она была уверена, но без их договора это будет бойня.

В шатре долго висела тишина, в которой слышалось лишь потрескивание углей в жаровнях. Этениелле переглянулась с мужчинами.

– При условии, что я встречусь с дядей, – возбужденно промолвила Тенобия, – я согласна.

– Клянусь честью, я согласен, – решительно произнес Изар, и почти в то же мгновение, тоном поспокойнее, Пейтар сказал:

– Во имя Света, я согласен.

– Тогда согласны мы все, – тихо сказала Этениелле. – И теперь твоя очередь, Илэйн Седай. Где нам искать Возрожденного Дракона?

Дрожь пробила Илэйн, и она не поняла, от чего – от радостного волнения или от страха. Она добилась того, ради чего приехала, рискнула собой и Андором, и только время рассудит, верное ли решение она приняла. Илэйн ответила без колебаний.

– Как я уже говорила, точно сказать не могу. Но будет прок, если поискать в Муранди.

Это тоже была правда, хотя прок, если и будет, то для нее, а не для них. Сегодня Эгвейн двинется из Муранди, уводя армию, что удерживает на юге Арателле Реншар и прочую знать. Возможно, продвижение войск Порубежников на юг вынудит Арателле, Луана и Пеливара, как полагала Дайлин, поддержать Илэйн. Да ниспошлет Свет, чтобы так оно и вышло.

Властители Пограничных Земель, за исключением Тенобии, как будто не испытывали бурной радости, узнав, где искать Ранда. Этениелле глубоко вздохнула, а Изар просто кивнул и задумчиво поджал губы. Пейтар залпом ополовинил свой кубок, только сейчас и выпив по-настоящему. Очень походило на то, что они, несмотря на высказанное желание найти Возрожденного Дракона, встречаться с ним не слишком-то стремились. Тенобия же, с другой стороны, попросила старого солдата принести ей еще вина и продолжила разглагольствовать о том, с каким нетерпением ожидает встречи с дядей. Илэйн никогда бы не подумала, что у салдэйки настолько сильны родственные чувства.

В это время года ночь наступала рано, и осталось всего несколько светлых часов, как заметил Изар, предложив гостям заноче-

вать в лагере. Этениелле предложила свою палатку, добавив, что та более комфортабельна, однако никто не огорчился, когда Илэйн сказала, что должна уехать немедленно.

– Удивительно, как вам удается столь быстро проделать такой путь, – пробормотала Этениелле. – Я слышала, Айз Седай говорят о чем-то, что называется Перемещение. Утраченный Талант?

– Вы многих сестер встречали по пути? – спросила Илэйн.

– Нескольких встретили, – ответила Этениелле. – Кажется, Айз Седай нынче повсюду.

Даже у Тенобии лицо вдруг стало непроницаемым.

Илэйн, позволив Бергитте накинуть ей на плечи плащ на куньем меху, кивнула.

– Да, кажется, так. Попросите, пожалуйста, привести наших лошадей.

Никто не проронил ни слова, пока всадники не выехали за пределы лагеря и не углубились в лес. В лагере смешанный запах лошадей и отхожих мест как будто чувствовался не слишком, но когда эти «ароматы» остались позади, воздух показался необыкновенно свежим, и даже снег почему-то выглядел белее.

– Ты держалась очень тихо, Бергитте Трагелион, – сказала Авиенда, пятками ударяя свою гнедую по ребрам. Почему-то она считала, что если животное постоянно не подгонять, оно непременно остановится.

– Страж не говорит за Айз Седай. Он слушает и оберегает ее спину, – сухо промолвила Бергитте. Вряд ли что могло угрожать им в лесу, тем более рядом с шайнарским лагерем, но футляр с луком она держала открытым и настороженно шарила взглядом среди деревьев.

– К таким стремительным переговорам я не привыкла, Илэйн, – сказала Мерилилль. – Обычно на подобные дела уходят если не месяцы, то дни или недели словопрений, и только потом достигается договоренность. Тебе повезло, что они не доманийцы. И не кайриэнцы, – рассудительно добавила она. – Жители Пограничных Земель до забавного открыты и непосредственны. С ними легко иметь дело.

Открыты и непосредственны? Илэйн покачала головой. Они хотят найти Ранда, но зачем – утаивают. И они утаили от нее, что с ними Айз Седай. По крайней мере, двинутся они в сторону от него, как только она отправит их в Муранди. Сейчас нужно было так поступить, но еще ей надо предупредить Ранда, как только она придумает, как это сделать, не подвергая его опасности. *Позаботься о нем, Мин,* подумала Илэйн. *Позаботься о нем за всех нас.*

Отъехав от лагеря на несколько миль, Илэйн натянула поводья и принялась разглядывать лес вокруг с прилежанием не мень-

шим, чем Бергитте. Особенно с той стороны, откуда они ехали. Клонящееся к закату солнце сейчас цеплялось за верхушки деревьев. Среди деревьев быстро пробежала белая лиса. Что-то мелькнуло на голой серой ветке, наверное, птица какая-нибудь или белка. Темный ястреб вдруг камнем сорвался с неба, и тишину разорвал тонкий, тотчас же смолкнувший, визг. Следом никто не ехал. Илэйн тревожилась не о шайнарцах, а о таинственных сестрах. Усталость, пропавшая было после принесенных Мерилилль новостей, вернулась и навалилась на нее с новой силой, когда встреча с Порубежниками завершилась. Больше всего Илэйн хотелось сейчас как можно скорее забраться в кровать, под одеяло, но это желание было не настолько сильным, чтобы позволить неизвестным ей сестрам научиться плетению Перемещения.

Илэйн под силу было сплести переходные врата прямо у дворцовых конюшен, но только с риском убить какого-нибудь бедолагу, которому случится оказаться на месте открывающихся врат, поэтому созданный ею переход вел в другое место, которое она знала не хуже. Илэйн настолько вымоталась, что для плетения ей потребовалось приложить усилие, а о приколотом на платье *ангриале* она вспомнила лишь тогда, когда возникшая в воздухе серебристая полоска раскрылась на лугу, что порос бурой травой, прибитой к земле снегопадами, на лугу к югу от Кэймлина, куда ее частенько брал Гарет Брин, – смотреть, как конная Гвардия Королевы по команде перестраивается из колонн по четверо в ряд.

– И долго ты собираешься смотреть? – спросила Бергитте.

Илэйн моргнула. Авиенда и Мерилилль озабоченно глядели на нее. По лицу Бергитте ничего нельзя было прочесть, но по узам тоже докатывалась тревога.

– Просто задумалась, – сказала Илэйн и, пришпорив Сердцееда, въехала во врата. Как чудно будет упасть в кровать.

Дорога от старого учебного плаца до высоких арочных ворот в светлой, высотой в сорок футов городской стене заняла немного времени. Длинные рыночные здания, вытянувшиеся вдоль дороги к воротам, в этот час были пусты, но остроглазые гвардейцы по-прежнему несли караул. Въезжавших в город Илэйн и ее спутниц они проводили взглядами, но, по-видимому, не узнали ее. Скорей всего, наемники. Они не поймут, кто она такая, пока не увидят ее на Львином Троне. И с помощью Света, при толике везения они ее там увидят.

Быстро надвигались сумерки, на небо наползала серая темень, поперек улиц пролегли длинные тени. Людей встречалось совсем мало, все спешили управиться с дневными делами, чтобы поско-

рее попасть домой, к обеду и теплому огню. За квартал от всадниц рысцой пробежала пара носильщиков с темным лакированным купеческим портшезом, через пару мгновений в другую сторону прогрохотала большая водовозка с насосом. Ее тянула восьмерка лошадей, и окованные железом колеса гремели по каменной мостовой. Еще где-то пожар. Чаще всего пожары случались по ночам. Мимо Илэйн, взглянув на нее лишь мельком, проехал шагом патруль из четырех гвардейцев. Ее они, как и солдаты у ворот, не узнали.

Покачиваясь в седле, Илэйн ехала, мечтая о кровати.

И вдруг поняла с удивлением, что ее снимают с седла. Илэйн открыла глаза, которые вроде бы не закрывала, и обнаружила, что Бергитте на руках вносит ее во дворец.

– Опусти меня, – устало потребовала Илэйн. – Идти я могу.

– Ты едва стоишь, – прорычала Бергитте. – Лежи спокойно.

– С ней нельзя говорить! – громко сказала Авиенда.

– Ей действительно нужно поспать, мастер Норри, – твердо заявила Мерилилль. – Дела потерпят до завтра.

– Прошу прощения, но до завтра дела не потерпят, – ответил Норри на удивление настойчивым голосом. – Это срочно! И мне нужно поговорить с ней сейчас же!

Илэйн приподняла голову, с трудом удерживая ее прямо. Халвин Норри, как обычно, прижимал к тощей груди свою кожаную папку, но сейчас этот сухонький человечек, что о коронованных особах говорил столь же бесстрастным тоном, каким излагал смету на ремонт крыши, чуть ли не подпрыгивал от нетерпения, стараясь прорваться мимо Авиенды и Мерилилль. Те удерживали старшего писца, подхватив его под локотки.

– Опусти меня, Бергитте, – вновь сказала Илэйн, и – второе чудо! – Бергитте, чуть помедлив, подчинилась. Тем не менее она продолжала поддерживать Илэйн, обняв ее рукой, за что та была ей благодарна. Девушка не чувствовала уверенности, что сумеет долго устоять на ногах. – В чем дело, мастер Норри? Отпусти же его, Авиенда. Мерилилль?

Едва женщины отпустили его, старший писец кинулся вперед.

– Вскоре после вашего отъезда, миледи, начали приходить известия, – заговорил он совсем не бесстрастным тоном. На лбу его обозначились тревожные морщины. – Четыре армии… Полагаю, следует сказать сразу – небольшие. О Свет, я помню еще, когда пять тысяч человек были целой армией. – Он потер ладонью лысину, взъерошив белые клочки волос за ушами, вставшие в результате дыбом. – К Кэймлину с востока приближаются четыре небольших армии, – продолжал он более спокойным и свойственным ему тоном. Но ненамного. – Боюсь, они будут здесь в течение

недели. Двадцать тысяч человек. Возможно, тридцать. Наверняка не скажу.

Мастер Норри чуть было не протянул Илэйн свою папку, словно предлагая посмотреть бумаги. Он и в самом деле был взволнован.

– Кто? – спросила Илэйн. У Элении имелись на востоке поместья и вооруженные отряды, так же, как и у Луана. Но ни та ни другой не могли набрать двадцать тысяч солдат. И снег с распутицей задержали бы их до весны. *«Может» да «если бы» мостов не строят.* Илэйн как наяву услышала тоненький голос Лини.

– Не знаю, миледи, – ответил Норри, – пока не знаю.

Илэйн решила, что и неважно. Кто бы то ни был, они наступают.

– Я хочу, мастер Норри, чтобы с рассветом вы начали скупать всю провизию, какую сможете отыскать за стенами. Свозите ее в город. Бергитте, пусть знаменщики, которые объявляют о премии при вербовке, добавляют теперь, что у наемников есть четыре дня, чтобы вступить в Гвардию, иначе они обязаны покинуть город. И, мастер Норри, нужно народу объявить тоже. Если кто захочет покинуть город до начала осады, пусть уходит немедленно. Это уменьшит число ртов, которые нужно кормить, и, возможно, приведет еще сколько-то человек в ряды Гвардии. – Отстранив от себя Бергитте, Илэйн зашагала по коридору, направляясь к своим покоям. Остальные вынуждены были пойти следом. – Мерилилль, извести Родню и Ата'ан Миэйр. Возможно, они тоже захотят уйти, пока все не началось. Карты, Бергитте. Пусть в мои покои принесут хорошие карты. И вот что еще, мастер Норри…

Спать времени нет, и на усталость времени тоже нет. Ей нужно защищать город.

Глава 28

ИЗВЕСТИЕ В МЕШКЕ

Наутро, после того как Мэт пообещал по мере сил помочь Теслин – и Джолин, и этой Эдесине, которую увидеть бы хоть сначала! – Тайлин заявила, что покидает город.

– Сюрот собирается показать мне, голубок, насколько большей частью Алтары я отныне владею, – сказала Тайлин. Ее поясной нож торчал в резном прикроватном столбике, и они еще лежали на смятых простынях развороченной постели. На нем был только шелковый шарф, скрывавший на шее шрам от повешения, а она была нага, как в час рождения. Более гладкой и нежной кожи Мэту не доводилось касаться. Тайлин лениво водила длинным, накрашенным зеленым лаком, ногтем по другим шрамам на теле Мэта. Как он ни старался этого избежать, несколько шрамов ему все же досталось. На торгах за такую шкуру много не выручишь, это уж точно, но Тайлин его шрамы нравились. – Вообще-то это не ее идея. Туон думает… мне поможет… если я увижу все своими глазами, а не на карте. А что эта девочка предлагает, Сюрот исполняет. Причем так резво, словно это надо было сделать еще вчера. Мы отправимся на *то'ракене*, чтобы поскорее обозреть всю территорию. Кажется, он в день покрывает двести миль. Ох, ну зачем такой бледный вид, поросеночек! Я же не заставляю тебя залезать на эту тварь.

Мэт облегченно вздохнул. В уныние его привела вовсе не перспектива полета. Полетать он бы не отказался, и, наверное, ему понравилось бы. Но если его какое-то время не будет в Эбу Дар, одному Свету ведомо, не потеряют ли Теслин, Джолин и эта Эдесина терпения, не выкинут ли какой дурацкий номер, и не отчебучит ли чего Беслан. Беслан тревожил Мэта не меньше, чем женщины. Тайлин, взволнованная предстоящим полетом на одной из шончанских бестий, еще больше походила сейчас на орла.

– Меня не будет чуть больше недели, лапушка. Хм-м-м… – Зеленый ноготок прошелся по рубцу длиной в фут, наискось пересекавшему ребра. – Не привязать ли тебя к кровати, чтобы наверняка знать, что до моего возвращения с тобой ничего не случится?

Мэту пришлось сделать над собой некоторое усилие, чтобы ответить на ее насмешливую улыбку самой широкой своей ухмылкой. Он был уверен, что она шутит, но не до конца. Сегодня Тайлин выбрала для него наряд ярко-красного цвета, от которого глазам было больно; костюм был весь красный, не считая выши-

тых на куртке и плаще цветочков, только шляпа и шарф черные. Цвет казался еще насыщенней из-за белоснежных кружевных манжет и ворота. Тем не менее Мэт поспешил одеться, горя желанием поскорее убраться из королевских апартаментов. С Тайлин мужчине нельзя быть ни в чем уверенным; так оно благоразумнее. Она вполне могла и не шутить, а говорить всерьез.

Судя по всему, нетерпения Сюрот Тайлин нисколько не преувеличивала. Не прошло и двух часов, если верить украшенным самоцветами барабанным часам – подарку Сюрот, – стоявшим в гостиной Тайлин, как Мэт уже сопровождал королеву на причал. Вернее, Сюрот и Тайлин ехали во главе двух десятков Высокородных и их *со'джин*, мужчин и женщин, которые склоняли наполовину обритые головы перед Высокородными и с презрением задирали нос перед всеми прочими, а Мэт ехал позади на Типуне. «Любимцу» королевы Алтары нельзя ехать вместе с Высокородными, в число коих ныне входила, разумеется, и сама Тайлин. Он ведь не был наследственным слугой или кем-нибудь в этом роде.

Высокородным и их *со'джин* выделили превосходных верховых животных: стройных кобыл с выгнутыми шеями и мягкой поступью, широкогрудых меринов со злыми глазами и крепкими холками. Удача Мэта как будто не помогала на скачках, но он поставил бы на своего Типуна против всех этих коней. Его гнедой мерин не обладал выдающимися статями, но Мэт был уверен, что на коротком отрезке он обгонит большинство этих красавцев, а на длинной дистанции и вовсе оставит позади всех. Застоявшись в конюшне, Типун норовил пойти рысью или хотя бы погарцевать, и от Мэта потребовалось все его умение – точнее, все умение, что пришло к нему с чужими воспоминаниями, – чтобы подчинить коня. Тем не менее не успел кортеж преодолеть и половины пути до причалов, как нога у Мэта разболелась до самого бедра. Если уж покидать Эбу Дар в ближайшем будущем, нужно уходить морем либос балаганом Люка. У Мэта сложился некий замысел, чтобызаставить того сняться еще до весны. Возможно, способ иопасный, но иного выбора он не видел. Альтернатива была еще опасней.

В хвосте кортежа ехал не один Мэт. Позади него по двое в ряд шагало больше пятидесяти мужчин и женщин, поверх своих обычных прозрачных одежд облаченных, к счастью, в толстые белые шерстяные одеяния. Некоторые вели в поводу лошадей с навьюченными на них плетеными корзинами с различными деликатесами. Без прислуги Высокородные жизни не мыслили; сейчас казалось, что они взяли с собой даже слишком мало слуг. *Да'ковале* редко поднимали потупленные глаза, уткнувшись взглядами в мостовую, а их лица оставались покорны и безволь-

ны. Однажды Мэт стал свидетелем того, как велели выпороть одного *да'ковале*, светловолосого мужчину его возраста, так тот побежал за ремнем! Он не пытался ни оттянуть порку, ни спрятаться, ни тем более избежать наказания. Нет, таких людей Мэт не понимал.

Впереди него ехали шесть *сул'дам*, из-под коротких юбокштанов виднелись лодыжки. У одной-двух лодыжки были красивые, но восседали эти женщины в седлах, словно сами были Высокородными. На откинутых на спину капюшонах плащей красовались вставки с молниями, холодные порывы ветра трепали полы плащей, а им будто и дела не было. Будто холод их не беспокоил. Двое вели на серебристых поводках *дамани*, те шагали рядом с лошадьми.

Мэт исподтишка разглядывал женщин. Повод низкорослой, со светло-голубыми глазами *дамани* тянулся к руке пухленькой *сул'дам* с оливковой кожей. Ее он видел, когда она выгуливала Теслин. Вторая *дамани* откликалась на имя Пура. На ее гладком лице явственно лежала печать безвозрастности Айз Седай. По правде говоря, Мэт не поверил Теслин, когда она сказала, что та стала настоящей *дамани*, но седая *сул'дам* низко нагнулась в седле и что-то негромко сказала женщине, прежде бывшей Римой Галфрей. И в ответ на слова *сул'дам* Пура засмеялась и восторженно захлопала в ладоши.

Мэт содрогнулся. Проклятье, попытайся он снять у нее с шеи *ай'дам*, она заорет во все горло и станет звать на помощь. О Свет, о чем он думает! И без того плохо, что ему навязали задачку таскать из огня каштаны за трех Айз Седай!.. Чтоб ему сгореть, кажется, стоит только его делам пойти чуточку на лад, как тут же кто-нибудь садится ему на шею! Как будто мало того – ему еще взбрело в голову думать, как спасти из Эбу Дар побольше Айз Седай!

Эбу Дар был громадным морским портом, возможно, с самой большой гаванью в известном мире; причалы длинными серокаменными пальцами отходили от набережной, тянувшейся вдоль берега через весь город. Шончанские корабли самых разных размеров теснились почти у всех причалов, их команды, облепив мачты, реи и ванты, криками приветствовали проезжавшую мимо Сюрот. Ее имя явственно слышалось в многоголосом гаме. Люди на других кораблях тоже размахивали руками и кричали, хотя многие явно не слишком понимали, кого приветствуют и что орут. Понимали только, что от них ждут приветственных криков. Ветер трепал флаги этих кораблей – с Золотыми Пчелами Иллиана, Полумесяцами Тира, Золотым Ястребом Майена. По-видимому, Ранд не запретил торговлю с захваченными Шончан

портами, а может, купцы действуют за его спиной. В голове у Мэта закружились цветные пятна, и он помотал головой, отгоняя радужное наваждение. Большинство купцов готовы торговать и с убийцей родной матери, лишь бы получить барыш.

Самый южный причал был освобожден от кораблей, там замер в ожидании строй шончанских офицеров в лакированных шлемах с тонкими плюмажами. Они помогли Сюрот и Тайлин спуститься в одну из больших восьмивесельных шлюпок. Но до того Тайлин еще успела напоследок поцеловать Мэта – она так сильно притянула его за голову к себе, что чуть не выдрала добрый клок волос, – и ущипнуть на прощание за задницу, словно не видя, сколько вокруг народу! Сюрот нетерпеливо хмурилась, пока Тайлин спускалась в лодку и усаживалась, и, по правде говоря, шончанка и потом не перестала нервничать, раздраженно отдавая движениями пальцев приказы Алвин, своей *со'джин*. Этой остролицей женщине постоянно приходилось перелезать через сиденья, чтобы принести своей хозяйке то одно, то другое.

От офицеров остальные Высокородные удостоились глубоких поклонов, но спускаться по трапам им пришлось с помощью своих *со'джин*. *Сул'дам* помогли залезть в лодки *дамани*, и никто не подумал помочь перегрузить корзины и забраться в лодки людям в белом. Очень скоро шлюпки двинулись через гавань туда, где держали *ракенов* и *то'ракенов*, на юг от Рахада. Юркие лодки, похожие на водомерок, лавировали среди стоявших на якорях кораблей шончанского флота и десятков захваченных кораблей Морского Народа, там и тут видневшихся в гавани. Большая часть их была переоснащена шончанскими ребристо-полосатыми парусами и выглядела теперь совсем по-другому. Экипажи на них тоже были шончанские. Не считая Ищущих Ветер, о которых Мэт старался не думать, и, пожалуй, нескольких человек, проданных с торгов, уцелевшие Ата'ан Миэйр вместе с другими *да'ковале* расчищали в Рахаде засорившиеся каналы. И с этим Мэт ничего не мог поделать. Он им ничем не обязан, у него и так забот полон рот, со своими бы управиться… Он все равно сделать ничего не может. Хоть тресни, ничего!

Ему хотелось уехать немедленно, чтобы не видеть кораблей Морского Народа. На причалах на Мэта никто не обращал ни малейшего внимания. Офицеры, едва лодки отвалили от пристани, сразу же удалились. Непонятно кто, но кто-то уже увел вьючных лошадей. Матросы слезли с мачт и вант и вернулись к обычным делам, а члены гильдии портовых грузчиков снова принялись катать низкие тяжелые тележки с корзинами и ящиками, тюками и бочонками. Но если Мэт уедет слишком быстро, Тайлин может решить, что он замыслил немедленно ускакать из города,

и послать кого-нибудь за ним, поэтому он подвел Типуна к краю причала и махал, как дурак какой. И махать перестал, лишь когда лодка удалилась настолько, что без смотровой трубы Тайлин его не увидела бы.

В ноге нещадно пульсировала боль, но Мэт проехал не спеша почти вдоль всей набережной. Он старался больше не смотреть на гавань. Скромно одетые купцы наблюдали за выгрузкой и погрузкой своих товаров, изредка кто-то втихомолку подсовывал кошель мужчине или женщине в зеленом кожаном жилете, желая, чтобы с его грузом обращались понежнее или поскорее закончили работу, хотя вряд ли было можно двигаться быстрее. Южане, казалось, никогда не ходили, они бегали рысцой, если только палящее солнце не стояло над самой головой и утки не падали, испекшись на лету; а сейчас, под серым небом, при задувавшем с моря пронизывающем ветре было холодно, где бы ни стояло солнце.

К тому времени, как Мэт выехал на площадь Мол Хара, он насчитал больше двух десятков *сул'дам*, патрулировавших с *дамани* причалы; они совали нос во все лодки, направлявшиеся к стоящим на якоре нешончанским кораблям, поднимались на борт каждого только что причалившего или готового отдать швартовы судна. Мэт был уверен, что так будет и впредь. Уходить надо с Валаном Люка. Единственная альтернатива, оставленная на самый крайний случай, была рискованной, невероятно рискованной. Да и с Люка шансы весьма ненадежны, но иного реального выбора просто нет.

Вернувшись в Таразинский дворец, Мэт, морщась, слез с Типуна и вытащил из-под подпруги свой дорожный посох. Передав гнедого конюху, он заковылял внутрь, левая ногаеле держала вес его тела. Возможно, горячая ванна утишит боль. Может, тогда у него получится собраться с мыслями. Люка надо застать врасплох, но, пока дело дойдет до Люка, необходимо разрешить еще несколько маленьких головоломок.

– Ах, вот вы где! – сказал Ноэл, возникая перед Мэтом. Мэт нечасто встречал старика с тех пор, как приютил его, поселив к своим людям. Теперь тот выглядел отдохнувшим и посвежевшим в своей только что вычищенной серой куртке. Мэт полагал, что старик каждый день пропадает в городе и во дворец возвращается только к ночи. Поправив узкую кружевную оторочку на манжетах, Ноэл доверительно улыбнулся, демонстрируя прорехи в зубах. – Вы что-то задумали, лорд Мэт, и я был бы рад предложить вам свою службу.

– Я задумал разгрузить свои ноги, – как можно небрежнее сказал Мэт. С виду Ноэл казался безобидным. Если верить Гарнану,

Ноэл перед сном потчевал «красноруких» байками, которые солдаты слушали, развесив уши, даже историйку о некоем месте с названием Шибоуйя, где-то за Айильской Пустыней. Там, мол, у обладающих способностью направлять Силу женщин – татуированные лица, к смерти приговаривают за три сотни преступлений, а под горами живут великаны, люди выше огир, с лицами на животе. Ноэл уверял, что сам там побывал. Вряд ли человек, утверждающий подобное, может быть опасен. С другой стороны, однажды Мэт видел, как тот управлялся с длинными кинжалами, которые носил под курткой, и тогда назвать Ноэла безобидным ни у кого не повернулся бы язык. Ловкость обращения с оружием говорила, что Ноэлу не привыкать его использовать. – Если задумаю еще что-то, про тебя не забуду.

Ноэл, по-прежнему улыбаясь, постучал узловатым пальцем по своему длинному носу.

– Вы мне все еще не доверяете. Вполне понятно. Но если бы я желал вам зла, все, что мне нужно было сделать, это отойти в сторонку в том переулке. У вас в глазах такое выражение… Я видел, как замышляют свои планы и великие люди, и злодеи, с душой чернее Бездны Рока. В облике человека, когда он обдумывает опасные планы, но не хочет, чтобы о них знали другие, всегда появляется нечто такое…

– Да ничего такого, просто глаза уставшие, – засмеялся Мэт, опираясь на посох. Великие люди замышляют планы? Старик, верно, их видел в той Шибоуйе, в компании с великанами. – Я очень благодарен за переулок, ты же знаешь. Если могу еще что-то для тебя сделать, скажи. Ну, а сейчас мне нужна горячая ванна.

– А этот *голам* кровь пьет? – спросил Ноэл, схватив Мэта за рукав, когда тот зашагал было дальше.

О Свет, зря, очень зря брякнул он это слово там, где его услышал старик. Как хотелось бы Мэту, чтобы Бергитте не рассказывала ему об этой твари.

– А почему ты спрашиваешь?

Голамы питаются кровью. Ничего другого они не едят.

– Прошлой ночью нашли еще одного человека с вырванным горлом. И крови почти нет ни на постели, ни в убитом. Разве я не говорил? Нашли его в гостинице у Молдайнских Ворот. Если эта тварь и покидала город, то она вернулась. – Глядя за спину Мэта, Ноэл отвесил кому-то низкий, изысканный поклон. – Если передумаете, я всегда готов, – выпрямившись сказал он, понизив голос.

Старик поспешил прочь, а Мэт оглянулся через плечо. Под одним из золоченых высоких светильников стояла Туон, наблюдая за ним сквозь свою вуаль. Во всяком случае, глядя на него. Как

всегда, стоило только Мэту ее заметить, Туон повернулась и плавной походкой двинулась по коридору, тихо шурша плиссированными юбками. Сегодня с ней никого не было.

Второй раз за день Мэт содрогнулся. Какая жалость, что девчонка не убралась вместе с Сюрот и Тайлин. Конечно, когда дают каравай хлеба, не стоит жаловаться, что крошек не хватает; только вот когда на человека столько всего разом свалилось – и Айз Седай с Шончан, и выслеживающий его *голам*, и старик, повсюду сующий нос, да еще и тощая пигалица вечно пялится, – поневоле от тени шарахаться станешь, все что угодно пугалом покажется. Пожалуй, не стоит терять время на то, чтобы парить ногу.

Мэт почувствовал себя лучше, послав Лопина принести из чулана с игрушками Беслана свою оставшуюся одежду. И отправив Нерима на поиски Джуилина. Нога по-прежнему горела как в огне, и при каждом шаге ее пронзала боль, но если он не хочет терять времени, можно чуток потерпеть и поторопиться. Ему хотелось убраться из Эбу Дар до возвращения Тайлин, а значит, у него десять дней. Для верности лучше считать, что даже меньше.

Когда ловец воров просунул голову в дверь спальни, Мэт разглядывал свое отражение в высоком зеркале Тайлин. Красное одеяние было засунуто подальше в гардероб со всеми прочими безвкусно-петушиными тряпками, что она ему дарила. Может, какой из этих костюмов сгодится очередному «любимцу» Тайлин. Куртка, которую сейчас надел Мэт, была самой скромной из тех, что у него были, из тонкой синей шерсти без всякой вышивки. Такую куртку мужчина может носить с гордостью, и никто не станет на него пялиться. Достойная куртка.

– Может, немножко кружев, – пробормотал Мэт, проведя пальцем по вороту рубашки. – Совсем немного.

Если подумать, куртка была совсем уж скромной. До унылости.

– Я в кружевах не разбираюсь, – сказал Джуилин. – Ты за этим меня звал?

– Нет, конечно. Что ты ухмыляешься? – Джуилин не просто ухмылялся; рот у него растянулся от уха от уха.

– Я просто счастлив. Сюрот нету, я и счастлив. Если ты хотел меня спросить не о кружевах, тогда о чем?

Кровь и проклятый пепел! Должно быть, женщина, к которой он неравнодушен, – одна из *да'ковале* Сюрот! Из тех, которых она оставила. Наверняка у него нет иной причины радоваться отъезду Сюрот, а тем более быть на вершине счастья. И он хочет увести ту, которая считается собственностью! Правда, это преступление, возможно, не такое и страшное по сравнению с уводом парочки *дамани*.

Подхромав к Джуилину и положив руку ему на плечо, Мэт прошел с ним в гостиную.

– Мне нужно платье *дамани* для женщины вот такого роста, – Мэт поднял руку чуть выше своего плеча, – и стройной. – Он улыбнулся Джуилину самым искренним образом, но улыбка Джуилина заметно приугасла. – И еще мне нужно три платья *сул'дам* и *ай'дам*. И меня осенило: кто может лучше знать, как украсть и не попасться, если не ловец воров!

– Я *ловец* воров, – зарычал тот, стряхивая с плеча руку Мэта, – а не вор!

Мэт стер с лица улыбку, посерьезнел.

– Джуилин, ты же знаешь: единственный способ вывести сестер из города – сделать так, чтобы стражники решили, что те по-прежнему *дамани*. У Теслин и Эдесины уже есть все, что нужно, но надо еще поменять обличье Джолин. Через десять дней, Джуилин, вернется Сюрот. Если к тому времени мы не покинем город или если уйдем позже, твоя милая, по всей вероятности, так и останется собственностью. – Мэта не оставляло чувство, что если они не уйдут за эти десять дней, то уже никогда и никуда не уйдут. О Свет, и трясись, запертый в этом городе, хоть до самой смерти.

Джуилин, сунув руки в карманы своей темной тайренской куртки, исподлобья смотрел на Мэта. Точнее, смотрел сквозь него, на что-то такое, что ловцу воров весьма не нравилось. Наконец он поморщился и пробормотал:

– Это будет нелегко.

Последующие дни и в самом деле выдались нелегкими. Служанки хмыкали и посмеивались над новой одеждой Мэта. Точнее, над его старой одеждой. Они ухмылялись и заключали при нем пари, как быстро он снова переоденется, когда вернется Тайлин, – большинство почему-то считало, что Мэт, едва заслышав о ее приближении, бросится бежать по коридору, срывая с себя одежду, – однако он старался пропускать мимо ушей все эти смешки и разговоры. Кроме тех, что касались возвращения Тайлин. Когда служанка заикнулась об этом впервые, Мэт чуть не подскочил до потолка, решив, что Тайлин и впрямь почему-то уже вернулась.

Немалое число женщин и почти все мужчины считали, что смена одежды знаменует его желание уйти. Сбежать, как они неодобрительно выражались и в чем всеми силами стремились ему помешать. Мэт представлялся им чем-то вроде целительного средства, мазью, способной успокоить разболевшиеся зубы Тайлин, и им вовсе не хотелось, чтобы она, вернувшись, искусала их за то, что его не устерегли. Если бы Мэт не поручил Лопину или

Нериму постоянно караулить в покоях Тайлин его одежду, та, скорее всего, бесследно исчезла бы, и только благодаря Ванину с «краснорукими» не пропал Типун из конюшни.

Мэт всячески старался подкрепить подозрения насчет своего скорого побега. Если он уйдет и в то же самое время обнаружится исчезновение двух *дамани*, эти события наверняка свяжут воедино, но поскольку Тайлин при этом не было, а Мэт явно намеревался сбежать до ее возвращения, ее обвинить будет не в чем. Каждый день, даже под дождем, Мэт гонял Типуна кругами по конюшенному двору, с каждым днем – все дольше, словно стараясь себя закалить. И через какое-то время понял, что и в самом деле стал выносливей. Нога до бедра продолжала гореть огнем, но Мэт начал подумывать, что сможет проехать миль десять, прежде чем вынужден будет спешиться и отдохнуть. Ну, восемь миль – это уж точно.

Зачастую, когда небо было чистым, *сул'дам* выводили во время его верховых тренировок *дамани* на прогулку. Шончанки знали, что он – не собственность Тайлин, но, с другой стороны, он слышал, как некоторые называли его ее игрушкой! Игрушка Тайлин, вот чем они его считали! Для них он не представлял особой важности, и знать его настоящее имя им было без надобности. Они понимали так – либо ты *да'ковале*, либо нет, а этакая половинчатость бесконечно их забавляла. Мэт катался верхом под смех *сул'дам* и старательно убеждал себя, что это только хорошо. Чем больше людей подтвердят, что он собирался сбежать до возвращения Тайлин, тем лучше для нее. Только вот для него приятного было мало.

То и дело Мэт замечал среди гулявших на привязи *дамани* Айз Седай, судя по лицам, их было еще три, не считая Теслин, но никакого представления о том, кто из них Эдесина, он не имел. Она могла оказаться и низенькой бледной женщиной, напомнившей ему Морейн, и вот этой высокой, с серебристо-золотистыми волосами, и вон той стройной черноволосой. Шагая рядом с *сул'дам*, все они прогуливались как будто сами по себе, если бы не блестящие ошейники и привязи, приковывавшие их к запястьям *сул'дам*. Всякий раз, как Мэт видел Теслин, она выглядела все мрачнее и ходила, глядя прямо перед собой неподвижным взором. И всякий раз ее лицо становилось еще решительнее. А также на нем появилось выражение, которое можно было счесть предвестием панического страха. Мэт начал тревожиться о ней, тревожиться, достанет ли у нее терпения.

Ему хотелось подбодрить Теслин – он и сам знал, что решимость в сочетании с паникой не раз приводила людей к гибели, и старые воспоминания только подтверждали это, – ему хотелось

ее подбодрить, но он не решался снова приблизиться к лестнице на чердак. Когда Мэт ходил по коридорам в той стороне, он по-прежнему встречал Туон, следившую за ним или изучавшую его, или что она там еще делала, но уж больно часто они сталкивались, и ее присутствие не могло его не беспокоить. Что ей нужно? Слишком уж часто она ему попадалась. Иногда с Туон бывала ее *со'джин*, Селусия, изредка – Анат, хотя эта странная высокая женщина через какое-то время, по-видимому, исчезла из дворца, по крайней мере, в коридорах больше не встречалась. Как слышал Мэт, она пребывала «в уединении», что бы это ни значило, и ему оставалось жалеть, что она не забрала с собой Туон. Мэт сомневался, что девчонка во второй раз поверит, будто он угощал сластями Ищущую Ветер. Может, она все еще хочет его купить? Коли так, Мэт терялся в догадках, зачем он ей сдался. Он давно уже не пытался понять, что притягивает женщину в мужчине – кажется, они теряют головы из-за самых заурядных парней, – но понимал, что сам не красавчик, что бы там ни говорила Тайлин. Женщины соврут – недорого возьмут, лишь бы затащить мужика в постель, а как только уложат его туда, так вообще врут напропалую.

Во всяком случае, Туон не столько мешала, сколько досаждала. Так, муха, жужжащая над ухом. Не более того. Чтобы он покрылся потом, нужно кое-что пострашнее женской болтовни или пялящейся на него девчонки. А вот Тайлин, хотя ее сейчас и нет… Если она вернется и застигнет его собирающимся уйти, она, того гляди, передумает да и продаст его. В конце концов, она теперь сама – Верховная Леди, и Мэт был уверен: немного времени пройдет, прежде чем она обреет себе голову, оставив только гребень. Достойная шончанская Верховная Высокородная, и кто знает, как она тогда поступит? От Тайлин его в пот кидало, но так, слегка. Впрочем, хватало и других событий, от которых прошибал озноб.

Ноэл продолжал сообщать Мэту о совершенных *голамом* убийствах, иногда Мэт слышал о них от Тома. Убийства случались каждую ночь, но никто, кроме этих двоих и самого Мэта, не видел между ними связи. Мэт держался по возможности открытых мест, где полюднее. В кровати Тайлин он больше не спал и не проводил две ночи подряд на одном месте. Даже если это означало ночевку на сеновале. Что ж, на сеновалах ему и прежде доводилось спать, правда, он не помнил, чтобы сено так сильно кололось сквозь одежду. И все же лучше исколоться сеном, чем рисковать тем, чтобы тебе вырвали горло.

Сразу же после того, как Мэт решил освободить Теслин, он отправился на поиски Тома и обнаружил его на кухне, где старый менестрель болтал с поварами и угощался куриным заливным с медом. Том запросто находил общий язык как с поварами и фер-

мерами, так и с купцами и знатными господами. Он умел разговаривать со всеми, этот Том Меррилин, а еще он обладал способностью ничего не пропускать мимо ушей и складывать слухи воедино, собирая из них цельную картину. Он мог взглянуть на вещи с непривычной точки зрения и заметить то, что упустили другие. Доедая цыпленка, Том придумал единственный способ провести Айз Седай мимо караулов. Тогда это казалось совсем простым делом. Но недолго – вскоре начали возникать препятствия.

Джуилин, похоже, отличался такими же изворотливым умом и хитростью, что и Том; возможно, сказывалось его занятие, ведь он много лет ловил воров. И по вечерам Мэт встречался с Джуилином и Томом в крошечной комнатушке, отведенной им на этаже для слуг. Втроем они пытались придумать, как преодолеть эти препятствия. Вот от них-то Мэта и бросало в пот.

Во время первой же встречи, в ночь после отбытия Тайлин, в комнату вломился Беслан – как он заявил, в поисках Тома. К несчастью, до этого Беслан подслушивал у двери и успел узнать немало; его нельзя было выставить за порог, запудрив мозги какой-нибудь басней. К еще большему несчастью, принцу захотелось поучаствовать в деле. Беслан даже объяснил им, как нужно действовать.

– Восстание, – провозгласил он, усевшись на трехногий табурет между двух узких коек.

Тесноту комнатушки довершал умывальник – без зеркала, с оббитыми белыми кувшином и тазиком. На краю кровати сидел Джуилин в одной рубашке. Лицо его ничего не выражало. На другой койке растянулся Том, хмуро разглядывавший свои кулаки. Мэту ничего не оставалось, как прислониться к двери, чтобы не ввалился еще кто-нибудь. Он не знал, смеяться ему или плакать. Ясно было, что Том уже знал об этом безумии; именно Бесланову горячую голову он и старался остудить.

– Народ поднимется, мне нужно только весточку послать, – продолжал Беслан. – Мы с друзьями говорили с людьми во всем городе. Они готовы сражаться!

Вздохнув, Мэт перенес вес тела на здоровую ногу. Он подозревал, что, когда Беслан пошлет весточку, он и его друзья поднимутся в одиночестве. Большинство людей охотнее говорят о сражении, чем сражаются, особенно с солдатами.

– Беслан, это только в сказаниях менестрелей конюхи с вилами и пекари с булыжниками одолевают армии, потому что хотят быть свободными. – Услышав слова Мэта, Том громко фыркнул, и его длинные белые усы встопорщились. Мэт сделал вид, что не заметил. – А в настоящей жизни конюхов и пекарей перебьют. Я

могу по виду солдат сказать, хороши они или нет, так вот, Шончан – очень хорошие солдаты.

– Если вместе с Айз Седай мы освободим и *дамани*, они станут сражаться вместе с нами! – настаивал Беслан.

– Беслан, там, на чердаке, сотни две, а то и больше *дамани*, большинство из них – шончане. Освободи их, и не исключено, что они все до единой кинутся разыскивать *сул'дам*. О Свет, мы даже не всем женщинам-нешончанкам можем доверять! – Мэт поднял руку, опередив протесты Беслана. – Как определить, кому можно верить? Да и времени нет. А если бы мы и знали такой способ, то остальных нам пришлось бы убить. У меня рука не поднимется убить женщину, все преступление которой заключается в том, что она на привязи. А у тебя?

Беслан отвернулся, но упрямо сжал челюсти. От своей затеи он не отказался.

– Освободим мы кого из *дамани* или нет, – продолжал Мэт, – но если люди восстанут, то Шончан превратят Эбу Дар в бойню. Восстания они подавляют жестоко, Беслан. Очень жестоко! Мы могли бы перебить всех *дамани* на чердаке, так из лагерей они приведут еще больше. Вернется твоя мать и обнаружит развалины внутри городских стен и твою голову, выставленную на колу снаружи. И там же вскоре окажется и ее голова. По-твоему, они поверят, будто она не знала, что затевает ее сын? – О Свет, а *если* знает? У женщины достанет смелости на такой поступок. Мэт подумал, что она не настолько глупа, но…

– Она говорит, мы мыши, – с горечью промолвил Беслан. – «Когда мимо идет волкодав, мыши должны затаиться, а не то их сожрут», – процитировал он. – Мэт, мне не хочется быть мышью.

Мэт вздохнул несколько свободней.

– Лучше живая мышь, чем мертвая.

Может, сказано и не самым дипломатичным образом – Беслан скривился, – но против правды не попрешь.

Мэт приглашал Беслана на встречи, хотя бы для того, чтобы держать принца в узде, но Беслан появлялся редко, так что задача охладить его пыл, если сие возможно, легла на плечи Тома. Самое большее, чего Мэт добился от Беслана, – это обещания, что он не станет призывать к восстанию, пока не минет месяц после их ухода, чтобы дать им уйти подальше. В общем, дело как-то уладилось, хотя и не ко всеобщему удовлетворению. Все же остальное… Казалось, делаешь пару шагов – и налетаешь на каменную стену. Или запутываешься в силках.

Дама сердца Джуилина, по всей видимости, присушила его крепко. Ради нее он не возражал и против того, чтобы скинуть свою тайренскую одежду и нацепить бело-зеленую ливрею слуги

или не спать две ночи, подметая пол неподалеку от ведущей к чердачным клетушкам лестнице. К слуге с метелкой никто особо не присматривается, даже другие слуги. В Таразинском дворце было так много слуг, что не все они знали друг друга, и если кто видел незнакомого человека в ливрее и с метлой, он считал это в порядке вещей. Джуилин провел в компании с метелкой еще и два дня и наконец сообщил, что *сул'дам* инспектируют клетушки ранним утром и сразу после наступления темноты, заходят туда в любое время дня, но по ночам *дамани* предоставлены сами себе.

– Я подслушал, как одна *сул'дам* радовалась, что она не в лагере, где… – Лежавший на тонком тюфяке Джуилин зевнул, прикрывшись ладонью. Том сидел на краю своей кровати, предоставив табурет Мэту. Сидеть было лучше, чем стоять, но ненамного. В такой поздний час нормальные люди обычно спят. – Где ей пришлось бы сколько-то ночей проводить в карауле, – продолжил ловец воров, когда сумел заговорить. – Еще сказала – ей, мол, нравится, что *дамани* спят всю ночь, тогда с утра они свежи.

– Значит, нам нужно выступать ночью, – пробормотал Том, проведя пальцем по длинным белым усам. Незачем было добавлять, что всякое передвижение в такое время суток привлечет к себе внимание. Шончан патрулировали улицы и по ночам, чего Гражданская Стража никогда не делала. Вдобавок Стража была падка на взятки, но Шончан распустили ее. И теперь на ночных улицах могли встретиться, скорее всего, Стражи Последнего Часа, а всякий, кто вздумает их подмаслить, может не дожить до суда.

– Джуилин, ты *ай'дам* не нашел? – спросил Мэт. – И платья? Платья-то не *ай'дам*, их сыскать гораздо легче.

Джуилин опять зевнул в кулак.

– Когда достану, тогда и достану. Они же ни тем, ни другим особо не разбрасываются, сам знаешь.

Том обнаружил, что просто вывести *дамани* через ворота – невозможно. Точнее, как он откровенно признался, это обнаружила Риселле. Судя по всему, у одного из высокопоставленных офицеров, живших в «Страннице», был хороший голос, и его пение весьма привлекало алтаранскую леди.

– Кто-то из Высокородных может взять с собой *дамани*, и его ни о чем не спросят, – сообщил Том при следующей встрече. На этот раз они с Джуилином оба сидели на кроватях. Мэт же начал проникаться ненавистью к табурету. – И даже нескольких. А вот для *сул'дам* требуется приказ. За подписью и печатью одного из Высокородных, офицера в звании не ниже капитана, или распоряжение *дер'сул'дам*. Караульные у ворот и на причалах имеют списки всех действительных в городе печатей, поэтому я не могу сделать абы какую и надеяться, что она сойдет. Мне нужен экзем-

пляр такого приказа с подходящей печатью. И все равно остается вопрос: кто будет нашими тремя *сул'дам*?

– Может, одной станет Риселле, – предложил Мэт. Риселле их планов не знала, и рассказать ей о них значило рисковать. Том задавал ей всевозможные вопросы, как будто желая побольше узнать о жизни под Шончан, и она была достаточно счастлива, расспрашивая своего шончанского приятеля, но вряд ли она испытывала бы счастье, рискуя тем, что голова ее «любимца» очутится на пике. И хорошо, если она только откажется, а не сделает чего похуже. – А что насчет твоей дамы сердца, Джуилин?

Сам Мэт подумал о третьей. Он попросил Джуилина отыскать платье *сул'дам*, которое подошло бы Сеталль Анан, хотя у него еще не было возможности поговорить с ней. В «Странницу», после того как на кухню вошла Джолин, он возвращался один раз, чтобы убедить Айз Седай – он делает все возможное. Понять она не пожелала, но госпожа Анан сумела погасить гнев Айз Седай прежде, чем та начала орать. Из нее вышла бы превосходная *сул'дам* для Джолин.

Джуилин неловко пожал плечами.

– Я и так с огромным трудом убедил Теру бежать со мной. Она стала… пугливой. Со временем я помогу ей преодолеть робость. Знаю, что смогу… но, по-моему, ей вряд ли можно поручить что-то важное. Тем более притвориться *сул'дам*…

Том подергал себя за ус.

– Маловероятно, чтобы Риселле захотела теперь уйти. Видно, Генерал Знамени лорд Йамада поет настолько хорошо, что она решила выйти за него замуж. – Он печально вздохнул. – Боюсь, больше от нее никаких сведений не получить. – Выражение его лица говорило: и не доведется больше положить голову ей на грудь. – Ладно, вы вдвоем помозгуйте, кого можно попросить. И выясните, удастся ли заполучить экземпляр приказа.

Том сумел подобрать нужные чернила и бумагу и утверждал, что скопирует любой почерк и подделает любую печать. К печатям он относился с презрением и не раз говорил, что их может воспроизвести всякий, у кого есть репа и нож. Настоящее искусство – это воспроизвести почерк так, чтобы человек решил, что пером водила его собственная рука. Но пока никому не удалось раздобыть приказ с нужной печатью. Шончан не оставляли приказы где попало, как и *ай'дамы*. Казалось, и у Джуилина дело с *ай'дамами* шло не лучше. Два шага вперед – и каменная стена. Так безрезультатно минуло шесть дней. Оставалось четыре. Мэту же казалось, что с отъезда Тайлин прошло шесть лет, а до ее возвращения остается четыре часа.

На седьмой день Том остановил в коридоре Мэта, возвращавшегося с конной прогулки. Улыбаясь, словно ведя праздный разговор, бывший менестрель понизил голос так, чтобы до пробегавших мимо слуг долетало только глухое бормотание.

– По словам Ноэла, прошлой ночью *голам* опять кого-то убил. Взыскующим приказали не есть, не спать, но отыскать убийцу, но я не сумел разузнать, от кого исходил приказ. Видимо, тайной является даже сам факт, что им приказали что-то сделать. Впрочем, они уже практически приготовили дыбу и кандалы и раскалили щипцы докрасна.

Мэт на всякий случай оглянулся, не слышит ли кто. На виду был всего один коренастый седовласый мужчина по имени Нарвин; он был в ливрее, но никуда не торопился и ничего не нес в руках. Слуги столь высокого ранга, как Нарвин, никогда не спешат и ничего не носят. При виде Мэта, шарящего взглядом по сторонам, Нарвин заморгал и нахмурился. Мэту хотелось зарычать, но вместо этого он расплылся в обезоруживающей улыбке – в чем в чем, а в этом он был мастак. Так что Нарвин, хмурясь, прошествовал мимо. Мэт не сомневался: первая попытка увести Типуна из конюшни была на совести именно этого малого.

– Это Ноэл сказал тебе о Взыскующих? – недоверчиво прошептал Мэт, когда Нарвин отошел подальше.

Том отмахнулся худой рукой.

– Конечно, нет. Только про убийство. Хотя он как будто умеет слушать и понимает, что кроется за слухами. М-да, редкий дар. И не был ли он в Шаре на самом деле… – задумчиво протянул менестрель. – Он говорил, что… – Под свирепым взглядом Мэта Том откашлялся. – Ну, об этом как-нибудь потом. Помимо незабвенной Риселле, у меня есть и иные средства. Несколько моих источников – Слухачи. Кажется, эти Внимающие и вправду прислушиваются ко всему.

– Ты со Слухачами лясы точишь? – Голос Мэта вдруг заскрипел, как ржавые дверные петли. Ему показалось даже, что горло у него покрылось коркой ржавчины.

– Да ничего особенного, главное – чтобы не поняли, что тебе известно, кто они такие, – хохотнул Том. – Мэт, с Шончан лучше вести себя так, будто все они – Слухачи. Тогда ты узнаешь все, что надо, не сказав ненужного слова не в те уши. – Он кашлянул и согнутым пальцем разгладил усы, не слишком скрывая самодовольную улыбку и едва ли не напрашиваясь на похвалу. – Просто так вышло, что мне точно известны двое-трое настоящих Слухачей. Во всяком случае, лишние сведения не помешают. Ты же ведь хочешь убраться раньше, чем вернется Тайлин, не так ли? После ее отъезда вид у тебя немного… одинокий…

Мэт лишь застонал.

Той ночью *голам* опять нанес удар. Не успел Мэт доесть поданную на завтрак рыбу, как Лопин с Неримом вывалили на него свежие новости. Весь город охвачен волнением, заявили они. Последнюю жертву, женщину, обнаружили у входа в переулок, и люди вдруг заговорили об этих убийствах, припоминая все случившееся раньше и складывая одно с другим. На свободе бесчинствует какой-то безумец, и народ требует, чтобы улицы патрулировало побольше шончанских солдат. Мэт оттолкнул тарелку, потеряв всякий аппетит. Больше патрулей. Да вдруг еще Сюрот, узнав о происходящем, вздумает вернуться пораньше и притащит с собой Тайлин. Рассчитывать можно было только на два дня. Ему показалось, что еще немного, и завтрак полезет обратно.

Остаток утра Мэт провел в спальне Тайлин, расхаживая – точнее, ковыляя, – по ковру, не обращая внимания на боль, и пытался что-нибудь придумать, хоть что-то, что позволило бы совершить невозможное за два дня. Боль и в самом деле стала меньше. Мэт ходил без посоха, стремясь разработать ногу. Он полагал, что выдюжит пешком две-три мили, после чего ноге придется дать отдых. И увы, надолго.

В середине дня Джуилин принес по-настоящему хорошее известие, какое только Мэт слышал в эту Эпоху. Вообще-то, строго говоря, это было не известие. Это был суконный мешок, в котором лежал завернутый в два платья серебристый *ай'дам*.

Глава 29

ДРУГОЙ ПЛАН

Несмотря на то что подвал в «Страннице» был просторен и находилось в нем всего пять человек, казалось, что в нем тесно, как в комнатушке Тома и Джуилина. Стоявшая на перевернутом бочонке масляная лампа отбрасывала на балки потолка трепещущие тени. В глубине подвала все тонуло во мраке. Кусочек пространства между полками и стеной из необработанного камня шириной едва превышал высоту бочки, но тесно здесь казалось вовсе не из-за этого.

– Я просила тебя помочь, а не затягивать петлю у меня на шее, – холодно промолвила Джолин. После недели у заботливой госпожи Анан и разносолов Энид Айз Седай уже не выглядела изможденной. Потертое платье, что Мэт видел на ней в первый раз, сменилось другим – синим, с высоким воротом, из тонкой шерсти, с кружевами у запястий и под подбородком. Половина лица ее оставалась в тени, и Джолин казалась рассерженной. Взглядом она словно пыталась просверлить Мэта насквозь. – Если что-то – хоть что-то! – пойдет не так, я буду совершенно беспомощна!

Мэту вовсе не хотелось выслушивать упреки. Предложил ей помощь по доброте душевной – ну в какой-то мере, – и вот во что все вылилось! Мэт практически тряс *ай'дамом* у нее под носом. Он извивался у него в руке длинной серебристой змеей, мерцая в тусклом свете лампы; ошейник и браслет царапнули каменный пол, и Джолин, подобрав юбки, попятилась, страшась коснуться их даже случайно. Она так кривила губы, словно это и вправду была гадюка. Мэт не был уверен, что *ай'дам* ей подойдет; ошейник казался великоватым для ее тонкой шеи.

– Госпожа Анан снимет его сразу, как только мы выберемся за городские стены, – рычал Мэт. – Ей-то ты доверяешь? Она головой рискует, пряча тебя! Говорю тебе, это единственный способ!

Джолин упрямо вздернула подбородок. Госпожа Анан что-то сердито пробормотала.

– Она не хочет носить эту штуку, – бесцветным голосом произнес позади Мэта Фэн.

– А если она не хочет ее носить, значит, и не будет, – сказал стоявший рядом с Фэном Блерик еще более бесцветным тоном.

Темноволосые Стражи Джолин, хоть и не были похожи, напоминали горошинки из одного стручка. Фэн с темными раскосыми глазами и подбородком как колун был немного ниже Блерика и

чуть пошире в плечах и груди, однако оба без труда могли бы носить одежду друг друга. У Фэна прямые черные волосы спускались почти до плеч, коротко стриженые волосы голубоглазого Блерика были несколько светлее. Шайнарец Блерик, чтобы не бросаться в глаза, вынужден был сбрить свой хохолок и отпустить волосы, но нынешняя прическа не вызывала у него приятных чувств. Салдэйец Фэн, как казалось, мало к чему и к кому питал симпатию, за исключением Джолин. Оба они очень любили Джолин. Эта пара разговаривала одинаково, думала одинаково, двигалась одинаково. Сейчас на обоих были застиранные рубашки, поверх – простые шерстяные рабочие жилеты ниже бедер, однако за работников их принял бы только слепой, даже при таком неверном свете. А уж днем, на конюшне, куда их определила работать госпожа Анан… О Свет! Оба глядели на Мэта так, как могли бы смотреть львы на оскалившегося на них козла. Мэт отвернулся, чтобы не видеть Стражей даже краешком глаза. Имея таких за спиной, нельзя надеяться ни на какие припрятанные на теле ножи.

– Если ты не будешь слушать его, Джолин Маза, ты будешь слушать меня. – Сеталль, подбоченясь, обрушилась на Айз Седай, сверкая ореховыми глазами. – Я намерена проследить, чтобы ты вернулась в Белую Башню, даже если мне придется идти за тобой и подталкивать на каждом шагу! Может, по пути ты покажешь мне, что значит быть Айз Седай. И когда я наконец хоть на миг увижу в тебе взрослую женщину, я успокоюсь. Ибо покамест вижу я лишь послушницу, распустившую сопли и капризную донельзя!

Джолин уставилась на нее, еще больше округлив свои большие карие глаза, словно не поверила своим ушам. Мэт тоже подумал, что слух его подводит. Обычно содержательницы гостиниц не вцепляются волкодавами в глотку Айз Седай. Фэн крякнул, а Блерик пробормотал что-то нелестное.

– Вам незачем далеко уходить. Только отойти, чтобы караульные у ворот не видели, – поспешно сказал Мэт Сеталль, надеясь предотвратить вспышку ярости Джолин. – Поглубже надвинуть капюшон… – О Свет, ему надо было принести для нее один из тех дурацких плащей. Что ж, если Джуилин сумел стащить *ай'дам*, он украдет и проклятый плащ – и стражники увидят просто какую-то *сул'дам*. Еще до исхода дня сможете вернуться, и никто ничего не узнает. Только, чур, брачный кинжал не берите.

Мэт засмеялся над своими словами, но Сеталль смеяться не стала.

– По-твоему, я останусь там, где женщин превращают в животных, потому что они способны направлять? – спросила она, по-

дойдя к нему и встав лицом к лицу. – По-твоему, я оставлю там свою семью? – Если на Джолин она гневно сверкала глазами, то на Мэта так просто молнии метала. Честно говоря, Мэт на эту тему и не задумывался. Он, конечно, не против увидеть всех *дамани* на свободе, но ей-то какой интерес? Тем не менее похоже, это как-то касалось Сеталль; ладонь ее скользнула по рукояти засунутого за пояс длинного изогнутого кинжала, словно нежно погладила. К оскорблениям эбударцы нетерпимы, а в этом отношении Сеталль была эбударкой до мозга костей. – О продаже «Странницы» я начала договариваться через два дня после появления Шончан, как только поняла, кто они такие. Я могла передать ее Лидел Элонид еще несколько дней назад, но тяну время, поскольку Лидел вряд ли ожидает найти в подвале гостиницы Айз Седай. Когда ты будешь готов к отъезду, я отдам ключи и отправлюсь с тобой. Лидел уже начинает терять терпение, – многозначительно добавила она через плечо, повернувшись к Джолин.

Мэту захотелось возмущенно спросить, что же сталось бы с его золотом, продай Сеталль гостиницу? Разве Лидел позволила бы ему забрать этакий-то клад из-под пола ее кухни? Но другая мысль заставила его сдавленно хихикнуть. Мэт вдруг представил, как на шею ему садится все семейство госпожи Анан, ее женатые сыновья и замужние дочки со своими чадами, и заодно десяток дядюшек, тетушек и кузенов с кузинами. А то и два десятка. Сеталль, может, и уходит, но у ее мужа деловые связи по всему городу. Тут Блерик так крепко хлопнул его по спине, что Мэт даже пошатнулся.

Он показал Стражу оскаленные зубы, надеясь, что тот примет оскал за благодарную улыбку. Выражение лица Блерика ничуть не изменилось. Проклятые Стражи! Проклятые Айз Седай! Проклятые-распроклятые хозяйки гостиниц!

– Госпожа Анан, – осторожно промолвил Мэт, – тем путем, которым я намерен выбраться из Эбу Дар, могут уйти лишь немногие. – Пока он еще не рассказывал ей о балагане Люка. Неизвестно, удастся ли Люка переубедить. И чем больше людей нужно вывести, тем труднее будет его убедить. – Возвращайтесь сюда, как только мы выберемся из города. А если хотите покинуть Эбу Дар, отправляйтесь на какой-нибудь из рыбачьих лодок вашего мужа. Я бы предложил вам выждать пару-тройку дней. А может, и неделю. Как только Шончан обнаружат исчезновение двух *дамани*, они будут кидаться на любого, кто соберется шагнуть за ворота.

– Двух? – резко вмешалась Джолин. – Теслин и кто еще?

Мэт поморщился. М-да, с языка сорвалось, и совершенно напрасно. Джолин и без того упряма, нетерпелива, несговорчива и

взбалмошна – сразу столько определений пришло Мэту в голову. Если она решит, что его план трудновыполним, что он может рухнуть, ей, не ровен час, вздумается испробовать какой-то свой, и наверняка неразумный, замысел. Который как пить дать сведет на нет его планы. Попытайся она сбежать сама, ее наверняка поймают, но она еще станет сражаться. И как только Шончан узнают, что в городе, под самым их носом, скрывалась Айз Седай, они бросят новые силы на поиски *марат'дамани*, увеличат число патрулей, которых и так полно из-за «сумасшедшего убийцы», и, что хуже всего, они могут даже запретить свободный выход из города.

– Эдесина Аззедин, – нехотя сказал Мэт. – Больше о ней я ничего не знаю.

– Эдесина… – медленно промолвила Джолин. На гладкий лоб ее набежало еле заметное облачко. – Слышала, она была… – Но что бы она ни слышала, Джолин вдруг резко захлопнула рот и вперила в Мэта свирепый взгляд. – Они держат в плену еще сестер? Если на свободе окажется Теслин, я не желаю оставлять им и ни одной другой сестры!

Мэт с трудом удержался, чтобы не раскрыть обалдело рот. Нетерпелива и взбалмошна? Сейчас он видел перед собой львицу, под стать Блерику и Фэну.

– Поверьте мне, я не стану оставлять Айз Седай в тех конурках, если только она сама не захочет остаться, – сказал он со всей возможной насмешливостью в голосе. Откуда в этой женщине столько упрямства? С нее станется настаивать, чтобы он вытащил даже таких, как Пура. О Свет, никогда *нельзя* впутывать Айз Седай в свои дела! И чтобы это понять, ему ни к чему всякие древние воспоминания! Достаточно своих собственных – благодарим покорно, нахлебались досыта.

Тут Мэта в плечо ткнул сзади твердым пальцем Фэн.

– Не обращайся со словами так легко, – предостерег его Страж.

Блерик ткнул его в другое плечо.

– Не забывай, с кем разговариваешь!

На заявление Мэта Джолин ответила хмыканьем, но углубляться не стала.

Мэт почувствовал, как сзади в шее распускается тугой узел, в том самом месте, куда опустился бы топор палача. Айз Седай в разговоре умеют вкладывать в свои слова несколько иной смысл; они не предполагают, что и другие могут воспользоваться против них их же приемом.

Мэт повернулся к Сеталль.

– Госпожа Анан, вы же понимаете, лодки вашего мужа намного лучше…

– Может, и так, – перебила она, – но только Джасфер отплыл со всеми десятью лодками и всей нашей родней три дня назад. Полагаю, если он когда-нибудь вернется, члены гильдии захотят с ним поговорить. Ему ведь не положено брать пассажиров. Лодки отправились в Иллиан, где все будут ждать меня. Как видишь, я вообще-то и не собиралась идти до самого Тар Валона.

На этот раз Мэт не сдержался и скорчил гримасу. Он-то намеревался, если не удастся уговорить Люка, воспользоваться рыбачьими лодками Джасфера Анана. Опасный вариант, даже более чем опасный. Может, вовсе безрассудный. *Сул'дам* на причалах, скорей всего, захотят проверить приказ, по которому *дамани* отправляют на рыбачьих лодках, да еще ночью. Но лодки Мэт и так оставлял на самый крайний случай. Что ж, придется, видно, покруче вывернуть руку Люка – насколько сил хватит.

– Вы позволили своим родственникам выйти в море в это время года? – в голосе Джолин смешались недоверие и презрение. – Когда надвигаются самые сильные штормы?

Стоя спиной к Айз Седай, госпожа Анан горделиво подняла голову, но гордилась она не собой.

– Если понадобится, я доверю Джасферу плыть хоть и в пасть семаросу. Я доверяю ему так же, как ты – своим Стражам, Зеленая. И даже больше.

Джолин, вдруг нахмурясь, приподняла лампу за железное основание и повернула так, чтобы свет падал на лицо хозяйки гостиницы.

– Мы раньше не встречались? Иногда, когда я не вижу твоего лица, голос кажется мне очень знакомым.

Вместо ответа Сеталль взяла у Мэта *ай'дам* и принялась вертеть в руках сегментированный браслет на конце серебристой привязи. Вся вещь была изготовлена из сегментов, столь искусно подогнанных друг к другу, что не видно было, как они соединяются.

– Можно, кстати, произвести проверку.

– Проверку? – сказал Мэт и удостоился испепеляющего взгляда ореховых глаз.

– Не всякая женщина может быть *сул'дам*. Пора бы уже знать это. У меня есть надежда, что я смогу, но лучше удостовериться сейчас, чем в последний момент. – Хмуро глядя на запертый и неподдающийся браслет, Сеталль покрутила его в руках. – Ты знаешь, как его открыть? Не пойму даже, *где* он открывается.

– Да, – слабым голосом откликнулся Мэт. В тот единственный раз, когда он беседовал с Шончан о *сул'дам* и *дамани*, он осторожно задавал вопросы, как их используют в сражении. Но он не предполагал, что *сул'дам* как-то еще и отбирают. Мэт мог бы сражаться с ними – из-за древних воспоминаний он не переста-

вал думать о сражениях, – но даже не помышлял, что будет иметь их на своей стороне. – Лучше проверить сейчас. – Вместо того, чтобы… О Свет!

Запоры и замки были для него что семечки, а уж застежка у этого браслета оказалась и вовсе простой. Нужно было только надавить в определенных местах, сверху и снизу, почти напротив привязи. И открыть после этого одной рукой. С металлическим щелчком браслет раскрылся. У ошейника застежка была похитрее, и потребовались обе руки. Взявшись за нужные места по обе стороны от места соединения с привязью, Мэт надавил, потом чуть перекрутил и потянул, не прекращая давить. На первый взгляд ничего не произошло, пока он не перекрутил части ошейника в другую сторону. Тогда ошейник раскрылся тоже, с щелчком чуть погромче, чем браслет. Очень просто. Разумеется, на то, чтобы сообразить, как открыть ошейник, у него ушел целый час, даже с помощью Джуилина – тот кое-что видел. Однако никто Мэта не похвалил. Никто на него даже не посмотрел, хоть он и сделал то, чего никто из них не мог.

Защелкнув браслет на своем запястье, Сеталль намотала привязь кольцами на руку, затем протянула открытый ошейник Джолин. Та уставилась на него с отвращением.

– Ты хочешь спастись? – тихо спросила хозяйка гостиницы.

Помедлив, Джолин выпрямилась и подняла подбородок. Сеталль замкнула ошейник на шее Айз Седай с таким же резким щелчком, с каким он раскрылся. Должно быть, Мэт ошибся насчет размера; ошейник достаточно плотно обхватил высокий ворот платья. Губы Джолин дернулись, и только, но Мэт прямо-таки почувствовал, как напряглись у него за спиной Блерик с Фэном. Он затаил дыхание.

Бок о бок обе женщины сделали маленький шажок, задев Мэта, и тот снова вздохнул. Джолин неуверенно хмурилась. Затем они сделали второй шаг.

И тут Айз Седай с криком рухнула на пол, корчась в муках. Она не могла и слова вымолвить, только стонала все громче и громче. Джолин сжалась в комочек, ее руки, ноги и даже пальцы скрючивались и сгибались под странными углами.

Едва Джолин упала, Сеталль бросилась на колени рядом с нею, нашаривая ошейник, но ее опередили Блерик и Фэн, хотя действия Стражей выглядели странными. Опустившись на колени, Блерик приподнял стонавшую Джолин и, положив ее голову к себе на грудь, принялся зачем-то массировать ей шею. Фэн разминал пальцами ее запястья. Ошейник раскрылся, и Сеталль села на пятки, но Джолин продолжала корчиться и скулить, и Стражи не прекращали массажа, словно пытаясь остановить судороги.

Оба бросали ледяные взоры на Мэта, как будто виноват во всем был он.

Но Мэт, узревший, как рухнул в одночасье его чудесный план, на них не смотрел. Он не знал, что теперь делать. Еще два дня – и вернется Тайлин, а он-то был уверен, что успеет исчезнуть раньше.

Подойдя к Сеталль, Мэт похлопал ее по плечу.

– Скажи ей, мы придумаем что-нибудь другое, – пробормотал он. Но что? Очевидно, иметь на руке *ай'дам* должна женщина со способностями *сул'дам*.

Хозяйка гостиницы нагнала его в темноте у лестницы на кухню, где юноша оставил свою шляпу и плащ. Добротный простой плащ, без всякого шитья. Мужчина вполне может обойтись без вышивки. И Мэту вышивка на плаще даром не нужна! И о кружевах он ни капельки не жалеет! Нет, нет и нет!

– У тебя уже есть иной план? – спросила Сеталль. В темноте Мэт не видел ее лица, но явственно различал серебристый блеск *ай'дама*. Она ощупывала браслет на запястье.

– У меня всегда есть наготове иной план, – соврал Мэт, расстегивая на ней браслет. – Во всяком случае, тебе не придется рисковать головой. Как только я заберу у тебя Джолин, можешь отправляться к мужу.

Она только хмыкнула. И Мэт заподозрил, что она знает – нет у него никакого плана.

В общей зале, полной Шончан, Мэту появляться не хотелось, поэтому он вышел через кухню на конюшенный двор, а оттуда через ворота – на площадь Мол Хара. Мэт не боялся, что кто-то возьмет его на заметку или поинтересуется, что он здесь делает. Когда Мэт вошел в гостиницу в этой невзрачной одежде, его, видимо, приняли за посыльного. Но среди Шончан Мэт заметил трех *сул'дам*, и с ними были две *дамани*. В душу Мэта начало закрадываться опасение, что придется оставить Теслин и Эдесину в ошейниках, и потому сейчас ему совсем не хотелось видеть *дамани*. Кровь и проклятый пепел, он же обещал только попытаться!

Негреющее солнце еще стояло высоко в небе, но ветер с моря набирал силу; в воздухе, пропахшем солью, чувствовалась близость дождя. За исключением маршировавшего через площадь отряда Стражи Последнего Часа, в котором людей было больше, чем огир, все прохожие торопились закончить свои дела, пока не начался дождь. Мэт дошел до подножия высокой статуи королевы Нариене с обнаженной грудью, когда на плечо его опустилась чья-то рука.

– Поначалу без той смешной одежи я тебя и не узнал, Мэт Коутон.

Мэт обернулся и оказался лицом к лицу с крепким иллианцем-*со'джин*, которого он видел в тот день, когда в его жизни вновь появилась Джолин. Круглому лицу иллианца половина бороды и полуобритая голова придавали странный вид. Он дрожал от холода, потому что был – подумать только! – без куртки, в одной рубашке.

– Вы меня знаете? – настороженно спросил Мэт.

Крепко сбитый *со'джин* расцвел в широкой улыбке.

– Направь меня удача, знаю! Однажды ты совершил весьма запоминающееся плавание на моем корабле, в начале которого были троллоки и Шадар Логот, а в конце – Мурддраал и объятое пламенем Беломостье. Байл Домон, мастер Коутон. Ты меня не помнишь?

– Помню. – Да, теперь Мэт его припомнил. То плавание почти целиком подернулось в его памяти туманом, и многочисленные провалы заполнились чужими воспоминаниями. – Давайте как-нибудь посидим за горячим вином с пряностями, поговорим о старых добрых временах.

Он не сказал бы ничего подобного, если бы заметил Домона первым. Сохранившиеся воспоминания о плавании были на редкость неприятными, словно о тяжелой болезни. Конечно, ведь он и был болен, в какой-то мере. Еще одно неприятное воспоминание.

– Да лучше случая не придумаешь! – засмеялся Домон, крепкой рукой обнимая Мэта за плечи и разворачивая его обратно к «Страннице».

Подумав, что отвязаться от Домона не получится, разве что начать отбиваться, Мэт покорно пошел с ним. Драка на кулаках – не лучший способ остаться незамеченным. К тому же он не был уверен, что выйдет победителем. Домон казался толстоватым, но жирок покрывал весьма крепкие мускулы. В любом случае, выпить не помешает. Да и не был ли Домон вроде как контрабандистом? Вдруг ему известны пути-дорожки в Эбу Дар и обратно, о которых не знают другие, и он раскроет тайные тропки, если правильно повести разговор. Особенно когда вино язык развяжет. В кармане Мэтовой куртки покоился туго набитый золотом кошель, и Мэт согласен был потратить все денежки, лишь бы напоить собеседника, как скрипача в День Солнца. Подвыпившего человека разговорить легко, сам болтать начинает.

Домон, подталкивая Мэта перед собой, провел его через общую залу, раскланиваясь налево и направо перед Высокородными и офицерами, которые едва его замечали. Однако свернул Домон не

на кухню, где Энид могла усадить их на скамью в уголке; он повел Мэта вверх по лестнице без перил. И пока Домон не втолкнул юношу в комнатку в глубине гостиницы, Мэт полагал, что тот собирается прихватить куртку и плащ. В камине жарко пылал огонь и в комнате было тепло, но Мэт вдруг ощутил холод – и гораздо сильнее, чем на улице.

Затворив дверь, Домон встал перед нею, расставив ноги и скрестив на груди руки.

– Ты находишься в присутствии Капитана Зеленых, леди Эгинин Тамарат, – распевно произнес он, потом добавил обычным голосом: – Это – Мэт Коутон.

Мэт перевел взор с Домона на высокую женщину, сидевшую на стуле в деревянной позе. Сегодня ее плиссированное платье было светло-желтого цвета, поверх него она надела расшитое цветами широкое одеяние, но Мэт ее узнал. Бледное лицо ее было суровым, в голубых глазах читалось такое же хищное выражение, как у Тайлин. Однако Мэт подозревал, что Эгинин он понадобился вовсе не для поцелуев. Руки у нее были тонкие, но Мэт на них заметил мозоли, как у человека, привыкшего держать меч. У него не было возможности спросить, зачем его сюда привели, да вопросы и не понадобились.

– Мой *со'джин* сообщил мне, что с опасностями ты знаком не понаслышке, мастер Коутон, – заговорила она, как только умолк Домон. Ее тягучий шончанский акцент звучал все так же безапелляционно и повелительно, но ведь она и была из Высокородных. – Мне нужны такие люди в экипаж, и я хорошо заплачу, золотом, а не серебром. Если ты знаешь кого-то, подобного тебе, я найму их тоже. Но они должны уметь держать язык за зубами. Мои дела касаются только меня. Байл упоминал еще два имени. Том Меррилин и Джуилин Сандар. Если они в Эбу Дар, я воспользовалась бы также и их способностями. Они меня знают и знают, что могут доверить мне свою жизнь. Так что и ты, мастер Коутон, можешь мне довериться.

Мэт, откинув за спину плащ, уселся на второй стул. Ему не положено было сидеть в присутствии Высокородных даже самого низшего ранга – а о месте Эгинин в шончанской иерархии свидетельствовали подстриженные «под горшок» темные волосы и покрытые зеленым лаком ногти на мизинцах, – но ему нужно было поразмыслить.

– У вас есть корабль? – спросил Мэт, главным образом, чтобы выиграть время.

Она гневно открыла было рот. Уж если задаешь вопросы Высокородным, делать это полагается наитактичнейшим образом.

Домон хрюкнул и покачал головой, и через секунду вид у Эгинин стал еще раздраженнее, но потом ее строгое лицо разгладилось. Однако глаза ее сверлили Мэта, словно два буравчика, и, встав перед ним, она расставила ноги и уперла кулаки в бедра.

– Корабль у меня будет самое позднее к концу весны, как только из Канторина доставят мое золото, – заявила она ледяным тоном.

Мэт вздохнул. Что ж, на деле у него нет никаких шансов вывезти Айз Седай на корабле, принадлежащем Шончан. Ни единого реального шанса.

– Откуда вы знаете Тома и Джуилина?

О Томе наверняка мог рассказать ей Домон, но, Света ради, откуда она знает Джуилина?

– Ты слишком много спрашиваешь, – отрезала она, отворачиваясь. – Боюсь, ты все-таки мне не подходишь. Байл, выпусти его. – Последние слова были сказаны приказным тоном.

Домон и не подумал пошевелиться.

– Расскажи ему, – с настойчивостью в голосе попросил он. – Раньше или позже, но он должен узнать все. Иначе он ввергнет тебя в еще большую опасность, чем грозит тебе сейчас. Расскажи ему.

Даже для *со'джин* Домон зашел, пожалуй, слишком далеко. У Шончан были четкие представления о том, какое место должна занимать собственность. Во всяком случае, это ясно понимали те, у кого живая собственность имелась. Судя по виду Эгинин, она вряд ли отличалась терпимостью.

Некоторое время она казалась крайне недовольной, расхаживала по комнате, подбивая носками туфель юбки и бросая хмурые взгляды то на Домона, то на Мэта. Наконец она остановилась.

– Я оказала им небольшую помощь в Танчико, – промолвила Эгинин. Чуть помедлив, добавила: – И двум женщинам, которые с ними были, Илэйн Траканд и Найнив ал'Мира. – Она впилась взглядом в Мэта, пытаясь понять, известны ли ему эти имена.

Грудь Мэта словно сдавило железным обручем. Это была не боль, а ощущение сродни тому, что испытываешь, когда видишь, как лошадь, на которую ты поставил, несется к финишу, вплотную к ней – все остальные, и никак не понять, кто опережает. Что, Света ради, Найнив и Илэйн делали в Танчико такого, что им понадобилась помощь шончанки? И чем это она им помогла? Из Тома с Джуилином никаких подробностей вытянуть не удалось. Впрочем, это все равно неважно. Эгинин нужны люди, которые сохранят ее секреты и не побоятся опасностей. Ей самой грозит опасность. Маловероятно, чтобы кому-то из Высокородных грозила опасность, разве только от других Высокородных или…

– За тобой гонятся Взыскующие, – промолвил Мэт.

Достаточным подтверждением ему стало то, как она вскинула голову и как рука ее метнулась к поясу, словно за мечом. Домон переступил с ноги на ногу, разминая руки. Взора от Мэта он не отрывал, и взгляд его неожиданно стал еще жестче, чем у Эгинин. От него ощутимо повеяло угрозой. И Мэт вдруг сообразил, что может и не выйти отсюда живым.

– Если нужно уйти от Взыскующих, могу помочь, – быстро сказал он. – Вам надо отправиться туда, где нет Шончан. Там, где Шончан, Взыскующие вас всегда найдут. И лучше уходить как можно скорее. Золото можно раздобыть. Если только раньше вас не схватят Взыскующие. Том говорил мне, они что-то больно деятельными стали. Щипцы там раскалили, дыбу готовят.

Эгинин застыла неподвижно, пристально глядя на Мэта. Потом обменялась с Домоном долгим взглядом.

– Возможно, и в самом деле лучше уйти поскорее, – очень тихо сказала она. Однако голос ее сразу же стал тверже. Набежавшая было на лицо тень тревоги мгновенно исчезла. – Думаю, Взыскующие не станут меня останавливать, если я покину город, но они полагают, что я могу привести их к чему-то такому, что нужно им больше, чем я. Они двинутся за мной, и пока я не оставлю земли, уже занятые *Райагел,* они всегда могут вызвать солдат и арестовать меня. Что и сделают сразу же, как только решат, что я *собираюсь* отправиться в страны, еще не взятые под их руку. Вот тогда мне и понадобится ловкость твоего приятеля Тома Меррилина, мастер Коутон. Между этим городом и свободными землями я должна исчезнуть из поля зрения Взыскующих. Может, золота из Канторина я и не получу, но у меня хватит денег, чтобы щедро вознаградить вас за помощь. Можешь заверить в этом остальных.

– Зовите меня Мэт, – сказал он, одаряя Эгинин самой своей обаятельной улыбкой. Любую женскую суровость можно смягчить широкой искренней улыбкой. Правда, Эгинин как будто ничуть не смягчилась – даже наоборот, слегка нахмурилась, – но Мэт знал, как действует на женщин его улыбка. – Я знаю, как вам сейчас исчезнуть. Скажу прямо, выжидать толку нет. Взыскующие могут решить арестовать вас хоть завтра. – Удар достиг цели. Она не вздрогнула – он ждал, что вздрогнет, – но зато кивнула. – Есть одно условие, Эгинин. – То, что он собирался сказать, могло произвести эффект не хуже какого-нибудь фейерверка Алудры, но Мэт не колебался. Кто не рискует, тот не выигрывает. – Мне не надо золота, но мне нужны три *сул'дам,* которые будут держать рот на замке. Как, по-вашему, можно их найти?

Через полминуты, которые тянулись несколько часов, Эгинин снова кивнула, и Мэт улыбнулся. Его лошадь все-таки пришла первой.

* * *

– Домон… – без всякого выражения промолвил Том, сжимая в зубах чубук трубки. Он лежал, подложив под голову сложенную вдвое тонкую подушку, и как будто разглядывал слабую голубоватую дымку, висевшую в лишенной окон комнатке. Чтобы осветить все помещение, хватало одной лампы. – И Эгинин.

– И теперь она – Высокородная. – Сидевший на краешке второй койки Джуилин заглянул в закопченную чашечку своей трубки. – Не знаю, нравится ли мне это.

– Значит, по-твоему, мы ей доверять не можем? – произнес Мэт, неосторожно придавив табак большим пальцем. С приглушенным ругательством он отдернул палец и, сунув его в рот, стал посасывать. Вновь он оказался перед выбором – остаться стоять или сесть, но впервые не имел ничего против табурета. Немалую часть утра он провел за разговором с Эгинин, но Тома не было во дворце до темноты, а Джуилина пришлось дожидаться еще дольше. Мэта несколько обескуражило, что его новости ни того, ни другого не обрадовали так, как он предполагал. Том со вздохом заметил, что ему удалось-таки рассмотреть как следует нужную печать, но в глазах Джуилина, когда взгляд ловца воров падал на сверток, брошенный им в углу комнаты, вспыхивали сердитые огоньки. Проклятье, что это с ним? Ну подумаешь, не нужны больше платья *сул'дам*. – Говорю же вам, они оба до дрожи в коленках боятся Взыскующих, – продолжил Мэт, когда боль от ожога затихла. Ну, может, и не до дрожи в коленках, но весьма напуганы. – Эгинин хоть и Высокородная, но она глазом не моргнула, когда я сказал, зачем мне понадобились *сул'дам*. Она просто ответила, что знает троих, которые сделают все, что нужно, и завтра они будут готовы.

– Благородная женщина эта Эгинин, – задумчиво протянул Том. Время от времени он прерывал свою речь, чтобы выдуть колечко дыма. – Странная, правда, но ведь она – из Шончан. По-моему, она даже Найнив понравилась, а Илэйн – уж точно, это я знаю. И они ей понравились. Несмотря на то, что они – Айз Седай, как она считала. В Танчико она очень пригодилась. Была весьма полезна. Более чем компетентна. Хотелось бы мне знать, благодаря чему ее возвысили до Высокородных, но я считаю, что Эгинин мы можем доверять. И Домону. Интересный человек этот Домон.

– Контрабандист, – пренебрежительно пробормотал Джуилин. – И теперь *принадлежит* ей. *Со'джин*, знаете ли, нечто большее, чем просто собственность. Бывают *со'джин*, которые указывают Высокородным, что делать, – Том, приподняв бровь, покосился на него. Больше он ничего не сделал, но через миг Джуилин пожал плечами. – Наверное, Домон надежен, – нехотя заключил

он. – Для контрабандиста.

Мэт фыркнул. Может, они ревнуют. Что ж, он – *та'верен*, и им придется с этим мириться.

– Тогда завтра ночью мы уходим. Единственное изменение в планах – у нас будут три настоящих *сул'дам*, и через ворота нас проведет одна из Высокородных.

– И эти самые три *сул'дам* выведут из города трех Айз Седай и даже не подумают поднять тревогу, – пробормотал Джуилин. – Как-то, когда Ранд ал'Тор был в Тире, я видел, как подброшенная монета пять раз подряд становилась на ребро. Под конец мы ушли, а она так и осталась стоять на столе. Думаю, случиться может всякое.

– Джуилин, либо ты ей доверяешь, либо нет, – прорычал Мэт. Ловец воров зло посмотрел на свернутые платья в углу, и Мэт покачал головой. – Чем они так помогли вам в Танчико, Том? Кровь и пепел, нечего опять смотреть на меня пустыми глазами! Вы знаете, они знают, и я тоже имею право знать.

– Найнив велела *никому* не рассказывать, – многозначительно промолвил Джуилин. – Илэйн велела не рассказывать. Мы обещали. Можно сказать, клятву дали.

Том помотал головой.

– Бывает, Джуилин, обстоятельства меняются. И это всяко была не клятва. – Он выпустил три безупречных колечка дыма, одно в другом. – Они помогли нам раздобыть нечто вроде мужского *ай'дама*, а потом и избавиться от него, Мэт. По всей видимости, Черные Айя собирались надеть его на Ранда. Сам понимаешь теперь, почему Найнив и Илэйн хотели сохранить этов тайне. Если пройдет слух, что подобная вещь вообще существует, Свет знает, какие начнутся россказни.

– Кому какое дело, что за басни рассказывают люди? – Мужской *ай'дам*? Свет, да если Черные Айя, или Шончан, ухитрятся надеть эту петлю Ранду на шею… Цветные пятна вновь закружились в голове Мэта, и он заставил себя не думать о Ранде. – Слухи вряд ли повредят… ему. – На сей раз никаких пятен. Можно избавиться от них, если не думать о… Вновь взвихрились цветные кляксы, и Мэт стиснул зубами черенок трубки.

– Не так, Мэт. Слухи обладают силой. Песни менестрелей, баллады бардов и уличные слухи схожи между собой. Они пробуждают страсти и заставляют людей видеть мир несколько иначе. Сегодня, например, я слышал, как один человек утверждал, что Ранд поклялся в верности Элайде, что он в Белой Башне. И этот малый, Мэт, верил тому, что говорил. А если этому поверят, скажем, достаточно тайренцев? А жители Тира не любят Айз Седай. Верно, Джуилин?

– Некоторые не любят, – допустил Джуилин, а потом добавил, как будто Том вытягивал из него эти слова клещами: – Большинство не любит. Но мало кто из нас встречался с Айз Седай, мало кто их знает. Поскольку существовал закон, запрещавший направлять Силу, Айз Седай редко появлялись в Тире и почти никому не открывали, кто они такие.

– Это несущественно, мой прекрасный тайренский друг, любящий Айз Седай. И так или иначе придает вес моим доводам. Тир стоит за Ранда. Во всяком случае, за него тирская знать, которая боится, что в случае, если они отрекутся от него, Ранд может вернуться. Но если они поверят, что Ранд в Башне, значит, он может и не вернуться. Если они поверят, что он – орудие Башни, это станет еще одной причиной повернуть против него. Если этим двум байкам поверит достаточное число тайренцев, Ранд может потерять Тир так же быстро, как взял *Каллandор*. Это всего лишь один слух во всего лишь одном Тире, и не меньше вреда такой слух способен причинить в Кайриэне, в Иллиане, где угодно. Не знаю, какие слухи может породить мужской *ай'дам* в мире, где есть Дракон Возрожденный и Аша'маны, но я слишком стар, и мне не хочется этого знать.

Мэт отчасти понял его. Так полководец старается заставить вражеского командира думать, что замышляет он совсем не то, что замыслил на самом деле, и собирается двинуть армию туда, куда никогда в жизни ее не двинет, а враг, если он не менее искушен в полководческом искусстве, пытается сделать то же самое. Иногда обе стороны, бывает, так запутаются, что происходят странные вещи. Даже трагедии. Горят города, которые никто не намеревался поджигать, хотя поджигатели считают иначе, и гибнут тысячи людей. По той же причине уничтожается урожай, и десятки тысяч умирают от голода.

– Ну, я ведь не собираюсь болтать на каждом углу об этом *ай'даме* для мужчин, – сказал Мэт. – Полагаю, кому-то из вас пришла в голову светлая мысль рассказать… ему? – Вспыхнули цветные пятна. Наверное, лучше их не замечать или привыкнуть к ним. Пятна исчезали так же быстро, как и возникали, и вреда от них не было никакого. Просто Мэту очень не нравилось все, чего он не понимал. Особенно, когда была каким-то образом замешана Сила. Серебряная лисья голова, висевшая под рубашкой, возможно, и могла защитить его от Силы, но в этой защите прорех было не меньше, чем в его воспоминаниях.

– Вообще-то говоря, регулярного сообщения мы не поддерживали, – сухо произнес Том, двигая бровями. – Полагаю, если Илэйн и Найнив сочли эту весть важной, они нашли способ дать ему знать.

– А с чего бы? – сказал Джуилин, наклонившись и с кряхтением стаскивая сапог. – Эта штука – на дне морском. – Нахмурясь, он швырнул сапог в угол к свернутым платьям. – Мэт, ты сегодня дашь нам поспать? Завтра, похоже, у нас не будет времени на сон, а я вообще-то предпочитаю спать хотя бы через ночь.

Эту ночь Мэт решил провести в кровати Тайлин. Не ради старых добрых времен – при этой мысли он засмеялся, хотя смех получился скорей визгливый, чем веселый. Просто теплые перины и набитые гусиным пухом подушки предпочтительней сеновала, тем более если человек не знает, когда ему доведется в следующий раз поспать нормально.

Но вот беда, заснуть он никак не мог. Мэт лежал в темноте, подложив под голову руку с накинутым на запястье кожаным шнурком лисьего медальона. Он был готов пустить медальон в ход, если в щель под дверью проскользнет *голам*, но вовсе не *голам* лишил его сна. Мэт все прокручивал в голове свой план. Тот был хорош и прост – прост, насколько возможно в сложившихся обстоятельствах. Только вот ни одно сражение не происходит по плану, как бы тот ни был распрекрасен. Великие полководцы завоевывают славу не блестящими замыслами, а умением добиться победы в случае, когда эти замыслы проваливаются. Поэтому, когда в окнах забрезжил первый свет, Мэт все еще лежал без сна, катая медальон между пальцами и стараясь просчитать, что может пойти наперекосяк.

Глава 30

ХОЛОДНЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ КАПЛИ

День начался с холодного рассвета, не успевшее взойти солнце затянули серые облака, и на ветру, задувавшем с Моря Штормов, дребезжали стекла, неплотно сидевшие в оконных переплетах. Если верить сказаниям, вовсе не в такие серые и промозглые дни случаются знаменитые побеги или чудесные спасения. Это дни, предназначенные для злодейских убийств. Не слишком приятная и бодрящая мысль, когда хочется дожить до следующего рассвета. Но план и вправду был прост. Теперь, когда в нем принимала участие шончанская Высокородная, все, пожалуй, должно было пойти как по маслу. И Мэт изо всех сил старался убедить себя в благополучном исходе.

Пока он одевался, Лопин принес завтрак – хлеб, ветчину, немного твердого желтого сыра. Нерим складывал оставшиеся вещи, чтобы отнести их в гостиницу, упаковал в том числе и сшитые по заказу Тайлин рубашки. В конце концов, рубашки были хороши, и Нерим утверждал, что сделает что-нибудь с кружевами, хотя голос его, как обычно, звучал так, словно ему предложили сшить саван. Мэт прекрасно знал, что с иголкой этот печальный седоволосый человек управляется ловко. Ему пришлось зашить немало ран на теле Мэта.

– Мы с Неримом выведем Олвера через маленькие ворота в задней части дворца, откуда вывозят мусор, – повторял Лопин с подчеркнутой терпеливостью, прижимая ладони к животу. Слуги во дворце редко забывают поесть, и его круглый животик темная тайренская куртка обтягивала плотнее, чем прежде. Да и полы внизу расходились уже не так широко. – Там никого не бывает, кроме стражи, и попозже, днем, проезжает повозка с мусором. Стражники привыкли к нам, пока мы выносили через эти ворота вещи милорда, так что присматриваться к нам не будут. В «Страннице» мы заберем золото милорда и его одежду, а Метвин, Фергин и Гордеран встретят нас с лошадьми. Потом вместе с «краснорукими» мы выведем юного Олвера через Ворота Дал Эйра. У меня в кармане есть жетоны на лошадей, в том числе и на вьючных, милорд. На Великом Северном Тракте, в миле к северу от Небесного Круга, есть заброшенная конюшня, там мы и будем ждать, пока не увидим милорда. Надеюсь, я правильно запомнил распоряжения милорда?

Мэт проглотил последний кусочек сыра и вытер руки.

– Думаешь, я слишком часто заставляю тебя их повторять? – заметил он, влезая в куртку. Простую темно-зеленую куртку. Для такого дельца, как сегодня, человеку нужно что-то простое и неброское. – Я хочу быть уверен, что ты все хорошо запомнил. И не забывай, если я не появлюсь завтра перед восходом, отправляйтесь в путь и отыщите Талманеса с Отрядом.

Тревога поднимется после утренней проверки в конурках *дамани*, и если Мэт до этого времени не уберется из города, у него будет возможность проверить, как влияет его везение на топор палача. Мэту было сказано, что ему суждено умереть и жить вновь – пророчество или что-то вроде того, – но он был совершенно уверен, что эта часть уже сбылась.

– Разумеется, милорд, – успокаивающе промолвил Лопин. – Все будет так, как прикажет милорд.

– Точно так, милорд, – пробормотал Нерим своим похоронным тоном. – Милорд приказывает, мы подчиняемся.

Мэт заподозрил, что оба кривят душой, но если они подождут его и два-три дня, ничего плохого с ними не случится, а к тому времени уж всяко станет ясно, что он не придет. Если понадобится, Метвин и двое других солдат убедят их в этом. Эти трое всегда готовы идти за Мэтом Коутоном, но у них хватит ума не положить свои головы на плаху, с которой только что скатилась его голова. По какой-то причине Мэт вовсе не испытывал такую же уверенность, как Лопин и Нерим.

Олвер не слишком сильно расстроился из-за того, что придется покинуть Риселле, Мэт опасался худшего. Мальчику об отъезде он сказал, когда помогал упаковывать пожитки, которые нужно было перенести в гостиницу. Вещи Олвера были аккуратно разложены на узкой кровати в маленькой гостиной, которая, когда в этих покоях жил Мэт, носила название комнаты уединения.

– Она собирается выйти замуж, Мэт, – говорил Олвер терпеливо, как будто объясняя ему, неразумному, нечто само собой разумеющееся. Открыв узкий маленький резной ларец, подаренный Риселле, – туда как раз поместилось длинное перо красного ястреба, – он со щелчком захлопнул крышку и спрятал его в кожаную суму. Эту суму он собирался нести сам. К перу мальчик относился столь же бережно, как и к кошелю, где лежало двадцать золотых крон и пригоршня серебра. – Вряд ли ее мужу понравится, если она будет продолжать учить меня читать. Мне, будь я ее мужем, не понравилось бы.

– Ох, – только и сказал Мэт. Риселле, приняв решение, действовала стремительно. О ее предстоящем браке с Генералом Знамени Йамадой публично объявили вчера, и свадьба должна состояться завтра, хотя по обычаю следовало подождать несколько месяцев.

Может, Йамада и хороший полководец – Мэт о том не ведал, – но выстоять против Риселле и ее восхитительной груди у него не было ни единого шанса. Сегодня они осматривали виноградник на Холмах Рианнон, который жених купил в качестве свадебного подарка. – Я просто подумал, что ты хотел бы… ну, не знаю… взять ее с нами или что-то в этом роде.

– Мэт, я не ребенок, – сухо ответил Олвер. Завернув панцирь полосатой черепахи в полотняную тряпицу, он уложил сверток в суму. – А ты будешь играть со мной в змей и лисичек? Риселле нравилось играть, а у тебя все времени не было.

Одежду Олвера Мэт завернул в плащ, собираясь убрать сверток во вьючную корзину, но у мальчика в суме лежали запасная пара штанов, несколько чистых рубашек и чулки. И комплект игры в змей и лисичек, который смастерил для него умерший отец. Меньше всего хочется терять самое для тебя дорогое, а Олвер за свои десять лет потерял больше, чем многие люди за целую жизнь. Но он все еще верил, что в змей и лисичек можно выиграть, причем выиграть, не нарушая правил.

– Обязательно поиграю, – пообещал Мэт. Конечно, поиграет, только бы вырваться из города. Он уже нарушил предостаточно правил и заслужил выигрыш. – Позаботься о Ветерке, пока я не приду.

Олвер широко улыбнулся – улыбка и впрямь вышла очень широкой. Длинноногого серого мерина мальчик любил не меньше, чем игру в змей и лисичек.

К несчастью, еще одним человеком, который считал, похоже, что может выиграть в змей и лисичек, был Беслан.

– Сегодня, – прорычал он, расхаживая перед камином в гостиной Тайлин. Холод в глазах Беслана мог заморозить жарко пылавший в камине огонь, руки он крепко сжимал за спиной, как будто старался удержать их подальше от эфеса меча с узким клинком. Украшенные самоцветами цилиндрические часы на каминной резной полке пробили четыре раза, отмечая второй утренний час. – Предупредил бы хоть за пару дней, я бы придумал что-нибудь сногсшибательное!

– Мне ничего сногсшибательного не нужно, – сказал Мэт. От Беслана он вообще ничего не хотел, но немногим раньше тот случайно заметил, как Том украдкой проскользнул в конюшню «Странницы». Том отправился развлекать Джолин до вечера, когда Эгинин приведет *сул'дам*; он должен был успокаивать нервную Айз Седай и всячески умасливать ее, однако его визит в гостиницу можно было объяснить кучей причин. Ну, может, и не кучей, поскольку гостиница битком набита Шончан, но уж три-четыре всяко нашлись бы. Только вот Беслану в голову пришла

одна-единственная причина, и он бросился на нее, как утка на жука, и ни за что не желал отступиться. – Хватит и того, что твои друзья подожгут на Прибрежной Дороге пару-тройку складов, которые Шончан приспособили под свои запасы. И запомни – после полуночи. Лучше часом позже, чем минутой раньше. – Если повезет, до полуночи он выберется из города. – Это прикует их внимание к югу, и сам знаешь, потеря складов причинит им заметный ущерб.

– Сказал же, что все сделаю, – угрюмо ответил Беслан. – Подумаешь, большое дело – поджечь какую-то ерунду! А где размах?

Мэт, откинувшись на спинку кресла, положил ладони на бамбуковые подлокотники и нахмурился. Он хотел дать рукам отдых, но невольно забарабанил пальцами по подлокотнику, и кольцо-печатка, ударившись о золоченое дерево, издало громкий стук.

– Беслан, когда склады загорятся, тебя должны видеть в гостинице, понял? – Принц скорчил кислую мину. – Беслан!

Беслан всплеснул руками.

– Да понял я, понял! Я не должен ставить под удар мать. Увидят меня, увидят. К полуночи я буду пьян, как муж хозяйки гостиницы! Можешь пари заключить, все увидят! Мэт, просто в этом нет ничего героического. Я с Шончан воюю, а в каких отношениях с ними мать – неважно.

Мэт попытался подавить тяжкий вздох. Это ему почти удалось.

Конечно, никак нельзя было скрыть, что трое «красноруких» уводят лошадей из конюшни. Дважды за утро Мэт замечал, что служанки передают одна другой монеты, и оба раза, заметив Мэта, те, кто расставался с деньгами, злобно косились на него. Хотя Ванин с Гарнаном устроились как будто надолго в длинной комнате-казарме у конюшен, всему дворцу было известно, что Мэт Коутон скоро уходит, и проигравшие спор уже расплачивались. Главное, чтобы никто пока не знал, насколько скоро он уходит, а потом будет слишком поздно.

Ветер за утро набрал силу, но Мэт оседлал Типуна и принялся разъезжать кругами по двору конюшни, чуть сгорбившись в седле и плотно запахнув плащ. Он ехал медленнее обычного, и стальные подковы Типуна, ударясь о каменные плиты, звенели лениво и размеренно. То и дело Мэт кривил лицо и качал головой, поглядывая на темные облака в небе. Нет, Мэту Коутону не по вкусу этакая погодка. Мэт Коутон посидит где-нибудь в теплом сухом уголке, дожидаясь, пока расчистится небо. Да-да, именно так.

Сул'дам, выгуливавшие на конюшенном дворе *дамани*, тоже знали, что Мэт скоро уходит. Возможно, служанки и не сообщали о том шончанкам, но что знает одна женщина, знают все на милю окрест. Огонь не может разнестись по сухостою быстрее, чем

слухи среди женщин. Высокая светловолосая *сул'дам* бросила на Мэта быстрый взгляд и покачала головой. Другая *сул'дам*, низкорослая и приземистая, громко рассмеялась, улыбка надвое рассекла ее смуглое, как у Морского Народа, лицо. Он был просто Игрушкой Тайлин.

Но не *сул'дам* беспокоили Мэта, а Теслин. Несколько дней, вплоть до самого этого утра, Мэт не видел ее среди гулявших *дамани*. Сегодня *сул'дам* позволяли свежим порывам ветра свободно трепать свои плащи, но *дамани* кутались в них, только серый плащ Теслин развевался на ветру, и, совсем позабыв о нем, она то и дело спотыкалась о неровности плит. На лице Айз Седай выделялись большие, встревоженные глаза. Изредка она бросала короткие взгляды на пышногрудую черноволосую *сул'дам*, на чьей руке находился браслет ее привязи, и при этом неуверенно облизывала губы.

В животе у Мэта что-то сжалось. Куда подевалась ее решимость? Если она уже готова сдаться…

– Все в порядке? – спросил Ванин, когда Мэт спешился и отдал ему поводья Типуна. Начал накрапывать дождь, с неба падали холодные тяжелые капли, и *сул'дам* стали торопливо загонять своих подопечных под крышу, чтобы те не промокли. Кое-кто из *дамани* смеялся, и у Мэта от этого звука стыла в жилах кровь. Ванин не дал никому повода задуматься, почему они вдвоем с Мэтом стоят под дождем и о чем-то разговаривают: толстяк наклонился, согнул левую переднюю ногу Типуна и принялся рассматривать копыто. – Вид у тебя какой-то осунувшийся, не такой, как обычно.

– Да нет, все прекрасно, – ответил Мэт. Ногу и бедро его терзала боль, но он не обращал внимания ни на нее, ни на начавшийся дождь. О Свет, если Теслин сломалась… – Только не забудь. Услышите ночью во дворце крики или еще какой тревожный шум – вы с Гарнаном не мешкайте. Ноги в руки, и скачите прочь. Потом отыщете Олвера. Он будет…

– Да знаю, где будет постреленыш. – Отпустив ногу Типуна и выпрямившись, Ванин сплюнул через щель в зубах. Капли дождя сбегали по его лицу. – Гарнан не такой дурень, чтобы одному сматываться, а что надо делать, я знаю. Ты поосторожней со своей шкурой. И пусть не подведет тебя везение. Пойдем-ка внутрь, малыш, – обращаясь к Типуну, добавил он гораздо более теплым тоном. – Я тебе припас хорошего овса. И себя не забыл – меня ждет отличная горячая рыбка.

Мэт понимал, что и ему поесть не помешало бы, но у него было такое чувство, словно он проглотил камень, и в животе больше нет места. Приковыляв обратно в покои Тайлин, он швырнул

мокрый плащ на стул и какое-то время стоял и смотрел в угол, где рядом с луком со снятой тетивой стояло копье с черным древком. *Ашандарей* Мэт планировал забрать в последний момент. Он не хотел, чтобы его заметили с копьем раньше того времени, когда Высокородные будут смотреть уже десятый сон, как и слуги, а бодрствовать останутся только караульные у ворот. Он не желал рисковать. Даже те Шончан, что звали его Игрушкой, не были слепцами и могли увидеть его, идущего посреди ночи с оружием дворцовыми коридорами. Лук Мэт тоже хотел забрать. Хороший черный тис невозможно найти почти нигде, кроме Двуречья; к тому же в других местах заготовки обрезают слишком коротко. Без тетивы лук должен быть на две ладони выше того, кто его натягивает. Хотя, возможно, лук все-таки придется оставить. Если дойдет до драки, для *ашандарея* нужны две руки, и миг промедления, пока отбросишь лук, может обернуться смертью.

– Все пойдет по плану, – громко произнес Мэт. Кровь и пепел, что за дурацкие мысли, под стать Беслану! – Я не собираюсь с боем прорываться из треклятого дворца!

М-да, все равно звучит крайне глупо. Везение – штука хорошая при игре в кости. А полагаясь на него в чем другом, недолго и жизни лишиться.

Завалившись на кровать, Мэт закинул ногу на ногу и лежал, разглядывая лук и копье. Дверь в гостиную была отворена, и он слышал, как барабанные часы негромко отбивают час за часом. О Свет, сегодня ночью везение ему ох как понадобится.

Свет за окном тускнел так медленно, что Мэт все собирался встать и посмотреть, не остановило ли солнце свой бег по небосклону, но постепенно на смену серому дню все-таки пришли фиолетовые сумерки, а затем опустилась темнота. Часы пробили дважды, потом слышались уже только шум ветра и шелест дождя. Работники, верно, из-за непогоды бросили работу и разбрелись по домам. Никто не пришел и не зажег лампы, не подбросил дров в камин. Никто не предполагал, что Мэт останется сегодня в покоях Тайлин, ведь он провел здесь прошлую ночь. Языки пламени в камине замигали и погасли. Ну, началось. Теперь все должно идти по плану. Олвер уже в той старой конюшне, прикорнул в уголочке, где сохранилась крыша. Часы отбили первый ночной час, и прошла, наверное, неделя, прежде чем раздались четыре удара, отметившие второй.

Поднявшись с кровати, Мэт ощупью пробрался сквозь непроглядную темень гостиной и потянул на себя створку высокого окна. Сильный ветер тут же швырнул в него дождем сквозь белое узорчатое железное ограждение, промочив куртку. Луна пряталась за облаками, город превратился в затянутую пеленой дождя

темную массу без единого проблеска света. По-видимому, дождь и ветер погасили все уличные фонари; ночь укроет беглецов, когда они покинут дворец. И любому патрулю придется изрядно потрудиться, чтобы заметить кого-то в такую погоду. Дрожа в мокрой куртке на пронизывающем ветру, Мэт прикрыл окно.

Усевшись на краешек резного кресла, он уперся локтями в колени и посмотрел на часы над погасшим камином. В темноте ничего не было видно, но он слышал их мерное тиканье. Мэт не двигался с места, лишь вздрогнул, когда пробило начало следующего часа. Оставалось только ждать. Еще немного, и Эгинин приведет к Джолин *сул'дам*. Если она и впрямь смогла найти трех женщин, как обещала. Если Джолин не запаникует, как тогда, когда ей впервые надели *ай'дам*. Том, Джолин и остальные встретятся с Мэтом неподалеку от Ворот Дал Эйра. И если он до них не доберется, тогда за дело возьмется Том со своей репой-печатью; он был уверен, что сумеет миновать ворота с поддельным приказом. Во всяком случае, даже если все пойдет наперекосяк, у них будет шанс. Слишком много «если» – но теперь уже поздно о чем-то думать. Поздно вообще что-то предпринимать.

Динь – пробили часы, словно стукнули ложечкой по хрусталю. *Динь*. Сейчас Джуилин пробирается к своей драгоценной Тере, а если повезет, то Беслан уже начинает напиваться в какой-нибудь гостинице. Глубоко вдохнув, Мэт встал и проверил на ощупь свои ножи: в рукавах, за поясом, за голенищами сапог и еще один, сзади под курткой, у ворота. После чего покинул комнату. Слишком поздно что-то придумывать, пора начинать.

Пустые коридоры, по которым он шел, были едва освещены. Из трех-четырех светильников горел только один. Сапоги Мэта громко стучали по плитам пола. На мраморных же лестницах они звенели. Вряд ли кто проснется в столь позднюю пору, но если Мэта заметят, он не должен таиться с вороватым видом по темным углам. Заткнув пальцы за пояс, Мэт заставил себя шагать уверенно и неторопливо, словно прогуливаясь. Проще только стянуть с окна кухни кусок пирога. Впрочем, если подумать, насколько он мог вспомнить свое детство, за подобную выходку с него раз или два чуть шкуру не спустили.

Шагнув на обрамлявшую конюшенный двор галерею, Мэт поднял воротник – ветер щедро сыпал дождем между белыми с прожилками колоннами. Проклятый дождь! Еще по сути за порог не вышел, а уже чуть до нитки не промок! Настенные фонари ветер задул, не считая пары их по сторонам ворот; за пеленой проливного дождя они казались размытыми пятнами света. Шончанский отряд, наверное, стойко стоит на посту, как и в погожий денек. Весьма вероятно, что и эбударцы остались на месте; вряд

ли они захотят выказать слабость перед лицом Шончан. Через пару мгновений Мэт отступил обратно, к двери в вестибюль, чтобы не промокнуть совсем. На дворе не было видно никакого движения. Где же они? Кровь и проклятый пепел, где?..

В воротах показались всадники, их вели двое пеших с фонарями на шестах. За стеной дождя Мэт не мог разобрать, кто это, но их было слишком много. Станут ли шончанских гонцов сопровождать фонарщики? Наверное, в такую-то погодку. Поморщившись, Мэт отступил поглубже в переднюю. В ней горел одинокий стоячий светильник, и его слабого света было достаточно, чтобы снаружи все казалось укрытым непроницаемой тьмой, но упорно всматривался во мрак ночи. Через несколько минут появились четыре закутанных в плащи фигуры, они торопливо переступили через порог. Если это вестники, они пройдут мимо, едва взглянув на Мэта.

– Тот твой человек, Ванин, очень груб, – заявила Эгинин.

Миновав последнюю колонну, она сразу откинула капюшон. Во тьме ее лица было почти не различить, но по холодному тону Мэт понял сразу, какое выражение увидит на нем. Она шагнула в переднюю, заставив его попятиться. Брови сердито сдвинуты, голубые глаза превратились в ледяные буравчики. За ней шел Домон с мрачным лицом, стряхивая с плаща дождь, затем появилась пара *сул'дам*: одна светловолосая, с бледной кожей, вторая – шатенка с длинными волосами. Большего он не разглядел, так как стояли они с опущенными головами, глядя в пол у себя под ногами.

– Ты не сказал, что с ней будут двое мужчин, – продолжала Эгинин, сдирая с рук перчатки. Странно, как она, с таким тягуче-медленным выговором, ухитряется говорить столь быстро. Слова не дает вставить. – И что с нами идет еще и госпожа Анан. К счастью, я готова к неожиданностям. Планы часто приходится менять, как только якорь сух. Кстати, о сухом, ты что, уже где-то бегал? Надеюсь, тебя не заметили.

– О чем ты? Что значит – изменила план? – спросил Мэт, пробежав пятерней по волосам. О Свет, он и вправду промок! – Я ведь уже все распланировал! – Почему эти две *сул'дам* стоят так смирно? Если он когда и видел воплощенное нежелание, то вот оно, перед ним. – Кто там такие у ворот?

– Люди из гостиницы, – нетерпеливо промолвила Эгинин. – Во-первых, мне необходим соответствующий эскорт. Мне же надо выглядеть как должно в глазах уличного патруля. Эти двое – Стражи? – ребята мускулистые, из них получились великолепные фонарщики. А во-вторых, я не хотела рисковать тем, что кто-то потеряется при таком-то ливне. Лучше, чтобы мы с самого начала

были вместе. – Проследив за взглядом Мэта, она повернула голову к *сул'дам*. – Это Сита Зарби и Ринна Эмайн. Полагаю, они надеются, что завтра ты забудешь их имена.

При имени Сита белокурая женщина вздрогнула; значит, вторая – Ринна. Ни одна не подняла головы. Чем же держит их Эгинин? На каком крючке? Правда, это не так уж важно. Важно лишь то, что они здесь и готовы делать, что потребуется.

– Нет проку тут стоять, – сказал Мэт. – Займемся делом.

Он принял ее поправки к плану без дальнейших замечаний. В конце концов, лежа на кровати в покоях Тайлин, он и сам решил рискнуть и кое-что изменить.

Глава 31

ЧТО СКАЗАЛИ ЭЛФИН

Когда Мэт сам повел Эгинин на чердак, к клетушкам *дамани*, шончанка выразила удивление. Сита и Ринна, конечно же, знали туда дорогу, а ему сначала пришлось сходить за плащом и прочими вещами. Две *сул'дам* шли следом за Мэтом и Эгинин по тускло освещенным коридорам – с потупленными взорами, откинув плащи за спину. Домон, как пастух, двигался позади *сул'дам*. Когда он окидывал взглядом поперечные коридоры, косичка на его голове качалась туда-сюда, порой бывший контрабандист протягивал руку к поясу, словно у него там висел меч или дубинка. Но в завешанных гобеленами переходах было тихо, слышались только их шаги.

– У меня наверху маленькое дельце, – сказал Мэт Эгинин самым небрежным тоном и улыбнулся. – Тебе самой утруждаться не стоит. И минутки не займет.

Казалось, его лучшая улыбка произвела на шончанку не больше впечатления, чем и вчера, в ее комнате в гостинице.

– Если теперь ты мой корабль подведешь под крушение… – угрожающе прорычала она.

– Только не забывай, кто составлял план, – проворчал он, и Эгинин хмыкнула. О Свет, женщины вечно думают, что могут влезть в дело и прибрать всю власть к рукам и что мужскую работу они сделают лучше!

Во всяком случае, больше она не сетовала. Они быстро поднялись на верхний этаж, потом по узкой темной лестнице на обширный чердак. Здесь светильников горело еще меньше, чем в коридорах внизу, и в лабиринте узких проходиков между крошечными комнатушками с деревянными стенами царил полумрак. Никого не было видно, и Мэт слегка перевел дух. Только слегка, потому что Ринна вздохнула с явным облегчением.

Они с Ситой хорошо знали, где кто из *дамани* размещен, и не слишком торопясь, но и без промедления направились в глубь чердака. По пятам за ними следовал Домон. Все это не внушало Мэту особого доверия. Но будь желания лошадьми, нищие ездили бы верхом. Человек должен обходиться тем, что у него есть. Особенно когда у него нет выбора.

Эгинин окинула Мэта напоследок суровым взглядом и вновь рыкнула, на сей раз нечленораздельно, затем зашагала вслед за остальными. Мэт скорчил ей в спину рожу. У Эгинин была такая

походка, что ее можно было бы принять за мужчину, когда бы не платье.

Мэта и вправду ждало здесь дело, и, может, не такое уж маленькое. И нельзя было сказать, что он сгорает от нетерпения им заняться. О Свет, как бы ему хотелось отговорить себя самого! Но он должен, проклятье, должен это сделать! И как только Эгинин вслед за Домоном и *сул'дам* исчезла за углом, Мэт кинулся к ближайшей комнатенке, в которой, как он помнил, держали женщину из Морского Народа.

Мягко и беззвучно открыв деревянную дверь, Мэт скользнул в густую как смоль темноту комнатки. Спящая внутри женщина похрапывала. Он медленно, ощупью, продвигался вперед, пока не стукнулся коленом о кровать, потом быстро скользнул рукой по укрытому одеялом телу и успел вовремя зажать женщине рот, когда та проснулась.

– Я хочу, чтобы ты ответила на один вопрос, – прошептал Мэт. Кровь и пепел, а если он ошибся комнатой? Вдруг она – не Ищущая Ветер, а одна из проклятых шончанских женщин? – Что ты сделаешь, если я сниму ошейник с твоей шеи?

Убрав руку и затаив дыхание, он ждал ответа.

– Я освобожу своих сестер, если будет на то милость Света. – И Мэт, расслышав выговор Морского Народа, снова вздохнул всей грудью. – Если будет на то воля Света, мы переберемся через гавань, туда, где держат наш народ, и освободим столько, сколько сумеем. – Голос невидимой женщины оставался тихим, но с каждым словом в нем все жарче вскипала ярость. – Если будет на то воля Света, мы вернем свои корабли и прорвемся в море. Ну? Если это грязный трюк, накажи меня, и покончим с этим. Или убей меня. Я дошла до крайности, готова была сдаться, хотя меня вечно сжигал бы стыд за то, что я предала себя. Но ты напомнил мне, кто я такая, и теперь я не сдамся никогда. Слышишь? Никогда!

– А если я попрошу тебя подождать три часа? – спросил Мэт, по-прежнему сидя рядом на корточках. – Помнится, Ата'ан Миэйр отмеряют час с точностью до минуты.

То был другой человек, чьи воспоминания теперь принадлежали ему – воспоминания о плавании на корабле Ата'ан Миэйр из Аллораллена в Барашту и о ясноглазой женщине Морского Народа, которая плакала, отказавшись последовать за ним на берег.

– Кто ты? – прошептала она.

– Если это важно… меня зовут Мэт Коутон.

– Я – Нестелле дин Сакура Южная Звезда, Мэт Коутон. – Он услышал, как она сплюнула, и понял, что она делает. Он тоже плюнул себе на ладонь, и их руки нашли друг друга в темноте. Ее ладонь оказалась такой же мозолистой, как и у него, пожатие

было крепким. – Я подожду, – сказала она. – И я не забуду тебя. Ты великий и хороший человек.

– Я просто игрок, – ответил он. Ее рука потянула его руку к ошейнику на шее, и под пальцами Мэта металлическая полоска со щелчком разъединилась. Женщина испустила очень долгий вздох.

Мэт всего один раз показал Нестелле, куда нужно приложить пальцы и в чем хитрость запора, и она поняла сразу, но он заставил ее закрыть и открыть ошейник трижды, прежде чем остался удовлетворен. Если уж он так поступил, нужно удостовериться, что все сделано как надо.

– Отмерь три часа, как можно точнее, – напомнил Мэт.

– Со всей возможной точностью, – прошептала она.

Она могла все погубить, но если он не воспользуется такой возможностью, кто тогда? В конце концов, он ведь везунчик. Может, в последнее время везение его не так бросается в глаза, но он все-таки нашел Эгинин – именно тогда, когда она была ему нужна. Мэту Коутону по-прежнему везет.

Выскользнув из комнатушки так же бесшумно, как и вошел, Мэт закрыл дверь. И язык у него присох к гортани. Прямо перед собой он увидел широкую спину седой женщины в платье с красными вставками. За ней, выпрямившись во весь рост, стояли Эгинин, рядом – Теслин, прикованная к Ринне серебристой привязью *ай'дама*. И ни следа ни Домона, ни Ситы, ни Эдесины, которую он так и не видел в глаза. Эгинин свирепо сверкала глазами, словно львица над добычей, зато Теслин, перепуганная до полной растерянности, хлопала широко открытыми глазами и дрожала, а у Ринны был такой вид, будто ее вот-вот вырвет.

Не смея дышать, Мэт осторожно шагнул к седоволосой женщине и вытянул руки. Если он одолеет ее раньше, чем она закричит, ее можно будет спрятать… Где? Сита и Ринна наверняка захотят убить ее. Неважно, чем держит их Эгинин, но эта женщина может теперь их узнать.

На миг суровый взгляд Эгинин встретился со взором Мэта поверх плеча седоволосой *сул'дам*, а потом она вновь обратила свои голубые глаза на стоявшую перед ней женщину.

– Нет! – резко сказала Эгинин. – Сейчас нет времени менять мои планы. Верховная Леди Сюрот сказала, что я могу использовать любую *дамани*, какую пожелаю, *Дер'сул'дам*.

– Конечно, миледи, – ответила седоволосая в явном замешательстве. – Просто я хотела заметить, что Тесси еще по-настоящему не обучена. Вообще-то я и пришла заглянуть к ней. Теперь ее подготовка идет очень хорошо, миледи, но…

По-прежнему не дыша, Мэт на цыпочках попятился. Он спустился по темной узкой лестнице, руками опираясь на стены и стараясь перенести на них часть своего веса. Он не помнил, скрипели ли под ногами ступени, когда он сюда поднимался, но мало ли что… Не все же на везение полагаться. На удачу надейся, а сам не плошай. Только так можно прожить подольше, а ему очень хотелось прожить долгую жизнь.

У подножия лестницы Мэт остановился, отдышался, пока не перестало бешено колотиться сердце. Вернее, пока оно слегка не поумерило свой стук. Может, оно и до завтра не перестанет колотиться. Кажется, с того мгновения, как он увидел седую женщину, он и вовсе не дышал. О Свет! Если Эгинин полагает, что взяла дело в свои руки, это, конечно, прекрасно, но все же!.. О Свет! У нее что, петли для этих двух *сул'дам* припасены?! *Ее* план? Однако насчет того, что нет времени, она права. И Мэт побежал.

Он бежал, пока бедро не пронзила острая боль, и он налетел на инкрустированный бирюзой столик. Чтобы не упасть, Мэт вцепился в гобелен, изображавший цветущий летний луг. Шелк такого обращения не выдержал, и ткань с треском оторвалась наполовину от желтого мраморного карниза. Стоявшая на столике высокая ваза опрокинулась на пол, и по красно-синим плитам брызнули осколки белого фарфора, а по коридору эхом прокатился грохот. Дальше Мэт уже заковылял. Но заковылял, как мог быстро. Если кто-то явится на шум, он не должен обнаружить Мэта Коутона, стоящего столбом над учиненным беспорядком. Его там и рядом не будет – он должен оказаться, самое меньшее, в двух коридорах от злополучного столика.

Прохромав остаток пути до покоев Тайлин, Мэт прошел через гостиную и ввалился в спальню, не сразу сообразив, что там зажжены все лампы. В камине был вновь разожжен огонь, рядом в золоченой корзине лежали аккуратно сложенные поленья. Тайлин, закинувшая руки за спину и собравшаяся расстегнуть пуговицы, подняла взгляд на возникшего на пороге Мэта и нахмурилась. Ее темно-зеленое дорожное платье было измято. Трещало пламя, в дымоход взлетали снопы искр.

– Не думал, что ты уже вернулась, – сказал Мэт, стараясь сообразить, что к чему. Вроде он все обдумал, что могло пойти не так нынче ночью, но мысль о возвращении Тайлин даже не приходила ему в голову. И способность думать теперь ему, кажется, вовсе отказала.

– Сюрот узнала об исчезновении в Муранди какой-то армии, – опустив руки, медленно ответила Тайлин. Ответила равнодушно, а это значило, что все свое внимание она переключила на Мэта Коутона. Она пристально разглядывала юношу. – Что это за армия

и как армия может исчезнуть, я не знаю, но она решила немедленно вернуться. Мы все бросили и улетели – она, я да еще женщина, которая правит этими летучими тварями. У причалов Сюрот реквизировала двух лошадей, и мы сразу прискакали сюда. А она даже не во дворец направилась, а в гостиницу на той стороне площади, где живут все ее офицеры. По-моему, спать она сегодня не собирается и им, похоже, не даст…

Замолчав, Тайлин плавной походкой, мягко ступая по коврам, приблизилась к Мэту и провела пальцем по его простой зеленой куртке.

– Беда с прирученным лисом, – тихо промолвила она, – рано или поздно, но лис вспоминает, что он все-таки лис. – Ее большие глаза словно вбирали Мэта в себя целиком, без остатка. Вдруг Тайлин схватила Мэта обеими руками за волосы и, пригнув к себе, поцеловала, да так крепко, что у него закружилась голова. – Вот так, – прерывающимся голосом прошептала она, наконец отпустив его, – я по тебе скучала. – И, ничуть не изменив выражения лица, Тайлин отвесила Мэту такую затрещину, что у него зазвенело в ушах и из глаз искры посыпались. – А это за то, что хотел улизнуть, пока меня не было. – Повернувшись к Мэту спиной, она откинула на плечо гриву волос цвета воронова крыла. – Пуговицы расстегни, мой миленький лисенок. Мы приехали так поздно, что я решила не будить своих камеристок, но из-за этих ногтей не могу справиться с пуговицами. Одна – последняя – ночь вместе, и завтра я отпущу тебя на все четыре стороны.

Мэт потер щеку. Н-да, она могла и зуб ему выбить! Ладно хоть, мысли теперь зашевелились. Если Сюрот в «Страннице», значит, в Таразинском дворце ее нет, и чего не надо, она не увидит. Удача его еще не покинула. Остается беспокоиться только о стоящей перед ним женщине. И есть лишь одна дорога – вперед.

– Я ухожу сегодня ночью, – сказал Мэт, положив ладони на плечи Тайлин. – И забираю с собой пару Айз Седай с чердака. Идем со мной. Я пошлю Тома и Джуилина найти Беслана и…

– Уйти с тобой? – не веря своим ушам, произнесла Тайлин, отодвигаясь и поворачиваясь к нему лицом. Ее гордое лицо выражало презрение. – Голубок, мне не представить себя в роли *твоей* любимицы, и у меня и в мыслях нет становиться беженкой. Или оставить Алтару на произвол того, кого выберут на мое место Шончан. Я – королева Алтары, да поможет мне Свет, и сейчас я свою страну не брошу. Ты и в самом деле намерен освободить Айз Седай? Если хочешь, желаю удачи тебе и сестрам, но, по-моему, сладкий мой, это неплохой способ насадить свою голову на копье у ворот. Слишком миленькая у тебя головка, не хочется, чтобы ее отрубили и обмазали смолой.

Мэт попытался вновь обнять ее за плечи, но Тайлин отступила, пронзив юношу взглядом, от которого у него опустились руки. И Мэт сказал со всей настойчивостью, на какую только был способен:

– Тайлин, я всех заставил думать, что скоро уйду и что хочу сбежать до твоего возвращения. Поэтому Шончан будут знать, что ты не имеешь к этому никакого отношения, но…

– Я вернулась и застала тебя врасплох, – решительно перебила его Тайлин, – и ты связал меня и засунул под кровать. Когда меня найдут утром, я буду сердита на тебя. В ярости! – Она улыбнулась, но глаза ее сверкнули огнем той самой ярости, несмотря на все, что она говорила до того о лисах и о том, что отпустит его на все четыре стороны. – И я объявлю награду за твою поимку и скажу Туон, что продам тебя ей, если у нее еще есть желание купить. В своем гневе я буду безупречной Верховной Леди. Они мне поверят, утеночек. Я уже говорила Сюрот, что собираюсь обрить голову.

Мэт слабо улыбнулся. Он-то ей верил. Если его поймают, она на самом деле его продаст. «Женщины – это погруженный в ночной мрак лабиринт в зарослях шиповника» – гласит старое присловье, и даже им самим неизвестен путь по нему.

Тайлин самолично проследила за тем, как он ее связывал. Казалось, она даже гордилась этим. Пришлось связать ее полосами, отрезанными от ее юбок, – как будто она застала его врасплох, но он ее одолел. Узлы должны быть тугими, чтобы она не смогла освободиться. И когда узлы были затянуты, Тайлин не преминула проверить их на прочность, причем дергалась так энергично, будто и впрямь хотела вырваться. Может, так оно и было; когда у нее ничего не вышло, она, скривив рот, зло зарычала. Лодыжки и запястья пришлось связать вместе и закрепить узел на пояснице, на шею накинуть петлю, второй конец которой привязать к ножке кровати – чтобы она не смогла, как бы ни извивалась, выползти в коридор. И, разумеется, на помощь она тоже не должна была позвать. Когда Мэт бережно засунул в рот Тайлин ее шелковый платок и закрепил кляп другим платком, она улыбнулась, но глаза метали яростные молнии. Лабиринт в зарослях шиповника в ночном мраке.

– Я буду скучать по тебе, – тихо промолвил Мэт, запихивая Тайлин под кровать. К своему изумлению, он понял, что и в самом деле будет скучать. О Свет! Он торопливо схватил плащ, перчатки, копье и по пути потушил все лампы. Женщины способны завести мужчину в этот лабиринт так, что он и понять этого не успеет.

В коридорах было все так же пусто, в тишине слышались только его шаги, но, когда Мэт добрался до вестибюля перед конюшенным двором, пережитое было облегчение тут же его оставило.

Одинокий стоячий светильник по-прежнему бросал дрожащие тени на гобелены с неизменными цветами, но ни Джуилина с его подружкой, ни Эгинин с остальными тут не было. За то время, что Мэт разбирался с Тайлин, они должны были успеть собраться здесь и ждать его. За галереей с колоннами ничего не было видно – ливень укрыл все плотной черной завесой. Не зашли ли они в конюшню? Похоже, Эгинин меняет планы, как и когда ей угодно.

Ворча себе под нос, Мэт набросил плащ и собрался было шагнуть под проливной дождь, чтобы заглянуть в конюшню. За сегодняшнюю ночь женщины достали его просто донельзя.

– Значит, ты все-таки хочешь уйти. Я этого не допущу, Игрушка.

С губ Мэта сорвалось ругательство, он повернулся на пятках и оказался нос к носу с Туон. Из-под прозрачной вуали на него смотрело строгое смуглое лицо. Узкий обруч, удерживавший вуаль на бритой голове, был густо усажен огневиками и жемчугом, украшенный самоцветами широкий пояс на талии девушки и длинное ожерелье на ее шее стоили целое состояние. Ну и времечко выбрал на драгоценности засматриваться, сколько бы они ни стоили!.. Что она, во имя Света, тут делает, почему не спит? Кровь и пепел, если она побежит, позовет стражу, чтобы его задержали!..

Мэт в отчаянии потянулся к тощей девчонке, но она увернулась и резким ударом выбила у него из руки *ашандарей*. У Мэта даже онемело запястье. Он думал, девушка кинется наутек, но вместо этого она обрушила на него град ударов – дубасила сжатыми кулачками, рубила ребром ладони, как топором. У Мэта были быстрые руки – как уверял старый менестрель, рук проворней он не видывал, – но сейчас Мэт успевал только отражать ее удары. Он и думать забыл, что минуту назад собирался сгрести ее в охапку. Будь на его месте кто другой, ему, может, и показалось бы смешным, что приходится защищаться изо всех сил, чтобы девчонка не сломала ему нос или еще что-нибудь – для такой крохи у нее оказались на диво сильные удары. Мэт возвышался над Туон башней, хотя и был среднего роста, однако она нападала на него с такой сосредоточенной яростью, словно была выше и сильнее и вполне могла победить. Почему-то через несколько мгновений ее полные губы растянулись в улыбке, и Мэту показалось даже, что большие прозрачные глаза ее вспыхнули от удовольствия. Чтоб ему сгореть, нашел время думать о женской красоте! Как, кстати, и самоцветы ее оценивать!

Вдруг девушка ловко отступила и поправила обеими руками драгоценный обруч, державший вуаль. Теперь ее лицо выражало вовсе не удовольствие. Оно стало сосредоточенным. Тщательно расставив ноги, ни на миг не отрывая взгляда от лица Мэта, девушка начала медленно подбирать белые плиссированные юбки, дюйм за дюймом прихватывая их складками выше колен.

Мэт не понимал, почему она до сих пор не позвала на помощь, но понял, что она собирается пнуть его ногой. Мешкать не следовало! Он кинулся к Туон, но все произошло в один миг. Боль пронзила бедро, Мэт упал на подогнувшееся колено. Туон подхватила юбки чуть ли не до пояса, и перед ним мелькнула тонкая, обтянутая белым чулком нога. Однако удар ее не достиг цели, придясь выше головы Мэта, потому что девушка вдруг оказалась в воздухе.

Оторвал девушку от пола, обхватив ее руками, никто иной, как Ноэл. Мэта его нежданное появление должно было удивить не меньше, чем удивило девушку, однако он отреагировал быстрей, чем она. Едва девушка раскрыла рот, чтобы закричать наконец, Мэт, вскочив на ноги, принялся затыкать ей рот ее же вуалью, сбив на пол драгоценный обруч. Разумеется, она оказалась не такой сговорчивой, как Тайлин. Чтобы девчонка не укусила его за руку, пришлось придерживать ей челюсть. Она сердито мычала, глаза полыхали яростью куда жарче, чем во время атаки. Туон извивалась в руках Ноэла и норовила лягнуть его, но старик, уклоняясь от бешеных пинков, умудрялся то перехватить свою ношу, то повернуться сам. И хотя был на вид довольно хилым, держал ее как будто без особого труда.

– И часто у тебя с женщинами такие неприятности? – улыбаясь щербатым ртом, негромко поинтересовался Ноэл. Он был в плаще, за спиной висел узелок с пожитками.

– Всегда, – мрачно ответил Мэт и крякнул, получив коленом по больному бедру. Ухитрившись одной рукой развязать свой шейный платок, он ценой укушенного большого пальца закрепил засунутую в рот Туон вуаль. Свет, что делать теперь с девчонкой?

– Не знаю, это ли ты планировал, – сказал Ноэл, на удивление ровно дыша, словно и не удерживал отчаянно вырывавшуюся девушку, – но я тоже, как видишь, ухожу сегодня ночью. Я собирался уйти денька через два-три, но боюсь, завтрашний день не сулит ничего приятного человеку, которого ты здесь приютил.

– Разумное решение, – пробормотал Мэт. О Свет, как же он забыл предупредить Ноэла?

Он опустился на колени и, уворачиваясь от пинков Туон – кое-какие все же достигли цели, – поймал ее ноги. Вытащил из рукава нож, надрезал платье и оторвал от подола длинную полосу, кото-

рой и связал ей лодыжки. Хорошо, что он успел попрактиковаться в этом с Тайлин. А то как-то не привык женщин связывать. Оторвав от платья вторую полосу, Мэт подхватил с пола обруч с самоцветами и встал, охнув от натуги. А потом охнул еще раз, погромче, получив от Туон последний удар, – уже двумя ногами. Боль отдалась в бедре огнем. Мэт водрузил диадему девушке на голову, и Туон взглянула ему прямо в глаза. Она перестала дергаться без толку, но испуганной не казалась. Свет, да он на ее месте обделался бы.

Затем наконец-то появился Джуилин, в плаще, полностью экипированный, с коротким мечом и зазубренным мечеломом на поясе и тонким бамбуковым посохом в руке. За его правую руку цеплялась стройная темноволосая женщина в плотном белом одеянии, которые носили на улице *да'ковале*. Она была миловидной, с пухлым ротиком, с большими темными глазами, и пугливо косилась по сторонам. Увидев Туон, она пискнула, выпустила руку Джуилина, словно обжегшись о горячую плиту, и скрючилась на полу у двери, уткнув голову в колени.

– Пришлось долго уговаривать Теру бежать, – вздохнул ловец воров, бросив на нее озабоченный взгляд. Только так он и объяснил свое опоздание, а потом обратил внимание на ношу Ноэла. Сбив на затылок свою нелепую, похожую на ведро, красную шапку, Джуилин почесал голову. – И что мы с ней будем делать? – спросил он напрямик.

– Оставим в конюшне, – ответил Мэт. Если, конечно, Ванин убедил конюхов разрешить ему и Гарнану поухаживать за лошадьми. Прежде эта часть плана не представлялась необходимой – так, еще одна мера предосторожности. Но только до этой минуты. – На сеновале. Найдут ее не раньше утра, когда станут сбрасывать в стойла свежее сено.

– А я думал, мы ее похищаем, – вздохнул Ноэл, опуская связанные ноги Туон на пол и перехватывая девушку сзади под руки. Маленькая шончанка высоко вскинула голову, словно драться было ниже ее достоинства. Даже с кляпом во рту на лице ее явственно читалось презрение. Она отказалась от сопротивления, но не потому, что борьба была безнадежной, а потому, что сама решила не сопротивляться.

В коридоре, ведущем в вестибюль, послышались шаги, стук сапог приближался. Наконец-то, Эгинин. Хотя, судя по событиям всей этой ночи, вполне могут быть и Стражи Последнего Часа. Причем огирский караул.

Мэт поспешно указал своим спутникам на темные углы, где их не могли увидеть от дверей, затем подхромал к черному копью и поднял его. Джуилин потянул Теру за руки и, поставив на ноги,

потащил налево. Она скорчилась в уголочке, а он встал перед нею, сжав обеими руками свой посох. Посох казался ненадежным оружием, но ловец воров управлялся с ним весьма ловко. Ноэл поволок Туон в противоположный угол и, держа ее одной рукой за локоть, сунул вторую руку под куртку, где носил длинные ножи. Мэт встал посреди комнаты, подняв перед собой *ашандарей*. За спиной у него чернела дождливая ночь. Вряд ли он был способен сейчас двигаться как надо, тем более что после пинков Туон бедро болело не переставая, но он был готов к худшему и, кто бы ни появился из коридора, без боя сдаваться не собирался. По крайней мере, нескольким противникам он оставит на память свои метки.

Когда в дверном проеме возникла Эгинин, Мэт с облегчением оперся на копье. За нею появились две *сул'дам*, последним шел Домон. Наконец Мэт увидел Эдесину и даже вспомнил, что как-то обратил на нее внимание во время прогулки *дамани*: стройная привлекательная женщина с длинными, до пояса, черными волосами. Несмотря на привязь *ай'дама*, тянувшуюся к запястью Ситы, Эдесина выглядела спокойной. Айз Седай на привязи, но Айз Седай, уверенная, что скоро с нее снимут ошейник. Теслин, напротив, так и дрожала от нетерпения, облизывала губы и жадно поглядывала на дверь, ведущую во двор конюшни. Ринна и Сита тоже не отрывали взора от заветной двери.

– Мне пришлось ублажать *дер'сул'дам*, – чуть ли не с порога заявила Эгинин. – Они очень беспокоятся за своих подопечных. – Заметив Джуилина и Теру, она нахмурилась; рассказывать ей о Тере не было особой причины, раз уж она взялась помогать *дамани*, но, видимо, этот сюрприз в шерстяном одеянии не пришелся ей по вкусу. – Конечно, то, что она видела Ситу и Ринну, кое-что меняет, – продолжала Эгинин, – но… – Тут ее взгляд упал на Туон с кляпом во рту, и она вдруг замолчала, словно лишившись дара речи. Ее и без того бледное лицо побелело еще больше. Туон ответила свирепым взором, в котором читалась непреклонная беспощадность палача. – О-о Свет! – хрипло произнесла Эгинин, падая на колени. – Ты, безумец! Смерть от долгих пыток ждет того, кто посмел поднять руку на Дочь Девяти Лун!

Обе *сул'дам* ахнули и без колебаний тоже хлопнулись на колени, причем не только потянули за собой обеих Айз Седай, но и, схватив за *ай'дам* у самого ошейника, заставили их уткнуться лицами в пол.

Мэт хрюкнул, как будто Туон еще раз пнула его прямо в живот. Во всяком случае, ощущение он испытал, как от хорошего пинка. Дочь Девяти Лун. Элфин сказали ему правду, как ненавистно ни было ему осознать это. Он умрет и будет жить снова, если этого

уже не случилось. Он откажется от половины света мира, чтобы спасти мир, и ему вовсе не хотелось думать, что это значит. Он женится…

– Она – моя жена, – негромко промолвил Мэт. Кто-то сдавленно охнул; Мэту показалось, что это был Домон.

– Что?! – взвизгнула Эгинин, повернув голову к нему так резко, что стянутые в хвост волосы хлестнули ее по лицу. Он никогда бы не подумал, что она *способна* визжать. – Не говори так! Ты не должен так говорить!

– А почему? – спросил он. Элфин всегда дают правильные ответы. Всегда. – Она моя жена. Ваша проклятая Дочь Девяти Лун – моя жена!

На него уставились все, кроме Джуилина, который снял шапку и уставился в нее. Домон покачал головой, Ноэл тихо рассмеялся. Эгинин обалдело раскрыла рот. Две *сул'дам* пялились на него как на буйнопомешанного, несущего полнейший бред. Туон тоже уставилась на него, но с совершенно непроницаемым выражением лица, в ее темных глазах не отражалось никаких чувств. О Свет, что он там собирался сделать? Во-первых, отправиться, пока не…

В комнату вбежала Селусия, и Мэт застонал. Неужели всем в этом проклятом дворце вздумалось прогуливаться по ночам? Домон попытался схватить Селусию, но она увернулась и проскочила мимо. Полногрудая, золотоволосая *со'джин* имела сейчас отнюдь не величавый, как обычно, вид, она заламывала руки и озиралась, как загнанный зверек.

– Простите меня, что посмела заговорить, – сказала Селусия полным страха голосом, – но то, что вы делаете, – глупость почище безрассудства. – Застонав, она кинулась к стоявшим на коленях *сул'дам*, присела между ними и положила руки им на плечи, словно надеясь обрести защиту. Взгляд ее голубых глаз беспрестанно метался по комнате. – Каковы бы ни были знамения, все еще можно исправить! Только откажитесь от своих намерений.

– Спокойней, Селусия, – миролюбиво сказал Мэт. На него она не смотрела, но он все равно старался говорить и двигаться как можно дружелюбней. Ни среди своих, ни среди чужих воспоминаний он не находил такого, которое подсказало бы, как вести себя с женщиной в истерике. Разве что спрятаться. – Никому ничего плохого не будет. Никому! Обещаю тебе. Успокойся же!

По лицу Селусии почему-то пронеслась тень ужаса, но она опустилась на колени и сложила руки на бедрах. Внезапно все ее страхи исчезли, и женщина вновь обрела прежний царственный вид.

– Я буду повиноваться вам, пока вы не сделаете моей госпоже ничего худого. А если с ней что случится, я вас убью.

Услышь Мэт подобные слова от Эгинин, они заставили бы его призадуматься. Но речи этой сдобной пышечки с круглыми щечками, хоть она и была ростом выше своей хозяйки, он сразу выбросил из головы. Свету ведомо, женщины – существа опасные, но с горничной он справиться в состоянии. И то ладно, истерика прекратилась. И почему это с женщинами такое случается?

– Вы их *обеих* на сеновале оставите, да? – спросил Ноэл.

– Нет, – ответил Мэт, глядя на Туон. Она ответила ему прямым взглядом, по-прежнему с непроницаемым выражением лица. По-мальчишески тонкая, маленькая женщина, а ему нравятся женщины с мясом на костях. Наследница шончанского трона, хотя у него от знатных женщин мурашки по спине бегают. Женщина, которая хотела его *купить*, а теперь, по всей вероятности, мечтает воткнуть ему под ребро нож. И ей суждено стать его женой. Элфин всегда дают правдивые ответы. – Мы забираем их с собой, – сказал Мэт.

Наконец на лице Туон появилось какое-то выражение. Она улыбнулась, словно вдруг узнала некий секрет. Она улыбнулась, а Мэт задрожал. О-о, Свет, как же он задрожал…

Глава 32

ДОЛЯ МУДРОСТИ

Гостиница «Золотое колесо» считалась большой и располагалась у самого Рынка Авхарин, ее длинная общая зала с потолком из балок была тесно заставлена маленькими квадратными столиками. Впрочем, даже в середине дня посетители занимали не больше пятой части столов, и обычно это были садившиеся напротив друг друга чужеземный купец и женщина в скромном наряде, чьи волосы были зачесаны наверх или собраны на затылке в узел. Эти женщины тоже были купцами или банкирами; в Фар Мэддинге торговлей и финансами занимались исключительно женщины, для мужчин на эти занятия был наложен запрет. И все чужеземцы в общей зале были мужчинами, поскольку женщин их контрагенты уводили для переговоров в Женскую Комнату. Общая зала пропахла доносившимися из кухни вкусными запахами жареной рыбы и тушеной баранины, и порой на зов посетителей к какому-нибудь столику подбегал один из слуг, что ждали, выстроившись в ряд в дальней части залы. Переговоры же купцы и банкиры вели очень тихими голосами. Даже шум дождя на улице казался громче.

– Ты уверен? – спросил Ранд, забирая помятые рисунки у слуги, которого он отвел в уголок. Слуга отличался длинным худым лицом и впалыми щеками.

– Думаю, это он, – без особой уверенности ответил тот, вытирая руки о длинный фартук с вышитыми желтыми тележными колесами. – Похож. Скоро он должен вернуться. – Слуга кинул быстрый взгляд за спину Ранда и вздохнул. – Вам лучше заказать что-нибудь выпить или придется уйти. Госпожа Галджер не любит, когда мы болтаем, а не работаем. И ей вряд ли понравится, что я рассказываю о ее постояльцах.

Ранд покосился через плечо. У выкрашенной в желтый цвет арки, ведущей в Женскую Комнату, стояла худощавая женщина с заткнутым в узел темных волос на затылке высоким костяным гребнем. По виду, с каким она оглядывала общую залу, – не то королева, обозревающая свое королевство, не то фермерша, обозревающая свои угодья, но в любом случае явно недовольная состоянием дел, – сразу было ясно, что она-то и есть хозяйка гостиницы. Когда взгляд помянутой госпожи Галджер упал на Ранда и длиннолицего слугу, она нахмурила брови.

– Подогретого вина, – сказал Ранд, отсчитав парню несколько монет – медяки за вино и серебряная марка за сведения, пусть даже те не совсем точны. Минуло больше недели, как он убил Рочайда и упустил Кисмана, и за все эти дни он сегодня впервые получил хоть какую-то ниточку, а до того все, кому он показывал рисунки, или пожимали в ответ плечами, или качали головой.

Рядом было с десяток пустых столиков, но Ранду требовалось место в углу, откуда он мог бы видеть любого входящего, оставаясь сам незамеченным, и он направился туда, лавируя меж столиков и ловя краем уха обрывки разговоров.

Высокая белокурая женщина в темно-зеленом шелковом платье качала головой, слушая приземистого мужчину в узкой куртке тирского покроя. В профиль из-за стального цвета волос она несколько смахивала на Кадсуане. Мужчина выглядел так, как будто был сложен из каменных блоков, но на его смуглом широком лице лежала печать озабоченности.

– Можете не волноваться насчет Андора, мастер Адмира, – успокаивала собеседника женщина. – Поверьте мне, андорцы будут кричать друг на друга, бряцать мечами, но дело у них до настоящего сражения никогда не дойдет. В ваших же интересах придерживаться настоящих маршрутов, по которым идут ваши товары. В Кайриэне пошлина на пятую часть больше, чем в Фар Мэддинге. Подумайте о дополнительных расходах.

Тайренец поморщился, словно уже подумал. Или же усомнился, что его интересы совпадают с интересами собеседницы.

– Я слышал, тело было все черное и раздувшееся, – говорил за другим столом иллианец в темно-синей куртке, худой, с белой бородой. – И слышал, Советницы распорядились его сжечь. – Он многозначительно приподнял брови и постучал пальцем по острому носу, придававшему ему сходство с хорьком.

– Мастер Азереос, если бы в городе была *чума*, Советницы объявили бы об этом, – спокойно отвечала сидевшая напротив него стройная женщина с двумя костяными гребнями тонкой работы в завитых волосах, привлекательная, чем-то похожая на лисичку и невозмутимая, как Айз Седай, хотя в уголках ее карих глаз таились тонкие морщинки. – Вообще-то, я предложила бы вам воздержаться от *всякой* торговли в Лугарде. В Муранди *крайне* неспокойно. Знать *никогда* не согласится с тем, что Роэдран собирает армию. И не обошлось без *Айз Седай*. Об этом, уверена, вы уже слышали. И одному Свету ведомо, что *они* собираются сделать.

Иллианец обеспокоенно поежился. В эти дни никто не чувствовал уверенности насчет того, что станут делать Айз Седай, если их намерения вообще были хоть кому-то когда-то известны.

Кандорец, с проседью в раздвоенной бородке и с крупной жемчужиной в левом ухе, подался к крупной женщине в темно-сером шелковом платье, чьи волосы были закручены в тугой узел на макушке.

– Слышал, госпожа Шимель, что Дракон Возрожденный коронован королем Иллиана. – Он нахмурился, отчего морщин на лбу прибавилось. – Принимая во внимание воззвание Белой Башни, я подумываю, не отправить ли весной в Тир караваны дорогой вдоль Эринин. Может, маршрут по Приречному Тракту и тяжелее, но рынок мехов в Иллиане не слишком хорош, и я не хочу рисковать.

Собеседница улыбнулась, слишком тонкой улыбкой для такого круглого лица.

– Мне говорили, мастер Посавина, что в Иллиане его и не видывали после того, как он принял корону. В любом случае, Башня с ним разберется, если уже не разобралась, а этим утром я получила весточку, что Тирская Твердыня осаждена. Вряд ли вы найдете там большие возможности для торговли пушниной. Или вы не согласны? Нет, в Тире не та ситуация, чтобы можно было избежать риска.

Морщины на лбу мастера Посавины стали еще глубже.

Ранд, добравшись до маленького столика в углу, бросил плащ на стул, сел спиной к стене и поднял воротник. Слуга с худым лицом принес оловянную кружку с дымящимся вином, приправленным пряностями, торопливо пробормотал слова благодарности за серебро и засеменил на зов к другому столу. В помещении, отапливаемом двумя каминами, было тепло, но если кто и мог заметить перчатки на руках Ранда, вряд ли они привлекли бы особое внимание. Не сводя взгляда с двери на улицу, Ранд притворялся, что смотрит в кружку, зажатую между ладоней.

Большая часть услышанного здесь его не слишком заинтересовала. Эти слухи до него уже доходили, а кое о чем он знал и получше, чем рассуждавшие о том люди. Илэйн, например, была бы согласна с белокурой женщиной, а она знала Андор лучше, чем кто-то из купчих Фар Мэддинга. Впрочем, осада Твердыни – что-то новенькое. Хотя ему незачем волноваться из-за осады. Твердыню никому взять не удавалось, кроме него, и он знал, что Аланна где-то в Тире. Он почувствовал, как она перенеслась откуда-то чуть севернее Фар Мэддинга еще дальше на север, а потом, днем позже, оказалась где-то далеко на юго-востоке. Аланна находилась далеко от Ранда, и он не мог определить, то ли она в Хаддонском Сумрачье, то ли в столице Тира, однако был уверен, что она в одном из этих мест, вместе с четырьмя сестрами, которым он мог доверять. Если Мерана с Рафелой сумели добиться от

Морского Народа того, чего хотел Ранд, то смогут и с тайренцами договориться. К тому же Рафела родом из Тира, и это должно помочь. Нет, мир еще некоторое время обойдется без него.

С улицы вошел высокий мужчина, закутанный в длинный промокший плащ, лицо его скрывал капюшон. Ранд проводил его взглядом до лестницы в глубине общей залы. Поднимаясь, мужчина откинул капюшон, открыв бледное лицо и венчик седых волос. Он не мог быть тем человеком, о котором говорил слуга. Никто, у кого есть глаза, не спутал бы его с Пералом Торвалом.

Ранд вновь принялся разглядывать вино в кружке, и мысли его становились все безрадостней. Мин с Найнив отказались топтать улицы, по выражению Мин, лишний час, и он подозревал, что Аливия только делает вид, что показывает рисунки. Хорошо, если вообще их достает. Они втроем отправились на весь день за город, на холмы, как определил Ранд благодаря узам Мин. Девушка чем-то была очень взволнована. Все три женщины полагали, что Кисман сбежал, не сумев убить Ранда, а остальные изменники либо ушли вместе с ним, либо и вовсе не появлялись в Фар Мэддинге. Все они теперь уговаривали его уйти через несколько дней. Ладно, хоть Лан не сдавался.

А почему женщины не могут оказаться правы? – жарко зашептал у него в голове Льюс Тэрин. *Этот город хуже тюрьмы. Здесь нет Источника! Зачем им оставаться? Зачем? Тут не место любому в здравом уме! Мы могли бы ускакать прочь, за барьер, на денек, на несколько часов. Свет, всего лишь на несколько часов!* Голос дико, безудержно захохотал. *О Свет, почему у меня в голове безумец? Почему? Почему?*

Ранд сердито загнал Льюса Тэрина поглубже, приглушив его голос до невнятного бормотания, – как будто мошка-кусименя надоедливо гудит над ухом. Он в самом деле подумывал, не поехать ли вместе с женщинами, хотя бы для того, чтобы почувствовать Источник, однако с энтузиазмом к этой идее отнеслась только Мин. Найнив и Аливия не признались, с чего им вздумалось отправиться на прогулку, когда небо с утра обещало дождь, который и льет сейчас, как из ведра. И уезжали они уже не в первый раз. Как подозревал Ранд, чтобы ощутить Источник. Чтобы вновь припасть к Единой Силе, пусть и ненадолго. Что ж, он потерпит еще немного отсутствие способности направлять. Он выдержит без Источника. Сможет! И должен выдержать – чтобы убить тех, кто пытался убить его.

Это не причина! – выкрикнул Льюс Тэрин, преодолев попытки Ранда заткнуть его. *Ты боишься! Если болезнь накинется на тебя, когда ты попытаешься воспользоваться отпирающим тер'ангриалом, он может убить тебя, а то и хуже! Он может убить всех*

нас! – застонал он.

Вино выплеснулось Ранду на запястье, замочив рукав, и он расслабил стискивавшие кружку пальцы. Кружку ему подали уже помятую, вряд ли он испортил ее еще больше. Он не боится! Он не впустит в свою душу страх. Свет, но в конце концов он должен умереть. Он принял свою судьбу.

Они пытались убить меня, и я хочу, чтобы умерли они, подумал Ранд. *Если на это потребуется немного времени, что ж, может, болезнь к тому времени и минет. Чтоб тебе сгореть, я должен дожить до Последней Битвы.* Льюс Тэрин разразился в ответ совсем уж диким смехом.

Покачиваясь, появился другой мужчина – этот прошел через дверь, ведущую на конюшенный двор, почти у самого подножия лестницы в глубине общей залы. Стряхнув с плаща дождевые капли, он откинул капюшон и широким шагом двинулся в сторону Женской Комнаты. Презрительно сжатым ртом, острым носом и высокомерным взглядом, которым он скользнул по людям за столиками, мужчина напоминал Торвала, только старше на двадцать лет и на тридцать фунтов тяжелее. Заглянув в желтую арку, он громко произнес высоким чопорным голосом с явственным иллианским акцентом:

– Госпожа Галджер, утром я уезжаю. Еще до света, поэтому за завтрашний день платить не буду, не забудьте!

Торвал был тарабонцем.

Подхватив плащ, Ранд оставил кружку с вином на столе и ушел, не оглядываясь.

Дневное небо было серым и стылым, и дождь лил почти с той же силой. Порывистый ветер с озера, который сек лицо холодными каплями, как ледяной крупой, прогнал с городских улиц почти всех. Ранд одной рукой прихватил полы плаща, следя как за тем, чтобы не намокли рисунки в кармане куртки, так и за тем, чтобы не промокнуть самому, а второй рукой придерживал капюшон от ветра. Мимо пронесли одинокий портшез, мокрые волосы носильщиков липли к их спинам, сапоги шлепали по лужам на мостовой. Лишь редкие прохожие брели по улице, кутаясь в плащи. Оставалось совсем немного светлых часов, если их можно было назвать таковыми, но Ранд миновал гостиницу «Сердце Равнины», не заходя в нее, а затем прошел и «Три леди Маредо». Он твердил себе, что идет дождь. Не та погода, чтобы гулять от гостиницы к гостинице. Но понимал, что обманывает себя.

Шедшая по улице низкорослая коренастая женщина в темном плаще вдруг направилась к нему. Когда она остановилась и подняла голову, Ранд узнал Верин.

– Значит, ты все же здесь, – сказала она. Верин как будто не замечала холодных дождевых капель, падавших на ее запрокинутое лицо. – Содержательница твоей гостиницы предположила, что ты собрался пройтись к площади Авхарин, но уверена в том не была. Боюсь, госпожу Кини не слишком интересует, когда приходят и уходят постояльцы. И вот я здесь, и туфли у меня насквозь промокли, да и чулки заодно. Девчонкой я любила гулять под дождем, но, кажется, с возрастом это занятие как-то утратило для меня свое очарование.

– Тебя послала Кадсуане? – спросил Ранд, стараясь скрыть вспыхнувшую надежду. После ухода Аланны он не стал съезжать из «Головы Советницы», чтобы Кадсуане смогла его найти. Вряд ли ей понравилось бы бегать за ним по всем гостиницам. Тем более что она и не выказывала никакого намерения его искать.

– О нет, она бы не стала этого делать. – Верин, похоже, удивило такое предположение. – Просто я подумала, что ты захочешь услышать новости. Кадсуане отправилась на верховую прогулку вместе с девушками. – Она задумчиво нахмурилась, склонила голову набок. – Хотя, полагаю, мне не стоило бы называть Аливию девушкой. Интригующая женщина. К несчастью, слишком старая, чтобы стать послушницей… Да, к великому сожалению. Она с жадностью впитывает все, чему ее учат. Думаю, ей наверняка известно почти все, что имеет отношение к уничтожению при помощи Силы, но об остальном она мало что знает.

Ранд потянул Верин в сторону, где над одноэтажным каменным домом нависал большой карниз, дававший какое-никакое укрытие хотя бы от дождя, если не от ветра. Кадсуане уехала с Мин и остальными? Это могло ничего не значить. Он и раньше знал, что Айз Седай проявляют неподдельный интерес к Найнив, а если верить Мин, Аливия даже превосходит ту в Силе.

– Что за новости, Верин? – тихо спросил Ранд.

Маленькая кругленькая Айз Седай заморгала, словно забыла, о каких новостях собиралась сказать, потом вдруг улыбнулась.

– Ах, да. Шончан. Они в Иллиане. Нет, пока еще не в городе, не бледней так! Но они пересекли границу. Возводят укрепленные лагеря вдоль побережья и дальше в глубь страны. Я мало разбираюсь в военных вопросах. Когда изучала историю, всегда пропускала страницы с описаниями битв. Но сдается мне, в столице они или нет, нацеливаются они именно на нее. Кажется, ваши сражения их продвижение не очень-то замедлили. Вот почему я не читаю про битвы. Как видно, в перспективе они редко что меняют, если только ненадолго. Ты что, нездоров?

Ранд заставил себя открыть глаза. Верин всматривалась в него снизу вверх, склонив голову набок, похожая на пухленького воро-

бышка. Столько сражений, столько погибших людей, тех, кого он убил, – и ничего не изменилось. Ничего!

Она не права, пробормотал Льюс Тэрин. *Битвы могут изменить ход истории.* Но доволен этим он явно не был. *Вся беда в том, что иногда нельзя сказать, как изменится история, пока не станет слишком поздно*.

– Верин, если я пойду к Кадсуане, станет она говорить со мной? Не о моих манерах, которые ей не нравятся, а о другом? Другое, кажется, ее не волнует.

– О, неужели? Боюсь, Ранд, в некоторых отношениях Кадсуане крайне привержена традициям. Вообще-то я никогда не слышала, чтобы она называла мужчину бесцеремонным, но… – В задумчивости она на несколько секунд приложила кончики пальцев к губам, потом кивнула. По лицу ее скатывались капли дождя. – Думаю, она выслушает тебя, если ты исправишь впечатление, которое на нее произвел. Или обелишь себя хоть отчасти. Титулы и короны, Ранд, мало на кого из сестер производят впечатление, а на Кадсуане, насколько я знаю, менее всего. Куда больше ее интересует, умен человек или глуп. Если докажешь, что ты не дурак, она тебя выслушает.

– Тогда скажи ей… – Ранд сделал глубокий вдох. Свет, ему хотелось придушить Кисмана и Дашиву, и всех остальных голыми руками! – Скажи ей, что завтра я покидаю Фар Мэддинг и надеюсь, что она отправится со мной в качестве советчицы. – Льюс Тэрин облегченно вздохнул при первых словах Ранда; он был больше чем голос, потому что Ранд явственно почувствовал, как далее тот напрягся. – Скажи, что я принимаю ее условия. Я извиняюсь за свое поведение в Кайриэне и в будущем приложу все силы, чтобы следить за своими манерами.

Сказанное нисколько не вывело его из себя. Разве что несколько прибавило раздражения. Но Кадсуане ему нужна, если только Мин не ошибается, а Мин в своих видениях никогда не ошибалась.

– Значит, ты нашел то, что ищешь здесь? – Ранд, нахмурившись посмотрел на Верин, и она улыбнулась в ответ и похлопала его по руке. – Если бы ты заявился в Фар Мэддинг в надежде завоевать город, заявив, кто ты такой, то убрался бы отсюда восвояси, как только понял, что здесь ты не способен направлять Силу. Из чего следует, что ты что-то ищешь. Или кого-то.

– Может, и нашел, что нужно, – отрезал он. Нашел – правда, не то, что хотел.

– Тогда, Ранд, приходи этим вечером во дворец Барсалла, это на Круче. Любой расскажет, как его найти. Я в самом деле уверена, что она охотно выслушает тебя. – Поправив плащ, Верин словно

только сейчас заметила, что плотная шерстяная ткань промокла. – Ого! Мне нужно обсохнуть. Да и тебе, думаю, не помешает. – Она повернулась, собираясь уйти, потом замешкалась и оглянулась на Ранда через плечо. Темные глаза не мигали. Вдруг голос ее зазвучал необычно сдержанно и настойчиво: – Ты мог бы поступить гораздо хуже, чем взять Кадсуане в советчицы, Ранд, но сомневаюсь, что можно придумать что-то лучше. Если она согласится и если ты и вправду не дурак, слушайся ее советов.

И Верин двинулась сквозь дождь, напоминая своей плавной походкой маленького лебедя.

Временами эта женщина меня пугает, пробормотал Льюс Тэрин, и Ранд кивнул. Кадсуане его не пугала, но заставляла относиться к ней с настороженностью. Любая Айз Седай, не давшая ему клятвы верности, вызывала настороженность. Не считая Найнив. Но и в ней Ранд не всегда был уверен.

Пока Ранд прошел две мили до гостиницы «Голова Советницы», дождь затих, зато усилился ветер, и под его напором вывеска, которая изображала сурового вида женщину в усыпанной самоцветами диадеме Первой Советницы, с громким скрипом раскачивалась на петлях. Общая зала гостиницы уступала размерами зале «Золотого Колеса», но стенные панели ее были украшены резьбой и отполированы, а столики под красными потолочными балками стояли не так тесно. Дверь в Женскую Комнату тоже была выкрашена в красный цвет, резьба на ней напоминала причудливые кружева. Резными были и полки над каминами из светлого мрамора. Слуги в «Голове Советницы» закалывали волосы отполированными до блеска серебряными заколками. На виду, у двери в кухню, стояли только двое из них, но и за столиками сидело всего три человека. Иноземные купцы держались подальше друг от друга, интересовало их как будто исключительно подогретое вино. Возможно, то были конкуренты, судя по хмурым взглядам, какими они изредка окидывали друг друга. Один, седой мужчина, был в темно-серой шелковой куртке, в ухе другого, худощавого с суровым лицом, сверкал красный камень размером с голубиное яйцо. В «Голове Советницы» обычно останавливались чужеземные купцы из самых богатых, а таковых ныне в Фар Мэддинге было не много.

Когда Ранд вошел, раздался негромкий звон маленьких колокольчиков; часы на каминной полке в Женской Комнате – как говорила Мин, они были в серебряном корпусе, – отбили час. Он еще не успел отряхнуть плащ, как появился Лан. Страж, встретившись с Рандом взглядом, покачал головой. Что ж, вообще-то Ранд и не рассчитывал на успех проведенных таким образом поисков. Даже для *та'верена* подобное казалось невозможным.

С кубками горячего вина в руках они расположились на длинной красной скамье перед одним из каминов, и Ранд рассказал Лану, что он решил и почему. Почему – лишь отчасти. Только самое важное.

– Окажись они сию минуту у меня в руках, я бы убил их и попытался сбежать, но если их убить, это ничего не изменит. Во всяком случае, толку от этого будет немного, – поправился он, насупившись и глядя в огонь. – Можно проторчать тут еще день, надеясь отыскать их завтра, и провести так не одну неделю. Несколько месяцев. Только мир не будет меня дожидаться. Я рассчитывал к этому времени уже расправиться с ними, но события опередили мои расчеты. И это только те события, о которых я знаю. Свет, что же еще случилось, чего я не знаю, потому что не слышал, чтобы об этом говорили за вином купцы?

– Обо всем знать невозможно, – тихо сказал Лан, – а часть известного всегда оказывается ложью. Возможно, даже самая важная часть. В том, чтобы понять это, и есть некая доля мудрости. И доля храбрости – в том, чтобы продолжать делать свое дело.

Ранд вытянул ноги к огню.

– Найнив тебе сказала, что они взяли в компанию Кадсуане? Сейчас они все вместе на верховой прогулке. – Скорей всего, уже обратно повернули. Ранд чувствовал, что Мин приближается. Ждать недолго. Она по-прежнему чем-то возбуждена, но это чувство угасает, едва нахлынув, как будто девушка старается сдержать волнение.

Лан улыбнулся, что бывало редко в отсутствии Найнив. Впрочем, до глаз его улыбка не добралась.

– Она запретила рассказывать тебе, но поскольку ты уже знаешь… Она и Мин убедили Аливию, что если они сами заинтересуют Кадсуане, может, у них получится привести ее к тебе. Отыскали, где она остановилась, и попросили поучить их. – Улыбка пропала, и лицо сразу стало каменным. – Моя жена ради тебя пошла на жертву, овечий пастух, – тихо произнес Лан. – Надеюсь, ты этого не забудешь. О многом она умолчала, но, по-моему, Кадсуане обращается с нею, как будто она до сих пор Принятая, если не послушница. Ты знаешь, как тяжело Найнив сносить подобное обращение.

– Кадсуане со всеми обращается так, словно они послушницы, – пробормотал Ранд. Бесцеремонный и кичливый? Свет, да как ему вести себя с этакой женщиной? И все же он должен отыскать способ. Ранд с Ланом сидели в молчании, глядя в огонь, пока от подошв сапог, подставленных к самому пламени, не повалил пар.

Благодаря узам Ранд повернулся вовремя, чтобы увидеть, как в дверях, ведущих на конюшенный двор, появилась Найнив, а за

нею – Мин с Аливией. Они отряхивали плащи и оправляли дорожные платья, недовольно морщась из-за влажных пятен, как будто полагали остаться сухими в такую погоду. Как обычно, Найнив была при своем украшенном драгоценными камнями *тер'ангриале*, при поясе и ожерелье, при браслетах и перстнях, и том странном *ан'гриале* в виде соединенного цепочками браслета с кольцами.

Мин, прихорашиваясь, взглянула на Ранда и улыбнулась, вовсе не удивленная, конечно, что видит его тут. По узам доносилось тепло, как от ласкового прикосновения, хотя она попрежнему старалась подавить свое волнение. Двум другим женщинам потребовалось больше времени, чтобы заметить Ранда и Лана, но, увидев их, они отдали плащи слуге, чтобы тот отнес их в комнаты, и, присоединившись к мужчинам у камина, протянули к огню озябшие руки.

– Вам понравилась прогулка? Под дождем и с Кадсуане? – спросил Ранд, поднеся чашу ко рту и глотнув сладковатого вина.

Мин резко обернулась к нему, узы донесли колючки вины, однако лицо ее выразило крайнее возмущение. Он чуть не поперхнулся вином. Так это *его* вина, что они встречаются с Кадсуане у него за спиной?

– Не надо так смотреть на Лана, Найнив, – промолвил Ранд, когда сумел заговорить. – Мне Верин сказала. – Найнив перевела свой сердитый взор на него, и он покачал головой. Ранд слышал, что женщины склонны всегда считать виноватым мужчину – в чем бы то ни было, – и, кажется, порой действительно в это верят! – Я прошу прощения за все, что вам пришлось испытать от Кадсуане из-за моего поведения, – продолжил Ранд, – но этого больше не нужно. Я попросил ее быть моей советчицей. Точнее, я попросил Верин передать, что хочу попросить ее об этом. Сегодня вечером. Если повезет, завтра она отправится с нами.

Ранд ожидал восклицаний, удивленных или облегченных, но не того, что последовало.

– Необыкновенная женщина эта Кадсуане, – с хрипотцой в голосе промолвила Аливия, поправляя свои золотистые, с нитями седины волосы. Ее медлительная речь выдавала ее потрясение. – Строгая наставница, многому способна научить.

– Иногда ты способен увидеть лес, болван шерстеголовый, только нужно тебя ткнуть в деревья носом, – сказала Мин, скрестив руки на груди. Узы донесли одобрение, и Ранд подумал, что одобряет она вовсе не его решение отказаться от розыска изменников. – Вспомни, она ведь хотела, чтобы ты извинился за Кайриэн. Думай о ней, как о своей тетушке, которая не желает мириться со всяким сумасбродством. И все пойдет на лад.

– Кадсуане не так плоха, как кажется. – Найнив хмуро глянула на остальных двух женщин, рука ее дернулась к перекинутой через плечо косе. – Вовсе не плоха! Мы уладим наши… разногласия… со временем. Дайте нам только время. Немножко.

Ранд переглянулся с Ланом, тот слегка пожал плечами и сделал еще глоток вина. Ранд медленно выдохнул. У Найнив с Кадсуане – разногласия, которые они со временем преодолеют, Мин видит в ней строгую тетушку, а Аливия – требовательную наставницу. В первом случае, насколько он знает Найнив, должны искры во все стороны разлетаться, пока что-то уладится, а уж в последних двух… Но выбора у него нет. Ранд глотнул еще вина.

Люди за столиками были далеко и не могли ничего слышать, однако Найнив понизила голос и наклонилась к Ранду.

– Кадсуане показала мне, что делают два моих *тер'ангриала*, – зашептала она с горящими глазами. – Готова поспорить: украшения, которые она носит, – тоже *тер'ангриалы*. Мои она распознала сразу, как только к ним прикоснулась. – Улыбнувшись, Найнив потрогала большим пальцем одно из трех колец на правой руке, с бледно-зеленым камнем. – Я знала, этот вот, если его надеть, определяет, что кто-то направляет *саидар* в пределах трех миль от меня, но она сказала, что он и *саидин* обнаруживает. Кажется, она считает, что он должен указывать и направление, но как именно, мы определить не сумели.

Повернувшись от камина, Аливия громко хмыкнула, но, заговорив, тоже понизила голос.

– И ты была довольна, что она не может подсказать. Я по твоему лицу видела. Как ты можешь радоваться неведению?

– А так, потому что и *она* всего не знает, – проворчала Найнив, сердито глянув через плечо на Аливию, но улыбка тут же вернулась на ее лицо. – А самое важное, Ранд, вот это, – она положила ладони на украшенный драгоценными камнями тонкий поясок у себя на талии. – Она назвала его «Колодезь». – Ранд вздрогнул, когда что-то мазнуло его по лицу, а она хихикнула. Найнив – подумать только – хихикнула! – Это и вправду колодец, – засмеялась она прижав пальцы ко рту, – или бочка. И полный *саидар*. Не очень глубокий, но все, что мне нужно сделать, чтобы его наполнить – обнять *саидар* через него, как будто это *ангриал*. Разве не чудесно?

– Чудесно, – согласился Ранд без особого восторга. Значит, Кадсуане разгуливает с *тер'ангриалами* в прическе, и, весьма вероятно, среди них – один из этих «колодезей», иначе она не определила бы сущность пояса Найнив. О Свет, он-то думал, никто *никогда* не находил *тер'ангриалов*, которые действуют одинаково. Встреча с Кадсуане сегодня вечером и так предстоит нелегкая, а

теперь он знает, что она способна направлять даже в этом городе.

Ранд собирался попросить Мин пойти с ним, когда к ней подбежала госпожа Кини; ее седые волосы были так туго собраны в узел на макушке, словно она хотела стянуть кожу с лица. Хозяйка окинула Ранда и Лана подозрительным неодобрительным взглядом, пожевала губами, как будто соображая, что они еще натворили. Точно такими же взглядами, как успел подметить Ранд, госпожа Кини одаривала останавливавшихся у нее в гостинице купцов. Мужского пола, во всяком случае. Не будь ее комнаты столь удобны и хорошо обставлены, а еда – превосходной, у нее могло бы и не быть постояльцев.

– Это передали сегодня утром для вашего мужа, госпожа Фаршав, – сказала хозяйка гостиницы и вручила Мин письмо, запечатанное бесформенной нашлепкой красного воска. Потом госпожа Кини вздернула остренький подбородок. – Еще его спрашивала какая-то женщина.

– Верин, – быстро сказал Ранд, чтобы предупредить вопросы и отделаться от хозяйки. Кто знал, куда послать ему письмо? Кадсуане? Один из Аша'манов с нею? Может, кто-то из сестер? Он хмурым взглядом впился в сложенный листок в руке Мин, с нетерпением ожидая, когда уйдет госпожа Кини.

Губы Мин дернулись, она старательно избегала смотреть на Ранда, поэтому ему не составило труда понять, что она улыбается. По узам просочилось веселье.

– Благодарю вас, госпожа Кини. Верин – это друг.

Острый подбородок вскинулся еще выше.

– Если спросите меня, госпожа Фаршав, я скажу, что когда у тебя симпатичный муж, нужно и подруг своих опасаться.

Хозяйка зашагала обратно к красной арке, а Мин смотрела ей вслед, и в глазах ее прыгали смешливые искорки. Эти же искорки долетали до Ранда по узам. Девушка изо всех сил старалась не рассмеяться. Вместо того чтобы отдать послание Ранду, она взломала печать большим пальцем и сама развернула письмо, как будто была родом из этого сумасшедшего города.

Читая, Мин только слегка нахмурила брови, и предупредила Ранда лишь короткая вспышка ее чувств в узах. Смяв листок, она повернулась к камину; ему пришлось вскочить со скамьи, чтобы успеть выхватить письмо из ее руки за миг до того, как оно полетело в огонь.

– Не валяй дурака, – сказала Мин, поймав Ранда за запястье. Она пристально смотрела на него снизу вверх очень серьезными темными глазами. Узы донесли до него напряженную решимость. – Пожалуйста, не будь дураком.

– Я пообещал Верин, что не буду, – сказал он, но Мин не улыбнулась.

Ранд разгладил листок. Послание было написано тонким неразборчивым почерком, которого он не узнал. Подпись отсутствовала.

* * *

Я знаю, кто ты такой, и желаю тебе добра, но я также желаю, чтобы ты покинул Фар Мэддинг. Дракон Возрожденный оставляет смерть и разрушение там, где ступает его нога. И теперь я знаю также, зачем ты здесь. Ты убил Рочайда, и Кисман тоже мертв. Торвал и Гедвин снимают верхний этаж над сапожником по имени Зерам, в доме на улице Синего Карпа, рядом с Иллианскими Воротами. Убей их и уходи. Покинь Фар Мэддинг с миром.

* * *

Часы в Женской Комнате отбили еще один час. Время шло – все меньше светлых часов, все ближе встреча с Кадсуане.

Глава 33

УЛИЦА СИНЕГО КАРПА

Мин сидела на кровати, скрестив ноги – не слишком удобная поза, когда ты не в штанах, а в дорожном платье, – и вертела между пальцев один из своих ножей. Совершенно бесполезное умение, как говаривал Том, но порой мелькающий в руке нож приковывал людские взгляды и, не требуя больших усилий, заставлял обращать на себя внимание. Ранд стоял в центре комнаты и, держа в руках меч в ножнах, внимательно разглядывал разрезы, сделанные им в узах мира. На девушку он вообще не обращал внимания. Драконовы головы на тыльных сторонах его запястий отливали алым металлом и золотом.

– Ты же сам признаешь, что это ловушка, – рычала девушка. – Лан с этим согласен. Даже у слепого козла в Селейзине хватает мозгов, чтобы не лезть в капкан! «Только дураки целуются с осами или кусают огонь!» – процитировала она.

– Капкан – не капкан, если знаешь, где его поставили, – отсутствующим тоном заметил Ранд, аккуратно подправляя один из разрезанных шнуров, чтобы кончики легли ровно. – Если знаешь, где ловушка, ее можно обойти, и значит, это уже не ловушка.

Мин со всей силы метнула нож. Он пролетел мимо головы Ранда и вонзился в дверь. Девушка вздрогнула, припомнив последний раз, когда она так сделала. Что ж, сейчас она не лежит, обнимая его, и Кадсуане, что еще хуже, вряд ли сюда зайдет. Чтоб сгореть этому мужлану – когда у Ранда перед носом пролетел нож, застывший узел чувств у нее в голове даже не дрогнул, даже удивления не мелькнуло!

– Если только увидишь Гедвина и Торвала, знай, что и остальные поблизости, прячутся где-то. Свет, да они могут посадить в засаду полсотни наемных мечей!

– В Фар Мэддинге? – Ранд поднял взгляд, посмотрел на торчавший в двери нож, но лишь покачал головой и вновь принялся рассматривать узы мира. – Сомневаюсь, Мин, что во всем городе есть хотя бы пара наемников. Поверь мне, я не хочу, чтобы меня убили. Я и близко к ловушке не подойду, если не пойму, как из нее выскочить и не попасться.

Да в нем страха не больше, чем в булыжнике! И благоразумия столько же. Он не хочет, чтобы его убили, – как будто кто-то хочет!

Мин неловко поднялась с кровати, открыла прикроватный столик и вытащила оттуда ремень – они лежали у госпожи Кини в

каждом номере, даже когда она сдавала комнаты чужеземцам. Ремень был длиной с руку Мин и шириной в ладонь, с деревянной ручкой, и конец его разделялся на три хвоста.

– Может, если я угощу тебя этим, ты почуешь наконец, что у тебя перед носом! – крикнула она.

В этот момент и вошли Найнив с Ланом и Аливия. Найнив и Лан были в плащах, на бедре у Лана висел меч. Найнив сняла все украшения, оставив только унизанный самоцветами браслет и тот пояс, Колодезь. Лан тихо прикрыл дверь. Найнив и Аливия встали, уставившись на Мин, замахнувшуюся ремнем.

Девушка тут же уронила сей необычный предмет на цветастый ковер и быстрым движением ноги отправила под кровать.

– Не пойму, Найнив, почему ты разрешаешь Лану так поступать, – сказала Мин самым твердым своим тоном. Правда, не особенно он был сейчас и тверд. И что у людей за манера *всегда* входить в самое неподходящее время?

– Иногда сестра должна полагаться на суждения своего Стража, – невозмутимо ответила Найнив, натягивая перчатки. На лице у нее отражалось не больше чувств, чем на личике фарфоровой куклы. Да, она была Айз Седай с головы до пят.

Он же не твой Страж, а твой муж, хотелось сказать Мин, *и уж сама-то ты не отпустила его одного, идешь с ним вместе. Не знаю, женится ли на мне мой Страж, но он пригрозил, что свяжет меня, коли я попытаюсь за ним увязаться!* Правда, она не слишком-то настаивала. Если он хочет быть гусаком-недоумком, попытаться спасти его можно и не тыкая ни в кого ножом.

– Если мы собрались этим заняться, овечий пастух, – мрачно заметил Лан, – лучше поспешить, пока еще светло.

Его голубые глаза были холоднее обычного, взгляд был тверд, как полированный камень. Найнив бросила на Лана встревоженный взор, который чуть не заставил Мин ее пожалеть. Самую малость.

Ранд застегнул поверх куртки ремень с мечом, потом набросил на спину плащ с капюшоном и повернулся к Мин. Лицо его было твердым, как у Лана, и так же холодны были серо-голубые глаза, но стылый камень у нее в голове заискрился вдруг ослепительными золотыми жилами. Ей захотелось запустить руки в его выкрашенные в черный цвет волосы, что отросли почти до плеч, и крепко поцеловать – и плевать, сколько народу на них смотрит. Вместо этого Мин скрестила руки на груди и вздернула подбородок, ясно давая понять, что относится к его затее крайне неодобрительно. Она тоже не намерена погибать тут ради него и не позволит ему думать, что его упрямство заставит ее уступить.

Ранд не сделал и попытки обнять Мин. Кивнув, как будто и впрямь все понял, он взял с маленького столика у двери перчатки.

– Мин, я вернусь как можно раньше. Потом мы отправимся к Кадсуане.

Золотые жилы продолжали светиться, даже когда Ранд вышел из комнаты. Лан последовал за ним.

Найнив помедлила, придерживая дверь.

– Мин, я пригляжу за ними обоими. Аливия, останься, пожалуйста, с нею и не дай натворить никаких глупостей. – Она казалась воплощением холодной, величавой невозмутимости Айз Седай. Пока не выглянула в коридор. – Чтоб им сгореть! – вскрикнула она. – Уходят!

И Найнив припустила бегом, так и не закрыв дверь.

Ее затворила Аливия.

– Давай, Мин, поиграем, и время быстрее пролетит. – Пройдя через комнату, она села на табурет перед камином и достала из поясного кошеля веревочку. – В кошкину колыбельку?

– Нет, Аливия, спасибо, – сказала Мин, покачав головой, – в голосе шончанки слышалось слишком большое желание. Возможно, Ранда и устраивала будущая роль Аливии, но Мин поставила себе задачу побольше узнать о ней и была поражена тем, что ей открылось. Бывшая *дамани* была взрослой женщиной, с виду средних лет, строгой, вспыльчивой и даже грозной. Она определенно нагнала страху на Найнив. Найнив редко кому говорила «пожалуйста», кроме Аливии. Но ее превратили в *дамани* в четырнадцать лет, и пристрастие к детским играм было не единственной ее странностью.

Мин пожалела, что в комнате нет часов, хотя гостиница, в которой имелись бы в каждой комнате часы, могла предназначаться, по ее представлению, разве что для королев и королей. Расхаживая взад-вперед под бдительным приглядом Аливии, девушка мысленно отсчитывала секунды, давая время Ранду и его спутникам отойти от гостиницы достаточно далеко, чтобы потерять здание из виду. И когда решила, что пора, достала из гардероба свой плащ.

Аливия кинулась к двери и, подбоченясь, загородила ее. В выражении ее лица не было ничего детского.

– За ними ты не пойдешь, – с тягучим выговором, но решительно произнесла она. – Ни к чему хорошему это не приведет, и я тебя не выпущу.

И Мин вспомнила свою тетушку Рану, хотя Аливия не походила на ту ни цветом голубых глаз, ни оттенком золотистых волос: тетушка, кажется, всегда знала, когда Мин делала что-то не то, и

принимала меры, дабы впредь учинить подобное племяннице и в голову не приходило.

– Ты помнишь наши разговоры о мужчинах, Аливия? – Та залилась яркой краской, и Мин поспешила добавить: – Я имею в виду о том, что они не всегда думают головой. – Может, на свете и немало женщин, которые ничего не знают о мужчинах, но до встречи с Аливией Мин такие не встречались. Вот уж кто не знал о них ничегошеньки! – Без меня Ранд попадет в беду еще большую. Лично я отправляюсь искать Кадсуане, и если ты попробуешь меня остановить… – Девушка подняла сжатый кулак.

Аливия, нахмурясь, долго смотрела на Мин. Наконец сказала:

– Дай я возьму плащ, и мы пойдем вместе.

* * *

На улице Синего Карпа не видно было ни портшезов, ни ливрейных лакеев, и по этому узкому, извилистому проходу между зданиями не проехал бы ни один экипаж. Вдоль улицы тянулись крытые шифером каменные лавки и дома, большей частью двухэтажные, плотно зажатые соседями, лишь кое-где между ними темнел небольшой переулочек. Мостовая блестела после дождя, холодный ветер норовил сорвать с Ранда плащ, но на улицах снова появились люди, спешившие по своим делам. Трое солдат Уличной Стражи, один с ловчим шестом на плече, замедлили шаг, глядя на меч Ранда, а потом двинулись дальше. Неподалеку, на другой стороне улицы возвышалось на целых три этажа, не считая чердака под остроконечной крышей, здание, где находилась сапожная мастерская Зерама.

Костлявый человечек со скошенным подбородком бросил Рандову монетку в кошель и наколол на тоненькую лучинку мясной пирожок с поджаристой корочкой. На тележке разносчика под решеткой дышали жаром уголья. Лицо его испещряли морщины, темная куртка была поношена, а длинные седые волосы прихвачены кожаным шнуром. Продавец бросил быстрый взгляд на меч Ранда и тут же отвел глаза.

– А почему вы спрашиваете о сапожнике? Вот вам, пожалуйста, превосходная баранина, – он широко ухмыльнулся, и его маленький подбородок совсем исчез, а глаза вдруг забегали. – Сама Первая Советница лучше не едала.

Когда я был мальчишкой, тогда тоже были пирожки с мясом. Расстегаи назывались, пробормотал Льюс Тэрин. *Мы покупали их за городом и…*

Перекидывая пирожок из руки в руку и чувствуя жар даже сквозь перчатки, Ранд отогнал голос Льюса Тэрина.

– Я не прочь знать, какому человеку заказываю тачать сапоги. А если он, к примеру, чужеземцев не любит? Вряд ли он тогда выполнит заказ на совесть.

– Да, госпожа, – сказал торговец, кланяясь невысокой седой женщине и глядя на нее искоса. Завернув в кусок грубой бумаги четыре пирожка, он протянул ей кулек и только потом взял деньги. – Пожалуйста, госпожа. Да осияет вас Свет. – Покупательница, не сказав ни слова, заковыляла прочь, пряча сверток с пирожками под плащом, а торговец скорчил кислую мину и лишь потом повернулся снова к Ранду. – Нелюбовью к чужеземцам Зерам в жизни не славился, а будь оно так, Милса живо выбила бы из него дурь. Это его жена. С тех пор как последний из их детей обзавелся семьей, Милса сдает внаем верхний этаж. Когда находит такого жильца, который не возражает, чтобы на ночь его на ключ запирали, – хохотнул костлявый торговец. – У Милсы лестница ведет прямиком на третий этаж, так что комнаты отдельные. Но она не желает понапрасну денежки тратить и прорезбть новую дверь, поэтому лестница выходит в мастерскую. А она не настолько доверчива, чтобы оставлять по ночам мастерскую незапертой. Вы пирожок есть будете или только глядеть на него?

Быстро откусив кусочек, Ранд слизнул с подбородка горячий сок и, увидев поблизости козырек маленькой скобяной лавочки, отошел в укрытие. Немало прохожих тоже трапезничали на скорую руку, покупая у разносчиков еду, – пирожки с мясом, жареную рыбу, жареные бобы в кулечках. Трое или четверо мужчин ростом не уступали Ранду, а две-три женщины, такие же высокие, как большинство мужчин на улице, вполне могли бы быть айилками. Продавец без подбородка, по-видимому, все-таки не был мошенником, каковым казался, а, может, причиной было то, что Ранд ничего не ел с самого завтрака, но он поймал себя на мысли, что ему хочется проглотить пирожок в один присест и купить еще. Но он заставил себя есть медленно. Дела у Зерама, похоже, шли хорошо. В мастерскую постоянно, если не непрерывно, заходили мужчины, большинство несло под мышкой сапоги или башмаки для починки. Даже если Зерам пропустит кого-то к постояльцам, не известив тех заранее, он потом может опознать гостей, а заодно их опознают и двое-трое его заказчиков.

Если изменники снимают у жены сапожника верхний этаж, им вряд ли доставляет большое неудобство то, что по ночам дверь запирают. С южной стороны мастерскую отделял от одноэтажного дома переулок, прыгать там из окна было бы опасно, но по другую сторону ее стена к стене подпирало двухэтажное здание с мастерской белошвейки. Окна Зерама выходили только на улицу – за домом проходил другой переулок, куда выносили мусор, Ранд

уже проверял, – но на крышу все равно должен быть выход, иначе как же ее чинят? С крыши дома сапожника можно спрыгнуть на крышу белошвейки, потом перебраться еще через три здания, там стоит дом пониже, свечная мастерская, откуда запросто можно спуститься на улицу или на задний переулок. Особо и рисковать не нужно, ни ночью, ни даже днем, если держаться подальше от улицы и при спуске не попадаться на глаза патрулям Стражи. Улица Синего Карпа изгибалась так, что ближайшие караульные вышки были отсюда не видны.

Двое мужчин, подходивших к сапожной мастерской, заставили Ранда отвернуться к маленькой витрине из плохого, с пузырями, стекла и сделать вид, будто он рассматривает выставленные там ножи и ножницы. Один из мужчин был высок ростом, хотя и не настолько, чтобы принять его за айильца. Глубокие капюшоны скрывали их лица, но у них не было в руках сапог, и хотя они придерживали плащи обеими руками, ветер приподнимал полы, открывая взору ножны мечей. Порыв ветра дернул с головы более низкого мужчины капюшон, тот подхватил его, но было уже поздно. Волосы Чарла Гедвина были прихвачены на затылке серебряной заколкой, украшенной большим красным камнем, но лицо его все так же не ведало жалости, и смотрел он на всех вызывающе. И если это Гедвин, другой, стало быть, Торвал. Ранд готов был побиться об заклад. Из тех пятерых только он был таким высоким.

Дождавшись, пока парочка скроется в мастерской Зерама, Ранд слизнул с перчаток несколько жирных крошек и направился по кривой улице на поиски Лана и Найнив. Их он обнаружил неподалеку, даже не потеряв из виду мастерской сапожника. Чуть позади него находилась свечная лавка, которую он наметил для спуска с крыш, а сбоку от лавки темнел переулок. Впереди узкая улица сворачивала в другую сторону. Не более чем в пятидесяти шагах находилась караульная вышка со стражником наверху, но вид на крыши дозорному перекрывало еще одно трехэтажное здание, мебельная мастерская, что стояла в переулке рядом со свечной лавкой.

– С полдюжины людей узнали Торвала и Гедвина, – сказал Лан, – но других не опознали.

Он говорил, понизив голос, хотя никто из прохожих не взглянул бы на их троицу дважды. Любому хватало беглого взгляда на этих двух мужчин, чтобы, заметив у них под плащами мечи, слегка прибавить шаг.

– Мясник дальше по улице говорит, они покупают у него мясо, – сказала Найнив, – но всегда только на двоих, не больше. – Она искоса глянула на Лана, как будто считала, что именно ее сведе-

ния являются настоящим доказательством.

– Я их видел, – сказал Ранд. – Они уже внутри. Найнив, можешь поднять меня и Лана? Вон на ту крышу, из переулка за домом?

Найнив, нахмурившись, посмотрела на дом Зерама, ладонью потерла свой пояс.

– По одному за раз смогу, – наконец промолвила она. – Но на это уйдет больше половины запаса Колодезя. Спустить вас уже не получится.

– Нам только наверх, – сказал Ранд. – Мы уйдем по крышам и слезем вниз вон там, рядом со свечной мастерской.

Конечно, Найнив принялась возражать, пока они втроем шагали обратно по улице к сапожной мастерской. Она всегда встречала в штыки то, что придумала не сама.

– Я что, подсажу вас на крышу, и все? И буду дожидаться? – бурчала она, сердито зыркая налево и направо, так что проходившие мимо шарахались уже и от нее, а не только от шагавших по бокам от нее мужчин с мечами. Найнив высунула руку из-под плаща, показывая браслет с бледно-красными камнями. – Вот эта штука закроет меня броней лучше, чем сталь. Я даже не почувствую ударившего меня меча. Я-то *думала*, что пойду внутрь вместе с вами.

– И что бы там делала? – тихо спросил Ранд. – Держала бы их Силой, чтобы мы их зарезали? Или убила бы их сама?

Насупившись, Найнив уставилась в мостовую под ногами.

Пройдя за мастерскую Зерама, Ранд приостановился перед низким зданием и как можно осторожнее огляделся вокруг. Уличной Стражи на виду не было, но, подталкивая Найнив в узкий переулочек, он действовал быстро. Впрочем, тогда, преследуя Рочайда в переулках, он тоже не заметил стражников.

– Ты очень молчалива, – заметил Лан, идя вплотную следом.

Найнив сделала еще три быстрых шага и только потом ответила, не останавливаясь и не оглядываясь.

– Раньше я как-то не задумывалась, – негромко сказала она. – Я думала об этом, как о приключении, стычке с Приспешниками Темного, изменниками-Аша'манами. Но вы будто собираетесь их казнить. Если получится, вы убьете их прежде, чем они поймут, кто вы такие, да?

Ранд бросил через плечо взгляд на Лана, но тот лишь покачал головой, будучи в замешательстве, как и он сам. Разумеется, если сумеют, убьют без предупреждения. Это ведь не поединок; Найнив называла это казнью. Ранд надеялся, что во многом так оно и есть.

Переулок за домами оказался немногим шире того, что выходил на улицу, каменистая почва была изрыта колеями и выбои-

нами от тележек с мусором, который вывозили по утрам. Вокруг высились голые каменные стены без окон. Никому не хотелось любоваться на тележки с мусором.

Найнив постояла, разглядывая дом Зерама с тыльной стороны, потом вздохнула.

– Если сумеете, убейте их спящими, – сказала она, очень тихо для столь жестоких слов.

Что-то невидимое крепко обхватило Ранда под мышками и вокруг груди, и он медленно взмыл в воздух. Он поднимался все выше, пока не оказался над краем выступавшего карниза. Невидимая упряжь исчезла, и его сапоги опустились на наклонную крышу; подошвы чуть скользнули по мокрым серым плиткам. Скорчившись, Ранд пополз вверх на четвереньках. Через несколько мгновений снизу приплыл Лан. Оказавшись на крыше, Страж тоже пригнулся и всмотрелся в переулок внизу.

– Она ушла, – сказал он наконец. Повернувшись и встав лицом к Ранду, Лан указал рукой. – Нам туда.

Среди шиферных плит, ближе к коньку крыши, был вмонтирован люк, обитый по краям металлом, чтобы вода не затекала внутрь. Откинув дверцу, Ранд спустил ноги в пыльное пространство чердака, тускло освещенное через отверстие люка. Какое-то мгновение он висел на руках, потом разжал пальцы и пролетел несколько футов до пола. Не считая трехногого стула и сундука с откинутой крышкой, в вытянутом помещении не было ничего, как и в том сундуке. По-видимому, Зерам перестал использовать чердак под кладовку, когда жена начала пускать жильцов.

Двое мужчин, легко ступая, осматривали половицы, пока не нашли еще один люк, побольше, заподлицо вделанный в пол. Лан ощупал медные петли и прошептал, что они не смазаны, но не заржавели. Ранд вытащил меч и кивнул, и Лан рывком распахнул люк.

Ранд понятия не имел, что обнаружит внизу, когда, опершись рукой о край люка, спрыгивал в проем. Он ловко приземлился на цыпочки в комнате, которая, по всей видимости, использовалась вместо чердака – вдоль стен расставлены платяные шкафы и комоды, деревянные сундуки громоздятся друг на друга, на столах стоят стулья. И менее всего Ранд ожидал увидеть двух распростертых на полу мертвецов. Их как будто приволокли в кладовку и бросили тут. Черных распухших лиц было не узнать, но у того, что пониже, в волосах виднелась серебряная заколка с большим красным камнем.

Лан, бесшумно спрыгнув с чердака, увидел трупы и приподнял бровь. И все. Его вообще ничего не удивляло.

– Здесь Фейн, – прошептал Ранд. Прозвучавшее имя словно взорвалось в его теле: в боку в тот же миг запульсировали обе раны, та, что постарее, – ледяным диском, вторая – огненной полосой поперек него. – Это он прислал письмо.

Лан мечом указал на люк, но Ранд покачал головой. Он хотел своими руками убить изменников, однако теперь Торвал и Гедвин мертвы – и почти наверняка Кисман тоже. То был его распухший труп, о котором упоминал купец в «Золотом Колесе». И еще Ранд понял, что ему все равно, кто их убил, лишь бы они были мертвы. Если бы какой-то незнакомец прикончил и Дашиву, это тоже не имело значения. Но Фейн – совсем другое дело. Фейн наводнил Двуречье троллоками и нанес Ранду вторую неизлечимую рану. Если Фейн где-то рядом, Ранд не должен дать ему уйти. Он жестом велел Лану действовать, как на чердаке, а сам, обеими руками сжимая меч, встал у двери. Когда Лан распахнул дверь, Ранд ворвался в просторную, освещенную лампами комнату с кроватью под балдахином у дальней стены и с маленьким камином, где потрескивал огонь.

Спасла Ранда только быстрота. Уголком глаза он уловил какое-то движение, что-то рвануло плащ, раздувшийся у него за спиной, и юноша неловко развернулся, отражая размашистые удары кривого кинжала. Каждое движение давалось напряжением воли. Раны в боку уже не просто пульсировали болью; боль терзала его, плоть наперебой рвали когтями раскаленное железо и вечный лед. Льюс Тэрин взвыл. Но Ранд мог думать только о всепоглощающей боли.

– Сказал же тебе, он мой! – вскричал костлявый человечек, отпрыгивая в сторону от меча Ранда. С искаженным от ярости лицом, с большим носом и торчащими ушами, он казался страшилищем, которыми пугают детей, но в глазах его горела жажда убийства. Оскалив в рычании зубы, он походил на взбесившегося хорька, одолеваемого смертельной яростью. На бешеного хорька, готового наброситься даже на леопарда. А с этим кинжалом в руках он мог убить сколько угодно леопардов. – Мой! – завопил Фейн, вновь отскакивая, когда в комнату ворвался Лан. – Убей того, уродливого!

Лишь когда Лан развернулся к нему спиной, Ранд понял, что в комнате есть еще кто-то, кроме Фейна, – высокий бледнолицый мужчина, чуть ли не с готовностью скрестил свой клинок с мечом Стража. Лицо Торама Райатина было изможденным, но в танце мечей он двигался плавно, с ловкостью мастера клинка, каковым и был. Лан встретил его атаку с равной грациозностью, мгновенно войдя в ритм танца стали и смерти.

Увидев здесь, в Фар Мэддинге, да еще в поношенной одежде, человека, который претендовал на королевский трон Кайриэна, Ранд поразился, но не отвел взгляда Фейна, и меч его был направлен в сторону бывшего торговца. Приспешника Темного, и даже хуже, как когда-то давно его охарактеризовала Морейн. Слепящая боль заставляла Ранда спотыкаться, но он все равно наступал на Фейна, не обращая внимания на топот ног и звон стали у себя за спиной, точно так же не вслушиваясь в стоны Льюса Тэрина. Фейн скакал и метался, пытаясь подобраться ближе, чтобы пустить в ход кинжал, которым нанес когда-то Ранду неисцелимую рану, и то и дело приглушенно сыпал ругательствами, когда клинок Ранда вынуждал его отступить. Неожиданно Фейн повернулся и побежал куда-то в глубь дома.

Едва Фейн выскочил из комнаты, страдания Ранда уменьшились до слабой боли, но двинулся он следом за тщедушным человечком тем не менее осторожно. И уже в дверях заметил, что Фейн вовсе не собирается прятаться. Он поджидал Ранда у ведущей вниз лестницы, сжимая в руке кривой кинжал. В головке рукояти кинжала, отражая свет ламп, стоявших на столах в лишенной окон комнате, мерцал крупный рубин. Стоило Ранду ступить за порог, как огонь и лед принялись терзать его тело с новой яростью, и он почувствовал, что сердце едва не разрывается в клочья. Он мог держаться прямо только ценой огромного усилия, на одной железной воле. Сделать шаг вперед казалось и вовсе невозможным, но Ранд сделал его, а потом и еще один.

– Я хочу, чтобы он знал, кто его убил, – брюзгливо заскулил Фейн. Он злобно глядел на Ранда, но разговаривал, казалось, сам с собой. – Я хочу, чтобы он знал! Но если он умрет, то перестанет досаждать мне в снах. Да. Тогда он перестанет в них являться, – и с улыбкой Фейн поднял вторую, свободную руку.

По лестнице поднялись Торвал и Гедвин, неся переброшенные через руку плащи.

– Я говорю, что мы и близко не подойдем к нему, пока я не буду знать, где остальные, – ворчал Гедвин. – М'Хаель убьет нас, если…

Не думая, Ранд повернул запястья в «Рассечении Ветра», а потом сразу же провел «Раскрытие Веера».

Иллюзия вернувшихся к жизни мертвецов исчезла, и Фейн с воплем отскочил назад, по лицу его побежала кровь. Вдруг он склонил голову, как будто к чему-то прислушиваясь, и через миг, обрушив на Ранда вопль бессловесной ярости и злобы, сбежал вниз по лестнице.

Гадая, что на него нашло, Ранд шагнул было следом, но тут Лан поймал юношу за локоть.

– Овечий пастух, на улице перед домом полным-полно Стражи. – На куртке Лана, слева на боку, темнело влажное пятно, но меч его был в ножнах, что ясно говорило о том, кто оказался более искусным в том танце. – Если уходим, самое время выбираться на крышу.

– В этом городе человеку с мечом даже по переулку не пройти, – проворчал Ранд, пряча оружие в ножны. Лан не засмеялся, впрочем, он вообще смеялся редко, разве только с Найнив. Внизу под лестницей поднялся шум, послышались крики. Возможно, Уличная Стража схватит Фейна. Воможно, его повесят, найдя наверху трупы. Малая кара за все его злодейства, но придется смириться. Не в первый раз Ранду приходилось поступать вопреки своим желаниям.

Забравшись на чердак, Лан подпрыгнул, ухватился за край люка, подтянулся и вылез на крышу. Ранд не был уверен, что сумеет проделать то же самое. Нестерпимая боль ушла вместе с Фейном, но ощущения были такие, словно его долго били по боку топорищем. Он еще собирался с силами, когда в люк заглянул Лан и протянул руку.

– Может, овечий пастух, они наверх и не сразу поднимутся, но зачем нам их дожидаться?

Ранд ухватился за руку Лана, тот потянул его вверх, и, зацепившись за край люка, юноша выполз на крышу. Низко пригибаясь, они добрались по мокрому шиферу до задней части здания, потом начали короткий подъем к коньку крыши. Несмотря на стражников на улице, была еще надежда уйти незамеченными, особенно если удалось бы подать Найнив сигнал, чтобы она как-нибудь отвлекла возможную погоню.

Ранд добрался уже до гребня крыши, как позади раздался неприятный скрежет – сапог Лана соскользнул с шиферной плиты. Извернувшись, Ранд схватил Лана за запястье, но Лан потянул и его своей тяжестью вниз по скользкому серому скату. Тщетно оба старались зацепиться свободной рукой за какой-нибудь выступ, за край плиты, за что угодно. Ни один не проронил ни звука. Ноги Лана соскользнули с крыши, потом он съехал целиком. Ранд ухватился-таки за что-то пальцами; за что, он не знал и знать не хотел. Его голова и одно плечо свесились с крыши, и Лан, которого он держал за руку, повис на высоте десяти шагов над примыкавшим к дому переулком.

– Отпусти, – тихо произнес Лан. Он смотрел вверх на Ранда, взгляд его был тверд и холоден, на лице ничего не отражалось. – Отпусти.

– Когда солнце станет зеленым, – ответил Ранд. Если удастся чуть-чуть подтянуть Стража, чтобы тот сумел ухватиться за кар-

низ…

То, за что он держался, с резким хрустом обломилось, и переулок устремился им навстречу.

Глава 34

СЕКРЕТ КОЛИБРИ

Стараясь не слишком выделяться среди прохожих, Найнив следила за переулком рядом со свечной мастерской. Положив обратно на лоток уличной торговки моток зеленой тесьмы, она сунула руку опять под плащ, придерживая плотную ткань, чтобы ветер не распахивал полы. Плащ был лучшего качества, чем у проходивших мимо людей, но простой, без всяких вышивок, и не привлекал ненужного внимания. Зато пояс обязательно притянул бы к себе все взгляды. Женщин с драгоценными украшениями на улице Синего Карпа встретишь нечасто, и у коробейников они обычно ничего не покупают. Она перерыла всю тесьму и ленты, и стоявшая с лотком тощая торговка морщилась от ее придирчивости, но Найнив уже и так успела купить у других торговцев три куска тесьмы, два отреза лент и пачку булавок – чтобы не торчать тут без причины. Булавки всегда пригодятся, но что делать с остальным, она понятия не имела.

Внезапно Найнив услышала на улице какой-то шум; в той стороне, где торчала караульная вышка, раздался перестук трещоток Уличной Стражи. Трещотки стучали все громче. Стражник полез вниз со своего насеста. Прохожие возле вышки повернули головы, глядя на пересечение улиц Синего Карпа и еще какой-то, а потом люди, прижимаясь к стенам домов, кинулись врассыпную, когда показались бегущие стражники, размахивавшие над головой деревянными трещотками. Это не был патруль из двух-трех человек – по улице Синего Карпа топал сапогами целый отряд солдат в доспехах, и к этому потоку из боковой улицы присоединялись все новые и новые стражники. Тех, кто не успел отбежать в сторону, они отталкивали прочь; один прохожий, не удержавшись, свалился им под ноги. Стражники, ни на миг не замедлив шага, пробежали по упавшему.

Бросилась прочь и торговка лентами, рассыпав половину товара с лотка, и Найнив оказалась не менее быстра и прижалась к каменному фасаду рядом с испуганной женщиной. Стражники, чей поток щетинился, словно еж колючками, ловчими шестами и боевыми посохами, задевали женщин плечами, таща их вдоль стены. Коробейница закричала, когда лоток вырвался у нее из рук и исчез под сапогами, но солдаты Стражи глядели только вперед.

Когда мимо пробежал последний солдат, Найнив обнаружила, что ее оттеснили на добрый десяток шагов от того места, где она стояла. Торговка лентами, потрясая кулаками, сердито прокричала что-то вслед стражникам. Найнив же, торопливо приводя в порядок сбившийся плащ, и не думала кричать на кого-то. Ей было чем заняться, например, она почти уже решила…

Вдруг у нее перехватило дыхание, словно ее окунули в холодную воду. Вся толпа стражников, числом около ста, остановилась, солдаты перекрикивались, как будто не зная, что делать дальше. И остановились они перед сапожной мастерской. О Свет, Лан! И Ранд, конечно, Ранд, но первая и главная ее мысль была о том, кого она любила всем сердцем, – о Лане.

Она заставила себя вздохнуть. Сто человек. Найнив прикоснулась к поясу, к обвивавшему ее талию Колодезю. В нем оставалось меньше половины запасенного *саидар*, но, пожалуй, хватит. Должно хватить, хотя она пока и не знала, на что именно. Поглубже натянув капюшон, Найнив направилась к солдатам Уличной Стражи, столпившимся возле сапожной мастерской. Никто на нее не смотрел. Она могла бы…

Чьи-то руки схватили ее, оттащили назад и развернули лицом в противоположную сторону.

Одна из этих рук, как поняла Найнив, принадлежала Кадсуане, а вторая – Аливии, и они быстро повели ее прочь от сапожной мастерской. Шагавшая рядом с Аливией Мин то и дело встревоженно косилась через плечо. Вдруг девушка вздрогнула.

– Он… По-моему, он упал, – прошептала она. – Кажется, без сознания, и он ранен. Не знаю, насколько тяжело.

– Здесь мы ему ничем не поможем. Ни ему, ни себе, – холодно сказала Кадсуане. Под ее капюшоном покачивались свисавшие с прически золотые украшения. Она ищущим взором оглядывала людей впереди, второй рукой придерживая капюшон от ветра и не обращая внимания на то, что плащ развевается за спиной. – Я хочу очутиться как можно дальше отсюда, пока кому-нибудь из этих ребят не вздумалось попросить женщин показать лица. Из-за этой девчонки в оборот возьмут любую Айз Седай, которую обнаружат сегодня возле улицы Синего Карпа. И у них есть о чем спросить.

– Пустите меня! – огрызнулась Найнив, вырываясь. Лан. Если Ранд без сознания, то что же с Ланом? – Мне нужно вернуться и помочь им!

У женщин, тащивших ее, руки были словно клещи. И все люди, мимо которых они проходили, смотрели в сторону сапожной мастерской.

– Ты, глупая девчонка, и так уже дел натворила, – голос Кадсуане мог заморозить кого угодно. – Я же *говорила* тебе о сторожевых псах Фар Мэддинга. Ха! Советницы в панике – ведь ты направляла Силу там, где *никто* не может направлять. Если Стража их сцапает, то из-за тебя.

– Я думала… Это же *саидар*… – слабым голосом промолвила Найнив. – Да и было всего чуть-чуть, и недолго. Я… Я думала, они не заметят.

Кадсуане недовольно глянула на нее.

– Сюда, Аливия, – сказала Айз Седай, потянув Найнив за руку и сворачивая за покинутую караульную вышку. Взволнованные прохожие сбивались в кучки на улице, встревоженно переговаривались. Какой-то мужчина энергично размахивал руками, как будто орудуя ловчим шестом. Женщина указывала на пустую караульную вышку и удивленно качала головой.

– Мин, ну хоть ты что-нибудь скажи, – взмолилась Найнив. – Мы же не можем их бросить. – Обращаться к Аливии она и не подумала – у той было такое выражение лица, по сравнению с которым лицо Кадсуане казалось добрым.

– От меня сочувствия не жди. – Тихий голос Мин был почти так же холоден, как у Кадсуане. Она взглянула на Найнив – коротко, искоса, – потом вновь обратила взор на улицу перед ними. – Я просила тебя помочь и остановить их, но у тебя в башке, как и у них, шерсти больше, чем мозгов. Теперь мы должны довериться Кадсуане.

Найнив хмыкнула.

– А что она может? Неужели мне нужно напоминать тебе, что Лан и Ранд остались там, и с каждой минутой они все дальше и дальше?

– Не одному мальчику нужны уроки хороших манер, – проворчала Кадсуане. – Пока он еще передо мной не извинился, но сказал Верин, что извинится. Думаю, могу и сейчас принять его извинения. Ха! Этот мальчик доставил мне уже больше неприятностей, чем десять других, кого я прежде встречала. Я сделаю, что смогу, детка, намного больше, чем добилась бы ты, пытаясь пробиться через Уличную Стражу. С этой минуты ты будешь делать в точности то, что я тебе скажу, иначе тобой займется Аливия!

Аливия кивнула. И Мин – тоже!

Найнив скривилась. А ведь считалось, что это Аливия вверена ее заботам! Тем не менее гостья Первой Советницы *может* больше, чем обыкновенная Найнив ал’Мира, пусть даже и нацепившая кольцо Великого Змея. Ради Лана она готова и с Кадсуане смириться.

Но когда Найнив поинтересовалась у Кадсуане, что та намерена сделать для освобождения мужчин, Айз Седай ответила ей так:

– Куда больше, чем хотела бы, девочка, если я вообще что-нибудь смогу. Но я дала мальчику обещание, а свое слово я держу. Надеюсь, он это запомнит.

Ответ, данный таким ледяным голосом, вовсе не вселил уверенности в душу Найнив.

* * *

Ранд очнулся во мраке, лежа на спине и чувствуя боль во всем теле. Перчаток не было, под собой он ощущал грубый тюфяк. Сапоги с него тоже сняли. Перчаток не было. Они поняли, кто он такой. Он осторожно сел. Лицо в ссадинах, каждый мускул ноет, словно его избили, но, кажется, ничего не сломано.

Медленно встав, Ранд ощупью двинулся от тюфяка вдоль каменной стены, почти сразу же уперся в угол, а затем нашарил дверь, обитую полосами грубо обработанного железа. В темноте пальцы отыскали заслонку, но он не сумел ее откинуть. Сквозь нее не пробивалось и лучика света. В голове тяжело задышал Льюс Тэрин. Ранд двинулся дальше, босые ноги его холодили каменные плиты. И почти сразу он наткнулся на следующий угол, а вскоре и на третий, там он задел ногой что-то, загремевшее по полу. Одной рукой держась за стену, он нагнулся и нашарил деревянное ведро. Оставив ведро на месте, Ранд заставил себя замкнуть круг, вновь добравшись до железной двери. Вот и все. Он заперт внутри черной коробки – три шага в длину и немногим больше двух шагов в ширину. Подняв руку, Ранд нащупал в футе над головой каменный потолок.

Взаперти, хрипло запыхтел Льюс Тэрин. *Опять в ящике. Как тогда, когда те женщины засунули нас в сундук. Нам надо выбраться!* – взвыл он. *Нам надо выбраться!*

Не обращая внимания на его вопли, Ранд отступил от двери и, оказавшись примерно в центре камеры, опустился на пол и сел, скрестив ноги. Как мог, он отодвинулся от стен и представил во мраке, что они далеко-далеко от него, однако казалось, что стоит протянуть руку, и, даже не успев ее выпрямить, он наткнется на камень. Ранд почувствовал, что дрожит, как будто кто-то другой беззастенчиво трясет его. Стены словно придвинулись вплотную, потолок навис над самой головой. Необходимо перебороть это ощущение, иначе к тому времени, когда его отсюда выпустят, он станет таким же безумцем, как Льюс Тэрин. Рано или поздно, но его должны отсюда выпустить, хотя бы для того, чтобы передать тем, кого пришлет Элайда. Сколько месяцев пройдет, пока послание доберется до Тар Валона и посланцы Элайды приедут в Фар

Мэддинг? Если лояльные Элайде сестры найдутся ближе Тар Валона, ждать, возможно, придется меньше. Ранда затрясло еще сильнее, когда до него дошел весь ужас того, на что он надеется! Надеется, что эти сестры не в Тар Валоне, а ближе, что они уже в городе, – лишь бы только выбраться из этого ящика.

– Я не сдамся! – крикнул Ранд. – Ни за что! Буду тверд, во что бы то ни стало!

В тесноте камеры голос его прогремел как гром.

Он был недостаточно тверд и не смог сделать, что нужно, и поэтому погибла Морейн. Ее имя стояло на первом месте в списке, запечатленном в его памяти – списке имен погибших из-за него женщин. Морейн Дамодред. Каждое имя из этого списка причиняло ему муку, которая заставляла забывать о телесной боли, забывать о каменных стенах в шаге от него. Колавир Сайган, которая умерла, потому что он лишил ее всего, чем она дорожила. Лиа, Дева Копья, из Косайда Чарин, которая погибла, потому что последовала за ним в Шадар Логот. Джендилин, Дева из Холодного Пика Миагома, которая погибла, потому что добилась чести охранять его дверь. Он должен быть тверд! Одно за другим он вызывал в памяти имена из того длинного списка, терпеливо закаляя свою душу в пламени боли.

* * *

Приготовления отняли больше времени, чем предполагала Кадсуане, главным образом потому, что ей необходимо было внушить разным людям, что и речи не может идти о каких-то «героических» деяниях, вроде тех, что столь красочно расписывают в своих сказаниях менестрели. Поэтому был уже поздний вечер, когда Кадсуане переступила порог Чертога Советниц и пошла по залитым светом ламп коридорам. И ступала Кадсуане степенно, неторопливо. Начни спешить, и люди решат, что ты волнуешься, значит, за ними будет преимущество. А если ей когда-либо в жизни и нужно было с самого начала иметь преимущество за собой, так это нынче вечером.

В этот час коридоры обычно пустовали, но сегодняшние события нарушили обыденное течение жизни. Повсюду сновали писцы в синих кафтанах, порой кто-то из них останавливался и удивленно взирал на спутниц Кадсуане. Вполне возможно, им никогда не доводилось видеть сразу четырех Айз Седай – Кадсуане не собиралась признавать за Найнив этого звания, пока та не принесет Трех Обетов, – и сумбур минувшего дня только усиливал замешательство при виде процессии. Трое мужчин, шагавших позади, привлекали взглядов не меньше. Может, писцам было и невдомек, что означали их черные мундиры и значки на высоких во-

ротниках, но вряд ли кто из обитателей Чертога встречал когда-либо в его коридорах трех мужчин с мечами. Во всяком случае, если чуточку повезет, никто не побежит сообщать Алейс о нежданных гостях, которые явно намерены ворваться на закрытое заседание Советниц. Жаль, не удалось привести одних только мужчин, но даже Дайгиан выказала необычную твердость характера, услышав, что лучше бы тем пойти без своих Айз Седай. И еще жаль, очень жаль, что не все спутницы Кадсуане выказывают хладнокровие, какое демонстрируют Мериса и две другие сестры.

– Это ни за что не сработает, – бурчала Найнив, наверное, раз в десятый с того времени, как они покинули Кручу. – Нам с самого начала надо нанести удар!

– Надо поскорее действовать, – мрачно говорила Мин. – Я чувствую, как он меняется. Если раньше он был камнем, то теперь просто железный! Свет, что же они с ним делают?

Лишь потому, что была связана с мальчиком, Мин беспрестанно извещала всех о его состоянии, и каждый раз слова ее звучали все удрученнее. Кадсуане не сказала ей, что представляют из себя здешние камеры. Нельзя – после того, как девочка разрыдалась, рассказывая, что сделали с мальчиком похитившие его сестры.

Кадсуане вздохнула. Даже в сколоченной наспех армии, собранной с бору по сосенке, дисциплина необходима. Тем более она необходима перед битвой. И было бы еще хуже, если бы она не заставила остаться женщин Морского Народа.

– Если понадобится, я сумею обойтись без вас обеих, – твердо заявила она. – Нет, ничего не говори, Найнив. Мериса или Кореле способны носить этот пояс не хуже тебя. Поэтому, если вы, детки, не перестанете хныкать, Аливия отведет вас обратно на Кручу, там-то вы вдоволь и поноете.

Только по этой причине Кадсуане и взяла с собой шончанку, этого странного дичка. Аливия очень кротко держалась с теми, на кого не могла посмотреть сверху вниз, но на этих двух болтливых сорок она поглядывала весьма свирепо.

Обе, как одна, повернули головы к золотоволосой женщине, и, хвала Свету, сороки-трещотки умолкли. Умолкли, но вряд ли смирились. Мин могла сколько угодно скрипеть зубами, но угрюмый вид Найнив раздражал Кадсуане. У девочки хорошие задатки, но ее обучение слишком рано прервали. Ее способности к Исцелению были прямо-таки чудесны, но способности ко всему остальному вызывали печальные чувства. И она не прошла урока, благодаря которому должна была понять, что выдержит и что может выдержать. По правде говоря, Кадсуане сочувствовала ей. Отчасти. В Башне подобный урок могла получить не каждая. Ее саму, преисполненную гордости от обретенной шали и от своего

могущества, многому научила почти беззубая женщина-дичок с фермы в самой глухомани Черных Холмов. Да, крайне разношерстное воинство собрала сегодня Кадсуане, дабы попытаться справиться с главами Фар Мэддинга.

В приемной перед Палатой Советниц – с выложенным синей плиткой полом, с высокими колоннами – толпились писцы и вестники, но они были, в конце концов, всего лишь писцами и вестниками. Писцы замешкались, не зная, как поступить, каждый ждал, что первым заговорит другой, вестники же в красных куртках, знавшие, что им здесь говорить не положено, попятились к стенам, и писцы расступились. Ни один так и не осмелился открыть рот, но Кадсуане, отворив одну из высоких створок, на которых были вырезаны Рука и Меч, услышала за спиной общий изумленный вздох.

Палата Советниц была небольшой. Ее ярко освещали четыре стоячих светильника с зеркалами, а мозаичный пол покрывал большой ковер из Тира с красно-сине-золотистым узором. В широком мраморном камине жарко пылало пламя, согревая комнату, хотя застекленные двери, выходившие на наружную колоннаду дворца, дрожали от ветра, и дребезжание стекол заглушало тиканье высоких золоченых часов иллианской работы, что стояли на каминной полке. В тринадцати резных позолоченных креслах, расставленных полукругом напротив двери и весьма смахивавших на троны, сидели озабоченные женщины.

Заметив вошедшую в палату во главе маленькой процессии Кадсуане, Алейс, сидевшая в центре, нахмурилась.

– Это заседание – закрытое, Айз Седай, – сказала она тоном одновременно официальным и холодным. – Мы можем попросить вас поговорить с нами позже, но…

– Вам известно, кто у вас в камерах, – перебила ее Кадсуане.

Это был не вопрос, но Алейс попыталась выкрутиться.

– Полагаю, там несколько человек. Пьяницы, полдесятка чужеземцев, арестованных за драки или воровство, еще один, из Пограничных Земель, схвачен только сегодня. Он, возможно, убил троих человек. У меня нет поименного списка арестантов, Кадсуане Седай.

Найнив глубоко вздохнула при упоминании мужчины, схваченного за убийство, и глаза ее опасно сверкнули, но у нее все-таки хватило благоразумия держать рот на замке.

– Итак, ты пытаешься скрыть, что задержала Дракона Возрожденного, – негромко произнесла Кадсуане. Она надеялась – отчаянно надеялась! – что кропотливая работа Верин принесла плоды, и они не станут делать опрометчивых шагов. Возможно, еще удастся решить дело миром. – Я могу забрать его у тебя. За многие

годы мне довелось противостоять более чем двадцати мужчинам, способным направлять. Мне он страха не внушает.

– Мы благодарим вас за предложение, – как по-писаному промолвила Алейс, – но мы предпочтем сначала снестись с Тар Валоном. – Чтобы договориться о цене, вот что она имела в виду. Ну, будь что будет. – Не скажете ли нам, как вы узнали…

Кадсуане вновь прервала ее.

– Возможно, мне следовало раньше упомянуть, что эти мужчины позади меня – Аша'маны.

Тогда они втроем шагнули вперед, как им и было велено, и Кадсуане вынуждена была признать, что вид у них действительно угрожающий. Седоголовый Дамер походил на матерого медведя, у которого болят зубы, красавец Джахар напоминал поджарого леопарда темной масти, а немигающие глаза Эбена на юном лице смотрелись особенно зловеще. И они явно произвели на Советниц нужное впечатление. Некоторые только заерзали, словно им захотелось откинуться на спинки кресел, но Сайприн разинула рот с некрасиво выпирающими зубами. Сибейна, чьи волосы были так же седы, как у Кадсуане, обмякла в кресле и принялась обмахиваться тонкой рукой, а Кумере скривилась, как будто ее внезапно затошнило.

Алейс оказалась орешком покрепче, правда, плотно прижала ладони к животу.

– Я говорила вам однажды, что Аша'маны могут свободно бывать в городе, пока они подчиняются закону. Мы не боимся Аша'манов, Кадсуане, хотя должна заметить, я удивлена, видя их в вашем обществе. Особенно учитывая только что сделанное предложение.

Вот как, она уже просто Кадсуане? И все-таки Кадсуане сожалела о необходимости переломить Алейс. Она хорошо правила Фар Мэддингом, но после сегодняшнего может уже не оправиться.

– Ты не забыла, Алейс, что еще случилось сегодня? Кто-то направлял в городе.

И вновь Советницы заерзали, и не один лоб прорезали морщины беспокойства.

– Искажение. – Выдержка изменила Алейс, в прежде спокойном голосе послышался гнев и, возможно, даже страх. Глаза ее мрачно засверкали. – Скорей всего, стражи ошиблись. Никто из опрошенных не заметил ничего такого, что…

– Даже то, что мы полагаем совершенным, Алейс, может иметь изъяны. – Кадсуане обратилась к собственному Колодезю, зачерпнув тщательно выверенную долю *саидар*. У нее была большая практика; маленькая золотая колибри содержала куда меньше Силы, чем пояс Найнив. – И эти изъяны остаются незамеченными

целые века. – Потока Воздуха, который сплела Кадсуане, хватило, чтобы приподнять усыпанную драгоценными камнями диадему с головы Алейс и положить ее на ковер у ног Первой Советницы. – Но когда они обнаружены, кажется, что их мог на самом деле увидеть любой.

Тринадцать пар глаз уставились на диадему. Советницы застыли в креслах, едва дыша.

– По мне, изъян не так велик, как амбарные ворота, – заявил Дамер. – По-моему, на вашей голове она смотрится лучше.

Сияние Силы внезапно вспыхнуло вокруг Найнив, и диадема устремилась к Алейс, замедлив в последний момент свой полет, и мягко опустилась на ее голову, вместо того чтобы ударить в лоб. В лице Алейс не было ни кровинки. Однако ореол *саидар*, окружавший девочку, не погас. Ладно, пусть опустошит свой Колодезь.

– Будет… – Алейс сглотнула комок в горле, и, когда продолжила, голос ее звучал надтреснуто. – Будет ли достаточно, если мы освободим его и отдадим вам?

К кому она обращалась, к Кадсуане или к Аша'манам, было непонятно; возможно, она и сама этого не знала.

– Думаю, что да, – спокойно произнесла Кадсуане, и Алейс обмякла, как марионетка с обрезанными ниточками.

Хотя все Советницы были потрясены демонстрацией Силы, многие тем не менее вопросительно переглянулись. Бросая быстрые взгляды в сторону Алейс, они с застывшими лицами обменялись кивками. Кадсуане глубоко вздохнула. Она обещала мальчику: что бы она ни сделала, будет сделано на пользу ему, а не на пользу Башни или кого-то еще, и ради него она только что сломала хорошую женщину.

– Мне очень жаль, Алейс, – сказала Кадсуане.

За тобой, мальчик, уже немалый счет, подумала она.

Глава 35

ЧОЙДАН КЭЛ

Ранд, не оглядываясь, ехал верхом по широкому каменному мосту, ведущему на север от Кэймлинских Ворот. Бледно-золотистый диск солнца уже поднялся над горизонтом в безоблачное небо, но в непрогревшемся еще воздухе дыхание Ранда поднималось изо рта туманным облачком, а плащ трепал задувавший с озера ветер. Но холода он не чувствовал, разве что как нечто отдаленное и не имеющее к нему отношения. Он сам был холоднее зимы. Минувшей ночью стражники, явившиеся за ним в камеру, пришли в изумление, увидев его улыбку. Улыбка – легкий изгиб губ – по-прежнему не покидала его лица. Найнив Исцелила его ушибы, воспользовавшись остатками *саидар* в своем поясе, однако вышедший на тракт у начала моста офицер в шлеме, коренастый мужчина с грубоватыми чертами лица, вздрогнул, взглянув на Ранда, как будто лицо у него было все таким же опухшим и в синяках.

Кадсуане склонилась с седла, тихо перемолвилась с офицером несколькими словами и вручила ему сложенную бумагу. Он, нахмурив брови, посмотрел на Кадсуане и начал читать грамоту, потом резко вскинул голову и в изумлении обвел взглядом мужчин и женщин, терпеливо ожидавших в седлах позади Кадсуане. Затем офицер стал читать с начала, с первых строк, беззвучно шевеля губами, как будто хотел удостовериться в каждом слове. И не удивительно. Скрепленный подписями и печатями всех тринадцати Советниц приказ гласил – не проверять узы мира на оружии, не осматривать груз на вьючных лошадях. Имена членов маленького отряда вычеркнуть из всех архивных записей, а сам приказ – сжечь. Они никогда не бывали в Фар Мэддинге. Ни Айз Седай, ни Ата'ан Миэйр, никто из них.

– Все кончилось, Ранд, – нежно сказала Мин, подъезжая на своей гнедой поближе к его серому мерину, хотя она и так держалась рядом с юношей, как и Найнив подле Лана. Ссадины и синяки Лана, как и его сломанная рука, были Исцелены прежде, чем Найнив занялась Рандом. На лице Мин отражалась та же озабоченность, что доходила до него через узы. Отпустив плащ на волю ветра, девушка погладила Ранда по руке. – Не думай больше об этом.

– Я благодарен Фар Мэддингу. – Голос его был лишен чувств и далек, как бывало всегда, когда он в прежние дни обращался к

саидин. Надо бы добавить в голос теплоты – ради Мин, – но это было сейчас выше его сил. – Я и в самом деле обрел то, что мне было надо.

Если бы у меча была память, он мог бы испытывать к горнилу благодарность, но любовь – никогда. Офицер взмахом руки разрешил отряду следовать дальше, и Ранд погнал серого легким галопом по плотно утрамбованной земляной дороге, в холмы, и не оглянулся ни разу, пока город не скрылся из виду за деревьями.

Дорога, петляя, взбиралась все выше по лесистым зимним холмам, где только на соснах да на болотных миртах сохранилась зелень, а большинство деревьев стыли с голыми ветвями, и внезапно Источник появился вновь, как будто вспыхнул на самом краю поля зрения. Он пульсировал и манил, пробуждая ощущение смертельного голода. Не думая, Ранд потянулся к Источнику и наполнил пустоту в себе *саидин* – огненной лавиной, ледяной бурей, и все это пропитано мерзкой порчей, от которой запульсировала бульшая рана в боку. Ранд покачнулся в седле, голова у него закружилась, желудок сжало клещами, но он боролся – чтобы оседлать лавину, которая пыталась выжечь его разум, чтобы воспарить в буре, которая пыталась испоганить его душу. Мужской половине Силы неведомы ни прощение, ни жалость. Мужчина сражается с ней – или погибает. Ранд почувствовал, что три Аша'мана позади него тоже наполняют себя *саидин*, приникнув к Источнику, как выбравшиеся из Пустыни люди припадают к воде. В голове его облегченно вздохнул Льюс Тэрин.

Мин подъехала к Ранду вплотную, их ноги соприкоснулись.

– С тобой все в порядке? – встревоженно спросила она. – У тебя больной вид.

– Все хорошо, лучше не бывает, – сказал он ей, понимая, что обманывает не только ее, но и себя. Да, он был сталью, но недостаточно твердой. Он намеревался отправить ее в Кэймлин, под охраной Аливии. Если золотоволосой женщине суждено помочь ему умереть, нужно доверять ей. Ранд уже приготовил нужные слова, но, взглянув в темные глаза Мин, понял, что не настолько тверд, чтобы язык его мог их произнести. Поворотив серого к голым деревьям, Ранд сказал Кадсуане через плечо: – То место – здесь.

Разумеется, она последовала за ним. Все последовали. Харине не выпускала Ранда из виду, разве что на несколько часов, когда спала прошлой ночью. Ее тоже надо было бы оставить, но именно Морского Народа касался первый совет, который дала Кадсуане. *Ты заключил сделку с ними, мальчик, это все равно что подписать договор. Или дать слово. Выполни ее условия, или скажи, что разрываешь сделку. Иначе ты все равно что вор.* Вообще-то, сказа-

но было грубо, и тон Кадсуане не оставлял сомнений насчет ее отношения к ворам. Ранд не обещал следовать ее советам, но Кадсуане и так крайне неохотно согласилась быть советчицей; он не хотел рисковать, отталкивая ее от себя так скоро, поэтому Ищущая Ветер и двое других из Морского Народа ехали вместе с Аливией перед Верин и пятью Айз Седай, которые поклялись ему в верности. За ними ехали еще четверо, которых привела с собой Кадсуане. Ранд был уверен – она, как и те четверо, вскоре покинет его, возможно, даже раньше их.

Для посторонних глаз в том месте, где подзадержался Ранд перед тем, как отправиться в Фар Мэддинг, не было ничего примечательного. Он же видел, что из влажного лесного настила торчит сверкающий, как фонарь, шест. Даже другой мужчина, способный направлять Силу, прошел бы мимо шеста, так и не узнав о его существовании. Ранд и спешиваться не стал. Воспользовавшись потоками Воздуха, он разгреб толстый слой палых листьев и веток, раскопал влажную землю и вытащил из ямы длинный узкий сверток, перетянутый кожаными шнурами. Сверток поплыл в руки Ранда, и комья земли ссыпались с тряпки, в которую был завернут *Калландор*. Ранд не осмелился взять его с собой в Фар Мэддинг. Так как меч был без ножен, ему пришлось бы оставить *Калландор* в крепости у моста – опасный знак, громко объявлявший о местонахождении Ранда. Маловероятно, чтобы в мире существовал еще один кристаллический меч, и слишком многие люди знали, что им ныне владеет Дракон Возрожденный. И, оставив здесь *Калландор*, он тем не менее угодил в темную и тесную каменную коробку под… Нет. С этим уже покончено. Покончено. В глубине его разума тяжело вздохнул Льюс Тэрин.

Засунув *Калландор* под подпругу, Ранд развернул серого мордой к остальным. Лошади прижимали от холодного ветра хвосты, но, застоявшись в стойлах, переступали с ноги на ногу и вскидывали головы. Кожаная сума, висевшая на плече Найнив, выглядела неуместно рядом с ее изукрашенными драгоценными камнями *тер'ангриалами*. Теперь время приближалось, и она поглаживала округлый бок сумы, видимо, несознавая, что делает. Найнив старалась скрыть страх, но подбородок у нее подрагивал. Кадсуане бесстрастно смотрела на Ранда. Капюшон сполз с ее головы, и порой под сильным порывом ветра начинали раскачиваться золотые рыбки, птички, звездочки и полумесяцы, свисавшие с ее прически.

– Я собираюсь удалить порчу с мужской половины Источника, – объявил Ранд.

Три Аша'мана, ныне, как и прочие Стражи, одетые в простые темные куртки и плащи, взволнованно переглянулись. Айз Седай

зашевелились. Несан испустила вздох, показавшийся слишком громким для такой тонкой, похожей на пичугу сестры.

Выражение лица Кадсуане ничуть не изменилось.

– Этим вот? – сказала она, скептически приподняв бровь и указав взглядом на сверток Ранда.

– С помощью Чойдан Кэл, – ответил Ранд. Это название тоже стало даром Льюса Тэрина, оно угнездилось в голове Ранда, как будто всегда там было. – Вам о них известно как о колоссальных статуях. Это *са'ангриалы*, одна из них погребена под землей в Кайриэне, а вторая находится на Тремалкине. – При упоминании острова Морского Народа Харине вскинула голову, звякнув золотыми медальонами, что висели на цепочке, идущей от уха к носу. – Они слишком велики, и их так просто не передвинешь, но у меня есть пара *тер'ангриалов*, которые называются ключами доступа или отпирающими ключами. С их помощью можно воспользоваться Чойдан Кэл в любом месте мира.

Опасно, застонал Льюс Тэрин. *Безумие*. Ранд не обратил на него внимания. Сейчас важным было лишь мнение Кадсуане.

Ее гнедой прядал черным ухом, и конь показался Ранду взволнованным больше наездницы.

– Один из этих *са'ангриалов* предназначен для женщины, – сдержанно произнесла Кадсуане. – Кто, по-твоему, воспользуется им? Или эти ключи позволят тебе пустить в ход оба?

– Со мной в соединение вступит Найнив. – Ранд доверял Найнив и готов был соединиться с нею, но больше – ни с кем. Она была Айз Седай, но она была и Мудрой Эмондова Луга; ей он доверял. Найнив улыбнулась ему и решительно кивнула, подбородок ее больше не дрожал. – Не пытайся остановить меня, Кадсуане.

Она ничего не сказала, только смотрела на него темными глазами, взгляд которых словно взвешивал его и оценивал.

– Прости меня, Кадсуане, – прервала молчание Кумира, выезжая вперед на своем сером в яблоках. – Юноша, а о неудаче вы не подумали? А о *последствиях* неудачи?

– Должна задать тот же вопрос, – резко сказала Несан. Она сидела в седле очень прямо и в упор смотрела в глаза Ранду. – Из того, что я читала, я поняла, что попытка воспользоваться *са'ангриалами* может привести к огромным бедствиям. Вместе они могут оказаться настолько мощными, что способны расколоть мир, как яйцо.

Как яйцо! – согласился Льюс Тэрин. *Их никогда не испытывали, никогда и не пытались. Это безумие!* – завопил он. *Ты безумец! Безумец!*

– Как я слышал в последний раз, – сказал сестрам Ранд, – один Аша'ман из пятидесяти сходит с ума и его приходится убивать, как бешеного пса. Сегодня, возможно, уже и не один. Риск, разумеется, есть, но это все – «если» и «может быть». Если я не попытаюсь, наверняка будет сходить с ума все больше и больше мужчин, наверное, десятки, может, и все мы впадем в безумие. Раньше или позже таких мужчин окажется слишком много, с ними будет уже не справиться. Вы будете сидеть и ожидать Последней Битвы, а по всему миру будет бесчинствовать сотня спятивших Аша'манов? Или их будет двести? Пятьсот? И вдруг я окажусь среди них? Долго ли мир вынесет такое?

Ранд говорил это Коричневым сестрам, но наблюдал за Кадсуане. Она не сводила с него своих почти черных глаз. Ему необходимо убедить ее быть с ним заодно, но если она попытается отговорить его, он, невзирая на последствия, отвергнет ее совет. А если она попытается остановить его?.. *Саидин* бесновалась внутри него.

– Где ты собираешься это сделать? Здесь? – спросила Кадсуане.

– В Шадар Логоте, – ответил он ей, и она кивнула.

– Подходящее место, – заметила Кадсуане, – если мы идем на риск уничтожить мир.

Льюс Тэрин взвыл, и вой этот эхом звучал в разуме Ранда, растворяясь в темных глубинах. Но спрятаться ему было негде. Нет безопасных мест.

Сплетенные Рандом переходные врата открылись не в самом погибшем городе Шадар Логот, а в нескольких милях к северу от него, на неровной вершине холма, поросшего редким леском. Лошадиные копыта звенели на промерзшей до каменной твердости почве, вокруг торчали низкорослые, лишенные листвы деревца, землю местами скрывали снежные заплаты. Ранд спешился, и взгляд его сразу приметил видневшиеся над верхушками деревьев башни, которые венчали безобразные обломки камня, и белые луковицы куполов, которые, когда были целыми, могли накрыть небольшой городок. Но на останки города, некогда называвшегося Аридолом, он смотрел недолго. Хотя утреннее небо было ясным, эти светлые купола не блестели на солнце, словно на обширных развалинах лежала некая тень. Даже на таком расстоянии от города вторую незаживающую рану в боку Ранда начало слабо подергивать. Порез, что был нанесен кинжалом Падана Фейна, кинжалом, взятым из Шадар Логота, пульсировал вразнобой с болью бульшей раны, поверх которой он пролегал. Вернее, приступы боли кинжальной раны чередовались с болезненной пульсацией раны круглой.

Кадсуане принялась распоряжаться – этого следовало ожидать. Айз Седай, дай им хоть полшанса, всегда начинают командовать, и вмешиваться Ранд не стал. Лан, Нетан и Бассан отправились в лес на разведку, другие Стражи, отведя лошадей в сторонку, торопливо привязывали их поводья к низким сучьям. Мин привстала в стременах и, притянув к себе голову Ранда, поцеловала его в глаза. Затем, не сказав ни слова, девушка отправилась к мужчинам, что возились с лошадьми. Узы принесли волны любви к нему, уверенность и доверие – столь безграничные, что Ранд удивленно уставился ей вслед.

Подошедший Эбен взял поводья из рук Ранда. Он ухмылялся от уха до уха. Вкупе с носом эти уши, казалось, занимали у него пол-лица, но теперь он выглядел подтянутым парнем, а не глуповатым деревенщиной.

– Это будет чудесно, милорд Дракон, направлять без порчи, – возбужденно сказал он. Ранд полагал, что Эбену уже стукнуло семнадцать, но сейчас тот выглядел совсем мальчишкой. – А то как подумаю об этом, так сразу наизнанку выворачивает.

И, по-прежнему ухмыляясь, он потрусил прочь, уводя серого мерина.

Сила бурлила в Ранде, и порча, пятнающая чистейшую жизнь *саидин*, просачивалась в него – смрадным ручейком, несущим безумие и смерть.

Кадсуане собрала вокруг себя Айз Седай, подозвала также и Аливию с Ищущей Ветер Морского Народа. Оставленная без дела Харине громко роптала, пока указующий перст Кадсуане не отправил ее на другую сторону вершины. Моад в своей чудной стеганой синей куртке усадил Харине на торчавший из земли валун и, успокаивая ее, принялся что-то говорить, но взгляд его то и дело пробегал по деревьям вокруг, и он проводил рукой по длинной костяной рукояти своего меча. Джахар отошел от лошадей, содрал с *Каллandора* материю, в которую тот был завернут. Кристаллический меч с длинной рукоятью и слегка изогнутым клинком засверкал в бледных лучах солнца. Повинуясь властному жесту Мерисы, Джахар скорым шагом направился к группе женщин. Дамер тоже был с ними, как и Эбен. Кадсуане даже не попросила разрешения взять *Каллandор*. Ну и ладно. Сейчас – ладно.

– С этой женщиной и камень терпение потеряет! – проворчала Найнив, подойдя к Ранду широким шагом. Одной рукой она по-прежнему крепко сжимала лямку сумы на плече, а другой так же крепко вцепилась в свисавшую из-под капюшона косу. – В Бездну Рока ее, вот что я скажу! Ты уверен, что Мин не ошибалась на ее счет? Да ладно, думаю, что нет. Но все же!.. Да прекратишь ты

улыбаться? От такой улыбки и собака завоет!

– Мы тоже могли бы к делу приступить, – сказал Ранд, и Найнив заморгала.

– А Кадсуане ждать не будем? – Никто бы не подумал, что всего пару мгновений назад она жаловалась на Айз Седай. Сейчас она беспокоилась, как бы ее не расстроить.

– Она сделает то, что сделает, Найнив. А я с твоей помощью сделаю то, что должен.

Тем не менее она замешкалась, прижимая суму к груди и кидая обеспокоенные взгляды на женщин, обступивших Кадсуане. От них отделилась Аливия и заспешила через кочковатую поляну к Ранду и Найнив, обеими руками придерживая плащ.

– Найнив, Кадсуане говорит, что мне нужно взять у тебя *тер'ангриалы*, – сказала она с мягким медлительным шончанским выговором. – Не спорь сейчас, не время. Кроме того, они тебе без пользы, если ты собираешься с ним соединиться.

На сей раз брошенный Найнив взгляд в сторону Кадсуане был почти убийственным, но она, ворча под нос, посдирала с рук кольца и браслеты и отдала их Аливии. Сняла также и пояс с самоцветами, и ожерелье. Затем, помедлив, Найнив вздохнула и отстегнула свой необычный браслет, соединенный с кольцами плоскими цепочками.

– Можешь заодно забрать и это. Вряд ли мне понадобится *ангриал*. Ведь я собираюсь воспользоваться самым могущественным из когда-либо созданных *са'ангриалов*. Но я, понятное дело, хочу, чтобы мне их потом вернули, – с жаром договорила она.

– Я не воровка, – натянуто ответила ей женщина с орлиным взором, надевая четыре колечка на пальцы левой руки. Как ни странно, *ангриал*, который был сделан как будто по руке Найнив, подошел и ей, хотя пальцы у Аливии были длиннее. Обе женщины изумленно воззрились на странный браслет.

Ранд вдруг понял – обе они даже мысли не допускают, что он может потерпеть неудачу. Как хотелось бы ему самому испытывать такую уверенность! Но что должно быть сделано, то должно.

– Ранд, ты весь день ждать собираешься? – спросила Найнив, когда Аливия отправилась обратно к Кадсуане, причем более торопливо, чем шла к ним. Подоткнув плащ, Найнив уселась на торчавший из земли серый камень размером с небольшую скамейку, взгромоздила суму себе на колени и откинула кожаный клапан.

Ранд, скрестив ноги, сел на землю перед Найнив, а та достала два отпирающих ключа – гладкие белые статуэтки в фут высотой, каждая – с прозрачной сферой в поднятой руке. Ранду она протянула фигурку бородатого мужчины в просторных одеяниях, а

вторую, женщину в ниспадающем платье, поставила на землю подле своих ног. Лица статуэток были строги и суровы, на них лежала печать многолетней мудрости.

– Ты должен подвести себя к самой грани объятия Источника, – сказала Ранду Найнив, разглаживая юбки, которые в том вовсе не нуждались. – Тогда я смогу соединиться с тобой.

Со вздохом Ранд поставил фигурку бородача и отпустил *саидин*. Бушевавшие в нем пламя и холод исчезли, вместе с ними сгинула и отвратительно-склизкая мерзость, жизнь тоже как будто угасла, мир стал тускл и сер. Ранд оперся руками о землю рядом с собой, сопротивляясь дурноте, накатившей на него, когда он вновь обратился к Источнику, но вдруг голова у него закружилась по другой причине. На миг перед глазами, заслонив Найнив, встало чье-то неясное лицо, мужское, почти узнаваемое. О Свет, если бы такое случилось, когда он на самом деле схватился за *саидин*… Найнив склонилась к Ранду с тревогой на лице.

– Сейчас, – сказал он и потянулся к Источнику через фигурку бородача. Потянулся, но не ухватился за него. Он балансировал на грани, и ему хотелось выть от мучительной боли – его словно поджаривали беснующиеся огненные языки, и ревущие ветры секли промерзшим песком по обнаженной коже. Глядя, как Найнив делает быстрый вдох, он понимал, что длится все лишь миг, но ему казалось, что пришлось терпеть несколько часов, прежде чем…

Саидин хлынула через него – весь этот сплав огня и льда, вся скверна, и он совершенно не мог ее контролировать. Он видел поток, льющийся от него к Найнив. Чувствовал, как поток бурлит через него, чувствовал предательские приливы и движущиеся мели, которые способны уничтожить его в одно мгновение, чувствовал – но был не в состоянии ни сопротивляться, ни управлять потоком. Что само по себе причиняло огромные страдания. Вдруг Ранд понял, что он ощущает и Найнив, и это чувство во многом походило на то, как он ощущал Мин, но думать он мог лишь о *саидин*, устремившейся через него необузданным половодьем.

Найнив судорожно вздохнула.

– Как ты выдерживаешь… *это?* – хрипло спросила она. – Этот хаос, неистовство и смерть. О Свет! Теперь ты изо всех сил постарайся контролировать потоки, пока я… – В отчаянном стремлении обрести равновесие в этой нескончаемой борьбе с *саидин*, Ранд сделал так, как сказала Найнив, и она с воплем подскочила. – Ты же должен был подождать, пока я… – сердито начала она, потом продолжила просто недовольным тоном: – Ладно, по крайней мере, я от этого избавлена. Чего ты на меня такими глазами уставился? С меня как будто кожу живьем содрали!

– *Саидар,* – озадаченно пробормотал Ранд. Это было совсем… по-иному.

Рядом с водопадом *саидин, саидар* тек спокойной тихой рекой. Ранд окунулся в эту реку, и ему вдруг пришлось бороться с течениями, что пытались утащить его, с водоворотами, что норовили затянуть в неведомые омуты. Чем сильнее он боролся, тем мощнее становились изменчивые потоки. Только мгновение Ранд пытался овладеть *саидар* и уже чувствовал себя так, словно утонул в нем, словно его увлекало в вечность. Найнив говорила, что ему нужно делать, но ее указания казались столь чуждыми, что до этой секунды он не верил в их истинность. Сделав над собой усилие, Ранд заставил себя прекратить сопротивляться потоку, и тотчас же река вновь обрела прежнее спокойствие.

В этом-то и заключалась первая трудность – бороться с *саидин*, одновременно уступая *саидар*. Первая трудность – и первый ключ к тому, что он должен совершить. Мужская и женская половины Истинного Источника были и схожи, и несхожи, притягивали и отталкивали, боролись одна с другой, даже когда совместно приводили во вращение Колесо Времени. Порча на мужской половине также имела своего близнеца. Рана, нанесенная Ишамаэлем, пульсировала болью в унисон с порчей, а другая, от клинка Фейна, билась в обратном порче ритме, в такт колебаниям того зла, что уничтожило Аридол.

Кое-как заставляя себя действовать осторожно и мягко, используя необъятную силу незнакомого *саидар* в качестве основы, как он того и желал, Ранд сплел канал, одним концом которого коснулся мужской половины Источника, а другим – видимого вдалеке города. Труба должна быть из не запятнанного порчей *саидар*. Если все происходит так, как он предполагал, то труба из *саидин* может разрушиться, когда в нее начнет проникать порча. Он думал об этом как о трубе, хотя все было и не совсем так. Плетение сформировалось несколько иначе, чем он рассчитывал. Оно стало скручиваться, как будто у *саидар* имелся собственный разум, изгибаться спиралями, формой напоминая цветок. Смотреть было не на что – никаких грандиозных плетений, охватывающих небосклон. Ведь Источник сам есть сердце творения. Источник находился повсюду, даже в Шадар Логоте. Труба протянулась на невообразимое расстояние – и в то же время вообще не имела длины. Как бы плетение ни выглядело, это должна быть именно труба. А если нет…

Зачерпнув *саидин*, борясь с нею, подчиняя ее себе в смертельном, столь хорошо известном ему танце, Ранд погнал ее в напоминающее цветок плетение *саидар*. И *саидин* потекла через него. *Саидин* и *саидар*, похожие и непохожие, не смешивались. Поток

саидин протискивался сам по себе, не касаясь окружающего *саидар*, а *саидар* давил со всех сторон, сжимая еще сильнее, заставляя течь быстрее. Чистая *саидин*, чистая, за исключением порчи, коснулась Шадар Логота.

Ранд нахмурился. Неужели он ошибся? Ничего не произошло. Разве что… Раны у него в боку как будто запульсировали быстрее. Среди огненной бури и ледяного неистовства *саидин* мерзостность как будто зашевелилась, задвигалась. Слабое движение, которое могло ускользнуть от внимания, не старайся он изо всех сил хоть что-нибудь заметить. Незначительное шевеление среди сердцевины хаоса, но все в одном и том же направлении.

– Продолжай, – промолвила Найнив. Ее глаза сверкали, как будто для восторга ей хватало текущего в ней потока *саидар*.

Ранд зачерпнул еще из обеих половин Источника, укрепляя стенки созданной трубы и одновременно вгоняя в нее все больше *саидин*, вытягивая все больше Силы, вбирая ее до предела. Ему хотелось кричать от того, какая мощь текла в нем. Казалось, что его больше не существует, что вместо него есть одна только Единая Сила. Он услышал, как застонала Найнив, но его всецело поглотила смертельно опасная, беспощадная борьба с *саидин*.

* * *

Вертя кольцо Великого Змея на безымянном пальце левой руки, Элза во все глаза смотрела на мужчину, которому поклялась служить. Он сидел на земле с мрачным лицом, глядя прямо перед собой, словно и не видел этого дичка, Найнив, которая сидела перед ним и сияла, словно солнце. Возможно, он и в самом деле ее не видел. Элза чувствовала *саидар*, хлынувший через Найнив лавиной, о мощи которой и мечтать было нельзя. Все сестры в Башне совместно могли зачерпнуть лишь незначительную долю этого океана. Поэтому Элза и завидовала дичку, но в то же время считала, что сама сошла бы с ума от чистейшего удовольствия обладания подобной мощью. Несмотря на холод, лицо Найнив покрылось бисеринками пота. Губы ее приоткрылись, а большие глаза восторженно уставились куда-то вдаль, сквозь Дракона Возрожденного.

– Боюсь, скоро начнется, – объявила Кадсуане. Отвернувшись от Найнив и Ранда, седоволосая сестра подбоченилась и обвела пронзительным взглядом вершину холма. – Их почувствуют в Тар Валоне, а то и на другой стороне мира. Все по местам.

– Давай, Элза, – сказала Мериса, и ее окружило сияние *саидар*.

Элза позволила Марисе вовлечь себя в соединение, но вздрогнула, когда та ввела к ним в круг своего Стража-Аша'мана. Он отличался мрачной красотой, но кристаллический меч в его ру-

ках слабо светился, и она почувствовала невероятно бурное течение, которое должно было быть *саидин*. И хотя Мериса контролировала потоки, от мерзости *саидин* у Элзы в животе все перевернулось. Все равно что навозная куча, гниющая знойным летом. Привлекательное, хотя и очень суровое лицо другой Зеленой на миг еле заметно исказилось, и она поджала губы, как будто тоже боролась с позывами к тошноте.

Вокруг вершины холма начали образовываться круги: Сарен и Кореле соединились со стариком Флинном, а Несан, Белдейн и Дайгиан – с юным Хопвилом. Верин и Кумира даже сформировали круг с дичком из Морского Народа; та и в самом деле отличалась значительной силой, и нужно было использовать всех, кого возможно. Закончив формирование круга, они уходили с вершины, и каждый круг скрывался среди деревьев в разных направлениях. Аливия, крайне необычный дичок, – кажется, у нее другого имени и не было, – отправилась на север, плащ хлопал на ветру у нее за спиной, а саму ее окружало сияние Силы. Эта женщина с тонкими морщинками у глаз внушала беспокойство, и была она к тому же невероятно сильна. Элза многое отдала бы, чтобы заполучить в свои руки *тер'ангриалы*, что были при Аливии.

При необходимости Аливия и три других круга должны были обеспечить круговую оборону, но самое главное находилось здесь, на холме. Возрожденного Дракона нужно защитить любой ценой. Разумеется, эту задачу взяла на себя сама Кадсуане, но круг Мерисы остался рядом с нею. У Кадсуане имелся собственный *ангриал*, и, судя по количеству *саидар*, что она зачерпнула, его мощь превышала объединенные возможности Мерисы и Элзы, однако даже она меркла по сравнению с тем потоком Силы, который тек через *Калландор*.

Элза глянула в сторону Дракона Возрожденного и глубоко вздохнула.

– Мериса, знаю, просить не следует, но можно мне смешивать потоки?

Она ожидала, что придется упрашивать, но высокая женщина лишь на мгновение заколебалась, а потом кивнула и передала ей контроль. Почти сразу напряженные складки у рта Мерисы исчезли, хотя мягче выражение ее лица не стало. Огонь, лед и порча вскипели в Элзе, и она содрогнулась. Какова бы ни была цена, но Дракон Возрожденный должен дожить до Последней Битвы. Любой ценой.

* * *

Бармеллин катил на своей телеге по заснеженной дороге в Тремонсин, гадая, заплатит ли старая Маглин из «Девяти Колец»

столько, сколько он запросит за сливовый бренди, бочонки с которым стояли у него за спиной. Радужных надежд Бармеллин не питал. Маглин весьма прижимиста и с серебром расстается крайне неохотно, а бренди был не очень-то хорош, к тому же зима перевалила за середину, и она вполне может решить, что лучше обождать весны, когда бренди будет получше. Вдруг до него дошло, что день кажется уж больно светлым. Почти что летний полдень, а не зимнее утро. И что самое странное, свечение как будто исходило из громадной ямы возле дороги, где в прошлом году что-то раскапывали рабочие из столицы. По слухам, там была чудовищных размеров статуя, но сам Бармеллин любопытством не страдал и своими глазами ее никогда не видел.

Теперь же, почти против воли, он натянул вожжи, останавливая свою крепенькую кобылку, потом слез и с трудом побрел по сугробам к краю ямищи. Она была в сотню шагов глубиной и раз в десять больше в поперечнике. От исходившего снизу слепящего сияния Бармеллину даже пришлось прикрыть лицо руками. Прищурясь и глядя в щели между пальцами, он различил внизу сияющий шар, подобный второму солнцу. И тут его осенило, что дело, должно быть, не обошлось без Единой Силы.

С полузадушенным воплем Бармеллин, проваливаясь в снег, кинулся обратно к телеге. Вскочил в нее и начал хлестать Нису, чтобы та живее переставляла ноги, одновременно стараясь развернуть кобылу назад, к родной ферме. Нет, лучше он будет сидеть дома, а бренди сам выпьет. Причем весь, до капельки.

* * *

Погруженная в свои мысли, Тимна шла неторопливым шагом, не глядя на оставленные под паром поля, что раскинулись на склонах холма. Тремалкин – большой остров, и на таком удалении от моря в воздухе почти не чувствовался привкус соли, однако ее тревожили Ата'ан Миэйр. Они отвергали Водный Путь, однако Тимна входила в число Указывающих, избранных, если сие возможно, защитить их от самих себя. Возложенная на нее обязанность стала ныне еще сложнее и трудней, они слишком взбудоражены из-за этого своего Корамура. На острове их осталось немного. Даже правители, вечно, как то бывает с Ата'ан Миэйр, мучительно переживающие пребывание вдали от моря, отправились на первых попавшихся суденышках на его поиски.

Внезапно взор Тимны привлек один из невспаханных холмов. Громадная каменная рука, торчавшая из земли, сжимала прозрачную сферу величиной с дом. И сфера эта сияла, как ослепительное летнее солнце.

Все мысли об Ата'ан Миэйр вылетели из головы. Тимна подобрала плащ и уселась на землю, с улыбкой размышляя, что она, возможно, собственными глазами видит исполнение пророчества и конец Иллюзии.

* * *

– Если ты и вправду одна из Избранных, я буду служить тебе, – с сомнением в голосе произнес бородатый мужчина, стоявший перед Синдани, но она не слушала, что он там говорит.

Она чувствовала. Такое количество *саидар*, зачерпнутое в одном месте, было поистине маяком, сигнальным костром, который способна ощутить и обнаружить любая женщина в мире, обладающая даром направлять Силу. Значит, он нашел женщину, чтобы та пустила в ход второй ключ доступа. С ним вместе она сама могла бы бросить вызов Великому Повелителю – и самому Создателю! Она готова была разделить с ним власть, позволить ему править миром подле нее. И он пренебрег ее любовью, пренебрег ею!

Лепечущий ей что-то болван был человеком важным – по понятиям, принятым здесь и сейчас, – но у нее не было времени проверять, заслуживает он доверия или нет. А не будучи в нем уверенной, она не могла оставить его здесь одного. Не могла – когда чувствовала, как рука Моридина поглаживает *кор'совру*, в которую заключена ее душа. Тонкий, как бритва, поток Воздуха надвое рассек бороду болвана, срезав голову. Другой поток отшвырнул тело, чтобы ударившая фонтаном из шеи кровь не забрызгала ей платье. Не успели еще голова и тело упасть на каменный пол, как Синдани уже спряла переходные врата. Ее манил маяк.

Она шагнула из врат в раскинувшийся на холмах лес. Окинув взглядом голые замерзшие ветви, с которых местами свешивались увядшие бурые жгуты вьющихся растений, и редкие коврики снега, она задумалась, куда же завлек ее маяк. Впрочем, это было неважно. Сигнал полыхал к югу от нее – такого количества *саидар* хватит, чтобы одним махом опустошить целый континент. Он должен быть именно там, он и еще какая-то женщина, с которой он изменил ей. Она аккуратно зачерпнула Силу, готовясь спрясть паутину, в которой его ждет смерть.

С безоблачного неба полоснули молнии – таких Кадсуане никогда не видывала: не зубчатые стрелы, а голубовато-серебристые копья били по вершине холма, где она стояла, но ударяли они в сплетенный ею перевернутый щит, с оглушительным грохотом взрываясь в пятидесяти футах над головой. Даже под прикрытием щита воздух потрескивал, и волосы у Кадсуане приподнима-

лись и шевелились. Без помощи свисавшего с прически *ангриала*, похожего на птичку-сорокопута, она ни за что не удержала бы шит.

Вторая золотая птичка, ласточка, висела у нее на руке на цепочке.

– Там, – сказала Кадсуане, указывая в ту сторону, куда как будто летела птичка. Жаль, что нельзя определить, насколько далеко место, где направляли Силу и мужчина то был или женщина, но придется обойтись одним направлением. Она надеялась, что не будет никаких… неприятных происшествий. Там находились и ее люди. Впрочем, если предупреждение пришло одновременно с нападением, то особо сомневаться не приходится.

Едва это единственное слово слетело с уст Кадсуане, как в лесу на севере расцвел огненный фонтан, потом еще один и еще, и вот уже линия огня уступами устремилась на север. В руках юного Джахара ослепительно пламенел *Калландор*. Удивительно, но, судя по напряжению в лице Элзы и по тому, как ее пальцы вцепились в юбки, именно она направляет эти потоки.

Мериса сгребла в горсть черные волосы мальчика и нежно потянула.

– Спокойней, мой милый! – промурлыкала она. – О-о, держи ровней, мой очаровательный силач!

Он обаятельно улыбнулся ей.

Кадсуане чуть заметно покачала головой. Трудно понять взаимоотношения любой сестры с ее Стражем, а уж тем более – у Зеленых, но сейчас ей было не до того, чтобы вникать, что происходит у Мерисы с ее мальчиками.

Внимание Кадсуане куда больше занимал другой мальчик. Найнив покачивалась, стонала от исступленного восторга, который дарило ей невероятное количество *саидар*, но Ранд сидел как каменный, по его неподвижному лицу катился пот. Взгляд застыл, глаза сверкали как отполированные сапфиры. Осознает ли он вообще, что творится вокруг него?

Ласточка на цепочке под ее рукой повернулась.

– Там, – сказала Кадсуане, указывая на развалины Шадар Логота.

* * *

Ранд больше не видел Найнив. Он не видел ничего, ничего не чувствовал. Он плыл в волнах огненных морей, карабкался по рушащимся ледяным горам. Порча накатывалась подобно океанскому приливу, стремясь смести его. Если он хоть на миг утратит контроль, порча обдерет с него все, что он есть, и унесет ошметки по той трубе. И совсем плохо было то, что порчи на мужской

половине Источника как будто не становилось меньше, хотя мерзость потоком неслась через странный цветок. Порча походила на масло, плавающее на воде слоем столь тонким, что его не замечаешь, пока не коснешься, однако покрывала она всю безграничную поверхность мужской половины Источника, будучи сама целым океаном. Ему нужно продолжать начатое и держаться. Нужно. Но как долго? И сколько он сможет продержаться?

* * *

Если он сумеет свести на нет то, что ал'Тор сделал с источником, подумал Демандред, шагнув из переходных врат в Шадар Логот, если отметет все его потуги одним мощным, неожиданным ударом, то, возможно, убьет этим и его самого или хотя бы выжжет способность направлять Силу. Он разгадал план ал'Тора, стоило только понять, где оказались ключи доступа. Блестящий замысел, не мог не признать Демандред, как бы безумно опасен он ни был. Льюс Тэрин всегда был мастер составлять планы, правда, не слишком выдающийся. Ему, Демандреду, например, он и в подметки не годился.

Однако, бросив один взгляд на усыпанную битым камнем улицу, Демандред решил все же ничего не менять в своих планах. Рядом возвышался светлый купол, от которого уцелела только половина, его расколотая верхушка поднималась над улицей больше чем на две сотни футов, а еще выше по небу разливался утренний свет. Но под обрушившимся куполом и на самой улице было темно от теней, словно здесь уже наступила ночь. Город… мелко подрагивал. Демандред ощущал эту дрожь сквозь подошвы сапог.

В лесу полыхнул огонь. Порожденные *саидин* взрывы, швырявшие в воздух деревья сгустками огненных столбов, быстро двинулись к нему, но он уже сплел врата. Прыгнув через них в чащу оплетенных плющом деревьев, он закрыл врата и во все лопатки побежал вперед – оставляя глубокие борозды на снежных пятачках, спотыкаясь о невидимые под палой листвой корневища и камни, но ни на секунду не убавляя скорости. Из предосторожности паутина была «обращена», но такой же вывернутой была и первая, а он все же был воином. Продолжая бежать, Демандред услышал взрывы, которых ожидал, и понял, что они столь же неумолимо несутся туда, где находились его врата, точно так же, как и огненные всплески среди развалин двигались прямо на него. Но теперь взрывы слышались в отдалении и не представляли опасности. Не замедляя бега, Демандред повернул в сторону ключа доступа. Благодаря такому количеству несущейся через ключ *саидин* в небе все равно что пылала огненная стрела, указы-

вавшая на ал'Тора.

Ну вот. Если только кто-то в этой проклятой Эпохе не открыл еще один неведомый дар, то ал'Тор, должно быть, завладел приспособлением, *тер'ангриалом*, которое способно обнаруживать направляющего Силу мужчину. Судя по всему, что Демандред знал о времени, которое теперь называли Разломом, после того как сам он был замурован в Шайол Гул, женщины, умеющие изготовлять *тер'ангриалы*, наверняка пытались создать такой, что выполняет подобную функцию. В войне противная сторона всегда придумает что-то, чего ты не ожидаешь, и к этому надо быть готовым. А он знал толк в войнах. Первым делом надо подобраться поближе.

Вдруг в лесу, справа от себя, Демандред заметил людей и схоронился за стволом какого-то дерева с серой корой. Лысый старик с венчиком совершенно седых волос ковылял между двух женщин, одна из них была красива какой-то дикой красотой, а вторая – и вовсе сногсшибательно хороша. Что они делают в глухом лесу? Кто такие? Приятели ал'Тора или просто люди, оказавшиеся здесь не вовремя и некстати? Кто бы они ни были, Демандред не решался их убить. Всякое использование Силы послужит ал'Тору предупреждением. Лучше подождать, пока они пройдут мимо. Старик водил головой из стороны в сторону, словно что-то искал среди деревьев, но Демандред сомневался, что дряхлость позволяет ему видеть дальше собственного носа.

Вдруг старик остановился и вытянул руку, указывая точно на Демандреда, и тому нежданно-негаданно пришлось лихорадочно отбиваться от сети *саидин*, обрушившейся на его охранение куда сильнее, чем можно было предположить. Мощью она не уступала его собственному плетению. Да эта старая развалина – Аша'ман! А одна из женщин, если не обе, должно быть, та, кого в эти времена называют Айз Седай, и объединена со стариком в кольцо.

Демандред решил атаковать сам и смять противника, но старик безостановочно метал в него сеть за сетью, и ему оставалось только отражать их. Отбитые Демандредом паутины *саидин*, задевая деревья, либо поджигали их, либо раскалывали стволы в щепки. Он был полководцем, великим военачальником, но ведь полководцы не сражаются вместе с солдатами, которыми командуют! Зарычав и оскалившись, Демандред начал отступать, а вокруг трещали объятые яростным пламенем деревья, грохотали, не смолкая, взрывы. Демандред отступал от ключа доступа. Но рано или поздно старик устанет, тогда и настанет время убить ал'Тора. Если кто-то из остальных не доберется до ал'Тора первым. Демандред горячо надеялся, что его все же не опередят.

* * *

Подобрав юбки до колен и выругавшись, Синдани проскочила в третьи переходные врата и побежала прочь. Она слышала, как к вратам приближаются взрывы, и поняла, что на этот раз надвигаются они прямо на нее. Спотыкаясь о невидимые под снегом стебли плюща, налетая на стволы деревьев, Синдани бежала все дальше. Как же она ненавидела лес! Но некоторые из Избранных тоже были тут – она видела, что огненные фонтаны двигаются не только на нее, а куда-то еще; она чувствовала, что нити *саидар* сплетают не в одном месте, причем бьют Силой без оглядки, – но она молилась Великому Повелителю, чтобы первой до Льюса Тэрина добралась она. Синдани поняла, что страстно желает видеть, как он умирает, а для этого ей нужно подобраться поближе.

* * *

Скорчившись за упавшим деревом, Осан'гар с трудом переводил дыхание после напряженного бега. Физические упражнения он не полюбил даже после нескольких месяцев, проведенных под личиной Корлана Дашивы. Едва не прикончившие его взрывы затихли в стороне, потом загрохотали вновь, но уже где-то вдалеке, и он, осторожно приподнявшись, выглянул из-за серого ствола. Разумеется, он не считал кусок древесины надежной защитой. Он никогда не был солдатом, да и не воевал по-настоящему. Его таланты лежали в иной сфере, он был гением в другом. Троллоки были творением его рук, а следовательно, и происходившие от них Мурддраалы – тоже, и это – не считая множества прочих созданий, ошеломивших мир и прославивших его имя. Ключ доступа буквально полыхал от *саидин*, но он чувствовал также, как вокруг него то там, то тут пускают в ход и гораздо меньшие порции Силы.

Осан'гар предполагал, что остальные Избранные окажутся здесь раньше него, надеялся, что они успеют выполнить задачу до его появления, но, похоже, им это не удалось. Похоже, ал'Тор привел с собой нескольких пресловутых Аша'манов, и вдобавок он, судя по мощи направленных на самого Осан'гара огненных ударов, принес и *Калландор*. Вполне возможно, с ал'Тором здесь находятся и приручeнные им так называемые Айз Седай.

Вновь спрятавшись за дерево, Осан'гар прикусил губу. Этот лес – опасное место, намного опаснее, чем он предполагал, гению здесь делать нечего. Но существовало еще одно обстоятельство: Моридин приводил его в ужас. Всегда, с самого начала, тот вселял в Осан'гара животный страх. Моридин обезумел от своего могущества еще до того, как их замуровали в Скважине, а после высвобождения он, кажется, возомнил *себя* Великим Повелителем. Моридин непременно узнает, что он сбежал, и убьет его. Хуже

того, если ал'Тор преуспеет, Великий Повелитель, возможно, решит убить их обоих, а заодно и Осан'гара. Ему безразлично, умрут ли остальные, но о себе самом Осан'гар очень волновался.

Он не слишком хорошо умел определять время по солнцу, но явно близился полдень. Осан'гар с трудом поднялся, вымазал землей свою одежду, затем, поборов раздражение, начал пробираться от дерева к дереву – осторожно красться, как он это себе представлял. И крался он в сторону сияющего ключа. Может, кто-то из Избранных прикончит ал'Тора раньше, чем до него доберется Осан'гар. А если нет, возможно, ему выпадет шанс стать героем. Но главное, разумеется, – осмотрительность.

* * *

Нахмурившись, Верин смотрела на призрак, пробиравшийся среди деревьев слева от нее. Иным словом она не могла назвать женщину, шагавшую по лесу в просторном одеянии, которое каждый миг меняло цвет, принимая порой самые невероятные оттенки, иногда становясь также черным или белым, а то и совершенно прозрачным! Женщина не торопилась, но направлялась она к холму, где находился Ранд. Может, Верин и ошибается, но это крайне маловероятно – перед ней одна из Отрекшихся.

– Мы что, так и будем на нее глядеть? – яростно прошептала Шалон. Она сердилась, что потоки объединяет не она, как будто для Айз Седай имеет значение уровень силы дичка. И настроение ее нисколько не улучшилось после многочасового хождения по лесу.

– Мы обязаны *что-то* предпринять, – тихо промолвила Кумира, и Верин кивнула.

– Вот я и размышляю, что именно. – Она решила, что лучше применить щит. Пожалуй, захваченная Отрекшаяся может оказаться очень полезной.

Воспользовавшись всей мощью круга, Верин сплела щит и с ужасом увидела, что его отбросило обратно. Женщина уже обнимала *саидар*, хотя вокруг нее не было никакого свечения, и была она безгранично сильна!

Потом у Верин не осталось времени на раздумья – золотоволосая женщина развернулась и начала направлять Силу. Верин не видела плетений, но, отбивая удар, поняла, что сражается за свою жизнь, а она зашла слишком далеко и не имела права погибнуть здесь.

* * *

Эбен поплотнее закутался в плащ и пожалел, что не в полной мере овладел умением не замечать холода. Обыкновенный мороз

он еще мог игнорировать, но не ветер, который поднялся, едва солнце перевалило за полдень. Три сестры, с которыми он был в соединении, попросту отдали свои плащи на волю ветра, а сами старались смотреть разом во все стороны. Круг возглавляла Дайгиан – как считал Эбен, из-за него, – но зачерпнула она так мало, что он едва ощущал шорох текущей сквозь него *саидин*. Ей не хотелось без необходимости обращаться к *саидин*. Эбен заботливо надвинул капюшон поглубже на голову Дайгиан, и она улыбнулась ему. Узы донесли до него ее нежность, и, как подумал он, такую же ласку ощутила в ответ и Дайгиан. Эбен подумал, что со временем он, может, и полюбит эту маленькую Айз Седай.

Лавина *саидин* за спиной Эбена, казалось, не позволит ему из-за своей мощи почувствовать, как направляют Силу другие, но он по-прежнему ощущал вокруг тех, кто к ней обращался. Завязалась битва, а они вчетвером пока только и делают, что ходят. Впрочем, Эбен был совсем не прочь, чтобы все ограничилось прогулкой. Он был у Колодцев Дюмай и сражался с Шончан, и понял, что про битвы гораздо интереснее читать в книгах, чем участвовать в них самому. Раздражало то, что ему не дали возглавить круг. Конечно, Джахару тоже не доверили, но Эбен считал, что Мериса из забавы заставит Джахара служить, как собачку. А вот Дамеру позволили управлять кругом. Да, тот на несколько лет его старше – ну, не на несколько, Дамер все же будет постарше отца Эбена, – но это еще не причина, чтобы Кадсуане смотрела на него так, будто он…

– Вы не могли бы мне помочь? Кажется, я заблудилась, и лошадь у меня убежала. – На женщине, которая вышла вдруг из-за дерева, не было даже плаща. Незнакомка была одета всего лишь в платье из темно-зеленого шелка, причем с таким низким вырезом, что он открывал взорам чуть ли не всю ее соблазнительную грудь. Обрамлявшие красивое лицо черные волосы волнами ниспадали на плечи. Она улыбнулась, и в ее зеленых глазах засверкали искорки.

– Странное место для верховых прогулок, – с подозрением в голосе произнесла Белдейн. Эта миловидная Зеленая не очень-то обрадовалась тому, что Кадсуане сделала старшей Дайгиан, и пользовалась любым случаем высказать свое мнение о решениях, которые Дайгиан принимала.

– Я не думала, что заеду так далеко, – сказала женщина, подходя ближе. – Вижу, вы все – Айз Седай. А это с вами… слуга? Вы не знаете, что за шум вокруг?

Вдруг Эбен почувствовал, что от лица его отхлынула вся кровь. Он ощутил нечто невозможное! Зеленоглазая женщина, сдвинув брови, взглянула на него с удивлением, и Эбен сделал единствен-

ное, что мог в такой ситуации.

– Она удерживает *саидин!* – выкрикнул он и бросился на женщину, чувствуя, как Дайгиан зачерпывает Силу полной чашей.

* * *

Синдани замедлила шаг, увидев в сотне шагов от себя женщину. Высокая, светловолосая, та стояла среди деревьев и смотрела на приближавшуюся Синдани. Идущая окрест битва с применением Силы, всплески которой Синдани ощущала в разных местах, заставляла ее держаться настороже и в то же время внушала надежду. Одета женщина была очень скромно, в простой шерстяной наряд, но драгоценностей нацепила несообразно много, под стать если не королеве, то знатной даме. Преисполненная *саидар*, Синдани различала даже тонкие морщинки в уголках ее глаз. Значит, она не из тех, кто называет себя Айз Седай. Но кто? И почему стоит здесь, как будто вознамерилась заступить дорогу Синдани? Впрочем, особой роли это не играет. Направить Силу сейчас означает выдать себя, но у нее есть время. Ключ сиял ослепительным маяком Силы. Льюс Тэрин по-прежнему жив. Какая разница, что глаза этой женщины яростно сверкают, – коли ей вздумалось не пропустить Синдани, справиться с нею хватит и ножа. А на тот случай, если светловолосая окажется той, кого называют дичком, Синдани приготовила маленький подарочек – вывернутую паутину, которую та даже не заметит, пока не станет слишком поздно.

Внезапно женщину окружило сияние *саидар*, но с руки Синдани сорвался заранее приготовленный огненный шар – настолько маленький, что, как она надеялась, его и не увидят, но достаточно мощный, чтобы насквозь прожечь эту женщину, которая…

Едва шар долетел до светловолосой – он вполне мог уже опалить ее одежду, – как паутина Огня распалась. Женщина не сделала ничего – нацеленная на нее сеть попросту развалилась! Синдани никогда не слыхала о *тер'ангриале*, способном разорвать паутину, но без такового явно не обошлось.

Потом женщина сама нанесла удар, и Синдани испытала вторичное потрясение. Она оказалась сильнее, чем была Синдани до того, как попала к Элфин и Илфин! Это невозможно – не существовало женщины, которая *могла* быть сильнее. Значит, у нее есть какой-то *ангриал*. Потрясение длилось лишь мгновение – и это мгновение ушло на то, чтобы рассечь потоки светловолосой. Она не знала, как их выворачивать, как их обращать. Пожалуй, этого небольшого преимущества Синдани хватит. Она *должна* увидеть, как умрет Льюс Тэрин! Светловолосая женщина пошатнулась, когда ее хлестнуло обрезанными потоками, но, еще переступая

после удара с ноги на ногу, она вновь направила Силу. Синдани с рычанием отразила атаку, и земля у них под ногами заходила ходуном. Она *должна* увидеть, как он умрет! *Должна!*

* * *

Высокий холм находился не очень близко от отпирающего ключа, но тот все равно сиял в голове Могидин так ярко, что она изнывала от нестерпимого желания хотя бы прикоснуться к столь безмерному потоку *саидар*. Какой восторг, наверное, ощущать такую мощь, и даже тысячную его часть. Она изнывала от желания, но дальше этой выгодной высотки, поросшей леском, заходить не намеревалась. Только одна угроза – руки Моридина, гладящие ее *кор'сорву*, – заставила ее вообще Переместиться сюда, и она, как могла, оттягивала этот момент, молилась, чтобы все было кончено раньше, чем ее вынудят отправиться к месту битвы. Могидин всегда действовала из-за угла, под покровом тайны, но, едва она появилась тут, как ей сразу пришлось уклоняться от атаки. А в разных концах раскинувшегося перед Могидин леса под полуденным солнцем сверкали молнии и вспыхивало пламя – сплетенные из *саидар* и из того, что, по-видимому, было *саидин*. Над горящими купами деревьев поднимались столбы черного дыма, то и дело раздавался грохот взрывов.

Кто сражается, кто жив, кто умер – это было безразлично Могидин. За исключением одного – ей было бы приятно, если бы погибла Синдани или Грендаль. А лучше обе. Могидин же – нет, она не станет бросаться в гущу битвы. Если бы ей показалось мало развернувшегося по всему лесу сражения, ее остановило бы то, что она увидела за сияющим ключом доступа. Колоссальный приплюснутый купол черноты над лесом – как будто ночь обратилась в камень. Могидин вздрогнула, когда по темной поверхности пробежала рябь и купол заметно приподнялся. Что бы это ни было, приближаться к куполу еще хотя бы на шаг – чистое безумие. Моридин никак не сможет узнать, что она тут делает… или не делает.

Отступив на противоположный край вершины, подальше от сияющего ключа и странного купола, Могидин села и занялась тем, чем так часто занималась в прошлом. Наблюдать из тени и ждать – чтобы выжить.

* * *

Мысленно Ранд кричал. Он был уверен, что кричит, что кричит и Льюс Тэрин, но в реве не слышал никаких голосов. Мерзкий океан порчи бешеным потоком несся сквозь него, грохоча от яростного напора. Приливы скверны обрушивались на него гро-

мадными волнами. На него набрасывались беснующиеся ураганы грязи. Он понимал, что единственная причина, почему он до сих пор не отпустил Силу, – это порча. *Саидин* могла изменяться каждый миг, могла ослеплять, могла убить его – и он даже понять этого не успел бы. Гнилостное половодье затопило все прочее, и он цеплялся, как мог, чтобы удержаться, не дать ему унести себя. Порча перемещалась. Сейчас важно только это. Он должен держаться!

* * *

– Мин, что ты скажешь? – Кадсуане, несмотря на усталость, еще находила в себе силы стоять. Кто угодно устал бы, держа такой щит весь день напролет.

Какое-то время атак на холм не было, и вообще казалось, что активно направляют Силу только Найнив и мальчик. Во всяком случае, так подсказывали Кадсуане ее ощущения. Элза расхаживала по гребню холма, описывая круги без счета, она по-прежнему находилась в соединении с Мерисой и Джахаром, но ей сейчас нечего было делать, кроме как внимательно разглядывать окрестные холмы. Джахар сидел на камне, у него под рукой слабо светился *Калландор*. Мериса сидела на земле рядом с Джахаром, положив голову ему на колено, и он гладил ее по волосам.

– Ну, Мин? – настойчиво окликнула девушку Кадсуане.

Та подняла на нее сердитый взгляд. Они с Харине сидели в маленькой ложбинке на каменистой вершине – их загнали сюда Томас с Моадом. Хорошо, хоть у мужчин хватило ума понять и принять, что в этой битве им места нет. Харине угрюмо смотрела исподлобья, и мужчинам не раз и не два приходилось удерживать Мин, порывавшуюся кинуться к юномуаль'Тору. Они даже были вынуждены отобрать у нее ножи – после того, как она попыталась порезать их своим оружием.

– Я знаю, что он жив, – пробурчала девушка, – и думаю, что ему больно. Только если и я уже чувствую, что ему больно, значит, он от боли просто умирает. Пустите меня к нему.

– Сейчас ты ему только помешаешь.

Пропустив мимо ушей недовольное ворчание Мин, Кадсуане, ступая по кочковатой земле, подошла к Ранду и Найнив, но смотрела она не на них. Даже на расстоянии нескольких миль черный купол, вознесшийся на высоту тысячи футов, выглядел громадным. По куполу пробегали волны. Поверхность его казалась вороненой сталью, но от нее не отражалось ни единого солнечного лучика. Наоборот, возле купола свет как будто тускнел.

Ранд сидел точно так же, как и вначале, недвижимой, невидящей статуей, лишь пот градом катился по его лицу. Если он, как

сказала Мин, и мучался от боли, с виду страдания никак не проявлялись. Кадсуане, правда, все равно не знала, что она могла бы для него сделать, что осмелилась бы сделать. Потревожишь его сейчас – и последствия могут быть самыми ужасными. Поглядывая на разрастающийся мертвенно-черный купол, Кадсуане хмыкнула. Ну, прежде всего, к ужасным последствиям может привести и то, что ему вообще позволили поступить по-своему.

Найнив со стоном соскользнула на землю с камня, на котором сидела. Платье ее было мокрым от пота, к влажному лицу прилипли пряди волос. Веки ее слабо трепетали, грудь поднималась и опускалась – она жадно глотала воздух.

– Не могу больше, – проскулила она. – Больше не выдержу.

Кадсуане заколебалась – а колебаться она не привыкла. Девочка не выйдет из круга, пока ее не отпустит юный ал'Тор, но если только у этих Чойдан Кэл нет такого же изъяна, какой имеет *Калландор*, Найнив может зачерпнуть Силы лишь столько, сколько способна выдержать без вреда для себя. Если не считать того, что она служит проводником для такого потока *саидар*, с каким не совладала бы и вся Белая Башня, использовав все имеющиеся у нее в наличии *ангриалы* и *тер'ангриалы*. Через девочку уже несколько часов несется неимоверный поток Силы, и ее может убить обыкновенная физическая усталость.

Опустившись возле нее на колени, Кадсуане положила золотую ласточку рядом на землю, обхватила ладонями голову Найнив и уменьшила направляемый в щит поток *саидар*. В Исцелении ее способности были не более чем средними, но ей было под силу придать девочке немного бодрости и не свалиться самой. Однако она отдавала себе отчет в том, что щит над ними ослабел, и, не теряя зря времени, сразу начала формировать потоки.

* * *

Выбравшись на гребень холма, Осан'гар шлепнулся на живот и по-крабьи отполз в сторону, прячась под укрытие дерева. Отсюда, преисполненный *саидин*, он отчетливо видел вершину соседнего холма и различал людей на ней. Не так много, как он ожидал. Одна женщина медленно ходила кругами по гребню, вглядываясь в деревья, все остальные оставались на месте. Наришма сидел с мерцавшим у него в руках *Калландором*, женщина положила голову ему на колено. Чуть в стороне Осан'гар заметил еще двух женщин, одна стояла на коленях возле другой, но их заслоняла спина мужчины. Ему незачем было видеть его лицо, чтобы узнать ал'Тора. На то, кто это, ясно указывал лежавший рядом с ним ключ. Для глаз Осан'гара ключ доступа сиял ярче яркого. Перед мысленным же его взором ключ затмевал своим сиянием солнце,

тысячу солнц! Будь у него отпирающий ключ, чего он только ни сделал бы! Жаль, что его нужно уничтожить вместе с ал'Тором. Но он может забрать себе *Каллandор*, после того как ал'Тор умрет. Ни у кого из Избранных не имелось даже завалящего *ангриала*. И даже сам Моридин станет заискивать перед Осан'гаром, когда в руках у него окажется кристаллический меч. Ни'блис? Что ж, после того, как Осан'гар уничтожит ал'Тора и то, что он тут понаделал, он будет назван Ни'блисом. Тихонько рассмеявшись, Осан'гар сплел погибельный огонь. Кто бы мог помыслить, что именно он станет героем сегодняшнего сражения?

Неспешно расхаживая кругами, Элза скользила взором по окрестным лесистым холмам. И вдруг остановилась – уголком глаза она уловила какое-то движение. Элза медленно повернула голову – вон он, холм, где взгляд за что-то зацепился. День сегодня выдался для нее очень трудный. Когда ее держали в плену в айильском лагере в Кайриэне, Элзе пришло в голову, что совершенно необходимо, чтобы Дракон Возрожденный дожил до Последней Битвы. Эта мысль вдруг показалась настолько очевидной, что Элза даже растерялась – как она раньше этого не понимала. Теперь она понимала это так же отчетливо, как отчетливо, благодаря *саидар*, различала лицо мужчины, пытавшегося затаиться на том холме и выглядывавшего сейчас из-за дерева. Сегодня ее вынудили сражаться с Избранными. Наверняка Великий Повелитель понял бы, если бы ей на самом деле пришлось убить кого-то из них, но Корлан Дашива – всего лишь один из тех Аша'манов. Дашива вытянул руку в сторону холма, где стояла она, и Элза зачерпнула через *Каллandор* в руках Джахара столько, сколько смогла. У нее сложилось впечатление, что *саидин* – весьма подходящее средство уничтожения. Вершину соседнего холма объял громадный шар слепящего огня, красно-золотистого, с голубыми всполохами. Когда неистовствующее пламя пропало, холм стал футов на пятьдесят ниже, и верхушка его была теперь ровной, как стол, и черной, как пепелище.

Могидин не понимала, почему она торчит здесь так долго. До сумерек осталось не больше двух часов, и в лесу царила тишина. Не считая ключа, она не чувствовала, чтобы где-то поблизости направляли *саидар*. Возможно, кто-то и использовал еще небольшие потоки Силы, но и намека не осталось на неистовую бурю, что бушевала тут раньше. Битва окончена, остальные Избранные мертвы или бежали с поля боя. Сражение, конечно, проиграно, раз отпирающий ключ по-прежнему сияет у нее в голове. Поразительно, как Чойдан Кэл выдержал столь длительное непрерывное использование, причем на таком уровне мощности.

Лежа на животе и упираясь подбородком в ладони, Могидин со своей высотки наблюдала за громадным куполом. Его уже нельзя было назвать черным. Не существовало слова, которым можно было бы описать его цвет, но черный по сравнению с ним представлялся слишком бледным. Теперь купол превратился в полушарие, вознесшееся в небо, как гора, больше чем в две мили высотой. Купол окружали плотные тени, как будто он высасывал из воздуха оставшийся свет. Могидин не понимала, почему она не боится. Эта штуковина могла разрастись и поглотить весь мир или развалить весь мир, как сказала Аран'гар. И если подобное случится, не будет безопасного места, не останется тени, где могла бы спрятаться Паучиха.

Вдруг что-то взметнулось, извиваясь, с темной гладкой поверхности купола, подобное языку пламени, если бы существовало пламя чернее черного, потом еще раз и еще, пока весь купол не вскипел адским огнем. Раздался грохот, как будто разом ударили десятки тысяч громов. Могидин зажала ладонями уши и завопила, но крик ее не был слышен в этом грохоте. И в единый миг купол сжался, схлопнулся в точку, сгинул. А потом завыл ветер, ринувшийся в сторону исчезнувшего купола, и потащил ее за собой. Могидин отчаянно, но тщетно пыталась за что-нибудь уцепиться – ветер волочил ее по каменистой земле, швырял на деревья, подбрасывал в воздух. Странно, но страха она по-прежнему не испытывала. У Могидин даже мелькнула мысль, что если она переживет сегодняшний день, она уже никогда не будет бояться.

* * *

Кадсуане разжала руки, и на землю упало то, что прежде было *тер'ангриалом*. Больше это нельзя было назвать статуэткой, изображающей женщину. Мудрое и строгое лицо уцелело, но фигурка разломилась надвое, и ее оплавившаяся сбоку поверхность стала шершавой и комковатой на ощупь, похожей на растопленный воск. Исчезла рука, державшая хрустальную сферу, а мелкие осколки самой сферы валялись вокруг уничтоженного *тер'ангриала*. Фигурка мужчины уцелела, и ее уже спрятали в седельную суму. Убрали также и *Калландор*. Подальше от соблазна. Там, где раньше был Шадар Логот, в лесу теперь зияла громадная прогалина, идеально круглая и такая широкая, что Кадсуане даже при низком, у самого горизонта, солнце видела дальний ее край, уходящий в землю.

Лан вел в поводу своего прихрамывающего черного жеребца, но, увидев Найнив, лежавшую на земле и укрытую плащом до подбородка, выронил поводья. Рядом с нею лежал юныйал'Тор,

тоже накрытый плащом, рядом с ним клубочком свернулась Мин, положив голову на грудь юноши. Глаза ее были закрыты, но, судя по слабой улыбке, она не спала. Лан взглянул на них лишь мельком, подбежал к Найнив и, рухнув на колени, нежно приподнял голову жены. Она не шевелилась, как и Ранд.

– Они просто без сознания, – сказала Стражу Кадсуане. – Кореле говорит, лучше, чтобы они сами очнулись.

Правда, Кореле затруднялась сказать, сколько времени придется ждать, пока они придут в себя. Ничего определенного не мог сказать и Дамер. Раны в боку мальчика остались как были, хотя Дамер ждал каких-то перемен. И это вызывало тревогу.

Чуть выше по холму над стонавшей Белдейн склонился лысый Аша'ман, его пальцы извивались над нею – он сплетал свое чудное Исцеление. Последний час он был очень занят. Аливия то и дело с изумлением и недоверием поглядывала на свою руку, сгибала и разгибала ее – рука только что была сломана и обожжена до кости. Сарен ходила, пошатываясь, но виной тому была только усталость. Она чуть не погибла в лесу, и от пережитого глаза ее были все еще широко раскрыты. Белые к такому не привыкли.

Не всем повезло. Верин и женщина из Морского Народа сидели возле накрытой плащом Кумиры и, беззвучно шевеля губами, возносили молитвы о ее душе, а Несан неуклюже пыталась утешить плачущую Дайгиан, которая сжимала в объятиях тело Эбена и баюкала его, как ребенка. Зеленые привыкли к такому, но Кадсуане не понравилось, что она потеряла двух человек из своего отряда, когда враг отделался так легко – несколько подпаленных Отрекшихся и один убитый изменник.

– Она чистая, – вновь негромко произнес Джахар. Теперь на камне сидела Мериса, и на ее коленях покоилась его голова. Голубые глаза Мерисы все еще были суровыми, но она ласково гладила его по волосам. – Чистая.

Кадсуане переглянулась с Мерисой. Двое – Дамер и Джахар – утверждали одно и то же: порча исчезла. Но могут ли они быть уверены, что не осталось ни капли, ни крупицы? Мериса позволила ей вступить в соединение с мальчиком, и Кадсуане не почувствовала ничего похожего на то, что описывала другая Зеленая, однако можно ли быть абсолютно уверенным? *Саидин* была настолько чуждой, что в ее безумном хаосе могло скрываться что угодно.

– Я хочу уйти отсюда, как только вернутся остальные Стражи, – объявила Кадсуане. Ее многое не устраивало – слишком много оставалось вопросов, на которые у нее не было ответов, но теперь у нее был юный ал'Тор, и она не хотела его потерять.

Пала ночь. На вершине холма ветер заметал пылью осколки того, что некогда было *тер'ангриалом*. Ниже лежала могила Шадар Логота, сулящая миру надежду. И по далекому Тремалкину начала распространяться весть, что Время Иллюзий подошло к концу.

Конец книги девятой
цикла «Колесо Времени»

Глоссарий

Замечание к датам в глоссарии. Томовский календарь (разработанный Томой дур Ахмид) был принят приблизительно два столетия спустя со времени смерти последнего мужчины Айз Седай и отмечал года после Разлома Мира (П.Р.). Многие, очень многие записи погибли во время Троллоковых Войн, и поэтому точная датировка конца войн по старой системе летосчисления оставалась предметом спора. Тиам Газарский предложил новый календарь, приняв за точку отсчета год освобождения от угрозы троллоков – Год Свободы (Г.С.). В течение двадцати лет после окончания Троллоковых Войн Газаранский календарь был признан повсеместно. Артур Ястребиное Крыло предпринял попытку ввести новый календарь, опирающийся на год основания его империи (О.О. – от Основания), но теперь этот календарь известен лишь историкам, которые на него ссылаются. После всеобщего разорения, смертей и раскола в период Войны Ста Лет Урен дин Джубай Парящая Чайка, ученый из Морского Народа, разработал третий календарь, обнародованный Панархом Фаридэ Тарабонской. Фаридовский календарь, ведущий отсчет времени от произвольно установленной даты окончания Войны Ста Лет и записывающий года Новой Эры (Н.Э.), используется и по сей день.

Аша'ман.– 1. На Древнем Языке означает «Хранитель» или «Защитник»; причем всегда – как защитник истины и справедливости. 2. Так называют себя мужчины, пришедшие в Черную Башню, которая находится в Андоре, возле Кэймлина; там они учатся направлять Силу. Это же слово используется и для обозначения у них высшего ранга. Обучаются они главным образом способам владения Единой Силой как оружием. Другая характерная черта, отличающая их подготовку от обучения в Белой Башне, – едва они овладевают умением обращаться к *саидин*, к мужской половине Силы, то все хозяйственные работы выполняются ими исключительно посредством Силы. Новички, зачисленные в Башню, получают звание солдата; они носят простые черные мундиры по андорскому образцу, с высоким воротом. Возведенные в ранг Посвященных получают право носить на вороте мундира серебряный значок в виде меча. С получением звания Аша'мана мужчина вправе прикрепить на ворот, с другой стороны от меча, красно-золотую эмалевую эмблему дракона. Многие женщины, в том числе и жены, бежали от своих мужчин, узнав, что те и в самом деле способны направлять Силу. Тем не менее немалое число мужчин из Черной Башни женаты, и с женами их объединяют узы, в чем-то похожие на узы Стражей. В последнее время теми

же самыми узами, но предусматривающими полное подчинение, Аша'маны связывают захваченных ими Айз Седай.

Балвер, Себбан – бывший секретарь Пейдрона Найола. Однако на самом деле он возглавлял шпионскую сеть главы Белоплащников. По ему одному ведомым причинам Балвер помог Моргейз бежать из Амадора от Шончан и ныне служит секретарем Перрина т'Башир Айбара и Фэйли ни Башир т'Айбара.

Возвращение.– См. *Коринне.*

Высокородные – так у Шончан называют знать. Этот титул дается по праву рождения, но также может быть и пожалован.

Да'ковале.– 1. На Древнем Наречии – «тот, кто принадлежит», или «человек, который есть собственность». 2. У Шончан данным словом, помимо собственности, часто называют рабов. В Шончан рабство имеет долгую и необычную историю; для рабов возможно добиться высокого положения, дающего громадную власть, в том числе и над свободными. См. также *со'джин*.

Дер'морат-.– 1. На Древнем Языке – «мастер-укротитель». 2. У Шончан эту приставку используют для указания на старшего и высококвалифицированного дрессировщика одного из экзотических животных, а также на того, кто обучает обращаться с ними других, как, например, *дер'морат'ракен*. *Дер'морат* могут обладать высоким общественным статусом, выше всех стоят *дер'сул'дам*, занимающиеся обучением *сул'дам*, они приравниваются к офицерам, имеющим весьма высокие ранги. См. также *морат*.

Дочери Молчания.– За долгую историю существования Белой Башни (насчитывающую свыше трех тысяч лет) нередко находились женщины, которым Башня отказывала в обучении и которые, не желая мириться со своей судьбой, пытались объединяться в различные группы. Подобные объединения – по крайней мере, большинство из них – Белая Башня разгоняла, едва узнав об их существовании. Ослушницы подвергались публичному суровому наказанию, дабы урок дошел до каждого. Женщины из последней разогнанной группы называли себя Дочерьми Молчания (794–798 гг. Н.Э.). В число Дочерей входили две изгнанные из Башни Принятые и двадцать три женщины, которых они собрали и обучили. Всех отвезли в Тар Валон и подвергли наказанию, а двадцать три были внесены в книгу послушниц. Из них получить шаль удалось только одной. См. также *Родня*.

Защитники Твердыни.– Элитное воинское формирование Тира. В настоящее время Капитаном Твердыни (командиром Защитников) является Родривар Тихера. В число Защитников набирают исключительно тайренцев, а офицерами становятся люди знатного происхождения, хотя подчас из мелких Домов или из захудалых ветвей сильных Домов. Задачей Защитников является оборо-

на громадной крепости, которая находится в столице Тира и называется Тирской Твердыней, а также защита самого города и охрана порядка – то, что в других городах обычно поручено Городской Страже или подобным ей подразделениям. За исключением военного времени, возложенные задачи редко требуют от них покидать город и его окрестности. В случае войны Защитники, как и другие элитные части, становятся ядром армии. Форма Защитников – черная куртка с пышными рукавами в черно-золотую полоску и с черными обшлагами, начищенная до зеркального блеска кираса и характерный шлем с решетчатым забралом. Капитан Твердыни носит на шлеме три коротких белых плюмажа, а на обшлагах мундира – три переплетенных золотых галуна на белой подкладке. Капитанам положены два белых пера в плюмаже и один золотой галун на белых манжетах, лейтенантов отличают один белый плюмаж и одинарный черный галун на белых манжетах. Подлейтенантов можно отличить по одному короткому черному плюмажу и белым манжетам без галунов. Знаменщики имеют обшлага золотистого цвета, а десятники – в черно-золотую полоску.

Иерархия Морского Народа. – Ата'ан Миэйр, Морским Народом, правит Госпожа Кораблей Ата'ан Миэйр. Ей помогают Ищущая Ветер при Госпоже Кораблей и Господин Клинков. Ниже стоят Госпожи Волн кланов, каждой помогают ее Ищущая Ветер и ее Господин Мечей. Ей подчиняются входящие в ее клан Госпожи Парусов (капитаны кораблей), при каждой из которых имеются свои Ищущие Ветер и Господа Трюмов. Ищущей Ветер при Госпоже Кораблей подчиняются все Ищущие Ветер клановых Госпожей Волн, которые, в свою очередь, имеют власть над Ищущими Ветер своего клана. Схожим образом, Господин Клинков властвует над всеми Господами Мечей, а тем, в свою очередь, подчиняются Господа Трюмов соответствующего клана. У Морского Народа эти звания не являются наследственными. Госпожа Кораблей избирается пожизненно Первыми Двенадцатью Ата'ан Миэйр, двенадцатью самыми старыми Госпожами Волн кланов. Госпожа Волн избирается на эту должность двенадцатью самыми старшими Госпожами Парусов ее клана, которых просто называют Первыми Двенадцатью клана. (Термин «Первые Двенадцать» также употребляется в отношении двенадцати старших Госпож Волн или Госпож Парусов, присутствующих в собрании.) Голосованием тех же самых Первых Двенадцати она может быть смещена со своего поста. Вообще-то, за исключением Госпожи Кораблей, любой может быть понижен в должности вплоть до матроса за совершение преступления, трусость или иной проступок. Кроме того, Ищущая Ветер при Госпоже Волн или Госпоже Кораблей в случае их смер-

ти по необходимости будет служить женщине более низкого ранга и, таким образом, займет должность ступенью ниже.

Искательство.– 1. Способность использовать Единую Силу для определения физического состояния человека и для распознавания болезней. 2. Способность обнаруживать рудные залежи при помощи Единой Силы. Возможно, то, что одним словом называют два совершенно разных таланта, связано с тем, что второй дар считается у Айз Седай давно утраченным.

Ишара.– Первая королева Андора (ок. 994 – 1020 Г.С.). По смерти Артура Ястребиное Крыло Ишара убедила своего мужа, одного из выдающихся полководцев Ястребиного Крыла, снять осаду Тар Валона и сопровождать ее в Кэймлин с как можно большим числом солдат. В то время как другие, пытаясь захватить всю империю Ястребиного Крыла, потерпели неудачу, Ишара взяла под свою руку ее небольшую часть и преуспела. Ныне почти каждый из знатных андорских Домов считает себя в родстве с Ишарой, а значит, вправе претендовать на Львиный Трон – как прямой наследник и благодаря многочисленным родственным связям, которые при желании возможно установить.

Капитан Копий.– В большинстве стран знатные дамы обычно не возглавляют своих дружинников в битве. Вместо этого они нанимают профессионального солдата, почти всегда происхождением простолюдина, который отвечает за подготовку бойцов и командует ими. В разных странах такого человека могут называть Капитаном Копий, Меч-Капитаном, Предводителем Конницы или Господином Копий. Часто ходят слухи, возможно неизбежные, о весьма близких отношениях между леди и ее слугой. Иногда они соответствуют истине.

Коринне. – На Древнем Языке – «Возвращение». Так Шончан называют как флот из тысяч кораблей, так и отправленных на этих кораблях сотни тысяч солдат, ремесленников и т.д. Они должны прийти вслед за Предвестниками, чтобы заявить свои права на земли, украденные у наследников Артура Ястребиное Крыло. См. также *Предвестники*.

Легион Дракона.– Крупное воинское формирование, целиком состоящее из пехоты. Все, кто в него входят, принесли обет верности Дракону Возрожденному. Обучением их занимался Даврам Башир, по плану, разработанному совместно с Мэтом Коутоном и кардинально отличающемуся от плана обычной подготовки пехотинца. Многие записывались в Легион добровольцами, но значительное число легионеров набрано рекрутскими командами из Черной Башни. Вербовщики сначала собирали мужчин, желающих последовать за Возрожденным Драконом, а потом, доставив их через врата в район Кэймлина, отсеивали тех, кого можно

было обучить направлять Силу. Остальных, которых было гораздо больше, направляли в учебные лагеря Башира.

Марат'дамани.– На Древнем Языке – «те, кто должен быть обуздан», или «тот, кто должен быть обуздан». Так Шончан называют способных направлять Силу женщин, которым еще не надели ошейник *дамани*.

Мера'дин.– На Древнем Языке – «Безродные». Такое название, в качестве названия воинского сообщества, приняли те айильцы, которые оставили свои кланы и септы и ушли вместе с Шайдо, потому что не смогли принять мокроземца Ранда ал'Тора в качестве *Кар'а'карна* или потому что отказались принять откровение об истории и происхождении Айил. Бросить свой клан и септ, по какой бы то ни было причине, для айильцев – страшный грех, и отщепенцев отказались принять воинские сообщества, к которым они принадлежали. Поэтому они и создали свое сообщество, Безродных.

Морат-.– На Древнем Языке – «дрессировщик». У Шончан этим словом называют тех, кто занимается экзотичными животными, например *морат'ракен,* то есть дрессировщик или наездник *ракена*. Так еще в просторечии называют летунов. См. также *дер'морат*.

Мудрая Женщина. – Так уважительно называют в Эбу Дар женщин, известных благодаря своим невероятным способностям излечивать любые раны. Традиционно их отличает красный пояс. Хотя кое-кто замечал, что среди эбударских Мудрых Женщин очень немного, а на самом деле крайне мало, уроженок Алтары, не говоря уж о самом Эбу Дар, но только недавно стало известно, да и ныне об этом знают очень немногие, что все Мудрые Женщины входят в Родню и используют различные варианты Исцеления, а травы и всякие снадобья больным дают лишь для вида. После бегства Родни из Эбу Дар, когда столицу Алтары захватили Шончан, в городе не осталось ни одной Мудрой Женщины. См. также *Родня*.

Небесные Кулаки.– Легковооруженная шончанская пехота, к месту боя ее доставляют на своих спинах летающие создания, называющиеся *то'ракенами*. Все они низкорослы, и мужчины, и женщины, потому что вес, который может перенести на определенное расстояние *то'ракен*, ограничен. Небесные Кулаки считаются одними из самых подготовленных солдат, их используют главным образом для набегов, вылазок, засад, неожиданных ударов в тыл вражеских позиций, а также в тех случаях, когда важно быстро перебросить войска.

Объединение.– Когда посланные Артуром Ястребиное Крыло армии, которыми командовал его сын Лютейр, высадились в

Шончан, то обнаружили там много мелких воюющих друг с другом государств, причем во главе их подчас стояли Айз Седай. Здесь не было ничего похожего на Белую Башню, и каждая Айз Седай стремилась установить свою власть, используя для этого Силу. Объединяясь в маленькие группки, они постоянно плели интриги друг против друга. Главным образом, именно эти беспрерывные интриги, преследующие личные цели, и бесконечные войны, в которые подобные козни ввергли множество государств, позволили армиям, явившимся с востока, из-за Океана Арит, начать завоевание всего континента. Это завоевание, которое завершили наследники высадившихся в Шончан армий, превратившись сами в народ Шончан, заняло более девятисот лет и получило название Объединения.

Объединяющий Круг.– Главы Родни. Поскольку никому из Родни не было известно, как определяют старшинство между собой Айз Седай – в знание этого Принятую посвящают только после прохождения ею испытания на шаль, – в Родне наибольшее значение придается возрасту, и старшая по возрасту стоит выше той, что моложе. Таким образом, в Объединяющий Круг (название, как и в случае с Родней, выбрано потому, что звучит вполне невинно) входят тринадцать самых старших по возрасту женщин, живущих в Эбу Дар, а старейшая из них носит звание Старшей. Согласно правилам, со временем, покидая город, полагается уходить с поста, но до тех пор, пока главы Родни живут в Эбу Дар, они пользуются такой властью, которой могли бы позавидовать и те женщины, которые занимают Престол Амерлин. См. также *Родня*.

Отрекшийся – прозвище, данное тринадцати самым могущественным Айз Седай, и мужчинам, и женщинам, которые в Эпоху Легенд переметнулись на сторону Тени и оказались в ловушке, когда Скважина в узилище Темного была запечатана. Хотя издавна повелось считать, будто в Войну Тени лишь они одни покинули Свет, на деле были и другие; эти тринадцать занимали среди них наиболее высокое положение. Отрекшиеся (которые себя называют Избранными) после своего появления в настоящие дни несколько уменьшились в числе. Из уцелевших известны Демандред, Семираг, Грендаль, Месана, Могидин, еще двое были воплощены в новых телах. Последним дали имена Осан’гар и Аран’гар. Совсем недавно появился мужчина, который называет себя Моридин, и, возможно, из мертвых восстал еще один Отрекшийся, возвращенный Темным из могилы. Возможно, так же обстоит дело и с женщиной, называющей себя Синдани, но поскольку Аран’гар – мужчина, возрожденный в женском теле, догадки о том, кто такие Моридин и Синдани на самом деле, могут оказаться тщетными, пока не станет известно больше.

Предвестники.– См. *Хайлине.*

Пророк – или более точно – Пророк Лорда Дракона. Некогда был известен как Масима Дагар, в прошлом шайнарский солдат. На него снизошло откровение, и он решил, что призван распространять слово о том, что Дракон Возрожденный вновь появился в мире. Он верит, что нет ничего – ничего! – более важного, чем признание Дракона Возрожденного воплощением Света, и что каждый должен откликнуться на призыв Дракона Возрожденного. Вместе со своими последователями он готов применить любые средства, дабы заставить остальных воздать славу Возрожденному Дракону. Отказавшись от всех имен, за исключением Пророка, он вверг в хаос большую часть Гэалдана и Амадиции, едва ли не половина территории которых оказалась в его власти.

Родня.– Даже во время Троллоковых Войн, более двух тысячелетий назад (около 1000–1350 гг. П.Р.), Белая Башня продолжала придерживаться своих требований и отказывала в обучении женщинам, которые им не соответствовали. Одна группа таких женщин, страшась возвращаться по домам, когда в мире кипела война, бежала в Барашту (рядом ныне расположен Эбу Дар), как можно дальше от полей сражений. Назвав себя Родней, они скрывались сами и предлагали убежище тем, кого не допустили в Башню. Со временем, через женщин, которых Башня отказалась принять, Родня вышла на беглянок и по какой-то, в точности неизвестной, причине начала также принимать и их. Они прилагали огромные усилия, чтобы эти девушки ничего не узнали о Родне, пока не станет ясно, что Айз Седай не вернут их. В конце концов, всем известно, что рано или поздно беглянок ловят, и Родня понимала, что если не хранить тайну, то их самих строго накажут.

Но Родня не знала, что Айз Седай в Башне были осведомлены о существовании такой группы едва ли не с самого начала, но военные действия не оставляли времени, чтобы Башня занялась ею. К концу войны Башня поняла, что, возможно, не в ее интересах расправляться с Родней. В то время большинству беглянок, вопреки пропагандистским заявлениям Башни, действительно удавалось скрыться, но поскольку Родня стала оказывать им помощь, то в Башне точно знали, куда направляются беглянки, и начали с тех пор возвращать девять из десяти сбежавших. Женщины Родни не оставались постоянно в Бараште (а впоследствии – в Эбу Дар), а то появлялись там, то покидали город, стараясь скрыть свое существование и численность; они не жили на одном месте больше десяти лет кряду, дабы кто-нибудь не заметил, что они не стареют. Поэтому в Башне считали, что число Родни невелико и что эти женщины стараются вести незаметный образ жиз-

ни. И для того чтобы Родня оставалась приманкой в западне для беглянок, Башня решила оставить Родню в покое, в отличие от прочих, подобных Родне групп, которых за историю Башни было несколько. Само же существование Родни стало секретом, известным лишь полноправным Айз Седай.

Законов у Родни нет, скорее, они подчиняются правилам, основанным отчасти на правилах для послушниц и Принятых Белой Башни. Свою роль в установлении правил сыграла и необходимость сохранения тайны. И правила свои женщины Родни соблюдали строго, что неудивительно, если принять во внимание историю возникновения их сообщества.

При непосредственном контакте между Айз Седай и Родней, контакте, о котором известно очень немногим сестрам, открылось немало фактов, потрясших обе стороны. Например, то обстоятельство, что численностью Родня вдвое превышает Айз Седай, а также то, что некоторые женщины из Родни прожили на сотню лет больше, чем кто-либо Айз Седай со времен Троллоковых Войн. Пока еще никто не знает, как подобные открытия скажутся и на Айз Седай, и на Родне.

Сей'мосив.– На Древнем Языке – «опущенные глаза», или «потупленный взор». У Шончан сказать, что кто-то стал *сей'мосив,* означает, что этот человек «потерял лицо». См. также *сей'тайр*.

Сей'тайр.– На Древнем Языке – «открытые глаза», или «прямой взгляд». У Шончан это выражение употребляется для обозначения способности спокойно встретить чей-либо взгляд; возможно употребление этого выражения относительно чести. Возможно «быть» или «иметь» *сей'тайр* – это значит, что у кого-то есть честь. Также возможно «приобрести» или «потерять» *сей'тайр*. См. также *сей'мосив*.

Со'джин.– Наиболее близко с Древнего Языка можно перевести как «высота среди низины», хотя некоторые переводы, среди прочих, допускают истолкование «и небо, и долина». Словом *со'джин* у Шончан называют слуг высших рангов, это звание передается по наследству. Они – *да'ковале,* собственность, но могут занимать важные должности и наделены определенной властью. Даже Высокородные ведут себя осторожно с *со'джин* императорской семьи и с *со'джин* самой Императрицы разговаривают как с равными. См. также *Высокородные, да'ковале*.

Спутники.– Элитное воинское формирование Иллиана, которым в настоящее время командует Первый Капитан Деметр Марколин. Спутники являются телохранителями короля Иллиана и охраняют ключевые пункты страны. Кроме того, традиционно Спутников в сражении используют для прорыва наиболее укрепленных позиций противника, для развития успеха в наступлении

и, при необходимости, для того, чтобы прикрыть отступление короля. В отличие от большинства других сходных элитных подразделений, чужеземцам (за исключением тайренцев, алтаранцев и мурандийцев) не только открыт доступ в число Спутников, но и любой из них может дослужиться до самых высоких званий, будь он даже простолюдином. Форма Спутников состоит из зеленого мундира, кирасы с изображением Девяти Пчел Иллиана и конического шлема с решетчатым забралом. Первый Капитан носит знаки различия в виде четырех колец из золотого галуна на обшлагах и золотого плюмажа из трех тонких перьев на шлеме. На обшлагах мундира Второго Капитана – три кольца из золотого галуна, а кончики трех золотых перьев его плюмажа окрашены в зеленый цвет. Лейтенантам положены по два желтых кольца и плюмаж из трех тонких зеленых перьев; подлейтенантам – одно желтое кольцо на обшлаге и одно зеленое перо. На рукавах у знаменщиков – два незамкнутых желтых кольца, а шлем украшен желтым плюмажем из одного пера, у десятников на обшлагах одно такое кольцо.

Стражи Последнего Часа.– Элитное воинское формирование Шончанской Империи, включающее в себя как людей, так и огир. Все люди в Страже Последнего Часа – *да'ковале,* находящиеся в собственности от рождения и выбранные в юности для службы Императрице, чьей личной собственностью они являются. Фанатично ей преданные и гордые своей судьбой, они часто выставляют на всеобщее обозрение вытатуированных на плечах воронов – знак *да'ковале* Императрицы. Их шлемы и доспехи покрыты темно-зеленым и кроваво-красным лаком, щиты выкрашены черным лаком, а копья и мечи украшены черными кистями. См. также *да'ковале*.

Фейн, Падан. – В прошлом – Приспешник Темного, теперь нечто гораздо более худшее, чем Друг Темного. К Отрекшимся он питает не меньшую враждебность, чем к Ранду ал'Тору, ненависть к которому превратилась у него в манию. Когда его видели в последний раз, он называл себя Джераалом Мордетом и выступал в качестве советника лорда Торама Райатина, поднявшего в Кайриэне восстание против Дракона Возрожденного.

Хайлине.– На Древнем Языке – «Предвестники», или «Те, Кто Приходят Раньше». Этим словом Шончан назвали крупный экспедиционный корпус, отправленный через Океан Арит на разведку тех земель, где некогда правил Артур Ястребиное Крыло. Теперь ими командует Верховная Леди Сюрот, а численность их возросла за счет набора рекрутов в завоеванных странах, и цели, которые ныне преследуют Хайлине, далеки от первоначальных.

Ханлон, Давед.– Приспешник Темного, в прошлом командир Белых Львов, служивших Отрекшемуся Равину, когда тот под именем лорда Гейбрила удерживал Кэймлин. Оттуда Ханлон повел Белых Львов в Кайриэн, имея приказ в дальнейшем поднять мятеж против Возрожденного Дракона. Белые Львы были уничтожены «пузырем зла», и Ханлону велели вернуться в Кэймлин, с какой целью – пока неизвестно.

Ча Фэйли.– 1. На Древнем Языке – «Соколиный коготь». 2. Название, принятое группой молодых кайриэнцев и тайренцев, которые пытаются следовать *джи'и'тох*. Они дали клятву верности Фэйли ни Башир т'Айбара. Втайне они выступают в качестве ее личных разведчиков и шпионов.

Шен ан Калхар. – На Древнем Языке – «Отряд Красной Руки». 1. Легендарная группа героев, совершивших множество подвигов и в конце концов погибших при обороне Манетерен, когда во время Троллоковых Войн эта страна была уничтожена. 2. Воинская часть, которую почти случайно собрал под своим командованием Мэт Коутон. В качестве образца для ее формирования взята организационно-тактическая структура войск времен Артура Ястребиное Крыло и предшествующих веков, считающихся эпохой наивысшего расцвета военного искусства.